ПК
15
Л-27
Латкин В.Н.
Лекции по истории
русского права
Спб., 1912

ГИК
15
Л27

На правахъ рукописи.

ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА,

читанныя въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Училищѣ Правовѣдѣнія Профессоромъ В. Н. Латкинымъ.

30712

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С.-Петербургской одиночной тюрьмы.
1912.

Печатано съ разрѣшенія Г. Директора ИМПЕРАТОРСКАГО Училища Правовѣдѣнія ген.-м. *Мищевича* отъ 28 Ноября 1911 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
703341

ВВЕДЕНІЕ.

Задача исторіи права вообще есть научная разработка юридическаго быта извѣстнаго народа въ его историческомъ развитіи. Поэтому цѣль подобной разработки заключается въ раскрытіи законовъ, регулирующихъ юридическую жизнь извѣстнаго народа, т. е. управляющихъ постепеннымъ развитіемъ правовыхъ нормъ съ одной стороны и формъ ихъ выраженія и осуществленія—съ другой. Такимъ образомъ, задача науки исторіи русскаго права, по самому своему существу, состоитъ въ раскрытіи: во-первыхъ, *формъ*, въ которыхъ юридическія нормы и институты выражались и осуществлялись въ Россіи въ продолженіе ея историческаго существованія и, во-вторыхъ, *сущности, содержанія* и *основныхъ началъ* самыхъ юридическихъ нормъ и институтовъ. Изъ этого двойственнаго характера задачи науки исторіи русскаго права логически слѣдуетъ распаденіе послѣдней какъ бы на двѣ науки: исторію *внѣшнюю* или исторію законодательныхъ памятниковъ и исторію *внутреннюю* или исторію юридическихъ нормъ и институтовъ. Первая показываетъ причины появленія законодательныхъ памятниковъ—мотивы и цѣли, руководившіе законодателемъ при изданіи послѣднихъ, затѣмъ элементы, легшіе въ основаніе памятниковъ или ихъ источники, внѣшній составъ и содержаніе памятниковъ и, наконецъ, ихъ соотношеніе съ другими какъ предшествующими имъ, такъ и послѣдующими за ними памятниками, т. е. общее значеніе каждаго памятника въ цѣлой системѣ современнаго ему законодательства.

Внутренняя исторія права занимается раскрытіемъ законовъ, регулирующихъ постепенное развитіе юридическихъ нормъ и институтовъ. Поэтому въ ея задачу входитъ изученіе сущности, содержанія и основныхъ началъ, а также внутренной связи и послѣдовательности такихъ нормъ какъ по отдѣльнымъ памятникамъ, такъ и по эпохамъ развитія законодательства.

Изъ опредѣленія внѣшней и внутренней исторіи права выте-

каетъ ихъ соотношеніе. Разработка памятниковъ, какъ извѣстно, главная цѣль внѣшней исторіи только подготовляетъ изученіе исторіи отдѣльныхъ отраслей права. Всестороннее изученіе внутренней исторіи возможно только послѣ основательной критической оцѣнки законодательныхъ памятниковъ по ихъ формѣ и содержанію. Вотъ почему въ большинствѣ учебниковъ исторіи русскаго права изложеніе внѣшней исторіи предшествуетъ изложенію внутренней, такъ какъ объ исторіи отдѣльныхъ постановленій памятниковъ, само собою разумѣется, нельзя говорить безъ предварительнаго ознакомленія съ самими памятниками. Такимъ образомъ, внѣшняя исторія права, изучая отдѣльные источники права, этимъ самымъ работаетъ, такъ сказать, для очистки матеріала, оперированіе надъ которымъ составляетъ функцію внутренней исторіи.

Въ виду того, что наука исторіи права имѣетъ дѣло съ законами развитія юридическаго быта извѣстнаго народа, необходимо изучать ее по отдѣльнымъ періодамъ, въ которыхъ отразилась послѣдовательность этого развитія. Основаніемъ дѣленія исторіи извѣстнаго народа на періоды являются внутреннія отличительныя свойства каждаго періода, тѣ присущія ему особенности и специфическія черты, которыя отличаютъ одинъ періодъ отъ другого.

Изучая историческое развитіе юридической жизни русскаго народа, мы замѣчаемъ, что она прошла черезъ три періода, а именно: удѣльно-вѣчевой, періодъ Московскаго государства и періодъ имперіи. По этимъ періодамъ мы и будемъ изучать исторію юридическаго и общественнаго быта Россіи.

Удѣльно-вѣчевой періодъ.

Внѣшняя исторія.

Обычное право.

Одна изъ особенностей удѣльно-вѣчевого періода, это—господство обычнаго права, являющагося тѣмъ юридическимъ базисомъ, на которомъ зиждется весь строй политическихъ и общественныхъ отношеній древней Руси. Благодаря такому значенію обычая, законъ въ качествѣ источника права, игралъ вполнѣ второстепенную роль. Въ этомъ удѣльно-вѣчевой періодъ представляетъ полную противоположность съ нашимъ временемъ, когда законъ занимаетъ первое мѣсто и обычныя нормы, несогласныя съ нимъ, считаются недѣйствительными и, въ силу этого, неподлежащими исполненію.

При изученіи обычая, какъ источника права, является вопросъ, кто его установилъ, кѣмъ выработаны его нормы? Нѣкоторые ученые полагаютъ, что обычное право установлено болѣе или менѣе авторитетными лицами и получило обязательную силу, благодаря выдающемуся положенію его составителей и тому уваженію, съ которымъ къ нимъ относился народъ. Но теперь это мнѣніе оставлено, чему значительно способствовало изученіе современнаго быта людей, находящихся въ примитивномъ состояніи.

Въ настоящее время держатся другого мнѣнія, а именно: полагаютъ, что опредѣлить время и способъ возникновенія обычнаго права весьма трудно, въ виду того, что оно не есть продуктъ дѣятельности какихъ-либо отдѣльныхъ личностей, но всего народа въ теченіе долгой исторической жизни послѣдняго. Несмотря, однако, на подобную неизвѣстность происхожденія, обычное право имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ нормы его

считаются обязательными, вслѣдствіе признанія ихъ таковыми со стороны всего народа.

Изучая обычай, прежде всего необходимо обратить вниманіе на его, такъ сказать, партикуляристскій характеръ. Это значитъ, что нѣтъ обязательной для всѣхъ обычной нормы на всемъ пространствѣ территоріи, населенной извѣстнымъ народомъ; она имѣетъ силу дѣйствующаго права въ опредѣленномъ только мѣстѣ и притомъ сравнительно небольшого объема. „Имяху каждый свой нравъ“, говоритъ лѣтописецъ, характеризуя древнихъ русскихъ. „Поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ“, напротивъ, другія (тоже русскія) племена, „живяку звѣринскимъ образомъ.... въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь“. Такимъ образомъ, по свидѣтельству нашей первоначальной лѣтописи, въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ племенъ древней Руси существовали разные обычаи. То же самое мы встрѣчаемъ и теперь у нашихъ крестьянъ.

Обычай носилъ у древнихъ русскихъ самыя разнообразныя названія. Его называютъ то обычаемъ, то закономъ, то покономъ, то пошлиной, то стариной. Всѣ эти названія ясно указываютъ на существо обычая. Такъ, слово „обычай“ происходитъ отъ глагола обыкнуть, т. е. привыкнуть и означаетъ правило, къ которому всѣ привыкли. Названіе „пошлина“ указываетъ на давность происхожденія обычая, онъ какъ бы „пошелъ“ съ давняго времени, на что также указываетъ и другое его названіе „старина“.

Обычай выражался въ самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ формахъ, напр.: въ формѣ юридическихъ дѣйствій, когда одинъ и тотъ же юридическій актъ совершался постоянно одинаковымъ образомъ; въ формѣ письменныхъ актовъ, куда должны быть отнесены судебные приговоры и законодательные памятники (напр., Русская Правда); въ формѣ символовъ и обрядовъ (напр., рукобитіе при заключеніи договоровъ, врученіе юношѣ меча при наступленіи совершеннолѣтія и т. п.) и, наконецъ, въ формѣ пословицъ (напр., „молодой на битву, а старый на думу“, „на одномъ вѣчѣ да не однѣ рѣчи“, „мужъ крѣпокъ по женѣ, а жена крѣпка по мужу“ и т. п.

Древніе русскіе смотрѣли на обычай, какъ на норму божественнаго происхожденія, какъ на священное правило. „Такъ

жили наши отцы и дѣды, такъ и мы должны жить", „что старѣе, то правѣе", говорили они. При такой точкѣ зрѣнія на обычай дѣлается вполнѣ понятнымъ тотъ консерватизмъ, который присущъ обычному праву: всѣ измѣненія его происходили понемногу и въ продолженіе долгаго времени.

Договоры.

Вторымъ источникомъ русскаго права разсматриваемаго періода являются договоры. Они имѣютъ вполнѣ законодательный характеръ, такъ какъ опредѣляютъ тѣ стороны юридическаго быта народа, которыя не нашли своего опредѣленія въ обычномъ правѣ или по поводу которыхъ обычное право заключаетъ въ себѣ нѣсколько различныхъ опредѣленій, несогласованныхъ между собою. Само собою разумѣется, что въ составъ содержанія договоровъ входили также и нормы обычнаго права.

Виды договоровъ были слѣдующіе:

А. Международные.

Къ этой категоріи относятся договоры русскихъ князей съ иноземными государствами, а именно: договоры съ греками и съ нѣмцами.

Договоровъ съ греками было *четыре*. Первый относится къ 907 г. и заключенъ послѣ похода Олега на Византію. Онъ не дошелъ до насъ въ подлинникѣ, а лишь въ пересказѣ лѣтописца, вслѣдствіе чего нѣкоторые ученые сомнѣваются въ его существованіи. Однако, едва ли подобное сомнѣніе правильно, такъ какъ, отрицая фактъ заключенія названнаго договора, т. е. относясь недовѣрчиво къ разсказу лѣтописца, пришлось бы также недовѣрчиво отнестись и ко многимъ остальнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ лѣтописью. При отсутствіи книгопечатанія въ древней Руси, фактъ потери подобнаго памятника весьма возможенъ, но отсюда еще нельзя дѣлать заключеніе о несуществованіи самаго памятника. Содержаніе договора состоитъ: 1) въ изложеніи условій заключенія міра между русскими и греками и 2) въ опредѣленіи юридическаго положенія русскихъ въ Византіи.

Второй договоръ относится къ 911 г. Онъ гораздо полнѣе

перваго договора опредѣляетъ юридическое положеніе русскихъ въ Византійской имперіи и содержитъ въ себѣ не мало постановленій, относящихся къ гражданскому и уголовному праву. Третій договоръ заключенъ Игоремъ въ 945 г. послѣ довольно неудачнаго похода названнаго князя на Византію. Договоръ содержитъ въ себѣ подтвержденіе прежнихъ правъ русскихъ, кромѣ нѣкоторыхъ ограниченій послѣднихъ, введенныхъ въ него греками. Наконецъ, четвертый договоръ, заключенный Святославомъ въ 947 году, содержитъ въ себѣ обязательство со стороны русскаго князя не воевать съ греками и оказывать имъ помощь въ войнахъ съ другими народами.

Изучая договоры, прежде всего приходится разрѣшить вопросъ о пространствѣ ихъ дѣйствія. Нѣкоторые ученые, напр., проф., Владимірскій-Будановъ, думаютъ, что договоры дѣйствовали какъ въ Византіи, такъ и въ Россіи. Другіе же, напр., проф. Сергѣевичъ, ограничиваютъ пространство дѣйствія ихъ одной Византіей. Послѣднее мнѣніе основывается на толкованіи нѣкоторыхъ статей договоровъ и на анализѣ обстоятельствъ того времени. Мы знаемъ, что до принятія христіанства въ Россіи грековъ почти не было, между тѣмъ, какъ русскіе ѣздили очень часто въ Византію, ведя обширную торговлю съ послѣдней; кромѣ того, всѣ договоры говорятъ исключительно о русскихъ, живущихъ въ Византіи, а не въ Россіи. Правда, въ договорѣ 945 года есть статья (3-ья), которая при неправильномъ толкованіи можетъ служить доказательствомъ въ пользу мнѣнія о дѣйствіи договоровъ также и въ Россіи. Текстъ этой статьи слѣдующій: „Аще ускочитъ челядинъ отъ Руси, понеже придутъ въ страну царствія нашего, и отъ святаго Мамы аще будетъ, да поимутъ и“. Проф. Владимірскій-Будановъ переводитъ эту статью слѣдующимъ образомъ: „если челядинъ (Руссъ) убѣжитъ изъ Руси и придетъ въ Греческое царство или убѣжитъ отъ св. Мамы, то, если найдутъ его, пусть возьмутъ“ (Христоматія по истор. рус. пр., стр. 130). Между тѣмъ подобный переводъ совершенно несогласенъ съ подлинникомъ, такъ какъ игнорируетъ слово „понеже“, вслѣдствіе чего и получается извращеніе смысла статьи. Принявъ во вниманіе это слово, мы получимъ

слѣдующій переводъ: „если челядинъ убѣжитъ отъ русскихъ, *такъ какъ* они приходятъ въ страну царства нашего и окажется, что онъ дѣйствительно убѣжалъ отъ св. Мамы (мѣсто стоянки русскихъ), то его должно выдать русскимъ". Это чтеніе, предложенное проф. Сергѣевичемъ, вполнѣ правильно и, благодаря ему, мы видимъ, что статья предназначена для дѣйствія только въ предѣлахъ Византіи, что и понятно, разъ констатированъ фактъ отсутствія грековъ на Руси въ эпоху, современную договорамъ.

Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду только тѣ статьи, которыя относятся къ праву гражданскому и уголовному; постановленія же публичнаго права дѣйствуютъ одинаково въ Россіи и Греціи, напр., статьи объ условіяхъ заключенія мира и о помощи, которую должны оказывать русскіе грекамъ, конечно, обязательны для обѣихъ сторонъ и въ предѣлахъ обоихъ государствъ, но такихъ статей сравнительно немного.

При анализѣ содержанія договоровъ, необходимо еще разрѣшить другой вопросъ, а именно, какое право заключается въ нихъ русское или византійское? Сравнивая правовыя начала договоровъ съ правомъ русскимъ и византійскимъ, мы должны притти къ тому заключенію, что они содержатъ въ себѣ постановленія того и другого права и, сверхъ того, еще постановленія, имѣющія характеръ компромисса между столь разнорѣчивыми системами правъ, какъ русское обычное и византійское, являющееся дальнѣйшимъ развитіемъ римскаго права.

Хотя договоры и не дѣйствовали въ предѣлахъ Россіи, но будучи хорошо извѣстны многимъ русскимъ, ведшимъ торговлю съ Византіей, а также благодаря существовавшему переводу ихъ на русскій языкъ, они должны были оказать извѣстное вліяніе на русскій юридическій бытъ, введя въ него новыя правовыя начала, заимствованныя изъ греко-римскаго права. Съ другой стороны, благодаря договорамъ, русское право впервые было выражено въ письменной формѣ.

Кромѣ договоровъ съ-греками, древніе русскіе входили также въ договорныя отношенія и съ нѣмцами, въ виду болѣе или менѣе тѣснаго общенія, установившагося между Русью и многими нѣмецкими городами, а также Ливоніей въ интересахъ

главнымъ образомъ, торговли. Такихъ договоровъ не мало и всѣ они до нѣкоторой степени служили проводниками къ намъ нѣмецкихъ правовыхъ началъ.

Б. Междукняжескіе договоры.

Вторымъ видомъ договоровъ были договоры междукняжескіе. Они заключались, вслѣдствіе раздробленности Руси на множество княженій, бывшихъ вполнѣ независимыми другъ отъ друга и, въ силу этого, нуждавшихся въ урегулированіи своихъ взаимныхъ отношеній. Договоры назывались рядами, цѣлованіями и докончаніями.

Форма ихъ была слѣдующая: 1) введеніе, 2) содержаніе и 3) заключеніе. Введеніе начинается обыкновенно такими словами: „се князь.... съ своею братьею молодшею со княземъ.... и со княземъ.. цѣловали есми межи собе крестъ“. Затѣмъ слѣдуетъ самое содержаніе договора, раздѣленное на статьи (хотя безъ нумераціи). Наконецъ, договоръ заканчивается особымъ заключеніемъ, т. е. скрѣпленіемъ его крестнымъ цѣлованіемъ, выражающимся въ слѣдующей формѣ: „на семъ на все цѣловали есми крестъ межи собе по любви въ правду“. Обыкновенно къ договору привѣшивалась печать и затѣмъ съ него снималась копія. Кромѣ того, обѣ стороны обмѣнивались подлинниками договоровъ, для чего они писались въ двухъ экземплярахъ.

Содержаніе договоровъ самое разнообразное и относится преимущественно къ сферѣ государственнаго права, такъ: князья заключаютъ миръ, хлопочутъ о правахъ для своихъ служилыхъ людей и купцовъ, обезпечиваютъ независимость своихъ княженій, устанавливаютъ правила выдачи преступниковъ, обязуются оказывать другъ другу военную помощь и т. п.

В. Договоры князей съ городами.

Третій видъ договоровъ, это — договоры князей съ городами. До насъ дошли только договоры, заключенные Новгородомъ съ князьями (ихъ всѣхъ 20). Древнѣйшій изъ нихъ отно-

ится къ 1265 году, но было бы ошибочно утверждать, что раньше этого года договоры не заключались, такъ какъ въ этомъ же первомъ договорѣ дѣлаются ссылки на обычай новгородцевъ вступать въ договорныя отношенія съ князьями. Въ немъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ такую фразу: „тако, княже, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, отъ твоихъ и нашихъ“, т. е. обычай заключать договоры между Новгородомъ и княземъ есть обычай стародавній.

Мнѣніе о существованіи подобныхъ договоровъ раньше упомянутаго договора 1265 г. подтверждается еще тѣмъ, что въ лѣтописи подъ 1218 г., при извѣстіи о цѣлованіи креста князем, встрѣчается слѣдующая фраза: „ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити“, фраза, повторяющаяся впослѣдствіи во всѣхъ договорахъ. Такимъ образомъ, нужно думать, что уже въ 1218 г. князь, цѣлуя крестъ новгородцамъ, вступилъ съ ними въ извѣстное договорное отношеніе.

Внѣшняя форма договоровъ разсматриваемаго вида вполнѣ аналогична съ внѣшней формой междукняжескихъ договоровъ.

Княжескіе уставы.

Третьимъ источникомъ русскаго права являются княжескіе уставы.

Уже вскорѣ послѣ принятія христіанства началась уставная дѣятельность князей. Такъ, лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ Св. „съ новыми отцы нашими епископы снимаяся часто, совѣщашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ.... законъ установити“. Тотъ же князь, по словамъ лѣтописи, думалъ и съ дружиною „объ уставѣ земленѣмъ“. Продуктами подобной законодательной дѣятельности князей являются церковные уставы, изъ которыхъ болѣе важные, это—уставы Владиміра Св. и Ярослава.

Содержаніе ихъ исчерпывается опредѣленіемъ юрисдикціи церковныхъ судовъ и постановленіями, касающимися десятины и преступленій противъ церкви, правъ семейства и нравственности, подлежавшихъ вѣдѣнію церковныхъ судовъ.

Историческая критика, изслѣдуя названные уставы, повергла

сомнѣнію фактъ ихъ составленія двумя упомянутыми выше князьями, не представя, однако, въ подтвержденіе такого своего мнѣнія достаточно вѣскихъ доказательствъ. Вполнѣ возможно, впрочемъ, что уставы въ цѣломъ видѣ—не продуктъ законодательной дѣятельности только двухъ указанныхъ князей, но что въ нихъ внесены также и постановленія болѣе поздняго времени.

Разсматриваемые памятники сослужили роль проводниковъ къ намъ византійскаго права, бывшаго ихъ главнымъ источникомъ.

Византійское право.

Византійское право, какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ нами законодательныхъ памятниковъ, играло весьма важную роль въ качествѣ источника нашего права, въ виду чего необходимо нѣсколько остановиться на немъ.

Какъ извѣстно, въ Византійской имперіи церковь пользовалась большой дозой самостоятельности въ области законодательства. Правда, предметомъ послѣдняго являлись церковныя дѣла, но, въ виду отсутствія твердой границы между компетенціей церкви и государства, сплошь да рядомъ случалось, что какъ церковь, такъ и государство разрѣшали одни и тѣ же законодательные вопросы. Вслѣдствіе подобнаго порядка вещей, уже въ VI ст. появилась потребность въ законодательныхъ сборникахъ, вмѣщающихъ въ себѣ какъ церковныя, такъ и свѣтскія постановленія, размѣщенныя въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ. Удовлетворителемъ этой потребности явился Іоаннъ Схоластикъ, бывшій впослѣдствіи константинопольскимъ патріархомъ. Онъ составилъ систематическій сборникъ церковныхъ и государственныхъ постановленій по церковнымъ дѣламъ, изложенныхъ параллельно другъ съ другомъ. Это собраніе, раздѣленное на 50 титуловъ, получило названіе Номоканона (отъ nomos и kanon, т. е. законъ государственный и законъ церковный), вслѣдствіе смѣшаннаго состава своихъ постановленій. Въ VI же столѣтіи появилось и другое собраніе такого же рода, получившее названіе Номоканона въ 14-ти титулахъ (авторъ его не извѣстенъ). Три столѣтія спустя, вслѣдствіе крайне размножившагося законодательнаго матеріала, патріархъ Фотій снова былъ вынужденъ

предпринять новый кодификаціонный трудъ, въ основу котораго онъ положилъ Номоканонъ въ 14-ти титулахъ. Названный трудъ былъ оконченъ въ 883 г. и долгое время послѣ того пользовался большимъ уваженіемъ, будучи употребляемъ практиками и исправляемъ и комментируемъ учеными.

Въ Россію со времени принятія ею христіанства вмѣстѣ съ остальными греческими церковно-служебными книгами проникли и Номоканоны, получившіе у насъ названіе Кормчихъ книгъ. Въ концѣ XIII ст. появляются два списка Кормчихъ: софійскій и рязанскій, при чемъ въ первомъ встрѣчаются также и чисто русскія постановленія, напр., статьи изъ церковныхъ уставовъ, Русской Правды и др. Затѣмъ въ обоихъ спискахъ помѣщены также и градскіе законы, т. е. сборники свѣтскаго византійскаго законодательства. Изъ нихъ болѣе важными были: Эклога императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима 741 г., содержащая въ себѣ постановленія гражданскаго и отчасти уголовнаго права и Прохиронъ, составленный по предписанію императора Василія Македонянина на основаніи законодательства Юстиніана.

Кормчая книга примѣнялась у насъ въ церковныхъ судахъ; объ этомъ имѣется не мало свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, въ Ростовской лѣтописи подъ 1385 г. находимъ слѣдующее указаніе: „цѣловаше крестъ посадникъ на вѣчѣ и бояре, и дѣти боярскія, и всѣ черные люди, и вся пять концовъ на томъ, чтобы судити владыкѣ Алексѣю въ правду по Номоканону“, указывающее на то, что въ Новгородѣ было постановлено на вѣчѣ примѣнять Номоканонъ въ церковныхъ судахъ. Точно также и ст. 1. Новгородской судной грамоты постановляетъ: „нареченному на архіепископство Великаго Новгорода и Пскова священному иноку Ѳеофилу судити судъ свой святительскій по Св. Отецъ правилу, по Номоканону“.

Ханскіе ярлыки.

До нѣкоторой степени слѣдуетъ считать также источниками нашего права и ханскіе ярлыки, дававшіеся татарами князьямъ и духовенству. Ярлыки князьямъ обыкновенно выдавались на

княженіе и обезпечивали за извѣстнымъ княземъ право на опредѣленный столъ. Что же касается до ярлыковъ, выдаваемыхъ духовенству, то ими за послѣднимъ обезпечивались разныя привилегіи, напр., освобожденіе отъ дани, право суда въ ихъ владѣніяхъ, запрещеніе татарскимъ чиновникамъ (баскакамъ) въѣзжать въ имѣнія духовенства и т. п. До насъ дошли только ярлыки второго вида.

Русская Правда.

Всѣ указанные законодательные памятники не были сведены въ систему, вслѣдствіе чего потребность въ кодификаціи стала сильно чувствоваться. Первымъ сборникомъ, сведшимъ до нѣкоторой степени во едино наше древнее право—была Русская Правда. Ее впервые открылъ Татищевъ въ 1738 г., а издалъ Шлецеръ въ 1767 г. Русская Правда дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, которые могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ категоріямъ: краткіе списки (содержащіе 43 статьи) и пространные (состоящіе изъ болѣе, чѣмъ 100 статей).

Краткіе списки болѣе ранняго происхожденія. Это доказалъ проф. Сергѣевичъ. Его доказательства сводятся къ слѣдующему: 1) въ нихъ встрѣчается еще указаніе на месть, чего нѣтъ въ пространныхъ спискахъ, а такъ какъ институтъ мести существовалъ въ самыя древнія времена, то, слѣдовательно, памятники, въ которыхъ находится указаніе на месть, должно считать болѣе древними. 2) Въ краткихъ спискахъ деньги называются „скотомъ“, что указываетъ на то древнее время, когда еще денегъ въ собственномъ смыслѣ этого слова не было. 3) Въ нихъ говорится о выкупѣ за убійство, при чемъ не обращается вниманія на общественное положеніе убитаго. Въ пространныхъ же спискахъ за убійство княжаго мужа полагается 80 гривенъ, а за простого человѣка 40 грив.; это есть несомнѣнный признакъ того, что краткіе списки принадлежатъ болѣе древнему времени, когда общественное положеніе убитаго не принималось въ расчетъ.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ Русской Правды является обычай, что становится вполнѣ понятнымъ при томъ господствѣ его, какое имѣло мѣсто въ удѣльновѣчевомъ періодѣ.

Другимъ источникомъ были судебныя рѣшенія, въ которыхъ отпечатлѣвались взгляды населенія на право и неправо въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Статьи, въ основу которыхъ были положены судебныя рѣшенія, съ теченіемъ времени обобщались и, такимъ образомъ, лишались своего первоначально казуистическаго характера. Такихъ статей не мало. Такъ, напр., ст. 21 акад. списка говоритъ: „а конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили Дорогобужцы". Изъ статьи видно, что здѣсь рѣчь идетъ о судебномъ рѣшеніи Изяслава, судившаго убійцъ своего конюха. Въ позднѣйшихъ спискахъ эта статья лишилась своего конкретнаго характера и была обобщена слѣдующимъ образомъ: „за конюшій 80 гривенъ". Затѣмъ въ 29 статьѣ Акад. списка говорится, что если будетъ поймана шайка изъ 18 воровъ (опять указаніе на частный случай), то каждаго изъ нихъ слѣдуетъ казнить извѣстнымъ образомъ; въ позднѣйшихъ спискахъ число 18 уже замѣнено словами: „многіе воры".

Третьимъ источникомъ были княжескіе уставы, о чемъ свидѣтельствуютъ заголовки нѣкоторыхъ статей Правды.

Наконецъ, послѣднимъ источникомъ нужно считать византійское право, что видно изъ сходства многихъ постановленій Правды съ постановленіями византійскаго законодательства, сходства, иногда граничащаго съ простымъ перифразомъ статей византійскихъ законовъ (напр., наказаніе Правды „потокъ и разграбленіе" есть ничто иное, какъ переводъ съ латинскаго publicatis bonis relegantur, т. е. конфискація и заточеніе).

Нѣкоторые ученые (Карамзинъ, Погодинъ, а въ послѣднее время Ланге) думаютъ, что Русская Правда есть законодательный памятникъ оффиціальнаго происхожденія и свое мнѣніе мотивируютъ наличностью заголовковъ, отдѣляющихъ однѣ статьи Правды отъ другихъ, а также свидѣтельствомъ лѣтописи объ изданіи Правды Ярославомъ Новгороду за помощь, оказанную этимъ послѣднимъ Ярославу въ его борьбѣ съ Святополкомъ. Однако, названныя доказательства крайне шатки. Дѣйствительно, въ Правдѣ существуютъ заголовки, указывающіе на уставную дѣятельность князей, напр., „Правда установлена русской земли,

егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ", или „Судъ Ярославль Владиміровичъ", или „Уставъ Володимеръ Всеволодовича" и т. п. Но изъ этого еще никакъ нельзя заключать, что то, что слѣдуетъ послѣ заголовка, есть уставъ того князя, о которомъ въ заголовкѣ упомянуто. Можно привести не мало примѣровъ, изъ которыхъ видно, что вслѣдъ за заголовкомъ, свидѣтельствующимъ о законодательной дѣятельности одного князя, помѣщены статьи, изданныя при другомъ князѣ. Что же касается до второго доказательства, а именно мѣста лѣтописи: „и давъ (Ярославъ) имъ (новгородцамъ) Правду и уставъ списавъ, рѣче: по сему ходите и держите, яко же списахъ вамъ", то анализъ содержанія Правды показываетъ, что въ ней ни единымъ словомъ не говорится о какихъ бы то ни было привилегіяхъ и правахъ новгородцевъ, какъ это вытекаетъ по смыслу приписываемыхъ Ярославу словъ. Проф. Сергѣевичъ вполнѣ основательно предполагаетъ, что здѣсь высказано личное мнѣніе составителя лѣтописи о происхожденіи того списка Правды, который находился у него въ рукахъ.

Кромѣ того, можно положительно доказать, что изучаемый памятникъ является ничѣмъ инымъ, какъ частнымъ сборникомъ, составленнымъ неизвѣстнымъ авторомъ. Это усматривается прежде всего изъ внѣшняго вида Правды. Такъ, она не начинается извѣстной стереотипной фразой, присущей всѣмъ оффиціальнымъ памятникамъ того времени: „се азъ князь... пожаловалъ людей своихъ" и т. п., а прямо статьей: „убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата". Затѣмъ въ ней встрѣчается не мало статей, не имѣющихъ никакого отношенія къ праву; такъ, въ нѣкоторыхъ статьяхъ содержатся сообщенія разныхъ историческихъ фактовъ, въ силу чего онѣ имѣютъ большое сходство съ лѣтописью. Приведемъ для примѣра двѣ. Ст. 2. Троицк. сп. гласитъ: „по Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати"; ст. 48 Тр. сп. постановляетъ: „Володимеръ Всеволодовичъ по Святополцѣ созва дружину свою и уставили до третьяго рѣза"... Очевидно, что подобныя статьи не имѣютъ ничего общаго со статьями закона, чего бы, конечно,

не могло быть, если бъ Русская Правда являлась оффиціальнымъ уставомъ. Но какъ бы то ни было, приведенныя статьи все-таки же сообщаютъ свѣдѣнія, касающіяся уставной дѣятельности князей, а то въ изучаемомъ сборникѣ имѣются и такія свѣдѣнія, какъ, напр., перечисленіе возможнаго приплода отъ скота въ извѣстный періодъ времени, что служитъ новымъ доказательствомъ въ пользу частнаго характера Правды. Наконецъ, фактъ присутствія въ ней судебныхъ рѣшеній по конкретнымъ случаямъ (см. выше) также долженъ быть признанъ за лишній доводъ противъ вѣрности мнѣнія объ оффиціальномъ происхожденіи Правды. Такимъ образомъ, изучаемый сборникъ вполнѣ частнаго характера, хотя въ составъ его безспорно вошли и статьи оффиціальнаго происхожденія.

Вѣчевыя постановленія.

Послѣднимъ источникомъ русскаго права въ удѣльновѣчевомъ періодѣ были вѣчевыя постановленія, къ каковымъ слѣдуетъ отнести Псковскую и Новгородскую судныя грамоты. Онѣ являются первыми опытами оффиціальной кодификаціи права и относятся уже къ концу удѣльно-вѣчевого періода.

Вопросъ о томъ, когда была издана Псковская грамота, спорный. Дѣло въ томъ, что грамота начинается слѣдующими словами: „ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты и изъ княжъ Константиновы грамоты и изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ... всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ въ лѣто 6905“, т. е. въ 1397 г. Но въ этомъ году грамота не могла быть издана и вотъ почему. Извѣстно, что въ 1397 г. въ Псковѣ было не пять соборовъ (т. е. церковныхъ общинъ, пользовавшихся извѣстнымъ самоуправленіемъ), а только четыре. Появленіе же пятаго собора относится уже къ XV ст. Весьма вѣроятно предположеніе Мурзакевича и проф. Энгельмана, въ силу котораго составленіе грамоты относится къ 1467 г. или по старому лѣтосчисленію къ 6975 г.; 1397 же годъ (6905), значущійся на грамотѣ, вкрался просто по ошибкѣ переписчика (цифра 7 была имъ замѣнена цифрою 0). Въ пользу этого мнѣнія можно при-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

вести еще и тотъ фактъ, что въ 1467 г. былъ впервые назначенъ въ Псковъ московскимъ великимъ княземъ (Иваномъ III) намѣстникъ, которому, по всей вѣроятности, въ руководство была составлена Псковская грамота, какъ сводъ мѣстнаго права.

Въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ грамоты упоминаются два князя, грамоты которыхъ вошли въ составъ Псковской. Относительно того, какіе это были князья, въ наукѣ существуетъ разногласіе. По мнѣнію Мурзакевича и Устрялова упоминаемые князья должны быть: первый—князь Александръ Михайловичъ Тверской, извѣстный антагонистъ московскаго князя Ивана Калиты, который, во время гоненія на него со стороны этого послѣдняго, правилъ Псковомъ два раза; второй—князь Константинъ Дмитріевичъ, родной братъ московскаго князя Василія Дмитріевича. Относительно перваго князя болѣе правильно мнѣніе, высказанное Калачовымъ, который видитъ въ немъ Александра Невскаго, ссылаясь на одно посланіе митрополита Кипріяна къ псковичамъ, гдѣ Александръ названъ великимъ княземъ. Калачовъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что, конечно, митрополитъ не назвалъ бы князя Тверского (какъ извѣстно, изгнаника) великимъ, какъ имѣлъ онъ полное право назвать Александра Невскаго, преемниками котораго были московскіе великіе князья. Что касается до второго князя, то вполнѣ можно принять мнѣніе Мурзакевича.

Источниками Псковской грамоты являются княжескіе уставы (грамоты названныхъ князей) и псковскія пошлины, т. е. мѣстное обычное право, которое въ формѣ судебныхъ рѣшеній вносилось въ грамоту.

По своимъ составнымъ элементамъ грамоту можно раздѣлить на три части: двѣ княжескія грамоты съ приписками къ каждой изъ нихъ и приписки, современныя самой грамотѣ или всему своду. Это раздѣленіе предложено проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ и основывается на толкованіи ст. 108 грамоты. Этою статьею, помѣщенною безъ всякой связи съ предшествующей и послѣдующей, оканчивается Псковская грамота, какъ грамота, выписанная изъ двухъ княжескихъ уставовъ съ разновременными приписками, и далѣе отъ ст. 109 и до конца идутъ новыя приписки,

пріобщенныя безъ всякой системы къ судной грамотѣ въ цѣломъ, т. е. къ цѣлому своду уставовъ и приписокъ XIV и XV ст. Подобное предположеніе обосновывается самымъ текстомъ ст. 108. Такъ, она гласитъ: „а которой строки (статьи) *пошлинной грамоты* нѣтъ... то тая строка написати. А которая строка *въ сей грамотѣ* не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ *изъ грамотъ*“. Такимъ образомъ, ясно, что пошлинная грамота, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не есть грамота какого-либо князя въ отдѣльности, такъ какъ это названіе одинаково приложимо къ нимъ обѣимъ, а потому и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это названіе въ смыслѣ ст. 108 принадлежитъ обѣимъ грамотамъ съ ихъ дополненіями, т. е. судной грамотѣ въ цѣломъ, тому, о чемъ въ началѣ сказано: „ся грамота выписана“. Иначе говоря, грамота дѣлится на три части, а именно: грамота вел. кн. Александра съ приписками къ ней, грамота князя Константина съ приписками къ ней и дополнительная часть (со ст. 108), въ составъ которой вошли приписки ко всему своду.

При изученіи Псковской грамоты, необходимо еще рѣшить вопросъ, является ли она по крайней мѣрѣ, въ теперешнемъ ея видѣ, законодательнымъ актомъ одновременнымъ или же, по примѣру многихъ древнихъ сборниковъ законовъ, издавалась мало-помалу, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Второго мнѣнія придерживается проф. Энгельманъ, хотя почти ничѣмъ не аргументируетъ его. Противъ же этого мнѣнія, т. е. что грамота не можетъ быть признана законодательствомъ одновременнымъ, выступилъ проф. Дювернуа. По справедливому мнѣнію послѣдняго необходимо отличать вопросъ о нормальномъ признаніи всего сборника въ качествѣ закона отъ вопроса о постепенномъ составленіи грамоты. Составлялась грамота мало-по-малу въ теченіе долгаго періода времени, что видно изъ ея крайне несовершенной редакціи. Но, несмотря на это, вся грамота въ цѣломъ своемъ составѣ, начиная съ первой и заканчивая послѣдней статьей, могла быть принята на вѣчѣ, какъ единый законодательный актъ, т. е. получить силу закона за одинъ разъ, однимъ повелѣніемъ законодательной власти.

Содержаніе Псковской грамоты по преимуществу процессуально, такъ какъ судоустройство и судопроизводство занимаютъ первое мѣсто въ ней. Однако, и другія отрасли права, напр., уголовное и, въ особенности, гражданское право разработаны въ грамотѣ весьма полно. Вообще, что касается до послѣдняго, то сравнительно съ другими законодательными памятниками древней Руси названная отрасль права стоитъ неизмѣримо высоко, свидѣтельствуя о высокой степени юридическаго сознанія составителей грамоты. Въ этомъ отношеніи изучаемый памятникъ значительно выдѣляется не только среди предшествующихъ ему, но (что особенно важно) и среди послѣдующихъ за нимъ законодательныхъ памятниковъ. Гражданское право (въ частности имущественныя права) Псковской судной грамоты по ихъ обстоятельной разработкѣ не имѣютъ ничего общаго съ гражданскимъ правомъ, напр., Судебниковъ и дополнительныхъ къ нимъ статей. Даже Уложеніе 1649 г. не можетъ выдержать въ этомъ отношеніи сравненія съ грамотою, что ясно свидѣтельствуетъ въ пользу зрѣлости юридическаго быта Пскова въ XV ст.

Другой сводъ мѣстныхъ узаконеній представляетъ Новгородская судная грамота, дошедшая до насъ въ отрывкѣ, касающимся судоустройства и содопроизводства. Первоначальный составъ этой грамоты относится къ половинѣ XV ст., когда Новгородъ находился въ войнѣ съ московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ. Во время этой войны новгородская знать захватила власть въ свои руки и стала тѣснить низшіе классы народа. Подобный гнетъ вызвалъ реакцію со стороны послѣднихъ. Было созвано вѣче и однимъ изъ средствъ для уничтоженія гнета вѣче признало составленіе судной грамоты, долженствовавшей опредѣлить отношеніе гражданъ къ суду.

Когда Новгородъ былъ завоеванъ Иваномъ III (въ 1471 г.), то послѣдній подтвердилъ грамоту и предписалъ переписать ее на свое имя. Нѣкоторые ученые считаютъ этотъ актъ договоромъ, а не подтвержденіемъ грамоты, имѣя въ виду слѣдующія слова, которыми начинается грамота: „доложа господы великихъ князей Ивана Васильевича всея Руси и сына его Ивана Ивановича всея Руси... Се покончаша посадники новгородскіе, и тысяц-

кіе новгородскіе, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь Великій Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ". Дѣйствительно, имѣя въ виду это мѣсто, можно думать, что слова: „се покончаша" означаютъ: „заключили договоръ", но подобное мнѣніе не выдерживаетъ критики. Если сличить текстъ Новгородской грамоты съ дошедшими до насъ договорами Новгорода съ князьями, то придется увидѣть существенную разницу между тѣмъ и другими. Нечего уже говорить о внѣшней формѣ грамоты, въ которой нѣтъ ничего договорнаго, а слѣдуетъ обратить вниманіе на ея содержаніе. Послѣднее же вполнѣ аналогично съ содержаніемъ Псковской грамоты и Русской Правды и касается, главнымъ образомъ, вопросовъ судоустройства и судопроизводства; вопросы же объ отношеніяхъ князя и населенія, объ ихъ правахъ и обязанностяхъ и т. п., что составляетъ главное содержаніе договорныхъ грамотъ, совершенно не интересуютъ составителей грамоты и вполнѣ игнорируются ими. Въ виду всего этого, никакъ нельзя признать Новгородскую грамоту за договорную между Новгородомъ и Иваномъ III (тѣмъ болѣе, что Новгородъ былъ завоеванъ московскимъ великимъ княземъ и присоединенъ имъ къ своимъ владѣніямъ); это—такой же сборникъ мѣстныхъ законовъ, какъ и Псковская грамота. Слово же „покончаша", по вѣрному толкованію проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что вѣче 1471 г. *докончило* начинанія вѣча половины XV ст., иначе говоря, оно не ограничилось однимъ переписаніемъ старой грамоты на имя Ивана III, но дополнило ее тѣми правоопредѣленіями, которыя назрѣвъ за послѣднее время, требовали своего письменнаго выраженія въ формѣ закона.

Внутренняя исторія.

Государственное право.

I. *Территорія.*

Въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ единой территоріи русскаго государства не было, въ виду существованія массы мелкихъ государствъ, объединенныхъ уже впослѣдствіи. Эти послѣднія носили самыя разнообразныя названія (слово „государство“ относится къ позднѣйшей московской эпохѣ), въ родѣ княженій (отъ слова „князь“), земель (такъ, древляне говорятъ Ольгѣ: „посла ны деревска земля“), волостей (отъ слова „власть“, такъ, въ лѣтописи читаемъ: „новгородцы, и смолняне, и кіяне, и полочане, и вся в(о)ласти яко же на думу на вѣче сходятся“), удѣловъ (отъ слова „дѣлить“, вслѣдствіе обычая князей дѣлить свои владѣнія между сыновьями) и т. п.

Въ каждомъ княженіи былъ свой городъ, составлявшій административный центръ, къ которому тянули всѣ села и деревни. Кромѣ такихъ главныхъ городовъ, со временемъ образовались еще и другіе, развившіеся изъ поселеній, поставленныхъ въ болѣе или менѣе благопріятныя условія. Но прежняя зависимость отъ главнаго города продолжала существовать и выражалась, между прочимъ, въ названіи новыхъ городовъ „пригородами“. Многіе изъ пригородовъ, благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ въ ихъ исторической жизни, совершенно эмансипируются изъ-подъ власти главныхъ городовъ и сами становятся центрами новыхъ княженій (Псковъ и Новгородъ, Владиміръ, Ростовъ и Суздаль).

Въ наукѣ существуетъ мнѣніе, будто предѣлы каждой волости совпадали съ предѣлами извѣстнаго племени, иначе говоря, будто каждая волость являлась продуктомъ исторической жизни

отдѣльнаго племени. Но это мнѣніе не можетъ быть принято, такъ какъ историческіе факты противъ него. Мы знаемъ, что иногда въ составъ одной волости входило нѣсколько племенъ (такъ, новгородская волость этнографически никогда не составляла единаго цѣлаго и образовалась, благодаря взаимодѣйствію не только славянскихъ, но и финскихъ племенъ). Съ другой стороны одно племя входило въ составъ нѣсколькихъ волостей.

II. *Населеніе.*

Древне-русское населеніе отличалось отъ нынѣшняго полнымъ отсутствіемъ сословій. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что древность не знала извѣстныхъ общественныхъ классовъ, члены которыхъ различались другъ отъ друга по роду занятій и службъ. Однако, такіе классы не обладали замкнутостью и переходъ изъ одного въ другой былъ вполнѣ возможенъ. Такихъ классовъ въ древней Россіи было *три*, а именно: свободные, зависимые и несвободные.

Наши древніе памятники, говоря о населеніи, очень часто употребляютъ два названія: людіе и мужи, при чемъ прилагаютъ къ нимъ слѣдующіе эпитеты: лучшіе, большіе, вячшіе, старшіе, а также: меньшіе, простые, черные и т. п. Подъ лучшими, большими и т. п. людьми понимаются бояре и огнищане (второе названіе впрочемъ скоро исчезаетъ), подъ меньшими и черными людьми—смерды. Если же говорится просто о людяхъ и мужахъ, т. е. безъ примѣненія къ нимъ какого-либо эпитета, то рѣчь идетъ о гостяхъ и купцахъ. Упомянутые три класса составляли свободное населеніе древней Россіи.

Высшимъ классомъ были бояре. Всякій человѣкъ (будь онъ купцомъ и даже смердомъ) при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ, напр., разбогатѣвъ или пріобрѣвъ себѣ извѣстный авторитетъ въ обществѣ, могъ стать бояриномъ. Послѣдніе входили въ составъ княжеской дружины, дѣлившейся на старшую и младшую. Въ составъ старшей входили старые, умудренные опытомъ бояре, бывшіе совѣтниками князя и засѣдавшіе въ его думѣ. Напротивъ, младшая состояла изъ отроковъ и дѣтскихъ,

т. е. молодыхъ людей, жившихъ на княжескомъ дворѣ и главная обязанность которыхъ была сражаться за князя. Отношенія между княземъ и боярами были договорныя. Каждый бояринъ въ любой моментъ своей службы могъ покинуть князя и перейти на службу къ другому князю. Это право носило названіе права отъѣзда и гарантировалось боярамъ въ междукняжескихъ договорахъ. „А кто поѣдетъ отъ насъ къ тебѣ, читаемъ въ послѣднихъ, нелюбья не держати“ или „намъ (князьямъ) въ села ихъ (т. е. отъѣхавшихъ) не вступатися“, также „домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати“. Вслѣдствіе подобныхъ отношеній, князья всегда должны были принимать въ расчетъ мнѣнія своихъ бояръ и совѣщаться съ ними по всѣмъ вопросамъ законодательства и управленія.

Гости и купцы являлись среднимъ классомъ, при чемъ также не составляли сословія и, хорошо владѣя оружіемъ (что было необходимо въ то время), легко могли стать боярами, а при неблагопріятныхъ условіяхъ спуститься до смердовъ.

Низшимъ разрядомъ свободныхъ были смерды. Въ наукѣ существуетъ мнѣніе, будто смерды—княжескіе холопы. Это мнѣніе основывается на одной статьѣ Карамз. списка Русской Правды, гдѣ говорится, что за убійство смерда и холопа полагается 5 гривенъ штрафа („а за смердъ и холопъ 5 гривенъ“). Отсюда и дѣлается заключеніе объ одинаковомъ соціальномъ положеніи смердовъ и холоповъ. Но дѣло въ томъ, что въ другихъ спискахъ Правды (напр., въ Троицкомъ) эта статья выражена иначе, а именно: „а за смердій холопъ 5 гривенъ“, т. е. за убійство холопа, принадлежащаго смерду, полагается штрафъ въ 5 гривенъ. Весьма возможно, что въ Карамз. спискѣ вкралась описка переписчика, тѣмъ болѣе, что изъ другихъ памятниковъ мы знаемъ, что смерды существенно отличались отъ холоповъ. Такъ, въ случаѣ совершенія преступленія смердъ карался продажей, холопъ же, въ качествѣ *не* субъекта правъ, не подвергался наказанію. Затѣмъ изъ лѣтописи намъ извѣстно, что смерды обладали собственностью, а именно: полемъ, гумномъ, конемъ, чѣмъ опять-таки существенно отличались отъ холоповъ, не могшихъ (по крайней мѣрѣ de jure) быть субъектами права собственности. Сводя всѣ

данныя о смердахъ, мы едва ли ошибемся, назвавъ ихъ свободнымъ, сельскимъ земледѣльческимъ населеніемъ, иначе говоря, смерды, это—прототипъ нынѣшнихъ крестьянъ.

Кромѣ свободныхъ, въ древне-русскомъ обществѣ существовалъ еще классъ зависимыхъ, являвшійся переходной ступенью къ холопамъ. Въ составъ этого класса входили закупы, т. е. наймиты, поступавшіе въ услуженіе къ кому-либо для исполненія разныхъ работъ или на дому или въ поляхъ (послѣдніе носили названіе ролейныхъ закуповъ, т. е. пашенныхъ наймитовъ). Закупы получали особое вознагражденіе (деньгами или натурой), называвшееся купой или копой. Они были лично свободны и обладали правомъ собственности. Но находясь въ услуженіи, тѣмъ самымъ подвергались нѣкоторымъ ограниченіямъ въ своихъ правахъ, такъ, господинъ ихъ имѣлъ право ихъ наказывать, затѣмъ въ случаѣ кражи со стороны закупа отвѣчалъ не онъ, а его господинъ; наконецъ, закупъ не могъ фигурировать въ качествѣ свидѣтеля на судѣ по всѣмъ мелкимъ дѣламъ. Въ наукѣ положеніе закуповъ вызвало цѣлый рядъ разнообразныхъ мнѣній. Болѣе вѣрнымъ нужно признать мнѣніе проф. Сергѣевича, принятое и нами.

Несвободные назывались въ древней Россіи холопами или рабами. Ихъ юридическое положеніе опредѣлялось тѣмъ, что они разсматривались, какъ вещь и поэтому подлежали всякимъ сдѣлкамъ, принятымъ въ гражданскомъ оборотѣ. Ихъ можно было продать, заложить, обмѣнять, завѣщать, подарить и т. п. Въ области уголовнаго права они не считались субъектами преступленія и, поэтому, не подлежали никакому наказанію, отвѣчалъ же за нихъ ихъ господинъ. Но подобная точка зрѣнія не была послѣдовательно проведена въ древне-русскомъ правѣ и въ концѣ удѣльно-вѣчевого періода (по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ церкви) мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми измѣненіями въ положеніи холоповъ. Такъ, судя по позднѣйшимъ спискамъ Русской Правды, мы можемъ заключить, что у холоповъ появляется собственность и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они подлежатъ наказанію, какъ и свободныя лица. Подобная непослѣдовательность объясняется тѣмъ, что холопы все-таки же являлись людьми и

вполнѣ отождествить ихъ съ вещью не было никакой возможности. Даже столь совершенное право, какъ римское, должно было считаться съ этою непослѣдовательностью.

Въ разсматриваемое время холопство устанавливалось: 1) плѣномъ (это былъ самый обыкновенный способъ обращенія въ рабство, такъ какъ въ то время войны на Руси почти не прекращались); 2) продажей себя въ рабство посредствомъ грамоты въ присутствіи свидѣтелей и княжескаго чиновника; 3) бракомъ и 4) ключемъ безъ ряда (въ первомъ случаѣ свободный человѣкъ, женясь на рабѣ и не выговоривъ себѣ свободы у господина жены по договору или ряду, дѣлался несвободнымъ; то же самое происходило, если свободная женщина выходила замужъ за раба; во второмъ случаѣ свободный человѣкъ, поступавшій къ кому-либо ключникомъ и также не выговоривъ себѣ по договору свободы, становился рабомъ своего господина); 5) рожденіемъ (дѣти холоповъ также были холопы), и 6) вслѣдствіе несостоятельности, когда должникъ, по невозможности уплатить свой долгъ, становился холопомъ своего кредитора (этотъ способъ возникновенія рабства особенно развился въ московскую эпоху). Прекращалось холопство или путемъ выдачи отпускной грамоты или посредствомъ духовной.

III. *Верховная власть.*

1. Князь.

Князь—необходимый элементъ государственнаго устройства древней Россіи. Каждое княженіе должно было имѣть князя, безъ этого его существованіе, какъ княженія, было немыслимо. Гдѣ земля (справедливо замѣчаетъ Костомаровъ), тамъ вѣче, а гдѣ вѣче, тамъ непремѣнно будетъ и князь: вѣче непремѣнно изберетъ его. Не даромъ въ древней Россіи сложилось такое понятіе, что безъ князя не будетъ въ землѣ ни порядка, ни суда, ни правды; безъ него начнется анархія, сильнѣйшіе будутъ обижать слабѣйшихъ, роды и семьи возстанутъ другъ на друга, не будетъ единодушія во взаимной защитѣ, набѣжитъ непріятель

и разоритъ землю, войско не будетъ повиноваться начальнику, если этимъ начальникомъ не будетъ князь. Послѣдній призванъ володѣть, т. е. держать власть, править, защищать; безъ него земля, какъ безъ рукъ. Подобное воззрѣніе на институтъ княжеской власти объясняется доисторическимъ происхожденіемъ этого института. Еще задолго до призванія Рюрика съ братьями у разныхъ русскихъ племенъ существовали свои князья, на что указываетъ лѣтопись. Отсюда понятно, почему древніе русскіе такъ сжились съ институтомъ княжеской власти, что безъ него немыслима была для нихъ никакая форма государственнаго общенія.

Призваніе Рюрика и размноженіе его рода было фактомъ, весьма важнымъ въ исторіи княжеской власти и способствовало ограниченію этой послѣдней. Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени оказалось князей гораздо больше, чѣмъ княженій, такъ что населеніе могло дѣлать выборъ между ними, зная что безъ князя оно никогда не останется. Поэтому, въ случаѣ недовольства своимъ княземъ, оно „показывало ему путь“ и призывало другого князя. Въ виду такого порядка вещей, князья вынуждены были вступать въ договорныя отношенія съ народомъ, „утвердиться съ людьми“, „стоять съ ними въ крестномъ цѣлованіи,“ какъ выражались въ старину, и при заключеніи подобныхъ договоровъ ограничивать свои права, расширяя тѣмъ права населенія. Этому значительно способствовалъ бродячій характеръ жизни князей, постоянно переходившихъ изъ одной волости въ другую, что въ свою очередь являлось результатомъ особаго положенія, въ которомъ находилось княжеское хозяйство. Долгое время послѣ призванія Рюрика, главнымъ источникомъ доходовъ князей были сборы въ формѣ дани и пошлинъ, а не доходъ съ поземельной собственности, которой почти не существовало. Дани же и пошлины можно было имѣть повсюду, въ силу чего ничто не удерживало князя подолгу въ извѣстной волости, и при первомъ же подходящемъ случаѣ, онъ оставлялъ ее и переходилъ со своею дружиною въ другое мѣсто. Благодаря такому порядку вещей, въ результатѣ получалась крайняя слабость связей между князьями и мѣстными обществами, бывшими вполнѣ автономными и, въ качествѣ таковыхъ, вступавшими въ договорныя отношенія съ

князьями, на которыхъ они смотрѣли, главнымъ образомъ, какъ на своихъ защитниковъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Въ древней Руси было много способовъ пріобрѣтенія княжеской власти; однако, всѣ они нуждались въ санкціи со стороны договора съ народомъ. Первый способъ заключался въ избраніи народомъ; онъ со временемъ сталъ единственнымъ на сѣверѣ Россіи (въ Новгородѣ и Псковѣ). Вслѣдъ за избраніемъ, князь вступалъ въ договоръ съ народомъ.

Другой способъ заключался въ занятіи извѣстнаго стола по завѣщанію умершаго князя. Обыкновенно князья дѣлили свое княженіе между сыновьями, что имѣло въ результатѣ крайнее дробленіе волостей. Однако, вступивъ во владѣніе извѣстнымъ княженіемъ по завѣщанію, князь обязательно долженъ былъ заключить и договоръ съ народомъ, безъ чего послѣдній имѣлъ полную возможность „показать ему путь“.

Точно также при захватѣ волости силою или, какъ тогда говорилось, при добываніи волости (3-й способъ пріобрѣтенія княжеской власти), что нерѣдко практиковалось въ древней Россіи, заключался договоръ между княземъ и народомъ. Князья хорошо знали, что захватить волость силою можно, но что удержаться въ ней крайне трудно безъ заключенія договора съ народомъ.

Единственный способъ занятія стола, который не нуждался въ санкціи со стороны договора съ народомъ, и который возникъ въ концѣ изучаемаго періода, заключался въ пріобрѣтеніи стола черезъ посредство ханскаго ярлыка. Этотъ способъ сталъ господствующимъ послѣ завоеванія Россіи монголами, когда воля ордынскаго хана была неограничена и не могла встрѣтить никакого сопротивленія со стороны населенія.

Символомъ вступленія на престолъ было посаженіе князя на столъ народомъ. Такъ, подъ 1067 годомъ, лѣтописецъ говоритъ о кіевлянахъ, что они „поставили князя Всеслава по срединѣ двора“, по всей вѣроятности, на особый тронъ. Иногда этотъ послѣдній устраивался въ „сѣняхъ“ княжескаго дворца. Короноваціе не было извѣстно въ древней Россіи и возникло уже въ Московскомъ государствѣ подъ вліяніемъ Византіи. Что же ка-

сается до легенды о Мономахѣ, то, какъ это теперь доказано, она позднѣйшаго происхожденія.

Вслѣдствіе договорныхъ отношеній между княземъ и населеніемъ, часто возникалъ между ними извѣстный антагонизмъ, переходившій иногда въ открытую борьбу. Эта послѣдняя могла принять двоякій исходъ: она могла окончиться или въ пользу князя, или въ пользу народа. Въ первомъ случаѣ получалось расширеніе власти князя и новое соглашеніе съ народомъ, во второмъ случаѣ, наоборотъ, народъ изгонялъ князя и призывалъ другого. Впрочемъ, нерѣдко обѣ стороны не доводили своихъ пререканій до крайности и вступали въ извѣстный компромиссъ между собою, дѣлая другъ другу взаимныя уступки. Но говоря объ антагонизмѣ между княземъ и народомъ, мы всегда должны имѣть въ виду тотъ фактъ, что оппозиція со стороны народа никогда не простиралась на самый институтъ княжеской власти, а касалась только личности князя. Даже въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ власть князя была очень ограничена, населеніе не могло обойтись безъ него и князь считался такимъ же необходимымъ элементомъ государственнаго устройства на сѣверѣ Россіи, какъ и въ Кіевской волости и другихъ.

Однако, въ виду слабости связей между отдѣльными князьями и населеніемъ, бывшемъ вполнѣ автономнымъ въ сферѣ управленія, и въ виду договорныхъ отношеній между ними, князья по всѣмъ важнымъ дѣламъ вынуждены были совѣщаться и съ вѣчемъ и съ думою. Со временемъ это вошло въ обычай и какъ дума, такъ и вѣче не считали себя обязанными принимать участіе въ тѣхъ предпріятіяхъ князей, по поводу которыхъ эти послѣдніе не совѣщались съ ними. „О собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдимъ по тобѣ, мы того не вѣдали“, отвѣтили члены княжеской думы великому князю кіевскому Владиміру Мстиславичу на его призывъ отправиться въ походъ и этотъ отвѣтъ вполнѣ характеризуетъ отношенія, существовавшія между княземъ, съ одной стороны, и его думою и вѣчемъ, съ другой. Лѣтописцы всегда хвалятъ тѣхъ князей, которые совѣщаются со своей думою и относятся съ укоромъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые пренебрегаютъ этимъ обычаемъ. Такъ, до насъ дошла похвала лѣтописца Влади-

міру Св. за то, что онъ „бѣ любя дружину и съ ними думая о строѣ земленѣмъ и о ратяхъ“ и укоръ по адресу галицкаго князя Владиміра за то, что онъ „бѣ любезнивъ питію многому и думы не любяшетъ съ мужми своими“.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ функцій князя, прежде всего необходимо констатировать тотъ фактъ, что князь есть начальникъ войска. Военная власть принадлежитъ ему по преимуществу, какъ охранителю населенія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Однако, въ области внѣшнихъ сношеній онъ дѣйствуетъ далеко не самостоятельно, такъ какъ для объявленія войны и заключенія мира необходимо согласіе вѣча и думы. Еще въ 1228 г. псковичи говорили князю Ярославу, звавшему ихъ въ походъ на Ригу: „тебѣ ся, княже, кланяемъ, на путь не идемъ, а съ Рижаны мы взяли миръ“. То же отвѣтили въ то время и новгородцы. Впослѣдствіи (по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ) князья обязываются въ договорахъ „не замышлять войны безъ новгородскаго слова“. Вообще, сношенія съ иностранными государствами и съ другими русскими княженіями велись отъ имени князя и народа. Въ Новгородѣ даже многіе договоры писались безъ упоминанія имени князя. Въ сферѣ внутренняго управленія князю принадлежало право назначать должностныхъ лицъ (сперва посадниковъ, затѣмъ намѣстниковъ, волостелей, тіуновъ и др.). Впрочемъ, въ Новгородѣ и это право было ограничено, въ виду того, что князь могъ здѣсь назначать на названныя должности только изъ новгородскихъ гражданъ, затѣмъ совмѣстно съ посадникомъ и, наконецъ, разъ назначивъ, онъ не могъ никого смѣщать иначе, какъ по суду. Князю принадлежала также извѣстная религіозная власть. Такъ, вопросъ о принятіи христіанства былъ рѣшенъ княземъ (Владиміромъ) совмѣстно съ думою. Затѣмъ князья имѣли немалое вліяніе при избраніи и низложеніи духовныхъ властей. Въ качествѣ охранителя населенія отъ внутреннихъ враговъ, князю принадлежали функціи суда (въ Новгородѣ и Псковѣ онъ, впрочемъ, долженъ былъ отправлять судъ не иначе, какъ совмѣстно съ посадникомъ). Наконецъ, въ области законодательства князь осуществлялъ свои права вмѣстѣ съ думою и вѣчемъ, при чемъ въ Новгородѣ и Псковѣ

значеніе его въ качествѣ законодательнаго фактора было очень невелико, такъ какъ законодательныя функціи принадлежали почти исключительно вѣчу.

Въ виду того, что князей было много, необходимо уяснить себѣ ихъ взаимныя отношенія. Они также были договорныя, вслѣдствіе независимости княженій, на которыя раздѣлялась древняя Россія. Междукняжескіе договоры обыкновенно заключались на съѣздахъ князей или черезъ посылку пословъ отъ одного князя къ другому. Съѣзды созывались довольно часто, но постояннаго института съ опредѣленной компетенціей не представляли. Оно и понятно, такъ какъ нельзя было обязать съѣзжаться вполнѣ независимыхъ людей, какими были князья. Поэтому мы совсѣмъ не встрѣчаемъ съѣздовъ, въ составъ членовъ котораго входятъ *всѣ* князья; обыкновенно на нихъ присутствуютъ только нѣкоторые. Въ виду сказаннаго, вполнѣ понятно, что постановленія съѣздовъ не были обязательны для всѣхъ князей, а только для тѣхъ, которые принимали участіе въ ихъ составленіи. Всѣ вопросы на съѣздахъ рѣшались не большинствомъ голосовъ, а единогласно или „единомысленно“, какъ выражаются наши памятники, что было необходимо при независимости каждаго князя. Другой способъ регулированія междукняжескихъ отношеній совершался посредствомъ пословъ отъ одного князя къ другому, при чемъ рѣль посредниковъ между ними очень часто играло духовенство, всегда бывшее на стражѣ мира между князьями.

Способовъ обезпеченія договоровъ древняя Русь знала не мало. Главнѣйшими изъ нихъ были слѣдующіе: 1) крестное цѣлованіе или присяга, внѣшняя форма котораго обыкновенно являлась слѣдующая: „на семъ на всемъ, брате князь (слѣдуетъ имя), цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату князю (имя)“. 2) Обязательство со стороны нарушителя договора подчиниться опредѣленному наказанію, напр., лишиться своей волости. 3) Блюстительство условій договора со стороны третьихъ лицъ, избираемыхъ предварительно контрагентами. Внѣшняя форма его обыкновенно была слѣдующая: „а къ тому (т. е. къ условіямъ договора) ввели есмя по собѣ на обѣ стороны брата своего (имя блюстителя)... а братъ нашъ (блюститель) будетъ по цѣлованію

съ правымъ на виноватаго". Уничтоженіе договора вполнѣ зависило отъ контрагентовъ и выражалось въ формѣ возвращенія другъ къ другу договорныхъ грамотъ.

Въ виду такихъ отношеній между князьями, очевидно, что всѣ они были равны между собою, если не фактически, то во всякомъ случаѣ юридически, хотя, этому, повидимому, и противорѣчатъ эпитеты: „великій", старѣйшій" и др., даваемые лѣтописью нѣкоторымъ князьямъ. Но со всѣми этими эпитетами не связано никакихъ правъ (напр., великій князь не стоитъ во главѣ другихъ князей и эти послѣдніе ему не подчинены, какъ думали прежде) и они свидѣтельствуютъ только объ извѣстномъ авторитетѣ среди населенія, присущимъ носителямъ ихъ. Дѣйствительно, если бы существовало какое-либо юридическое неравенство между князьями, то оно непремѣнно отразилось бы на содержаніи договоровъ, но ничего подобнаго мы не находимъ.

Разсмотрѣнное юридическое положеніе князя и отношенія его къ народу и къ другимъ князьямъ существовали только до монгольскаго завоеванія. Это событіе произвело на Руси коренной переворотъ во всѣхъ политическихъ и общественныхъ отношеніяхъ. Россія сдѣлалась подвластной хану, она стала его „улусомъ", т. е. частной собственностью. Для удержанія господства надъ страной, монголы воспользовались институтомъ княжеской власти, сдѣлавъ князей намѣстниками хана и сборщиками дани въ пользу послѣдняго. Какъ намѣстники, отвѣтственные за порядокъ передъ ханомъ, они назначались на основаніи ярлыка. Результатомъ подобнаго положенія вещей явилось усиленіе власти князя, необязаннаго отнынѣ вступать въ какія-либо договорныя отношенія съ народомъ, и паденіе значенія вѣча, лишившагося всякаго смысла своего существованія. Какъ собственники русской земли, ханы раздавали княженія въ вотчину, т. е. тоже на правахъ частной собственности, тѣмъ изъ князей, которые умѣли предъ ними выслужиться. Такимъ образомъ, мало-по-малу князь изъ правителя, какимъ онъ былъ до монголовъ, превратился во владѣльца, а княженіе изъ государства преобразилось въ частное хозяйство, которое не управлялось, какъ прежде, а просто эксплоатировалось въ интересахъ князя. Иначе говоря,

понятіе княженія отождествилось съ понятіемъ частнаго землевладѣнія, а верховныя права князя (напр., судъ, администрація и т. п.) стали трактоваться, какъ статьи княжескаго поземельнаго хозяйства. Подобный порядокъ вещей видоизмѣнился уже въ Московскомъ государствѣ, хотя и это послѣднее имѣло еще не мало признаковъ вотчиннаго государства.

2) Княжеская дума.

Другимъ элементомъ государственнаго устройства древней Россіи является княжеская дума. Однако, въ ней не слѣдуетъ видѣть государственнаго учрежденія съ извѣстною правильною организаціею, съ опредѣленной компетенціей и съ твердо регулированными отношеніями къ князю, съ одной стороны, и къ органамъ мѣстнаго управленія, съ другой. Дума не была учрежденіемъ юридически опредѣленнымъ, такъ какъ не обладала никакимъ уставомъ, а основывалась исключительно на обычномъ правѣ. Несмотря, однако, на это, дума играла весьма важную роль въ сферѣ государственнаго управленія, сосредоточивая въ своихъ рукахъ массу всевозможныхъ функцій въ области законодательства, суда и администраціи. Находясь въ договорныхъ отношеніяхъ съ княземъ, дума являлась совѣтомъ этого послѣдняго и управляла вмѣстѣ съ нимъ государствомъ, вполнѣ ограничивая власть князя.

Въ составъ изучаемаго учрежденія входили княжескіе дружинники, т. е. бояре или вольные слуги князя по терминологіи того времени. Обыкновенно, членами думы были „старшіе“ дружинники; „дѣтскіе“ же и „отроки“ (т. е. младшая дружина) не фигурировали въ роли совѣтниковъ князя. Правда, иногда князья совѣщались и съ ними, но такіе факты бывали сравнительно рѣдко и всегда осуждались современниками, какъ нарушающіе обычай.

Кромѣ бояръ, въ составъ думы (по крайней мѣрѣ въ X и въ началѣ XI ст.) входили „старцы градскіе“. Нѣкоторые ученые (напр., проф. Владимірскій-Будановъ) думаютъ, что подъ ними слѣдуетъ понимать земскихъ бояръ, т. е. не находящихся на

службѣ у князя. Но съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ памятники того времени не даютъ возможности допускать существованіе земскихъ бояръ. Напротивъ, подъ бояриномъ обыкновенно понимался служилый человѣкъ. Болѣе вѣрно мнѣніе проф. Ключевскаго, что подъ старцами градскими слѣдуетъ понимать городовую старшину, т. е. членовъ высшихъ слоевъ городского торгово-промышленнаго класса, занимавшихъ разныя выборныя должности тысяцкихъ, сотскихъ, старостъ и др. Названные старцы призывались въ думу только въ экстренныхъ случаяхъ, когда разрѣшались вопросы первостепенной важности; напр., въ думу, созванную Владиміромъ Св. для разрѣшенія вопроса о принятіи христіанства, были призваны не только бояре, но и старцы градскіе.

Иногда на засѣданія думы приглашались епископы и игумены, но и они также не были постоянными членами.

Время и мѣсто засѣданій не были опредѣлены. Дума созывалась по мѣрѣ надобности иногда каждый день, какъ это видно изъ поученія Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ (каждое утро „сѣдше думати съ дружиною"), иногда черезъ извѣстные промежутки времени. Мѣстомъ засѣданія обыкновенно бывалъ княжескій дворецъ; во время же походовъ засѣданія происходили и подъ открытымъ небомъ. Что касается до порядка засѣданій, то онъ тоже не былъ урегулированъ въ законодательномъ отношеніи. Мы знаемъ, что во время засѣданій происходили пренія, что бояре неоднократно дѣлали „встрѣчу" князю, т. е. возражали ему, отстаивая свои мнѣнія, что въ думѣ существовала свобода мнѣній, въ виду договорнаго характера отношеній думы и князя, и что въ результатѣ преній получался извѣстный приговоръ, приводившійся затѣмъ въ исполненіе.

Въ составъ компетенціи думы входили самыя разнообразныя дѣла. Такъ, она иногда разрѣшала религіозные вопросы, напр., вопросы о принятіи христіанства былъ рѣшенъ Владиміромъ Св. вмѣстѣ съ думой. Затѣмъ она фигурировала въ качествѣ законодательнаго учрежденія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, говоря, что Владиміръ вмѣстѣ со своею дружиною (т. е. думою) „думаетъ о строѣ и уставѣ земленѣмъ". Затѣмъ мы знаемъ, что

отмѣна мести и учрежденіе виръ (т. е. выкупа) совершены сыновьями Ярослава вмѣстѣ съ думою; точно также церковный уставъ Всеволода данъ „по совѣту съ владыкою, съ боярами и съ старостами“ (т. е. съ думою). На законодательную функцію думы указываютъ и слова Мономаха, сказанныя имъ Олегу: „порядъ положимъ о Русьтѣй землѣ предъ мужи отецъ нашихъ“. Наконецъ, дума нерѣдко участвовала вмѣстѣ съ вѣчемъ въ призваніи князя и въ заключеніи съ нимъ договора. Она также разрѣшала вопросы о войнѣ и мирѣ (такъ, лѣтопись неоднократно указываетъ на то, что такой-то князь рѣшилъ отправиться въ походъ „сгадавъ съ мужи своими“) и отправляла судебныя функціи, какъ то вытекаетъ изъ поученія Мономаха своимъ дѣтямъ, которымъ, по совѣту отца, слѣдовало каждое утро творить судъ вмѣстѣ съ боярами.

Когда, послѣ монгольскаго завоеванія, князья изъ правителей превратились въ частныхъ вотчинниковъ, то и внутреннее управленіе сложилось по типу управленія частной вотчины. Само собою разумѣется, что названное измѣненіе политическихъ отношеній отразилось и на думѣ. Въ ея составъ уже болѣе не входили дружинники, эти боевые товарищи князя, и роль совѣтниковъ послѣдняго стали играть, такъ называемые, „введеные“ и „путные“ бояре, бывшіе начальниками „путей“, т. е. отдѣльныхъ вѣдомствъ княжескаго дворцоваго хозяйства. Эти частные управители и прикащики князя, какъ бы мы ихъ называли теперь, были: дворецкій, казначей, сокольничій, стольникъ, чашникъ, ловчій и др. Они служили князю по договору и, совѣщаясь съ ними, послѣдній естественно долженъ былъ прислушиваться къ ихъ голосамъ, какъ къ голосамъ спеціалистовъ и свѣдующихъ людей. Будучи вполнѣ независимыми, они могли покинуть князя и поступить на службу къ другому. Вотъ, почему въ интересахъ самихъ же князей было поступать по совѣту бояръ и управлять своею вотчиною совмѣстно съ ними. Только уже въ Московскомъ государствѣ дума изъ собранія частныхъ управителей князя постепенно превратилась въ собраніе государственныхъ совѣтниковъ царя, на что въ своемъ мѣстѣ и будетъ указано.

Дума въ томъ видѣ, какъ было изложено выше, существо-

вала не вездѣ въ древней Россіи. Такъ, на сѣверѣ (въ Новгородѣ и Псковѣ) она съ теченіемъ времени значительно измѣнилась, преобразившись въ особый институтъ, который можно назвать *правительственнымъ совѣтомъ*. Послѣдній въ отношеніи состава не имѣлъ ничего общаго съ думой. Будучи исполнительнымъ органомъ вѣча, онъ преимущественно состоялъ изъ выборныхъ членовъ. Такъ, въ его составъ входили: 1) посадникъ, должность котораго сначала была замѣщаема лицомъ по назначенію отъ князя, но со временемъ право выбора его перешло къ вѣчу (1126 г.). Мало-по-малу, благодаря избранію посадниковъ изъ однѣхъ и тѣхъ же боярскихъ фамилій, образовалась особая аристократія, члены которой большею частью избирались на эту должность. Такъ, мы знаемъ, что въ Новгородѣ въ продолженіе 300 лѣтъ было до 40 фамилій, поставлявшихъ посадниковъ. Срокъ избранія послѣднихъ первоначально не былъ опредѣленъ, но затѣмъ эту должность можно было занимать только годъ. Посадникъ былъ главнымъ должностнымъ лицомъ, и представителемъ всего города и пользовался столь значительной властью, что иностранцы называютъ его „бургграфомъ“. Вслѣдствіе избранія посадника вѣчемъ, онъ являлся ограничивающимъ элементомъ по отношенію къ князю, который не могъ управлять и судить безъ него. Кругъ компетенціи посадника былъ очень обширенъ: онъ велъ сношенія съ иностранными государствами, былъ начальникомъ войска, творилъ судъ, собиралъ вѣче и осуществлялъ законодательную иниціативу. Въ виду временнаго характера изучаемой должности, со временемъ образовался особый классъ изъ бывшихъ посадниковъ, члены котораго назывались „старыми“ посадниками, въ отличіе отъ занимающаго эту должность и называвшагося „степеннымъ“. Старые посадники также входили въ составъ правительственнаго совѣта; 2) тысяцкій, сначала назначавшійся княземъ, а потомъ избиравшійся вѣчемъ также изъ опредѣленныхъ фамилій. Функціи его были слѣдующія: онъ являлся помощникомъ посадника и начальникомъ народнаго ополченія („dux“, какъ его называютъ иностранные писатели), кромѣ того, онъ былъ защитникомъ интересовъ черныхъ людей и обладалъ извѣстными правами въ области суда и администраціи (тысяцкіе

были только въ Новгородѣ, въ Псковѣ же было два посадника); 3) старосты концовъ, стоявшіе во главѣ самоуправляющихся общинъ, называвшихся концами, которые имѣли свое вѣче и свой совѣтъ изъ бывшихъ посадниковъ и тысяцкихъ, жившихъ въ предѣлахъ конца. Во главѣ каждаго конца находился особый староста, входившій въ составъ правительственнаго совѣта; 4) сотскіе, стоявшіе во главѣ сотенъ, на которыя, какъ можно догадываться, дѣлились нѣкоторыя сословія, напр., купцы и черные люди; 5) владыка, т. е. новгородскій архіепископъ, который игралъ оченъ важную роль не только въ церковномъ, но и въ государственномъ управленіи. Владыка избирался на вѣчѣ (обыкновенно избирали трехъ кандидатовъ, между которыми бросался жребій) и затѣмъ поставлялся сперва кіевскимъ митрополитомъ, а потомъ московскимъ. Онъ осуществлялъ функціи святительскаго суда, главнымъ образомъ, по семейственнымъ, наслѣдственнымъ и нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ, когда отсутствовалъ князь (совѣтъ иногда даже засѣдалъ въ палатахъ у владыки), давалъ свое благословеніе законамъ и договорамъ, сносился посредствомъ особыхъ посольствъ съ русскими князьями и иностранными государствами и вообще пользовался такимъ вліяніемъ, что иностранцы (напр., французъ Лануа) отождествляютъ его положеніе съ положеніемъ государя. Въ церковномъ отношеніи Псковъ находился въ зависимости отъ Новгорода и потому не имѣлъ своего владыки, а только намѣстника новгородскаго архіепископа.

Число членовъ совѣта было весьма обширно, нерѣдко оно доходило до 50, что объясняется присутствіемъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, число которыхъ (до 25) равнялось половинѣ всего числа членовъ.

Совѣтъ носилъ разныя названія, а именно: „дума“, „судебня“ (въ Псковѣ), „совѣтъ господъ“ („Herrenrath“ по терминологіи иностранцевъ), „господа“—въ Псковской грамотѣ и т. п.

Время и мѣсто засѣданій совѣта не были опредѣлены: иногда онъ созывался довольно часто, иногда, напротивъ, рѣдко. Мѣстомъ засѣданія обыкновенно былъ княжескій дворецъ, а иногда и палаты владыки. Иниціатива созванія принадлежала князю, въ отсутствіе же его—владыкѣ или посаднику.

Будучи исполнительнымъ органомъ вѣча и, слѣдовательно, вполнѣ завися отъ него, совѣтъ ограничивалъ власть князя. Функціи его были: законодательство (инціатива возбужденія законодательныхъ вопросовъ и составленіе законопроектовъ), администрація и судъ. Въ виду того, что вѣче не всегда имѣлось налицо, совѣтъ же фигурировалъ въ качествѣ постояннаго учрежденія, фактическое его значеніе было огромно.

3) Вѣче.

Вѣче—такой же необходимый элементъ древнерусскаго государственнаго устройства, какъ князь и его дума. Объясняется это точно также доисторическимъ происхожденіемъ вѣча. Что оно существовало еще задолго до призванія Рюрика, объ этомъ свидѣтельствуютъ византійскіе писатели. Такъ, по словамъ Прокопія, „славяне не имѣли единодержавной власти, но искони управлялись общественно, о пользахъ и нуждахъ своихъ разсуждали въ народныхъ собраніяхъ, вообще издавна жили при народномъ правленіи“. Тоже самое говоритъ и византійскій императоръ Маврикій. Наши лѣтописцы вполнѣ подтверждаютъ эти извѣстія византійцевъ. „Новгородцы бо, читаемъ у Нестора, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти (волости) яко же на думу на вѣча сходятся“. Извѣстно, что и самъ Рюрикъ былъ призванъ вѣчемъ, въ составъ котораго вошли Кривичи, Словене, Чудь и Меря.

Вѣче существовало повсемѣстно: не было области, не было княженія, гдѣ бы оно отсутствовало. Однако, не вездѣ вѣче достигло одинаковаго развитія: на югѣ оно не пріобрѣло такихъ правъ и такого значенія, какъ на сѣверѣ, гдѣ оно достигло апогея своего развитія. Точно также не во всѣ періоды русской исторіи значеніе вѣча было одинаково, такъ, въ Новгородѣ огромное значеніе вѣче пріобрѣтаетъ только со второй половины XII ст., въ Кіевѣ вѣче въ XI ст. имѣетъ далеко не такое значеніе, какъ въ XIII ст. и т. д.

Въ составъ вѣча по идеѣ должны были входить всѣ, но на практикѣ этого никогда не было. Обыкновенно вѣче составля-

лось изъ жителей главнаго города, присутствіе же жителей областей было случайное и ненеобходимое. Въ виду этого, явилась потребность въ существованіи особыхъ вѣчей въ пригородахъ, рѣшавшихъ дѣла, касающихся этихъ послѣднихъ. Отношенія названныхъ вѣчей къ вѣчу главнаго города были построены на началѣ подчиненія, вслѣдствіе зависимости пригородовъ отъ главнаго города. Впрочемъ, если вѣче пригорода сознавало себя настолько сильнымъ, что могло противостоять вѣчу главнаго города, то нерѣдко возникалъ антагонизмъ между ними, кончавшійся побѣдою болѣе сильнаго. Въ отношеніи сословій не существовало никакихъ изъятій касательно участія на вѣчѣ: всѣ общественные классы, начиная съ бояръ и духовныхъ, продолжая купцами и заканчивая черными людьми и смердами, были равноправными членами вѣча; одни только несвободные не могли на немъ участвовать. Вѣче не было представительнымъ учрежденіемъ и всѣ участвовали на немъ поголовно, при чемъ участіе далеко не считалось обязательнымъ: кто хотѣлъ, тотъ и приходилъ на вѣче.

Созывать вѣче могъ всякій, при чемъ способы созванія были: или колокольный звонъ, или скликаніе народа „биричами“ (особыя должностныя лица).

Время и мѣсто засѣданій не было опредѣлено. Въ одномъ только Новгородѣ вѣче собиралось или у церкви Св. Софіи (патронессы города), или на Ярославовомъ дворѣ.

Порядокъ засѣданія былъ словесный и безформенный. Обыкновенно созвавшій вѣче обращался съ рѣчью къ народу, излагая свое предложеніе, послѣ чего начиналось совѣщаніе, при чемъ въ немъ важную роль играли старики и лучшіе люди. Иногда случалось, что болѣе богатые, желая достигнуть извѣстныхъ цѣлей, подкупали бѣдныхъ и этимъ добивались своего. Порядокъ засѣданія, неопредѣленный во всей Россіи, былъ отчасти упорядоченъ въ Новгородѣ. Здѣсь имѣлось особое возвышеніе (трибуна), помѣщавшееся рядомъ съ башней, на которой висѣлъ вѣчевой колоколъ. Въ башнѣ находилась „вѣчевая изба“, т. е. канцелярія вѣча, во главѣ которой стоялъ „вѣчный дьякъ“, облекавшій приговоры вѣча въ письменную форму и прикрѣплявшій къ нимъ печать „Господина Великаго Новгорода“.

Всѣ дѣла рѣшались единогласно („едиными устами“, „единодушно“) или же подавляющимъ большинствомъ голосовъ, приближавшимся къ единогласію. Если же меньшинство чувствовало себя сильнымъ, то отстаивало свое мнѣніе, изъ-за чего иногда происходила кровопролитная борьба между сторонами, оканчивавшаяся или побѣдой одной изъ сторонъ, или же извѣстнымъ компромиссомъ между обѣими.

Что касается до предметовъ вѣдомства вѣча, то здѣсь на первомъ планѣ будетъ законодательство. Такъ, до насъ дошло не мало жалованныхъ грамотъ, бывшихъ продуктомъ дѣятельности новгородскаго вѣча. „Господину посаднику новгородскому, читаемъ въ нихъ, господину тысяцкому новгородскому и всему Великому Новгороду на вѣче на Ярославлѣ дворѣ били челомъ... (слѣдуютъ имена). И посадникъ, и тысяцкій, и весь Господинъ Великій Новгородъ даше грамоту жалованную на вѣчѣ“. Вѣче издавало новые законы, дополняло ихъ и отмѣняло старые. Вѣче занималось и кодификаціей законодательнаго матеріала. Такъ, обѣ судныя грамоты (Новгородская и Псковская) были составлены на вѣчѣ, о чемъ говорится въ ихъ оглавленіи („сія грамота выписана... всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ“). Наконецъ, вѣче заключало договоры съ князьями, которые имѣли характеръ хартій или основныхъ законовъ, такъ какъ опредѣляли отношенія между княземъ и населеніемъ. Въ Псковѣ законодательная функція вѣча основывалась прямо на законѣ, что видно изъ 108 статьи Псковской судной грамоты, гласящей: „а которой строкѣ (т. е. статьи) пошлинной (судной) грамоты нѣтъ, и посадникамъ доложити господина Пскова, на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ“.

Кромѣ законодательства, въ составъ компетенціи вѣча входили сношенія съ иностранными государствами, для чего вѣче принимало чужихъ и отправляло своихъ пословъ, а также заключало международные договоры и разрѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ. Затѣмъ оно избирало князя и многихъ должностныхъ лицъ и, въ случаѣ недовольства ими, низлагало ихъ. Наконецъ, въ его вѣдѣніе входило: вотированіе чрезвычайныхъ налоговъ,

опредѣленіе качества монеты и чеканка послѣдней, распоряженіе государственными землями, разрѣшеніе вопросовъ торговли и промышленности и т. п. Большинство перечисленныхъ функцій принадлежало вѣчу въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ, какъ извѣстно, вѣчевой бытъ развился гораздо болѣе, чѣмъ въ остальной Россіи.

Вѣчу принадлежали также и судебныя функціи, въ силу чего оно фигурировало или въ качествѣ верховнаго суда, судившаго князя и должностныхъ лицъ, или въ качествѣ обыкновеннаго суда, судившаго простыхъ гражданъ.

Вѣче, въ качествѣ политическаго органа, прекратило свое существованіе послѣ монгольскаго завоеванія, когда исчезли всякіе поводы его созванія. Дольше всего оно сохранилось въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ было уничтожено московскими великими князьями, послѣ присоединенія обоихъ городовъ къ Москвѣ.

IV. *Управленіе.*

А) Правительственное дѣленіе.

Каждое княженіе дѣлилось на волости (иногда въ памятникахъ слово „волость“ употребляется въ смыслѣ „княженія“), при чемъ это дѣленіе не было продуктомъ законодательной дѣятельности, какъ наши современныя губерніи, а образовалось постепенно еще въ доисторическое время.

Съ теченіемъ времени волости въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получаютъ названіе „становъ“, подъ которыми, однако, не слѣдуетъ понимать подраздѣленія волости, но самую волость. Откуда произошло это послѣднее названіе, трудно рѣшить; надо полагать, что станами первоначально назывались мѣста остановокъ княжескихъ чиновниковъ, ѣздившихъ за сборомъ дани или податей.

Волостямъ соотвѣтствовали города, бывшіе такими же единицами управленія, какъ и волости. Къ нимъ приписывались села и деревни, составлявшія уѣздъ города.

Волости въ свою очередь дѣлились на болѣе мелкія единицы: 1) погосты и 2) верви. Погосты также древняго происхожденія, какъ и волости; число ихъ было въ разныхъ мѣстахъ

неоцинаково; такъ, до насъ дошло извѣстіе, что въ Новгородской землѣ ихъ было до 419, въ Смоленскѣ до 45 и т. д. Погосты являлись единицами распредѣленія податей.

Что такое вервь, до сихъ поръ еще съ точностію не опредѣлено. Въ наукѣ по этому поводу существуетъ разногласіе. Одни думаютъ, что это извѣстное пространство земли, огороженное „вервью“ (т. е. веревкою), иначе говоря, опредѣленная территоріальная община. Другіе полагаютъ, что это семейная община, въ родѣ юго-славянской задруги. Второе мнѣніе ужъ по одному тому не можетъ быть принято, что до насъ дошло очень немного данныхъ о верви, такъ что проводить какую бы то ни было параллель между нею и задругой (институтомъ вполнѣ выясненнымъ) мы не имѣемъ никакой возможности. Тѣ же данныя, которыя находятся въ Русской Правдѣ, скорѣе въ пользу мнѣнія о территоріально-общинномъ характерѣ верви (см. ниже уголовное право удѣльно-вѣчевого періода).

Самою мелкою единицею управленія были сотни, на которыя дѣлились волости и погосты.

Б) Органы управленія.

Управленіе дѣлилось на два вида: княжеское (правительственное) и земское (мѣстное самоуправленіе). Органами княжескаго управленія были разныя должностныя лица, назначавшіяся княземъ. Первоначально они назывались тіунами, при чемъ нерѣдко назначались изъ холоповъ. Функціи ихъ были судебно-административныя.

Кромѣ тіуновъ, существовали еще должности дворскаго или дворецкаго (завѣдывавшаго княжескимъ дворомъ и вообще недвижимой собственностью князя), казначея (завѣдывавшаго княжеской казной), ключника, ловчаго, сокольничаго и т. п. Всѣ эти должности въ предѣлахъ своей компетенціи отправляли не только административныя, но и судебныя функціи. Съ теченіемъ времени лица, занимавшія ихъ, получили названіе „путныхъ (бояръ“, такъ какъ находились во главѣ извѣстныхъ „путей“ ловчій путь, сокольничій путь и т. п.), т. е. вѣдомствъ дворцоваго хозяйства князя.

Наконецъ, органами княжескаго управленія были посадники, намѣстники и волостели. Со временемъ должность посадника превратилась въ выборную, утративъ, такимъ образомъ, свой первоначальный правительственный характеръ. Что же касается до намѣстниковъ и волостелей, то они никогда не пріобрѣли земскаго характера и всегда назначались княземъ. Намѣстники назначались въ города, волостели же, какъ показываетъ ихъ названіе, въ волости. Функціи ихъ (судебно-административныя) были вполнѣ одинаковы, за единственнымъ только исключеніемъ, а именно: намѣстникъ вѣдалъ не только гражданское, но и военное управленіе, волостель же сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ одно гражданское управленіе. Ни въ какихъ зависимыхъ другъ отъ друга отношеніяхъ они не состояли. Что касается до ихъ содержанія, то они получали особый „кормъ“ (отсюда „кормленіе“) отъ населенія, размѣръ котораго былъ опредѣленъ.

На ряду съ княжескимъ управленіемъ, какъ было уже сказано, существовало еще земское самоуправленіе. Единицами его были разныя мелкія территоріальныя общины, напр., сотни и др. Органами ихъ являлись мѣстныя народныя собранія или вѣча, обладавшія административно-хозяйственными функціями. Продуктомъ дѣятельности этихъ собраній были особые приговоры, носившіе названіе „мірскихъ уложеній“. До насъ дошло нѣсколько такихъ приговоровъ. Приведемъ для примѣра одинъ, составленный вѣчемъ тавренской волости: „се азъ староста тавренской волости и всѣ крестьяне обговорились сами промежъ себя по благословенію отца своего духовнаго и учинили заповѣдь на три года, что намъ въ праздникъ Воскресенія Христова дѣла не дѣлати никакого чернаго, а проводити съ чистотою и любовью; и кто въ нашей тавренской волости сію заповѣдь нарушитъ, и на томъ заповѣди доправити сотскому по мірскому уложенію“.

Къ компетенціи вѣча относилось: 1) „метаніе межъ себя кормовъ и поборовъ“, т. е. разверстка податей и повинностей, приходившихся на долю общины; 2) избраніе административно-судебныхъ должностныхъ лицъ, управлявшихъ дѣлами общины: старостъ, сотскихъ и десятскихъ, и 3) избраніе „добрыхъ людей“ въ княжескій судъ („добрые люди“—прообразъ нынѣшнихъ

присяжныхъ) впервые встрѣчаются, какъ необходимый элементъ княжескаго суда, въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ нѣмцами 1229 г.

В) Отрасли управленія.

Что касается отраслей княжескаго и земскаго управленія, то объ этомъ у насъ, сравнительно, немного свѣдѣній.

Нѣкоторыя отрасли, напр., полиція, находились еще въ зачаточномъ состояніи; такъ, извѣстно, что древнерусское правительство заботилось о хорошемъ состояніи путей сообщенія (былъ изданъ особый уставъ о мостовыхъ), о народномъ просвѣщеніи (Ярославъ открывалъ школы, поручая преподаваніе въ нихъ духовнымъ лицамъ), о мѣрахъ призрѣнія, сдѣлавшихся функціей церкви и только. Больше свѣдѣній имѣется относительно финансоваго управленія.

Источники доходовъ разсматриваемаго періода довольно разнообразны. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стояла дань, т. е. плата слабаго племени сильному. Взималась она или посредствомъ особыхъ даньщиковъ, посылавшихся въ мѣста сбора дани, или посредствомъ, такъ называемаго, „полюдія“, т. е. военнаго похода князя съ дружиною для сбора дани. Послѣдній способъ съ теченіемъ времени прекратилъ свое существованіе и остался одинъ только первый.

Единицей обложенія были: „дымъ“ (т. е. дворъ или домъ) и „рало“ (плугъ), но подъ тѣмъ и другимъ слѣдуетъ понимать участокъ земли. обработываемый силою одного земледѣльца.

Предметами дани первоначально были сырые продукты, напр., медъ, шкуры, хлѣбъ и т. п., впослѣдствіи—деньги. Послѣднія долгое время назывались кунами—прямое указаніе на то, что въ древности эквивалентомъ денегъ былъ мѣхъ (куны—куній мѣхъ). Есть основаніе думать, что первоначально деньги дѣлались изъ кожи. Съ появленіемъ металлическихъ денегъ (изъ серебра) онѣ начинаютъ называться гривнами. Съ теченіемъ времени (въ XIV ст.) возникаетъ обыкновеніе разрубать ихъ пополамъ, при чемъ каждой половинѣ присваивается названіе рубля. Кромѣ русскихъ

денегъ, въ древности обращались еще иностранныя деньги, сначала арабскія, потомъ татарскія (самое слово „деньга“ происходитъ отъ татарскаго „тамга“, что значитъ клеймо). Съ татаръ же стали обращаться и мѣдныя деньги.

Вторымъ источникомъ доходовъ были разнообразныя пошлины, которыя можно подвести подъ двѣ категоріи: судныя, взимавшіяся въ судѣ во время веденія дѣлъ и съ выдачи разныхъ грамотъ, и дорожныя (перевозъ и мостовщина)—при переправахъ черезъ рѣки, мосты и т. п.

Третьимъ источникомъ доходовъ были прямые и косвенные налоги. Послѣдніе взимались преимущественно съ предметовъ торговли и особенно развились послѣ монгольскаго завоеванія. Къ прямымъ налогамъ слѣдуетъ отнести: „кормъ“, церковную десятину и татарскую дань. Подъ кормомъ понималось содержаніе, взимавшееся съ населенія въ пользу княжескихъ чиновниковъ, не получавшихъ въ то время никакого жалованья. Вначалѣ размѣръ корма не былъ опредѣленъ; такъ, въ памятникахъ говорится: „дать столько, сколько ясти могутъ“, или „сколько чрево возьметъ“. Должностныя лица часто злоупотребляли этимъ, почему населеніе жаловалось князьямъ, вслѣдствіе чего съ теченіемъ времени было опредѣлено, чтобы кормъ взимался только три раза въ году (на Рождествѣ, на Пасхѣ и въ Петровъ день), при чемъ размѣръ его былъ также установленъ. Десятина взималась въ пользу церкви и появилась съ принятіемъ христіанства; она была ничѣмъ инымъ, какъ извѣстнымъ $^0/_0$ съ имущества лицъ. Съ монгольскаго завоеванія былъ установленъ еще новый налогъ-дань (обыкновенная и чрезвычайная), сборомъ которой сначала занимались особыя должностныя лица—„баскаки“, а потомъ князья.

Къ числу источниковъ дохода слѣдуетъ также отнести разныя повинности со стороны населенія, напр., поставка подводъ для княжескихъ гонцовъ и чиновниковъ и городское и княжее дѣло, т. е. разныя повинности въ пользу князя, напр., постройка крѣпости (городовое дѣло) и др.

Единицей обложенія были „обжа“ и „соха“ (соха=тремъ обжамъ). Онѣ не составляли опредѣленной мѣры участка земли,

подобно современной десятинѣ, и заключали въ себѣ то большее, то меньшее количество земли, такъ какъ при раздѣленіи послѣдней на обжи и сохи принималось во вниманіе не только количество, но и качество земли. Разверстка податей производилась самимъ населеніемъ, что носило названіе „метанія межъ себя кормовъ и поборовъ“.

Третья отрасль управленія, извѣстная въ разсматриваемое время, это—военное управленіе. Древнее войско состояло изъ трехъ частей: 1) княжеской дружины, въ составъ которой входили старшіе и младшіе дружинники; 2) народнаго ополченія, состоявшаго изъ всего населенія волости и бывшаго, въ отличіе отъ дружины, временнымъ войскомъ (число ополченцевъ было довольно велико; такъ, Новгородъ уже въ XII ст. выставлялъ около 20 тыс.), и 3) иноземныхъ наемниковъ, каковыми сперва являлись варяги, половцы и другіе инородцы, а затѣмъ татары.

Войско дѣлилось на конницу (дружина) и пѣхоту (ополченіе); оно носило разныя названія: „служилые люди“, „дружина“, „полкъ“ (народное ополченіе) и, наконецъ „рать“.

Что касается военачальниковъ, то таковыми были посадники, намѣстники и тысяцкіе. Разница между ними состояла въ томъ, что первые два были начальниками дружины, а послѣдніе—народнаго ополченія. Во время похода назначались еще особые „полковые воеводы“.

Войско не содержалось, какъ теперь, государствомъ; одна только дружина получала опредѣленное жалованье, народное же ополченіе жило военной добычей, т. е. грабежемъ непріятеля.

Уголовное право.

I. Ученіе о преступленіи.

Въ воззрѣніи на преступленіе древнерусское право придерживается матеріальной точки зрѣнія, т. е. преступленіе разсматривается исключительно, какъ дѣяніе вредоносное. Такимъ образомъ, признакъ вреда является необходимымъ условіемъ наличности преступленія. Формальный же элементъ въ опредѣленіи преступленія, получившій такое широкое развитіе въ позднѣйшихъ памятникахъ (напр., въ Уложеніи 1649 г.), когда преступленіе исключительно трактовалось, какъ нарушеніе извѣстныхъ велѣній закона, въ древности не былъ извѣстенъ, если не считать памятниковъ церковнаго законодательства, составлявшихся подъ сильнымъ вліяніемъ византійскаго права. Затѣмъ всѣ преступленія имѣютъ болѣе или менѣе частный, а не общественный характеръ, въ виду воззрѣнія на нихъ, какъ на дѣянія, противныя интересамъ, главнымъ образомъ, частныхъ лицъ, а не всего общества. Это воззрѣніе сказывается, между прочимъ, въ названіи преступленія „обидою“ и въ характерѣ наказаній, бывшихъ долгое время ничѣмъ инымъ, какъ штрафами. Только въ Псковской судной грамотѣ впервые появляется воззрѣніе на преступленіе, какъ на дѣяніе, противное интересамъ не только частныхъ лицъ, но и всего общества.

Субъектомъ преступленія можетъ быть только свободное лицо, такъ какъ холопъ, будучи вещью, естественно не могъ совершать преступленій („холоповъ, говоритъ Русская Правда, князь продажею не казнитъ, потому что они несвободны“).

Древнее право не дѣлаетъ различія въ отношеніи наказуемости между главными и второстепенными виновниками, карая ихъ всѣхъ одинаково.

Что касается до преступнаго дѣянія, то, анализируя его съ

внутренней стороны, мы увидимъ, что оно дѣлится на умышленное и неумышленное дѣяніе (въ первомъ случаѣ имѣется участіе злой воли въ большей степени, во второмъ—въ меньшей, а иногда оно и совсѣмъ отсутствуетъ). Древнее право знало это дѣяніе; такъ, Русская Правда къ умышленному дѣянію относитъ убійство „въ разбоѣ", караемое „потокомъ и разграбленіемъ" и противополагаемое убійству въ „свадѣ" (т. е. въ дракѣ) и „на пиру" (т. е. подъ вліяніемъ опьяненія), караемому значительно легче, а именно штрафомъ.

Разсматривая преступленіе съ внѣшней стороны, древнее право различало покушеніе и совершеніе преступленія, при чемъ послѣднее каралось строже перваго; такъ, Русская Правда говоритъ: „если кто вынетъ мечъ, но не ударитъ, то гривна кунъ, а ударитъ, то три гривны продажи" (ст. 20 Карамз. списка).

Что касается до обстоятельствъ, вліяющихъ на наказуемость, т. е. увеличивающихъ или уменьшающихъ ее, то древнему праву были извѣстны слѣдующія: 1) аффектъ (возбужденное состояніе), о чемъ свидѣтельствуетъ ст. 21 Карамз. сп. Русской Правды: „оже кто ударитъ кого батогомъ, или чашею, или рогомъ, либо тылисницею, то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому, ткнетъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтъ", т. е. если кто-либо, придя въ возбужденное состояніе, вслѣдствіе полученнаго удара, въ свою очередь ударитъ своего противника, то не считается совершившимъ преступленія. 2) Необходимая оборона, когда, напр., одинъ человѣкъ изъ чувства самосохраненія, убиваетъ нападающаго на него другого человѣка; такъ, статья 38 Акад. сп. Русской Правды дозволяетъ убійство сопротивляющагося ночного вора, воспрещая въ тоже время убивать связаннаго вора. 3) Общественное положеніе жертвы преступленія; такъ, за убійство княжаго мужа полагается большая кара (80 гривенъ), чѣмъ за убійство простого человѣка (40 гривенъ). 4) Рецидивъ или повтореніе преступленія (при татьбѣ, т. е. кражѣ); онъ не былъ извѣстенъ Русской Правдѣ, а появляется впервые въ Двинской уставной грамотѣ 1398 г. и затѣмъ въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ за первую кражу полагается штрафъ, за вторую продажа въ неволю, а за третью смертная казнь.

Объектомъ преступленія могли быть только свободныя лица.

Древнее право знало слѣдующіе виды преступныхъ дѣяній: 1) убійство, которое могло быть ненаказуемое, напр., въ случаѣ необходимой обороны или убійство холопа, слабо наказуемое, напр., въ „свадьѣ“ и на „пиру“, и строго наказуемое, напр., въ „разбоѣ“.

2) Противъ тѣлесной неприкосновенности, куда относились: нанесеніе ранъ (Русская Правда знаетъ раны „кровавыя“ и „синія“, при чемъ за первыя, какъ нанесенныя оружіемъ, полагается большій штрафъ, чѣмъ за вторыя) увѣчій (т. е. отнятіе какого-либо члена) и побоевъ (они карались строже увѣчій, вслѣдствіе двойственности объекта: тѣлесной неприкосновенности и чести) [1]).

3) Преступленія противъ чести, куда относятся: а) сорваніе платья, о чемъ упоминается въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами 1195 г.; б) толканіе кого-либо (Русская Правда говоритъ: „оже попохнетъ мужъ мужа либо къ собѣ, либо отъ собѣ“); в) вырываніе бороды или усовъ, считавшееся самымъ тяжкимъ преступленіемъ разсматриваемаго вида, почему за него полагался наивысшій штрафъ, и г) оскорбленіе словомъ, впервые встрѣчающееся въ уставной Двинской грамотѣ 1398 г., гдѣ говорится: „а кто кого излаетъ боярина, и намѣстницы судятъ ему по его отечествѣ безчестье; такожъ и слузѣ“ (иначе говоря, различается понятіе оскорбленія простого человѣка и боярина).

4) Преступленія противъ имущественныхъ правъ, изъ которыхъ главными являются слѣдующія: а) татьба или кража, раздѣляющаяся на обыкновенную и квалифицированную, караемую строже (ко второй относятся: кража изъ закрытыхъ помѣщеній, напр., изъ хлѣва и клети, когда, слѣдовательно, напряженіе злой воли сильнѣе; кража коневая (т. е. лошадей) и кромская [2]) (нужно думать изъ крѣпости, изъ крома, т. е. кремля); б) грабежъ и

[1]) Преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности по Псковской судной грамотѣ носятъ названіе „боя“.

[2]) Одни ученые подъ кромской татьбой понимаютъ кражу казенныхъ или городскихъ вещей (Соловьевъ, Энгельманъ), другіе—кражу церковныхъ вещей, т. е. святотатство (Мурзакевичъ, Владимірскій-Будановъ), третьи—кражу комнатныхъ вещей (Устряловъ). Вѣрнѣе думать что подъ этою кражею понимается кража изъ крѣпости.

разбой (явное и насильственное отнятіе чужой собственности), караемые потокомъ и разграбленіемъ, т. е. заточеніемъ и конфискаціей имущества; в) поджогъ, караемый тѣмъ же наказаніемъ („аще кто зажжетъ гумно, читаемъ въ 97 ст. Карамзинскаго списка Русской Правды, то на потокъ и на грабежъ домъ его, прежде пагубу расплативши, а въ процѣ князю поточити, такожде оже, кто дворъ зажжетъ"), замѣненный по Псковской грамотѣ смертной казнью; г) порча и истребленіе чужихъ вещей, напр., порча лошади и скота, бортныхъ деревьевъ, оружія и платья.

5) Преступленія противъ государства, вслѣдствіе слабости юридическаго сознанія, находились еще въ зародышномъ состояніи; однако, нѣкоторые изъ нихъ были уже извѣстны, а именно: а) самосудъ, которому Двинская уставная грамота даетъ слѣдующее опредѣленіе: „а самосудъ то: кто, изымавъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ, а себѣ посулъ возьметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ". Такимъ образомъ самосудъ являлся преступленіемъ противъ судебной власти и былъ весьма чувствителенъ для послѣдней, такъ какъ судъ составлялъ одинъ изъ источниковъ доходовъ, благодаря разнообразнымъ судебнымъ пошлинамъ; б) преступленія по службѣ, о которыхъ говорятъ Псковская и Новгородская судныя грамоты, напр., взяточничество, неправый судъ и др. [1]) и, наконецъ, в) перевѣтъ, т. е. тайная передача вѣстей непріятелю (этотъ видъ государственныхъ преступленій извѣстенъ только Псковской грамотѣ, которая караетъ его смертной казнью, см. ст. 7).

6) Преступленія противъ церкви, куда относятся: а) чародѣяніе или зелейничество, б) вѣдьство или волхованіе и в) разные языческіе обряды, допускавшіеся обычнымъ правомъ, но преслѣдовавшіеся духовенствомъ (обо всѣхъ этихъ преступленіяхъ говорятъ церковные уставы).

7) Преступленія противъ семьи и нравственности, а именно:

---

[1]) „А посаднику, гласитъ ст. 3 Псковской судной грамоты, судить право, по крестному цѣлованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ не мститься ни на кого жъ, а судомъ не отчитись (не принимать въ расчетъ родственныхъ связей), а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати; а безъ исправы человѣка не погубити ни на суду, на вѣчи".

противъ семьи: а) бракъ въ близкихъ степеняхъ родства или свойства („аже ближній родъ поймется, читаемъ въ ст. 12 церковнаго устава Ярослава, епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитимью да примутъ"), б) двоеженство [1]) и в) разводъ безъ разрѣшенія епископа (ст. 14 церковнаго устава Ярослава); противъ нравственности: а) прелюбодѣяніе (въ отношеніи этого преступленія Русская Правда не сходится съ церковными уставами, такъ какъ по Правдѣ карается одна только жена, мужъ же можетъ жить съ рабою, получавшей свободу вмѣстѣ съ дѣтьми послѣ его смерти; по церковнымъ же уставамъ караются обѣ стороны, напр., ст. 6 церковнаго устава Ярослава); б) похищеніе дѣвицы (по обычному праву это былъ одинъ изъ способовъ установленія брака, церковные же уставы трактуютъ похищеніе, какъ преступленіе); в) изнасилованіе (въ отношеніи наказуемости принималось во вниманіе общественное положеніе потерпѣвшей) [2]), и г) кровосмѣшеніе [3]).

II. Ученіе о наказаніи.

Въ глубокой древности единственнымъ наказаніемъ является месть. Она есть право, т. е. всякій можетъ пользоваться ею вполнѣ безнаказанно. Такое явленіе объясняется слабымъ развитіемъ государственности и, вслѣдствіе этого, отсутствіемъ судебныхъ органовъ, долженствующихъ охранять интересы каждаго члена общества. Отсюда всякій самъ себѣ судья и оборона. Месть существуетъ еще и въ историческое время: такъ, Русская Правда начинается статьей, посвященной мести и допускающей довольно широкое примѣненіе ея.

Съ теченіемъ времени, съ прогрессомъ юридической жизни

---

[1]) „Аже мужъ оженится, гласитъ ст. 7 церковнаго устава Ярослава, со старою (женою) не распустився, мужъ епископу въ винѣ, а молоду (т. е. вторую жену) въ домъ церковный, а съ старою жити". О томъ же говоритъ и ст. 13.

[2]) Ст. 2 церковнаго устава Ярослава говоритъ объ изнасилованіи женъ и дочерей большихъ и меньшихъ бояръ, „нарочитыхъ людей" и „простой чади".

[3]) Т. е. преступная связь между близкими родственниками и свойственниками (см. ст. 17, 18 и 19 церковнаго устава Ярослава).

народа право мести ограничивается. Та же Русская Правда (позднѣйшихъ списковъ) уже говоритъ, что мстить можно только въ предѣлахъ рода и немедленно, а не черезъ извѣстный промежутокъ времени послѣ обиды (ст. 1 и 3 Академическаго списка), при чемъ каждый мститель, по толкованію проф. Сергѣевича (Лекціи и изслѣдованія, стр. 444), послѣ осуществленія имъ своего права обязанъ заявить объ этомъ суду, въ противномъ случаѣ, нужно думать, онъ карался, какъ преступникъ. При сыновьяхъ Ярослава месть окончательно исчезаетъ. Объ этомъ мы имѣемъ указаніе въ Русской Правдѣ (въ ст. 2 Карамз. сп.), гдѣ говорится, что сыновья Ярослава вмѣстѣ со своими мужами „отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати“. Такимъ образомъ, месть замѣняется выкупомъ. Послѣдній раздѣлялся на нѣсколько видовъ, каковыми были: 1) вира, шедшая въ пользу князя при разборѣ имъ или его тіунами дѣлъ объ убійствахъ; 2) продажа, также шедшая въ пользу князя при разборѣ имъ дѣлъ о всѣхъ другихъ преступленіяхъ; 3) головничество, платившееся пострадавшимъ при убійствѣ, и 4) урокъ—тоже пострадавшимъ при преступленіяхъ противъ имущества. По Псковской судной грамотѣ существуетъ одна только продажа, остальные же виды выкупа постепенно исчезаютъ [1]). Платилъ выкупъ преступникъ, но иногда община, именно вервь, что имѣло мѣсто въ двухъ случаяхъ: 1) при неумышленномъ убійствѣ, когда каждый членъ верви „вкладывался въ дикую виру“, т. е. заблаговременно вносилъ въ вервь извѣстную сумму денегъ, какъ бы страхуя себя на будущее время, и 2) при умышленномъ убійствѣ, когда вервь почему-либо не выдавала убійцу, разъ въ ея предѣлахъ было найдено тѣло убитаго.

Размѣръ выкупа былъ разнообразенъ (напр., 40 и 80 гривенъ), смотря по общественному положенію жертвы преступленія.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе вліянія византійскаго права, разсмотрѣнная система наказаній измѣняется: появляются новыя наказанія, напр., „потокъ и разграбленіе“ (переводъ съ латинскаго: „publicatis bonis relegantur“), т. е. заточеніе и кон-

[1]) Продажею по Псковской грамотѣ карались: убійство, бой, т. е. преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности, обида, первая татьба, разбой и грабежъ.

фискація имущества („разграблены бывше, да заточены будутъ"), затѣмъ изгнаніе и ссылка и, наконецъ, смертная казнь. Впервые она была введена при Владимірѣ Святомъ по совѣту епископовъ, которые, замѣтивъ князю, что разбои значительно усилились и что вира не приноситъ пользы, какъ наказаніе, посовѣтывали ему казнить разбойниковъ смертію. Князь послушался этого совѣта и установилъ смертную казнь. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что она неоднократно примѣнялась въ разсматриваемую эпоху, хотя вплоть до изданія Двинской уставной грамоты 1398 г. законодательные памятники о ней молчатъ. Двинская грамота впервые упоминаетъ о смертной казни, карая ею за третью кражу [1]). Знаетъ ее также и Псковская судная грамота, примѣняя этотъ видъ наказанія къ татямъ (квалифицированнымъ), поджигателямъ и перевѣтникамъ.

---

[1]) Грамота говоритъ о повѣшеніи.

Гражданское право.

I. Право семейственное.

Древнѣйшимъ способомъ установленія брака было похищеніе жены. Объ этомъ свидѣтельствуетъ наша первоначальная лѣтопись, хотя, впрочемъ, говоря о похищеніи, она имѣетъ въ виду одинъ только обрядъ. Такимъ образомъ, въ разсматриваемую эпоху дѣйствительнаго похищенія уже не было, а было только обрядовое. Вотъ что говоритъ по этому поводу лѣтопись: „Родимичи, Вятичи и Сѣверяне живяху, какъ звѣри и браци у нихъ не бываху, но игрища между селъ: схожахуся на игрища, на плясанье и ту умыкиваху жены собѣ, *съ нею же кто свѣщяшеся*“. Также и Древляне „убиваху другъ друга и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у *воды* дѣвицы жены собѣ“. Подобное же обрядовое похищеніе сохранилось еще и по сіе время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у крестьянъ.

Съ теченіемъ времени похищеніе исчезаетъ и замѣняется покупкой. Женихъ покупаетъ себѣ невѣсту, внося за нее отцу особую плату, называемую вѣномъ. Такъ, Владиміръ Святой отдалъ Грекамъ за жену вмѣсто вѣна завоеванный имъ городъ Корсунь. Покупка въ формѣ обряда существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и теперь.

Кромѣ указанныхъ двухъ способовъ установленія брака, въ древности существовалъ еще третій способъ, это, такъ называемое, приведеніе, когда самъ отецъ приводилъ дочь въ домъ къ жениху и приносилъ вмѣстѣ съ нею приданое. Такъ, лѣтописецъ говоритъ: „не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче“. Отсюда такія жены получили названіе „водимыхъ женъ“.

Установленію брака предшествовалъ сговоръ, бывшій ничѣмъ инымъ, какъ договоромъ объ имуществѣ сторонъ, притомъ обез-

печеннымъ неустойкою. Съ принятіемъ христіанства сговоръ слился съ обрученіемъ, происходившимъ въ церкви и сопровождавшимся обмѣномъ колецъ. Обрученіе было актомъ, вполнѣ отдѣльнымъ отъ вѣнчанія, и между ними проходилъ довольно большой промежутокъ времени. Несмотря на это, обрученіе признавалось столь же нерасторжимымъ, какъ и самый бракъ.

Что касается до условій, необходимыхъ для вступленія въ бракъ, то такими были: во-первыхъ, возрастъ брачущихся, а именно 13 и 12 лѣтъ для женщинъ, 15 и 14 для мужчинъ; это постановленіе заимствовано изъ византійскаго права, и, хотя возрастъ опредѣленъ довольно ранній, но на дѣлѣ мы встрѣчаемъ еще болѣе ранніе браки; во-вторыхъ, согласіе родителей и свободная воля брачущихся, но изъ статьи 21-й церковнаго устава Ярослава, которая говоритъ: „аже дѣвка не восхощетъ замужъ, а отецъ и мать силою дадутъ, а что створитъ надъ собою, отецъ и мать епископу въ винѣ“, мы заключаемъ, что свободная воля далеко не всегда была необходимымъ условіемъ для вступленія въ бракъ.

При наличности вышеуказанныхъ условій заключался брачный союзъ путемъ обрученія, а затѣмъ уже вѣнчанія: впрочемъ, послѣднее долгое время практиковалось только среди высшаго сословія, т. е. среди бояръ, а простые люди и помимо вѣнчанія считали свои браки законными, сопровождая заключеніе ихъ различными обрядами. Духовенство, видя въ этомъ приверженность къ язычеству, боролось съ такими обрядами энергичными мѣрами; объ этомъ мы знаемъ, благодаря многочисленнымъ посланіямъ митрополитовъ, дошедшимъ до насъ. Такъ, въ посланіи митрополита Іоанна читаемъ: „не бывало на простыхъ людяхъ благословеннаго вѣнчанія, но бояре только и князья вѣнчались; простымъ же людямъ яко именемъ и плесканіемъ“. Но такіе браки, несмотря на оппозицію духовенства и опираясь на силу обычнаго права, существовали весьма долго на Руси.

Способомъ прекращенія брака былъ разводъ, широко практиковавшійся въ древней Россіи. Поводами къ нему по Эклогѣ и Прохирону были: безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ (три года для плѣнныхъ), неспособность мужа къ супружескому

сожитію, заразная болѣзнь, постриженіе въ монашество, прелюбодѣяніе и нѣкоторыя преступныя дѣянія. Практика къ этимъ поводамъ добавила еще два: несогласная жизнь и расточительность мужа. Объ этомъ, напр., говоритъ извѣстное „Вопрошаніе Кириково“: „оже ли вельми зло будетъ, яко не мочи мужу держати жены или жена мужа, или долгъ многъ у мужа застанетъ, а порты (одежды) ея (т. е. жены) грабити начнетъ, или пропиваетъ, или ино зло“. [1]). Разводъ также сопровождался символическимъ обрядомъ: разрывалась холстинка, протянутая черезъ ручей, при чемъ концы холстинки находились въ рукахъ у разводящихся. Духовенство противилось широкому примѣненію развода, тѣмъ болѣе, что дѣла этого рода входили въ составъ юрисдикціи церковныхъ судовъ, однако практика не внимала этой оппозиціи и браки продолжали расторгаться, по словамъ духовныхъ лицъ, „безъ всякаго разсужденія святительскаго правильнаго“.

Переходя къ личнымъ отношеніямъ супруговъ, мы должны констатировать тотъ фактъ, что жена вполнѣ подчиняется мужу, который является главою дома. Объ этомъ говорятъ многіе источники. Такъ, Рогнѣда не желала выйти замужъ за Владиміра, формулируя свой отказъ нежеланіемъ „разуть рабынича“ (Владиміръ былъ сыномъ рабыни) [2]). Указанія на подчиненіе жены мы встрѣчаемъ и въ современномъ крестьянскомъ быту: дѣвушка, носившая косу (какъ символъ вольности), по выходѣ въ замужество одѣваетъ повязку (символъ подчиненія).

Въ связи съ этою подчиненностью находилась и форма брака; такъ, до принятія христіанства многоженство на Руси не было фактомъ единичнымъ: у самого князя, напр., у Владиміра было 4 жены и до 800 наложницъ. Съ принятіемъ христіанства, хотя и водворяется единоженство, но жена, несмотря на защиту церкви, остается попрежнему въ подчиненіи у мужа. Духовенство въ своемъ стремленіи улучшить положеніе жены находило оппозицію даже у такихъ князей, какъ Владиміръ Мономахъ, который въ своемъ поученіи дѣтямъ писалъ: „жену свою любите, но не дайте ей надъ собою власти“.

[1]) Т. е. разводъ допускается при несогласной жизни супруговъ и въ случаѣ растраты мужемъ женинаго имущества на уплату своихъ долговъ или на вино и „иное зло“.

[2]) Разуваніе мужа—символъ подчиненности жены.

Личное положеніе жены опредѣлялось положеніемъ мужа, т. е. жена боярина становилась боярыней, жена купца купчихой, жена крестьянина крестьянкой. Единственное исключеніе изъ этого правила представлялъ бракъ съ рабой, когда мужъ также становился холопомъ, если предварительно не выговаривалъ себѣ свободы у господина жены.

Вопросъ относительно имущественныхъ отношеній супруговъ является спорнымъ. Одни ученые полагаютъ, что въ древности собственникомъ имущества былъ только мужъ; но есть также и другое мнѣніе, по которому обѣ стороны были равноправны, являясь собственниками—каждый въ сферѣ своего имущества. Представителями перваго мнѣнія будутъ проф. Владимірскій-Будановъ и Сергѣевичъ, второго—Неволинъ. Однако, оба мнѣнія одинаково крайни, поэтому, разрѣшая названный вопросъ, мы будемъ придерживаться середины. На основаніи изученія источниковъ, необходимо признать фактъ существованія отдѣльнаго имущества у жены. Это видно изъ слѣдующихъ памятниковъ: во-первыхъ, объ этомъ говоритъ Русская Правда, выдѣляя приданое жены изъ имущества мужа. Приданое послѣ смерти жены поступаетъ въ собственность дѣтямъ, при чемъ мужъ, хотя и пользуется имъ пожизненно, но не можетъ растратить его, напр., завѣщать своей второй женѣ (ст. 106 Кар. сп.). Затѣмъ Русская Правда признаетъ полную свободу со стороны матери завѣщать свое имущество, кому ей угодно („кому мати восхощетъ, тому дастъ“). „А матери, читаемъ въ ст. 116 Кар. списка, который ей сынъ будетъ (добръ) перваго ли мужа или другаго ли, тому же дастъ все; аще ли и всѣ сынове ея будутъ лиси (льстецы), а дщери можетъ дати, кто ю кормитъ“. Такимъ образомъ, въ Русской Правдѣ мы находимъ прямое указаніе на имущественныя права матери: она можетъ лишить наслѣдства непокорныхъ сыновей и даже передать имущество („материю часть“) помимо всѣхъ своихъ дѣтей тому, кто ее кормитъ. Во-вторыхъ, къ такому же выводу необходимо притти изъ анализа содержанія Псковской судной грамоты. Такъ, ст. 91 грамоты даетъ вдовѣ право иска на родственникахъ мужа въ случаѣ присвоенія ими „скруты ея или платья“, т. е. движимаго имущества ея. Затѣмъ

статья 88 начинается словами: „а у котораго человѣка помретъ жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина“, изъ которыхъ мы снова заключаемъ объ имуществѣ (на этотъ разъ недвижимомъ), принадлежащемъ женѣ и могущемъ быть предметомъ ея завѣщанія даже при жизни мужа. Въ-третьихъ, изъ другихъ памятниковъ мы видимъ правда, что жена отвѣчаетъ за долги мужа, но по нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что она отвѣчаетъ только при поручительствѣ съ ея стороны (Договоръ Новгорода съ нѣмцами 1270 г.) Въ-четвертыхъ, на основаніи церковныхъ уставовъ въ составъ юрисдикціи церковныхъ судовъ входило „пошибаніе между мужемъ и женою о животѣ“ (Церк. уставъ Влад. Св.), т. е. споры между мужемъ и женой относительно права собственности—косвенное указаніе на существованіе женинаго имущества, такъ какъ при отсутствіи такового между супругами не могли бы быть никакіе имущественные споры. Точно также изъ устава Ярослава (ст. 24 и 25) видно, что мужъ карается за похищеніе имущества жены, именно: конопли, льна, жита, полотна, бѣлья и одеждъ, чего бы не могло быть, если бы единственнымъ собственникомъ всего имущества былъ мужъ. Наконецъ, въ-пятыхъ, намъ уже извѣстно изъ „Вопрошанія Кирикова“, что расточительность женинаго имущества со стороны мужа составляетъ одинъ изъ поводовъ къ разводу. Такимъ образомъ, на основаніи вышеуказанныхъ данныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ древней Россіи жена пользовалась правомъ собственности и что мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова и Сергѣевича не можетъ быть принято. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы также не можемъ не признать, что жена распоряжалась имуществомъ съ согласія мужа, что становится вполнѣ понятнымъ при личной зависимости жены отъ мужа. Все вышесказанное, иначе говоря, формулируется слѣдующимъ образомъ: жена пользовалась въ древней Руси ограниченною дѣеспособностью, хотя и обладала неограниченною правоспособностью.

Переходимъ къ разсмотрѣнію союза родителей и дѣтей. Главнымъ способомъ установленія послѣдняго было рожденіе дѣтей, при чемъ надо замѣтить, что древнее право не дѣлало различія между дѣтьми законными и незаконными. Извѣстно, что

Владиміръ Св. былъ сыномъ рабыни, но, несмотря на это, получилъ удѣлъ, какъ и законные сыновья Святослава. Такихъ случаевъ въ древности было не мало и всѣ они свидѣтельствуютъ въ пользу равенства правъ законныхъ и незаконныхъ дѣтей. Въ Русской Правдѣ, очевидно, подъ вліяніемъ Византіи начинаютъ, однако, проводиться новыя начала, которыми опредѣляется различіе въ правахъ между законными дѣтьми и рожденными отъ рабыни; эти послѣднія лишаются права наслѣдованія въ имуществѣ отца, но за то получаютъ вмѣстѣ съ матерью свободу (ст. 110 Карамз. списка).

Другимъ способомъ установленія союза родителей и дѣтей было усыновленіе; о немъ въ памятникахъ говорится весьма мало и только, благодаря посланіямъ нѣкоторыхъ митрополитовъ, напр., Кипріана въ 1404 г., намъ извѣстно, что усыновленіе практиковалось въ старину и что пріемыши вполнѣ уравнивались въ правахъ съ законными дѣтьми, наравнѣ съ ними наслѣдуя въ имуществѣ своихъ пріемныхъ родителей. Въ этомъ нельзя не видѣть вліянія византійскаго права, о чемъ впрочемъ и говоритъ митр. Кипріанъ, ссылаясь на Номоканонъ.

Что касается до способовъ прекращенія союза родителей и дѣтей, то прежде всего необходимо констатировать тотъ фактъ, что преступленіе отца не прекращало его, такъ какъ дѣти нерѣдко карались вмѣстѣ съ отцомъ и, во всякомъ случаѣ, слѣдовали за нимъ въ ссылку или изгнаніе. Обыкновеннымъ способомъ освобожденія изъ-подъ власти отца, по крайней мѣрѣ у дочерей, былъ выходъ ихъ замужъ. Сыновья же, даже достигнувъ совершеннолѣтія, обязывались содержать своихъ родителей подъ угрозой лишенія наслѣдства и не имѣли права самовольно покинуть родительскій домъ (Псковская судная грамота, ст. 53). Вообще власть родителей была огромна, что видно изъ памятниковъ даже позднѣйшей эпохи, когда за убійство дѣтей родители карались только годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ и церковнымъ покаяніемъ (по Уложенію 1649 г.). Нужно думать, что то же самое было, по всей вѣроятности, и въ разсматриваемый періодъ.

Послѣ смерти отца мѣсто его занимала мать и пользовалась такимъ же значеніемъ, какъ и отецъ, но только до новаго своего

супружества (см. Русскую Правду, которая говоритъ: „сотворити всяко волю ея (матери), а дѣтямъ не дати воли“).

Чтобы покончить съ семейственнымъ правомъ, намъ необходимо еще сказать нѣсколько словъ объ опекѣ, возникавшей послѣ смерти отца. Въ древности въ такомъ случаѣ опекуншей обыкновенно становилась мать, но эти обязанности она могла исполнять только до новаго замужества; въ случаѣ же такового, назначался новый опекунъ и при томъ всегда изъ близкихъ родственниковъ дѣтей. Онъ обязывался заботиться о благосостояніи опекаемаго имущества, сдававшагося ему при свидѣтеляхъ („а товаръ дати ему передъ людьми“). По достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія, опекунъ сдавалъ имъ все имущество, кромѣ дохода съ него, шедшаго ему въ видѣ вознагражденія за опеку („а что срѣзить товаромъ, гласитъ ст. 111 Русской Правды по Карамз. списку, тѣмъ ли пригостить, то то ему собѣ, а истый товаръ воротить имъ, зане кормилъ и печаловался ими“). Въ случаѣ растраты имущества опекаемыхъ, опекунъ долженъ былъ вознаградить потерпѣвшихъ изъ своего имущества.

II. Право наслѣдственное.

Древнее право знало наслѣдованіе по завѣщанію и наслѣдованіе по закону. Относительно перваго въ наукѣ существуетъ споръ. Такъ, проф. Владимірскій-Будановъ не допускаетъ возможности существованія завѣщательнаго порядка наслѣдованія, ссылаясь на 87 ст. Троицкаго списка Русской Правды, гласящую: „аже кто, умирая, раздѣлитъ домъ свой дѣтямъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умретъ, то *всѣмъ дѣтямъ*, а на самого часть дати по душѣ“. По мнѣнію названнаго ученаго изъ этой статьи вытекаетъ, что самъ законъ опредѣляетъ наслѣдниковъ, при чемъ завѣщателю предоставляется только право выбора между ними. Но это мнѣніе не можетъ быть принято, такъ какъ существуетъ другая редакція той же статьи, а именно: „аже кто, умирая, раздѣлитъ домъ на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умретъ, то *все дѣтямъ*, а на самого часть дати по душѣ“, т. е. отецъ можетъ раздѣлить домъ по своему усмотрѣнію, кому ему

угодно, такъ какъ о дѣтяхъ здѣсь не говорится ни слова. Другимъ доказательствомъ, опровергающимъ мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова и указаннымъ проф. Сергѣевичемъ, является ст. 98 Русской Правды по Троицк. списку, изъ которой мы усматриваемъ подобное же право у матери: „а матери, читаемъ здѣсь, который сынъ (добръ) перваго ли мужа, другаго ли, тому же дастъ все; аже и вси сынове будутъ лиси, а дщери можетъ дати, кто ю кормитъ“, т. е. мать можетъ завѣщать свое имущество, кому ей угодно. Но если мать располагаетъ подобнымъ правомъ, то несомнѣнно существованіе его и у отца, права котораго вообще были гораздо обширнѣе, чѣмъ у матери. Подтвержденіе вышесказаннаго мы находимъ и въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ говорится, что „который человѣкъ при своемъ животѣ или предъ смертію что дастъ племяннику своему: платье, или животное, или отчину, ино тому тѣмъ владѣть, чтобы и рукописанія не было“. Иначе говоря отецъ могъ завѣщать часть своего имущества племянникамъ, т. е. помимо дѣтей, этихъ законныхъ наслѣдниковъ по мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова [1]).

Что касается до внѣшней формы завѣщанія, то въ болѣе раннемъ періодѣ (Русская Правда) она была исключительно устная, въ позднѣйшемъ же періодѣ (Псковская судная грамота) и устная, и письменная (рукописаніе). Словесная форма имѣла силу лишь при наличности свидѣтелей („стороннихъ людей“), присутствовавшихъ при составленіи завѣщанія.

Наслѣдованіе по закону также было извѣстно въ изучаемую эпоху, о чемъ упоминаютъ всѣ дошедшіе до насъ источники. Первыми наслѣдниками считались нисходящіе, т. е. сыновья и дочери, а за неимѣніемъ ихъ внуки, при чемъ надо замѣтить, что при жизни сыновей дочери исключались. Сыновья обыкновенно получали одинаковыя части, при чемъ младшій сынъ наслѣдовалъ отцовскій домъ („а дворъ отень всякъ меньшему сынови“, говоритъ ст. 112 Карамз. списка Русской Правды); этотъ обычай сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи.

[1]) Мнѣніе о несуществованіи въ старину завѣщательнаго порядка наслѣдованія раздѣляется также проф. Цитовичемъ, г. Никольскимъ и нѣкоторыми другими учеными, признающими господство родового быта въ древней Россіи.

За отсутствіемъ нисходящихъ, наслѣдниками являлись восходящіе, т. е. отецъ и мать, получавшіе нѣкоторыя движимости, о чемъ говоритъ Псковская грамота (ст. 90 и 91). За отсутствіемъ же восходящихъ, наслѣдуютъ боковые: братья, сестры и, наконецъ, дальніе родственники, такъ называемое, „племя“ (по Псковской гр.). Русская Правда объ этомъ ничего не говоритъ, но въ дошедшей до насъ одной духовной грамотѣ XIII ст. мы встрѣчаемъ слѣдующую оговорку: „того для написахъ, зане да не было у меня ни брата, ни сына“, т. е. такая духовная составлена, потому что нѣтъ ни брата, ни сына—прямое указаніе на наслѣдованіе боковыхъ и въ XIII ст.

Послѣ смерти жены имуществомъ ея пожизненно владѣлъ мужъ, а послѣ смерти мужа—жена (но только до вступленія во второй бракъ), несмотря на то, что наслѣдниками были дѣти. Псковская судная грамота измѣняетъ это правило путемъ уравненія положенія супруговъ, такъ какъ постановляетъ, чтобы и мужъ владѣлъ имуществомъ своей покойной жены только до вступленія во второй бракъ.

Если наслѣдниковъ совсѣмъ не было, то имущество считалось выморочнымъ и собственникомъ его становился князь (впрочемъ, у церковныхъ людей—епископъ, а у боярскихъ—бояринъ.

Наслѣдникъ, принимая имущество, въ то же время принималъ на себя также и всѣ связанныя съ нимъ обязательства, напр., долговыя.

III. Право вещное.

Древнее право уже знаетъ два вида вещнаго права: 1) собственность и 2) владѣніе, хотя въ эпоху Русской Правды эти понятія зачастую еще смѣшивались. Первое указаніе на различіе между ними мы встрѣчаемъ въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ владѣніе называется „кормлей“. Новгородская же судная грамота уже различаетъ охрану собственности отъ охраны владѣнія. „А кто на комъ, читаемъ въ 10 ст. грамоты, поищетъ наѣзда (завладѣніе чужой землей) или грабежа въ земномъ дѣлѣ, ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ, а о землѣ послѣ судъ“. Та-

кимъ образомъ, раньше дается искъ о владѣніи, а затѣмъ уже о собственности.

Относительно установленія права собственности намъ извѣстны слѣдующіе способы: 1) оккупація (завладѣніе никому непринадлежащею вещью, напр., ловля звѣрей, рыбъ, птицъ) вполнѣ извѣстная въ древнѣйшую эпоху; такъ, Русская Правда говоритъ о звѣряхъ въ сѣтяхъ и пчелахъ въ бортяхъ, принадлежавшихъ собственнику сѣтей и бортей. Такимъ же способомъ завладѣвались въ древности и земли; 2) давность—продолжительное владѣніе вещью, собственникъ которой неизвѣстенъ. О ней упоминается впервые въ Псковской судной грамотѣ, согласно постановленіямъ которой для понятія давности необходимы слѣдующія условія: во 1-хъ, срокъ владѣнія, не менѣе 4-хъ или 5-ти лѣтъ, затѣмъ, во 2-хъ, безпрерывность владѣнія, т. е. чтобы собственникъ не предъявлялъ иска до окончанія положеннаго срока и, наконецъ, въ 3-хъ, опредѣленный трудъ, положенный на вещь, напр., воздѣлываніе земли въ теченіе извѣстнаго срока; 3) находка, о чемъ, какъ о способѣ установленія права собственности, въ Псковской судной грамотѣ говорится только вскользь; 4) пожалованіе—въ большинствѣ случаевъ недвижимаго имущества со стороны князей физическимъ и юридическимъ лицамъ, напр., церквамъ и монастырямъ путемъ выдачи, такъ называемыхъ, „жалованныхъ грамотъ“. Наконецъ, послѣднимъ способомъ установленія собственности были договоры: мѣны, даренія, купли-продажи и т. п.

Субъектомъ права собственности являлись: во-первыхъ, государство, какъ бы въ качествѣ частнаго собственника; много указаній на это встрѣчается въ памятникахъ, касающихся исторіи Новгорода и Пскова, гдѣ государство широко пользовалось правомъ собственности на землю и этимъ значительно ограничивало права частныхъ лицъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, собственниками были церковь и городскія и сельскія общины, а также частныя лица.

Древнему праву извѣстна и общая собственность (condominium), о чемъ говоритъ Псковская судная грамота; такъ, ст. 94 послѣдней постановляетъ уплатить долгъ изъ общаго имущества братьевъ,

если онъ сдѣланъ ихъ покойнымъ отцомъ, а ст. 95 той же грамоты предписываетъ раздѣлъ общаго имущества родственниковъ, если одинъ изъ нихъ что-либо тайно присвоитъ себѣ изъ него.

IV. Право обязательственное.

Въ памятникахъ разсматриваемаго періода общее ученіе о договорахъ разработано, сравнительно, весьма слабо. Однако, по Псковской судной грамотѣ требуется для дѣйствительности договора свободная воля и полное сознаніе контрагентовъ (такъ, состояніе опьяненія дѣлаетъ договоръ недѣйствительнымъ) и отсутствіе обмана (по Русской Правдѣ и Псковской судной грамотѣ сокрытіе недостатковъ вещи при куплѣ-продажѣ, а также отсутствіе права собственности на предметъ обязательства уничтожаютъ обязательственное отношеніе).

По внѣшней формѣ договоры могли быть словесные (весьма распространенные въ древности), нерѣдко заключавшіеся посредствомъ особыхъ символовъ, въ родѣ рукобитія, и письменные, куда относились по Псковской судной грамотѣ домашніе (доски) и крѣпостные акты (записи). Обыкновенно договоръ прекращался исполненіемъ обязательства или наступленіемъ срока его; хотя иногда можно было получить разсрочку, напр., въ случаѣ несчастной несостоятельности (ст. 58 Акад. сп. Русской Правды). Договоры обезпечивались: 1) поручительствомъ 3-го лица, причемъ Псковская судная грамота допускаетъ послѣднее только при суммахъ не ниже 1 рубля („а поруку, гласитъ ст. 33 грамоты, быть до рубля, а больше не быти рубля“); 2) залогомъ недвижимаго и закладомъ движимаго имущества, и 3) усиленіемъ или увеличеніемъ обязанностей, возлагаемыхъ на виновника нарушенія договора.

Древнее право (преимущественно Псковская судная грамота) различало слѣдующіе виды договоровъ: 1) дареніе—обязательство мало разработанное, для наличности котораго требовался актъ врученія дара (ст. 100 грамоты) [1]; 2) мѣна, считавшаяся не-

[1]) „А который человѣкъ, гласитъ ст. 100 грамоты, дастъ своею рукою платно (т. е. платье), или иное что животное (т. е. движимое имущество), или отчину предъ попомъ или предъ сторонними людьми, ино тому тѣмъ даньемъ владѣть“.

дѣйствительной, если одинъ изъ контрагентовъ дѣйствовалъ въ состояніи опьяненія и, придя въ трезвое состояніе, требовалъ ея уничтоженія (ст. 114); 3) купля-продажа, для дѣйствительности которой были необходимы слѣдующія условія: свободная воля и сознаніе контрагентовъ, хорошее качество продаваемой вещи (Русская Правда (дополнительная ст. 1 по Христоматіи Влад.-Буданова, вып. I) разрѣшаетъ покупщику лошади, а Псковская судная грамота (ст. 118)—коровы возвратить ихъ обратно продавцу, если въ нихъ окажется какой-либо порокъ) и право собственности продавца на продаваемую вещь; 4) заемъ, который былъ двухъ видовъ: простой, не болѣе одного рубля, какъ извѣстно, обезпечиваемый поручительствомъ и свыше рубля, обезпечиваемый закладомъ и залогомъ имущества. Предметомъ займа были по преимуществу деньги, при чемъ должникъ платилъ извѣстный процентъ („гостинецъ", по терминологіи Псковской судной грамоты), столь возмущавшій наше древнее духовенство и высота котораго впослѣдствіи стала опредѣляться правительствомъ; 5) наемъ—личный и имущественный; первый въ Русской Правдѣ мало разработанъ и служитъ источникомъ холопства, если свобода наймита не оговорена въ договорѣ. Напротивъ, по Псковской судной грамотѣ личный наемъ былъ слѣдующихъ видовъ: а) для обученія какому-нибудь ремеслу (мастеръ и ученикъ, плативній, такъ называемое, учебное), б) для производства извѣстной работы или исполненія извѣстнаго порученія (контрагенты—государь и наймитъ или плотникъ) и в) для хозяйственныхъ работъ въ домѣ (государь и наймитъ дворный) [1]. Имущественный наемъ по той же грамотѣ также могъ быть нѣсколькихъ видовъ, различавшихся по объектамъ договора; такъ, такими могли быть: пахотныя земли, содержатель которыхъ назывался „изорникомъ", огороды, содержатель которыхъ назывался „огородникомъ" или „исполовникомъ" и части озеръ или рѣкъ для рыбныхъ ловель (такъ называемые „исады"), содержатель которыхъ носилъ названіе „кочетника" или „четника". Плата, производимая нанимателемъ собственнику называлась „покрутою" и составляла часть дохода нанимателя (ст. 42, 43 и 44); 6) поклажа или по Псков-

[1]) См. ст. 102, ст. 39 и ст. 40.

ской судной грамотѣ „соблюденіе“; она совершалась обыкновенно въ письменной формѣ и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ допускалось совершеніе ея въ устной формѣ (ст. 16).

Судопроизводство.

Устройство судебныхъ органовъ въ эпоху Русской Правды было очень не сложно: главнымъ судьею являлся князь; онъ или самъ творилъ судъ (въ видѣ, такъ называемаго, „проѣзжаго суда“ по городамъ и селамъ) или назначалъ особыхъ судей для этого (тіуны). Кромѣ князя, судебными органами были еще дума и вѣче.

Болѣе сложной организаціей отличалось судоустройство въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ замѣчается уже нѣкоторое раздѣленіе подсудности между княжескими и земско-выборными органами суда. Въ Новгородѣ были слѣдующіе виды суда: судъ князя и посадника, при чемъ князь не имѣлъ права судить безъ посадника, судъ тысяцкаго и судъ новгородскихъ докладчиковъ, составлявшій особую коллегію, предсѣдателемъ которой, нужно думать, являлся княжескій тіунъ. Кромѣ него, въ составъ суда входили десять докладчиковъ (по два отъ каждаго конца), избиравшихся изъ бояръ и „житьихъ людей“ и два пристава. Этотъ судъ засѣдалъ три раза въ недѣлю и всегда въ престольной комнатѣ архіепископа. Что касается до юрисдикціи этого суда, то можно предполагать, что онъ являлся апелляціонной инстанціей по отношенію къ другимъ судамъ [1]).

Псковское судоустройство выразилось въ слѣдующей формѣ: судъ князя и посадника, вѣдавшій дѣла по убійству, татьбѣ, грабежу и разбою (рѣшенія его считались окончательными); судъ выборныхъ судей (сотскихъ и старостъ), вѣдавшій гражданскія и мелкія уголовныя дѣла; судъ братчины, разрѣшавшій всѣ

[1]) Проф. Влад.-Будановъ (Христоматія, вып. I, стр. 179) вполнѣ основательно предполагаетъ, что въ составъ суда докладчиковъ, кромѣ послѣднихъ и приставовъ, по всей вѣроятности входили еще и другія лица, какъ это можно думать, принимая во вниманіе слова ст. 26 Новгородской судной грамоты: „кои люди въ судѣ сидѣли“.

споры, возникавшіе на общественныхъ пиршествахъ (въ составъ этого суда входили особые выборные судьи, судившіе на основаніи обычаевъ) и судъ вѣча.

Кромѣ свѣтскихъ судовъ, древняя Россія знала еще суды святительскіе или церковные, которые, руководствуясь Кормчей, разбирали не только дѣла духовныя, но и свѣтскія, относившіяся къ наслѣдственному, семейственному и отчасти уголовному праву, притомъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ лицъ („а судити ему (архіепископу), говоритъ ст. 1 Новгородской судной грамоты, всѣхъ равно, какъ боярина, такъ и житьяго, такъ и молодчаго человѣка"). Эти суды были вполнѣ независимы отъ княжеской администраціи („владычню намѣстнику, читаемъ въ ст. 2 Псковской судной грамоты, судъ и на судѣ не судить князю, ни судьямъ") и нерѣдко конкурировали съ княжескими судами.

Современное раздѣленіе процесса на судъ гражданскій и уголовный не было извѣстно Русской Правдѣ, что видно и изъ названія процесса „тяжбой". Смѣшеніе названныхъ понятій выразилось въ томъ, что всякія дѣла (кромѣ убійства) начинались по челобитной истца, а не по иниціативѣ государственной власти (какъ въ наше время при уголовныхъ дѣлахъ). Затѣмъ въ любой моментъ процесса стороны могли войти въ полюбовное соглашеніе между собой (мировая сдѣлка, дѣйствительная и при уголовныхъ дѣлахъ) и этимъ прекратить судебное разбирательство. Наконецъ, судебный приговоръ приводился въ исполненіе въ большинствѣ случаевъ выигравшей стороною, а не государственной властью. Такимъ образомъ, каждое дѣло, будь оно гражданское или уголовное, разсматривалось, какъ дѣло частное, касавшееся исключительно интересовъ отдѣльныхъ лицъ, а не всего государства. Впрочемъ, въ концѣ удѣльновѣчеваго періода эта точка зрѣнія начинаетъ измѣняться. Такъ, по Псковской судной грамотѣ по нѣкоторымъ дѣламъ (напр., по убійству, татьбѣ, поджогу и нѣкоторымъ другимъ преступленіямъ) судъ начинался по предписанію государственной власти, хотя бы и не было представлено исковой челобитной. Затѣмъ мировая сдѣлка въ этихъ дѣлахъ считалась не дѣйствительной и судебные приго-

воры по нимъ приводились въ исполненіе не стороной, а должностными лицами.

Судоговореніе происходило слѣдующимъ образомъ. Послѣ подачи иска, судъ вызывалъ отвѣтчика, для чего существовали должности приставовъ, „позовниковъ“, „подвойскихъ“ и др. [1]). Если отвѣтчикъ не являлся, то дѣло рѣшалось противъ него и истецъ получалъ, такъ называемую, „безсудную“ грамоту (въ концѣ періода устанавливается опредѣленный срокъ явки отвѣтчика въ судъ и только послѣ троекратнаго вызова его, дѣло рѣшается противъ него). По прибытіи сторонъ въ судъ, послѣдній приступаетъ къ разсмотрѣнію доказательствъ. Послѣдними въ это время были: 1) собственное признаніе отвѣтчика себя виновнымъ (ст. 14 Акад. сп. Русской Правды); 2) присяга или „рота“ [2]), бывшая двухъ родовъ: дополнительная, приносившаяся истцомъ при отсутствіи другихъ доказательствъ и очистительная, приносившаяся отвѣтчикомъ при тѣхъ же условіяхъ. Присягали или обѣ стороны (одна за другою), или та, которой выпалъ жребій. Отказъ отъ присяги влекъ за собою обвиненіе отказавшейся стороны; 3) поединокъ или „поле“, основанный на томъ предположеніи, что Богъ всегда будетъ на сторонѣ праваго и не попуститъ побѣду виноватаго. Такимъ образомъ, поединокъ являлся однимъ изъ видовъ суда Божьяго. Это доказательство существовало издавна, такъ, еще арабскій писатель Ибнъ-Даста свидѣтельствовалъ, что у древнихъ славянъ „недовольные судомъ князя судились мечомъ“. Русская Правда о поединкѣ молчитъ, но за то Псковская судная грамота подробно останавливается на немъ. Выходить на „поле“ дозволялось не только мужчинамъ, но и женщинамъ (противъ женщинъ). Малолѣтнимъ, старикамъ, больнымъ и женщинамъ (противъ мужчинъ) дозволялось нанимать и ставить вмѣсто себя для боя наймитовъ (ст. 21 и 119). Поединокъ обязательно долженъ былъ происходить въ присутствіи княжескихъ чиновниковъ, при чемъ оружіемъ являлись мечи или дубины. Противъ этого вида доказательства всегда во-

[1]) Такъ, существовали еще „софьяне“, вызывавшіе отвѣтчиковъ въ церковномъ судѣ, „биричи“, „извѣтники“ и др.

[2]) Были еще и другія названія присяги, напр., „правда“, крестное цѣлованіе и т. п.

оружалось духовенство, справедливо видя въ немъ остатки язычества. О поединкѣ дошло до насъ не мало поученій духовныхъ лицъ, такъ, въ 1410 г. митрополитъ Фотій предписалъ „позванному на поле и потомъ явившемуся къ священнику не давать св. причащенія и цѣловать крестъ, подобно псу“. Затѣмъ убившему на поединкѣ воспрещалось входить въ церковь въ продолженіе четырехъ лѣтъ и, кромѣ того, онъ лишался причастія въ продолженіе 18 лѣтъ; священникъ же, преступившій это предписаніе, лишался своего сана. Даже убитый на поединкѣ не подвергался христіанскому погребенію. Оппозиція духовенства сдѣлала свое дѣло и въ эпоху Уложенія 1649 г.; поле въ качествѣ доказательства уже болѣе не существуетъ; 4) ордаліи, бывшія двухъ видовъ: испытаніе водою и испытаніе желѣзомъ. Первое состояло въ томъ, что обвиняемый связывался и бросался въ воду; если онъ шелъ ко дну, то оправдывался, если же всплывалъ наверхъ, то считался виновнымъ на томъ основаніи, что вода, какъ чистая стихія не будетъ держать въ себѣ ничего нечистаго. Второе испытаніе состояло въ держаніи раскаленнаго желѣза и, въ случаѣ отсутствія обжоговъ („оже не ожется“, говоритъ ст. 100 Карамз. сп. Русской Правды), приводило къ оправданію обвиняемаго. Духовенство также возставало и противъ ордалій (см. поученія Серапіона XIII ст.) и въ результатѣ добилось ихъ уничтоженія; 5) жребій, къ которому прибѣгали за отсутствіемъ другихъ доказательствъ; 6) свидѣтели, бывшіе двухъ категорій: видоки, т. е. очевидцы факта, иначе говоря, свидѣтели въ современномъ смыслѣ этого слова, и послухи, т. е. свидѣтели доброй славы обвиняемаго, утверждавшіе на судѣ, что обвиняемый извѣстенъ имъ, какъ хорошій человѣкъ и по ихъ убѣжденію не могъ совершить преступленія. Число послуховъ всегда было ограничено; по Русской Правдѣ (ст. 15 Карамз. сп.) ихъ могло быть не болѣе семи, по Псковской же судной грамотѣ (ст. 27)—только одинъ. Видоками и послухами могли быть только свободныя лица; холопы же, за рѣдкимъ исключеніемъ, къ свидѣтельству не допускались; 7) улики, куда относится поличное или, какъ выражались въ старину, „лицо“ 8) сводъ, состоявшій въ томъ, что всякій, нашедшій свою вещь

у кого-либо, спрашивалъ, отъ кого онъ досталъ ее, послѣдній называлъ имя третьяго лица, куда и отправлялся собственникъ вещи; третій называлъ четвертаго и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не отыскивался воръ; 9) письменные документы бывшіе по Псковской судной грамотѣ двухъ видовъ: доски (домашніе акты) и записи (крѣпостные акты).

Послѣ разсмотрѣнія дѣла, составлялся приговоръ, облекавшійся въ форму, такъ называемой, „правой“ грамоты и приводившійся въ исполненіе выигравшей дѣло стороной. Впрочемъ, по Псковской судной грамотѣ дѣла по нѣкоторымъ преступленіямъ приводились въ исполненіе государственной властью (то же самое было и по Русской Правдѣ въ отношеніи убійства).

Древній процессъ оплачивался на каждомъ шагу пошлинами (напр., съ выдачи разныхъ грамотъ, съ посылки подвойскаго за отвѣтчикомъ и т. п.), что становится вполнѣ понятнымъ при воззрѣніи на судъ, какъ на источникъ княжескаго дохода и какъ на одну изъ статей дворцоваго хозяйства князя.

Московскій періодъ.

Внѣшняя исторія.

Обычай.

Въ Московскомъ государствѣ обычай попрежнему играетъ весьма важную роль въ качествѣ источника права, несмотря на то, что въ разсматриваемое время ему приходится уже считаться съ особымъ конкурентомъ въ этомъ отношеніи, а именно съ закономъ, также регулирующимъ не мало сторонъ юридическаго быта народа. Что обычай продолжаетъ и въ Москвѣ опредѣлять собою значительную массу юридическихъ отношеній и правовыхъ институтовъ, это лучше всего видно изъ анализа содержанія законодательныхъ памятниковъ изучаемаго періода, Такъ, въ Судебникахъ и Уложеніи встрѣчаются весьма существенные пробѣлы въ разныхъ сферахъ права, происходящіе, вслѣдствіе регулированія многихъ сторонъ юридическаго быта исключительно нормами обычнаго права. Изучая, напр., названные памятники въ отношеніи государственнаго права, мы не найдемъ въ нихъ постановленій касательно правъ и прерогативъ верховной власти, порядка преемства престола, уставовъ, опредѣляющихъ организацію, дѣлопроизводство и компетенцію такихъ государственныхъ учрежденій, какъ боярская дума, земскій соборъ, приказы, органы мѣстнаго управленія и т. п. Всѣ эти постановленія отсутствуютъ въ законѣ, такъ какъ основываются на обычаѣ—фундаментѣ въ то время гораздо болѣе прочномъ, чѣмъ законъ. Точно также и въ области гражданскаго права мы встрѣчаемъ только отрывочныя опредѣленія, почему на основаніи однихъ законодательныхъ памятниковъ и лишены возможности нарисовать полную картину гражданскаго быта нашихъ предковъ. Очень много сторонъ права семейственнаго, наслѣдственнаго, вещнаго и т. д. опредѣляются исключительно нормами обычнаго права, вслѣдствіе чего указаній

на нихъ мы и не встрѣчаемъ въ законѣ. То же самое вполнѣ можетъ быть сказано и относительно уголовнаго права. Достаточно вспомнить тотъ фактъ, что на практикѣ встрѣчалось очень много видовъ преступныхъ дѣяній, а также и наказаній, о которыхъ законодательные памятники, напр., Судебники, а отчасти и Уложеніе, не говорятъ ни слова. Такимъ образомъ, огромная масса юридическихъ отношеній находила свое опредѣленіе въ нормахъ обычнаго права, а не въ законѣ. Изъ этого, конечно, не слѣдовало, что упомянутыя юридическія отношенія чѣмъ-либо, напр., степенью обязательности, отличались отъ регулируемыхъ закономъ. Напротивъ, по воззрѣніямъ древнихъ русскихъ, обычай, какъ освященный стариною и возникшій еще при отцахъ и дѣдахъ, былъ обязателенъ для всѣхъ, въ силу признанія его таковымъ всѣми, начиная отъ царя и кончая послѣднимъ „чернымъ“ человѣкомъ. Въ качествѣ „отчины“ и „старины“, онъ не могъ быть отмѣненъ закономъ, такъ какъ стоялъ выше закона. „Такъ жили наши отцы и дѣды“, „такъ пошло еще отъ нихъ“ были стереотипными фразами въ устахъ древнихъ русскихъ, и съ этимъ міровоззрѣніемъ долженъ былъ считаться законодатель, какъ бы могущественъ онъ ни былъ. И дѣйствительно, огромная масса обычаевъ, крайне стѣснявшихъ дѣятельность московскихъ государей, напр., право отъѣзда служилыхъ людей, право мѣстничества и т. п., свято соблюдались этими послѣдними и если съ теченіемъ времени были отмѣнены, то не иначе, какъ постепенно и разными окольными средствами, а не путемъ изданія законовъ, направленныхъ противъ нихъ, что было немыслимо въ то время Если же въ видѣ исключенія и происходили иногда конфликты между обычаемъ и постановленіями закона, то они обыкновенно оканчивались въ пользу перваго и уничтожали на практикѣ дѣйствіе закона. Сколько, напр., мѣръ принимало правительство къ ограниченію (не къ уничтоженію) права мѣстничества путемъ изданія и отдѣльныхъ указовъ, и даже уложеній (какъ въ 1551 г.) и все-таки же мѣстничество процвѣтало въ продолженіе всего московскаго періода и сами государи вынуждены были играть роль видныхъ факторовъ развитія этого института, фигурируя въ качествѣ судей въ мѣстническихъ спорахъ. Такова была сила обычая.

Законодательная дѣятельность.

Понятіе закона въ Московскомъ государствѣ уже до нѣкоторой степени приближается къ понятію его въ наше время, но, несмотря на это, между обоими понятіями существуетъ еще очень много отличительныхъ чертъ. Главныя изъ нихъ заключались въ слѣдующихъ особенностяхъ московскаго закона. Во-первыхъ, онъ далеко не отличался такою, если можно такъ выразиться, *всеобъемлемостію*, какъ законъ нашего времени. Какъ уже было указано выше, масса отношеній изъ всѣхъ сферъ права находили свое опредѣленіе въ обычаѣ и поэтому совершенно не нуждались въ санкціи со стороны закона.

Во-вторыхъ, московскій законъ далеко не отличался тою степенью *обязательности*, какая присуща закону нашего времени, въ силу чего нарушеніе закона было самымъ обыденнымъ явленіемъ и нерѣдко не влекло за собою никакой кары, тѣмъ болѣе, что иниціатива этого очень часто принадлежала самому правительству. Такъ, въ Москвѣ считалось самымъ заурядным явленіемъ подача челобитныхъ противъ указовъ и удовлетвореніе ихъ правительствомъ вопреки ясному и категорическому предписанію закона. Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ. Уложеніе 1649 г. запретило дѣтямъ, подъ страхомъ „нещаднаго“ наказанія кнутомъ, жаловаться на родителей и, однако, несмотря на это, дѣти продолжали жаловаться и само правительство разбирало эти жалобы и нерѣдко разрѣшало ихъ въ пользу дѣтей. Уложеніе 1551 г. о мѣстничествѣ въ полкахъ строго воспретило дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ считаться мѣстами съ полковыми воеводами, слѣдовательно, со своими начальниками и, однако, подобные мѣстническіе споры продолжались попрежнему и само правительство постоянно ихъ разбирало! Въ 1667 г. былъ изданъ Новоторговый уставъ, даровавшій много льготъ въ области торговли купечеству. Однако, въ тотъ же годъ правительство нарушило его заключеніемъ особаго договора съ одной армянской компаніей, на основаніи котораго армянскіе купцы получили такія права въ торговомъ отношеніи, какими по

Новоторговому уставу иностранные купцы пользоваться не могли. Когда же русскіе купцы въ 1672 г. подали по этому поводу челобитную, указывая на уставъ, то правительство не только не удовлетворило ее, но въ слѣдующемъ 1673 году заключило новый договоръ съ армянами, по которому торговыя привилегіи послѣднихъ были еще расширены. Такимъ образомъ, хотя Новоторговый уставъ и продолжалъ существовать въ качествѣ дѣйствующаго права, однако, несмотря на это, прямо нарушался и даже самимъ правительствомъ—одна изъ странныхъ и непонятныхъ для нашего времени чертъ отношенія людей московской эпохи къ закону!

Въ-третьихъ, московскій законъ далеко не обладалъ тою *твердостію* и *постоянствомъ*, какія присущи закону нашего времени. Законы въ Московскомъ государствѣ постоянно отмѣнялись, дополнялись и видоизмѣнялись, притомъ въ продолженіе самаго короткаго времени, что и вызвало замѣчаніе иностранцевъ, будто въ Москвѣ нѣтъ законовъ, а существуютъ только административныя распоряженія. Приведемъ слѣдующій примѣръ, иллюстрирующій сказанное. Уложеніе допустило мѣну помѣстій вмѣстѣ съ „перехожими четвертями“, т. е. съ излишними противъ окладовъ, когда ихъ немного, не опредѣливъ, впрочемъ, сколько. 22-го февраля 1676 г. состоялся боярскій приговоръ, дозволившій мѣну съ перехожими четвертями, уже не немногими, но сколько бы ихъ ни было. 9-го августа того же года былъ изданъ новый боярскій приговоръ, предписавшій, что лишнихъ четвертей должно быть не больше 10 на 100. 6 апрѣля 1677 г. дума постановила опять новый приговоръ, отмѣнившій предыдущій и предписавшій поступать по приговору 22-го февраля 1676 г. Но на этомъ дѣло не остановилось и 10 августа 1677 г. появился другой приговоръ, предписавшій въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступать по приговору 22-го февраля, а въ нѣкоторыхъ по пригорору 9-го августа 1676 г. Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію проф. Ключевскаго, законъ еще не получилъ значенія постояннаго рѣшительнаго правила, которому должны подчиняться существующія житейскія отношенія; онъ самъ принаровлялся къ этимъ отношеніямъ, устанавливавшимся независимо отъ него

подъ другими вліяніями. Общеобязательнымъ считалось то, что исходило отъ верховной власти, но эта власть примѣнялась къ обстоятельствамъ, прислушивалась къ потребностямъ минуты, выискивала наиболѣе подходящія къ нимъ законодательныя нормы, терпѣла неудачи, ошибалась и поправлялась, вообще дѣйствовала безъ всякой самоувѣренности: она давала законъ, какъ временную мѣру, пробный проектъ и охотно поступалась имъ для новаго, болѣе удачнаго опредѣленія.

Въ виду подобнаго состоянія законодательства, крайне трудно провести грань между закономъ, административнымъ распоряженіемъ и судебнымъ рѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что боярская дума—этотъ главный законодательный органъ, постановляя судебный приговоръ или административное распоряженіе, не примѣняла дѣйствующій законъ къ отдѣльному частному случаю (если бы былъ законъ, то названное дѣло и не поступило бы въ думу), а издавала боярскій приговоръ, хотя и по частному дѣлу, но со всѣми признаками закона, такъ какъ онъ впослѣдствіи примѣнялся ко всѣмъ аналогичнымъ дѣламъ. Точно также приказы—эти, главнымъ образомъ, судебно-административныя учрежденія—очень часто, выражаясь современнымъ языкомъ, превышали свои полномочія и постановляли рѣшенія съ явно законодательнымъ характеромъ, рецепируя, напр., Литовскій статутъ и основывая на немъ свои рѣшенія, иначе говоря, руководствуясь иностраннымъ законодательнымъ сборникомъ и вводя его постановленія въ наше право.

Для характеристики закона Московскаго государства необходимо разсмотрѣть моменты его составленія. Первый моментъ это—*инициатива* закона, т. е. починъ въ возбужденіи извѣстнаго законодательнаго вопроса. Инициатива принадлежала государю и законодательнымъ органамъ, т. е. думѣ и соборамъ: земскому и церковному, затѣмъ приказамъ и, наконецъ, частнымъ лицамъ, общинамъ и сословіямъ. Объ инициативѣ государя памятники сохранили сравнительно не много извѣстій. Среди нихъ на первомъ планѣ должно быть поставлено свидѣтельство Котошихина. „Государь, читаемъ у послѣдняго, объявя боярамъ мысль свою, приказываетъ, чтобъ они, помысля, къ тому дѣлу дали способъ".

Затѣмъ намъ извѣстно, что оба Судебника и Уложеніе отчасти были составлены по иниціативѣ государя, о чемъ говорится въ самихъ же памятникахъ. Точно также въ 1551 г. вопросы объ устроеніи завоеваннаго Казанскаго царства и о реформѣ кормленій были поставлены на очередь по иниціативѣ Ивана IV. Внѣшняя форма иниціативы государя была устная и письменная, при чемъ послѣдняя иногда носила характеръ не только вопроса, но и подробно мотивированнаго законопроекта. Такъ, на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. многіе царскіе вопросы были уже готовыми законопроектами, внесенными на разсмотрѣніе собора.

Что касается до иниціативы членовъ законодательныхъ учрежденій, то и на этотъ счетъ памятники говорятъ мало. Извѣстно, что въ 1627 г. былъ изданъ весьма важный указъ, измѣнившій порядокъ наслѣдованія въ вотчинахъ (см. ниже), при чемъ иниціатива указа принадлежала патріарху. Точно также къ составленію Уложенія государь приступилъ „поговоря съ бояры“. По иниціативѣ же этихъ послѣднихъ былъ составленъ въ 1681 г. проектъ о раздѣленіи Россіи на намѣстничества, не получившій законодательной санкціи, вслѣдствіе оппозиціи со стороны патріарха и т. п.

Обыкновенный способъ иниціативы закона состоялъ въ возбужденіи законодательныхъ вопросовъ приказами, которые, разрѣшая разныя административныя и судебныя дѣла и не будучи въ состояніи сами ихъ разрѣшить, вслѣдствіе некомпетентности или по неимѣнію закона, переносили ихъ въ думу, которая и постановляла свои рѣшенія въ формѣ боярскихъ приговоровъ, примѣнявшихся впослѣдствіи ко всѣмъ аналогичнымъ дѣламъ. Обыкновенно, постановивъ свой приговоръ, дума отправляла его для редакціи въ приказъ и затѣмъ вторично выслушивала его. „Иныя дѣла, говоритъ Котошихинъ, написавъ (члены приказа), взнесутъ слушать боярамъ и, слушавъ, бояре учнутъ слушать вдругорядь съ царемъ же“. Дѣлалось это для того, чтобы предупредить возможность злоупотребленій со стороны приказныхъ дьяковъ, составлявшихъ редакцію приговора. Изложенный способъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ былъ нормальнымъ порядкомъ развитія законодательства въ Московскомъ государствѣ,

вслѣдствіе чего большинство законовъ послѣдняго отличалось крайней казуистичностью.

Наконецъ, третій способъ иниціативы закона заключался въ возбужденіи законодательныхъ вопросовъ путемъ подачи челобитій со стороны частныхъ лицъ, общинъ и сословій. Огромная масса законодательныхъ памятниковъ, притомъ первостепенной важности, возникла, благодаря челобитіямъ. Фраза „били мнѣ челомъ“ довольно стереотипна въ законахъ Московскаго государства. Каждый человѣкъ, начиная съ боярина и кончая даже „тюремнымъ сидѣльцемъ“, т. е. заключеннымъ въ тюрьму, пользовался правомъ подачи челобитій на имя государя. Если послѣднія подавались отъ какой-нибудь общины (напр., города или волости) или отъ какого-либо чина (напр., посадскихъ или крестьянъ), то прежде всего избирались особые выборные или „излюбленные люди“, составлявшіе проектъ челобитной; затѣмъ она читалась избирателямъ и подписывалась ими, при чемъ за неграмотныхъ писали грамотные. Впрочемъ, иногда челобитная подписывалась одними „излюбленными людьми“, „во всѣхъ людей мѣсто“. Обыкновенно они же и увозили ее въ Москву, гдѣ подавали государю или думнымъ людямъ. Затѣмъ челобитная поступала въ думу, которая или утверждала или отвергала ее. Резолюція думы писалась на челобитной, почему послѣдняя получала названіе „*подписной*“ и вполнѣ приравнивалась къ закону. Послѣ этого она отправлялась въ тотъ приказъ, до компетенціи котораго относилась и имъ приводилась въ исполненіе. Благодаря челобитіямъ, возникло очень много законовъ, реформировавшихъ юридическій бытъ народа. Такъ, благодаря имъ, были изданы уставныя, губныя, судныя и др. грамоты, организовавшія мѣстное земское самоуправленіе и выборный судъ взамѣнъ прежде существовавшаго правительственнаго управленія; благодаря имъ, были прикрѣплены крестьяне къ землѣ и посадскіе къ городамъ, составлено до 60 статей Уложенія 1649 г., учрежденъ Монастырскій приказъ, секуляризованы церковныя земли въ 1648—49 гг., изданъ Новоторговый уставъ, уничтожено мѣстничество и т. п. Вообще, вслѣдствіе челобитій, какъ одного изъ способовъ иниціативы закона, московское законодательство имѣло вполнѣ національный характеръ.

Вторымъ моментомъ составленія закона является *составленіе проекта*. Этотъ моментъ не всегда былъ разграниченъ отъ перваго; такъ, напр., на Стоглавомъ соборѣ царь одновременно возбуждаетъ законодательные вопросы путемъ внесенія на разсмотрѣніе собора уже готовыхъ законопроектовъ. Иногда же оба момента вполнѣ разграничиваются; такъ, при составленіи Уложенія сперва былъ изданъ указъ (16-го Іюля 1648 г.), возвѣстившій о предпринятіи новой кодификаціонной работы и затѣмъ уже была организована комиссія для составленія проекта.

Третій моментъ, это—*обсужденіе закона*. Мѣстомъ подобнаго обсужденія была боярская дума, а въ исключительныхъ случаяхъ — земскій и церковный соборы, при чемъ иногда при сложности вопроса предварительно организовывались спеціальныя комиссіи, гдѣ и обсуждался законопроектъ до его внесенія въ одно изъ указанныхъ законодательныхъ учрежденій.

Слѣдующій моментъ, это—*санкція* закона со стороны государя. Въ наше время санкція есть необходимое условіе превращенія законопроекта въ законъ: безъ санкціи со стороны представителя верховной власти не можетъ быть изданъ ни одинъ законъ. Иначе обстояло дѣло въ старину; тогда было вполнѣ возможно издавать законы безъ утвержденія ихъ государемъ. Такъ, при раздѣленіи государства Иваномъ IV на „земщину“ и „опричину“ во главѣ земщины была поставлена боярская дума, которой государь предписалъ представлять ему доклады только по важнымъ дѣламъ, по всѣмъ же остальнымъ дума могла законодательствовать вполнѣ самостоятельно. То же самое было подтверждено и указомъ 1694 г., когда дума должна была представлять на утвержденіе государя только тѣ дѣла, которыя „безъ великаго государя именнаго указа вершить будетъ не мочно“. Конечно, въ виду того, что государь и его дума всегда дѣйствовали вмѣстѣ, составляя, такъ сказать, двѣ части единаго цѣлаго, очень много законодательныхъ памятниковъ издавались не иначе, какъ съ санкціей государя, присутствовавшаго при ихъ обсужденіи, но, впрочемъ, никогда не подписывавшаго ихъ, что было не въ обычаѣ того времени. Разъ санкція государя не считалась обязательной, а если и имѣла мѣсто, то не выражалась въ пись-

менной формѣ, то невольно является вопросъ, съ какого же момента законопроектъ превращался въ законъ. Нужно думать, что съ момента закрѣпленія его подписью членами законодательныхъ органовъ. Въ этомъ отношеніи всегда слѣдуетъ имѣть въ виду различіе государевыхъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, съ одной стороны, и соборныхъ приговоровъ, съ другой. Первые подписывались только думными дьяками, о чемъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ, говоря, что „на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ руки своей не прикладываютъ“. Напротивъ, соборные приговоры, по возможности, подписывались всѣми членами собора, исключая государя, при чемъ за неграмотныхъ подписывались грамотные. Только съ Ѳедора Алексѣевича и государь началъ подписывать подобные приговоры (напр., приговоръ объ уничтоженіи мѣстничества).

По составленіи закона, наступалъ моментъ его *обнародованія* или *публикаціи*. Въ наше время съ этого момента законъ становится обязательной юридической нормой и, въ качествѣ таковой, входитъ въ составъ дѣйствующаго права. Въ московское время дѣло обстояло иначе и законъ считался дѣйствующимъ далеко не всегда съ момента публикаціи. Въ этомъ отношеніи съ названнымъ моментомъ нерѣдко конкурировалъ моментъ окончанія составленія закона. Такъ, Судебникъ 1550 г. сталъ дѣйствовать со времени своего составленія. „А впередъ, читаемъ въ немъ, всякія дѣла судити по сему Судебнику и управу чинити по тому, какъ царь и великій князь въ семъ своемъ Судебникѣ *съ котораго дни уложилъ*“ (ст. 97). Иногда же законы начинали дѣйствовать со времени ихъ обнародованія.

Форма публикаціи была крайне несовершенна. Обыкновенно законъ отправлялся въ тотъ приказъ, до компетенціи котораго относился, иногда же въ нѣсколько приказовъ. Неудобство такой формы состояло въ томъ, что законы не доводились до свѣдѣнія населенія. Въ экстренныхъ случаяхъ законы читались въ церквахъ, на торгахъ, площадяхъ и другихъ людныхъ мѣстахъ. Такъ, Судебникъ 1550 г. предписываетъ: „прокликати по торгамъ на Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московскія земли и по волостямъ“

о запрещеніи лихоимства (ст. 99). Только съ Уложенія, законы начали печататься и въ такомъ видѣ разсылаться по всѣмъ городамъ и присутственнымъ мѣстамъ.

Будучи обнародованъ, законъ приводился *въ исполненіе*, причемъ московскому времени были уже извѣстны нѣкоторыя правила, соблюдавшіяся при этомъ. Такъ, правило, что законъ *обратнаго дѣйствія не имѣетъ* нарушалось только въ видѣ исключенія и, по возможности, соблюдалось нашими предками. Оговорки, въ родѣ: „что до сего государева указа учинено, тому быть тако“, или „которыя дѣла вершены до сего государева указа, и тѣмъ дѣламъ быть такъ, какъ онѣ вершены“, очень часты въ законахъ того времени. Что касается до дѣйствія законовъ *по мѣсту*, то и это правило вполнѣ сознавалось. Такъ, Уложеніе провозгласило принципъ, на основаніи котораго предписывалось производить судъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства исключительно по русскимъ законамъ (ст. 1 X гл.). Относительно дѣйствія закона *по лицамъ* московская эпоха не могла выработать начала равенства всѣхъ предъ закономъ, въ виду сословнаго духа времени, благодаря которому политическій строй государства былъ проникнутъ началомъ неравенства и привилегіи. Вотъ, почему въ законахъ Московскаго государства мы встрѣчаемся, напр., съ фактомъ неодинаковой наказуемости членовъ высшихъ и низшихъ сословій.

Отмѣнялся законъ тѣми же учрежденіями, которыя его издавали, при чемъ отмѣна носила названіе „оставленія“. Обыкновенно формула его была слѣдующая: „бояре, сей статьи слушавъ, приговорили отставить“. Если отмѣнялась часть прежняго закона, то дѣлалась оговорка, что неотмѣненная часть сохраняетъ свою обязательную силу. *Подтвержденіе* закона, формулировалось слѣдующимъ образомъ: „быть по прежнему великаго государя указу и по боярскому приговору“. *Дополненіе* закона называлось „пополненіемъ“ и выражалось формулою: „бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: пополнить“.

Что касается до *раздѣленія* законовъ, то оно было только по внѣшней формѣ, а не по внутреннему содержанію (напр., законы основные и обыкновенные); такъ, московскому времени

были извѣстны грамоты, государевы указы, боярскіе приговоры, уставы, статьи и т. п. Но всѣ они считались одинаково обязательными и ничѣмъ не отличались другъ отъ друга. Тождество по внутреннему содержанію, напр., между государевымъ указомъ и боярскимъ приговоромъ лучше всего явствуетъ изъ извѣстной формулы, ставшей стереотипной для того времени: „государь указалъ, бояре приговорили", формулы, которой начиналась огромная масса законодательныхъ памятниковъ изучаемаго періода.

Грамоты.

Грамотами назывались такіе законодательные акты, которые, будучи сепаратными законами, имѣли въ то же время исключительно мѣстное значеніе, такъ какъ пространство ихъ дѣйствія не совпадало со всей территоріей государства, а ограничивалось только извѣстными мѣстностями. Наиболѣе замѣчательными видами грамотъ были грамоты: уставныя, судныя, губныя, таможенныя и жалованныя.

Подъ *уставной* грамотой понимался законодательный актъ, содержащій въ себѣ болѣе или менѣе всестороннюю регламентацію *различныхъ* вѣтвей мѣстнаго правительственнаго или земскаго управленія, въ отличіе отъ остальныхъ грамотъ, имѣвшихъ въ виду регламентацію только какой-нибудь *одной* вѣтви управленія (напр., отправленіе суда, губное дѣло. таможенное управленіе и т. п.). Уставныя грамоты издавались или по иниціативѣ самой государственной власти, или же вслѣдствіе челобитій населенія извѣстной мѣстности. Обязательная сила подобныхъ грамотъ начиналась съ момента полученія и прочтенія ихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ онѣ давались. Дальнѣйшее существованіе грамотъ, не находясь въ зависимости отъ личности мѣстныхъ начальниковъ, стояло, однако, въ тѣсной связи съ личностью представителя верховной власти, октроировавшаго грамоты, вслѣдствіе чего обязательная сила послѣднихъ продолжалась только по день смерти государя. Для того же, чтобы грамота оставалась въ качествѣ дѣйствующаго законодательства и въ продолженіе царствованія новаго государя, являлась необходимость въ под-

твержденіи ея со стороны послѣдняго. Подобное подтвержденіе выражалось въ письменной формѣ на оборотной сторонѣ грамоты и скрѣплялось рукоприкладствомъ дьяка.

Уставныя грамоты раздѣляются на двѣ категоріи, а именно: на 1) грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, и 2) грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія. Правительственныя грамоты появляются значительно раньше земскихъ. Такъ, первая земская грамота была издана въ 1552 г. тогда, какъ первая правительственная грамота относится къ 1398 г.

Что касается до грамотъ, регулирующихъ мѣстное правительственное управленіе, то по системѣ своего содержанія и по формѣ онѣ весьма похожи другъ на друга. Такъ, всѣмъ имъ присущи слѣдующія отдѣльныя части: 1) вступленіе, содержащее въ себѣ обозначеніе лица, дающаго грамоту и населенія, жалуемаго ею, а также изложеніе причинъ и поводовъ выдачи грамоты; 2) опредѣленіе способовъ земскаго содержанія должностныхъ лицъ и основъ организаціи мѣстнаго управленія; 3) постановленія, касающіяся размѣровъ сборовъ и пошлинъ, взимаемыхъ должностными лицами при отправленіи ими различныхъ функцій по управленію; 4) постановленія, затрогивающія внутреннія стороны земской общественной жизни въ тѣхъ сферахъ ея, которыя имѣютъ общегосударственный интересъ, или въ которыхъ предвидится возможность нарушенія ихъ лицами, чуждыми этой жизни (напр., постановленія относительно участія земскихъ выборныхъ въ судѣ, постановленія, носящія характеръ полицейскихъ мѣръ, равно какъ и касающіяся торговли и промышленности и пр.); 5) угроза мѣстнымъ начальникамъ наказаніемъ за притѣсненія жителей вопреки постановленіямъ грамоты, и 6) обозначеніе мѣста и времени выдачи грамоты, а также утвержденіе ея надлежащими подписями (Загоскинъ, Уставныя грамоты, вып. I, стр. 60).

Типичными образцами этой категоріи грамотъ являются грамоты: Двинская, данная московскимъ великимъ княземъ Василіемъ I Двинской области въ 1398 г. послѣ отпаденія ея отъ Новгорода и присоединенія къ Москвѣ, и Бѣлозерская, изданная въ 1488 г. Первая дѣйствовала очень недолго, вслѣдствіе обратнаго завое-

ванія области Новгородомъ, но, несмотря на это, представляетъ большой интересъ, какъ памятникъ, свидѣтельствующій объ юридическомъ сознаніи древнихъ русскихъ въ XIV ст., и вносящій въ наше право нѣкоторыя новыя правовыя начала и институты (напр., смертную казнь, повтореніе преступленій, оскорбленіе словомъ, клеймленіе преступниковъ и т. п.). Напротивъ, Бѣлозерская грамота, въ виду пожалованія ею *отчины* великаго князя, доставшейся ему по наслѣдству, а непомѣстности, *добровольно* признавшей власть московскаго правительства (какъ, напр., Двинская область), главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на организацію доходовъ мѣстныхъ начальниковъ и лишь постольку касается матеріально-правовыхъ опредѣленій, поскольку въ нихъ замѣшаны интересы управителей, такъ что названныя опредѣленія сформулированы въ ней подъ вліяніемъ общаго финансово-кормленьщичьяго характера грамоты (Мрочекъ-Дроздовскій, „Юрид. Вѣстн.“ 1884 г.).

Что касается до уставныхъ грамотъ, регулирующихъ порядокъ мѣстнаго самоуправленія, то онѣ появились въ царствованіе Ивана IV, когда мѣстное самоуправленіе было впервые введено въ качествѣ мѣры, распространенной на всю Россію. Подобная реформа состоялась на основаніи боярскаго приговора 1556 г. Въ немъ царь констатируетъ фактъ крайняго произвола и насилій по отношенію къ населенію со стороны намѣстниковъ и волостелей, съ одной стороны, и фактъ всевозможныхъ репрессалій со стороны населенія по отношенію къ этимъ правителямъ, съ другой стороны. Желая прекратить подобный ненормальный порядокъ вещей, царь рѣшается уничтожить должности мѣстныхъ правителей, замѣнивъ ихъ выборными органами въ лицѣ разныхъ старостъ, сотскихъ и т. п. Назначеніе уставныхъ грамотъ разсматриваемой категоріи и состоитъ въ изложеніи организаціи областного управленія, въ опредѣленіи функцій и компетенціи выборныхъ должностей и, наконецъ, въ урегулированіи порядка отвѣтственности ихъ передъ центральнымъ правительствомъ. Для характеристики уставныхъ грамотъ разсматриваемаго типа можно привести Важскую грамоту, изданную еще до приговора 1556 г., а именно въ 1552 г. Она начинается извѣщеніемъ,

что царь пожаловалъ важскихъ посадскихъ людей и крестьянъ, уполномоченные которыхъ прибыли въ Москву ходатайствовать объ отмѣнѣ намѣстничьяго управленія и, согласно съ ихъ челобитьемъ, уничтожилъ въ важскомъ уѣздѣ должности намѣстника, тіуновъ и доводчиковъ, замѣнивъ ихъ выборными органами, изложенію организаціи и компетенціи которыхъ и посвящено содержаніе грамоты.

Судными грамотами назывались такіе законодательные акты, которые регулировали порядокъ отправленія гражданскаго и уголовнаго суда. Къ числу внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ ихъ относится встрѣчающаяся въ началѣ фраза: „судитися имъ“ или „судити ему по сей нашей грамотѣ“, а во второй половинѣ фраза: „а о которыхъ дѣлахъ въ сей грамотѣ указъ не написанъ, и тѣ дѣла вершити по Судебнику“ [1]). Судныя грамоты издавались по челобитіямъ общинъ и сословій и имѣли назначеніемъ взамѣнъ правительственныхъ судей организовать особый выборный судъ, члены котораго носили названіе „излюбленныхъ судей“. Опредѣленіе юрисдикціи послѣднихъ и составляетъ содержаніе судныхъ грамотъ, являющихся весьма важнымъ источникомъ для изученія исторіи матеріальнаго и формальнаго (какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго) права.

Третьимъ видомъ грамотъ были *губныя*, предоставлявшія общинамъ, такъ называемое, губное право, т. е. право *самостоятельнаго* предупрежденія, суда и наказанія преступниковъ за извѣстнаго рода преступленія. Губное право было даровано общинамъ, въ силу ихъ челобитій. Названныя грамоты опредѣляютъ организацію и компетенцію губныхъ учрежденій, а именно онѣ содержатъ въ себѣ разрѣшеніе общинамъ избирать изъ своей среды грамотныхъ и способныхъ людей для занятія должностей губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, функціи которыхъ были административно-судебныя. Губное право возникло въ первой половинѣ XVI ст. (первая губная грамота относится къ 1539 г.) и затѣмъ постепенно распространялось все болѣе и болѣе по всей Россіи. Одновременно съ этимъ процессомъ его распростра-

[1]) Загоскинъ, Исторія права Моск. госуд., т. I, стр. 44.

нія совпадаетъ и процессъ расширенія компетенціи губныхъ учрежденій, достигающій апогея своего развитія въ періодъ Уложенія.

Таможенныя грамотами назывались грамоты, регламентирующія таможенно-финансовое управленіе, въ силу чего ихъ задачею было опредѣленіе размѣра разныхъ, существовавшихъ въ то время, пошлинъ, затѣмъ предметовъ обложенія, равно какъ и лицъ, подлежащихъ ему, и, наконецъ, взысканій за уклоненіе отъ платежа названныхъ пошлинъ. Проф. Загоскинъ предложилъ раздѣлить весь кругъ дошедшихъ до насъ таможенныхъ грамотъ на двѣ группы: на грамоты, опредѣляющія порядокъ казеннаго таможеннаго и финансоваго управленія, и на грамоты, опредѣляющія порядокъ откупного таможенно-финансоваго управленія. Подобное дѣленіе можетъ быть вполнѣ принято, такъ какъ различіе обѣихъ группъ грамотъ сводится къ тому, что въ первыхъ субъектами управленія являются казенныя должностныя лица, казенные „таможники“, между тѣмъ, какъ во вторымъ все таможенно-финансовое управленіе извѣстной мѣстности отдается на откупъ частнымъ лицамъ, при чемъ самыя нормы управленія остаются тѣ же, какія установлены и для казеннаго таможеннаго управленія.

Послѣдній видъ грамотъ составляютъ *жалованныя* грамоты. Подъ ними понимались такіе законодательные акты, посредствомъ которыхъ государственная власть предоставляла извѣстныя льготы и привилегіи или физическимъ или юридическимъ лицамъ, напр., церквамъ и монастырямъ. Такимъ образомъ, отличительный признакъ жалованныхъ грамотъ заключался въ предоставленіи имъ особыхъ исключительныхъ правъ. По предмету пожалованія грамоты можно раздѣлить на слѣдующіе виды: 1) вотчинныя, т. е. заключающія въ себѣ пожалованіе какого-либо имущества, земли, угодья, строенія; 2) вотчинно-льготныя, въ которыхъ вмѣстѣ съ пожалованіемъ какого-либо имѣнія опредѣляются льготы людей, населяющихъ его; 3) льготныя, предоставляющія извѣстнымъ лицамъ какую-либо привилегію, напр., въ области отправленія денежныхъ и натуральныхъ повинностей; 4) освободительныя, на основаніи которыхъ дозволялось кому-либо пріобрѣтеніе опредѣ-

ленным способомъ недвижимой собственности; 5) грамоты, имѣющія видъ гражданскихъ сдѣлокъ князя съ субъектомъ пожалованія, напр., съ монастыремъ, и 6) подтвердительныя, т. е. подтверждающія прежде данныя [1]).

Характеръ жалованныхъ грамотъ съ приближеніемъ къ XVI ст. постепенно измѣняется въ смыслѣ предоставленія жаловальникамъ все меньшихъ и меньшихъ льготъ. Въ концѣ XV ст. рѣдко встрѣчаются грамоты, жалующія недвижимое имущество, что до этого времени постоянно случалось. Наконецъ, въ XVI ст. начинаютъ появляться грамоты съ характеромъ исключеній въ порядкѣ освобожденія отъ платежа податей и несенія повинностей. Царскій Судебникъ уже прямо запрещаетъ выдачу жалованныхъ грамотъ въ формѣ, такъ называемыхъ, тарханъ, т. е. актовъ, освобождающихъ извѣстныя мѣстности или лица отъ общихъ началъ подсудности и отправленія повинностей и, кромѣ того, предписываетъ отобрать всѣ подобныя грамоты, выданныя до изданія его. Подтвержденіе этого постановленія мы находимъ и въ соборномъ приговорѣ 1584 г. Однако, тарханныя грамоты нерѣдко жаловались и впослѣдствіи.

Судебники и дополнительные къ нимъ указы.

Первымъ законодательнымъ сборникомъ, до извѣстной степени систематизировавшимъ все дѣйствующее право и въ то же время имѣвшимъ значеніе на протяженіи всего Московскаго государства (или по крайней мѣрѣ долженствовавшимъ имѣть подобное значеніе), былъ Судебникъ Ивана III, изданный въ 1497 г. Въ виду объединенія всѣхъ русскихъ земель, процессъ котораго завершился къ этому времени, возникла крайняя потребность въ такомъ законодательномъ сборникѣ, который могъ бы также объединить и законодательства областей, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства. Такимъ сборникомъ и явился Судебникъ, главная задача котораго была чисто объединительная и централизаціонная, въ силу чего въ общемъ онъ не создалъ новаго права, но собралъ въ одно цѣлое всю массу законодатель-

[1]) Горбуновъ, Архивъ истор. и практ. свѣдѣній 1860—61 г.г.

ныхъ нормъ, разбросанныхъ по отдѣльнымъ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ.

Составленіе Судебника, какъ сказано, относится къ 1497 г. До насъ дошло о немъ очень немного свѣдѣній. Извѣстно только, что Иванъ III поручилъ это дѣло дьяку Владиміру Гусеву, который и составилъ названный сборникъ, утвержденный великимъ княземъ и боярской думой въ сентябрѣ.

Судебникъ раздѣленъ на статьи, большая часть которыхъ отдѣлена или особыми заглавіями или пунктуаціею. Въ изданіи проф. Владимірскаго-Буданова статьи перенумерованы, чего нѣтъ въ подлинникѣ.

Источниками Судебника были слѣдующіе законодательные памятники. Однимъ изъ менѣе исчерпанныхъ источниковъ являлась Русская Правда, хотя тѣ немногія статьи этой послѣдней, которыя вошли въ Судебникъ, почти буквально повторяются имъ. Для примѣра можно привести ст. 55 Судебника „о займахъ“, опредѣленія которой заимствованы изъ ст. 68 Русской Правды (по Карамз. списку).

Другимъ источникомъ изучаемаго сборника была Псковская судная грамота, многія постановленія которой также буквально вошли въ Судебникъ (напр., ст. 7 Псковской грамоты и соотвѣтствующая ей ст. 9 Судебника). Впрочемъ, не мало постановленій Псковской грамоты видоизмѣнялись составителемъ Судебника примѣнительно къ особенностямъ Московскаго государства, при чемъ эти видоизмѣненія нерѣдко имѣли характеръ простого извращенія постановленій грамоты, свидѣтельствуя о низкой степени юридическаго сознанія московскихъ дьяковъ. Такое извращеніе имѣетъ мѣсто въ ст. 54 Судебника, заимствованной изъ ст. 40 грамоты, которая, по вѣрному замѣчанію проф. Владиміра-Буданова, гораздо съ большей тонкостью, чѣмъ Судебникъ, различаетъ юридическія послѣдствія нарушенія договора личнаго найма (Христоматія по исторіи р. права, вып. II, стр. 89). Другое извращеніе находится въ ст. 50 Судебника, гдѣ институтъ послушества приравнивается къ институту свидѣтелей, т. е. происходитъ смѣшеніе двухъ понятій, строго разграниченныхъ между собой по Псковской грамотѣ. Мало того, составитель Су-

дебника, заимствуя буквально нѣкоторыя постановленія грамоты, совершенно не согласуетъ ихъ съ другими постановленіями Судебника, вслѣдствіе чего получаются противорѣчія (напр., ст. 49 запрещаетъ послуху выставлять за себя на поединокъ наймита, въ то время, какъ ст. 52 разрѣшаетъ подобный наемъ). Такимъ образомъ, рецепція Псковской грамоты Судебникомъ была очень неудачна. Эта неудача усугубляется еще тѣмъ, что большая часть содержанія грамоты совершенно не вошла въ Судебникъ, въ силу чего столь обстоятельно разработанныя грамотой отрасли права, какъ вещное, обязательственное и наслѣдственное право, совершенно не имѣли никакого вліянія на гражданское право Судебника, стоящаго въ этомъ отношеніи неизмѣримо ниже вѣчевого законодательства Пскова.

Третьимъ источникомъ Судебника были судныя и уставныя грамоты, хотя, впрочемъ, онъ также далеко не исчерпалъ всего содержанія послѣднихъ. Въ виду этого, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Судебникъ примѣнялся только тогда, когда въ нихъ не было судныхъ грамотъ.

Четвертымъ источникомъ изучаемаго сборника было обычное право, нѣкоторыя нормы котораго получили законодательную санкцію въ Судебникѣ (напр., о переходѣ крестьянъ въ Юрьевъ день, о различіи вѣдомыхъ лихихъ людей отъ простыхъ преступниковъ и т. п.).

Нѣкоторыя постановленія Судебника были составлены *вновь*, напр., о лихоимствѣ и лжесвидѣтельствѣ, объ отказѣ въ правосудіи и др. Но такихъ постановленій немного, почему Судебникъ и имѣетъ характеръ по преимуществу свода старыхъ, а не новыхъ узаконеній.

Нѣкоторые ученые (напр., проф. Владимірскій-Будановъ и Загоскинъ) дѣлятъ содержаніе Судебника на четыре отдѣла: 1) о центральномъ судѣ (до ст. 37), 2) объ областномъ судѣ (до ст. 46), 3) о гражданскомъ правѣ и процессѣ (до ст. 67) и 4) дополнительный отдѣлъ (ст.ст. 67 и 68). Само собою разумѣется, что подобное дѣленіе не можетъ быть названо системою въ современномъ смыслѣ этого слова, въ виду того, что оно не выдержано и далеко не строго проведено, такъ какъ постановленія,

долженствующія находиться въ одномъ отдѣлѣ, помѣщены въ другомъ и наоборотъ.

Содержаніе Судебника по преимуществу процессуально, такъ какъ относится, главнымъ образомъ, къ судопроизводству и судоустройству, хотя въ немъ также встрѣчаются постановленія, касающіяся сферъ гражданскаго, уголовнаго и отчасти государственнаго права. Изъ обзора содержанія изучаемаго памятника видно, что онъ былъ очень далекъ до совершенства, такъ какъ совсѣмъ не исчерпывалъ всѣхъ сторонъ юридической жизни государства, несмотря на то, что регулировать ее и было его назначеніемъ. Нѣкоторыя отрасли права, разработанныя еще въ болѣе раннихъ памятникахъ, можно сказать, почти совсѣмъ отсутствуютъ въ Судебникѣ. Чтобъ убѣдиться въ истинности этихъ словъ, стоитъ лишь провести сравненіе между такъ обстоятельно разработаннымъ гражданскимъ правомъ Псковской судной грамоты и тѣми нѣсколькими статьями, содержащими въ себѣ крайне отрывочныя постановленія о куплѣ, займѣ и наслѣдствѣ, съ какими мы встрѣчаемся въ Судебникѣ. Точно также далеко не исчерпано имъ содержаніе судныхъ и уставныхъ грамотъ, касающихся судопроизводства и уголовнаго права. О другихъ грамотахъ нечего и говорить, такъ какъ онѣ совершенно не были приняты во вниманіе составителемъ Судебника.

Такимъ образомъ, несостоятельность послѣдняго въ качествѣ сборника законовъ, долженствовавшихъ регулировать юридическую жизнь Московскаго государства, съ одной стороны, и дальнѣйшее развитіе правовыхъ отношеній, идей и институтовъ, съ другой стороны, были причинами скораго возникновенія настоятельной потребности въ новомъ кодификаціонномъ трудѣ, тѣмъ болѣе, что указанная дѣятельность государей продолжалась по-прежнему и развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ и указовъ нисколько не прекратилось. Вотъ почему до насъ дошло извѣстіе, что уже сынъ Ивана III, Василій III, дополнилъ Судебникъ новыми постановленіями, которыя, однако, не сохранились. Черезъ 50 же съ небольшимъ лѣтъ послѣ изданія перваго Судебника былъ составленъ другой, названный царскимъ, и изданный Иваномъ IV въ 1550 г.

Мы имѣемъ возможность предполагать, что въ составленіи этого Судебника приняли участіе, кромѣ боярской думы, также и народные представители, созванные царемъ на первый земскій соборъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Иванъ IV въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ годъ спустя (въ 1551 г.) при открытіи засѣданій извѣстнаго Стоглаваго собора. Этотъ послѣдній также долженъ былъ принять участіе въ „разсмотрѣніи“ и „утвержденіи“ Судебника, хотя изъ документовъ того времени не извѣстно, исполнилъ ли онъ это.

Царскій Судебникъ, являясь ничѣмъ инымъ, какъ исправленнымъ и дополненнымъ княжескимъ Судебникомъ, естественно долженъ былъ обладать большимъ сходствомъ съ послѣднимъ. Въ немъ точно такъ же, какъ и въ Судебникѣ 1497 г., отсутствуетъ какая бы то ни было система, такъ какъ, съ одной стороны, самыя разнородныя статьи слѣдуютъ одна за другой, а, съ другой стороны, однородныя статьи разбросаны по всему памятнику и находятся безъ всякаго соотношенія другъ съ другомъ. Единственное отличіе въ этомъ отношеніи между обоими памятниками состоитъ въ томъ, что второй Судебникъ раздѣляется на перенумерованныя статьи, чего не было въ первомъ Судебникѣ. Само собою разумѣется, что наличность подобной нумераціи составляетъ уже извѣстный шагъ впередъ и ставитъ въ этомъ отношеніи царскій Судебникъ выше княжескаго. Кромѣ того, первый гораздо больше второго, при чемъ значительную его часть составляютъ новыя статьи, очевидно заимствованныя изъ законодательныхъ памятниковъ, изданныхъ въ періодъ времени между обоими Судебниками.

Несмотря, однако, на большое сходство въ содержаніи изучаемыхъ сборниковъ, между ними существуютъ и нѣкоторыя различія. Такъ, въ литературѣ было высказано мнѣніе (проф. Михайловымъ и Загоскинымъ), что Судебникъ 1550 г. обладаетъ двумя особенностями, отличающими его отъ Судебника 1497 г. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что царскій Судебникъ относится съ особенной строгостью къ лицамъ, отправляющимъ правосудіе, угрожая имъ всякаго рода наказаніями за неправды и злоупотребленія своею властью, чего нѣтъ въ княжескомъ

Судебникѣ, который только въ общихъ выраженіяхъ запрещаетъ судьямъ брать взятки и принимать въ расчетъ свои личныя отношенія къ тяжущимся. Вторая особенность, присущая царскому Судебнику, состоитъ въ томъ, что онъ, относясь крайне враждебно ко всякаго рода исключеніямъ изъ общихъ нормъ права и суда, окончательно запрещаетъ изданіе тарханныхъ грамотъ, что совершенно отсутствуетъ въ первомъ Судебникѣ.

Проф. Владимірскій-Будановъ указалъ еще на двѣ особенности, отличающія царскій Судебникъ отъ княжескаго. Первая заключается въ слѣдующемъ: въ княжескомъ Судебникѣ нерѣдко постановленія не имѣютъ второй существенной части (о послѣдствіяхъ нарушенія закона), которая и придается имъ въ царскомъ Судебникѣ; напр., княжескій Судебникъ запрещаетъ какое-нибудь дѣяніе, но не налагаетъ никакого наказанія за нарушеніе этого запрещенія, что уже не встрѣчается въ царскомъ Судебникѣ. Вообще княжескій Судебникъ, по вѣрному замѣчанію проф. Владимірскаго-Буданова, представляетъ собою законъ въ видѣ lex minus quam perfecta, царскій же Судебникъ—lex perfecta. Вторая особенность заключается въ томъ, что царскій Судебникъ разъясняетъ постановленія княжескаго Судебника, создавая нерѣдко изъ одной его статьи нѣсколько статей. Но кромѣ этихъ особенностей, отличающихъ оба Судебника одинъ отъ другого, существуютъ еще и другія, которыя мы и укажемъ при обозрѣніи внутренней исторіи права.

Царскій Судебникъ, подобно княжескому, вскорѣ послѣ своего изданія пересталъ удовлетворять потребностямъ времени и регулировать юридическую жизнь Московскаго государства. Поэтому послѣ него появляется цѣлый рядъ, такъ называемыхъ, дополнительныхъ къ Судебнику указовъ, большая часть которыхъ имѣла цѣлью дальнѣйшее развитіе постановленій царскаго Судебника. Содержаніе ихъ крайне разнообразно и касается разныхъ отраслей права. Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ опредѣленіями, вполнѣ сходными съ опредѣленіями Литовскаго статута, что объясняется заимствованіемъ или, лучше сказать, рецепціей статута, имѣвшей мѣсто въ московскихъ приказахъ и нерѣдко практиковавшейся дьяками (см. ниже). Дополнительные указы,

хотя и возникали чисто казуистическимъ способомъ, такъ какъ являлись законодательными отвѣтами на частные вопросы, возбужденные практикою и, слѣдовательно, издавались ad hoc съ цѣлью разрѣшенія конкретныхъ случаевъ, но по силѣ дѣйствія вполнѣ ставились на одну доску съ Судебникомъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній самъ постановилъ въ ст. 98, чтобы всякій новый законъ, изданный послѣ него, приписывался къ нему. Такимъ образомъ, собраніе и соединеніе новыхъ законовъ съ общимъ сводомъ указаны уже были въ Судебникѣ.

Процессъ этого собранія былъ слѣдующій. Въ случаѣ поступленія въ какой-либо приказъ дѣла, разрѣшить которое оказывалось невозможнымъ на основаніи дѣйствующаго законодательства, приказъ представлялъ въ боярскую думу или самое дѣло, долженствовавшее быть разрѣшеннымъ на основаніи новаго закона, изданнаго ad hoc, или же представлялъ возникшій по поводу дѣла вопросъ въ обобщенномъ видѣ, внѣ всякой зависимости отъ дѣла. Въ XVI ст. чаще практиковался первый способъ, т. е. представленіе въ думу самого дѣла, рѣшеніе котораго и служило для приказовъ прецедентомъ для рѣшенія всѣхъ аналогичныхъ дѣлъ. Напротивъ, въ XVII ст. получилъ право гражданства второй способъ, начавшій серьезно конкурировать съ первымъ, а именно: изъ нѣсколькихъ конкретныхъ случаевъ, долженствовавшихъ быть разрѣшенными въ законодательномъ порядкѣ, составлялся цѣлый рядъ вопросовъ о законѣ, такъ называемый, „статейный списокъ“, который и вносился въ думу. Послѣдняя издавала указъ, разрѣшавшій названные вопросы и отсылала его въ соотвѣтствующій приказъ, возбудившій вопросъ. Всѣ, изданные такимъ образомъ, указы вносились въ имѣвшуюся въ каждомъ приказѣ указную книгу и пріобщались къ Судебнику. Въ виду же различія компетенцій приказовъ, содержаніе указныхъ книгъ также различно, вслѣдствіе чего каждая изъ нихъ составляетъ какъ бы отдѣльный законодательный сборникъ по извѣстному вѣдомству и касающійся только извѣстныхъ сторонъ права.

Такимъ образомъ составилась, во-первыхъ, указная книга судныхъ дѣлъ, названная въ Христоматіи Владимірскаго-Буданова

указной книгой вѣдомства казначеевъ, такъ какъ во времена Ивана IV, когда приказы еще только начали организоваться, судныя дѣла сосредоточивались въ рукахъ казначеевъ и уже впослѣдствіи вошли въ составъ компетенціи судныхъ приказовъ. Содержаніе этой книги касается, главнымъ образомъ, гражданскаго права и процесса. Во-вторыхъ, указная книга приказа холопьяго суда, заключающая въ себѣ указы царствованій Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго. Содержаніе ея прерывается на 1609 г., такъ какъ дальнѣйшіе указы вплоть до Уложенія до насъ не дошли. Названная книга касается юридическаго положенія холоповъ, установленія и освобожденія холоповъ; кромѣ того, въ ней встрѣчаются также указы, относящіеся до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Въ-третьихъ, указная книга Земскаго приказа, содержащая въ себѣ указы, относящіеся до управленія городомъ Москвою, напр., о тяглыхъ городскихъ имуществахъ, о формахъ обвинительнаго процесса, разныя финансовыя и полицейскія постановленія, обязательныя въ предѣлахъ Москвы и т. п. Въ-четвертыхъ, указная книга Помѣстнаго приказа, содержащая въ себѣ указы преимущественно царствованій Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, такъ какъ указы, касающіеся помѣстій и вотчинъ до этого времени, были большею частью истреблены во время пожара Помѣстнаго приказа въ 1626 г. Наконецъ, въ-пятыхъ, Уставная книга Разбойнаго приказа, названная уставной, а не указной, такъ какъ въ основаніе ея не легъ Судебникъ, чѣмъ она и отличается отъ только что перечисленныхъ книгъ. Она не имѣетъ характера частнаго сборника законовъ, какъ всѣ указныя книги, но является оффиціальнымъ уставомъ о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ, служившимъ вплоть до Уложенія руководствомъ для Разбойнаго приказа и подвѣдомственныхъ ему органовъ управленія.

Какъ доказано г. Шалфѣевымъ, слѣдуетъ разсматривать Уставную книгу по двумъ періодамъ времени существованія Разбойнаго приказа: отъ его открытія, вѣроятно, въ 1539 г. до смутнаго времени и отъ воцаренія Михаила Ѳедоровича до изданія Уложенія. Въ продолженіе смутнаго времени Разбойный приказъ не существовалъ, вслѣдствіе чего Уставная книга раз-

дѣляется на двѣ части: на первую (Разбойный уставъ Ивана IV, составленный въ серединѣ XVI ст. и дополнявшійся новыми указами вплоть до смутнаго времени) и вторую (Разбойный уставъ Михаила Ѳедоровича, дополнявшійся новыми указами до изданія Уложенія). На это прямо указывается въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ упоминается объ Уставной книгѣ и въ самомъ ея заглавіи. О мѣстѣ составленія первой части въ памятникахъ нѣтъ извѣстій, но, по всей вѣроятности, такимъ мѣстомъ былъ Разбойный приказъ, гдѣ около 1555 года она и была составлена. Вторая часть составлена въ Разрядѣ, по всей вѣроятности, около 1617 года.

Что касается до источниковъ разсматриваемаго памятника, то такими были боярскіе приговоры по разбойнымъ и татинным дѣламъ и государевы указы, касающіеся тѣхъ же дѣлъ. Первоначальный же разбойный уставъ (т. е. Ивана IV), внесенный въ книгу, крайне трудно отдѣлить отъ позднѣйшихъ прибавокъ. Г. Шалфѣевъ думаетъ, что его составляютъ первыя восемь статей, другія же постановленія перемѣшаны съ позднѣйшими прибавленіями и многія, впослѣдствіи измѣненныя, выброшены; тѣмъ болѣе трудно сказать что-нибудь положительное о томъ, какъ составлялся этотъ первоначальный Разбойный уставъ. Во всякомъ случаѣ по характеру постановленій всей книги можно, однако же, заключить, что происхожденіе ихъ одно и то же, т. е., что всѣ они являются боярскими приговорами и государевыми указами. Такимъ образомъ, Уставная книга есть сборникъ указовъ по дѣламъ татиннымъ и разбойнымъ и притомъ сборникъ, пополнявшійся по мѣрѣ изданія указовъ, а поэтому въ немъ нечего искать какой бы то ни было внутренней системы. Въ книгѣ могла только быть одна внѣшняя система, именно хронологическая, т. е. указы должны были слѣдовать въ ней одинъ за другимъ, въ порядкѣ времени ихъ изданія. Впрочемъ, и эта система не выдержана, такъ какъ въ размѣщеніи отдѣльныхъ постановленій нерѣдко встрѣчаемся съ фактомъ нахожденія позднѣйшихъ статей передъ прежде изданными. Такое отступленіе отъ хронологической системы можно объяснить тѣмъ, что при вторичномъ составленіи книги въ Разрядѣ въ 1617 г., нѣкоторыя изъ ея статей,

отмѣненныя или измѣненныя позднѣйшими узаконеніями, были изъ нея исключены и на ихъ мѣсто поставлены новѣйшія, черезъ что хронологическій порядокъ необходимо долженъ былъ нарушиться (Шалфѣевъ, Уставная книга Разбойнаго приказа).

Содержаніе Уставной книги касается исключительно уголовнаго права и процесса, а также опредѣленія предметовъ вѣдомства губныхъ учрежденій.

Стоглавъ.

Причины, побудившія московское правительство составить извѣстный памятникъ церковнаго законодательства—Стоглавъ, были тѣ же самыя, что побудили его составить оба Судебника. Объединенная Россія такъ же нуждалась въ сводѣ церковныхъ постановленій, какъ и свѣтскихъ; выполненіе перваго было такою же историческою необходимостью, какъ и выполненіе второго. Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе соединенія подъ властью Москвы отдѣльныхъ областей, жившихъ нѣкогда самостоятельною жизнью, оказалась въ нихъ страшная пестрота во взглядахъ, въ нравахъ, въ обычаяхъ и даже въ нравственно-религіозныхъ воззрѣніяхъ; нужно было сгладить эти мѣстныя оттѣнки, придавъ однообразіе въ направленіи нравственно-религіозной жизни всего русскаго народа, что и составило задачу Стоглава [1]).

Церковный соборъ, получившій названіе Стоглаваго, былъ созванъ въ 1551 г. въ Москвѣ. Предсѣдателемъ его состоялъ извѣстный митрополитъ Макарій. Въ составъ собора вошли два архіепископа, семь епископовъ, много архимандритовъ, игуменовъ и членовъ низшаго духовенства. Кромѣ того, на соборѣ находились бояре и другіе думные люди (боярская дума). Открытіе собора произошло въ присутствіи царя Ивана IV, произнесшаго четыре рѣчи, въ которыхъ были изложены задачи собора и мотивы, побудившіе правительство созвать его. Но царь не ограничился произнесеніемъ однѣхъ только рѣчей, онъ далъ еще собору цѣлую программу, которою тотъ долженъ былъ руководъ-

[1]) См. рецензію И. Бѣляева на VII т. Исторіи Соловьева.

ствоваться въ своей дѣятельности. Программа эта состояла изъ отдѣльныхъ вопросовъ (нѣкоторые изъ нихъ имѣли характеръ цѣлыхъ законопроектовъ), отвѣтить на которые долженъ былъ соборъ. Продуктомъ дѣятельности этого послѣдняго и были тѣ постановленія, которыя вошли (впрочемъ, далеко не всѣ) въ дошедшую до насъ книгу Стоглавъ и приводились впослѣдствіи въ исполненіе, главнымъ образомъ, посредствомъ, такъ называемыхъ, наказовъ, издававшихся большею частью отъ имени митрополита (до насъ дошли два наказа: одинъ во Владиміръ, другой въ Каргополь, оба изданы Бѣляевымъ подъ названіемъ „Наказные списки соборнаго Уложенія 1551 г.“).

Внѣшній видъ Стоглава слѣдующій. Онъ раздѣляется вообще на сто главъ, при чемъ эти послѣднія далеко не равны по объему и очень мало имѣютъ связи между собой. О какой бы то ни было системѣ въ современномъ смыслѣ этого слова нечего и говорить, такъ какъ иногда въ одной главѣ говорится о разныхъ предметахъ, иногда же объ одномъ и томъ же предметѣ говорится въ разныхъ главахъ. Первыя четыре главы составляютъ вступительную часть, въ которой сообщаются свѣдѣнія о созваніи собора и о тѣхъ лицахъ, которыя входили въ его составъ, а также приводятся четыре рѣчи, произнесенныя царемъ на соборѣ. Глава 5-я содержитъ въ себѣ первые (37) царскіе вопросы, т. е. программу, данную Иваномъ IV собору. Съ 6-й главы излагается соборный отвѣтъ на эти вопросы, что продолжается до 40-й главы включительно. Съ 41-й главы начинаются вторые царскіе вопросы въ числѣ тридцати двухъ и отвѣты на нихъ собора. Внѣшнее отличіе въ изложеніи этихъ вопросовъ и отвѣтовъ отъ первыхъ состоитъ въ томъ, что тогда, какъ первые вопросы царя изложены въ отдѣльности отъ соборныхъ отвѣтовъ и составляютъ одну отдѣльную главу, на каждый изъ вторыхъ вопросовъ отвѣтъ дается непосредственно. Подобное различіе произошло, вслѣдствіе того, что первые вопросы были составлены до собора и были прочитаны на немъ какъ готовые, вдругъ, одинъ за другимъ, а потому и отвѣтъ на нихъ состоялся послѣ, примѣнительно къ порядку вопросовъ. Вторые же возбуждались на самомъ соборѣ его членами и о каждомъ изъ нихъ тотчасъ

же возникали и пренія. Иногда самъ предлагавшій вопросъ, предлагалъ и отвѣтъ на него, т. е. въ вопросѣ обличалъ извѣстный фактъ, а въ отвѣтѣ предлагалъ и мѣру противъ него [1]). Съ 42-й главы начинаются особые отвѣты, но вопросы передъ ними не излагаются. Эти отвѣты содержатъ въ себѣ или такія постановленія, о которыхъ вопросовъ совсѣмъ не было, или такія, о которыхъ шла рѣчь въ первыхъ или во вторыхъ вопросахъ. Двѣ послѣднія (99 и 100) главы говорятъ объ отсылкѣ соборныхъ постановленій въ Троицкую лавру къ бывшему митрополиту Іосафу и къ другимъ высшимъ духовнымъ лицамъ, а также здѣсь же приводятся замѣчанія ихъ на эти постановленія.

Было уже сказано, что въ распредѣленіи отдѣльныхъ главъ можно констатировать крайнюю безпорядочность и полнѣйшее отсутствіе какой бы то ни было связи между послѣдующей и предыдущей главой. Объясняется это (какъ доказалъ проф. Ждановъ) отчасти неумѣлостью собирателя Стоглава, отчасти разнообразіемъ тѣхъ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Взятое изъ этихъ послѣднихъ редакторъ Стоглава не вездѣ успѣлъ достаточно переработать и удачно распредѣлить. Проф. Ждановъ доказалъ, что въ Стоглавѣ то тамъ, то здѣсь проглядываютъ слѣды какого-то другого изложенія, слѣды какихъ-то первоначальныхъ матеріаловъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на ясную и несомнѣнную связь, замѣчаемую между нѣкоторыми такими частями Стоглава, которыя въ редакціи этого памятника представляются въ видѣ отдѣльныхъ главъ, часто раздѣленныхъ даже другими главами. Связь подобныхъ частей очевидна, а между тѣмъ онѣ раздѣлены между собою. Объясняется это тѣмъ предположеніемъ, что названныя части представляютъ отрывки какихъ-то недошедшихъ до насъ памятниковъ, въ которыхъ то, что въ Стоглавѣ являлось разбитымъ и разрозненнымъ по отдѣльнымъ главамъ, было изложено въ связи и послѣдовательности. Проф. Жданову, путемъ анализа содержанія Стоглава, удалось доказать, что въ основу многихъ соборныхъ отвѣтовъ были положены недошедшіе до насъ царскіе

[1]) Лебедевъ, Внутренняя исторія Стоглава.

вопросы, которые и являются отчасти тѣми первоначальными матеріалами, оперировать надъ которыми пришлось составителю Стоглава (Стоглавъ былъ частный сборникъ, о чемъ см. ниже). Такимъ образомъ, въ составъ опредѣленій послѣдняго, т. е. той его части, которая носитъ названіе соборныхъ отвѣтовъ, вошло много такого, что не принадлежало собору, а было заимствовано изъ царскихъ посланій и предложеній, при чемъ редакторъ Стоглава, вводя отрывки изъ нихъ въ соборные отвѣты, вовсе не желалъ отдѣлять ихъ отъ постановленій, принадлежавшихъ самому собору; напротивъ того, онъ хотѣлъ слить ихъ въ своемъ изложеніи въ одно неразрывное цѣлое.

Источниками Стоглава были, во-первыхъ, постановленія вселенской и византійской церкви, собранные въ Номоканонѣ, а также, во-вторыхъ, постановленія русской церкви, т. е. соборные приговоры, опредѣленія митрополитовъ и т. п. Кромѣ церковнаго законодательства, въ составъ постановленій Стоглава вошли также памятники свѣтскаго законодательства, регулирующіе отправленіе церковной жизни и опредѣляющіе отношенія между церковью и государствомъ, напр., церковные уставы Владиміра и Ярослава и другіе законодательные акты, изданные государственною властью. Что касается до обычая, то онъ также игралъ весьма важную роль въ качествѣ источника Стоглава и именно тогда, когда для рѣшенія какого-либо вопроса не находилось отвѣта въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Обычай называется Стоглавомъ „неписаннымъ закономъ“ и признается имъ вполнѣ неприкосновеннымъ. „Въ коейждо странѣ, читаемъ въ немъ, свой законъ и отчина (т. е. обычай), а не приходятъ другъ къ другу, но своего обычая кійждо законъ держитъ“.

Говоря объ источникахъ Стоглава, необходимо упомянуть и о вліяніи на его опредѣленія идей и воззрѣній, волновавшихъ русское общество въ XV и XVI ст., и выразителями которыхъ были многіе интеллигентные люди того времени, напр., Максимъ Грекъ, Іосифъ Волоцкій и др. Весьма сильно было вліяніе на Стоглавъ сочиненій Максима Грека. Всякій, кто прочтетъ сочиненія этого писателя и послѣ нихъ Стоглавъ, не можетъ не замѣтить не только мыслей, но даже иногда и выраженій Максима

среди мыслей и выраженій царя въ его вопросахъ собору, а также и въ отвѣтахъ послѣдняго.

Весьма любопытно прослѣдить, какъ пользовались составители постановленій Стоглаваго собора названными источниками. При разрѣшеніи каждаго вопроса они старались прежде всего обращать вниманіе на общецерковныя постановленія вселенской и византійской церквей и въ нихъ отыскивать отвѣтъ на данный вопросъ. Тогда же, когда содержаніе вопроса было чисто мѣстное, т. е. касалось исключительно сторонъ русской церковной жизни и когда, слѣдовательно, общецерковныя постановленія не могли служить матеріаломъ для отвѣта, послѣдній разрѣшался на основаніи чисто русскихъ источниковъ, а за отсутствіемъ и ихъ, на основаніи обычая. Въ случаѣ же возможности разрѣшить вопросъ на основаніи источниковъ всѣхъ категорій, они всѣ служили матеріаломъ для отвѣта, нерѣдко сопровождаемаго цитатами изъ нихъ [1]).

Содержаніе Стоглава можно раздѣлить на двѣ части: къ первой будутъ относиться чисто церковныя постановленія, ко второй—церковно-гражданскія. Эти послѣднія касаются государственнаго права (святительскій судъ, церковная администрація), полицейскаго права (цехъ иконописцевъ, народныя училища, благотворительность, выкупъ плѣнныхъ, борьба съ суевѣріями, церковное благочиніе), гражданскаго права (семейственное, имущественное и обязательственное право) и уголовнаго права. Всѣ эти постановленія, будучи облечены въ форму наказовъ, имѣли силу дѣйствующаго права. Такъ продолжалось до 1667 г., когда они были оффиціально отмѣнены церковнымъ соборомъ, имѣвшимъ мѣсто въ это время въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что впослѣдствіи оказалось, что члены Стоглаваго собора, отчасти вслѣдствіе своихъ личныхъ заблужденій, отчасти вслѣдствіе испорченности находившихся въ ихъ рукахъ книгъ, допустили въ Стоглавъ нѣкоторыя постановленія неканоническаго содержанія и несогласныя съ древними правилами и обыкновеніями православной церкви, напр., опредѣленіе о сложеніи при крестномъ знаменіи

[1]) И. Бѣляевъ, Рецензія на VII т. Исторіи Соловьева.

двухъ перстовъ вмѣсто трехъ, о провозглашеніи при богослуженіи сугубой аллилуи вмѣсто тройной и т. п. Вотъ почему соборъ 1667 г., подтвердившій реформу Никона объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, отмѣнилъ постановленія Стоглаваго собора, что вызвало сильную оппозицію со стороны раскола, который попрежнему продолжалъ придавать Стоглаву каноническое значеніе. Полемика противъ раскола, доказывая погрѣшности Стоглава въ теченіе какъ XVII, такъ и XVIII ст., не переставала тѣмъ не менѣе признавать подлинность и оффиціальность этого сборника. Иной характеръ стала принимать полемика съ начала прошлаго столѣтія. Все чаще и чаще стали приводиться доводы и предположенія о подчисткахъ въ Стоглавѣ, о намѣренной порчѣ первоначальнаго его подлинника, о неоффиціальномъ характерѣ его и даже о неподлинности всего сборника въ полномъ его составѣ. Въ наше время историческая критика вполнѣ констатировала тотъ фактъ, что постановленія Стоглаваго собора имѣли силу дѣйствующаго права и осуществлялись на практикѣ посредствомъ, такъ называемыхъ, наказовъ, но что книга Стоглавъ въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, не есть оффиціальный законодательный памятникъ въ родѣ, напр., Судебниковъ или Уложенія, а является неизвѣстно кѣмъ составленнымъ частнымъ сборникомъ, въ который вошли какъ постановленія Стоглаваго собора, имѣвшія значеніе оффиціальныхъ юридическихъ актовъ, такъ и постановленія, не имѣвшія подобнаго значенія. Внѣшній видъ Стоглава и въ особенности характеръ вторыхъ соборныхъ отвѣтовъ, источникомъ которыхъ, какъ было уже сказано, нерѣдко являлись царскіе вопросы, введенные по милости составителя Стоглава въ категорію отвѣтовъ, вполнѣ подтверждаютъ тотъ фактъ, что дошедшая до насъ книга Стоглавъ не имѣетъ значенія оффиціальнаго юридическаго акта, а должна быть разсматриваема, какъ извлеченіе или изборникъ изъ дѣяній собора 1551 г. Этотъ изборникъ могъ и долженъ былъ служить исторической основой и матеріаломъ для такихъ чисто законодательныхъ памятниковъ, какъ царскіе и соборные наказы и грамоты, но самъ никогда не являлся закономъ. Посылка его къ митрополиту Іосафу и его возраженія противъ нѣ-

которыхъ постановленій собора также доказываетъ тотъ фактъ, что соборная книга до пересмотра ея Іосафомъ не была еще утверждена соборомъ и государемъ въ качествѣ церковно-законодательнаго сборника, а имѣла характеръ законопроекта. Не была она утверждена и по пересмотрѣ ея, когда получены были возраженія Іосафа. Доказательствомъ этого служатъ многіе законодательные памятники 1551 и 1552 г.г., разрѣшающіе совершенно иначе не мало вопросовъ, разрѣшенныхъ Стоглавомъ, что не могло бы быть, если бы послѣдній былъ утвержденъ, какъ каноническое законоположеніе русской церкви. Имѣются данные въ пользу того, что и послѣ 1552 г. онъ не былъ утвержденъ въ качествѣ подобнаго законоположенія. Такъ, въ одной древней запискѣ о соборѣ 1554 г. говорится, что въ октябрѣ этого года царь съ соборомъ разсуждалъ: „о прежнемъ соборномъ Уложеніи, о многоразличныхъ дѣлѣхъ и чинѣхъ церковныхъ и по книгѣ соборной чли, которыя дѣла исправилися, и царь богомольцамъ своимъ говорилъ, чтобы Богъ помогъ впередъ и прочія дѣла исправлены были“. Безъ всякаго сомнѣнія, это „соборное уложеніе“ и „соборная книга“ есть ничто иное, какъ Стоглавъ, такъ какъ другого „Уложенія“ и „книги“ не было. Такимъ образомъ, въ 1554 г. названная „книга“ содержала въ себѣ „дѣла, которыя исправилися и которыя еще не исправилися“. Если подъ исправленіемъ дѣлъ мы будемъ понимать пересмотръ и исправленіе соборныхъ рѣшеній, то, по мнѣнію членовъ собора 1554 г., Стоглавъ заключалъ въ себѣ постановленія, требовавшія пересмотра, передѣлки и исправленія. Иначе говоря, еще въ 1554 г. разсматриваемая „книга“ не получила законодательной санкціи и имѣла форму проекта, многія части котораго были еще далеки до окончательной редакціи. Сохранились также нѣкоторыя извѣстія, что и въ послѣдующее время Стоглавъ не получилъ законодательной санкціи и навсегда остался частнымъ сборникомъ. Да, наконецъ, подобное мнѣніе необходимо принять ужъ въ силу того соображенія, что, если бы Стоглавъ былъ утвержденъ въ цѣломъ своемъ составѣ, какъ соборное Уложеніе, то былъ бы разосланъ по всѣмъ епархіямъ, что всегда дѣлалось въ то время. А между тѣмъ ничего подобнаго не было; вотъ

почему списки Стоглава были всегда очень рѣдки, даже въ Москвѣ—этомъ средоточіи церковнаго управленія. Такимъ образомъ, общій выводъ изъ всего сказаннаго долженъ состоять въ томъ, что Стоглавъ, подобно Русской Правдѣ, не былъ оффиціальнымъ законодательнымъ памятникомъ, а являлся частнымъ сборникомъ соборныхъ постановленій, имѣвшихъ силу дѣйствующаго права въ случаѣ санкціи ихъ государственною властью и изданія ихъ со стороны послѣдней въ формѣ наказовъ.

Уложеніе 1649 г. и новоуказныя статьи.

Въ продолженіе ста лѣтъ, протекшихъ со времени изданія Судебника 1550 г., московское законодательство продолжало развиваться, какъ было уже сказано, въ формѣ, такъ называемыхъ, дополнительныхъ къ судебнику указовъ, въ силу чего Судебникъ, бывшій въ это время дѣйствующимъ правомъ, потерялъ почти всякое значеніе, такъ какъ многія части его съ теченіемъ времени оказались отмѣненными, другія же подверглись всевозможнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Такимъ образомъ, въ виду накопленія громадной массы законодательнаго матеріала, не приведеннаго ни въ какую систему, встрѣчались непреодолимыя препятствія при примѣненіи его на практикѣ, тѣмъ болѣе, что не было никакихъ вспомогательныхъ средствъ для изученія дѣйствующаго права. Другой недостатокъ законодательства состоялъ въ томъ, что, несмотря на подавляющую массу всевозможныхъ законовъ, все-таки же чувствовался большой пробѣлъ въ нѣкорыхъ законодательныхъ актахъ, регулирующихъ многія стороны быта, напр., торговлю и промышленность, земледѣліе и т. п.

Изъ сказаннаго видно, что была крайняя необходимость кодифицировать дѣйствующее право и издать новый законодательный сборникъ взамѣнъ стараго Судебника, чѣмъ и занялось правительство царя Алексѣя Михайловича въ 1648 и 1649 гг. 16-го іюля 1648 г. былъ изданъ указъ, которымъ созывался земскій соборъ и учреждалась особая кодификаціонная комиссія, въ составъ которой вошло пять лицъ, подъ предсѣдательствомъ князя Одоевскаго. Комиссія получила слѣдующую инструкцію: 1) выпи-

сать „пристойныя къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ“ постановленія изъ правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ, а также изъ градскихъ законовъ греческихъ царей; 2) собрать указы прежнихъ государей и боярскіе приговоры и „справить“ ихъ со старыми Судебниками; 3) написать вновь статьи на случаи, непредусмотрѣнные дѣйствующими законами, и 4) на основаніи всего этого составить доклады для принесенія ихъ государю. Названная работа, т. е. проектъ новаго Уложенія, кромѣ того, должна была подвергнуться обсужденію со стороны земскаго собора, обязаннаго собраться въ Москвѣ 1-го сентября 1648 г. Въ составъ собора вошло до 350 членовъ, принадлежавшихъ къ духовенству, служилому классу и торгово-промышленному населенію. Соборъ раздѣлился на двѣ палаты, изъ которыхъ первая, подъ предсѣдательствомъ самого государя, состояла изъ патріарха, церковнаго собора и боярской думы, т. е. изъ высшихъ разрядовъ чиновъ. Напротивъ, составъ второй былъ изъ выборныхъ низшаго служилаго класса и тяглыхъ людей.

Относительно того, долго ли продолжались засѣданія собора, иначе говоря, сколько мѣсяцевъ было употреблено на составленіе Уложенія, въ наукѣ до послѣдняго времени существовало разнорѣчіе. Извѣстный Строевъ, а за нимъ и многіе другіе ученые полагали, что срокъ составленія Уложенія равнялся $2^1/_2$ мѣсяцамъ: съ 16-го іюля, когда была учреждена комиссія и по 3-е октября, когда плодъ трудовъ этой комиссіи читался выборнымъ на соборѣ. Но подобное мнѣніе не можетъ быть допущено, во-первыхъ, потому, что немыслимо въ такой короткій промежутокъ времени составить столь обширный законодательный сборникъ, какъ Уложеніе; во-вторыхъ же, имѣются положительныя данныя, отвергающія вышеприведенное мнѣніе. Проф. Загоскинъ полагаетъ, что соборная сессія продолжалась до конца декабря и свое предположеніе основываетъ на фактѣ подачи выборными челобитной, помѣченной 25-го ноября и вошедшей въ XIX главу Уложенія. „Значитъ, говоритъ онъ, въ концѣ ноября обсуждалась только XIX гл. сборника и собору предстояло еще обсудить почти треть всего Уложенія; такимъ образомъ, зная minimum продолжительности соборной сессіи (1 сентября—25 ноября),

мы имѣемъ право предположить окончаніе ея развѣ къ концу декабря". Но и предположеніе проф. Загоскина, хотя гораздо болѣе вѣроятное, чѣмъ Строева, также не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что еще въ серединѣ января законодательная работа не была окончена, какъ это видно изъ одной царской грамоты на имя боярина Салтыкова и дьяка Шипулина. Послѣдняя найдена и издана *мною* въ 1884 г. (см. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст.). Грамота писана 13 января 1649 г. и содержитъ въ себѣ извѣщеніе со стороны царя, что ярославскимъ и костромскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ (бывшимъ выборными на соборѣ) „у разбора и денежнаго жалованья быти не велѣно, потому что они на Москвѣ отъ нашего (государева) и земскаго дѣла (т. е. отъ составленія Уложенія) не отдѣлалися". Любопытнѣе всего то, что существуетъ указаніе въ самомъ Уложеніи, когда было закончено составленіе этого законодательнаго сборника, долгое время незамѣченное или, лучше сказать, неоцѣненное, какъ слѣдуетъ, учеными. Указаніе это находится въ „послѣсловіи". „Совершена сія книга, читаемъ здѣсь, повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи самодержца... лѣта 7157-го, генваря въ 29 день". Долго думали, что 29 января Уложеніе было закончено печатаніемъ, теперь же, когда извѣстно, что первый указъ о печатаніи вышелъ 7-го апрѣля, естественно, что слова: „совершена сія книга" означаютъ не окончаніе печатанія, но окончаніе составленія сборника, тѣмъ болѣе, что они находятся не только въ первоначальномъ изданіи, но и заканчиваютъ собою подлинную рукопись Уложенія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Уложеніе составлялось не два съ половиною мѣсяца, какъ думали Строевъ и его послѣдователи, а шесть съ половиною, что далеко не одно и то же.

Указъ о печатаніи перваго изданія Уложенія состоялся 7 апрѣля 1649 г., это—былъ первый случай публикаціи закона посредствомъ печати. Вскорѣ затѣмъ изучаемый сборникъ сдѣлался извѣстенъ иностранцамъ, такъ какъ былъ переведенъ на латинскій, нѣмецкій и французскій языки.

При изученіи исторіи составленія Уложенія одинъ изъ лю-

бопытнѣйшихъ вопросовъ является вопросъ о вліяніи земскихъ выборныхъ на составленіе Уложенія. Строевъ и его послѣдователи отвергали всякое участіе со стороны выборныхъ въ дѣлѣ составленія новаго законодательнаго сборника, явившагося, по ихъ мнѣнію, исключительно продуктомъ дѣятельности одной комиссіи съ княземъ Одоевскимъ во главѣ. Дѣятельность выборныхъ, съ точки зрѣнія этихъ ученыхъ, заключалась въ слушаніи Уложенія и въ приложеніи къ нему своихъ рукъ. Невольно рождается вопросъ, стоило же для этого созывать соборъ и такъ торопиться съ выборами, какъ это имѣло мѣсто въ 1648 г. Дѣйствительно не стоило, если бъ картина составленія Уложенія, нарисованная Строевымъ, была вѣрна, но въ томъ то и дѣло, что вѣрнаго въ ней нѣтъ ничего и выборные далеко не играли той роли, какую приписываетъ имъ Строевъ. Первыми, отнесшимися скептически къ Строевской картинѣ составленія Уложенія были проф. Шпилевскій и Щаповъ. Первый призналъ, что двѣ статьи Уложенія составлены при участіи земскихъ выборныхъ (1 ст. XIII гл. и 42 ст. XVII гл.), второй добавилъ къ нимъ еще одну статью (1 ст. XIX гл.). Значительно шире понялъ дѣятельность земскихъ чиновъ проф. Сергѣевичъ, который насчитываетъ уже 19 статей, на составленіе которыхъ вліяли выборные, при чемъ изъ 40 статей одной XIX гл. 17 пришлись на челобитья выборныхъ. Дальше всѣхъ въ разсматриваемомъ вопросѣ пошелъ проф. Загоскинъ. Онъ доказалъ, что участіе земскихъ чиновъ при составленіи Уложенія проявилось въ двоякомъ направленіи: во вліяніи ихъ на работу комиссіи до 3 октября 1648 г. и посредствомъ подачи челобитныхъ послѣ 3 октября. Въ общемъ, по мнѣнію проф. Загоскина, при участіи выборныхъ составлено 82 статьи, что составляетъ почти 8,5% общаго количества статей Уложенія.

Въ 1884 г. *мною* найдены въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ, благодаря указаніямъ служащаго въ архивѣ А. Н. Зерцалова, документы (изданные въ *моихъ* Матеріалахъ для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст.), изъ которыхъ видно, что нѣкоторые выборные входили въ составъ комиссіи князя Одоевскаго и участвовали въ ея работахъ. За свои труды они полу-

чали особое жалованье, не выдававшееся выборнымъ, неучаствовавшимъ въ комиссіи. Изъ этихъ же документовъ видно, что выборные въ продолженіе всего періода составленія Уложенія принимали весьма дѣятельное участіе въ трудахъ собора, за что, по окончаніи сессіи, многіе изъ нихъ были вознаграждены государемъ. Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго ясно, какъ невѣрно было мнѣніе Строева о дѣятельности выборныхъ, а также понятно, что эпитетъ „соборное", прилагаемый къ Уложенію, вполнѣ на своемъ мѣстѣ и вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей.

Переходимъ къ обзору источниковъ Уложенія. Какъ было уже сказано, первымъ источникомъ для составляемаго законодательнаго сборника были правила св. апостоловъ и св. отцевъ въ соединеніи со свѣтскимъ законодательствомъ Византіи, иначе говоря, съ градскими законами. Такимъ образомъ, во главѣ всѣхъ источниковъ былъ поставленъ Номоканонъ. Очевидно, что въ изучаемую эпоху онъ не былъ уже новымъ источникомъ права, во-первыхъ, потому, что многія его постановленія были чисторусскаго происхожденія и, во-вторыхъ, потому, что съ самого принятія христіанства Номоканонъ являлся у насъ въ качествѣ дѣйствующаго законодательства. Вліяніе его на уложеніе отразилось въ довольно сильной степени на уголовномъ правѣ послѣдняго, которое, благодаря этому, равно какъ и вліянію Литовскаго статута, получило крайне суровый характеръ, усвоивъ себѣ массу жестокихъ наказаній, совершенно отсутствовавшихъ въ прежнихъ законодательныхъ памятникахъ. Вліяніемъ Номоканона объясняется также и тотъ, если можно такъ выразиться, религіозный характеръ, присущій многимъ статьямъ Уложенія. Такъ, когда оно увѣщеваетъ, то непремѣнно словомъ религіи, когда наказываетъ, то большею частью за нарушеніе христіанскаго закона, за забвеніе страха Божьяго. Это религіозное начало вносится Уложеніемъ и въ область гражданскихъ отношеній; такъ, оно запрещаетъ проценты только потому, что они запрещены правилами св. апостоловъ и св. отцевъ. Въ области уголовнаго права развитіе этого религіознаго начала еще сильнѣе; благодаря ему, Уложеніе создаетъ признаки новыхъ преступленій, о кото-

рыхъ молчали Судебники, оно, напр., наказываетъ, какъ преступника, православнаго русскаго, живущаго у некрещеная иностранца, ибо „тѣмъ православнымъ христіанамъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и осквернѣніе... и въ великій постъ и въ иные посты мясо и всякій скоромъ ѣдятъ“, а Уложеніе не хочетъ, чтобъ осквернялись христіанскія души, вслѣдствіе чего православнымъ, нерадящимъ о душахъ своихъ, чинитъ жестокое наказаніе, „чтобъ и инымъ не повадно было такъ дѣлати“ (ст. 70 XX гл.). Это же религіозное начало заставляетъ Уложеніе казнить за болѣе важныя религіозныя преступленія страшною смертною казнью—сожженіемъ; оно же усиливаетъ наказаніе за всѣ другія религіозныя преступленія и т. п. [1]).

Вторымъ источникомъ Уложенія были Судебники и дополнительные къ нимъ указы. Этотъ источникъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ на основаніи его составилось огромное количество статей Уложенія, вслѣдствіе чего оно по справедливости должно быть названо сводомъ всего предшествовавшаго ему законодательнаго матеріала.

Третьимъ источникомъ былъ Стоглавъ, хотя послѣдній въ этомъ смыслѣ и не игралъ видной роли; изъ него взяты только двѣ статьи, какъ указано по крайней мѣрѣ на поляхъ подлиннаго Уложенія.

Четвертымъ источникомъ были мнѣнія и челобитныя выборныхъ, на основаніи которыхъ составители Уложенія разрѣшили стоявшіе на очереди, но еще неразрѣшенные предшествовавшимъ законодательствомъ вопросы. Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, извѣстно, что до 60-ти статей Уложенія составлено вновь на основаніи челобитныхъ, поданныхъ выборными (мнѣніе проф. Загоскина о 82 ст., составленныхъ такимъ образомъ, не можетъ быть принято, такъ какъ оказывается, что нѣкоторыя изъ нихъ составлены не на основаніи челобитій, а, какъ это доказано г. Мейчикомъ, на основаніи прежнихъ законодательныхъ памятниковъ), при чемъ многія челобитныя буквально вошли въ составъ Уложенія.

---

[1]) Есиповичъ, Журналъ Мин. Юстиціи 1859 г., № 7.

Пятымъ источникомъ былъ Литовскій статутъ. Въ виду того, что этотъ памятникъ породилъ массу статей Уложенія и, кромѣ того, самъ по себѣ весьма любопытенъ для историка русскаго права, являясь до извѣстной степени ничѣмъ инымъ, какъ сводомъ древне-русскаго права, дѣйствовавшаго въ Литовскомъ великомъ княжествѣ, мы нѣсколько остановимся на немъ.

Литовское государство, въ до-статутное время, можно сказать, преизобиловало отдѣльными законодательными актами, начавшими издаваться со второй половины XIV ст. Одни изъ нихъ имѣли общее для всего государства значеніе, другіе же только для извѣстной области, города, сословія, опредѣленнаго разряда людей, національности и даже отдѣльныхъ лицъ, ходатайствовавшихъ предъ великими князьями объ огражденіи ихъ интересовъ, расширеніи правъ и привилегій и опредѣленіи ихъ юридическаго положенія отдѣльными законодательными актами. Эти послѣдніе носили различныя названія, какъ-то: привилеевъ, уставовъ, ухваловъ, листовъ и постановленій. Очевидно, неудобство, происходившее вслѣдствіе такого множества разнообразныхъ законовъ, вызывало необходимость изданія одного общаго законодательнаго сборника, въ которомъ отдѣльныя постановленія были бы сведены воедино, затѣмъ систематизированы и обобщены. Впервые подобный сборникъ былъ составленъ въ царствованіе Сигизмунда I. Послѣдній учредилъ особую комиссію въ (1522 г.) изъ духовныхъ и свѣтскихъ юристовъ, которая и составила проектъ статута, утвержденный въ 1529 г. королемъ на виленскомъ сеймѣ. Статутъ былъ написанъ на русскомъ языкѣ (западно-русскомъ) и состоялъ изъ 13 раздѣловъ, вмѣщавшихъ въ себѣ 282 артикула. Въ скоромъ времени, однако, почувствовалась необходимость въ его дополненіи и исправленіи, вслѣдствіе чего, по вступленіи на престолъ Сигизмунда Августа, литовцы подали королю просьбу о пересмотрѣ статута. Результатомъ этого было учрежденіе въ 1551 г. особой комиссіи изъ 10 членовъ (5 католиковъ и 5 православныхъ) и исправленіе ею статута, разсмотрѣннаго на виленскомъ сеймѣ и утвержденнаго имъ вмѣстѣ съ королемъ въ 1566 г. Второй статутъ значительно болѣе перваго и также написанъ по-русски. Вслѣдствіе окончательнаго соединенія Литвы

съ Польшею въ 1569 г., возникла необходимость въ новомъ пополненіи статута и въ согласованіи его съ польскимъ законодательствомъ, для чего была организована особая сеймовая комиссія, закончившая свои труды въ 1588 г., когда плодъ трудовъ этой комиссіи — третій статутъ былъ утвержденъ королемъ (Сигизмундомъ III) и сеймомъ въ Варшавѣ. Въ томъ же году статутъ былъ напечатанъ на польскомъ и на русскомъ языкахъ.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ статута была Русская Правда и древніе юридическіе обычаи, основанные на ней, такъ какъ начала древняго русскаго права и основныя постановленія Русской Правды не только въ XIII ст., но и въ позднѣйшее время продолжали дѣйствовать въ юго-западной Россіи съ такою же силою, какую они прежде имѣли во всѣхъ русскихъ областяхъ. Въ древнѣйшихъ литовскихъ памятникахъ есть много указаній на Правду, какъ на дѣйствующее законодательство. Земскіе обычаи (звѣчные, давніе, стародавніе), вообще давность, старина отождествляются въ нихъ съ Правдою, издавна уложеннымъ правомъ, противополагаемымъ новизнѣ, „чего здавна не было“. Правда проникаетъ въ Литву со времени присоединенія къ ней русскихъ областей. Вмѣстѣ съ подчиненіемъ Литвы вліянію Руси туземные литовскіе обычаи быстро вытѣсняются обычаями чисто русскими и право, дѣйствующее въ Литвѣ, издавна называется русскимъ, иначе земскимъ, посполитымъ, основаннымъ на „старинѣ“, т. е. на Русской Правдѣ [1]). Въ виду подобнаго значенія послѣдней, неудивительно, что подъ ея вліяніемъ составились цѣлые ряды статей (артикуловъ) и раздѣловъ статута, отличающіеся разительнымъ, иногда буквальнымъ сходствомъ съ постановленіями Правды. Вообще необходимо констатировать тотъ фактъ, что польское право вліяло, главнымъ образомъ, на государственное устройство Литвы и на сословныя отношенія. Что же касается до чисто юридической сферы, т. е. до отношеній уголовнаго и гражданскаго права и процесса, то здѣсь мы замѣчаемъ въ статутѣ присутствіе однихъ и тѣхъ же началъ, на какихъ основывается Русская Правда и древнее обычное право.

[1]) Леонтовичъ, Кіевск. Унив. Изв. 1865 г.

Другимъ источникомъ статута были отдѣльные законодательные акты, изданные во множествѣ подъ различными названіями (главнымъ образомъ, привилеи) и имѣвшіе или общее или мѣстное значеніе. Первые были проводниками иностранныхъ правовыхъ началъ (римскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ), вторые же, такъ называемые, областные привилеи, дававшіеся отдѣльнымъ землямъ, воеводствамъ, повѣтамъ, городамъ и сословіямъ, являлись ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ положеній Русской Правды, будучи основаны, главнымъ образомъ, на „старинѣ“, т. е. на древнерусскомъ обычномъ правѣ.

Послѣднимъ источникомъ статута былъ Судебникъ Казиміра Ягеллончика, составленный въ 1468 г. и являвшійся первою попыткою кодификаціи законодательнаго матеріала въ Литовскомъ государствѣ. Онъ былъ составленъ на виленскомъ сеймѣ и написанъ на русскомъ языкѣ. Почти все содержаніе Судебника касается уголовнаго права и процесса, при чемъ онъ преимущественно трактуетъ о татьбѣ (такъ, изъ 26 статей Судебника 19 посвящены татьбѣ). Разсматривая содержаніе названнаго памятника, не трудно замѣтить его огромное сходство съ Русской Правдой, что даетъ поводъ заключить, что Правда была однимъ изъ главныхъ источниковъ Судебника, въ которомъ не мало положеній Правды изложено въ болѣе обобщенной формѣ или получило дальнѣйшее развитіе. Самое названіе разсматриваемаго памятника могло быть заимствовано изъ Русской Правды, которая въ нѣкоторыхъ спискахъ (напр., въ Карамзинскомъ) носитъ названіе „Судебника Ярославля“.

Литовскій статутъ не былъ помѣченъ въ числѣ источниковъ Уложенія въ инструкціи, данной кодификаціонной комиссіи и, однако, несмотря на это, огромное число статей Уложенія было заимствовано изъ статута. Чѣмъ объяснить подобный фактъ? Проф. Влад.-Будановъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ при помощи слѣдующей гипотезы: рецепція всѣхъ или почти всѣхъ статей, вошедшихъ въ Уложеніе изъ статута, сдѣлана раньше составленія Уложенія и предлежала уже готовою въ указныхъ книгахъ приказовъ. Такая рецепція являлась необходимымъ способомъ пополненія недостающихъ законовъ у московскихъ приказовъ.

Не имѣя возможности каждый разъ при разрѣшеніи конкретныхъ случаевъ обращаться съ законодательными вопросами къ верховной власти, приказы искали при недостаткѣ закона общихъ основаній для рѣшенія, которое въ то же время казалось лишь частнымъ примѣненіемъ существующаго закона и не противорѣчило ему. При возникновеніи каждаго новаго казуса (для котораго, слѣдовательно, прецеденты судебной практики не могли имѣть никакого значенія) приказные дѣльцы были безпомощны. Но вотъ въ ихъ рукахъ сборникъ, въ которомъ на большую часть вопросовъ даются подробные законодательные отвѣты. Конечно, судья знаетъ, что этотъ сборникъ чужой и онъ не можетъ сослаться на него въ рѣшеніи; онъ и не ссылается, хотя разрѣшаетъ на основаніи его дѣла. Затѣмъ для легчайшаго употребленія на практикѣ онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ выписокъ изъ статута, чѣмъ и завершается процессъ рецепированія литовскаго права въ русское. До насъ дошли нѣкоторыя изъ такихъ выписокъ, включенныя въ указныя книги приказовъ и черезъ нихъ, по мнѣнію проф. Влад.-Буданова, проникшія въ Уложеніе. Признавая вѣроятность названной гипотезы (тѣмъ болѣе, что выписки изъ статута до насъ дошли), мы не должны, однако, думать, будто рецепція статута въ Уложеніи только и могла имѣть мѣсто черезъ посредство указныхъ книгъ. Подобная рецепція могла быть и непосредственна. Разъ статутъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ, разъ изъ него дѣлались выписки въ приказахъ, то само собою разумѣется, что онъ могъ находиться подъ руками и у составителей Уложенія, тѣмъ болѣе, что въ числѣ этихъ составителей должны были быть и дьяки, какъ опытные юристы-практики, знакомые уже со статутомъ по своей дѣятельности въ приказахъ. Тотъ фактъ, что многія статьи Уложенія, заимствованныя изъ статута, болѣе подходятъ по своему содержанію къ этому послѣднему, чѣмъ къ выпискамъ въ указныхъ книгахъ, прямо свидѣтельствуетъ въ пользу истинности мнѣнія о возможности непосредственной рецепціи статута Уложеніемъ.

Отношеніе послѣдняго къ первому вполнѣ свободно, такъ какъ, заимствуя правовыя опредѣленія статута, Уложеніе нерѣдко видоизмѣняетъ ихъ, примѣняя къ условіямъ юридической жизни

Московскаго государства (такъ, напр., оно всегда уничтожаетъ сословную окраску постановленій статута). Что касается до формы постановленій, то въ этомъ отношеніи Уложеніе находится подъ сильнымъ вліяніемъ статута и нерѣдко прямо копируетъ его. Такъ, своею казуистичностью Уложеніе, главнымъ образомъ, обязано статуту. Даже та постоянная форма, съ которой начинается почти каждая статья Уложенія: „а будетъ кто“ есть переводъ подобной же постоянной формы въ статутѣ: „кгды бы хто“. Но даже и здѣсь Уложеніе старается быть оригинальнымъ, отбрасывая фактическую оболочку съ юридическихъ понятій, чрезъ что почти вездѣ достигаетъ сокращенія текста постановленій, взятыхъ изъ статута [1]).

Послѣднимъ источникомъ Уложенія было обычное право. Изъ сказаннаго уже видно, что ему принадлежала довольно видная роль въ качествѣ источника, благодаря дополнительнымъ къ Судебнику указамъ и Литовскому статуту, многія опредѣленія которыхъ основывались на обычаѣ. Но послѣдній проникъ въ Уложеніе не только черезъ посредство названныхъ памятниковъ, но и непосредственно и независимо отъ нихъ. Онъ вполнѣ можетъ считаться самостоятельнымъ источникомъ Уложенія, внесеннымъ въ него его составителями, такъ сказать, помимо другихъ источниковъ.

Всѣ перечисленные источники вошли въ Уложеніе далеко не въ равной мѣрѣ. Всего менѣе заимствовано статей изъ правилъ св. апостоловъ и отцевъ церкви и изъ Стоглава. На основаніи градскихъ законовъ составлены 24 статьи; въ основу же всѣхъ остальныхъ статей легли: Судебники съ дополнительными указами, Литовскій статутъ и челобитія выборныхъ. Такимъ образомъ, наибольшая часть Уложенія составлена на основаніи источниковъ чисто русскихъ и только сравнительно ничтожная его часть по происхожденію чужеземна, но въ виду того, что Кормчая и градскіе законы были изстари дѣйствующимъ законодательствомъ Россіи, Уложеніе вполнѣ свободно можетъ быть названо законодательнымъ памятникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова національнымъ.

[1]) Влад.-Буданов, Сборникъ госуд. знаній т. IV.

Уложеніе не есть кодексъ (какъ многіе неправильно его называютъ), такъ какъ въ немъ отсутствуетъ не только систематическое объединеніе формы, но и самое содержаніе, что является специфическимъ признакомъ всякаго кодекса. Оно не есть также новый законъ, но *сводъ* старыхъ законовъ. Такимъ образомъ, въ общемъ Уложеніе не создало новыхъ юридическихъ началъ и отношеній, а только отразило въ себѣ все то, что было выработано предшествующимъ законодательствомъ. Правда, по отношенію къ Судебникамъ оно представляетъ шагъ впередъ какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Содержаніе его, по вѣрному замѣчанію г. Есиповича, полнѣе, обширнѣе, глубже и развито съ большей энергіей, хотя преимущественно процессуально, какъ и предшествующихъ законодательныхъ памятниковъ; тѣмъ не менѣе оно содержитъ въ себѣ уже довольно большое количество статей, относящихся къ различнымъ сферамъ, матеріальнаго права; такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ уже много постановленій, относящихся къ праву государственному, церковному, финансовому, полицейскому, гражданскому и уголовному. По формѣ оно уже отдѣляетъ различныя отрасли права, имѣетъ намѣреніе классифицировать, раздѣляетъ предметъ на главы, пишетъ заглавія; но разграниченіе отраслей права еще слишкомъ слабо, классификація не вѣрна, главы слѣдуютъ однѣ за другими безъ строгаго систематическаго порядка, заглавія не вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію. Причины, почему Уложеніе должно было быть сводомъ, а не кодексомъ, вполнѣ основательно выяснены еще Строевымъ. Во-первыхъ, составить сводъ было предписано самимъ государемъ, указавшимъ даже на тѣ источники, которые должны были быть сведены другъ съ другомъ, во-вторыхъ, потребность времени не состояла въ измѣненіи законовъ и, въ-третьихъ, состояніе просвѣщенія вообще и юридическихъ познаній въ частности у тогдашнихъ юристовъ-практиковъ, именно дьяковъ, препятствовало составленію кодекса.

Уложеніе раздѣлено на 25 главъ, въ которыхъ заключается 967 статей. Это дѣленіе крайне произвольно и безъ всякаго логическаго основанія. Главы слѣдуютъ одна за другой безъ всякой связи и безъ всякаго отношенія другъ къ другу; содержаніе

ихъ крайне разнородно, а объемъ далеко неодинаковъ. Такъ, есть главы изъ двухъ статей, напр., V-я (о денежныхъ мастерахъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги) и изъ 287 статей, напр., X-я (о судѣ), равняющаяся одной трети всего Уложенія. Изъ разсмотрѣнія внѣшняго порядка Уложенія видно, что составители этого законодательнаго сборника не выработали никакой правильной системы, по которой слѣдовало бы распредѣлять собранный ими матеріалъ, а, говоря словами проф. Сергѣевича, отправлялись отъ тѣхъ русскихъ образцовъ, которые у нихъ были. Такими являлись Судебники, указныя книги, Литовскій статутъ, отдѣльныя грамоты (напр., судныя, губныя) и т. д. Чего же нельзя было пріурочить къ формѣ старыхъ памятниковъ, то появлялось въ видѣ отдѣльной главы.

Изданіемъ Уложенія, конечно, не могла завершиться законодательная дѣятельность Московскаго государства и этотъ сборникъ, само собою разумѣется, не могъ быть послѣднимъ словомъ законодательства. Юридическая жизнь народа продолжала прогрессировать, а, слѣдовательно, продолжались создаваться новыя отношенія и новыя потребности, регулировать и удовлетворять которыя уже не могло Уложеніе, какъ изданное въ то время, когда не было еще ни этихъ отношеній, ни этихъ потребностей. Составители Уложенія предвидѣли возможность возникновенія новыхъ законовъ, а потому и постановили дополнять Уложеніе по мѣрѣ возникающихъ случаевъ (ст. 2 X гл.). Послѣдніе не замедлили своимъ появленіемъ и въ сравнительно небольшой промежутокъ времени отъ 1649 г. до начала единодержавнаго царствованія Петра (въ 1696 г.) было издано огромное число указовъ, боярскихъ приговоровъ, уставныхъ грамотъ, соборныхъ приговоровъ и т. п. законодальныхъ актовъ, получившихъ названіе новоуказныхъ статей. Большая ихъ часть носитъ характеръ дополненій, измѣненій или дальнѣйшаго развитія опредѣленій, содержащихся въ Уложеніи, и возникла путемъ чисто казуистическимъ, какъ въ прежнее время дополнительные къ Судебнику указы. Но встрѣчается также немалое число новоуказныхъ статей, имѣющихъ характеръ вполнѣ самостоятельныхъ законодательныхъ памятниковъ, возникшихъ не путемъ разрѣшеній кон-

кретныхъ случаевъ, не вслѣдствіе того факта, что практика судей и администраторовъ, по вѣрному замѣчанію проф. Загоскина, случайно натолкнулась на извѣстнаго рода вопросъ, не получившій еще своего разрѣшенія, но вслѣдствіе всплывшей наружу и упорно заявившей себя потребности народной жизни. Подобнаго рода новоуказныя статьи издавались непосредственно отъ имени самого государя и весьма нерѣдко принимали форму обширныхъ законодательныхъ памятниковъ (напр., Новоторговый уставъ 1667 г., Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г., Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества 1682 г. и др.).

Всѣхъ новоуказныхъ статей было издано 1535, при чемъ на царствованіе Алексѣя Михайловича приходится ихъ 618, на царствованіе Ѳедора Алексѣевича — 295 и на совмѣстное царствованіе Петра и Ивана Алексѣевичей—622.

Внутренняя исторія.

Государственное право.

I. *Территорія.*

Въ Московскомъ періодѣ вмѣсто отдѣльныхъ княженій, на которыя прежде дѣлилась русская земля, образуется одно государство съ единой территоріей и единой верховной властью. Процессъ объединенія всѣхъ русскихъ земель происходилъ постепенно въ продолженіе долгаго періода времени и если окончился удачно, то благодаря какъ счастливымъ историческимъ обстоятельствамъ, такъ и политикѣ московскихъ князей, начиная, главнымъ образомъ, съ Дмитрія Донского—перваго великаго князя, не раздѣлившаго своихъ владѣній между сыновьями, но завѣщавшаго ихъ своему старшему сыну Василію.

Ядромъ будущаго Московскаго государства, а впослѣдствіи Россійской имперіи былъ городъ Москва. Впервые о немъ упоминается въ лѣтописи подъ 1147 г., какъ о мѣстѣ съѣзда Юрія Долгорукаго и новгородъ-сѣверскаго князя Святослава Ольговича. Затѣмъ въ 1282 г. Москва фигурируетъ уже въ качествѣ стольнаго города Московскаго княженія, бывшаго удѣломъ великаго княженія Владимірскаго. Первымъ московскимъ княземъ былъ Даніилъ Александровичъ (сынъ Александра Невскаго), который и заложилъ первый камень въ фундаментѣ будущаго государственнаго зданія Москвы, начавъ объединительный процессъ русскихъ земель путемъ присоединенія Переяславля и Коломны къ своимъ владѣніямъ. Сынъ его Юрій Даниловичъ продолжалъ политику отца и присоединилъ къ Москвѣ Можайскъ. За то братъ его Иванъ Даніиловичъ Калита, совершенно неправильно про-

званный собирателемъ земли русской, чуть было не испортилъ всего дѣла, вслѣдствіе раздѣленія въ своей духовной Московскаго княженія на *четыре* части между своими тремя сыновьями и женою. Онъ въ этомъ отношеніи пошелъ такъ далеко, что раздѣлилъ на *три* части даже самый городъ Москву [1]). Той же весьма пагубной въ интересахъ объединенія политикѣ слѣдовали и оба сына Калиты—Симеонъ Гордый и Иванъ II. Такимъ образомъ, Московское княженіе было обречено на постоянное дробленіе и ужъ, конечно, никогда не превратилось бы въ обширное и могущественное государство, если бы названная политика князей не прекратилась и если бы историческія обстоятельства, сплошь да рядомъ наперекоръ самимъ князьямъ, не содѣйствовали объединительному процессу русскихъ земель. Было уже сказано, что Дмитрій Ивановичъ Донской впервые не раздѣлилъ своихъ владѣній между сыновьями, а завѣщалъ ихъ старшему сыну Василью. Впрочемъ старыя традиціи были столь сильны, что на подобный шагъ Дмитрій Ивановичъ рѣшился только въ области великаго княженія Владимірскаго, а Московское княженіе онъ попрежнему раздѣлилъ между всѣми сыновьями (Дмитрій Ивановичъ былъ не только княземъ московскимъ, но и великимъ княземъ владимірскимъ; съ теченіемъ времени этотъ титулъ выходитъ изъ употребленія и великіе князья начинаютъ титуловаться великими князьями московскими, а не владимірскими). Послѣ смерти Донского объединеніе русскихъ земель идетъ быстрыми шагами впередъ. Такъ, Василій I присоединяетъ къ Москвѣ княжество Суздальское-Нижегородское, а Василій II городъ Серпуховъ. Иванъ III значительно расширяетъ предѣлы Московскаго государства, присоединяя къ нему сперва Верейское княженіе и Рязань, затѣмъ Великій Новгородъ и, наконецъ, Тверское княжество. Василій III, слѣдуя по стопамъ своего отца, покоряетъ Псковъ и отвоевываетъ отъ Литвы Смоленскъ. Наконецъ, Иванъ IV покоряетъ

[1]) „Калита,—говоритъ проф. Сергѣевичъ,—есть основатель противогосударственнаго порядка, а не могущества и славы Москвы. Единое Московское государство образовалось наперекоръ видамъ Калиты. Преемникамъ его надо было начинать работу съизнова и въ духѣ совершенно противоположномъ тому, въ какомъ дѣйствовалъ онъ. Надо было разрушить созданный имъ порядокъ". (Русскія юридическія древности, т. I, стр. 58).

Казань, Астрахань и Сибирь. Хотя въ періодъ смутнаго времени и въ царствованіе Михаила Ѳедоровича Московское государство нѣсколько ограничивается въ своихъ предѣлахъ, вслѣдствіе утраты Смоленска и земель, прилегающихъ къ Финскому заливу и Невѣ, бывшихъ когда-то исконнымъ достояніемъ древняго Новгорода, но за то при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Смоленскъ и другіе бѣлорусскіе города возвращаются обратно и, кромѣ того, присоединяется Малороссія съ древнимъ Кіевомъ во главѣ. Правда, вначалѣ соединеніе Московскаго государства съ Малороссіей имѣло характеръ личной уніи („Малороссія, читаемъ въ жалованной грамотѣ, изданной по случаю соединенія, принимается подъ нашу высокую руку и обѣщается служить намъ, сыну нашему и наслѣдникамъ“, т. е. устанавливается связь чисто личная—Малороссія присоединяется не къ Московскому государству, а признаетъ одного общаго государя съ Москвой; этимъ и объясняется широкая автономія Малороссіи въ области внутренней и внѣшней политики, оставленная за нею по договору, заключенному между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ на радѣ въ Переяславлѣ въ 1653 г.), но затѣмъ съ теченіемъ времени связь между обоими государствами становится все тѣснѣе и заканчивается инкорпораціей Малороссіи Россіей (впрочемъ, это произошло уже въ императорскомъ періодѣ).

Такимъ образомъ, процессъ объединенія русскихъ земель завершился въ разсматриваемую эпоху и Московское государство стало единымъ. Но несмотря на это, прежняя удѣльная старина продолжала еще долго жить и сказываться во многихъ сферахъ юридической жизни народа. Такъ, любопытнымъ образчизомъ подобной живучести этой старины можетъ служить фактъ юридическаго (а не фактическаго) существованія въ качествѣ особыхъ „государствъ“ и „царствій“, всѣхъ составныхъ частей Московскаго государства, когда-то жившихъ независимою политическою жизнью. Всѣ эти „Володимірскія“ и „Новгородскія“ государства, „Казанскія“, „Астраханскія“ и „Сибирскія“ царства продолжаютъ попрежнему существовать въ титулѣ и въ оффиціальныхъ актахъ московскихъ государей и сохранились даже до нашего времени.

II. *Населеніе.*

Служилые люди. Въ Московскомъ государствѣ мы уже встрѣчаемся съ сословіями, на которыя дѣлится населеніе, хотя это дѣленіе обусловливается, главнымъ образомъ, не различіемъ въ правахъ, какъ въ XVIII ст. (со второй половины), но различіемъ въ обязанностяхъ, лежавшихъ на всемъ населеніи безъ всякихъ исключеній. Государство, пользуясь этимъ послѣднимъ для своихъ нуждъ, раздѣлило его для большаго удобства на извѣстные разряды, при чемъ воспользовалось тѣми фактическими общественными группами по роду занятій и службъ, на которыя дѣлилось населеніе еще въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ.

Высшимъ сословіемъ или, какъ говорили въ старину, чиномъ были служилые люди, которые, въ свою очередь, дѣлились на четыре разряда, а именно: на думныхъ людей, придворныхъ чиновъ, военныхъ и приказныхъ людей.

Думные люди засѣдали въ боярской думѣ и составляли правительственный классъ Московскаго государства. Высшимъ чиномъ среди нихъ были *бояре*, называвшіеся до конца XVI ст. боярами введенными (вслѣдствіе введенія ихъ во дворецъ и въ думу великаго князя). Съ XVII ст. они называются просто боярами. Въ Московскомъ государствѣ бояринъ не есть уже бытовое названіе, но чинъ, сказываемый (т. е. жалуемый) государемъ. Впервые боярство стало сказываться въ XIV ст. (такъ, въ 1332 г. Иванъ Калита „даде боярство на Москвѣ“ одному выходцу изъ Кіева). Число бояръ было болѣе или менѣе постоянно, колеблясь отъ 20 до 30 (впрочемъ, иногда оно достигало до 60), при чемъ существовали двѣ группы аристократическихъ фамилій (преимущественно Рюриковичей и Гедиминовичей), члены которыхъ и назначались боярами: изъ первой группы непосредственно, а изъ второй черезъ посредство окольничества, т. е. сперва въ окольничіе, а затѣмъ въ бояре. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ, говоря, что „царь возводитъ въ бояре не по разуму, но по великой породѣ“. Но принадлежность къ аристократической фамиліи не влекла за собою обязанность со стороны государя во-

зводить въ боярство всѣхъ ея членовъ. Въ этомъ отношеніи все зависѣло отъ государя, который могъ и никого не возвести въ бояре. Такимъ образомъ, для производства въ бояре требовались два условія: 1) принадлежность къ одной изъ аристократическихъ фамилій и 2) сказка чина со стороны государя. Было еще третье условіе, а именно: опредѣленный возрастъ, такъ какъ по словамъ Котошихина, „за малыми лѣтами въ чины не приказываютъ“. Среди бояръ выдѣлялись, такъ называемые, ближніе бояре, бывшіе впрочемъ не чиномъ (только при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, слѣдовательно, въ концѣ XVII ст. ближнее боярство тоже начало сказываться), но вслѣдствіе своей близости къ государю и права на свободный доступъ къ особѣ послѣдняго, имѣвшіе огромное вліяніе на государственныя дѣла.

Вторымъ чиномъ были *окольничіе*, число которыхъ колебалось отъ 10 до 20 и которые также назначались преимущественно изъ опредѣленныхъ фамилій (притомъ члены нѣкоторыхъ непосредственно, а нѣкоторыхъ путемъ производства сперва въ думные дворяне). Окольничіе также засѣдали въ думѣ и среди нихъ были также ближніе.

Третьимъ чиномъ являлись *думные дворяне*, а четвертымъ — *думные дьяки*. Съ легкой руки кн. Курбскаго, извѣстнаго антагониста Ивана IV, въ наукѣ долго держалось мнѣніе, будто эти два чина были учреждены Иваномъ IV и введены въ думу съ цѣлью демократизаціи послѣдней, что было въ интересахъ грознаго царя въ его борьбѣ съ боярствомъ. Однако, историческіе факты противъ этого мнѣнія. Такъ, оказывается, что еще въ 1536 и 1537 г.г. упоминаются „дѣти боярскія, которыя живутъ (т. е. засѣдаютъ) въ думѣ“. То же самое мы встрѣчаемъ и въ 1542 г., т. е. тогда, когда ни о какой борьбѣ Ивана IV съ боярами не могло быть и рѣчи, такъ какъ Иванъ былъ еще ребенкомъ, а управленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ бояръ. Мало того, намъ извѣстно, что и при Василіи III были думные дворяне или, какъ они назывались тогда, „дѣти боярскія, которыя живутъ въ думѣ“ (такъ, извѣстный Берсень-Беклемишевъ былъ такимъ дворяниномъ). Съ Ивана IV, т. е. съ 1572 г. впервые только стали вестись списки думныхъ дворянъ

и дьяковъ, самый же институтъ существовалъ уже раньше. Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе усложненія правительственныхъ задачъ въ Московскомъ государствѣ, что въ свою очередь было слѣдствіемъ объединенія всѣхъ русскихъ земель, возникла потребность въ новыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, каковыми и явились приказы. Во главѣ ихъ стали дворяне и дьяки, такъ какъ аристократическіе роды, нужно думать, гнушались этими мѣстами. Въ виду же зависимости приказовъ отъ думы, при разрѣшеніи послѣдней разныхъ правительственныхъ, административныхъ, финансовыхъ и иныхъ вопросовъ, начальники приказовъ нерѣдко призывались въ думу, во-первыхъ, для выслушиванія приговоровъ послѣдней (инціатива которыхъ очень часто исходила изъ приказовъ) и, во-вторыхъ, для справокъ, такъ какъ, будучи компетентными лицами, знакомыми съ дѣлами и съ письменнымъ дѣлопроизводствомъ, они, въ качествѣ свѣдущихъ людей, могли оказать своими совѣтами и справками большія услуги въ думѣ и способствовать болѣе легкому и скорому рѣшенію дѣлъ. Такой порядокъ вещей узаконился практикой и мало-помалу дворяне и дьяки превратились въ необходимый составной элементъ думы и получили названіе думныхъ. Вотъ настоящая причина возникновенія двухъ названныхъ чиновъ и введенія ихъ въ думу [1]). Они хотя и считались низшими чинами среди думныхъ людей, однако, имѣли огромное вліяніе на рѣшеніе государственныхъ дѣлъ и въ юридическомъ отношеніи были вполнѣ равноправны съ боярами и окольничими. „Повинность боярамъ, окольничимъ и дьякамъ думнымъ, читаемъ въ запискѣ, составленной для королевича Владислава, быти при государѣ и *заседать* въ палатѣ (т. е. думѣ), *думати* о всякихъ дѣлахъ“.

Другимъ разрядомъ служилыхъ людей были *придворные чины*, имѣвшіе немалое значеніе не только въ сферѣ дворцоваго, но и государственнаго управленія, въ виду неразграниченія двухъ названныхъ сферъ управленія въ Московскомъ государствѣ, что въ свою очередь было слѣдствіемъ вотчиннаго характера этого послѣдняго. Придворными чинами были слѣдующіе: 1) *дворецкій*,

[1]) См. Ключевскаго Боярская дума древней Руси, стр. 285 и слѣд.

управлявшій государевыми дворцами и тѣми городами и волостями, которые были приписаны ко дворцу (доходы, получаемые съ послѣднихъ шли на нужды дворцоваго управленія), обыкновенно назначавшійся изъ бояръ и нерѣдко исполнявшій порученія, ничего общаго не имѣвшія съ дворцовымъ управленіемъ; 2) *конюшій*, также назначавшійся изъ бояръ и вѣдавшій конюшенное управленіе (огромное вѣдомство съ массою служащихъ лицъ); 3) *крайчій*, бывшій всегда одинъ и надзиравшій за разносомъ питей и яствъ на торжественныхъ обѣдахъ во дворцѣ (онъ, впрочемъ, нерѣдко обладалъ разными функціями съ сферѣ государственнаго управленія, какъ вообще всѣ придворные чины); 4) *постельничій*, вѣдавшій спальню государя и бывшій начальникомъ спальниковъ; 5) *стряпчіе*, употреблявшіеся для оказанія разныхъ услугъ государю, напр., для несенія государевыхъ вещей, для раздачи государевой милостыни, для службы на государевыхъ обѣдахъ и т. п.; 6) *стольники*, употреблявшіеся, какъ самое названіе показываетъ, для службы за государевымъ столомъ (ихъ было очень много; такъ, въ 1664 г. на обѣдѣ, данномъ англійскому послу, прислуживало 114 стольниковъ и 97 стряпчихъ; объясняется это тѣмъ, что каждый молодой человѣкъ изъ высшихъ служилыхъ классовъ начиналъ свою службу со стольника и затѣмъ уже производился или въ бояре, или въ окольничіе, или въ думные дворяне, смотря по „породѣ“); 7) *ловчіе* и *сокольничіе*, вѣдавшіе государеву охоту (также весьма обширное вѣдомство, въ особенности при Алексѣѣ Михаиловичѣ, большомъ любителѣ соколиной охоты); 8) *печатникъ*, хранившій государственную печать и прикрѣплявшій ее ко всѣмъ государственнымъ актамъ, и др. чины.

Третій разрядъ служилыхъ людей составляли *военные люди*, т. е. *дворяне* и *дѣти боярскія*. Названіе дворянъ произошло отъ дворныхъ людей, т. е. отъ лицъ, служившихъ во дворѣ князя. Первоначально (въ XV и XVI ст.) дѣти боярскія считались выше дворянъ; такъ, въ грамотахъ они всегда упоминаются прежде дворянъ („дѣти боярскія и дворяне“, а не наоборотъ), затѣмъ они пользуются правомъ владѣть не только помѣстьями, но и вотчинами, въ то время, какъ дворяне владѣютъ только помѣстьями;

но съ теченіемъ времени (XVII ст.) оба чина сливаются въ одинъ и вполнѣ уравниваются въ правахъ, такъ что нѣтъ никакой возможности провести между ними какое-либо различіе (при чемъ дворяне во всѣхъ актахъ пишутся раньше дѣтей боярскихъ). Вся масса дворянъ и дѣтей боярскихъ дѣлилась на двѣ группы: городовыхъ и московскихъ дворянъ. Юридическое положеніе вторыхъ, т. е. изъ помѣщенныхъ въ московскомъ уѣздѣ, ничѣмъ не отличалось отъ первыхъ, но быть московскимъ дворяниномъ считалось болѣе почетнымъ и выгоднымъ, въ виду близости къ государю; вотъ почему городовые дворяне нерѣдко жалуются производствомъ въ московскіе и записываются по московскому списку. Городовые дворяне и дѣти боярскія дѣлились на статьи (по Уложенію на три статьи), по всей вѣроятности, сообразно со своимъ имущественнымъ положеніемъ и отправляли военную службу, для чего вносились въ особые списки, составлявшіеся по уѣздамъ и носившіе названіе десятенъ. Въ десятняхъ писались имя, отчество и фамилія каждаго дворянина, „каковъ онъ будетъ на государевой службѣ коненъ, оруженъ и люденъ“. Обыкновенно, по достиженіи 18 лѣтъ, дворянинъ верстался помѣстьемъ, записывался въ десятню и начиналъ свою службу, бывшую въ полномъ смыслѣ этого слова вѣчной.

Четвертый разрядъ служилыхъ людей составляли *приказные люди*, т. е. *дьяки* и *подьячіе*. Они считались „худымъ“ чиномъ, такъ какъ вербовались изъ вольноотпущенныхъ, посадскихъ, церковно-служителей и т. п. Однако, несмотря на это, благодаря грамотности и знакомству съ дѣлами, съ законами и съ письменнымъ дѣлопроизводствомъ и будучи опытными юристами-практиками и администраторами, они имѣли громадное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ и фактически заправляли всею администраціею, судомъ и законодательствомъ Московскаго государства. Такое преобладаніе дьяковъ въ государственномъ управленіи неоднократно вызывало ропотъ со стороны боярскихъ фамилій. Такъ, кн. Курбскій упрекалъ Ивана IV за то, что онъ „вѣритъ писарямъ, которыхъ избираетъ не отъ шляхетства, а отъ поповичей и простаго всенародства“. То же самое говоритъ и Тетеринъ, а именно, что „у великаго князя новые вѣрники дьяки, отцы ко-

торыхъ нашимъ и въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами нашими торгуютъ". Огромное значеніе дьяковъ обусловливалось также ихъ равноправнымъ положеніемъ на службѣ съ боярами и съ другими думными людьми, въ „товарищи" (а не въ подчиненные) которымъ они назначались. „А на Москвѣ и въ городѣхъ, въ приказахъ, говоритъ Котошихинъ, съ бояры, и окольничими, и думными, и ближними людьми, и въ посольствахъ съ послами бываютъ дьяки въ товарищахъ и сидятъ вмѣстѣ, и дѣлаютъ всякія дѣла, и суды судятъ". Тотъ же Котошихинъ въ другомъ мѣстѣ считаетъ необходимымъ указать, что въ приказахъ „судити указано боярамъ, и окольничимъ, и стольникамъ, и дворянамъ, и дьякамъ всѣмъ вмѣстѣ". Вотъ почему акты, адресовавшіеся въ приказъ, писались на имя всѣхъ его членовъ, въ томъ числѣ и дьяковъ; то же самое было и съ актами, посылавшимися воеводамъ, если у нихъ въ товарищахъ были дьяки. Число послѣднихъ, по словамъ Котошихина, доходило до 100, при чемъ думныхъ было отъ 3 до 8, городовыхъ—около 30 и московскихъ—около 70.

Ниже дьяковъ стояли подьячіе, бывшіе помощниками дьяковъ и раздѣлявшіеся на старыхъ и молодыхъ. Число ихъ доходило до 1000. Дьяки и подьячіе также верстались помѣстьями и, кромѣ того, получали еще опредѣленное денежное жалованье. Въ видѣ вознагражденія за услуги они могли быть пожалованы въ слѣдующіе чины и иногда достигали окольничества.

Юридическое положеніе служилыхъ людей опредѣлялось ихъ правами и обязанностями, которыхъ было не мало. Въ первое время существованія Московскаго государства служилые люди попрежнему пользовались правомъ *отъѣзда*. Но въ виду неудобства этого права для государей, послѣдніе начинаютъ постепенно ограничивать его. Первыя ограниченія появляются при Иванѣ III. Конечно, государи не могли издать указа, которымъ бы названное право отмѣнялось, такъ какъ послѣднее основывалось на обычаѣ, на старинѣ, столь священной въ глазахъ древне-русскаго человѣка, но они этого и не дѣлали, а поступали слѣдующимъ образомъ: брали съ каждаго служилаго человѣка, въ службѣ котораго не были увѣрены, такъ называемыя, крестоцѣловальныя за-

писи съ обязательствомъ вѣчно служить московскому государю и отказаться отъ осуществленія на практикѣ права отъѣзда, подъ страхомъ опредѣленной кары. Подобная запись обезпечивалась поручительствомъ третьихъ лицъ въ извѣстной суммѣ денегъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу право отъѣзда вышло изъ употребленія и стало трактоваться, какъ преступное дѣяніе, какъ измѣна, подлежащая опредѣленной карѣ. Съ уничтоженіемъ этого права служилый классъ былъ закрѣпленъ, что существенно отразилось на всемъ его положеніи. „Вольные слуги“ государей, какъ назывались служилые люди, превратились въ невольныхъ, обязанныхъ отправлять въ различныхъ формахъ повинность службы въ пользу государства.

Другимъ правомъ служилыхъ людей было право *вотчиннаго суда и управленія* на своихъ земляхъ. Это право жаловалось государями и впослѣдствіи слилось съ крѣпостнымъ правомъ. Третьимъ правомъ было право на *исключительную подсудность* государямъ, а не областнымъ правителямъ и судьямъ. Это право давалось отдѣльнымъ лицамъ на основаніи жалованныхъ грамотъ. Затѣмъ весьма важнымъ правомъ было право на *кормленія, помѣстья и вотчины*, т. е. на занятіе извѣстныхъ должностей, приносящихъ опредѣленный доходъ въ видѣ корма, и на владѣніе поземельнымъ имуществомъ въ формѣ помѣстья или вотчины. Наконецъ, каждый служилый человѣкъ пользовался правомъ на *безчестіе*, т. е. на опредѣленную сумму штрафныхъ денегъ (размѣръ которой находился въ соотвѣтствіи съ общественнымъ положеніемъ служилаго человѣка) съ лица, оскорбившаго его.

Кромѣ названныхъ правъ, служилые люди пользовались еще однимъ правомъ, которымъ очень дорожили, а именно правомъ *мѣстничества*, крайне своеобразнымъ институтомъ, извѣстнымъ только Московскому государству. Подъ правомъ мѣстничества понималось право отказа отъ чина, должности и вообще награды, разъ они не соотвѣтствовали родовой чести служилаго человѣка, при чемъ понятіе чести было относительное, такъ какъ сама по себѣ должность или награда не считались противной чести, но такою признавалась совмѣстная служба съ другимъ лицомъ, честь котораго была ниже чести назначаемаго на должность или на-

граждаемаго чиномъ. „Не вмѣстно“ было служилымъ людямъ служить съ лицами, которыя имъ не „въ версту“, какъ говорили въ старину, такъ какъ въ такомъ случаѣ происходило умаленіе чести, ради избѣжанія чего древніе русскіе готовы были жертвовать рѣшительно всѣмъ. При возникновеніи мѣстническихъ споровъ судьями ихъ всегда бывали государь и дума, которые и разрѣшали ихъ на основаніи разрядныхъ списковъ, куда заносились всѣ назначенія на должности служилыхъ людей. Въ случаѣ неосновательности иска, истецъ несъ двойное наказаніе, вслѣдствіе двойственности преступленія: непослушанія государю, при назначеніи на должность и оскорбленія отвѣтчика, въ виду нежеланія служить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, низшимъ по чести. Такимъ образомъ, кромѣ тюрьмы или тѣлеснаго наказанія, истецъ приговаривался еще къ выдачѣ головою отвѣтчику, т. е. къ испрошенію у него публично прощенія. Въ виду крайняго развитія мѣстничества (въ особенности въ XVII ст.), государи неоднократно предписывали въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ „быти безъ мѣстъ“, т. е. не считаться въ данномъ случаѣ мѣстами и занимать ихъ несообразно съ родовой честью каждаго и притомъ безъ всякаго умаленія этой послѣдней. Несмотря на крайнее неудобство мѣстничества, государи, однако, вынуждены были его терпѣть, такъ какъ оно основывалось на обычаѣ и было освящено стариною. Такъ продолжалось до 1682 г., когда на земскомъ соборѣ (въ составъ котораго вошли одни только служилые люди), созванномъ для пересмотра ратнаго устава, мѣстничество было уничтожено подъ страхомъ наказанія и всѣ мѣстническія книги были преданы сожженію. Эта реформа произошла по челобитію земскихъ выборныхъ и, конечно, съ радостью была санкціонирована государемъ (Ѳедоромъ Алексѣевичемъ).

До сихъ поръ мы говорили о правахъ, присущихъ или всему служилому классу или большей его части. Но кромѣ нихъ, были еще особыя права, носившія характеръ привилегій и принадлежавшія почти исключительно думнымъ людямъ и высшимъ придворнымъ чинамъ. Къ числу такихъ привилегій относились: право на освобожденіе, въ случаѣ совершенія нѣкоторыхъ преступленій, отъ тѣлеснаго наказанія съ замѣною его штрафомъ, тюремнымъ

заключеніемъ и т. п.; затѣмъ нѣкоторыя привилегіи въ области судопроизводства, напр., право быть допрашиваемымъ на дому, а не въ судѣ (впрочемъ, далеко не по всѣмъ дѣламъ); право во время пытки или правежа быть пытаннымъ и поставленнымъ на правежъ послѣ своихъ людей и холоповъ (это право, впрочемъ, принадлежало всѣмъ служилымъ людямъ) и, наконецъ, право на неплатежъ податей и пошлинъ (въ силу чего служилые люди, равно какъ и духовенство, назывались бѣломѣстцами, т. е. владѣльцами бѣлыхъ, иначе говоря, обѣленныхъ или освобожденныхъ отъ уплаты податей мѣстъ, т. е. имущества, въ отличіе отъ тяглыхъ людей, владѣльцевъ черныхъ мѣстъ, т. е. обложенныхъ тягломъ). Послѣдними правами, принадлежавшими думнымъ людямъ, были почетныя права, напр., право на поклонъ при встрѣчѣ не только съ тяглыми, но и со служилыми людьми (такъ, указъ 1681 г., запретившій служилымъ людямъ спѣшиваться и кланяться въ землю при встрѣчѣ съ думными людьми, тѣмъ не менѣе предписываетъ служилымъ людямъ „впредь ихъ думныхъ людей почитать и достойную имъ честь воздавать, а гдѣ на дорогѣ случится кому съ ними съѣхаться и, поворотя на лошади, кланяться по обычаю“), затѣмъ право писать свое отчество черезъ *вичъ* (а не сынъ такого-то) и право ѣздить не только верхомъ, но и въ каретахъ и саняхъ.

Что касается до обязанностей служилыхъ людей, то, какъ самое ихъ названіе показываетъ, они должны были отправлять службу: военную въ полкахъ, гражданскую (въ Москвѣ—въ думѣ и приказахъ и въ городахъ—въ области мѣстнаго управленія) и придворную—въ государевомъ дворцѣ. Служба эта была вѣчной, такъ какъ отставка давалась только вслѣдствіе неспособности къ службѣ по старости или по болѣзни, при чемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ производился смотръ, дѣйствительно ли просящій отставку не годенъ къ службѣ. Если онъ оказывался таковымъ, то для удержанія за собою помѣстья, а впослѣдствіи и вотчины, долженъ былъ выставлять за себя на службу одного изъ своихъ родственниковъ (по Уложенію: сына, брата, племянника или внука, притомъ достигшаго 18 лѣтъ и не имѣющаго помѣстья), а за неимѣніемъ ихъ, такъ называемыхъ, даточныхъ людей или же платить особый сборъ на военныя нужды.

Тяглые люди. Тяглыми людьми назывались такіе разряды населенія, которые были обложены особымъ тягломъ, т. е. денежными и натуральными повинностями въ пользу государства. Къ числу тяглыхъ относились посадскіе и крестьяне.

Посадскіе были торгово-промышленнымъ классомъ и дѣлились на нѣсколько разрядовъ. Высшій разрядъ составляли *гости*, число которыхъ было довольно ограничено (по словамъ Котошихина, около 30 человѣкъ). Гостемъ можно было сдѣлаться только благодаря пожалованію со стороны государя въ видѣ награды за извѣстныя услуги. Съ этимъ „именемъ“, какъ говорили въ старину, были связаны извѣстныя привилегіи; такъ, право на безчестіе (въ размѣрѣ 50 рублей), право на исключительную подсудность у государя, право на владѣніе помѣстьями и вотчинами (впрочемъ, это право было отнято въ 1666 г.), право на освобожденіе отъ нѣкоторыхъ податей и повинностей и т. п. Обязанности гостей сводились къ службѣ въ таможняхъ и на кружечныхъ дворахъ при продажѣ питей, что составляло государственную регалію.

Вторымъ разрядомъ посадскихъ были торговцы *гостинной и суконной сотенъ*, являвшіеся помощниками гостей въ сферѣ таможеннаго и кабацкаго (какъ говорили тогда) управленія. Эти двѣ сотни существовали только въ Москвѣ и членами ихъ назначались болѣе зажиточные городовые (т. е. провинціальные) купцы. Они также пользовались нѣкоторыми привилегіями, но въ меньшей степени, чѣмъ гости, при чемъ быть торговцемъ гостинной сотни, считалось болѣе почетнымъ, чѣмъ суконной. Каждая сотня дѣлилась на три статьи.

Послѣдній разрядъ посадскихъ составляли *черные люди*, т. е. вся остальная масса членовъ торгово-промышленнаго класса, входившая въ провинціи въ составъ городскихъ общинъ, а въ Москвѣ дѣлившаяся на особыя черныя сотни и слободы. Черные люди несли государственное тягло, т. е. отправляли всевозможныя повинности, выставляли даточныхъ людей для войска, служили въ низшихъ должностяхъ по таможенному и кабацкому управленію и были связаны между собою круговою порукою. Въ виду тяжести повинностей, многіе изъ нихъ выходили изъ го-

родскихъ общинъ и закладывались за бѣломѣстцевъ, т. е. за лицъ, освобожденныхъ отъ тягла, каковыми были служилые люди и духовенство, иначе говоря, селились на земляхъ этихъ послѣднихъ, чѣмъ и освобождались отъ тягла, неся, сравнительно, небольшія повинности въ пользу землевладѣльцевъ. Такой порядокъ вещей былъ очень невыгоденъ для оставшихся въ общинахъ, такъ какъ, связанные круговой порукой, они должны были нести тягло за ушедшихъ, слѣдовательно, далеко несообразно со своей платежной способностью. Вотъ почему городскія общины стали подавать челобитныя правительству о воспрещеніи выхода изъ общинъ и заклада за бѣломѣстцевъ. Результатомъ этихъ челобитныхъ было прикрѣпленіе посадскихъ къ городамъ и воспрещеніе заклада подъ страхомъ ссылки въ Сибирь, что и было проведено въ Уложеніи. Мало того, этотъ законодательный сборникъ предписалъ всѣхъ закладчиковъ обратно вернуть изъ города и снова включить ихъ въ разрядъ тяглыхъ людей.

Кромѣ посадскихъ, тяглыми людьми были также и *крестьяне*, дѣлившіеся на двѣ категоріи: на владѣльческихъ и на крестьянъ черныхъ волостей. *Владѣльческими* назывались такіе, которые сидѣли на земляхъ частныхъ лицъ и обработывали послѣднія на основаніи договора найма. Этотъ договоръ носилъ названіе „порядной“ грамоты и опредѣлялъ отношенія крестьянъ и землевладѣльцевъ между собою. Все содержаніе порядныхъ можетъ быть раздѣлено на пять частей. Въ первой части контрагенты условливались между собою о времени *перехода* крестьянъ съ земель помѣщика или вотчинника-контрагента на землю другого владѣльца, т. е., иначе говоря, о времени прекращенія договора. Въ большинствѣ случаевъ такимъ срокомъ признавался Юрьевъ день осенній (26 ноября). Во второй части рѣчь шла о размѣрѣ „*пожилаго*“, т. е. особой платы со стороны крестьянина за пользованіе строеніями на землѣ помѣщика (размѣръ пожилаго опредѣленъ Судебниками, притомъ такимъ образомъ, что вся сумма пожилаго вносится крестьяниномъ только въ томъ случаѣ, если онъ прожилъ на землѣ помѣщика 4 года; если же онъ прожилъ годъ, два или три года, то обязанъ уплатить $^1/_4$, $^1/_2$ и $^3/_4$ пожилаго въ томъ предположеніи, что только въ 4 года кре-

стьянинъ приводитъ въ негодность избу и другія строенія, требующія, слѣдовательно, капитальнаго ремонта). Въ третьей части порядныхъ излагаются условія *обработки земли*, при чемъ онѣ видоизмѣняются, смотря по тому, садится ли крестьянинъ на обработанный или на необработанный участокъ земли. Въ первомъ случаѣ онъ только обязывается „пашню пахать и землю не запереложить“, т. е. не запустить. Во второмъ же случаѣ его обязанности сложнѣе, такъ, онъ долженъ построить зданія, затѣмъ „пашню распахать, поля расчистить, городьбу около полей городить и луга расчистить“. За это онъ получалъ разныя льготы въ области отправленія повинностей въ пользу помѣщика, которыя и выговаривались въ порядной. Въ четвертой части изучаемыхъ грамотъ заключаются условія касательно *оброка*, платившагося или натурою или деньгами. Въ пятой части—тоже самое, но только относительно *барщины*, т. е. тѣхъ обязательныхъ работъ на помѣщика, которыя долженъ былъ отправлять крестьянинъ (впрочемъ, нерѣдко въ порядныхъ рѣчь шла или объ оброкѣ или о барщинѣ). Наконецъ, въ шестой части контрагенты условливались о *подмогѣ* или *ссудѣ*, которую иногда получалъ крестьянинъ отъ помѣщика вещами или деньгами (во второмъ случаѣ она носила названіе „серебра“). Порядныя обезпечивались поручительствомъ третьихъ лицъ, обыкновенно крестьянъ, и неустойкой, взыскивавшейся помѣщикомъ черезъ вчиненія иска въ судѣ.

Что касается до крестьянъ *черныхъ волостей*, то они селились не на владѣльческихъ земляхъ, а на волостныхъ, т. е. принадлежавшихъ волости—этому союзу селъ и деревень, имѣвшему одно выборное управленіе и члены котораго были связаны между собою круговою порукою въ отношеніи исправнаго несенія государственнаго тягла. Названные крестьяне дѣлились на двѣ категоріи: на состоявшихъ и на несостоявшихъ въ тяглѣ. Первыми являлись владѣльцы вытей, т. е. податныхъ участковъ земли [1]); они были полноправными гражданами волости и участво-

[1]) Они въ свою очередь дѣлились на крестьянъ и на бобылей; крестьяне владѣли цѣлою вытью, бобыли же только половиною выти, почему и писались на половинномъ тяглѣ, т. е. платили вдвое меньше податей и отправляли вдвое меньше повинностей, чѣмъ крестьяне.

вали въ управленіи дѣлами послѣдней на волостныхъ сходахъ и путемъ избранія волостныхъ должностныхъ лицъ (старостъ сотскихъ, пятидесятскихъ и др.). Отношенія ихъ къ волости были договорныя: садясь на волостную землю, каждый крестьянинъ заключалъ договоръ съ волостью касательно отправленія повинностей въ пользу государства, лежавшихъ на волости. Напротивъ, несостоявшими въ тяглѣ или, какъ тогда говорилось, жившими за чужимъ тягломъ, назывались лица, не владѣвшія тяглыми участками, но могшими обрабатывать землю по частнымъ договорамъ съ состоявшими въ тяглѣ; они не входили въ составъ волостной общины и не были связаны съ ея членами круговой порукою [1]).

Съ теченіемъ времени положеніе владѣльческихъ крестьянъ значительно измѣняется и они постепенно превращаются въ крѣпостныхъ, т. е. прикрѣпленныхъ къ землѣ. Въ концѣ удѣльно-вѣчевого періода и въ началѣ московскаго—свобода перехода крестьянъ съ земель одного владѣльца на земли другого была ничѣмъ неограничена, но съ теченіемъ времени появляются частныя мѣры, ограничивающія переходъ—это древнее право крестьянъ, не разъ санкціонированное въ междукняжескихъ договорахъ („а христіанамъ межъ насъ вольнымъ воля“). Такія частныя мѣры обобщаются въ Судебникѣ 1497 г., впервые воспретившемъ переходъ въ любое время и разрѣшившемъ его только разъ въ годъ—за недѣлю до Юрьева дня (26 ноября) и недѣлю спустя послѣ этого дня (Юрьевъ день, какъ частная мѣра, былъ уже извѣстенъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и до Судебника).

Вторая мѣра, уничтожившая Юрьевъ день, т. е. совершенно воспретившая переходъ, былъ недошедшій до насъ указъ, изданный въ царствованіе Ѳедора Ивановича, по иниціативѣ Б. Ѳ. Годунова, бывшаго въ то время правителемъ государства. Вопросъ объ изданіи этого указа крайне спорный. Одни ученые (Погодинъ, проф. Энгельманъ и проф. Влад.-Будановъ) совершенно отрицаютъ его изданіе, думая, что уничтоженіе перехода произошло

[1]) Къ этой категоріи относились, такъ называемые, подсусѣдники, захребетники, задворные люди, а также дѣти при отцахъ, братья при братьяхъ, племянники при дядяхъ и разнаго рода „гуляще“ люди (см. Бѣляева Крестьяне на Руси, стр. 75 и 76).

само собою, путемъ практики и не нуждалось въ санкціи со стороны закона. Но это мнѣніе опровергается позднѣйшимъ указомъ, изданнымъ въ царствованіе Василія Шуйскаго, въ 1607 г., въ которомъ говорится, что „царь Ѳедоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянъ заказалъ". Правда, Погодинъ думаетъ устранить названное возраженіе заявленіемъ о подложности указа 1607 г., но это мнѣніе вполнѣ опровергнуто Костомаровымъ, доказавшимъ, что хотя текстъ указа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и попорченъ, но нѣтъ никакого основанія думать, что самъ указъ подложный. Другіе ученые, признавая указъ о прикрѣпленіи крестьянъ, думаютъ, что онъ былъ изданъ въ 1592 г., ссылаясь на слова указа 1597 г.: „которые крестьяне бѣжали до нынѣшняго 1597 года за *пять* лѣтъ, на тѣхъ давати судъ". Такимъ образомъ (говорятъ названные ученые—Татищевъ, Костомаровъ и Бѣляевъ), указъ о прикрѣпленіи крестьянъ состоялся за пять лѣтъ до 1597 г., т. е. въ 1592 г. Но это мнѣніе вполнѣ опровергнуто проф. Сергѣевичемъ, который обратилъ вниманіе на дальнѣйшія слова того же указа 1597 г., неоцѣненныя, какъ слѣдуетъ, названными учеными: „а бѣжали до нынѣшняго 1597 г. лѣтъ за 6, за 7, за 8, за 10 и *болѣе* лѣтъ, а о томъ до нынѣшняго 1597 г. лѣтъ за 6, за 7, за 8, за 10 и *болѣе* не бивали челомъ, тѣмъ суда не давать". Такимъ образомъ, очевидно, что прикрѣпленіе крестьянъ состоялось не за пять лѣтъ до 1597 г., а гораздо раньше, по всей вѣроятности, въ началѣ царствованія Ѳедора Ивановича.

Третья мѣра, уже окончательно прикрѣпившая крестьянъ къ землѣ путемъ уничтоженія, такъ называемыхъ, урочныхъ лѣтъ—этой послѣдней лазейки къ свободѣ у крестьянина, состоялась въ 1646 г. при изданіи писцоваго наказа. Дѣло въ томъ, что послѣ указа о прикрѣпленіи временъ царя Ѳедора Ивановича у крестьянъ остался одинъ способъ выйти изъ крѣпостного состоянія, это—бѣжать отъ помѣщика и находиться въ бѣгахъ въ теченіе урочныхъ лѣтъ, т. е. опредѣленнаго періода времени, по прошествіи котораго, крестьянинъ становился свободнымъ, и помѣщикъ терялъ всѣ свои права на него. Такими урочными годами вначалѣ были признаны пять лѣтъ, но затѣмъ этотъ срокъ

былъ удвоенъ (10 лѣтъ). Наконецъ, вслѣдствіе челобитій дворянъ и дѣтей боярскихъ, урочныя лѣта были совершенно уничтожены и послѣ 1646 г. крестьянъ можно было отыскивать всегда. Уложеніе вполнѣ подтвердило это постановленіе писцоваго наказа, чѣмъ окончательно было санкціонировано установленіе крѣпостного права.

Результатомъ этихъ мѣропріятій было раздѣленіе всѣхъ крестьянъ на двѣ группы: одну—большую (крѣпостные) и другую—меньшую (свободные крестьяне). Положеніе ихъ было далеко не одинаково. Крѣпостные, кромѣ лишенія свободы, не пользовались еще нѣкоторыми другими правами, присущими свободнымъ. Такъ, они не могли заниматься торговлею въ закрытыхъ заведеніяхъ, напр., въ лавкахъ, но могли только торговать съ возовъ и струговъ, не могли быть головами и цѣловальниками въ таможняхъ, кружечныхъ дворахъ, перевозахъ и т. п. Однако, несмотря на это, они еще не смѣшиваются съ холопами и считаются не объектами, но субъектами правъ. Такъ, Уложеніе признаетъ крестьянъ только крѣпкими землѣ, землевладѣльцамъ же они принадлежали постольку, поскольку землевладѣлецъ имѣлъ права на землю, поэтому права вотчинника въ этомъ отношеніи были болѣе обширны, чѣмъ права помѣщика. Такъ, помѣщикъ не имѣлъ права переводить крестьянъ съ помѣстной земли на вотчинную на томъ основаніи, что первая не составляла его частной собственности, а была государственной землей, отданной ему только во владѣніе (30 и 31 ст. XI гл.). Затѣмъ помѣщикъ не имѣлъ права отпускать крестьянъ на волю (3 ст. XV гл.). Мало того, даже самый трудъ крестьянина на помѣщика имѣлъ опредѣленныя закономъ границы, вслѣдствіе чего помѣщикъ, сверхъ положенной нормы на тягло, не имѣлъ права принуждать крестьянъ обработывать лишнюю землю (38 ст. XVI гл.). Наконецъ, Уложеніе запрещаетъ помѣщикамъ опустошать свои помѣстья и отягощать крестьянъ податями и сборами (45 ст. XVI гл.). Права вотчинниковъ въ отношеніи крестьянъ были обширнѣе, но, несмотря на это, крестьяне все-таки же не были сравнены съ холопами и продолжали трактоваться членами опредѣленнаго „чина“, обладавшими извѣстными правами и

несшими извѣстныя обязанности (по крайней мѣрѣ de jure). Такъ, на основаніи 161 ст. X гл. они призывались для дачи показаній на повальномъ обыскѣ наравнѣ съ членами всѣхъ остальныхъ сословій, тогда какъ холопы въ повальномъ обыскѣ не участвовали. Кромѣ того, по свидѣтельству же этой статьи, крѣпостные крестьяне въ своихъ общественныхъ дѣлахъ управлялись выборными старостами и цѣловальниками, точно такъ же, какъ и свободные (никакого самоуправленія у холоповъ, конечно, не было). Затѣмъ, по ст. 94 X гл. назначается безчестіе за оскорбленіе крестьянина, совершенно равное по размѣру безчестію свободнаго крестьянина (1 рубль); за оскорбленіе же холопа не полагалось никакого безчестія, такъ какъ и самого понятія о подобномъ преступленіи не существовало. Наконецъ, по ст. 124 X гл. и по ст. 38 XVIII гл. крѣпостные обладали правомъ на защиту своихъ интересовъ въ судѣ, а по ст. 23 XVII гл. пользовались правомъ собственности и могли вступать въ договоры даже помимо своихъ владѣльцевъ. Изъ всего сказаннаго видно, что Уложеніе признавало за крѣпостнымъ личность и не считало его объектомъ частной собственности, т. е. не низводило его до положенія холопа [1]).

Холопы. Послѣдній разрядъ населенія составляли холопы, дѣлившіеся на двѣ категоріи: изстаринные или полные и кабальные. *Полными* назывались холопы, находившіеся въ полной частной собственности, которыхъ, слѣдовательно, можно было дарить, продавать, закладывать, обмѣнивать, завѣщать и т. п. Несмотря, однако, на это, имъ принадлежали нѣкоторыя права, что совершенно не гармонировало съ воззрѣніемъ на холопа, какъ на объектъ частной собственности. Такъ, по Уложенію холопы могли быть допущены въ качествѣ свидѣтелей на судѣ (173 ст. X гл.); затѣмъ, по ст. 79 XXI гл. холопъ, въ случаѣ совершенія имъ преступленія, долженъ былъ быть выданъ судьѣ, въ противномъ случаѣ его господинъ самъ подвергался отвѣтственности. Наконецъ, какъ видно изъ Уложенія, холопы могли обладать движимымъ имуществомъ. Однако, несмотря на это, холопы

[1]) См. Бѣлясева Крестьяне на Руси, стр. 130 и слѣд.

вполнѣ зависили отъ своихъ господъ и интересы ихъ совершенно не были ограждены отъ нарушенія со стороны послѣднихъ. Такъ, холопъ не имѣлъ права иска противъ своего господина: даже, будучи отпущенъ на свободу, онъ не могъ судебнымъ порядкомъ требовать возвращенія себѣ захваченныхъ его прежнимъ господиномъ вещей; въ случаѣ несостоятельности господъ, взысканіе кредиторовъ могло обращаться на имущество ихъ холоповъ и т. п. Холопство устанавливалось, главнымъ образомъ, рожденіемъ, затѣмъ плѣномъ, несостоятельностью (впрочемъ, только до Уложенія) бракомъ (на основаніи правила: „по холопу раба и по рабѣ холопъ“) и продажею себя по полной и докладной грамотѣ, т. е. въ присутствіи особаго чиновника, опрашивавшаго раба, по доброй ли волѣ онъ себя продаетъ, за какую сумму денегъ и т. п. и укрѣплявшаго грамоту. Что касается до способовъ прекращенія холопства, то ихъ было нѣсколько, а именно: 1) отпущеніе на волю самимъ господиномъ, что могло совершаться какъ при жизни послѣдняго, такъ и по духовному завѣщанію. Въ первомъ случаѣ холопъ получалъ отпускную грамоту, скрѣплявшуюся должностными лицами (напр., дьяками, намѣстниками и т. п.); во второмъ же случаѣ наслѣдники умершаго обязаны были исполнить его волю; 2) въ случаѣ, если холопъ попадался въ плѣнъ и, освободившись изъ него, возвращался обратно, то онъ считался свободнымъ, при чемъ освобождались также его жена и дѣти и не бывшія въ плѣну; 3) въ случаѣ измѣны господина и самовольнаго отъѣзда его изъ государства, холопы его освобождались; 4) въ случаѣ, если господинъ въ голодное время, не желая кормить своихъ холоповъ, отпускалъ ихъ, предписывая имъ кормиться своими средствами и не давая имъ въ то же время отпускныхъ, то они считались свободными и получали отпускныя изъ Холопьяго приказа; 5) въ случаѣ принятія православія холопомъ, принадлежащимъ некрещеному иноземцу или инородцу, холопъ освобождался помимо воли своего господина.

Что касается до *кабальныхъ* холоповъ, то они не считались полными рабами и поэтому ихъ нельзя было ни продавать, ни дарить, ни завѣщать, ни закладывать. Кабальное холопство возникало добровольно путемъ извѣстной крѣпости, называвшейся

служилой кабалою и совершавшейся площадными подъячими у приказныхъ дьяковъ при свидѣтеляхъ. До Уложенія кабала возникала всегда вслѣдствіе займа, при чемъ должникъ обязывался за проценты служить у кредитора. По Уложенію кабала могла возникать и помимо займа. Но иногда кабальное холопство возникало и не добровольно. Такъ, по ст. 16 XX гл. Улож. лица, жившія въ услуженіи у кого-либо болѣе трехъ мѣсяцевъ и недававшія на себя кабалы, обязаны были сдѣлаться кабальными холопами даже противъ своей воли. Затѣмъ въ случаѣ, если бы кто-либо рѣшился заплатить долги несостоятельнаго должника на правежѣ, то послѣдній обязывался въ качествѣ кабальнаго холопа работать на перваго и т. п. До указа 1586 г. кабальное холопство продолжалось до искупа, какъ выражались въ то время, т. е. до уплаты долга кредитору. Но съ этого времени кабальные холопы должны были находиться въ несвободномъ состояніи до самой смерти господина, когда освобождались вмѣстѣ со своими семьями. Поступать въ кабалу могли только свободные люди, достигшіе 15-ти-лѣтняго возраста. Но это положеніе значительно ограничивалось тѣмъ, что многіе разряды свободныхъ людей постепенно лишались права совершать на себя кабалы. По Уложенію уже самый ничтожный контингентъ людей могъ поступать въ кабалу, а именно: низшіе члены духовнаго сословія (напр., церковнослужители) и низшіе члены нѣкоторыхъ спеціальныхъ разрядовъ служилыхъ людей.

III. *Верховная власть.*

1) Государь.

Въ Московскомъ государствѣ мы не встрѣчаемся съ законодательной формулировкой власти государя, поэтому, при опредѣленіи характера послѣдней, приходится имѣть дѣло съ большими трудностями. Онѣ еще усугубляются тѣмъ, что въ разсматриваемое время власть государя конструируется подъ вліяніемъ византійскихъ теорій, съ одной стороны, и подъ вліяніемъ воззрѣній и взглядовъ, основанныхъ на „старинѣ“, т. е. на традиціяхъ

прежняго времени, являющихся переживаніемъ удѣльно-вѣчевыхъ порядковъ, съ другой стороны. Между тѣмъ византійскія теоріи и древне-русская „старина“ имѣютъ очень мало общаго между собою, что и увеличиваетъ трудность опредѣленія характера власти московскихъ государей.

Въ основу византійскихъ теорій о власти была положена идея о богоустановленности послѣдней, идея, столь ясно выраженная въ словахъ апостола Павла въ его посланіи къ Римлянамъ: „всяка душа властемъ придержащимъ да повинуется; нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть: тѣмъ же противляйся власти—Божію повелѣнію противляется“. Эта идея стала пропагандироваться у насъ со времени принятія христіанства. „Ты еси отъ Бога поставленъ на казнь злымъ“, говорили епископы Владиміру Св., совѣтуя ему возстановить смертную казнь; то же самое говорилъ и митр. Никифоръ Владиміру Мономаху: „князья избраны бысте отъ Бога и возлюбленны бысте ему“. „Истинно видимъ, читаемъ также въ одномъ посланіи константинопольскаго патріарха тверскому князю Михаилу Ярославичу, яко Богомъ дана ти есть власть и княженіе, понеже тщишися и дерзаеши, да ходятъ людіе по правдѣ, въ славу Бога“.

Въ связи съ этою идеею находилось ученіе о почитаніи и даже объ обоготвореніи власти. „Бога ся бойтеся, а князя чтите“, писалъ епископъ Жидята. „Буди боязливъ предъ цезаремъ, говоритъ одинъ сборникъ поученій XII ст., готовъ въ повелѣніи его“. „Наипаче же своему князю пріязнь имѣй, читаемъ въ другомъ сборникѣ (XIII ст.), а не мысли зла на нь, глаголетъ бо Павелъ апостолъ: отъ Бога власти всяки устроены суть“. Что касается до ученія объ обоготвореніи власти, то любопытный образчикъ его представляютъ слѣдующія слова лѣтописца: „естествомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цезарь, властью же сана, яко Богъ“. Точно также одно поученіе говоритъ: „князь, любя судъ и правду, небо есть земное и душа его—престолъ Христовъ“.

Логическимъ результатомъ этихъ ученій было ученіе объ отвѣтственности государя только предъ Богомъ (но не предъ

людьми); вотъ, почему даже дурнымъ князьямъ слѣдовало повиноваться, такъ какъ они назначались Богомъ въ видѣ наказанія за грѣхи людей („егда узришь, говоритъ Анастасій Синаитъ, недостойна кого и зла царя или князя, или епископа, не чудися, ни Божія промысла потязай, но разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіямъ нашимъ такимъ томителямъ предаемся, тоже и тако зла не останемся").

Пропаганда названныхъ ученій была вполнѣ безрезультатна въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, въ виду полнѣйшаго несходства ихъ основныхъ идей со всѣмъ укладомъ удѣльно-вѣчевого общества, построеннымъ на договорномъ началѣ. Иначе стало послѣ монгольскаго завоеванія, благодаря которому договорный характеръ древне-русскаго государственнаго строя былъ уничтоженъ и такимъ образомъ почва для воспріятія византійскихъ идей стала расчищенной. Еще больше благопріятныхъ условій для воспріятія этихъ идей оказалось въ Московскомъ государствѣ, строй котораго былъ проникнутъ началомъ крѣпости или прикрѣпленія. И дѣйствительно, послѣ брака Ивана III съ греческой царевной Софьею Палеологъ византійское вліяніе значительно усилилось въ Москвѣ и стало однимъ изъ видныхъ факторовъ образованія самодержавной власти русскихъ государей. Продуктомъ этого вліянія было принятіе новаго титула „царя" и „самодержца" (переводъ греческаго слова: „автократоръ"), установленіе государственнаго герба и обряда—вѣнчанія на царство, созданіе разныхъ политическихъ фикцій, напр., о наслѣдственности власти московскихъ государей отъ византійскихъ императоровъ, о присылкѣ царскаго вѣнца Алексѣемъ Комненомъ Владиміру Мономаху, о Москвѣ—третьемъ Римѣ и т. п., видоизмѣненіе прежней патріархальной придворной жизни на новую, построенную по византійскому шаблону; вліяніе сказалось даже въ области оффиціальнаго языка, напр., „холопи твои" такіе то, слова, съ которыми обращались древніе русскіе къ государямъ — переводъ съ греческаго: „рабы твои" такіе то и т. п. Сами государи, напр., Василій III, Иванъ IV стали высказывать и устно и письменно воззрѣнія вполнѣ въ византійскомъ вкусѣ. „Пойди, смердъ, прочь не надобенъ ми еси", говорилъ Василій III, Берсень-Беклеми-

шеву въ думѣ, вслѣдствіе оппозиціи послѣдняго великому князю по поводу одного вопроса, на что Берсень-Беклимишевъ и жаловался Максиму Греку, говоря, что прежніе великіе князья, напр., Иванъ III, не только не опалялись за „встрѣчу“ (возраженія), но даже любили ее; напротивъ, Василій III „обычай перемѣнилъ“ и опалялся за встрѣчу. О томъ же свидѣтельствуетъ и иностранецъ Герберштейнъ, говоря о Василіи: „никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить великому квязю или быть другаго мнѣнія съ нимъ“. Что касается до Ивана IV, то онъ по своимъ воззрѣніямъ былъ вполнѣ византійскимъ императоромъ на русскомъ престолѣ. „Россійское самодержавство, писалъ Иванъ IV кн. Курбскому, изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи; како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ“. Ту же мысль встрѣчаемъ и въ другомъ памятникѣ временъ Ивана IV: „нашихъ великихъ государей вольное царское самодержство, ибо великимъ государямъ не указываетъ никто... но отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государствахъ самодержствуютъ и никто же инъ имъ чѣмъ не можетъ указа учинити“, а вольныхъ добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити“. Подобныя идеи высказывались Иваномъ IV неоднократно, свидѣтельствуя о сильномъ вліяніи Византіи въ это время.

Но кромѣ названнаго фактора образованія самодержавной власти въ это время, нужно имѣть въ виду также и нормы обычнаго права, на основаніи которыхъ также конструировалась власть московскаго государя и которыя имѣли весьма важное практическое примѣненіе. Значеніе обычая или, по терминологіи того времени, старины было еще столь значительно, что московскіе государи, несмотря на всѣ свои теоріи, на практикѣ въ большинствѣ случаевъ согласовывали свои дѣйствія съ обычаемъ и свято соблюдали его. Оно и понятно, московскіе государи были вполнѣ людьми своего времени и хотя въ теоріи усвоили себѣ византійскія воззрѣнія на власть, но на практикѣ не думали приводить ихъ въ исполненіе, въ виду неизбѣжности въ такомъ случаѣ столкновенія со стариной, чтить которую являлось священной обязанностью для каждаго древняго русскаго, воспринятою

имъ, если можно такъ выразиться, еще съ молокомъ матери. Вотъ, почему мы замѣчаемъ, что московскимъ государямъ принадлежала огромная власть надъ отдѣльными лицами, „жаловать“ и „казнить“ которыхъ было вполнѣ въ ихъ волѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая незначительная власть надъ строемъ политическихъ и общественныхъ отношеній, надъ государственнымъ порядкомъ, основанномъ на обычаѣ освященномъ стариною. Иначе говоря, на практикѣ власть московскихъ государей вполнѣ ограничивалась обычаемъ, связывавшимъ въ то время дѣйствія и поступки всѣхъ людей вообще. Даже такіе могущественные государи, какъ Иванъ III, Василій III и Иванъ IV вынуждены были мириться съ подобнымъ положеніемъ вещей и управлять государствомъ по старинѣ. А эта старина требовала, чтобъ государи всегда дѣйствовали, во-1), руководствуясь нормами обычнаго права и, во-2), совѣтуясь „со своими пріятели, князи и бояре и съ прочими великородными людьми“, а въ экстренныхъ случаяхъ и со „всенародными человѣками“. „Лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать и старыхъ почитать“, говоритъ Берсень-Беклемишевъ. „Царю достоитъ, читаемъ въ одномъ памятникѣ XVI ст. (Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ), со совѣтники совѣтъ совѣщевати о всякомъ дѣлѣ, съ бояры о всемъ совѣтывати, крѣпко на крѣпко думати; самому царю достоитъ быти яко главѣ и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ“. „Царь аще и почтенъ царствомъ, пишетъ кн. Курбскій, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ“. Сами государи, если не считать единичныхъ исключеній, вполнѣ раздѣляли эти воззрѣнія, несмотря на ихъ несходство съ византійскими теоріями. Вотъ что говорилъ, напр., Дмитрій Донской своимъ дѣтямъ: „бояръ своихъ любите, честь имъ должную воздавайте, безъ воли ихъ ничего не творите“. Та же мысль сквозитъ и въ словахъ Симеона Гордаго братьямъ: „слушали бы есте старыхъ бояръ, хотѣвшихъ отцу нашему и намъ добра“. Точно также и всѣ позднѣйшіе государи всегда управляли государствомъ совмѣстно съ боярами (отсюда и формула: „государь указалъ, бояре приговорили“). Не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія

и Иванъ IV, несмотря на его нелюбовь къ боярамъ. Въ самый разгаръ, такъ называемой, „борьбы“ съ боярами (хотя въ сущности никакой борьбы никогда не было, такъ какъ боярамъ и въ голову не приходило бороться съ государемъ) Иванъ IV предоставилъ въ управленіе въ думѣ большую часть Россіи, получившей названіе „земщины“ въ отличіе отъ „опричины“, во главѣ которой сталъ самъ государь.

Пресѣченіе династіи Рюриковичей въ 1598 г. имѣло весьма важныя послѣдствія въ сферѣ отношеній государя къ высшимъ чинамъ служилыхъ людей. Это событіе, по вѣрному замѣчанію проф. Ключевскаго (Боярская дума, стр. 370), оказало огромное вліяніе на умы и образъ дѣйствій боярства. Старая династія, собравшая послѣднее, была крѣпкимъ узломъ всѣхъ его отношеній. Боярство привыкло къ ней, съ ней строило государственный порядокъ и заводило правительственный обычай. Государь считалъ своихъ правительственныхъ сотрудниковъ наслѣдственными „извѣчными„ боярами своего дома. Бояре также видѣли въ немъ своего „прирожденнаго“ государя, своего хозяина. Теперь, когда такого хозяина не стало, всѣ отношенія правительственнаго класса стали путаться и разрываться, его политическія понятія и интересы остались безъ привычнаго устоя, на которомъ они держались. О возможности править царствомъ безъ царя бояре думали еще меньше, чѣмъ царь думалъ о возможности править безъ бояръ. Важнѣе всего было то, что пошатнулся правительственный обычай, когда изъ свода государственнаго зданія выпалъ сцѣплявшій его вѣнецъ (Ключевскій, стр. 371). Приходилось, такимъ образомъ, избирать на престолъ одного изъ *своихъ*, который не могъ уже фигурировать въ роли „прирожденнаго“ государя. Кромѣ того, самый фактъ избранія, по воззрѣніямъ людей той эпохи, отождествлялся съ ограниченіемъ власти государя. Не даромъ Иванъ IV противополагалъ себя „государя Божіимъ изволеніемъ“ нѣкоторымъ западно-европейскимъ королямъ, бывшимъ „государями многомятежнаго человѣчества хотѣніемъ“. Такимъ образомъ, появляется мысль о формальномъ ограниченіи власти государя, чему значительно способствовало тѣсное общеніе русскихъ съ поляками, установившееся въ концѣ XVI

и въ началѣ XVII ст. Бѣгство бояръ въ Польшу при Иванѣ IV, пребываніе поляковъ въ Москвѣ при Лжедимитріи I, смутное время съ кандидатурой королевича Владислава на московскій престолъ, все это служило благопріятнымъ обстоятельствомъ для вліянія польскихъ политическихъ идей на умы русскаго боярства, тѣмъ болѣе, что названныя идеи не шли въ разрѣзъ съ древнерусской стариной. Мы имѣемъ не мало данныхъ о польскомъ вліяніи, какъ о факторѣ новыхъ политическихъ теорій. Еще при Грозномъ бояре бѣжали въ Польшу, „слышачи о вольностяхъ и свободахъ въ панствахъ королевскихъ“. Затѣмъ извѣстный Мнишекъ при наступленіи Лжедимитрія на Москву извѣщалъ бояръ, что будетъ хлопотать объ увеличеніи правъ боярскихъ и дворянскихъ. Самъ Лжедимитрій въ своемъ манифестѣ писалъ боярамъ и другимъ служилымъ чинамъ о притѣсненіяхъ, какія они терпѣли отъ Бориса Годунова, „какихъ и отъ природнаго государя терпѣть невозможно“, и обѣщалъ имъ „честь и повышеніе учинить и ихъ въ чести держать“. Тотъ же Лжедимитрій, по словамъ иностранцевъ, своимъ обращеніемъ съ русскими „давалъ имъ чувствовать, сколь счастливъ народъ свободный, управляемый милосердымъ государемъ“. Всѣ эти обстоятельства съ фактомъ пресѣченія династіи Рюриковичей во главѣ послужили причиною возникновенія стремленія среди московскаго боярства формально ограничить власть государя.

Есть извѣстіе, что уже при избраніи Бориса Годунова бояре сдѣлали попытку ограничить его власть договоромъ, но Борисъ предупредилъ ихъ, настоявъ на созваніи земскаго собора, избравшаго его безъ всякихъ ограниченій. Однако, Борисъ, вступивъ на престолъ, счелъ необходимымъ дать обѣщаніе никого не казнить смертью въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ своего царствованія. Лжедимитрій царствовалъ неограниченно, такъ какъ явился въ личинѣ „прирожденнаго“ государя, съ которымъ, слѣдовательно, вступать въ договорныя отношенія „не повелось“.

Передъ низверженіемъ Лжедимитрія бояре съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ во главѣ рѣшили, что, если кто-либо изъ нихъ будетъ избранъ царемъ, то онъ обязуется управлять государствомъ не иначе, какъ „по общему совѣту“, т. е. совмѣстно съ

боярскою думою. И дѣйствительно, власть избраннаго на царство Василія Шуйскаго была ограничена боярскою думою. Новый царь обязывался, „не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими“, никого не предавать смерти, не отнимать имѣній у семействъ и родственниковъ преступниковъ, не слушать доносовъ, но ставить доносчиковъ на очную ставку съ обвиняемымъ и наказывать за ложный доносъ.

Второй разъ власть государя была ограничена при избраніи польскаго королевича Владислава. По договору 4 февраля 1610 г. Владиславъ обязывался охранять интересы православной церкви и заботиться о томъ, чтобъ она „свою цѣлость и красоту имѣла и ни въ чемъ ненарушена была“ (ст. 2). Въ 3 и 4 ст. королевичъ обѣщалъ. „яко истинный господарь христіанскій“, „въ милости держать“ все духовенство, охранять его права и привилегіи и „въ духовныя дѣла мимо уставы отцовъ святыхъ и апостольской церкви не вступать“. Въ 5 ст. королевичъ обязывался не только охранять, но еще увеличить права и привилегіи бояръ, окольничихъ, думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей; всякія же жалобы на ограниченіе правъ названныхъ чиновъ онъ долженъ былъ разбирать совмѣстно съ боярами (ст. 6). Законодательная власть государя ограничивалась земскимъ соборомъ и боярскою думою, такъ, измѣненія въ организаціи суда и въ постановленіяхъ Судебника зависили исключительно отъ думы и собора, безъ согласія которыхъ государь не могъ издавать новыхъ законовъ (ст. 8). Всякія измѣненія въ „артикулахъ“ договора могли происходить не иначе, какъ по иниціативѣ патріарха, освященнаго собора, боярской думы и земскаго собора и совмѣстно съ названными учрежденіями „по обычаю Московскаго государства“ (ст. 18). Судебная власть государя ограничивалась одною думою, такъ, ст. 11 постановляетъ, что государь можетъ „судить“ и „карать“ только совмѣстно съ боярами и думными людьми, а „не осудивши судомъ съ бояры всѣми, никого не карать, чести съ нихъ не брать, на везенье (въ заточеніе) не засылать, помѣстья, и вотчины, и дворы не отымать и великихъ становъ (чиновъ) невинно не понижать; а все то господарь его милость чинити будетъ спорадою (посовѣтовавшись) бояръ дум-

ныхъ, а безъ рады (думы) и намовы (приговору) бояръ думныхъ господарь его милость ничего чинити не будетъ". Финансовая власть государя также ограничивалась думою (ст. 14), безъ согласія которой государь не могъ ввести ни одного новаго налога или подати (Записки гетмана Жолкевскаго, стр. 41).

Третій случай ограниченія власти государя имѣлъ мѣсто при избраніи Михаила Ѳедоровича Романова, о чемъ до насъ дошло не мало извѣстій. Такъ, по свидѣтельству Псковской лѣтописи, Михаилъ Ѳедоровичъ присягнулъ не казнить лицъ „вельможскаго и боярскаго рода", но посылать ихъ въ заточеніе. Затѣмъ, по свидѣтельству Котошихина, „на всѣхъ царей (отъ Ивана IV до Алексѣя Михайловича) были иманы письма, что имъ быть не жестокимъ и не пальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати". Нѣсколькими строками ниже Котошихинъ еще добавляетъ: „блаженныя памяти царь Михайло Ѳедоровичъ, хотя „самодержецъ" писался, однако безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлати ничего". Третье свидѣтельство, это—Татищева. „Царя Михаила Ѳедоровича избраніе было, говоритъ онъ, съ такою же записью, черезъ что онъ ничего не могъ учинить". Также и по словамъ шведа Штраленберга Михаилъ Ѳедоровичъ долженъ былъ подписать рядъ пунктовъ, ограничивавшихъ его власть. Такъ, напр., объ обязывался самовольно не издавать новыхъ и не отмѣнять старыхъ законовъ, не объявлять войны и не заключать мира и т. п. Свидѣтельство другого иностранца Фоккеродта вполнѣ согласно съ предыдущимъ. „Соборъ, говоритъ послѣдній, единодушно рѣшилъ не выбирать въ цари никого, кромѣ того, кто подъ присягой обѣщается предоставить полный ходъ правосудію по стариннымъ законамъ, не судить никого государскою властью, не вводить новыхъ законовъ безъ согласія собора, а тѣмъ менѣе отягощать подданныхъ новыми налогами или рѣшать чтобы то ни было въ дѣлахъ войны и мира" (см. *мое* изслѣдованіе „Земскіе соборы древней руси", стр. 145)

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ конца XVI и начала XVII ст. возникла въ боярской

средѣ мысль о договорѣ съ государемъ. Но эта мысль, по вѣрному замѣчанію проф. Ключевскаго, внесла очень мало новаго въ правительственную практику: дума, авторитетъ и дѣятельность которой были ограждены политическимъ договоромъ, дѣйствовала точно такъ же, какъ и прежде, правила и законодательствовала при Шуйскомъ, какъ и при Грозномъ. Это потому, что новая мысль не была новымъ началомъ въ устройствѣ Московскаго государства: политическій договоръ былъ только замѣною правительственнаго обычая, дѣйствовавшаго въ XVI ст. Вотъ, почему и люди, добивавшіеся этого договора, такъ часто ссылались на этотъ обычай, вводя небывалую, повидимому, политическую новизну, такъ настойчиво твердили о политической старинѣ (Боярская дума, стр. 390).

Окончательный выводъ изъ всего сказаннаго слѣдующій: опредѣлить характеръ власти московскихъ государей довольно трудно, такъ какъ періодъ Московскаго государства въ этомъ отношеніи представляетъ переходную эпоху. Власть московскаго государя—это звено въ цѣпи, соединяющее формально ограниченную власть удѣльно-вѣчеваго князя и самодержавную власть россійскаго императора. Въ московское время зарождается и развивается самодержавіе государя, но далеко еще не достигаетъ апогея своего развитія, въ виду переживанія остатковъ удѣльно-вѣчевой „старины“, которая, хотя и не формально (т. е. не посредствомъ договора или закона, что имѣло мѣсто только въ смутное время), но все же ограничиваетъ свободу дѣятельности государя, вынужденнаго считаться съ этой „стариной“. Въ теоріи многіе государи считаютъ себя самодержавными, но на практикѣ ихъ власть ограничена обычаемъ, имѣющимъ въ это время огромное значеніе. Нужна была реформа Петра, чтобъ окончательно покончить со „стариной“ и установить не только въ теоріи, но и на практикѣ самодержавную власть государя [1]).

Говоря о византійскомъ вліяніи, мы сказали, что однимъ изъ результатовъ его было принятіе особаго *титула* московскими

[1]) См. изслѣдованіе г. Дьяконова „Власть московскихъ государей“, а также м о ю рецензію на названное сочиненіе въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1890 г., № 2, гдѣ м н о ю указано на многіе невѣрные выводы г. Дьяконова.

государями. Этотъ послѣдній дѣлился на три части. Въ первой части указывалось на источникъ власти—„Божьею милостію". Эта часть—непосредственный продуктъ идеи о богоустановленности власти—входитъ въ употребленіе въ серединѣ XV ст. [1]) и упрочивается главнымъ образомъ при Иванѣ III. При Иванѣ IV возникаетъ, такъ называемое, „государево богословіе", употреблявшееся въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ. Образчикомъ его можетъ служить слѣдующее обращеніе къ Троицѣ въ формѣ молитвы: „Троица пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ тя истиннымъ христіанамъ дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлый Крайній Верхъ, направи на истину твою и настави насъ на повелѣнія твоя" и т. д.

Вторая часть титула указываетъ на характеръ власти государя: великій князь, царь, государь, самодержецъ. Сперва московскіе государи величали себя великими князьями, затѣмъ (съ Ивана III) стали называться государями и царями (въ области внѣшнихъ сношеній) [2]), наконецъ, при Иванѣ IV въ 1547 г. оффиціально приняли титулъ царя, утвержденный за ними константинопольскимъ патріархомъ въ 1561 г. и затѣмъ послѣ разныхъ дипломатическихъ переговоровъ признанный нѣкоторыми западно-европейскими государствами [3]). Что касается до титула „самодержецъ", то хотя онъ встрѣчался и ранѣе, но окончательно былъ принятъ только при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Третья часть титула—территоріальная—образовывалась постепенно, по мѣрѣ присоединенія къ Москвѣ новыхъ владѣній. Что касается до словъ „всея Руси", то они впервые появляются при Иванѣ Калитѣ [1]), но становятся постояннымъ составнымъ элементомъ титула только съ Ивана III. При Алексѣѣ же Ми-

---

1) Первый разъ слова: „Божьею милостію" употреблены въ грамотѣ одного изъ сыновей Дмитрія Донского; затѣмъ они встрѣчаются въ договорной грамотѣ Василія Темнаго съ польскимъ королемъ Казиміромъ.

2) По свидѣтельству Герберштейна, „царскій титулъ употреблялся въ сношеніяхъ съ Римскимъ императоромъ и папою, съ королями шведскимъ и датскимъ, съ магистрами прусскимъ и ливонскимъ и съ государемъ турецкимъ".

3) Германія и Данія признали титулъ царя еще при Иванѣ III.

4) Впрочемъ, уже нѣкоторые князья удѣльно-вѣчевого періода, напр., Владиміръ Мономахъ, Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій и др. называли себя князьями „всея Руси".

хайловичѣ къ нимъ прибавляются еще прилагательныя: „Великія“ „Малыя“ и „Бѣлыя“.

Титулъ былъ двухъ родовъ: полный, когда подробно выписывалась вся территоріальная часть, и краткій, форма котораго была слѣдующая: „Божьею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси Самодержецъ“.

Обладая титуломъ, государь пользовался также и правомъ на опредѣленные *предикаты* со стороны своихъ подданныхъ. Такъ, духовенство неоднократно при обращеніи къ государю титуловало его „твоимъ благородіемъ“, а также „христолюбивымъ“, „благочестивымъ“, „державнѣйшимъ“, „богохранимымъ“ и т. п. Другіе классы населенія, обращаясь къ государю, называли его: „господине княже великій“ (въ началѣ періода), „государь“, а съ начала XVII ст. „Ваше Величество“; себя же называли государевыми холопами и писались уничижительными именами.

Кромѣ титула, государь обладалъ еще правомъ на *государственный гербъ*. Онъ также былъ заимствованъ изъ Византіи послѣ брака Ивана III съ Софьей Палеологъ. Гербомъ Московскаго государства былъ двуглавый орелъ съ распластанными крыльями, а посрединѣ его всадникъ, поражающій копьемъ змѣя [2]). Нѣкоторые иностранцы, бывшіе въ Москвѣ, думали, что названный всадникъ изображалъ собою Св. Георгія Побѣдоносца. Однако, древніе русскіе никогда не признавали его за изображеніе Св. Георгія, а просто называли „ѣздокомъ“ или „ѣздецомъ“. Въ XVII ст. ѣздокъ объяснялся, какъ изображеніе самого царя. Такъ, русскіе послы Лихачевъ и Ѳоминъ заявили въ 1660 г. герцогу Флорентинскому на его вопросъ: „не изображаетъ ли всадникъ въ гербѣ Св. Георгія“? — что это изображеніе самого царя на конѣ. То же самое говоритъ и Котошихинъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Россіи временъ царя Алексѣя Михайловича („на московской печати вырѣзано: царь на конѣ побѣдилъ змѣя“).

Кромѣ герба, государь пользовался еще правомъ на *государственную печать*. Какъ извѣстно, печати существовали и раньше,

---

[1]) Съ Ивана IV вмѣсто всадника иногда изображался скачущій единорогъ или, какъ тогда говорили, „инрогъ“, бывшій, по предположенію Татищева, собственнымъ гербомъ Ивана IV.

но въ московскомъ періодѣ (съ Ивана III) на нихъ сталъ изображаться государственный гербъ. Печатей было двѣ: большая, которой скрѣплялись въ большинствѣ случаевъ акты, употреблявшіеся въ сферѣ дипломатическихъ сношеній, и малая—для всѣхъ прочихъ актовъ. Хранителемъ печати являлось особое должностное лицо—печатникъ, на обязанности котораго было привѣшивать печать ко всѣмъ государственнымъ актамъ, что въ то время замѣняло подпись государя. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича была создана для извѣстнаго Ордина-Нащокина особая должность „оберегателя царственныя большія печати и польскихъ дѣлъ".

Наконецъ, государю принадлежало право *на государственныя регаліи*. Въ началѣ московскаго періода такою, регаліею былъ только вѣнецъ или шапка Мономаха, по преданію присланная византійскимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ Владиміру Мономаху. Затѣмъ съ Ѳеодора Ивановича появился скипетръ, т. е. особый жезлъ, державшійся государемъ въ особо торжественныхъ случаяхъ. Со времени Лжедимитрія, по польскому образцу была введена держава, принятая Шуйскимъ и послѣдующими государями. Послѣдней регаліей была царская цѣпь, надѣвавшаяся государями.

Переходимъ къ обзору *правъ* и *прерогативъ* государя въ сферѣ государственнаго управленія. Въ области законодательства государю принадлежало право иниціативы и санкціи закона, но объ этомъ было уже сказано выше при обзорѣ законодательной дѣятельности Московскаго государства. Затѣмъ государь являлся главою исполнительной власти, и потому вся административная дѣятельность государства совершалась не иначе, какъ „по государеву и великаго князя указу"; равно какъ и всѣ назначенія на должности производились или самимъ государемъ или съ его вѣдома боярскою думою. Наконецъ, государю была присуща судебная власть. Такъ, во-1), всѣ судебныя рѣшенія постанавливались по государеву указу, во-2), всѣ челобитныя подавались на его имя и вплоть до Уложенія даже непосредственно въ его руки (это было воспрещено Уложеніемъ) и, въ-3), по нѣкоторымъ дѣламъ (напр., въ случаѣ совершенія преступленій лицами, поль-

зовавшимися исключительною подсудностью у государя, или по дѣламъ, разбиравшимся въ думѣ, напр., мѣстническіе споры, важныя государственныя преступленія и дѣла, поступавшія въ думу изъ низшихъ судовъ на основаніи доклада и пересуда) государь непосредственно являлся судьею, т. е. разбиралъ ихъ и постановлялъ по нимъ рѣшенія или одинъ или совмѣстно съ думою.

Въ области церковнаго управленія, государю также принадлежали извѣстныя права. Такъ, онъ являлся верховнымъ попечителемъ и охранителемъ интересовъ церкви (отсюда и предикаты: „благовѣрный“, „благочестивый“ и др.). Затѣмъ государь участвовалъ въ избраніи высшихъ духовныхъ чиновъ: патріарха; митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ (при избраніи патріарха очень часто практиковался слѣдующій способъ: государь запечатывалъ имена нѣсколькихъ кандидатовъ въ воскъ, изъ которыхъ церковный соборъ избиралъ одного по жребію). Наконецъ, государю принадлежали извѣстныя функціи въ области церковнаго законодательства и администраціи, которыя онъ отправлялъ совмѣстно съ церковнымъ соборомъ.

Затѣмъ государь пользовался правомъ на извѣстнаго рода имущество, носившее названіе дворцоваго, управленіе которымъ являлось функціей дворцовыхъ приказовъ, подчиненныхъ приказу большаго дворца. Вообще дворцовое вѣдомство было весьма обширно, такъ какъ къ нему приписывалось не мало городовъ и селъ, доходы съ которыхъ шли на содержаніе двора (по словамъ Котошихина, къ дворцовому вѣдомству было приписано до 40 городовъ и 8 московскихъ ремесленныхъ и промышленныхъ слободъ). Московскій государь не подлежалъ дѣйствію законовъ и былъ вполнѣ безотвѣтственъ. Кромѣ того, онъ пользовался правомъ на неприкосновенность, вслѣдствіе чего, напр., Уложеніе строго караетъ преступленія, направленныя противъ жизни и здоровья государя. Такая же неприкосновенность распространялась и на жилище государя, въ силу чего, преступленіе, совершенное на „государевомъ дворѣ“, каралось строже, чѣмъ совершенное въ другомъ мѣстѣ.

Чтобы покончить съ положеніемъ государя, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о *порядкѣ преемства престола*. Въ

Московскомъ государствѣ дѣйствовали три системы преемства государственной власти, нисколько, впрочемъ, не исключая другъ друга. Эти три системы были: 1) законная наслѣдственность по порядку нисходящаго первородства, 2) назначеніе себѣ преемника самимъ государемъ и 3) избраніе со стороны народа. На основаніи первой системы престолъ послѣ смерти государя переходилъ къ его старшему сыну, что и имѣло мѣсто со времени Даніила Александровича и вплоть до Ѳедора Алексѣевича. Установленію этой системы престолонаслѣдія значительно способствовали духовныя завѣщанія государей, всегда оставлявшихъ престолъ своимъ старшимъ сыновьямъ. Такимъ образомъ обѣ системы взаимно не исключали другъ друга. Единственный случай отстраненія отъ престола законнаго наслѣдника представляетъ случай изъ времени княженія Ивана III, лишившаго престола своего внука Дмитрія (передъ тѣмъ вѣнчаннаго имъ на царство) въ пользу сына своего Василія. Этотъ же государь провозгласилъ теорію, что порядокъ престолонаслѣдія опредѣляется исключительно усмотрѣніемъ царствующаго государя. „Развѣ я не воленъ въ сынѣ или внукѣ,—сказалъ Иванъ III новгородцамъ,—кому хочу, тому и даю царство“. Но за исключеніемъ этого случая, государи всегда избирали своими преемниками своихъ старшихъ сыновей и этимъ способствовали установленію системы наслѣдованія по порядку нисходящаго первородства. Въ случаѣ пресѣченія династіи, когда, слѣдовательно, не имѣлось законнаго наслѣдника, престолъ замѣщался избраніемъ со стороны народа. Избирательнымъ органомъ являлся земскій соборъ, какъ учрежденіе, представляющее весь народъ. Такимъ способомъ получили престолъ Б. Ѳ. Годуновъ, В. И. Шуйскій, Михаилъ Ѳедоровичъ и Петръ и Иванъ Алексѣевичи. Впрочемъ, иногда избраніе имѣло мѣсто и при наличности законнаго наслѣдника. Такъ, Ѳедоръ Ивановичъ и Алексѣй Михайловичъ были законными наслѣдниками своихъ отцовъ, но, не смотря на это, ихъ вступленіе на престолъ было санкціонировано фактомъ избранія ихъ со стороны земскихъ соборовъ.

Московскіе государи, вступивъ на престолъ, совершали обрядъ вѣнчанія. Онъ также былъ заимствованъ изъ Византіи и впервые примѣненъ въ 1498 г. Иваномъ III къ своему внуку

Дмитрію. До этого же времени вѣнчаніе замѣнялось обрядомъ посаженія на столъ въ церкви въ присутствіи ханскаго посла. Съ XVII ст. вводится и мѵропомазаніе. Затѣмъ вступленіе на престолъ влекло за собою присягу со стороны подданныхъ, которая выражалась въ формѣ „подкрестныхъ записей“.

2) Боярская дума.

Боярская дума была учрежденіемъ, игравшимъ весьма видную роль въ древнерусскомъ государственномъ управленіи и обладавшимъ огромнымъ значеніемъ въ предѣлахъ послѣдняго. Объясняется это особымъ характеромъ отношеній, существовавшихъ между думою и государемъ и выясненныхъ въ наше время проф. Ключевскимъ въ его классическомъ трудѣ о думѣ. Послѣдняя (выражаясь словами названнаго ученаго) была установленіемъ, привыкшимъ дѣйствовать только при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ. Давній обычай неразрывно сказалъ объ эти политическія силы, и онѣ не умѣли дѣйствовать другъ безъ друга, срослись одна съ другой, какъ части одного органическаго цѣлаго. Точно также и древнерусское общество не привыкло отдѣлять эти силы одну отъ другой, видѣло въ нихъ нераздѣльные элементы единой верховной власти. Вотъ почему нельзя говорить о политическомъ авторитетѣ боярской думы, какъ о чемъ-то отличномъ отъ государевой власти. Пространство дѣятельности думы совпадало съ предѣлами государевой верховной власти, потому что послѣдняя дѣйствовала вмѣстѣ съ первой и черезъ первую [1]).

Что касается до *названій* думы, то ихъ было нѣсколько. Такъ, кромѣ думы, говорили: бояре, палата, верхъ (вслѣдствіе нерѣдкихъ засѣданій думы наверху во дворцѣ), царскій совѣтъ, синклитъ (въ произведеніяхъ духовенства), даже сенатъ (при Лжедимитріи подъ вліяніемъ Польши).

Составъ думы былъ уже вполнѣ опредѣленъ въ это время, чѣмъ она и отличалась отъ княжеской думы удѣльно-вѣчевого періода. Такъ, въ нее входили, во-первыхъ, думные люди, т. е. бояре, окольничіе и думные дворяне и дьяки. Было уже сказано

[1]) Ключевскій, Боярская дума, стр. 461.

выше, когда два послѣднихъ чина вошли въ думу. Число думныхъ людей колебалось между 20 и 60 (впрочемъ, иногда бывало и больше). Во-вторыхъ, въ составъ думы входили члены по рожденію, а именно родственники государя, въ большинствѣ случаевъ его сыновья и братья. Такъ, Иванъ III въ 1471 г. идетъ въ походъ на Новгородъ „братій своихъ думою и бояръ своихъ“; Василій III въ 1506 г. заключаетъ договоръ съ Крымомъ, „приговоривши съ братьею и съ бояры“; наконецъ, оба Судебника изданы при участіи братьевъ и дѣтей государя. Въ-третьихъ, въ составъ думы иногда входило духовенство въ лицѣ патріарха и другихъ высшихъ іерарховъ, причемъ участіе духовныхъ чиновъ далеко не всегда обусловливалось обсужденіемъ въ думѣ дѣлъ, непосредственно касавшихся церкви. Напротивъ, духовенство призывалось въ думу и при разрѣшеніи чисто свѣтскихъ вопросовъ, напр., посольскія дѣла, размежеваніе земель, ратное устройство и т. п. Члены думы пользовались особыми привилегіями, выдѣлявшими ихъ изъ среды древнерусскаго общества, о чемъ, впрочемъ, было говорено въ другомъ мѣстѣ.

Что касается до *мѣста* и *времени* засѣданій думы, то они не были опредѣлены въ законѣ. Обыкновенно дума засѣдала въ Москвѣ—этомъ средоточіи всего управленія государствомъ. Но иногда ея засѣданія могли имѣть мѣсто и внѣ Москвы, напр., во время пребыванія государя въ его лѣтней резиденціи (въ селѣ Преображенскомъ, Коломенскомъ и др.) и во время государевыхъ „походовъ“ по монастырямъ. Въ Москвѣ дума въ большинствѣ случаевъ засѣдала во дворцѣ у государя, причемъ засѣданія происходили почти ежедневно (кромѣ праздниковъ) утромъ и вечеромъ. Въ виду того, что счетъ часамъ велся въ то время по восходу и заходу солнца, засѣданія происходили въ разные часы, смотря по времени года. Свидѣтельство Флетчера, будто дума засѣдала три раза въ недѣлю и всегда съ 7-ми часовъ утра, не подтверждается русскими памятниками.

Предсѣдательство въ думѣ принадлежало государю, а за его отсутствіемъ особому „первосовѣтнику“, т. е. боярину, назначавшемуся государемъ „по отечеству“, т. е. по породѣ. Члены думы сидѣли, также руководствуясь соображеніями „породы“, т. е.

на болѣе почетныхъ мѣстахъ бояре, затѣмъ окольничіе и, наконецъ, думные дворяне и дьяки. Мѣста въ предѣлахъ каждаго чина также опредѣлялись соображеніями породы.

Дѣлопроизводство думы было въ высшей степени упрощено и не носило письменнаго характера, въ виду отсутствія канцеляріи; поэтому не было въ обычаѣ составлять протоколы засѣданій. Обыкновенно дѣла возбуждались тремя способами: по государеву указу, по приказному докладу и по частному челобитію. Приговору по нимъ предшествовали пренія, иногда принимавшія страстный оттѣнокъ, какъ то можно видѣть изъ тѣхъ образчиковъ ихъ, которые до насъ дошли. По исчерпаніи вопроса, приступали къ голосованію, долженствовавшему быть единогласнымъ, въ виду неизвѣстности въ то время рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ. Что приговоръ долженъ былъ быть единогласнымъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ выраженія „всѣмъ“, „всѣмъ вмѣстѣ“ и т. п., сохранившіяся въ памятникахъ. Резолюціи или приговоры писались не отдѣльно, а на самомъ дѣлѣ (на государевомъ указѣ, приказномъ докладѣ или на челобитной) и отправлялись къ исполненію въ тотъ приказъ, до компетенціи котораго касались.

Говоря о думѣ, необходимо упомянуть и о тѣхъ *отдѣленіяхъ* или *комиссіяхъ*, которыя существовали при ней и въ которыхъ нерѣдко сосредоточивалось рѣшеніе весьма важныхъ дѣлъ. Такимъ отдѣленіемъ до извѣстной степени можетъ быть названа *ближняя дума*. Впервые указаніе на ея существованіе мы встрѣчаемъ въ словахъ Берсень-Беклемишева, сказанныхъ Максиму Греку, а именно, что великій князь Василій III не рѣдко совѣщается о разныхъ дѣлахъ „самъ третей у постели“. Такія же извѣстія дошли и о времени Ивана IV. Затѣмъ, по словамъ Флетчера, такой же тѣсный совѣтъ существовалъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, когда правителемъ государства, какъ извѣстно, былъ Б. Ѳ. Годуновъ. Послѣдній нерѣдко совѣщался съ государемъ въ присутствіи 5 и 6 человѣкъ. Наконецъ, послѣднее извѣстіе о ближней думѣ, это—слова Котошихина: „а какъ царю случится о чемъ мыслить тайно, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которымъ приказано бываетъ приходити, а иные думные люди въ ту палату ни для какихъ дѣлъ не ходятъ, развѣ

царь укажетъ". Такимъ образомъ изъ всѣхъ этихъ извѣстій видно, что ближняя дума есть нечто иное, какъ тѣсный совѣтъ государя, составляющійся ad hoc, члены котораго назначаются государемъ изъ кого угодно, обыкновенно изъ ближнихъ людей. Причины, вызвавшія существованіе этого совѣта, выяснены проф. Ключевскимъ и вполнѣ могутъ быть приняты [1]). Порядокъ веденія дѣлъ въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ того времени (говоритъ названный ученый) достаточно объясняетъ побужденія, заставляющія созывать особый тайный совѣтъ. Боярская дума слушала доклады по разнымъ частямъ государственнаго управленія и давала по нимъ резолюціи. Предварительная разработка вопроса, подготовка основаній для резолюціи лежала на докладчикѣ или поручалась какому-нибудь подходящему приказу. Но возникали вопросы экстреннаго свойства, которые не устанавливались въ колею обычнаго дѣлопроизводства и доложить о которыхъ въ думѣ не пришлось бы никому изъ управляющихъ отдѣльными вѣдомствами. Инціатива возбужденія такихъ вопросовъ принадлежала государю, но самая важность или сложность ихъ дѣлала необходимымъ предварительное ихъ обсужденіе, чтобъ, предлагая ихъ на обсужденіе думѣ, можно было не только, какъ говоритъ Котошихинъ, „мысль свою объявить", но и мотивировать ее, дать дѣлу извѣстное направленіе. Съ другой стороны, возникали важные вопросы, касавшіеся не государственнаго управленія а болѣе тѣсной придворной сферы. Они разрѣшались непосредственно самимъ государемъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ государь обращался къ своимъ ближнимъ совѣтникамъ. Этотъ совѣтъ могъ имѣть большое косвенное вліяніе на дѣятельность думы, заставляя ее рѣшать дѣла сообразно съ постановленіемъ совѣта, что и возбуждало не удовольствіе многихъ думныхъ людей.

Кромѣ ближней думы—этого тайнаго, неоффиціальнаго комитета, при думѣ существовали оффиціальныя коммиссіи, вѣдавшія разныя дѣла. Такою была, напр., Расправная палата. Въ виду того, что московскіе государи нерѣдко отлучались изъ Москвы и совершали разные „походы" по монастырямъ или жили въ близлежащихъ отъ Москвы „селахъ", а ихъ всегда сопро-

[1]) Боярская дума древней Руси, стр. 345.

вождала и дума, то для вѣдѣнія Москвы и для рѣшенія необходимыхъ вопросовъ государственнаго управленія на время отсутствія государя учреждалась особая коммиссія изъ думныхъ людей (впрочемъ, иногда въ ея составъ входили не только одни думные люди), которая и замѣщала собою думу. Такая коммиссія носила названіе Расправной палаты. Съ теченіемъ времени, а именно съ 1681 г. она получаетъ постоянный характеръ и продолжаетъ существовать во время присутствія государя и думы въ Москвѣ. Одновременно съ этимъ она становится исключительно судебнымъ отдѣленіемъ при думѣ, вѣдая одни только судебныя дѣла. Кромѣ Расправной палаты, дума нерѣдко выдѣляла изъ себя не мало и другихъ коммиссій спеціально для разрѣшенія разныхъ вопросовъ, которыя имѣли временный характеръ и, по разрѣшеніи этихъ вопросовъ, прекращали свое существованіе. Такъ, начались особыя коммиссіи „къ бытію въ отвѣтѣ“ съ иностранными послами, т. е. для веденія дипломатическихъ переговоровъ, затѣмъ въ 1662 г. для разсмотрѣнія дѣла патріарха Никона, въ 1648 г. для составленія проекта новаго Уложенія, въ 1682 г. для пересмотра ратнаго устава и т. д.

Было уже сказано, что пространство дѣятельности думы совпадало съ предѣлами государевой верховной власти; въ виду этого, дума являлась средоточіемъ всего государственнаго управленія. Такъ, ей принадлежали извѣстныя функціи въ области *внѣшней политики*, а именно: она въ лицѣ „отвѣтныхъ“ коммиссій вела переговоры съ иностранными послами, отправляла русскихъ пословъ въ иностранныя государства, посылала съ ними разныя грамоты, участвовала въ разрѣшеніи вопросовъ войны и мира и т. п. Вообще, значеніе думы въ области иностранной политики было огромно; нерѣдко, напр., польско-литовскіе радные паны (члены рады, соотвѣтствовавшей нашей думѣ) прямо адресовывались къ боярамъ, входя съ ними въ непосредственное сношеніе и получая въ свою очередь отъ нихъ отвѣтныя грамоты помимо (по крайней мѣрѣ формально) государя. Далѣе дума вѣдала *ратное дѣло*, такъ, нерѣдко она имѣла вліяніе на организацію военныхъ дѣйствій, затѣмъ иногда разрѣшала вопросы испомѣщенія помѣстьями служилыхъ людей и, наконецъ, устанавливала

порядокъ отправленія службъ (хотя все это было функціей Помѣстнаго приказа и Разряда). Въ области *центральнаго и мѣстнаго управленія* думѣ принадлежали слѣдующія права: она устанавливала областное административное дѣленіе, разграничивала вѣдомства центральныхъ и областныхъ учрежденій, опредѣляла въ нихъ порядокъ дѣлопроизводства, давала общія правила для назначенія областныхъ правителей, указывала предѣлы ихъ власти, вводила новыя должности или отмѣняла старыя, назначала и увольняла воеводъ и приказныхъ людей, надзирала за управленіемъ, для чего посылала въ города особыхъ сыщиковъ, получала всякія донесенія изъ городовъ и т. п. Думѣ принадлежали также нѣкоторыя функціи въ области *финансоваго управленія*, такъ, она нерѣдко устанавливала организацію и порядокъ финансовыхъ сборовъ, опредѣляла ихъ размѣръ, вводила новые сборы, завѣдывала чеканкою монеты, заботилась о торговлѣ и промышленности и т. п. Затѣмъ она обладала извѣстными функціями въ области *полиціи безопасности и благосостоянія*, такъ, она примѣняла мѣры предупрежденія опасностей со стороны человѣка и природы (Наказъ о городскомъ благочиніи 1649 г.), завѣдывала торговой полиціей, охраняла нравственно-религіозный бытъ общества и т. п. Наконецъ, она осуществляла извѣстныя права въ области *межеваго дѣла* (напр., разсылала межевщиковъ и писцовъ для описи земель, составляла имъ наказы и т. п.), *устройства быта сословій* (преимущественно посадскихъ, крестьянъ и холоповъ) и *уголовнаго и гражданскаго законодательства*. Въ составъ компетенціи думы входили также и *судебныя функціи*, такъ, она, во-первыхъ, фигурировала въ качествѣ суда первой инстанціи по чрезвычайнымъ политическимъ преступленіямъ (такъ, она судила дѣло Шейна 1634 г., самозванца Анкудинова 1653 г., самозванца Воробьева 1674 г. и др.) и по преступленіямъ противъ службы, а также по мѣстническимъ спорамъ (послѣдніе разрѣшались или всею думою, или нѣсколькими думными людьми) и, во-вторыхъ, въ качествѣ суда второй инстанціи по дѣламъ, поступавшимъ въ думу изъ низшихъ судовъ и приказовъ на основаніи доклада (т. е. вслѣдствіе переноса дѣла по некомпетентности суда или по отсутствію закона) и пересуда (т. е. по жалобѣ на судью

одною изъ сторонъ). Приговоры думы по этимъ дѣламъ имѣли законодательное значеніе, такъ какъ они не ограничивались разрѣшеніемъ частныхъ случаевъ, но обобщали ихъ и извлекали изъ нихъ постоянное правило на будущее время. Впрочемъ, и безъ обобщенія всякій приговоръ думы имѣлъ законодательное значеніе, такъ какъ его приводили въ видѣ прецедента или основанія для рѣшенія всѣхъ аналогичныхъ случаевъ. Въ виду этого, становится вполнѣ понятнымъ заключеніе проф. Ключевскаго, что дума законодательствовала и тогда, когда судила и рѣшала дѣла текущей администраціи, иначе говоря, дума была собственно и даже исключительно законодательнымъ учрежденіемъ [1]). Происходило это, вслѣдствіе того, что дума разбирала извѣстное дѣло, судебное или административное, не на основаніи годового, прямого и яснаго закона (такое дѣло и не поступило бы въ думу, будучи разрѣшено въ приказахъ), при чемъ разрѣшала его чтобъ показать, какъ надобно впредь разрѣшать подобныя дѣла. Такимъ образомъ, всякій судебный или административный приговоръ становился прецедентомъ и получалъ силу закона.

3) Земскіе соборы.

Въ то время, когда дума была постояннымъ учрежденіемъ, существовавшимъ при государѣ для рѣшенія вопросовъ текущаго законодательства, администраціи и суда, въ чрезвычайныхъ случаяхъ для рѣшенія тѣхъ же вопросовъ, созывались земскіе соборы изъ представителей всѣхъ чиновъ Московскаго государства.

Въ первый разъ земскій соборъ былъ созванъ при Иванѣ IV въ 1550 г., въ послѣдній разъ при Петрѣ I въ 1698 г. Апогея своего развитія соборы достигли въ началѣ XVII ст. въ правствованіе Михаила Ѳедоровича, когда одно время они даже превратились въ постоянное учрежденіе.

Причина созванія соборовъ всегда была одна и та же, а именно: затруднительность положенія, въ которомъ иногда находилось правительство и выйти изъ котораго оно не считало воз-

[1]) Боярская дума, стр. 463.

можнымъ безъ помощи со стороны населенія. Помощь эта или поддержка могла быть двухъ родовъ: нравственная и матеріальная. Какъ та, такъ и другая была одинаково необходима для правительства. Оно и понятно, такъ какъ древне-русское правительство не обладало такою матеріальною силою, какъ современное. Вся сила и могущество его заключались въ населеніи: изъ него образовывалось войско, отъ него шли деньги и правительство при содѣйствіи населенія было несокрушимо какъ со стороны внѣшнихъ, такъ и со стороны внутреннихъ враговъ. Примѣръ Михаила Ѳедоровича доказываетъ наглядно истинность нашихъ словъ. Несмотря на отчаянное положеніе государства, на присутствіе многочисленнаго непріятеля какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, первый Романовъ не только удержался на престолѣ, но и вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы со своими врагами, значительно упорядочивъ внутреннее положеніе государства. Такимъ образомъ, древнерусское правительство было вынуждено созывать соборы самимъ положеніемъ дѣлъ и силою тѣхъ обстоятельствъ и условій, среди которыхъ оно находилось. Когда государство начало упорядочиваться, когда Московская Русь стала походить на западно-европейское, такъ называемое въ наукѣ государственнаго права, полицейское государство, когда завелись постоянныя войска и наемныя дружины изъ иностранцевъ, когда налоги можно было налогать безъ согласія чиновъ, земскіе соборы исчезаютъ и правительство приходитъ къ сознанію о ненужности ихъ дальнѣйшаго существованія [1]).

Земскіе соборы были двухъ родовъ: избирательные и неизбирательные. Къ первому роду относились такіе, одна изъ главныхъ функцій которыхъ заключалась въ избраніи государя (въ случаѣ пресѣченія династіи) или въ санкціонированіи волей населенія вступленіе на престолъ новаго государя, хотя бы послѣдній могъ вступить въ качествѣ законнаго наслѣдника. Изъ сказаннаго видно, что самые избирательные соборы, въ свою очередь, могли быть двухъ родовъ. Соборы перваго рода созывались боярскою думою или патріархомъ и только въ „безгосу-

[1]) См. мое изслѣдованіе „Земскіе соборы древней Руси сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями". С.-Петерб. 1885 г.

дарное“ время, по выраженію памятниковъ. Тогда они представляли собою верховную власть и пользовались всѣми ея правами и прерогативами. Управленіе государствомъ лежало на ихъ обязанности, такъ какъ, замѣняя государя, они осуществляли его функціи во всѣхъ отношеніяхъ. Законодательство, администрація, судъ, сношенія съ иностранными державами и т. п. исключительно принадлежало имъ. Соборы обладали своей печатью и разсылали грамоты отъ своего имени. Второго рода избирательные соборы созывались для утвержденія новаго государя на престолѣ, слѣдовательно, имѣли мѣсто не въ „безгосударное“ время. Государь существовалъ, нужно было только упрочить его власть актомъ народнаго избранія. Что касается до неизбирательныхъ соборовъ, то они всегда созывались по иниціативѣ государя и, слѣдовательно, не могли имѣть мѣста въ „безгосударное“ время.

Кромѣ этого дѣленія, соборы по своему составу дѣлились еще на три категоріи: полныя, когда призывались всѣ или по крайней мѣрѣ нѣкоторые чины государства, неполныя, когда призывался одинъ чинъ (напр., служилые люди или посадскіе), и фиктивныя, когда призывались одни только москвичи, отождествлявшіеся со всѣмъ населеніемъ государства.

Земскіе соборы были *представительнымъ* учрежденіемъ, вслѣдствіе невозможности поголовнаго участія на нихъ всѣхъ жителей государства, какъ то было въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ на вѣчевыхъ собраніяхъ. Впрочемъ, нужно констатировать и тотъ фактъ, что на соборахъ принимало участіе изрядное количество лицъ, призывавшихся поголовно, благодаря своему общественному положенію. Къ этой категоріи лицъ принадлежали высшіе духовные чины, т. е. патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены, члены боярской думы, т. е. бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки и высшіе придворные чины, какъ-то: дворецкій, конюшій, казначей, печатникъ и др.

Къ другой категоріи, т. е. къ членамъ собора, засѣдавшимъ на немъ по началу представительства, относились: низшіе чины духовенства, т. е. чины бѣлаго духовенства, какъ-то: протопопы, попы и др. и, такъ называемые, монастырскіе старцы; низшіе

чины служилаго класса, т. е. стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и дѣти боярскія, городовые дворяне и дѣти боярскія, стрѣльцы, казаки, пушкари, служилые инородцы и т. п.; чины тяглаго класса: гости, торговцы гостинной и суконной сотенъ, торговцы черныхъ сотенъ и слободъ и крестьяне, бывшіе, впрочемъ, только на двухъ соборахъ: въ 1613 г. и въ 1682 г.

Будучи представительнымъ учрежденіемъ, земскіе соборы были также и *сословнымъ* учрежденіемъ. Такъ, грамоты, предписывавшія присылку выборныхъ на соборъ, всегда говорятъ о выборныхъ отъ такого-то чина или сословія и никогда не упоминаютъ о представителяхъ такой-то мѣстности или города. То же самое встрѣчаемъ и въ соборныхъ актахъ. Наконецъ, самые выборы всегда происходили по сословіямъ. Что наши соборы были сословнымъ учрежденіемъ, на это указываетъ также существованіе двухъ палатъ въ 1649 г. и въ 1682 г. Въ первой (верхней) палатѣ засѣдали члены освященнаго собора и боярской думы, т. е. высшіе разряды лицъ; во второй (нижней) выборные отъ низшихъ разрядовъ лицъ и тяглые люди. Наконецъ, очень часто выборные по сословіямъ подавали свои мнѣнія и челобитныя, а иногда и само правительство созывало только членовъ одного сословія (неполные соборы). Сословность сказывалась также и въ совѣщаніяхъ выборныхъ на соборѣ, такъ какъ они происходили по сословіямъ или по чинамъ.

Число выборныхъ на соборахъ не было однимъ и тѣмъ же и постоянно колебалось. Такъ, въ 1566 г. всѣхъ выборныхъ было 374, въ 1598 г.—457, въ 1649 г.—315 (по числу рукоприкладствъ) и т. д. Древнерусская жизнь не выработала особой опредѣленной нормы для числа выборныхъ на соборѣ и оно не было постояннымъ, вслѣдствіе двухъ причинъ. Во-1), потому, что правительство на каждый соборъ опредѣляло число выборныхъ, а иногда представляло его опредѣленіе на усмотрѣніе самихъ избирателей; во-2), потому, что многіе города, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія, дальности разстоянія отъ Москвы, разбойничества на дорогахъ, дороговизны содержанія въ столицѣ и т. п., совсѣмъ не посылали выборныхъ, въ виду чего далеко не всѣ мѣстности государства бывали представлены на соборѣ.

Избирательнымъ округомъ былъ каждый городъ со своимъ уѣздомъ, притомъ городъ съ большимъ числомъ жителей посылалъ большее число выборныхъ. Такъ, Новгородъ всегда считался равнымъ пяти городамъ, въ виду того, что каждая его пятина приравнивалась къ обыкновенному городу. Но больше всѣхъ выборныхъ приходилось на долю Москвы. Иногда даже случалось, что на соборахъ совершенно отсутствовали выборные изъ городовъ, а призывались одни москвичи (фиктивные соборы), что, впрочемъ, не мѣшало собору величать себя органомъ всего государства. Нерѣдко города присылали больше выборныхъ, чѣмъ то приписывало правительство и, однако, эти выборные приравнивались ко всѣмъ остальнымъ и также принимали участіе на соборѣ.

Какимъ образомъ происходили самые *выборы?* Желая созвать соборъ, правительство разсылало, такъ называемыя, призывныя грамоты, предписывавшія производство выборовъ и адресовавшіяся на имя воеводы или губного старосты. Послѣдніе, получивъ грамоты, обыкновенно собирали людей всякихъ чиновъ въ церковь или въ губной станъ, читали имъ грамоты и исполняли предписаніе на счетъ выборовъ. Каждый чинъ выбиралъ своихъ представителей особо. Послѣ производства выборовъ, составлялись протоколы или, какъ они назывались, „выборы за руками“, подписывавшіеся всѣми избирателями и отсылавшіеся въ Москву. Вмѣстѣ съ ними туда же отсылались и „воеводскія отписки“, т. е. грамоты на имя государя съ извѣщеніемъ о полученіи призывныхъ грамотъ и объ исполненіи ихъ предписаній касательно выборовъ. Обыкновенно, какъ протоколъ, такъ и отписку доставлялъ самъ выборный, на обязанности котораго было „явиться“ въ Разрядъ или въ Посольскій приказъ, по прибытіи въ Москву. До насъ дошло 47 воеводскихъ отписокъ и одинъ протоколъ, изданные *мною* въ *моемъ* сборникѣ „Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст.“ Что касается до призывныхъ грамотъ, то только четыре изъ нихъ сохранились до нашего времени (одна издана *мною*).

Воеводамъ было запрещено вмѣшиваться въ выборы и оказывать на нихъ какое-либо давленіе. Такъ, когда одинъ воевода

(крапивенскій), не понявъ смысла призывной грамоты, самъ назначилъ выборныхъ на соборъ вмѣсто того, чтобъ предоставить это избраніе дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, то получилъ за это отъ правительства выговоръ.

Выборные получали отъ избирателей особые наказы (инструкціи). Хотя ни одинъ изъ наказовъ до насъ не дошелъ, но мы знаемъ о нихъ изъ призывныхъ грамотъ. Такъ, когда кн. Пожарскій приглашалъ выборныхъ на соборъ 1612 г., то писалъ между прочимъ: „и *совѣтъ* намъ свой отписати за своими руками, какъ намъ противъ общихъ враговъ стоять и какъ намъ въ нынѣшнее время безгосударнымъ быть и выбрати бъ намъ государя“. Также на соборъ 1613 г. выборные пріѣхали, „договоряся въ городѣхъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государскомъ избраніи *полные договоры*“ и т. п.

Выборные брали съ собою „запасы“, что предписывалось имъ самимъ правительствомъ. Кто же давалъ эти запасы? Нужно думать, что избиратели. Впрочемъ, тяжесть содержанія выборныхъ не падала исключительно на одно населеніе, такъ какъ правительство тоже пронимало въ этомъ участіе, выплачивая опредѣленное жалованье выборнымъ.

Правительство обыкновенно само опредѣляло, какого рода лица должны были быть избраны. „Добрые, разумные и постоятельные люди“, говорится въ одной грамотѣ. „Человѣка добра и смышлена, кому бы государевы и земскія дѣла за обычай“, находимъ въ другой и т. п.

Нечего и говорить, что земскіе соборы созывались *не періодически* и что не было никакихъ сроковъ, когда правительство бывало обязано обращаться къ ихъ помощи. Иногда соборы созывались довольно часто, какъ, напр., въ первую половину царствованія Михаила Ѳедоровича, когда они одно время превратились даже въ постоянное учрежденіе; иногда же черезъ довольно большіе промежутки времени, какъ, напр., при Иванѣ IV. Время засѣданій соборовъ также было неодинаково: напр., соборъ 1616 г. продолжался около трехъ лѣтъ, соборъ 1642 г. около двухъ недѣль, соборъ 1649 г. пять мѣсяцевъ и т. д. Соборы всегда происходили въ Москвѣ. Оно и понятно: Москва

была столицею, мѣстопребываніемъ двора и центромъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ всего государства. Въ большинствѣ случаевъ соборъ засѣдалъ въ царскихъ палатахъ, т. е. во дворцѣ.

Засѣданіе открывалось чтеніемъ рѣчи, въ которой излагался поводъ созванія собора и предлагались выборнымъ на разрѣшеніе извѣстные вопросы. Произносилъ ее или самъ царь или читалъ думный дьякъ. Рѣчь выслушивалась всѣми чинами вмѣстѣ. Послѣ ея прочтенія, происходили совѣщанія выборныхъ между собою, притомъ непремѣнно по сословіямъ или, лучше сказать, по чинамъ. Каждый чинъ составлялъ отдѣльное рѣшеніе, такъ называемую, „сказку“, которыя затѣмъ редактировались воедино для поднесенія государю и для занесенія въ соборный приговоръ Для большей краткости и ясности, однородныя мнѣнія соединялись въ одно и уже въ такой формѣ преподносились государю. Государь утверждалъ ихъ (не было ни одного случая, чтобы государь не утвердилъ) и тогда они облекались въ форму соборнаго приговора или „утвержденной грамоты“.

Какимъ *способомъ* достигалось рѣшеніе выборныхъ? Нужно думать, что путемъ единогласнаго голосованія, на что указываютъ выраженія памятниковъ: „единомысленно“, „общимъ согласіемъ“ и т. п. Впрочемъ, подобное единогласіе не исключало факта подачи отдѣльныхъ мнѣній, не согласныхъ съ мнѣніемъ большинства. Очень часто выборные, пользуясь случаемъ, одновременно съ подачею мнѣній подавали государю и челобитныя, въ которыхъ, указывая на свой нужды и желанія, просили объ ихъ осуществленіи. Все, что происходило на соборѣ, вносилось въ протоколъ, бывшій въ большинствѣ случаевъ довольно подробнымъ. Онъ скрѣплялся печатями царя, патріарха и высшихъ чиновъ. Низшіе же чины скрѣпляли его крестнымъ цѣлованіемъ и рукоприкладствомъ, причемъ за неграмотныхъ подписывались грамотные. Закрытіе сессіи собора нерѣдко ознаменовывалось какимъ-нибудь торжествомъ, напр., обѣдомъ у государя, на который приглашались и выборные.

Переходимъ къ вопросу о *компетенціи* земскихъ соборовъ. Одной изъ самыхъ главныхъ функцій избирательныхъ соборов

было *избраніе государя*, что имѣло мѣсто довольно часто въ Московскомъ государствѣ (такихъ избраній было девять). Затѣмъ *иностранныя дѣла* также входили въ сферу компетенціи соборовъ. Такъ, вопросы о войнѣ и мирѣ служили сплошь и рядомъ единственными поводами къ созванію соборовъ, какъ это было, напр., въ 1566 г., въ 1633 г., въ 1642 г. (извѣстный Азовскій соборъ), въ 1651 и въ 1653 гг. (соборы, созванные для рѣшенія вопроса о присоединеніи Малороссіи) и т. д. Соборъ 1613—15 гг. велъ самыя дѣятельныя сношенія съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III и вообще сосредоточивалъ въ себѣ все управленіе иностранной политикой. На соборѣ 1621 г. разрѣшался вопросъ о союзѣ съ турками, шведами и крымцами противъ поляковъ и т. п. *Внутреннее законодательство* было также одной изъ важныхъ функцій соборовъ. Стоитъ вспомнить такіе соборы, какъ 1550, 1611, 1619, 1648—49 и 1682 гг., чтобъ понять, какую важную роль играло въ этомъ отношеніи древнерусское представительство. Судебникъ 1550 г., мѣстныя учрежденія, введенныя уставными грамотами, постановленія соборовъ 1611 и 1619 гг., Уложеніе, уничтоженіе мѣстничества—все это было продуктомъ соборной дѣятельности, притомъ дѣятельности непосредственной, въ которой прямое участіе принимали выборные. *Церковныя дѣла*, хотя и служили предметомъ соборныхъ обсужденій, но, въ виду существованія церковныхъ соборовъ, разсматривались на земскихъ соборовъ сравнительно рѣдко. На обязанности древнерусскаго представительства лежало также принятіе *полицейскихъ* мѣръ во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ. Такъ, мы знаемъ, сколько трудовъ потратилъ соборъ 1613—15 гг. на умиротвореніе Россіи и на очищеніе ея отъ „воровъ“ и разбойниковъ, свирѣпствовавшихъ въ то время повсюду. Въ періоды бунтовъ и мятежей соборы также созывались для оказанія правительству помощи при ихъ подавленіи, какъ это было въ 1650 г. по поводу бунта во Псковѣ. *Торговля и промышленность* также служили поводомъ къ созванію соборовъ, преимущественно неполныхъ, изъ членовъ торгово-промышленнаго класса, что имѣло мѣсто въ царствованія Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михаиловича. Одно изъ важныхъ назначеній соборовъ было изысканіе *денежныхъ средствъ* (воти-

рованіе чрезвычайныхъ налоговъ), въ особенности необходимымъ для Московскаго государства въ первое время, послѣ прекращенія смутнаго времени. Соборная дѣятельность въ этомъ направленіи дѣлаетъ честь древнимъ русскимъ, жертвовавшимъ буквально всѣмъ своимъ состояніемъ, лишь бы упорядочить государство, приведенное въ ужасное состояніе долгимъ періодомъ междоусобій и войнъ. Что касается до *судебныхъ* функцій соборовъ, то на этотъ счетъ мы имѣемъ только два примѣра, когда соборъ являлся въ качествѣ верховнаго политическаго суда, это—въ 1605 г. (судъ надъ Васильемъ Шуйскимъ) и въ 1698 г. (судъ надъ царевной Софьей) [1]).

4) Церковные соборы.

Ту же роль, какую играли въ сферѣ государственнаго управленія боярская дума и земскіе соборы, въ сферѣ церковнаго управленія играли церковные или освященные соборы. Въ составъ ихъ входили духовные чины, т. е. патріархъ, бывшій предсѣдателемъ собора (въ отсутствіи государя), митрополиты, архіепископы, епископы и „выборные“ власти, т. е. архимандриты, игумены, соборные старцы и члены бѣлаго духовенства. Высшіе чины засѣдали поголовно, низшіе—въ качествѣ представителей. Церковные соборы обладали большимъ значеніемъ, въ виду вообще большаго значенія, принадлежавшаго духовенству въ древней Россіи. Они созывались для разрѣшенія не только вопросовъ, непосредственно касавшихся интересовъ церкви (церковное законодательство, администрація, избраніе духовныхъ чиновъ, судъ надъ высшими іерархами, вопросы догматическаго и обрядового характера и т. п.), но и затрогивавшихъ исключительно интересы государства. Въ такомъ случаѣ на соборахъ принимали участіе и члены боярской думы. Въ подобномъ соединенномъ засѣданіи церковнаго собора и боярской думы были выработаны въ 1652 г. правила продажи вина и управленія кружечными дворами. Сто-

[1]) Вопросу о земскихъ соборахъ посвящена довольно большая литература. Послѣднимъ по времени изслѣдованіемъ по этому вопросу (если не считать статей проф. Ключевскаго въ „Русской Мысли“, еще незаконченнымъ печатаніемъ) является мое изслѣдованіе „Земскіе соборы древней Руси, ихъ исторія и организація сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями“, 1885 г.

главый соборъ 1551 г. также представлялъ изъ себя не что иное, какъ соединенное засѣданіе церковнаго собора и думы. Наконецъ, церковный соборъ цѣликомъ входилъ въ составъ земскаго собора. Большое значеніе церковныхъ соборовъ усматривается и въ словахъ, сказанныхъ Московскими послами полякамъ въ 1610 г.: „изначала у насъ въ русскомъ царствѣ такъ повелось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали". Такое же значеніе за церковнымъ соборомъ признавалъ и Иванъ IV, сказавшій на Стоглавомъ соборѣ въ одной изъ своихъ рѣчей: „если я буду вамъ (членамъ собора) супротивенъ, вы о семъ не умолкните, воспрещайте мнѣ безъ всякаго страха". И дѣйствительно, государи нерѣдко соглашались съ мнѣніями церковныхъ соборовъ, даже въ случаѣ противорѣчія послѣднихъ съ ихъ личными мнѣніями. Такъ поступилъ Иванъ IV въ 1580 г. по вопросу о секуляризаціи церковныхъ имуществъ; то же самое сдѣлалъ Борисъ Годуновъ по вопросу объ учрежденіи училищъ для изученія иностранныхъ языковъ и по вызову иностранныхъ учителей въ Россію.

IV. *Управленіе.*

А. Административное дѣленіе.

Московское государство дѣлилось на *уѣзды* (отъ слова „уѣхать", т. е. примежевать, приписать къ извѣстному центру), во главѣ которыхъ находились города, бывшіе средоточіемъ уѣзднаго управленія. Размѣры уѣздовъ отличались крайней неопредѣленностью.

Въ свою очередь уѣзды дѣлились на *станы* (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на половины или трети), число и размѣры которыхъ были крайне разнообразны (такъ, въ московскомъ уѣздѣ было до 45 становъ, въ можайскомъ до 32, напротивъ, въ елецкомъ только 4, въ оскольскомъ 5 и т. д.).

Станы дѣлились на *волости*, число которыхъ также варіи-

ровалось (такъ, въ устюжскомъ уѣздѣ было 9 становъ и 70 волостей, въ галицкомъ—23 стана и 76 волостей, въ вологодскомъ—5 становъ и 102 волости и т. д.

Подраздѣленіемъ волости являлся *сельскій округъ*, въ составъ котораго входили болѣе мелкія поселенія, а именно: деревни, поселки и слободы. Число этихъ послѣднихъ, тянувшихъ къ селу, было весьма разнообразно: такъ, къ селу Кимры было приписано 58 деревень, къ селу пурокамъ—64 деревни, къ селу Дунилову—41 деревня и т. д. Село отличалось отъ другихъ поселеній тѣмъ, что въ немъ находилась церковь и оно служило мѣстопребываніемъ сельскаго начальства.

Одновременно съ изложеннымъ административнымъ дѣленіемъ существовало другое, а именно дѣленіе на *области*, которыя въ свою очередь дѣлились на волости и сельскіе округа (такимъ образомъ уѣзды и станы отсутствовали). Особенность этого дѣленія состояла въ томъ, что всѣ города области тянули къ центральному пункту этой послѣдней и сносились съ Москвой не непосредственно, а черезъ посредство главнаго города области (напр., Новгородская, Псковская, Вятская области).

Б. Центральное управленіе.

Органами центральнаго управленія въ Московскомъ государствѣ были *приказы*. Они начали возникать съ конца XV ст. и, какъ самое слово показываетъ, произошли, вслѣдствіе того, что тѣмъ или другимъ лицамъ „приказывалось“ вѣдать разныя отрасли управленія. Устройство приказовъ (по крайней мѣрѣ въ XVII ст.) было коллегіально; это усматривается изъ ст. 23 X гл. Уложенія, предписывавшей всѣмъ членамъ приказовъ „вершить всѣ дѣла вопче“, всѣмъ, рѣшившимъ дѣло подписывать его, записывать, почему кто-либо изъ членовъ не участвовалъ въ рѣшеніи и т. п. О томъ же свидѣтельствуетъ и Котошихинъ говоря, что „судити указано въ приказахъ (идетъ перечисленіе ихъ членовъ) всѣмъ вмѣстѣ“. Наконецъ, бумаги, адресовавшіяся въ приказъ, всегда писались на имя всѣхъ его членовъ. Конечно, могли быть и злоупотребленія, когда дѣла рѣшались однимъ начальникомъ при-

каза безъ совѣщанія съ остальными членами, на что и указываетъ извѣстный петровскій указъ 1718 г., но такіе случаи были результатомъ злоупотребленій и не могутъ трактоваться, какъ нормальные.

Во главѣ приказовъ находились бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки. Кромѣ того, къ нимъ въ „товарищи“ назначалось нѣсколько человѣкъ также изъ служилыхъ людей (изъ думныхъ, или изъ придворныхъ, или изъ дьяковъ).

Въ виду того, что приказы возникали постепенно, по мѣрѣ надобности, а не были обязаны своимъ существованіемъ опредѣленному плану государственнаго устройства, построенному на извѣстныхъ теоретическихъ началахъ,—нельзя говорить о точно опредѣленной компетенціи каждаго изъ нихъ: всѣ приказы вѣдали судъ и управленіе, съ тою только разницею, что у однихъ судебныя функціи стояли на первомъ планѣ, а административныя—на второмъ, у другихъ же наоборотъ: преимуществовали послѣднія, а не первыя. Наконецъ, были и такіе приказы, которые въ равной мѣрѣ вѣдали и судъ и управленіе. Имѣя въ виду сказанное, мы можемъ раздѣлить приказы на слѣдующія три категоріи: областные, административные и судные. Первые вѣдали судъ и *всѣ* отрасли управленія извѣстной области: такъ, Сибирскій приказъ вѣдалъ Сибирь во всѣхъ отношеніяхъ, Казанскій приказъ вѣдалъ бывшее Казанское царство, и т. д. Такимъ образомъ *областные* приказы являлись средоточіемъ всего управленія и суда въ извѣстной области, хотя мѣстопребываніемъ ихъ была Москва.

Административные приказы вѣдали *отдѣльныя* отрасли управленія, но всего государства. Здѣсь на первомъ планѣ должны быть поставлены *финансовые* приказы (Большой казны, Большой приходъ, четверти и др.), вѣдавшіе разнообразные источники доходовъ, а именно управлявшіе сборомъ и храненіемъ денежныхъ суммъ, получавшихся, благодаря прямымъ и косвеннымъ налогамъ, пошлинамъ и другимъ сборамъ. Вторую группу административныхъ приказовъ составляли *военные* приказы, напримѣръ: Разрядъ, вѣдавшій служилыхъ людей, Помѣстный приказъ, занимавшійся испомѣщеніемъ помѣстьями и вотчинами служилыхъ

людей, Стрѣлецкій, Рейтарскій, Пушкарскій, Иноземный (вѣдавшій служилыхъ иностранцевъ) и др. Третью группу составляли *придворные* приказы, во главѣ которыхъ находился приказъ Большого дворца, къ которому было приписано до 40 городовъ и до 8 торгово-промышленныхъ слободъ въ Москвѣ. Въ его вѣдѣніи находились другіе приказы, вѣдавшіе отдѣльныя отрасли придворнаго управленія, напр., конюшенный, постельничій, ловчій, панихидный и др. Наконецъ, къ четвертой категоріи административныхъ приказовъ должны быть отнесены: Посольскій (вѣдавшій иностранную политику), Аптекарскій, Ямской и Тайныхъ дѣлъ (учрежденный при Алексѣѣ Михайловичѣ и исполнявшій разныя порученія царя; въ немъ засѣдали только одни дьяки).

Къ *суднымъ* приказамъ слѣдуетъ причислить слѣдующіе приказы: Московскій судный, Разбойный (вѣдавшій губное дѣло во всемъ государствѣ, кромѣ Москвы), Холопій (вѣдавшій судъ о холопахъ), Земскій (вѣдавшій губное дѣло въ Москвѣ, а также полицейскую и хозяйственную часть Москвы; иначе говоря, этотъ приказъ скорѣе можетъ быть названъ мѣстнымъ, а не центральнымъ учрежденіемъ), Монастырскій (учрежденный по Уложенію и вѣдавшій гражданскій судъ духовныхъ лицъ, исключая патріаршихъ людей, подсудныхъ въ гражданскомъ отношеніи Патріаршему двору) и др.

Всѣхъ приказовъ было очень много (до 45), причемъ не мало изъ нихъ, возникая, существовали недолгое время и закрывались по мѣрѣ удовлетворенія той потребности, ради которой они были вызваны къ жизни.

В. Мѣстное управленіе.

1) *Правительственное управленіе.* Органами мѣстнаго правительственнаго управленія до середины XVI ст. были *намѣстники* и *волостели* (первые въ городахъ, вторые въ волостяхъ), причемъ они дѣлились на двѣ группы: съ судомъ боярскимъ и безъ него. Первые имѣли болѣе правъ, чѣмъ вторые: такъ, въ составъ ихъ компетенціи входили такія дѣла, разрѣшать которыя могъ только боярскій судъ въ Москвѣ (въ думѣ и приказахъ),

напр., дѣла о холопахъ, нѣкоторыя уголовныя дѣла и др. Власть намѣстниковъ въ московское время постепенно ограничивается, во-первыхъ, путемъ изданія тарханныхъ грамотъ, освобождавшихъ отъ суда и управленія намѣстниковъ извѣстныя группы физическихъ и юридическихъ лицъ, (напр., высшіе разряды служилыхъ людей, монастыри, церкви, высшіе разряды духовенства) и, во-вторыхъ, путемъ предписанія намѣстникамъ отправлять свои судебныя функціи не иначе, какъ совмѣстно съ представителями населенія. Такъ, оба Судебника предписываютъ присутствіе на судѣ намѣстниковъ старостъ, сотскихъ и добрыхъ людей. Царскій Судебникъ идетъ еще далѣе и значительно расширяетъ роль названныхъ лицъ на судѣ. По этому законодательному памятнику составленіе суднаго списка (судебнаго протокола) становится функціей земскаго дьяка, затѣмъ названный списокъ обязательно подписывается старостою, причемъ копія съ него хранится у послѣдняго.

Несмотря однако на эти ограниченія, намѣстники и волостели вмѣстѣ съ подчиненными имъ тіунами и доводчиками обладали еще большою властью, нерѣдко злоупотребляя ею, въ силу чего населеніе часто „докучало“ государямъ челобитными, прося объ уничтоженіи этихъ должностей, что и было исполнено послѣ 1556 г.

Однако, на смѣну намѣстникамъ съ начала XVII ст. появляются *воеводы*, во многомъ напоминающіе намѣстниковъ. Воеводы назначаются по городамъ (въ большіе города по нѣсколько воеводъ), причемъ „въ товарищи“ къ нимъ опредѣляются дьяки (одинъ или нѣсколько), составляющіе съ воеводами коллегію и пользующіеся съ ними равноправностью. Функціи воеводъ были слѣдующія: 1) военное дѣло, въ силу чего воевода являлся начальникомъ мѣстнаго войска (служилыхъ людей и стрѣльцовъ) и городскихъ укрѣпленій, о хорошемъ состояніи и вооруженіи которыхъ онъ обязанъ былъ заботиться; 2) полиція, такъ, воевода ловилъ воровъ и разбойниковъ, а равно и бѣглыхъ, принималъ мѣры противъ пожаровъ, надзиралъ за благочиніемъ среди духовенства, боролся съ расколомъ и языческими обрядами, контролировалъ народныя игры и забавы, блюлъ общественную нрав-

ственность и т. п.; 3) судъ въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Воеводы дѣйствовали подъ контролемъ центральнаго правительства, почему обязаны были представлять въ соотвѣтствующіе приказы отчеты о своей дѣятельности. Въ большинствѣ случаевъ воеводы назначались на короткій срокъ (годъ, два или три года). Въ подчиненіи у нихъ находились низшіе органы — *головы*, напр., осадные (завѣдывавшіе укрѣпленіями города), засѣчные (принимавшіе мѣры къ производству засѣкъ съ цѣлью воспрепятствовать нападенію непріятеля), стрѣлецкіе, пушкарскіе, объѣзжіе (объѣзжавшіе городъ преимущественно ночью съ цѣлью наблюденія за порядкомъ) и др.

Отправляясь на службу, воевода получалъ извѣстный наказъ, т. е. инструкцію, за предѣлы котораго онъ не имѣлъ права выходить. Что касается до вознагражденія воеводъ, то, хотя de jure кормъ въ это время былъ уже уничтоженъ и замѣненъ особымъ сборомъ, шедшимъ въ казну подъ названіемъ „за намѣстничъ кормъ“, но de facto воеводская служба была такая же „корыстная“, какъ и намѣстническая, и воеводы также кормились отъ населенія, какъ прежде намѣстники. Отношенія воеводъ къ органамъ самоуправленія не были точно опредѣлены, почему нерѣдко происходили коллизіи между ними, разрѣшавшіяся правительствомъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовали одновременно воеводы и органы самоуправленія, правительство нерѣдко воспрещало воеводамъ вступаться въ дѣла самоуправляющихся общинъ, но это воспрещеніе трудно было выполнить на практикѣ, такъ какъ то же правительство требовало, чтобъ воеводы контролировали дѣятельность органовъ самоуправленія въ нѣкоторыхъ его функціяхъ, напр., въ финансовомъ или полицейскомъ отношеніяхъ. Отсюда частыя столкновенія между названными органами управленія, долженствовавшія въ результатѣ повести къ умаленію значенія самоуправленія, на что и жаловались выборные на земскомъ соборѣ 1642 г.

2) *Земское самоуправленіе.* а) *Самоуправленіе по уставнымъ грамотамъ.* Было уже сказано при обозрѣніи уставныхъ грамотъ, что самоуправленіе общинъ, какъ общая мѣра, распространенная на всю Россію, явилась продуктомъ боярскаго приговора 1556 г.,

изданнаго, вслѣдствіе челобитій самаго населенія, ходатайствовавшаго предъ правительствомъ о подобной реформѣ. Округами этого самоуправленія были признаны волости и города, т. е. посады. Такимъ образомъ кругъ лицъ, среди которыхъ вводилось самоуправленіе, исключительно принадлежалъ къ тяглому классу (крестьяне и посадскіе). Органами самоуправленія по уставнымъ грамотамъ являлись излюбленные головы или старосты, сотскіе, земскіе дьяки, цѣловальники, пятидесятскіе и десятскіе. Цѣловальники фигурировали въ качествѣ помощниковъ старостъ и сотскихъ, а пятидесятскіе и десятскіе—въ качествѣ низшихъ органовъ. Всѣ они избирались населеніемъ на мірскихъ сходахъ изъ лучшихъ людей и отправляли свои функціи въ земской избѣ, Сохранились извѣстія также и объ особомъ мірскомъ совѣтѣ. контролировавшемъ дѣйствія выборныхъ органовъ и въ составъ котораго входили прежнія (отслужившія свой срокъ) должностныя лица и нѣкоторые изъ членовъ общины. Функціи названныхъ должностныхъ лицъ были административно-судебныя. Такъ, имъ принадлежали обширныя права въ области финансоваго управленія, а именно: они завѣдывали разверсткою податей, для чего все населеніе волости или посада дѣлилось по своему имущественному состоянію на три разряда: лучшихъ, среднихъ и молодшихъ; затѣмъ они собирали подати и доставляли ихъ правительственнымъ органамъ. Наконецъ, имъ принадлежали полицейскія функціи и они отправляли судъ (по Судебнику) по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, пользуясь правомъ приговаривать даже къ смертной казни. Избирались обыкновенно названныя должностныя лица на годъ.

б) *Губное управленіе.* Губное управленіе было введено въ серединѣ XVI ст. губными грамотами также по просьбѣ самого населенія, затѣмъ подтверждено Уставной книгой Разбойнаго приказа и Уложеніемъ, ко времени котораго оно достигло апогея своего развитія. Округомъ этого управленія являлась губа, совпадавшая въ XVII ст. съ уѣздомъ. Что касается до круга лицъ, въ предѣлахъ котораго оно было введено, то здѣсь нужно различать XVI ст. отъ XVII ст. Въ XVI ст. губное управленіе вводилось въ предѣлахъ того сословія или чина, которые объ

этомъ просили (напримѣръ, дворяне и дѣти боярскія, посадскіе, крестьяне). Напротивъ, въ XVII ст. оно стало всесословнымъ и вводилось въ предѣлахъ уѣзда для всего населенія. Органами его были губные головы или старосты, цѣловальники и дьяки, выбиравшіеся *всѣмъ* населеніемъ: старосты изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ—добрыхъ, прожиточныхъ, отставленныхъ отъ службы и грамотныхъ, цѣловальники и дьяки изъ тяглыхъ людей. Такимъ образомъ губные выборы были всесословны (единственный случай въ Московскомъ государствѣ). По окончаніи выборовъ, составлялся протоколъ, подписывавшійся избирателями, въ виду отвѣтственности ихъ за дѣйствія губныхъ органовъ. Затѣмъ старосты отправлялись въ Москву, гдѣ должны были явиться въ Разбойный приказъ, принести присягу и получить наказную память, т. е. инструкцію. Компетенція губныхъ учрежденій постоянно расширялась; первоначально они вѣдали однѣ разбойныя дѣла, затѣмъ стали вѣдать всѣ болѣе или менѣе важныя уголовныя дѣла. Кромѣ того, имъ принадлежали полицейскія функціи (полиція безопасности) и завѣдываніе тюрьмами, для чего населеніе избирало особыхъ тюремныхъ сторожей. Въ случаѣ бѣгства преступника изъ тюрьмы и вчиненія иска о вытѣ, т. е. объ удовлетвореніи пострадавшаго отъ преступленія, отвѣчали губные органы, а за ихъ несостоятельностью—избиратели.

Значеніе губныхъ учрежденій было значительно умалено Новоуказными статьями о татебныхъ и разбойныхъ дѣлахъ 1669 г., когда правительство учредило особый институтъ сыщиковъ. Послѣдніе назначались правительствомъ, и всѣ функціи губныхъ старостъ должны были перейти къ нимъ. Что касается до первыхъ, то, хотя они по прежнему избирались населеніемъ, но роль ихъ значительно измѣнилась, вслѣдствіе подчиненнаго положенія по отношенію къ сыщикамъ (губные старосты должны были находиться „въ послушаніи“ у сыщиковъ) и уничтоженія губныхъ цѣловальниковъ, замѣненныхъ губными дьячками, также назначаемыми правительствомъ. До чего была обширна власть сыщиковъ, показываетъ уже тотъ фактъ, что они не только являлись начальниками губныхъ старостъ въ административномъ отношеніи, но и вѣдали ихъ, какъ судьи въ гражданскихъ дѣ-

лахъ. Тюремное управленіе, построенное, какъ мы видѣли, на выборномъ началѣ, было отмѣнено и перешло непосредственно въ руки правительства. Окончательно губныя учрежденія были уничтожены Петромъ I въ 1702 г.

в) *Вѣрное управленіе.* Подъ вѣрнымъ управленіемъ понималось управленіе таможенными и кабацкими сборами, сдававшимися на вѣру особымъ выборнымъ лицамъ. Эти послѣднія, подъ названіемъ головъ и цѣловальниковъ, избирались посадскими изъ своей среды, причемъ всякіе недоборы взыскивались съ избирателей. Функціи названныхъ выборныхъ должностей заключались въ завѣдываніи таможнями, въ осмотрѣ товаровъ, во взиманіи пошлинъ, въ преслѣдованіи контрабанды, въ куреніи вина, въ управленіи кружечными дворами (т. е. питейными домами) и въ продажѣ на нихъ спиртныхъ напитковъ. Вѣрные головы и цѣловальники избирались на опредѣленный срокъ и обязаны были представлять отчеты о своей дѣятельности. Иногда таможенные и кабацкіе сборы сдавались имъ на откупъ, и тогда вся прибыль отъ таможенъ и кабаковъ шла въ ихъ пользу.

Г. Отрасли управленія.

а) *Финансовое управленіе.* Источниками доходовъ въ Московскомъ государствѣ были регаліи (впрочемъ, только одна—питейная), пошлины и налоги (косвенные и прямые). Куреніе и продажа вина считалось привилегіей государства, почему частнымъ лицамъ было строго воспрещено заниматься этимъ дѣломъ. Однако, несмотря на доходность питейной регаліи, правительство, руководствуясь религіозно-нравственными соображеніями, ограничивало до нѣкоторой степени потребленіе вина. Такъ, въ посты и постные дни вино не продавалось, затѣмъ въ остальное время продажа вина продолжалась только въ опредѣленные часы, наконецъ, одному человѣку болѣе одной чарки вина продавать было воспрещено. Самые кружечные дворы устраивались только въ большихъ городахъ и селахъ. Однако, несмотря на всѣ эти мѣры, пьянство, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ иностранцы бывавшіе въ то время въ Россіи, было крайне распространено въ народѣ.

Вторымъ источникомъ доходовъ являлись пошлины, число которыхъ было огромно. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены судебныя пошлины, напр., хоженое и ѣздовое (взимавшееся въ пользу недѣльщиковъ и ѣздоковъ, вызывавшихъ отвѣтчика въ судъ), желѣзное (взимавшееся въ случаѣ заключенія отвѣтчика въ кандалы), съ выдачи разныхъ грамотъ (напр., правой, безсудной и т. п.) и др. Кромѣ судныхъ пошлинъ, были еще пошлины дорожныя (мытъ, мостовщина, за перевозъ), отъ уплаты которыхъ освобождались служилые люди, что составляло ихъ привилегію, затѣмъ писчія (напр., при продажѣ лошадей и холоповъ), явка (обязательная для купца, привозившаго въ городъ товаръ для продажи; въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ „явиться“ по начальству и уплатить пошлину) и др.

Третью категорію источниковъ доходовъ составляли налоги, бывшіе косвенными и прямыми. Къ косвеннымъ налогамъ относились торговыя пошлины, взимавшіяся съ продавца и съ покупателя. Торговыхъ пошлинъ было не мало, причемъ даже предметы первой необходимости, напр., соль, нерѣдко облагались ими. Со времени изданія Новоторговаго устава 1667 г. была сдѣлана попытка замѣнить пошлины однимъ сборомъ (10 денегъ съ рубля), при чемъ сборъ взимался только съ продавца. Что касается до прямыхъ налоговъ, то и ихъ было не мало. Важнѣйшими нужно считать стрѣлецкія деньги, шедшія на содержаніе стрѣльцовъ, сборъ, установленный вмѣсто корма и носившій названіе „за намѣстничъ кормъ“, ямскія деньги (шедшія на содержаніе ямовъ, т. е. почтовыхъ станцій), полоняничныя деньги (взимавшіяся для выкупа плѣнныхъ), данныя деньги (бывшая татарская дань, шедшая теперь въ пользу государевой казны), сборъ на жалованье служилымъ людямъ и др. Наконецъ, въ экстренныхъ случаяхъ устанавливались чрезвычайные налоги на военныя нужды, такъ называемая, пятая или десятая деньга, т. е. 20 или 10 процентовъ съ имущества каждаго (этотъ сборъ, имѣвшій характеръ подоходнаго налога, устанавливался въ большинствѣ случаевъ съ согласія земскихъ соборовъ, нерѣдко спеціально для этого созывавшихся).

Разверстка податей или „разводы“ и „разрубы“ или „раз-

меты", по терминологіи того времени, происходила слѣдующимъ образомъ. Разводъ, т. е. распредѣленіе извѣстной суммы денегъ, долженствующей быть собранной съ уѣзда, производился по волостямъ, что составляло первый актъ разверстки. Затѣмъ, распредѣленная сумма „разрубалась" или „разметывалась" въ предѣлахъ волости между плательщиками „по животамъ и промысламъ", „чтобы богатые и полные люди передъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были", для чего все населеніе дѣлилось на три разряда: лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Разрубались налоги обыкновенно выборными волостными и посадскими органами (старостами, сотскими, цѣловальниками) или особыми „окладчиками", избиравшимися на этотъ случай. Мѣрой обложенія считалась соха, объемъ которой былъ различенъ, смотря, во-первыхъ, по качеству земли и, во-вторыхъ, по принадлежности ея. Въ первомъ случаѣ земли дѣлились на „добрыя", „среднія" и „худыя", причемъ доброй земли клалось въ соху меньше, чѣмъ средней, а тѣмъ болѣе худой, такъ что объемъ сохи доброй земли былъ гораздо меньше, чѣмъ объемъ сохи худой земли. Во второмъ случаѣ земли дѣлились на черныя (принадлежавшія тяглымъ людямъ), монастырскія, дворцовыя и служилыя, причемъ сохи черныхъ земель были меньше сохъ остальныхъ земель (сохи служилыхъ земель были самыя большія, въ виду привилегій служилыхъ людей, освобожденныхъ отъ многихъ податей и сборовъ). Съ 1679 г. мѣрой обложенія сталъ дворъ, а не соха, впрочемъ, разверстка попрежнему производилась „по животамъ и промысламъ", т. е. не поровну на каждый дворъ, а сообразно съ имущественной состоятельностью двора. Изъ сказаннаго видно, что податными классами были тяглые люди, т. е. крестьяне (свободные и крѣпостные) и посадскіе. Духовныя же лица и служилый классъ, хотя и платили нѣкоторые сборы со своихъ земель, считались бѣломѣстцами и въ разрядъ тяглыхъ не входили. Кромѣ того, многія лица (физическія и юридическія) совсѣмъ освобождались отъ всякихъ сборовъ на основаніи, такъ называемыхъ, тарханныхъ грамотъ, что хотя и было запрещено по Царскому Судебнику (1550 г.), но существовало на практикѣ и послѣ Судебника.

б) *Военное управленіе.* Войско Московскаго государства дѣлилось на четыре разряда. Первымъ разрядомъ было народное ополченіе, въ составъ котораго входили, такъ называемые, даточные люди, поставлявшіеся духовными лицами, монастырями, тяглыми людьми и служилыми людьми, не могшими лично отбывать воинскую повинность, или ихъ вдовами и дочерьми, владѣвшими помѣстьями. Количество даточныхъ людей разлагалось на сохи. Второй разрядъ войска составляли служилые люди, именно дворяне и дѣти боярскія, владѣвшіе помѣстьями и вотчинами. Каждый служилый человѣкъ, смотря по той статьѣ, къ которой онъ принадлежалъ, долженъ былъ приводить съ собой на службу опредѣленное число вооруженныхъ людей, доходившее иногда до нѣсколькихъ десятковъ. Третій разрядъ составляло постоянное войско. Сюда слѣдуетъ причислить стрѣльцовъ, впервые возникшихъ при Василіи III и окончательно организованныхъ при Иванѣ IV. Стрѣльцы являлись военными поселянами и составляли пѣхоту. они селились слободами вокругъ городовъ и получали пашни, которыми владѣли на общинномъ (т. е. какъ крестьяне), а не на помѣстномъ правѣ. Званіе стрѣльца считалось наслѣдственнымъ. Стрѣлецкое войско было уничтожено Петромъ послѣ второго мятежа, произведеннаго стрѣльцами, ставшими въ концѣ XVII ст. разыгрывать въ Москвѣ роль римскихъ преторіанцевъ. Кромѣ стрѣльцовъ, въ составъ постояннаго войска входили рейтары (конница, организованная на западно-европейскій образецъ), солдаты (пѣхота), пушкари (артиллерія), къ которымъ относились воротники и затинщики (крѣпостная артиллерія) и казаки, пользовавшіеся въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ полнѣйшимъ самоуправленіемъ (напр., донскіе, терскіе, яицкіе и др. казаки) и обязанные защищать предѣлы государства, за что получали особое государево жалованье, высылавшееся къ нимъ ежегодно. Наконецъ, послѣдній разрядъ составляли служилые иностранцы и инородцы (въ особенности татары).

Въ Московскомъ государствѣ начинаетъ входить въ употребленіе иностранный строй и иностранные военные порядки, такъ, въ царствованіе В. И. Шуйскаго (въ 1607 г.) былъ на-

чатъ составленіемъ на основаніи нѣмецкихъ уставовъ первый воинскій уставъ, окончательно составленный при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1621 г. [1]).

Военной же реформой занималось правительство и въ 1682 г., пересматривая названный уставъ. Въ концѣ XVII ст. появляются чины: генерала, полковника и др. Однако, вплоть до Петра русское войско въ цѣломъ не было построено на западноевропейскій ладъ и только съ этого государя у насъ появилась настоящая армія.

---

[1]) Онъ назывался уставомъ „ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ" и былъ составленъ по иниціативѣ извѣстнаго полководца М. В. Скопина-Шуйскаго (см. Бобровскаго Переходъ Россіи къ регулярной арміи, стр. 131).

Уголовное право.

1. Ученіе о преступленіи.

Преступленіе трактуется въ памятникахъ московскаго періода различно, смотря потому, къ XVI или къ XVII ст. они относятся. Такъ, въ Судебникахъ господствуетъ прежняя матеріальная точка зрѣнія: преступленіе, это—„лихое“ дѣло, т. е. дѣяніе вредоносное, приносящее вредъ или обществу, или частному человѣку. Напротивъ, Уложеніе разсматриваетъ преступленіе съ чисто формальной стороны, а именно: всякое преступное дѣяніе есть прежде всего нарушеніе закона и непослушаніе царской волѣ. Господствомъ этой точки зрѣнія объясняется наказуемость многихъ, по существу своему совершенно безразличныхъ, дѣяній (напр., куреніе табаку).

Что касается до состава преступленія, то по Уложенію субъектомъ преступленія можетъ быть одно или нѣсколько лицъ. Оно знаетъ какъ главныхъ виновниковъ, такъ и второстепенныхъ; главные дѣлятся на двѣ категоріи: на физическихъ и интеллектуальныхъ. Въ отношеніи наказанія Уложеніе не дѣлаетъ между ними различія. Такъ, ст. 19 XXII гл. гласитъ: „а будетъ кто надъ кѣмъ учинитъ смертное убійство по чьему наученію, а сыщется про то допряма, и того, кто на смертное убійство научалъ и кто убилъ, обѣихъ казнить смертію же“. Даже, если физическимъ виновникомъ является холопъ, совершившій преступленіе по приказанію своего господина, то и въ такомъ случаѣ онъ подлежитъ наказанію, хотя, впрочемъ, болѣе мягкому, чѣмъ если бы то же преступленіе совершилъ исключительно по своей иниціативѣ. Въ одномъ только случаѣ дѣлается различіе въ отношеніи наказанія физическаго и интеллектуальнаго виновника и то не въ пользу перваго. А именно: ст. 12 X гл. предписываетъ наказывать дьяка и подъячаго, если первый предпишетъ второму „судное дѣло написати не такъ, какъ въ

судѣ было", при чемъ дьякъ карается кнутомъ, а у подъячаго отсѣкается рука. Такимъ образомъ, физическій виновникъ (подъячій, находящійся въ подчиненномъ положеніи у дьяка) наказывается значительно строже интеллектуальнаго виновника (дьяка). Второстепенныхъ виновниковъ Уложеніе дѣлитъ на двѣ категоріи. Такъ, сюда относятся пособники и прикосновенные къ преступленію. Пособники, или по Уложенію товарищи, иногда наказываются легче главныхъ виновниковъ, иногда наравнѣ съ ними, напр., по ст. 198 X гл. убійца подлежитъ смертной казни, товариши же его наказанію кнутомъ и ссылкѣ; напротивъ, по ст. 63 XXI гл. пособники въ разбоѣ наказываются совершенно одинаково съ главными виновниками. Что касается до прикосновенныхъ къ преступленію, то Уложеніе знаетъ нѣсколько ихъ видовъ, напр.: попустители, неоказавшіе помощи, укрыватели, пристанодержатели, недоносители и др., которые караются или слабѣе главныхъ виновниковъ, или одинаково съ ними.

Преступное дѣйствіе разсматривается въ памятникахъ московскаго періода какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны. Уже Судебники знаютъ различеніе дѣяній по степени участія въ нихъ воли, раздѣляя ихъ на умышленныя и безъ злого умысла или „безхитростныя" дѣянія (послѣднія не подлежатъ наказанію). Уложеніе же различаетъ случайное, неосторожное и умышленное дѣяніе, хотя въ частности анализируетъ эти три вида дѣянія крайне неточно. Такъ, въ немъ сплошь да рядомъ встрѣчаются смѣшенія понятій случайнаго и неосторожнаго дѣянія. Какъ то, такъ и другое дѣяніе Уложеніе считаетъ ненаказуемыми, но иногда за неосторожное дѣяніе, какъ бы въ видѣ исключенія, полагается наказаніе. Для примѣра можно привести ст. 223 X гл., въ которой говорится, что „будетъ кто по недружбѣ учнетъ въ чьемъ лѣсу на станѣхъ огонь класти и отъ этого въ томъ лѣсу учинится пожаръ, или въ чьемъ лѣсу пожаръ учинится отъ конскихъ или иныя животны отъ пастуховъ небреженьемъ..... и съ суда сыщется про то допряма, что такой пожаръ отъ кого учинится нарочнымъ дѣломъ или пастуховымъ небреженіемъ, и на тѣхъ людяхъ за такое пожарное раззореніе взяти пеня, что государь укажетъ, а истцу велѣть на нихъ до-

правити убытки по сыску". Такимъ образомъ, виновный въ неосторожномъ дѣйствіи (пастухъ) наказывается штрафомъ. Въ этой статьѣ имѣется слѣдующая странность: неосторожное дѣйствіе наказывается такъ же, какъ и умышленное, потому что штрафу подвергаются одинаково какъ пастухъ, сжегшій лѣсъ по неосторожности, такъ и тотъ, кто поджегъ лѣсъ по недружбѣ. Умышленныя дѣянія разработаны Уложеніемъ въ высшей степени слабо, хотя оно и отличаетъ ихъ отъ дѣяній непредумышленныхъ. Такъ, по ст. 72 XXI гл. отличается убійство „съ умышленіемъ", наказуемое смертною казнью, по ст. 4 II гл. отличается поджогъ „съ умышленіемъ", по ст. 281 и др. X гл. отличается вредъ, нанесенный кому-либо „нарочнымъ дѣломъ", „хитростью" и т. п. Умышленное дѣяніе всегда подлежитъ наказанію.

При разсмотрѣніи преступнаго дѣйствія съ внѣшней стороны, Уложеніе различаетъ голый умыселъ, покушеніе и совершеніе преступленія. Голый умыселъ наказывается только въ двухъ случаяхъ, а именно: въ области государственныхъ преступленій (ст. 1 II гл. гласящая: „кто учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло... а такого по сыску казнить смертью") и при умышленіи холопа совершить преступленіе противъ жизни своего господина (ст. 8 XXII гл., гласящая: „а будетъ чей-нибудь человѣкъ помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или противъ его вынетъ какое оружіе, хотя его убить, и ему за такое его дѣло отсѣчь рука"). Что касается до покушенія, то оно всегда влечетъ за собою наказаніе. „А будетъ кто, читаемъ въ ст. 4 III гл., при государѣ вынетъ на кого какое-нибудь оружіе, а не ранитъ и не убьетъ, и того казнить, отсѣчь рука". Совершеніе преступленія, само-собою разумѣется, Уложеніе всегда наказываетъ.

Московскому періоду извѣстны какъ обстоятельства, увеличивающія, такъ и обстоятельства, смягчающія наказаніе. Къ первымъ относятся: повтореніе преступленія, совершеніе преступленія завѣдомо лихимъ человѣкомъ, мѣсто совершенія преступленія и общественное положеніе преступника. Повтореніе преступленія (рецедивъ) значительно усиливаетъ наказаніе. Такъ, по Судебникамъ первая кража карается кнутомъ, вторая же вле-

четъ за собою уже смертную казнь. По Уложенію смертной казнью карается третья кража (первая кража наказывается кнутомъ, отрѣзаніемъ лѣваго уха, двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и ссылкою въ украйные города; вторая кража—кнутомъ, отрѣзаніемъ праваго уха, четырехлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и ссылкою въ украйные города) и второй разбой. Признаніе обвиняемаго на повальномъ обыскѣ вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ всегда влечетъ для него усиленіе наказанія. Такъ, воръ или разбойникъ, хотя бы и обвиняемый въ первой кражѣ или въ первомъ разбоѣ, какъ извѣстно, невлекущими за собою смертной казни, все-таки же предается ей, разъ будетъ признанъ вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ (ст. 41 XXI гл.). О мѣстѣ совершенія преступленія, какъ объ обстоятельствѣ, увеличивающемъ наказаніе, говоритъ III гл. Уложенія. На основаніи многихъ статей этой главы преступленіе, совершенное, напр., на государевомъ дворѣ, наказывается значительно строже, чѣмъ то же преступленіе, но совершенное въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, объ общественномъ положеніи преступника, какъ объ обстоятельствѣ, усиливающемъ (а иногда и уменьшающемъ) наказаніе, мы встрѣчаемъ указаніе въ X гл. Такъ, на основаніи ст. 5 этой главы за умышленное неправосудіе судья, кромѣ штрафа, подлежитъ еще слѣдующему наказанію: если онъ изъ думныхъ людей, то лишается чести, если же изъ другихъ чиновъ, то наказывается кнутомъ. Точно также на основаніи ст. 16 той же главы дьякъ и подъячій за умышленную волокиту съ цѣлью вымогательства взятокъ наказывается: дьякъ—батогами, а подъячій—кнутомъ (т. е. болѣе сильно).

Къ обстоятельствамъ, смягчающимъ наказаніе, Уложеніе относитъ опьяненіе. Такъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ XXI гл. убійство въ состояніи опьяненія противополагается убійству съ умысломъ. Преступникъ, совершившій убійство „пьянымъ дѣломъ, а не умышленіемъ“, наказывается не такъ строго, какъ совершившій умышленное убійство. Въ одной только ст. 17 XXII гл. опьяненіе приравнивается умыслу и то только потому, что совершается сознательно для бодрости при совершеніи преступленія.

Къ обстоятельствамъ, совершенно освобождающимъ отъ наказанія, Уложеніе относитъ состоянія необходимой обороны и крайней необходимости. Необходимую оборону Уложеніе допускаетъ въ весьма широкомъ смыслѣ, признавая ее при нападеніи на жизнь, здоровье и имущество и совершенно не требуя соразмѣрности средствъ обороны съ цѣлями нападенія. Такъ, на основаніи ст. ст. 88 и 89 XXI гл. Уложеніе дозволяетъ убіеніе вора не только съ поличнымъ въ домѣ, но и во время погони за нимъ, когда онъ начнетъ сопротивляться. Мало того, необходимая самооборона можетъ имѣть мѣсто не только въ случаѣ беззащитности обороняющагося со стороны закона, но и тогда, когда обороняющійся имѣетъ всѣ средства обратиться къ помощи закона; такъ, Уложеніе дозволяетъ убіеніе нападающаго въ судѣ, въ присутствіи судей, если послѣдній заведетъ драку съ обороняющимся (ст. 105 X гл.). Необходимая оборона можетъ имѣть мѣсто не только при защитѣ своихъ правъ, напр., жизни, имущества и т. п., но и при защитѣ чужихъ правъ, напр., своего сосѣда или господина, даже въ томъ случаѣ, если лицо защищаемое (сосѣдъ, господинъ) было стороною нападающей (ст. 16 и 22 XXII гл.). Что касается до состоянія крайней необходимости, то вопросъ о немъ едва затронутъ Уложеніемъ. Такъ, по ст. 283 X гл. дозволяется безнаказанное истребленіе чужихъ животныхъ, при нападеніи со стороны послѣднихъ.

Московскому періоду извѣстно много отдѣльныхъ родовъ и видовъ преступнаго дѣянія. Эти роды слѣдующіе: преступленія противъ вѣры, преступленія государственныя, преступленія противъ частныхъ лицъ и преступленія противъ правъ семейства и нравственности. Въ свою очередь эти роды преступленія подраздѣляются еще на отдѣльные виды, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и приступимъ.

Уложеніе было первымъ свѣтскимъ законодательнымъ памятникомъ, поставившимъ у себя на первое мѣсто преступленія противъ *вѣры*. До него этотъ родъ преступленій вѣдался исключительно однимъ церковнымъ законодательствомъ, свѣтскіе же памятники, напр., Судебники, ни единымъ словомъ не упоминали о немъ. Къ преступленіямъ противъ вѣры Уложеніе относитъ

слѣдующіе виды преступныхъ дѣяній. Во-первыхъ, богохульство, т. е. хула на христіанскую святыню, а именно: I. Христа, Богородицу, Св. крестъ и святыхъ. Субъектомъ этого преступленія могъ быть не только православный, но и иновѣрецъ. Наказаніе, положенное за богохульство, была смертная казнь черезъ сожженіе (ст. 1 I гл.). Во-вторыхъ, совращеніе изъ православія въ мусульманство посредствомъ насилія или обмана, при чемъ совратитель карался сожженіемъ, а совращенный отсылался къ епископу для наставленія въ вѣрѣ (ст. 24 XXII гл.). Въ-третьихъ, церковный „мятежъ", т. е. перерывъ литургіи, что наказывалось „смертью безо всякія пощады" (ст. 2 I гл.). Объ остальныхъ видахъ преступленій противъ вѣры Уложеніе умалчиваетъ, но они извѣстны другимъ законодательнымъ памятникамъ и практикѣ. Таковыми были: ереси и расколъ (первыя карались на основаніи приговора церковнаго собора 1504 г. сожженіемъ, урѣзаніемъ языка и тюремнымъ заключеніемъ, смотря по степени виновности; второй — жестоко преслѣдовался правительствомъ, примѣнявшимъ къ его адептамъ всѣ виды наказаній, извѣстныхъ тому времени), волхованіе и чародѣяніе (каравшееся въ Россіи значительно мягче, чѣмъ въ Западной Европѣ, безпощадно сжигавшей на кострахъ десятки и сотни колдуновъ); несоблюденіе церковныхъ обрядовъ, напр., исповѣди, причащенія и т. п.; насильственное обращеніе въ православіе (что неоднократно запрещалось въ наказахъ воеводамъ).

Государственныя преступленія дѣлились на много видовъ преступныхъ дѣяній. Здѣсь на первомъ мѣстѣ, конечно, будутъ преступленія *политическія*. Уже Судебники говорятъ о крамолѣ (измѣнѣ, при чемъ Царскій Судебникъ знаетъ особый видъ ея — сдача города непріятелю), Уложенію же извѣстны слѣдующіе виды названныхъ преступленій: преступленія противъ жизни и здоровья государя (оскорбленіе величества дѣломъ), караемыя смертью (ст. 1 II гл.), заговоръ и бунтъ, для наличности которыхъ требуются преступное сообщество и сборъ вооруженныхъ людей, имѣющихъ цѣлью ниспроверженіе верховной власти или органовъ управленія (ст. 2, 20 и 21 II гл.) и измѣна, напр.: сдача города непріятелю, преступныя сношенія съ нимъ, бѣгство въ

его землю или войско и т. п. (ст. 2 и 3 II гл. и ст. 20 VII гл.). Политическія преступленія карались смертною казнью и конфискаціей имущества, при чемъ умыселъ не отличался отъ покушенія и совершенія преступленія, а второстепенные виновники отъ главныхъ. Мало того, родственники преступника (даже самые близкіе, напр., родители или дѣти), разъ они знали о преступленіи и не донесли, также карались смертью.

Другой видъ государственныхъ преступленій составляютъ преступленія противъ порядка управленія и суда. О преступленіяхъ *противъ порядка управленія* говорится въ нѣсколькихъ главахъ Уложенія, такъ, X гл. перечисляетъ нѣсколько случаевъ сопротивленія властямъ при исполненіи ими своихъ обязанностей (напр., сопротивленіе со стороны отвѣтчика приставу или недѣльщику); гл. IV говоритъ о составленіи фальшивыхъ грамотъ, актовъ и др. бумагъ, а также о составленіи фальшивыхъ подписей и о поддѣлкѣ печатей; гл. VI упоминаетъ о самовольномъ проѣздѣ за границу, т. е. безъ полученія установленнаго на этотъ счетъ паспорта (проѣзжей грамоты). Къ этому же виду государственныхъ преступленій можно отнести и преступленія противъ доходовъ и имущества казны, а именно: дѣланіе фальшивой монеты и корчемство. Поддѣлка монеты влекла за собою смертную казнь чрезъ залитіе горла расплавленнымъ металломъ; что же касается до корчемства, то подъ нимъ понималось самовольное винокуреніе и продажа вина (не на кружечныхъ дворахъ), при чемъ субъектами преступленія признавались не только продавцы („корчемники“) и производители вина, но также и потребители („питухи“). Наказаніе постоянно увеличивается, смотря по тому, сколько разъ преступникъ обвинялся въ корчемствѣ (Уложеніе говоритъ о четырехъ разахъ).

Къ преступленіямъ *противъ суда*, иначе говоря, противъ судебной власти Уложеніе относитъ ложную присягу, ложное свидѣтельство и ябедничество, т. е. ложное челобитіе и ложный доносъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ разныхъ статьяхъ Уложенія караются различно (такъ, лжеприсяга по ст. 27 XI гл. карается кнутомъ и двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ, по ст. 10 XIV гл. — пятилѣтней церковной эпитиміей и урѣзаніемъ языка); также

встрѣчаются различныя наказанія за ябедничество, что объясняется неумѣніемъ составителей Уложенія согласовать разныя постановленія источниковъ, надъ которыми имъ пришлось оперировать.

Третій видъ государственныхъ преступленій составляютъ преступленія противъ *общаго благоустройства и благочинія*. Сюда относятся слѣдующія преступленія: нарушенія правилъ касательно путей сообщенія (напр., обложеніе дорожными пошлинами лицъ, пользующихся привилегіей не платить ихъ, недозволенное установленіе новыхъ мытовъ, перевозовъ и мостовъ съ цѣлью взиманія съ нихъ дорожныхъ пошлинъ въ свою пользу, неисправное содержаніе путей сообщенія и т. п.), пристанодержательство, укрывательство бѣглыхъ недозволенная запись въ закладъ за кого бы то ни было и т. п.

Четвертый видъ государственныхъ преступленій составляютъ преступленія *по службѣ*, а именно: лихоимство (взяточничество), умышленное неправосудіе, подлоги по службѣ и разныя преступленія, совершенныя лицами, находящимися на военной службѣ.

Весьма важный отдѣлъ преступленій составляютъ преступленія противъ *частныхъ лицъ*. Они дѣлятся на слѣдующія категоріи: преступленія противъ жизни, противъ тѣлесной неприкосновенности, противъ чести и противъ имущественныхъ правъ.

Къ преступленіямъ противъ *жизни* относится *убійство*, которое по Уложенію можетъ быть простое и квалифицированное. Первое наказывается смертною казнью, хотя, впрочемъ, Уложенію извѣстно нѣсколько случаевъ, когда убійство совсѣмъ не карается, напр.: при убійствѣ татя съ поличнымъ, при убійствѣ измѣнника, при убійствѣ, совершенномъ въ состояніи необходимой обороны и т. п. Подъ квалифицированнымъ убійствомъ Уложеніе понимаетъ болѣе тяжкій видъ убіиства, влекущій за собою повышеніе наказанія. Сюда относятся слѣдующіе случаи убійства: отцеубійство, т. е. убійство родителей со стороны дѣтей, караемое смертною казнью „безо всякія пощады“ (но убійство дѣтей со стороны родителей карается только тюремнымъ заключеніемъ на годъ и церковнымъ покаяніемъ, впрочемъ, нужно замѣтить, что убійство незаконнорожденнаго ребенка всегда на-

казывалось смертью), убійство женою мужа, каравшееся зарытіемъ виновной въ землю (но женоубійство каралось смертью только въ томъ случаѣ, когда мужъ убивалъ жену „не за великое дѣло“) и убійство господина холопомъ, даже покушеніе на которое наказывалось отсѣченіемъ руки

Преступленія противъ *тѣлесной неприкосновенности* дѣлятся по Уложенію на двѣ категоріи. Къ первой будутъ относиться увѣчья, раны и другія поврежденія, ко второй—побои. За увѣчье виновный наказывался такимъ же увѣчьемъ. „А будетъ кто, говоритъ Уложеніе, учинитъ надъ кѣмъ-нибудь мучительское наругательство: отсѣчетъ руку или ногу, или носъ, или ухо, или губы отрѣжетъ, или глазъ выколетъ... и за такое его наругательство самому ему тоже учинить“ (ст. 10 XXII гл.). Побои наказывались жестокой торговой казнью и платою безчестья.

Уложенію извѣстны также преступленія *противъ чести*, изъ которыхъ оно говоритъ объ обидѣ и клеветѣ. Подъ обидою понимается оскорбленіе словомъ („а будетъ кто-нибудь обезчеститъ непригожимъ словомъ“, говоритъ Уложеніе), что карается штрафомъ, при чемъ размѣръ его (такъ называемое безчестье) находится въ зависимости отъ общественнаго положенія обиженнаго (лица высшихъ чиновъ получали болѣе безчестья, чѣмъ лица низшихъ чиновъ). За обиду женщины платилось двойное безчестье, а за обиду дѣвушки—вчетверо болѣе того, что бы получилъ за обиду ея отецъ (ст. 27—99 X гл.). Подъ клеветою Уложеніе понимаетъ неосновательное обвиненіе кого бы то ни было во всемъ томъ, что можетъ позорить доброе имя оклеветаннаго, напр.: обвиненіе въ какихъ-либо неблаговидныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, въ незаконности происхожденія и т. п. Уложеніе требуетъ, чтобъ виновный въ клеветѣ доказалъ на судѣ свое обвиненіе и только въ случаѣ недоказанности подвергаетъ его наказанію, т. е. двойному штрафу сравнительно со штрафомъ за обиду (ст. 280 X гл.).

Переходимъ къ обзору *имущественныхъ* преступленій и начнемъ съ татьбы или кражи. Подъ послѣдней законодательные памятники московскаго періода понимаютъ тайное похищеніе чужихъ вещей, при чемъ цѣна похищеннаго не имѣетъ никакого

вліянія на увеличеніе или уменьшеніе наказанія. Судебники и Уложеніе знаютъ нѣсколько видовъ татьбы, а именно: 1) обыкновенная татьба, при которой допускается повтореніе преступленія (по Судебникамъ—два раза, по Уложенію—три раза); 2) квалифицированная татьба, къ которой относятся: церковная татьба (святотатство), коневая татьба (кража лошади), головная татьба (кража холоповъ) и татьба съ поличнымъ (о двухъ послѣднихъ видахъ говорятъ только Судебники); квалифицированная татьба въ большинствѣ случаевъ влечетъ за собою смертную казнь; 3) татьба, наказываемая сравнительно легко, къ которой относятся: татьба овощей изъ огорода (карается „смотря по дѣлу"), татьба съ поля хлѣба или сѣна (карается кнутомъ) и татьба рыбы изъ садка (карается батогами).

Что касается до разбоя и грабежа, то Уложеніе дѣлаетъ неопредѣленное различіе между ними, вслѣдствіе чего вопросъ о томъ, что нужно понимать подъ грабежемъ, спорный. Такъ, нѣкоторые ученые считаютъ грабежъ въ противоположность татьбѣ явнымъ, но не насильственнымъ захватомъ чужого имущества, признакъ же насилія прилагаютъ къ понятію разбоя. Вопросъ этотъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшается проф. Сергѣевичемъ. По его мнѣнію, какъ грабежъ, такъ и разбой одинаково совершаются (по Уложенію) при помощи насилія, иначе говоря, признакъ насилія присущъ понятію и того и другого преступленія. Что Уложеніе считаетъ насиліе признакомъ не только разбоя, но и грабежа, видно изъ слѣдующихъ статей X, XXII и VII гл. этого законодательнаго сборника. Ст. 222 X гл. и ст. 5 XXII гл. говорятъ: „пограбить насильствомъ", затѣмъ въ ст. 30 VII гл. читаемъ: „а будетъ кто ратные люди, ѣдучи на государеву службу, учнутъ ставитися по селамъ для воровства и станутъ грабити и учинятъ *смертное убойство* или женскому полу *насильство*, или въ гумнахъ хлѣбъ потравятъ, или изъ прудовъ *насильствомъ* рыбу выловятъ, или иное какое *насильство* кому сдѣлаютъ... и тѣхъ за *смертное убойство* и за *насильство* женскому полу казнити смертью, а за иное за всякое *насильство* и за грабежъ чинити наказаніе, смотря по винѣ". Такимъ образомъ, изъ этой статьи видно, что насиліе надъ

лицомъ сопутствуетъ грабежу: „станутъ грабить и учинятъ смертное убойство“. То же слѣдуетъ изъ 32 ст. той же главы, изъ которой видно, что грабежъ точно такъ же какъ убійство и раны является слѣдствіемъ насильственнаго пріѣзда. Что касается до разбоя, то онъ, какъ видно изъ ст. 1 XXI гл., является тѣмъ же грабежомъ, только совершаемымъ людьми, для которыхъ насильственное отнятіе чужой собственности составляетъ родъ жизни. Такимъ образомъ, выводъ, къ которому пришелъ проф. Сергѣевичъ относительно различенія по Уложенію понятій разбоя и грабежа, слѣдующій: всякое насильственное отнятіе имущества, совершенное не разбойниками, есть грабежъ, такъ, Уложеніе говоритъ о грабежѣ служилыхъ людей, о грабежѣ родителей дѣтьми и т. п.—все это не промыселъ. Грабежъ, совершенный разбойниками, т. е. людьми, возведшими это дѣло въ промыселъ—есть разбой. Иначе говоря, въ разбоѣ, какъ и въ грабежѣ, есть угроза насилія и самое насиліе, но для наказуемости разбоя важно не насиліе, а то, что разбой есть промыселъ. Разбой наказывается строже татьбы. Такъ, по ст. 16 XXI гл. за него полагается отрѣзаніе праваго уха, кнутъ, трехлѣтнее тюремное заключеніе и ссылка въ украйные города. За совершеніе же этого преступленія во второй разъ полагается смертная казнь. Грабежъ карается штрафомъ, впрочемъ, квалифицированный грабежъ наказывается строже, а именно: грабежъ, совершенный служилыми людьми, влечетъ за собою наказаніе, „смотря по винѣ“ и грабежъ родителей со стороны дѣтей влечетъ за собою кнутъ.

Мошенничество, т. е. присвоеніе чужихъ вещей посредствомъ обмана, Уложеніе не опредѣляетъ, но просто говоритъ: „да и мошенникамъ чинить тотъ же указъ, что указано чинить татямъ за первую татьбу“.

Что касается до поджога, то онъ считается однимъ изъ тягчайшихъ преступленій и наказывается смертною казнью чрезъ сожженіе (впрочемъ, поджегъ лѣса и луга карается только штрафомъ).

О насильственномъ завладѣніи, истребленіи и поврежденіи чужого имущества говорится въ X и V гл. Уложенія, гдѣ перечислены нѣсколько случаевъ подобнаго преступнаго дѣянія,

напр., насильственный захватъ земли для посѣва хлѣба, порча хмѣльника, бортныхъ деревьевъ, улья, лѣса и т. п. Всѣ эти преступленія влекутъ за собою штрафъ.

Наконецъ, послѣдній видъ имущественныхъ преступленій составляетъ подметъ, о которомъ говорятъ Судебники. Подъ нимъ понималось преступное дѣяніе, заключавшееся въ подбрасываніи поличнаго, т. е. вещей, добытыхъ кражей, кому бы то ни было съ цѣлью ополиченія, т. е. обвиненія завѣдомо невиннаго человѣка въ кражѣ. Подметъ карался смертною казнью.

Послѣдній отдѣлъ преступленій составляютъ преступленія противъ *правъ семейства и нравственности*. Къ преступленіямъ противъ правъ семейства Уложеніе относитъ непочтительное отношеніе дѣтей къ родителямъ, отказъ дѣтей содержать родителей и подача жалобы на родителей со стороны дѣтей. Виновные въ этихъ преступленіяхъ подвергались „нещадному“ наказанію кнутомъ (ст. 5 и 6 XXII гл.). Изъ преступленій противъ нравственности Уложеніе говоритъ о сводничествѣ, караемомъ кнутомъ, и косвенно о блудѣ лицъ женскаго пола (ст. 25 и 26 XXII гл.). Кромѣ того, ст. 80 XX гл. разсматриваетъ какъ преступленіе связь господина съ рабою, подлежащее, впрочемъ, суду духовной власти.

II. Ученіе о наказаніи.

Наказаніе преслѣдовало въ періодѣ Московскаго Государства нѣсколько *цѣлей*, имѣя которыя постоянно въ виду, оно и вело свою борьбу съ преступленіемъ. Такою цѣлью было, напр., *возмездіе*, заимствованное, главнымъ образомъ, изъ Литовскаго статута. Возмездіе является всегда матеріальнымъ или внѣшнимъ: рукою совершено преступленіе, руку отсѣкали; преступникъ выкололъ другому глазъ, отрубилъ носъ, уши и проч. и съ нимъ при наказаніи поступали точно также; преступникъ сжегъ городъ или домъ и его сожигали. Иногда возмездіе осуществлялось страшными символами, такъ, преступникъ, мучимый жаждою корысти, поддѣлываетъ монету, подмѣшивая къ благородному металлу мѣдь, олово, свинецъ; Уложеніе, какъ бы для утоленія его

жажды, велитъ расплавленнымъ металломъ заливать ему горло. Часто въ самомъ выраженіи, которымъ назначается наказаніе, слышится желаніе осуществить возмездіе: если совершено убійство, то Уложеніе опредѣляетъ: преступника казнить смертію *же*, т. е. какъ онъ причинилъ смерть другому, такъ и ему да послужитъ смерть наказаніемъ, какъ онъ не пощадилъ жизни другаго, такъ и его казнити смертью же „безо всякія пощады".[1])

Другая цѣль наказанія, это—*устрашеніе*, присутствующее, напр., въ Уложеніи на каждомъ шагу, что видно изъ того, что Уложеніе постоянно предписываетъ наказывать преступниковъ публично, „чтобъ на то смотря, инымъ не повадно было такъ дѣлати". Эта фраза повторяется очень часто въ названномъ сборникѣ. Цѣлью устрашенія объясняется также фактъ квалификацій и публичности наказаній, постоянно имѣвшій мѣсто въ Московскомъ государствѣ. Принципъ устрашенія заимствованъ главнымъ образомъ изъ византійскаго права.

Третья цѣль наказанія, это—*обезпеченіе общества отъ преступниковъ*. Она усматривается изъ нерѣдко встрѣчающейся фразы въ московскомъ законодательствѣ, при опредѣленіи наказанія: „чтобы лихихъ людей вывести". Затѣмъ этою же цѣлью объясняется широкое распространеніе такихъ наказаній, какъ смертная казнь, пожизненная ссылка, тюремное заключеніе и изувѣчивающія наказанія. Первыя три наказанія имѣютъ въ виду истребленіе преступника и изолированіе его отъ общества; изувѣчивающія же или членовредительныя наказанія преслѣдуютъ слѣдующую цѣль: 1) сдѣлать преступника безвреднымъ на будущее время и 2) отмѣтить его особыми признаками, чтобы общество знало, съ кѣмъ имѣетъ дѣло (для этой цѣли служило, главнымъ образомъ, клеймленіе).

Четвертою цѣлью наказанія было *извлеченіе выгодъ* изъ преступника (какъ изъ его имущества, такъ и изъ труда). Этой цѣли удовлетворяли имущественныя наказанія, начиная съ конфискаціи имущества и кончая штрафами, назначаемыя въ одномъ Уложеніи до 70 разъ, а также ссылка съ цѣлью колонизаціи и

---

[1]) Есиповичъ, Журналъ мин. юстиціи 1859 г., № 7.

вообще въ производительной формѣ и употребленіе лицъ, заключенныхъ въ тюрьму, на казенныя работы („изъ тюрьмы выимая, гласитъ ст. 9 XXI Уложенія, посылатъ въ кандалахъ работать на всякія издѣлія, гдѣ государь укажетъ“)

Наконецъ, послѣдняя цѣль, преслѣдовавшаяся наказаніемъ, состояла *въ удовлетвореніи пострадавшаго* отъ преступленія, для чего служили штрафы.

Что касается до *свойства* или характерическихъ признаковъ наказанія, то ихъ было нѣсколько. Такъ, прежде всего наказаніе нерѣдко отличалось крайнею *неопредѣленностью*, а именно: законъ назначаетъ извѣстное наказаніе, но совершенно не опредѣляетъ ни рода, ни вида его, а взамѣнъ того просто говоритъ: „наказати, какъ государь укажетъ“, „наказати, смотря по винѣ“. Иногда опредѣляется родъ, но не опредѣляется видъ наказанія, напр.: предписывается „наказати смертью“, но не говорится, какимъ способомъ, или преступникъ подвергается тюремному заключенію безъ обозначенія срока, а просто „до государева указа“.

Другая особенность наказанія, это—его *жестокость*, что объясняется цѣлями устрашенія. Такъ, наказанія очень часто квалифицированы, чтобъ усилить мученія преступника и внушить страхъ другимъ. Назначая самое наказаніе, законодательные памятники, напр., Уложеніе, съ какою то жестокостью всегда прибавляютъ: „наказати нещадно“, „учинити жестокое наказаніе“, „безъ пощады“, „безо всякія милости“, „безъ милосердія“ и т. п.

Третьимъ свойствомъ наказанія является его *индивидуальность*. Уложеніе вполнѣ ее признавало и не распространяло наказанія, напр., на семью преступника, какъ то дѣлали другіе законодательные памятники. Вотъ, что гласитъ ст. 7 II гл.: „а будетъ которая жена про измѣну мужа своего или дѣти про измѣну же отца своего не вѣдали и сыщется про то допряма, что они тое измѣны не вѣдали, и ихъ за то не казнить и никакова наказанія имъ не чинить“, Такимъ образомъ, здѣсь строго проведено начало индивидуальности наказанія, что мы встрѣчаемъ и въ другихъ статьяхъ Уложенія. Однако, въ наукѣ существуетъ мнѣніе, высказанное проф. Сергѣевичемъ, будто это начало про-

ведено въ Уложеніи далеко не послѣдовательно. Названный ученый указываетъ на одну статью, по которой, если дворянинъ убивалъ чьего-либо крестьянина, то, помимо уголовнаго наказанія, долженъ былъ отдать своего лучшаго крестьянина съ женою и съ неотдѣленными дѣтьми. Для этого крестьянина (замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ) невольную перемѣну мѣстожительства можно разсматривать, какъ наказаніе, котораго онъ не заслужилъ. Онъ долженъ былъ оставить своихъ отдѣленныхъ дѣтей, родителей, братьевъ и другихъ родственниковъ и, наконецъ, то мѣсто, гдѣ онъ родился. Но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Безспорно, крестьянинъ ставился въ весьма непріятное положеніе, вслѣдствіе насильственнаго переселенія изъ одного мѣста въ другое, но наказанія съ формальной стороны онъ не несъ, такъ какъ передавался новому господину не съ цѣлью *наказанія* прежняго господина, а лишь въ видѣ *возмѣщенія убытка*, возникшаго изъ преступленія; возмѣщеніе же убытка не можетъ быть отождествляемо съ наказаніемъ. Такимъ образомъ, Уложеніе вполнѣ признаетъ индивидуальность наказанія. Однако, другіе законодательные памятники Московскаго государства, напр., указы (какъ дополнительные къ Судебнику, такъ и изданные послѣ Уложенія въ формѣ новоуказанныхъ статей) придерживаются иной точки зрѣнія и сплошь да рядомъ распространяютъ наказаніе на семью преступника. Такъ, напр., ссылка въ Сибирь или въ украинные города всегда практиковалась въ формѣ ссылки преступника вмѣстѣ съ его семьей, т. е. съ женою и дѣтьми, что объяснялось колонизаціонной цѣлью ссылки.

Послѣднее свойство наказанія—*равенство* его въ отношеніи примѣненія ко всѣмъ преступникамъ не было извѣстно московскому періоду, такъ какъ сословный духъ времени вполнѣ отражался на наказаніи. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ лица высшихъ классовъ наказывались менѣе строго, чѣмъ лица низшихъ классовъ, хотя тѣ и другія совершали одно и то же преступленіе. Такъ, по Уложенію за нанесеніе побоевъ господинъ подвергался торговой казни, т. е. публичному наказанію кнутомъ, холопъ же подлежалъ смертной казни (ст. 12 XXII гл.). Но были и такіе случаи, когда лица, низшія по своему обще-

ственному положенію, наказывались менѣе строго, чѣмъ лица высшія (ст. 5 X гл.)

Московское законодательство, хотя и знаетъ раздѣленіе наказаній и говоритъ объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ послѣднихъ, но никакой правильной классификаціи, а тѣмъ болѣе лѣстницы наказаній мы въ немъ не находимъ. Виды наказаній въ изучаемую эпоху крайне разнообразны. На первомъ мѣстѣ стоитъ *смертная казнь*, являвшаяся самымъ сильнымъ наказаніемъ, но, несмотря на это, примѣнявшаяся очень часто (по Уложенію до 60 разъ). Смертная казнь дѣлилась на простую и квалифицированную. Видами первой были: во-первыхъ, отсѣченіе головы обыкновенно топоромъ, при чемъ преступникъ клалъ голову на плаху, замѣняемую, впрочемъ иногда простымъ бревномъ; во-вторыхъ, повѣшеніе, совершавшееся на висилицѣ, имѣвшей въ большинствѣ случаевъ форму буквы П; въ-третьихъ, утопленіе, къ которому прибѣгали въ случаѣ необходимости казни надъ массами (такъ въ 1607 г. было утоплено 4000 человѣкъ) и, въ-четвертыхъ, разстрѣляніе, имѣвшее мѣсто, впрочемъ, въ довольно рѣдкихъ случаяхъ. Видами квалифицированной смертной казни были: во-первыхъ, четвертованіе, совершавшееся, по словамъ Олеарія, слѣдующимъ образомъ: сначала отрубали топоромъ правую руку подъ локтемъ, потомъ лѣвую ногу ниже колѣна, затѣмъ лѣвую руку и правую ногу и, наконецъ, голову; во-вторыхъ, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, примѣнявшееся къ фальшивымъ монетчикамъ; въ-третьихъ, окопаніе въ землю по плечи, примѣнявшееся къ мужеубійцамъ (въ такихъ случаяхъ смерть наступала черезъ нѣсколько дней; обыкновенно къ окопаннымъ приставлялась стража, обязанная смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто не кормилъ осужденныхъ); въ-четвертыхъ, посаженіе на колъ (одинъ изъ мучительныхъ видовъ смертной казни, тѣмъ болѣе, что смерть наступала только черезъ нѣсколько часовъ; иногда съ посаженнаго на колъ снимали еще допросъ); въ пятыхъ, колесованіе, появившееся въ концѣ XVII ст. и заключавшееся въ раздробленіи костей колесомъ и, въ-шестыхъ, сожженіе, производившееся на кострѣ или въ срубѣ. Послѣдствіемъ казни было лишеніе казеннаго христіанскаго погре-

бенія, оставленіе тѣла на висѣлицѣ или колесѣ, втыканіе частей тѣла на колья и т. п., что дѣлалось въ интересахъ устрашенія.

Вторымъ по тяжести наказаніемъ были *тѣлесныя наказанія*, дѣлившіяся на *членовредительныя* и *болѣзненныя*. Къ первымъ относились: отсѣченіе рукъ, ногъ и пальцевъ, отрѣзаніе ушей и языка (обыкновенно отрѣзывалась часть языка, почему наказаніе носило названіе урѣзанія языка), поротье ноздрей и клеймленіе или пятнаніе (послѣднее производилось посредствомъ раскаленнаго желѣза на щекѣ). Ко вторымъ относились наказанія *кнутомъ* и *батогами*. Первое встрѣчается въ Уложеніи до 140 разъ и было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ наказаній въ Московскомъ государствѣ. По словамъ иностранца Перри, „кнутъ состоялъ изъ толстаго крѣпкаго кожаннаго ремня, длиною около трехъ съ половиною футовъ, прикрѣпленнаго къ концу толстой палки, длиною въ два съ половиною фута, на оконечности которой придѣлано кольцо, къ которому прикрѣпленъ ремень“. По словамъ другихъ современниковъ, конецъ кнута оканчивался тремя маленькими ремнями длиною въ палецъ. Въ изучаемую эпоху практиковались три способа наказанія кнутомъ. Первый способъ состоялъ въ слѣдующемъ: преступникъ помѣщался на спинѣ помощника палача, при чемъ руки его держались помощникомъ, а ноги связывались; спина обнажалась и палачъ наносилъ по ней удары кнутомъ. Второй способъ назывался битьемъ въ проводку и заключался въ томъ, что преступника водили и били по обнаженной спинѣ. Наконецъ, третій способъ назывался битьемъ на козлѣ или кобылѣ и заключался въ томъ, что преступникъ привязывался къ особому столбу съ перекладиной и затѣмъ наказывался кнутомъ. При всѣхъ трехъ способахъ удары наносились по спинѣ, при чемъ обязанности палача были не изъ легкихъ, тѣмъ болѣе, что линія удара должна была приходиться къ линіи. Этою трудностью объясняется и медленность наказанія, такъ, по свидѣтельству Котошихина, въ часъ можно было сдѣлать только отъ 30 до 40 ударовъ. Наказаніе кнутомъ дѣлилось на простое и нещадное: разница между ними заключалась въ количествѣ ударовъ; иногда послѣднее достигало цифры трехсотъ и въ такомъ случаѣ нещадное наказаніе являлось замаскированной смертной казнью.

Наказаніе батогами состояло въ слѣдующемъ: преступника клали на землю, при чемъ одинъ изъ палачей садился на его голову, а другой на ноги и наносили ему удары особыми прутьями толщиною въ мизинецъ. По окончаніи наказанія, преступникъ долженъ былъ поблагодарить за него палачей, въ противномъ же случаѣ наказаніе продолжалось. Наказаніе батогами также дѣлилось на простое и нещадное.

Третьимъ наказаніемъ являлось *тюремное заключеніе*. Въ Уложеніи оно встрѣчается до 40 разъ. Тюремное заключеніе было срочное, при чемъ сроки варьировались (три дня, недѣля, три недѣли, мѣсяцъ, полъ-года, годъ два, три и четыре года) и безсрочное, т. е. до государева указа (иногда оно продолжалось до представленія поручительства). Что касается до устройства тюремъ, то онѣ были двухъ категорій: 1) земляныя, когда вырывалась въ землѣ яма и въ ней устраивался бревенчатый срубъ съ крышей, и обыкновенныя, состоявшія изъ избъ, помѣщавшихся посреди бревенчатаго тына.

Въ Московскомъ государствѣ господствовала система общаго заключенія, такъ какъ одиночное заключеніе примѣнялось только въ видѣ исключенія къ болѣе важнымъ преступникамъ, при чемъ члены всѣхъ сословій содержались вмѣстѣ; женщины содержались отдѣльно отъ мужчинъ. Заключенные въ тюрьму или „тюремные сидѣльцы“ до 1662 г. обязаны были сами себя содержать, неимущіе же въ числѣ двухъ, трехъ человѣкъ, въ сопровожденіи стражи, выпускались за сборомъ милостыни, которая затѣмъ дѣлилась между всѣми тюремными сидѣльцами (конечно, бѣдными). Съ 1662 г. правительство стало выдавать особое „государево жалованье“ тюремнымъ сидѣльцамъ, котораго, впрочемъ, далеко не хватало на содержаніе послѣднихъ, почему нерѣдко частныя лица по праздникамъ посѣщали тюрьмы и раздавали заключеннымъ подаянія. Не мало тюремныхъ сидѣльцевъ содержали себя ремеслами, продавая свои произведенія внѣ тюрьмы.

Заключенные въ каждой тюрьмѣ составляли общину, избиравшую изъ своей среды выборнаго старосту, бывшаго представителемъ общины при сношеніи съ правительствомъ и частными лицами и блюстителемъ порядка внутри общины. Правительство

вполнѣ признавало тюремную общину, что видно изъ фактовъ принятія имъ челобитій отъ тюремныхъ сидѣльцевъ и исполненія просьбъ этихъ послѣднихъ.

Завѣдываніе тюрьмами сосредоточивалось: въ Москвѣ—въ Земскомъ и Разбойномъ приказахъ, въ городахъ—у воеводъ и губныхъ старостъ (гдѣ они существовали). Кромѣ того, населеніе избирало изъ своей среды особыхъ тюремныхъ сторожей и цѣловальниковъ, подчинявшихся губнымъ старостамъ, при чемъ избиратели (обыкновенно тяглые люди) отвѣчали за дѣйствія этихъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Со времени изданія Новоуказныхъ статей, о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г. завѣдываніе тюрьмами перешло въ непосредственное вѣдѣніе самого правительства.

Слѣдующимъ видомъ наказанія была *ссылка*. Еще въ началѣ московскаго періода существовало, такъ называемое, „выбытіе изъ земли“, т. е. изгнаніе, замѣненное впослѣдствіи ссылкою. Въ Московскомъ государствѣ примѣненіе ссылки весьма расширяется, такъ какъ на ссылку правительство начинаетъ смотрѣть, какъ на средство колонизаціи окрайнъ государства. Такимъ образомъ, ссылка въ Московскомъ государствѣ являлась вполнѣ производительной. Мѣстомъ ссылки были, такъ называемыя, „украйныя“ мѣста, т. е. Сибирь и окрайны Европейской Россіи. Въ виду колонизаціонной цѣли ссылки, преступники ссылались съ женами и дѣтьми, не старше трехъ лѣтъ (указъ 1680 г.). Такъ продолжалось до указа 1682 г., когда велѣно было „ссылать съ дѣтьми, которыя живутъ съ ними вмѣстѣ, а не въ раздѣлѣ“.

Ссылка существовала въ трехъ видахъ, а именно: 1) *ссылка на службу*, какъ военную, такъ и гражданскую („изъ приказовъ Казанскаго и Сибирскаго, читаемъ у Котошихина, ссылаются на вѣчное житье всякаго чину люди за вины, и тѣхъ ссылочныхъ людей въ тамошнихъ городѣхъ верстаютъ въ службы, смотря по человѣку, во дворяне и въ дѣти боярскія, и въ казаки, и въ стрѣльцы“; сосланные на службу получали жалованье); 2) *ссылка въ посадъ* съ записью въ тягло, и 3) *ссылка на пашню* (ссылаемому отводился участокъ земли, при чемъ ему давалась ссуда деньгами или натурой, за что онъ отправлялъ опредѣленную барщину или, такъ называемую, десятинную пашню на государя).

Слѣдующимъ видомъ наказанія являлись *имущественныя наказанія*, а именно: 1) *конфискація имущества* („животы всѣ и дворы, и помѣстья, и вотчины имать на государя"), 2) *штрафъ въ пользу государства*, размѣръ котораго былъ крайне разнообразенъ (отъ полуполтины до 50 р. по Уложенію и до 100 р. по другимъ памятникамъ) и 3) *штрафъ въ пользу пострадавшаго*, такъ называемое, безчестье (отъ 1 рубля до 400 рублей по Уложенію).

Послѣднимъ видомъ наказанія было лишеніе *чести* и *правъ*. Впрочемъ, въ Московскомъ государствѣ этотъ видъ наказанія не былъ особенно развитъ. Сюда должны быть отнесены слѣдующія наказанія: выдача головою, т. е. публичное испрошеніе прощенія у пострадавшаго, государева опала, т. е. удаленіе отъ двора и отъ дѣлъ и невыѣздъ изъ дому до снятія опалы, лишеніе чина и отставленіе отъ должности и лишеніе права вчинять искъ.

Кромѣ перечисленныхъ свѣтскихъ наказаній, московской эпохѣ было извѣстно также и *церковное покаяніе* [1]).

[1]) Ученіе о наказаніи по памятникамъ Московскаго государства подробно разработано въ изслѣдованіи проф. Сергѣевскаго „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка".

Гражданское право.

I. Право семейственное.

Супружескій союзъ. Для установленія супружескаго союза, иначе говоря, для вступленія въ бракъ требовалась наличность извѣстныхъ условій. Среди нихъ на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ опредѣленный *возрастъ*. Изъ древнерусскихъ законодательныхъ памятниковъ (мы не говоримъ о византійскомъ правѣ) только Стоглавъ занимается этимъ вопросомъ, постановляя, что мужчины могутъ вступать въ бракъ при достиженіи ими 15 лѣтъ, а женщины при достиженіи 12 лѣтъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что на практикѣ встрѣчались и болѣе ранніе браки. Что касается до престарѣлаго предѣльнаго возраста, при достиженіи котораго бракъ возбранялся, то впервые указаніе на него мы встрѣчаемъ въ концѣ XVII ст., именно въ инструкціи патріарха Адріана поповскимъ старостамъ, по которой было воспрещено вѣнчать лицъ „престарѣлыхъ“ лѣтъ.

Вторымъ условіемъ для вступленія въ бракъ нужно считать *согласіе и волю родителей*, имѣвшихъ огромное вліяніе на судьбу своихъ дѣтей. Воля родителей совершенно подавляла волю дѣтей и браки нерѣдко заключались только, вслѣдствіе желанія родителей. Правда, церковь вооружалась противъ этого (такъ, въ печатной Кормчей читаемъ: совершающій бракъ „вѣсть пріимъ о хотящихъ браку сочетатися въ первыхъ да увѣсть... еще своимъ вольнымъ произволеніемъ, а не принужденія ради отъ родителей и сродниковъ или отъ господій своихъ... сочетатися хотятъ“), но практика игнорировала оппозицію церкви, что, впрочемъ, являлось вполнѣ естественнымъ при той огромной власти надъ дѣтьми, какая была присуща родителямъ въ московскую эпоху.

Третьимъ условіемъ было *дозволеніе начальства*: у высшихъ чиновъ—дозволеніе царя, у низшихъ—дозволеніе мѣстныхъ на-

чальниковъ, напр., намѣстниковъ, волостелей, воеводъ, которые за разрѣшеніе брака получали особую пошлину, носившую названіе „новоженнаго убруса“ и „выводной куницы“ [1]).

Вѣнчанію, какъ и въ предыдущую эпоху, предшествовало обрученіе и составленіе рядной записи, т. е. договора о приданомъ, обезпечиваемаго неустойкой („зарядъ“). Въ случаѣ отказа одной изъ сторонъ отъ брака, другая сторона, по словамъ Котошихина, имѣла право бить челомъ патріарху, который, по разборѣ дѣла, присуждалъ „по зарядным записямъ на виноватомъ взять зарядъ“. Что касается до вѣнчанія, то оно могло совершаться только по предъявленіи священнику, такъ называемой, вѣнечной памяти, т. е. грамоты, разрѣшавшей вступленіе въ бракъ и выдавшейся епископомъ со взятіемъ опредѣленной
пошлины.

Прекращался бракъ путемъ *развода*, широко практиковавшагося въ Московской Руси. Поводами къ разводу были: 1) принятіе однимъ изъ супруговъ монашества („мужъ, говоритъ Котошихинъ, найдя жену несовѣстливою или увѣчную, или самъ постригается, или умышляетъ надъ нею учинить, чтобы она постриглась: бьетъ и мучитъ всячески и вмѣстѣ съ нею не спитъ“; по указу патріарха Іокима 1681 г. было предписано: „буде жена отъ мужа пострижется, и мужу ея иныя жены не поимать; также и женамъ по постриженіи мужей своихъ не идти замужъ“), 2) безвѣстное отсутствіе, 3) неспособность мужа къ половому сожитію (впрочемъ, для развода по этому поводу требовалось обоюдное согласіе супруговъ), 4) безплодіе жены (такъ, Василій III развелся съ Соломоніей, вслѣдствіе ея безплодія), 5) болѣзнь (Симеонъ Гордой развелся со своей женой, вслѣдствіе того, что она казалась ему мертвой, когда спала), 6) прелюбодѣяніе (въ этомъ отношеніи супруги были вполнѣ равноправны и мужъ не пользовался большими правами, какъ въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ) и 7) несогласная жизнь (Котошихинъ говоритъ, что жена при дурномъ обращеніи съ нею мужа можетъ жаловаться патріарху или „боль-

[1]) „Выводная куница“ взималась въ случаѣ выхода дѣвицы за предѣлы волости или города, „новоженный убрусъ“—въ случаѣ выхода ея замужъ въ предѣлахъ той же волости или города.

шимъ властямъ", которые послѣ обыска чрезъ домашнихъ и сосѣдей, могутъ отдать мужа на полъ года въ монастырь на смиреніе; если же по возвращеніи домой мужъ „не исправится", то супруговъ разводятъ, „а животы ихъ имъ раздѣляютъ пополамъ, и до семи лѣтъ имъ: одному жениться на иной, а другой за другаго идти замужъ не повелѣно". Порядокъ совершенія развода обыкновенно былъ такой: супруги заключали между собою договоръ о разводѣ или же мужъ давалъ отпускную женѣ. Дѣла о разводѣ были подсудны церковному суду (въ большинствѣ случаевъ епископу).

Что касается до *повторенія* брака, то на этотъ счетъ существовало правило о возможности вступленія въ бракъ только три раза. Такъ, Стоглавъ даже къ третьему браку относится весьма несочуственно, допуская его только „нужды ради тѣлесныя". Четвертый же бракъ строго воспрещенъ. Стоглавъ мотивируетъ это запрещеніе слѣдующими словами Григорія Великаго „первый-бо бракъ—законъ, второй—прощеніе, третій—законопреступленіе, четвертый — нечестіе, поневеже свинское есть житіе". Впрочемъ, вплоть до Уложенія практика и свѣтское право признавали четвертые браки и считали ихъ дѣйствительными. Уложеніе запретило четвертый бракъ. „А будетъ кто, гласить ст. 15 главы XVI этого сборника, своруетъ, женится на четвертой женѣ и приживетъ съ нею дѣтей, и послѣ его той его четвертой женѣ и дѣтямъ, которыхъ приживетъ онъ съ тою четвертою женою, помѣстій его и вотчинъ не давать.

Личныя отношенія супруговъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: власть мужа и подчиненное положеніе жены. Мужъ въ качествѣ главы семьи пользовался даже правомъ наказывать жену. Такъ, въ одной поручной записи Тихвинскаго посада посадскіе ручались за одного изъ своихъ, что онъ „живучи за ихъ порукою, жену свою напрасно безвѣчить не будетъ, а жить будетъ, какъ и прочіе посадскіе живутъ, безъ всякаго воровства и усмирять жену будетъ по винѣ и по-людски, а не безвѣчіемъ". О томъ же свитедѣтельстуетъ и Домострой извѣстнаго Сильвестра; совѣтующій „вѣжливенько" стегать жену плеткой, а не увѣчить ее. Мало того, за убійство виновной жены мужъ

не подвергался смертной казни. а наказывался кнутомъ. Напротивъ, убійство мужа женою влекло за собою для виновной окопаніе въ землю по плечи, т. е. медленную смертную казнь отъ голода. Супруги обязаны были жить совмѣстно. „Гдѣ мужъ, тутъ и жена“, „кому жена, тому и мужъ“ (относительно холоповъ), говоритъ Уложеніе. „А мужики поженилися, читаемъ въ ст. 62 XX главы этого сборника, и ихъ отдать со всѣмъ, по тому по правилу св. апостолъ и св. отецъ жены съ мужемъ разводить не велѣно“.

Что касается до правъ состоянія лицъ, вступившихъ въ супружество, то бракъ производилъ въ нихъ нѣкоторое измѣненіе. Здѣсь надо различать два случая. Во первыхъ, бракъ между лицами свободныхъ состояній. По Уложенію права состоянія жены опредѣляются правами состоянія мужа. Такъ, ст. 21 XIX гл. говоритъ, что если дочь посадскаго выйдетъ замужъ за кого-либо изъ свободныхъ, то послѣдній не дѣлается посадскимъ, и не обязанъ нести тягла, а, напротивъ, жена его выходитъ изъ тяглаго класса. Изъ этого правила, впрочемъ, возможно было одно исключеніе: если свободный женился на посадской вдовѣ, покойный мужъ которой былъ записанъ въ писцовыхъ книгахъ, слѣдовательно, несъ тягло, то и свободный долженъ былъ сдѣлаться посадскимъ и тоже нести тягло, „для того говоритъ Уложеніе, что онъ поженился на тяглой женкѣ и шелъ къ ней въ домъ“ (ст. 22 XIX гл.). Во-вторыхъ бракъ между лицами свободныхъ и не свободныхъ состояній. Въ этомъ отношеніи Уложеніе придерживалось правила: „по рабѣ холопъ и по холопу раба“, т. е. права такихъ лицъ опредѣлялись по несвободному (ст. 31 XX гл.). Но и здѣсь было исключеніе: если одинъ изъ супруговъ являлся бѣглымъ, то права состоянія опредѣлялись по бѣглому [1]).

Въ сферѣ *имущественныхъ* отношеній дѣйствовали прежнія начала, т. е. жена обладала полною правоспособностью и ограниченною дѣеспособностью, вслѣдствіе своего подчиненнаго положенія въ семьѣ. Что жена пользовалась правомъ собственности и являлась субъектомъ имущественныхъ правъ, объ этомъ

[1]) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, стр. 928.

мы знаемъ изъ многихъ фактовъ. Такъ, приданое принадлежало женѣ и одной изъ цѣлей рядныхъ записей было гарантировать ей владѣніе этимъ имуществомъ. Затѣмъ до насъ дошло немало актовъ, изъ которыхъ видно, что жены продавали свое имущество мужьямъ, чего бы не могло быть, если бы онѣ не являлись собственницами своего имущества. Наконецъ, мужъ не имѣлъ права распоряжаться имуществомъ жены безъ ея согласія; такъ, указъ 1676 г. запрещаетъ мужьямъ продавать женины вотчины безъ согласія жены, а указъ 1679 г. запрещаетъ укрѣплять такіе акты въ Помѣстномъ приказѣ. Правда, жена отвѣчала за долги мужа (ст. 203 X гл. Уложенія: „послѣ умершаго долгъ платити женѣ его и дѣтямъ"), но это происходило, вслѣдствіе *личной* подчиненности жены. Впрочемъ, церковь старалась проводить въ этомъ отношеніи иныя начала, а именно о неотвѣтственности жены за долги мужа при отсутствіи поручительства съ ея стороны (рѣшеніе патріарха Никона 1657 г. по одному дѣлу).

Союзъ родителей и дѣтей. Названный союзъ могъ устанавливаться двумя способами: рожденіемъ и усыновленіемъ. Рожденіе, какъ способъ установленія союза родителей и дѣтей, должно было быть законнымъ. Незаконное рожденіе не устанавливало союза, такъ какъ незаконнорожденныя дѣти не считались дѣтьми въ юридическомъ смыслѣ. Положеніе ихъ по Уложенію крайне печально, въ виду того, что они не могли быть усыновлены, даже въ случаѣ брака ихъ родителей (ст. 280 X гл. и ст. 15 XVI гл.), кромѣ того, они лишались права наслѣдства и не получали помѣстій и вотчинъ, принадлежавшихъ ихъ родителямъ. За то, съ другой стороны, убійство незаконнаго ребенка каралось смертною казнью, какъ убійство всякаго посторонняго человѣка (напротивъ, убійство законнаго ребенка влекло за собою только тюремное заключеніе на годъ и церковное покаяніе).

Усыновленіе являлось вторымъ способомъ установленія союза родителей и дѣтей и нерѣдко совершалось путемъ договора; усыновляемый вступалъ во всѣ права законнаго ребенка.

Способами прекращенія изучаемаго союза были: 1) преступленіе (хотя не безусловно, такъ какъ нерѣдко наказаніе распространялось и на дѣтей, напр., при ссылкѣ; впрочемъ, дѣти

старше трехъ лѣтъ, а съ 1682 г. отдѣленныя дѣти не слѣдовали за отцомъ въ ссылку и для нихъ родительская власть прекращалась преступленіемъ отца); 2) поступленіе въ монашество (хотя также не безусловно, въ виду того, что родители не лишались всѣхъ своихъ правъ на дѣтей, а только ограничивались въ нихъ; такъ, по ст. 76 Царскаго Судебника они лишались права отдачи дѣтей въ холопство); 3) поступленіе въ холопство; 4) поступленіе сыновей на государственную службу и выдача дочерей замужъ.

Что касается до *личныхъ* отношеній между родителями и дѣтьми, то они выражались въ слѣдующей формулѣ: ни чѣмъ неограниченная власть родителей (въ особенности отца) и вполнѣ подчиненное положеніе дѣтей. Родителямъ принадлежали слѣдующія права по отношенію къ дѣтямъ: 1) право отдачи дѣтей въ бракъ даже помимо воли этихъ послѣднихъ; 2) право отдачи дѣтей въ монастырь („а которыя дѣвицы, говоритъ Котошихинъ, бываютъ увѣчны и стары, и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастырь безъ замужества"); 3) право отдачи въ холопство (это право практиковалось до XVII стол., въ этомъ же столѣтіи оно замѣнилось правомъ отдачи въ кабалу и въ услуженіе на урочные года, впрочемъ, только дѣтей, не достигшихъ 15 лѣтъ); 4) право наказанія, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстный Домострой, говоря: „сына ли имаши, не дошедъ внити въ юности, но сокруши ему ребра; аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здоровъ будетъ. Дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою". Также и Уложеніе предписываетъ „дѣтямъ быти у отца и матери во всякомъ послушаніи" (ст. 5 XXII гл.). По этому законодательному сборнику за убійство своихъ дѣтей отецъ или мать наказывались только годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ въ то время, какъ дѣти за убійство своихъ родителей подвергались смертной казни, а за всякій остальной проступокъ по отношеніи къ нимъ наказывались „нещадно" кнутомъ. Мало того, ст. 6 XXII гл. прямо запрещаетъ дѣтямъ жаловаться на своихъ родителей, а виновныхъ въ подобныхъ жалобахъ предписываетъ бить кнутомъ.

Имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми также выражались въ формѣ обширной власти первыхъ надъ послѣд-

ними. Правда, дѣти (въ особенности отдѣленныя) обладали своимъ имуществомъ, но интересы ихъ совершенно не были ограждены отъ нарушенія со стороны родителей. Такъ, отецъ по Уложенію имѣлъ право распоряжаться кабальными холопами своего сына и отпускать ихъ на волю по духовному завѣщанію (ст. 106 XX гл.). Затѣмъ въ области обязательнаго права дѣти также находились въ извѣстной зависимости отъ родителей. Такъ, на нихъ падала отвѣтственность по обязательствамъ, возникавшимъ по договорамъ, заключеннымъ ихъ родителями, напр., они обязывались отвѣчать за долги умершаго отца (ст. 132 и 245 X гл.). Единственно, гдѣ дѣти пользовались извѣстными правами, это— въ сферѣ помѣстныхъ отношеній, такъ какъ здѣсь были замѣшаны интересы государства, почему жалобы дѣтей въ сферѣ помѣстнаго права нерѣдко принимались правительствомъ и разрѣшались вопреки желаніямъ и интересамъ родителей.

Что касается до *опеки*, то въ памятникахъ московскаго законодательства о ней говорится не много. Такъ, по Уложенію (ст. 185 X гл.) отвѣтчикъ, находящійся въ подопечномъ состояніи, имѣетъ право просить объ отсрочкѣ судебнаго разбирательства, въ случаѣ отсутствія опекуна, называемаго Уложеніемъ родимцемъ. Затѣмъ по ст. 13 XVII гл., въ случаѣ, если старшій братъ, являющійся, такъ сказать, опекуномъ ex officio своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, растратитъ имѣющіеся у него въ общей собственности съ братьями и сестрами имущество, то послѣдніе, по достиженіи совершеннолѣтія, имѣютъ право жаловаться на него и требовать съ него вознагражденіе за свои убытки. Вотъ и все.

II. Право наслѣдственное.

Наслѣдованіе по завѣщанію. До указа 1679 г. въ отношеніи вотчинъ не существовало ограниченій: можно было завѣщать всякую вотчину, кому угодно. Единственное исключеніе изъ этого правила существовало въ Уложеніи, запретившимъ завѣщать недвижимое имущество духовнымъ лицамъ, церквамъ и монастырямъ. Указъ 1679 г., воспретилъ дѣлать завѣщательныя распо-

ряженія въ отношеніи родовыхъ и пожалованныхъ или выслуженныхъ вотчинъ, которыя могли наслѣдоваться только по закону. Такимъ образомъ, со времени этого указа можно было завѣщать только купленныя вотчины и движимое имущество. Что касается до помѣстій, то они, какъ объекты не права собственности, а владѣнія, не могли подлежать завѣщательнымъ распоряженіямъ.

Завѣщаніе или духовная грамота должна была составляться при свидѣтеляхъ, т. е. душеприкащикахъ, подписывавшихъ ее (впрочемъ, если духовная подписывалась самимъ завѣщателемъ, то подпись душеприкащиковъ не была обязательна). Затѣмъ она утверждалась епископомъ и только въ такомъ случаѣ считалась дѣйствительной. Мужъ не имѣлъ права быть душеприкащикомъ своей жены.

Наслѣдованіе по закону. Первыми наслѣдниками считались *нисходящіе*, наслѣдовавшіе какъ въ вотчинахъ, такъ и въ помѣстьяхъ. Въ вотчинахъ сыновья исключали дочерей, наслѣдовавшихъ только при отсутствіи сыновей. „А который человѣкъ, гласитъ ст. 92 Царскаго Судебника, умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери“. То же говоритъ и Уложеніе: „вотчинѣ сынъ—вотчичъ, а дочь не вотчица, покамѣстъ братья живы“ (ст. 2 XVII гл.). Въ помѣстьяхъ сыновья наслѣдуютъ по окладу (т. е. съ поступленіемъ на службу верстаются помѣстьемъ, сообразно со своимъ общественнымъ положеніемъ), дочери же получаютъ опредѣленную часть на прожитокъ (эта часть равняется половинѣ части жены, т. е. ихъ матери).

За отсутствіемъ нисходящихъ, къ наслѣдованію призываются *боковые* родственники. Въ XVI ст. таковыми считались только братья и ихъ нисходящіе, т. е. „ближнее племя“ по выраженію памятниковъ. Такъ, въ указѣ 1562 г. читаемъ: „и ближняго роду не будетъ, и та вотчина государя“. Указъ 1572 г. говоритъ: „та вотчина роднымъ братьямъ и дѣтямъ, и внучатамъ (отъ братьевъ), а далѣе внучатъ вотчины не отдавати роду... та вотчина, тотъ жеребій взяти на государя“. Напротивъ, въ XVII ст. призывались къ наслѣдству всѣ боковые („а буде ближе того рода ни-

кто не будетъ, гласитъ указъ 1650 г., отдавать и дальнимъ того рода родственникамъ"). При наслѣдованіи боковыхъ, братья также исключаютъ сестеръ.

Наконецъ, къ наслѣдованію призывалась и *жена*. До указа 1628 г. жены наслѣдовали во всѣхъ вотчинахъ, при чемъ получали свою часть въ собственность. Съ указа же, изданнаго по иниціативѣ патріарха Филарета въ 1628 г., онѣ могли наслѣдовать только въ купленныхъ вотчинахъ, при чемъ также получали свою часть въ собственность. Въ помѣстьяхъ жена получала часть на прожитокъ. Если же не было помѣстій, то эта часть удѣлялась ей изъ вотчинъ (даже родовыхъ и выслуженныхъ). Кромѣ того, жена получала свое приданое. Что касается до размѣра части жены, то онъ опредѣлялся по Эклогѣ, а именно— четверть. При отсутствіи наслѣдниковъ, имущество считалось выморочнымъ и отписывалось на государя.

III. Право вещное.

Субъектами имущественныхъ правъ признавались государство, церковь, общины и частныя лица. Государство, или лучше сказать, государь являлся субъектомъ правъ въ отношеніи, такъ называемыхъ, дворцовыхъ вотчинъ, управлявшихся дворцовыми приказами. Крестьяне этихъ вотчинъ назывались крестьянами дворцовыхъ селъ и вполнѣ приравнивались по своему юридическому положенію къ свободнымъ крестьянамъ съ тою только разницею, что въ отношеніи управленія подчинялись не воеводамъ, а особымъ прикащикамъ, носившимъ названіе посельскихъ и зависимымъ исключительно отъ дворцоваго управленія.

Церковь являлась крупнымъ поземельнымъ собственникомъ и, въ лицѣ епархій, монастырей и отдѣльныхъ церквей, была субъектомъ имущественныхъ правъ какъ въ отношеніи движимостей, такъ и недвижимостей, при чемъ пользовалась всѣми способами пріобрѣтенія собственности, какъ-то: пожалованіемъ, дареніемъ, завѣщаніемъ, вкладами со стороны частныхъ лицъ, куплей и т. п. Благодаря, главнымъ образомъ, пожалованіямъ отъ государей и вкладамъ со стороны частныхъ лицъ, церковь обладала огром-

нымъ поземельнымъ имуществомъ и была однимъ изъ самыхъ крупныхъ собственниковъ въ древней Россіи. Подобное положеніе вещей обратило на себя вниманіе государей, постоянно нуждавшихся въ деньгахъ, тѣмъ болѣе, что въ XVI ст. среди самого духовенства образовалась партія (такъ называемыхъ, заволжскихъ старцевъ), считавшая несообразнымъ съ религіозно-нравственнымъ назначеніемъ духовенства обладаніе мірскими богатствами, бывшими, въ глазахъ этой партіи, причиною деморализаціи среди духовенства и увлеченія ихъ мірскими дѣлами въ ущербъ духовнымъ. Впервые вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ былъ поставленъ Иваномъ III, но, въ виду сильной оппозиціи со стороны духовенства, не получилъ своего разрѣшенія. Второй разъ этотъ вопросъ былъ возбужденъ въ Стоглавомъ соборѣ 1551 г. и на этотъ разъ правительству, хотя нѣсколько, удалось подвинуть его къ разрѣшенію. Соборъ постановилъ, что церковныя имущества должны управляться государевыми чиновниками совмѣстно съ духовными властями. Затѣмъ правительство провело нѣкоторыя мѣры касательно управленія монастырскими имуществами. Такъ, было постановлено вести строгую отчетность относительно вкладовъ въ монастыри, для чего записывать имена всѣхъ вкладчиковъ въ особую книгу. Затѣмъ имущества, пожертвованныя въ монастырь безъ права выкупа и отчужденія, не должны были продаваться, закладываться и вообще отчуждаться какимъ бы то ни было способомъ. Далѣе монастыри лишились права учреждать въ городахъ особыя слободы на разныхъ льготныхъ условіяхъ въ области повинностей и суда, и, наконецъ, отдавать деньги въ ростъ за какіе бы то ни было проценты. Соборы 1580 и 1584 г.г. также занимались вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, но вплоть до Уложенія онъ не былъ разрѣшенъ.

Уложеніе впервые ограничило имущественныя права церкви, при чемъ въ основу этого постановленія легли челобитныя выборныхъ. На основаніи Уложенія было предписано: 1) секуляризировать разныя церковныя имущества, 2) отобрать бѣглыхъ крестьянъ и посадскихъ, заложившихся за духовныхъ лицъ и 3) воспретить церкви на будущее время пріобрѣтать поземель-

ную собственность. О первыхъ двухъ мѣрахъ говорятъ нѣсколько статей XIX гл., предписывая всѣ слободы и вотчины, принадлежавшія духовенству и находившіяся въ Москвѣ или около Москвы, а также и въ городахъ, но расположенныя на земляхъ государя и другихъ чиновъ или въ предѣлахъ посадовъ и около нихъ, со всѣми торговыми и ремесленными людьми приписать къ посадамъ и положить въ тягло „безлѣтно и безповоротно“ за то, говоритъ Уложеніе, что „не строй на государевѣ землѣ слободъ и не покупай посадской земли“. Эта же глава предписала отобрать у доховенства чужихъ бѣглыхъ людей (изъ крестьянъ и посадскихъ), записавшихся закладчиками за духовными лицами и учрежденіями, возвратить ихъ обратно въ общины и запретить имъ записываться закладчиками за кого бы то ни было. Что касается до запрещенія церкви пріобрѣтать поземельныя владѣнія, то и оно имѣло въ своемъ основаніи челобитную выборныхъ. Запретительная статья по этому поводу (ст. 42 XVII гл.) изложена въ весьма пространной редакціи и является, по вѣрному замѣчанію г. Архангельскаго, единственной по своему особому изложенію, обстоятельности, полнотѣ и подробности. Въ ней выставляется единодушное согласіе государя, всего духовенства съ патріархомъ во главѣ и всѣхъ остальныхъ чиновъ Московскаго государства на ея редактированіе, затѣмъ перечисляются всѣ духовныя власти и учрежденія, которымъ запрещается пріобрѣтать вотчины, далѣе указываются тѣ роды вотчинъ, на которыя наложено запрещеніе (родовыя, выслуженныя и купленныя), запрещаются почти всѣ, дѣйствовавшіе тогда между частными лицами, способы передачи и пріобрѣтенія имуществъ, какъ-то: покупка, закладъ, дареніе и завѣщаніе; категорически предписывается духовнымъ властямъ и учрежденіямъ не пріобрѣтать какое бы то ни было поземельное имущество, свѣтскимъ же лицамъ не передавать послѣднее въ духовное вѣдомство; Помѣстному приказу ставится въ обязанность не переводить вотчинъ отъ свѣтскихъ лицъ во владѣніе членовъ духовенства и монастырей; наконецъ, устанавливается наказаніе за неисполненіе названнаго постановленія [1]). Однако, разсматриваемая статья далеко еще не полно

[1]) Архангельскій, Уложеніе 1649 г. въ отношеніи православной церкви.

разрѣшила вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Такъ, во-первыхъ, ею не былъ отмѣненъ способъ пріобрѣтенія вотчинъ посредствомъ пожалованія отъ государя и, во-вторыхъ, въ духовныхъ завѣщаніяхъ не запрещалось отказывать вотчины въ монастыри при соблюденіи слѣдующихъ условій: отказываемыя вотчины не поступали во владѣніе монастыря, но за нихъ вносились деньги или наслѣдниками, или родными и посторонними людьми, купившими вотчину, а въ выморочныхъ вотчинахъ и казною. Такимъ образомъ, Уложеніе не отнимало право собственности у церкви, а только прекращало расширеніе этого права на будущее время.

Кромѣ государства и церкви, субъектами имущественныхъ правъ были еще общины (волости и города), владѣвшія, такъ называемыми, черными, т. е. тяглыми землями. Собственникомъ волостныхъ земель являлась волость, какъ опредѣленное юридическое лицо. Эти земли дѣлились на двѣ категоріи: къ первой относились воды, лѣса, луга, выгоны и пустоши, ко второй — обработанныя земли. Отношеніе волости къ этимъ послѣднимъ было двоякое. Она или непосредственно ими распоряжалась, распредѣляя ихъ во временное владѣніе и пользованіе между своими членами и затѣмъ черезъ извѣстные періоды времени посредствомъ передѣловъ, снова дѣля ихъ между ними, или же передавала ихъ отдѣльнымъ своимъ членамъ въ собственность, которые неограниченно владѣли, пользовались и распоряжались ими по своему усмотрѣнію. До насъ дошло не мало такихъ документовъ, изъ которыхъ видно, что собственники такихъ участковъ завѣщали, закладывали и продавали ихъ, кому угодно. Такое противорѣчіе общинныхъ интересовъ съ интересами частныхъ лицъ никого въ то время не смущало и одновременное существованіе въ предѣлахъ волостной общины частной и общинной собственности, совершенно неразграниченныхъ другъ отъ друга, казалось вполнѣ естественнымъ. Древнерусская жизнь была чужда юридической опредѣленности и то, что на нашъ взглядъ кажется страннымъ, въ то время совершенно не казалось таковымъ. То же самое существовало и въ городахъ: здѣсь также была городская и частная собственность. слабо разграниченная другъ отъ друга.

Особенность тяглыхъ земель (волостныхъ и городскихъ) состояла въ томъ, что въ XVII ст. было запрещено продавать и, вообще, передавать ихъ бѣломѣстцамъ, т. е. лицамъ, не несшимъ тягла; подобныя земли могли принадлежать только тяглымъ людямъ, всякая же передача бѣломѣстцу тяглаго имущества влекла за собою по Уложенію наказаніе кнутомъ и конфискацію проданнаго имущества (ст. 39 XIX гл.). Наконецъ, субъектами имущественныхъ правъ являлись и частныя лица.

Объектомъ права собственности были движимыя и недвижимыя вещи. Къ категоріи послѣднихъ относились вотчины и тяглыя земли. О вторыхъ уже было говорено, поэтому переходимъ къ вотчинамъ.

Вотчины дѣлились на родовыя, выслуженныя или пожалованныя и купленныя. Распоряженіе родовыми вотчинами, какъ принадлежащими цѣлому роду, было ограничено; такъ, по указу 1679 г. ихъ нельзя было дарить и завѣщать помимо законныхъ наслѣдниковъ. Затѣмъ по отношенію къ этимъ вотчинамъ существовало право выкупа. По Царскому Судебнику и по Уложенію это право принадлежало тѣмъ изъ боковыхъ родственниковъ, которые не подписались свидѣтелями въ актѣ о продажѣ вотчины. Нисходящіе же родственники, равно какъ и самъ продавецъ, а также тѣ изъ боковыхъ, которые подписались свидѣтелями, безусловно исключались изъ пользованія названнымъ правомъ. Выкупать можно было только родовыя и выслуженныя вотчины, въ случаѣ ихъ возмезднаго отчужденія, напр., продажи, заклада и т. п. Выкупъ происходилъ по цѣнѣ, указанной въ купчей или закладной и, сверхъ того, приплачивалось по оцѣнкѣ за тѣ улучшенія и пристройки, которыя были сдѣланы въ вотчинѣ. Срокъ, въ продолженіе котораго можно было производить выкупъ, былъ сорокалѣтній. Послѣ же 40 лѣтъ право выкупа терялось. Другая особенность родовыхъ вотчинъ состояла въ воспрещеніи женамъ наслѣдовать въ нихъ, что было установлено указомъ 1628 г. Въ XVII ст. собственники вотчинъ обязаны были нести службу въ пользу государства, въ противномъ случаѣ вотчины отбирались отъ нихъ.

Выслуженныя или пожалованныя вотчины до указа 1628 г.

были во всѣхъ отношеніяхъ уравнены съ купленными, съ этого же времени ихъ положеніе стало вполнѣ тожественно съ родовыми вотчинами.

Что касается до купленныхъ вотчинъ, то въ качествѣ благопріобрѣтеннаго имущества, онѣ были объектомъ ничѣмъ неограниченнаго права собственности. Впрочемъ, собственники ихъ также обязывались служить подъ угрозою отнятія вотчинъ.

Объектомъ владѣнія были *помѣстья*. Они давались служилымъ людямъ и гостямъ (до 1666 г.) на условіи службы государству; собственникъ ихъ считался государь, помѣщикъ же являлся только владѣльцемъ. Каждому чину служилыхъ людей соотвѣтствовалъ извѣстный помѣстный окладъ: такъ, думные люди получали по 1000 четвертей каждый, стольники по 500, московскіе дворяне по 400 и т. д. Верстались помѣстьями лица, достигшія 15 лѣтъ, при поступленіи на службу. Нужно замѣтить, что въ XVII ст., въ особенности въ періодъ Уложенія, произошло уже значительное сближеніе помѣстныхъ правъ съ вотчинными, поэтому хотя помѣщикъ и считался владѣльцемъ, но на самомъ дѣлѣ ему были присущи многія права собственника. Такъ, помѣстья наравнѣ съ вотчинами переходили по наслѣдству (въ порядкѣ законнаго наслѣдованія) отъ отца къ дѣтямъ и не только къ сыновьямъ, но и къ дочерямъ. Объ этомъ говорятъ нѣсколько статей XVI главы Уложенія. Затѣмъ помѣщикамъ принадлежало право мѣнять свои помѣстья на другія, но для этого требовалось разрѣшеніе государя на каждый отдѣльный случай (ст. 2 XVI гл.). Наконецъ, нѣкоторымъ лицамъ принадлежало право сдачи помѣстій другимъ съ тѣмъ, чтобъ эти послѣдніе кормили и содержали сдавшихъ помѣстья. По ст. 9, 10 и 11 XVI гл. право сдачи принадлежало старикамъ, вдовамъ и дѣвушкамъ съ 15 лѣтъ. Сдавшій помѣстье заключалъ особую „сдаточную“ запись въ Помѣстномъ приказѣ съ лицомъ, которому сдавалось помѣстье. Въ случаѣ, если это лицо не исполняло своей обязанности кормить и содержать помѣщика, то по ст. 9 XVI гл. сдаточная запись признавалась недѣйствительной и помѣстье переходило обратно къ помѣщику. Уложеніемъ были значительно расширены права помѣщиковъ, главнымъ образомъ, благодаря разрѣшенію послѣд-

нимъ продавать свои помѣстья, хотя и по именному указу государя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (ст. 9 XVII гл.). Съ другой стороны, помѣщикъ не долженъ былъ пустошить помѣстья, разорять крестьянъ и переводить ихъ изъ одного помѣстья въ другое.

Уложенію извѣстны также и права на чужія вещи, т. е. *сервитуты*, заимствованные имъ изъ Литовскаго статута. Послѣдніе дѣлились на личные и реальные. О личныхъ сервитутахъ говорятъ слѣдующія двѣ статьи VII гл. По ст. 4 ратные люди во время похода пользовались правомъ останавливаться на лугахъ землевладѣльцевъ, прилегающихъ къ дорогѣ. Для этой цѣли луга не должны были запираться ранѣе Троицына дня; послѣ же этого времени ратные люди могли пользоваться пространствомъ въ 5 саженъ отъ дороги. По ст. 23 этой же главы ратные люди во время похода могли въѣзжать въ чужіе лѣса для рубки дровъ и строевого матеріала. Что касается до реальныхъ сервитутовъ, то Уложеніе знаетъ ихъ дѣленіе на сельскіе и городскіе. О первыхъ говорится въ слѣдующихъ статьяхъ. Такъ, по ст. 238 X гл. владѣлецъ вышележащаго имѣнія пользуется правомъ запрета по отношенію къ владѣльцу нижележащаго имѣнія строить плотины и мельницы, если, вслѣдствіе этого затопляются водой его луга, пашни и сѣнные покосы. По ст.ст. 239, 240 и 241 признается право собственниковъ и владѣльцевъ извѣстныхъ имѣній въѣзжать въ чужіе лѣса для рубки лѣса, ловли въ озерахъ рыбы и т. п.; при этомъ владѣлецъ подобныхъ сервитутовъ не долженъ нарушать интересовъ собственника. О городскихъ сервитутахъ говорятъ статьи 277, 278 и 279 X гл. На основаніи этихъ статей было запрещено строить домъ на межѣ чужого участка, ставить печь у стѣны своего сосѣда и сваливать соръ на чужую землю.

Что касается до *права залога*, то оно было извѣстно какъ въ формѣ залога недвижимости, такъ и въ формѣ заклада движимостей. Въ первомъ случаѣ залогопринимателю принадлежало право владѣнія и пользованія предметомъ залога, но не право распоряженія, получаемое имъ только въ томъ случаѣ, когда залогодатель въ установленный въ договорѣ срокъ не вносилъ до-

говоренной суммы денегъ. Тогда залогодатель терялъ предметъ залога, по отношенію къ которому залогопріниматель получалъ полное право собственности (ст. 196 X гл. Уложенія). Иногда предметомъ залога могло быть не самое имущество, но акты на него, фигурировавшіе въ качествѣ средства поручительства. Во второмъ случаѣ, т. е. при закладѣ движимостей залогопріниматель также не пользовался правомъ распоряженія, пріобрѣтаемаго имъ только съ момента просрочки уплаты договоренной суммы денегъ. За то при уплатѣ онъ обязывался возвратить предметъ залога такимъ, какимъ получилъ и могъ освободиться отъ этой обязанности только тогда, когда предметъ залога погибалъ естественнымъ путемъ (напр., смерть животнаго) и вполнѣ помимо воли залогопринимателя (ст. 197 X гл. Улож.).

IV. Право обязательственное.

Обязательство въ московскомъ правѣ могло имѣть силу не только между лицами, его заключившими, т. е. между контрагентами, но и между послѣдними и третьими лицами. Такъ, нерѣдко по обязательствамъ мужей и отцовъ отвѣчали жены и дѣти и при томъ при жизни первыхъ. Точно также по обязательствамъ господъ могли отвѣчать холопы и крестьяне („кто не учнетъ на правежѣ отстаивать,—гласитъ указная книга Земскаго приказа,—и тѣхъ людей посылать въ вотчины и помѣстья и велѣти правити на людяхъ ихъ на крестьянѣхъ"). Въ свою очередь по обязательствамъ крестьянъ и холоповъ (возникшимъ изъ преступленій) должны были отвѣчать ихъ господа („выти имати на дворянѣхъ и на дѣтяхъ боярскихъ и на приказныхъ людяхъ, кому кто служилъ", предписываетъ Уставная книга Разбойнаго приказа). Иногда могли быть случаи необходимаго вступленія въ обязательство третьяго лица вмѣсто одного изъ контрагентовъ, напр., при рѣшеніи дѣла судьею, обвиненнаго въ умышленномъ неправосудіи; въ такомъ случаѣ судья въ видѣ наказанія уплачивалъ истцовъ искъ пострадавшему вмѣсто его контрагента (ст. 3 и 28 Царскаго Судебника).

Обязательственныя отношенія возникали изъ договора (мы не

говоримъ о возникавшихъ изъ преступленій). Для дѣйствительности же послѣдняго требовалась свободная воля и сознаніе контрагентовъ. Вотъ почему договоръ, заключенный по принужденію, т. е. являвшійся результатомъ насилія, считался недѣйствительнымъ. Уложеніе говоритъ о такомъ случаѣ, когда кто-либо, „умысля воровски“ и сговорившись съ площадными подъячими, зазоветъ къ себѣ другое лицо и путемъ насилія заставитъ послѣднее вступить съ собою въ извѣстное договорное отношеніе (ст. 251 X гл.). Подобные договоры Уложеніе лишаетъ всякой силы. Точно также договоръ считается недѣйствительнымъ, если въ основаніе его положены обманъ или ошибка. Такъ, Уложеніе постановляетъ, что купившій вещь, на которую продавецъ не имѣлъ права собственности, не только теряетъ вещь, но и можетъ быть привлеченъ къ суду за участіе въ кражѣ или утайкѣ (ст.ст. 64 и 65 XXI гл.). Совершеніе обязательства должно было выражаться въ извѣстной письменной формѣ. Правда, въ XVI ст. договоры заключались не только въ письменной, но и въ устной формѣ, но въ XVII ст. письменная форма была правиломъ, а устная—исключеніемъ. „У кого кабалъ нѣтъ, — говоритъ Котошихинъ,—или утеряются, или подерутся, или иная какая шкода учинится, и въ безкабальныхъ дѣлахъ суда не дается и вѣрить не велѣно ничему, хотя-бъ на какое дѣло двадцать человѣкъ свидѣтелей было, все то ни во что безъ крѣпостей“. По Уложенію извѣстна даже крѣпостная форма. Такъ, юридическіе акты (купчія, мѣновыя, рядныя, дарственныя, закладныя, заемныя, кабальныя и др. крѣпости), въ случаѣ своей важности или совершенные на значительныя суммы, должны были писаться въ Москвѣ и въ другихъ городахъ площадными подъячими и не менѣе какъ при двухъ свидѣтеляхъ. Акты менѣе важные или совершенные на незначительную сумму могли писаться и въ деревняхъ и даже безъ свидѣтелей (на дому), но должны были быть подписаны однимъ изъ контрагентовъ (обязывающимся). Нѣкоторые акты, сверхъ названныхъ правилъ, подлежали еще укрѣпленію въ приказахъ (ст.ст. 247, 248, 249 и 250 X гл., ст. 39 XVII гл.).

Прекращалось обязательство исполненіемъ договора и дав-

ностью. Въ первомъ случаѣ могла имѣть мѣсто отсрочка; тогда судъ выдавалъ, такъ называемую, полѣтнюю грамоту, гдѣ обозначался новый срокъ окончанія договора. Давность была пятнадцатилѣтняя, о чемъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ („а велѣно всякимъ людямъ,—говоритъ онъ,—долговъ своихъ всякихъ денежныхъ и иныхъ искати по кабаламъ и по записямъ и по инымъ крѣпостямъ въ 15 лѣтъ, а по 15 лѣтѣхъ, хотя одинъ день перейдетъ за лишекъ, всякія крѣпости поставлены ни во что и суда не дается"). Обезпечивались обязательства, главнымъ образомъ, неустойкою въ формѣ штрафа или въ формѣ возмѣщенія убытковъ пострадавшей сторонѣ.

Московскимъ памятникамъ извѣстны слѣдующіе виды договоровъ. Во-первыхъ, дареніе, о которомъ, впрочемъ, они распространяются очень немного. Во-вторыхъ, купля-продажа, о которой также упоминается только вскользь (Уложеніе, ст. 64 и 65 XXI гл.). Въ-третьихъ, заемъ, предметомъ котораго могли быть деньги и хлѣбъ. Что касается до процентовъ, то они были запрещены сперва Стоглавомъ, а затѣмъ и Уложеніемъ такъ какъ „по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ росту на заемныя деньги имати не велѣно" (ст. 255 X гл. Улож.). Судъ по заемнымъ актамъ долженъ былъ даваться не далѣе 15 лѣтъ, причемъ при взысканіи долговъ прежде всего должны были быть удовлетворены иностранцы, затѣмъ казна и наконецъ уже истцы (ст. 260 X гл. Улож.). Несостоятельные должники раздѣляются Уложеніемъ на двѣ категоріи: на невинныхъ или несчастныхъ и на виноватыхъ. Первымъ дается извѣстный срокъ (не болѣе трехъ лѣтъ) для уплаты долга, но не иначе, какъ за поручительствомъ, послѣдніе же поступаютъ къ кредитору въ кабальные холопы. Въ-четвертыхъ, поклажа, т. е. отдача вещей на сохраненіе, которая обязательно должна была совершаться въ письменной формѣ; въ противномъ случаѣ она не имѣла никакой юридической силы. Уложеніе допускаетъ только одинъ случай совершенія поклажи въ устной формѣ, именно ратными людьми во время похода, когда за недостаткомъ времени названный договоръ признавался дѣйствительнымъ и безъ совершенія въ письменной формѣ (189, 190 и 191 X гл.). Предметъ сбереженія долженъ

былъ возвращаться такимъ же, какимъ былъ полученъ; въ противномъ случаѣ пріемщикъ обязывался вознаградить своего пострадавшаго контрагента (ст. 194 и 195 X гл.). Въ-пятыхъ, личный наемъ, который могъ продолжаться только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, послѣ же этого срока нанявшійся въ услуженіе превращался въ кабальнаго холопа. По ст. 116 XX гл. Уложенія члены тяглаго класса пользовались правомъ отдавать въ услуженіе своихъ дѣтей на пять лѣтъ, но не болѣе. Въ-шестыхъ, наемъ имущества и, въ-седьмыхъ, мѣна, о которыхъ памятники распространяются немного.

Судопроизводство.

Судоустройство. Судъ въ Московскомъ государствѣ какъ по Судебникамъ, такъ и по Уложенію имѣлъ три инстанціи (употребляемъ это выраженіе съ нѣкоторой натяжкой, такъ инстанцій въ современномъ смыслѣ этого слова въ XVII ст. не было): судъ государя въ боярской думѣ, судъ въ приказахъ и областной судъ. Кромѣ своего состава, названные суды отличались еще другъ отъ друга степенью зависимости одинъ отъ другого и количествомъ пошлинъ, взимаемыхъ съ тяжущихся. Судъ государя въ думѣ являлся высшимъ судомъ по отношенію къ приказному и областному суду. Приказный судъ былъ высшимъ судомъ по отношенію къ областному суду, хотя многія дѣла изъ послѣдняго могли итти прямо въ думу, минуя приказы. Съ другой стороны, всѣ три вида суда для многихъ дѣлъ являлись въ качествѣ первыхъ инстанцій.

Областной судъ былъ двухъ видовъ: правительственный и выборный. Органами правительственнаго суда являлись первоначально намѣстники и волостели, затѣмъ воеводы съ дьяками; органами выборнаго суда были: излюбленные головы или старосты (по уставнымъ грамотамъ), губные старосты (по губнымъ грамотамъ) и излюбленные судьи (по суднымъ грамотамъ). Объ излюбленныхъ головахъ и губныхъ старостахъ было уже говорено прежде. поэтому скажемъ теперь объ излюбленныхъ судьяхъ.

Послѣдніе учреждались среди тяглыхъ людей (преимущественно среди крестьянъ), при чемъ судебнымъ округомъ считалась волость. Излюбленные судьи избирались крестьянами изъ своей среды и отправляли свои функціи съ „лучшими“ людьми, бывшими представителями волостной общины. Въ составъ юрисдикціи судей входили какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Менѣе важныя дѣла излюбленные судьи рѣшали одни, болѣе же важныя—совмѣстно съ губными старостами (гдѣ они были).

Что касается до центральнаго суда, т. е. приказовъ и думы, то о нихъ мы уже говорили прежде и поэтому теперь сказаннаго повторять не будемъ.

Кромѣ свѣтскаго суда, въ Московскомъ государствѣ существовалъ еще церковный или святительскій судъ, имѣвшій весьма важное значеніе. Организація и юрисдикція этого суда довольно подробно разработаны въ Стоглавѣ. О святительскомъ судѣ говорятъ шестнадцать главъ (съ 53 по 68 включительно) этого памятника, при чемъ въ нихъ выставляется принципъ полнѣйшей независимости церковнаго суда отъ свѣтской власти и въ подтвержденіе истинности его цитируются какъ греческія, такъ и русскія узаконенія. Святительскій судъ дѣлился на два суда: церковный и свѣтскій. Въ составъ юрисдикціи перваго суда входили, такъ называемыя „грѣховныя“ или церковныя дѣла какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Отправлялъ этотъ судъ самъ святитель (епископъ) съ архимандритами и игуменами и исключительно на основаніи церковныхъ правилъ (Номоканона). Въ составъ юрисдикціи свѣтскаго святительскаго суда входили гражданскія и нѣкоторыя уголовныя дѣла духовныхъ лицъ, а также дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ и вытекающія изъ семейственнаго права какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Что же касается до татебныхъ (съ поличнымъ), разбойныхъ и душегубныхъ дѣлъ, совершенныхъ духовными лицами, то они подлежали государственному суду. Свѣтскій святительскій судъ состоялъ изъ святительскихъ бояръ, поповскихъ старостъ и, такъ называемыхъ, пятидесятскихъ священниковъ (двухъ или трехъ), а также старостъ и цѣловальниковъ, избираемыхъ населеніемъ. Въ случаѣ спорныхъ дѣлъ между духовными и свѣтскими лицами, составлялся смѣшанный судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ судей.

Уложеніе путемъ учрежденія Монастырскаго приказа значительно умалило значеніе святительскаго суда, такъ какъ въ приказѣ сосредоточился гражданскій судъ во всѣхъ искахъ на всѣхъ духовныхъ лицахъ и учрежденіяхъ (кромѣ патріарха и его вѣдомства), но все же не уничтожило его.

Процессъ. Процессъ въ Московскомъ государствѣ дѣлился на два вида: на состязательный (судъ) и слѣдственный (сыскъ). Уже

Судебникамъ это дѣленіе вполнѣ извѣстно. „И назовутъ его въ обыску лихимъ человѣкомъ, гласитъ ст. 52 Царскаго Судебника, ино его *пытати*, а скажутъ въ обыску, что онъ добрый человѣкъ, ино дѣло вершити по *суду*“. То же въ сущности говоритъ и Уложеніе. „А котораго человѣка, читаемъ въ ст. 54 XXI гл. этого сборника, приведутъ истцы безъ пристава съ поличнымъ же, а тотъ приводный человѣкъ, который приведенъ съ поличнымъ, учнетъ бити челомъ, что его тѣмъ поличнымъ истцы ополичили сильно, и про то *сыскать* всякими *сыски* накрѣпко, гдѣ его съ поличнымъ поймали, да что въ *сыску* скажутъ, по тому и указъ чинить, кто чего доведется. А будетъ сыскать не кѣмъ, и имъ въ томъ дать *судъ* и съ *суда* указъ чинить по тому же, до чего доведется“.

Судъ всегда начинался искомъ, т. е. челобитьемъ истца и всегда могъ быть законченъ мировою сдѣлкою между сторонами. Его главными средствами были свидѣтельскія показанія и присяга. Что касается до дѣлъ, рѣшавшихся судомъ, то такими были преимущественно гражданскія дѣла (но не всѣ) и нѣкоторыя уголовныя.

Сыскъ начинался и помимо иска, при чемъ органы сыска (напр., губные старосты и др. судьи) *были обязаны* начать его при наличности извѣстныхъ условій. Сыскъ не могъ быть прекращенъ мировою сдѣлкою между сторонами. Главнымъ и почти исключительнымъ средствомъ сыска была пытка. Предметомъ этого вида процесса являлись нѣкоторыя (всѣ болѣе или менѣе важныя) уголовныя дѣла (напр., разбойныя, татебныя съ поличнымъ, убійственныя и др. и нѣкоторыя гражданскія дѣла, напр. крѣпостныя).

Состязательный процессъ состоялъ изъ двухъ стадій: суда и вершенія. Прежде чѣмъ дѣло будетъ вершено, т. е. судья постановитъ приговоръ, оно должно быть засужено, иначе говоря, стороны должны представить свои заявленія и доказательства. Такимъ образомъ, на первой стадіи процесса, т. е. на судѣ устанавливаются всѣ обстоятельства дѣла, а затѣмъ уже происходитъ и самое его вершеніе. Во время суда сторонамъ предоставляется право высказаться по поводу спорнаго дѣла и предъявить свои

доказательства; напротивъ, при вершеніи дѣла и то и другое запрещено. Поэтому, послѣ засуженія дѣла нельзя уже подавать челобитныя и предъявлять новыя доказательства, такъ какъ вершеніе могло происходить только на основаніи того, что было установлено во время судоговоренія (ст. 21 X гл. Улож.). Все, что происходило на судѣ, записывалось начерно подьячими; составленные такимъ образомъ черновые списки закрѣплялись рукоприкладствомъ истца и отвѣтчика. Затѣмъ подьячій переписывалъ судный списокъ набѣло, а дьякъ, справя бѣловой судный списокъ съ черновымъ, закрѣплялъ его своею рукою. Этотъ то судный списокъ (т. е. судебный протоколъ) и служилъ основаніемъ для постановки приговора, т. е. для вершенія дѣла. Во время судоговоренія стороны должны были соблюдать порядокъ и, вообще, прилично вести себя на судѣ. „Истцу и отвѣтчику, говоритъ Уложеніе, искать и отвѣчать вѣжливо, и смирно, и нешумно, и передъ судьями никакихъ невѣжливыхъ словъ не говорить, и межъ себя не браниться“ (ст. 105 X гл.). Съ своей стороны, судъ во время производства дѣла имѣлъ право совершать разныя самостоятельныя дѣйствія, напр., производить справки и розыски, доставлять нужные документы и т. п., но при этомъ Уложеніе требуетъ, чтобы названныя дѣйствія совершались, какъ можно скорѣе и безъ всякой волокиты.

Судъ начинался вчинаніемъ иска или подачею челобитной. По Княжескому Судебнику дьякъ долженъ былъ разсмотрѣть ее съ цѣлью разрѣшенія вопроса, принять ли искъ или отказать истцу. Разрѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ стоимости иска. Если послѣдняя была настолько мала, что издержки по вызову отвѣтчика не могли окупиться, то искъ не принимался (ст. 28). Для опредѣленія стоимости иска Судебникъ установилъ особую таксу (ст. 30). Царскій Судебникъ видоизмѣнилъ условія, при наличности которыхъ искъ принимался судомъ. Наличность ихъ должна была гарантировать судъ отъ подачи ложныхъ исковъ и, вообще, отъ ябедничества. Въ этомъ отношеніи условія, при которыхъ принимались исковыя челобитныя посадскихъ, отличались отъ условій, при которыхъ должны были приниматься исковыя челобитныя крестьянъ. По отношенію къ посадскимъ Царскій

Судебникъ постановилъ слѣдующее правило: всякій истецъ изъ этого общественнаго класса могъ предъявлять только такой искъ, цѣнность котораго не превышала цѣнности имущества, находящагося въ его собственности. Искъ же, превышавшій эту цѣнность, не принимался судомъ и истецъ наказывался штрафомъ. Показателями цѣнности имущества посадскихъ должны были быть, такъ называемыя, разметныя (окладныя) книги, въ которыя вносилась сумма имущества каждаго посадскаго въ городѣ и размѣръ податей и повинностей платимыхъ и отправляемыхъ имъ. Ежегодно подобныя книги, составлявшіяся выборными старостами и цѣловальниками, отправлялись въ Москву въ соотвѣтствующіе приказы, а дубликаты ихъ передавались старостамъ и цѣловальникамъ, засѣдавшимъ въ судѣ, которые на основаніи ихъ и рѣшали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ о принятіи или непринятіи иска (ст. 72). Что касается крестьянъ, то за отсутствіемъ у нихъ какихъ бы то ни было окладныхъ книгъ, вопросъ о принятіи или непринятіи иска рѣшался слѣдующимъ образомъ. Въ виду того, что и по отношенію къ крестьянамъ, какъ и вообще по отношенію ко всѣмъ сословіямъ Московскаго государства, дѣйствовало правило о соотвѣтствіи цѣнности имущества истца со стоимостью иска, въ случаѣ вчинанія послѣдняго, наряжалась особая коммиссія изъ „лучшихъ“ людей волости истца, которой и поручалось разслѣдовать дѣло о цѣнности его имущества и о соотвѣтствіи съ нимъ стоимости иска. Такой или иной результатъ этого изслѣдованія вліялъ на разрѣшеніе вопроса о принятіи или непринятіи исковой челобитной (ст. 72).

По принятіи иска судъ выдавалъ, такъ называемую, *приставную память*, въ которой писался предметъ иска, а также и его цѣна; кромѣ того, въ памяти назывался отвѣтчикъ и обозначалось мѣсто его жительства. Послѣ этого приставъ или недѣльщикъ (въ Москвѣ) и доводчикъ (въ провинціи) обязаны были принять мѣры для вызова отвѣтчика въ судъ. Царскій Судебникъ запретилъ приставамъ и недѣльщикамъ посылать съ приставной памятью за отвѣтчикомъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, что было дозволено по Судебнику 1497 г. Пристава должны были ѣздить сами, а въ случаѣ, если почему-либо не могли выполнить

этой обязанности, то могли посылать ѣздоковъ, состоящихъ при нихъ и записанныхъ вслѣдъ за каждымъ приставомъ или недѣльщикомъ въ особыя книги у дьяка. Недѣльщики исполняли свои обязанности по очереди, при чемъ каждый изъ нихъ функціонировалъ только въ продолженіе одной недѣли. Судебникъ разрѣшаетъ недѣльщику „держать“ у себя только до семи ѣздоковъ (ст. 47).

Отвѣтчикъ, получивъ приставную память, обязывался представить поручителей, что явится къ назначенному сроку въ судъ; въ противномъ случаѣ поручители платили штрафъ. За неимѣніемъ поручителей приставъ насильно приводилъ отвѣтчика. Если послѣдній, давъ на себя *поручную запись*, т. е. представивъ поручителей, не являлся къ назначенному сроку, то его вызывали вторично; если же онъ и тогда не являлся, то его вызывали въ третій разъ, и только уже въ этомъ случаѣ дѣло рѣшалось заочно и противъ него, при чемъ истецъ получалъ, такъ называемую, *безсудную грамоту*.

Какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ, явившись въ судъ, подавали, такъ называемое, *ставочное челобитье*, въ которомъ заявляли о своей явкѣ.

Въ виду того, что судъ всегда возникалъ по иниціативѣ одной изъ сторонъ и являлся, такъ сказать, чисто частнымъ дѣломъ сторонъ, не затрагивающимъ интересовъ государства, онъ могъ быть въ любой моментъ производства дѣла прекращенъ мировою сдѣлкою между сторонами.

Послѣ окончанія суда, т. е. выслушанія сторонъ и оцѣнки доказательствъ, начиналась вторая стадія процесса, т. е. вершеніе или постановка приговора. Уложеніе предписываетъ судьямъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ при постановкѣ приговора обращаться къ помощи высшаго суда. Такъ, ст. 130 X гл. требуетъ отъ воеводъ и губныхъ старостъ обращенія къ помощи приказовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они, почему-либо, затруднятся постановить приговоръ. На основаніи же этой статьи стороны обязывались присутствовать въ приказѣ, куда также препровождались всѣ необходимые документы для рѣшенія дѣла.

Послѣ вершенія, выигравшей сторонѣ, выдавалась, такъ на-

зываемая, *правая грамота* и приговоръ приводился въ исполненіе. Въ случаѣ проигрыша дѣла со стороны отвѣтчика, послѣдній обязывался къ удовлетворенію истца, а за невозможностью удовлетворенія подвергался *правежу*, т. е. его били палками по обнаженнымъ ногамъ въ продолженіе извѣстнаго періода времени ежедневно по нѣсколько часовъ. На основаніи ст. 261 X гл. за каждые 100 рублей должникъ подвергался правежу въ продолженіе мѣсяца. Въ случаѣ же несостоятельности отвѣтчика, истецъ удовлетворялся изъ его имущества; за неимѣніемъ же послѣдняго, становился кабальнымъ холопомъ кредитора до искупа, т. е. до тѣхъ поръ, пока не отрабатывалъ своего долга.

Что касается до *апелляціи*, то она въ современномъ смыслѣ этого слова не существовала, но переносъ дѣла изъ одной инстанціи въ другую вполнѣ извѣстенъ московскому законодательству. Онъ могъ быть двухъ родовъ: 1) *докладъ*, когда дѣло начиналось разсмотрѣніемъ въ судѣ низшей инстанціи и затѣмъ переносилось въ судъ высшей инстанціи, гдѣ и заканчивалось разсмотрѣніемъ. Поводомъ къ подобному переносу могла быть некомпетентность суда низшей инстанціи въ рѣшеніи извѣстнаго дѣла, вслѣдствіе сомнѣнія его относительно способовъ рѣшенія или вслѣдствіе отсутствіе закона, впрочемъ объ этомъ было уже говорено; 2) *пересудъ*, когда дѣло переносилось изъ одной инстанціи въ другую по жалобѣ одной изъ сторонъ на судью въ умышленномъ неправосудіи. Тогда съ него взыскивалась въ пользу пострадавшаго тройная цѣна иска, равно какъ и судебныя пошлины; кромѣ того, онъ подвергался наказанію (ст. 5 X гл. Улож.). Что апелляція въ современномъ смыслѣ этого слова не была извѣстна московской эпохѣ, видно изъ ст. 9 X гл. Уложенія, запрещающей жаловаться на судью и обвинять его въ неправильной постановкѣ приговора подъ страхомъ наказанія кнутомъ. Для предупрежденія же постановки неправильныхъ приговоровъ Уложеніе знаетъ только одно средство, именно отводъ судей, на что стороны имѣли полное право (ст. 13 X гл.).

Московскому законодательству извѣстны слѣдующія *доказательства*, практиковавшіяся на судѣ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ доказательствъ считались *показанія свидѣтелей*. Княжескому

Судебнику извѣстны какъ свидѣтели, такъ и послухи, хотя онъ нерѣдко смѣшиваетъ признаки этихъ двухъ понятій. Такъ, съ одной стороны, онъ повидимому смотритъ на послуха съ прежней точки зрѣнія, какъ на свидѣтеля доброй славы обвиняемаго (ст. 48 и 49), но, съ другой стороны, постановляетъ: „а послухамъ, не видѣвъ, не послушествовати, а видѣвши, сказати правду“ (ст. 67), т. е. приравниваетъ ихъ къ очевидцамъ факта, иначе говоря, къ свидѣтелямъ. Такимъ образомъ, получается большая путаница, разобраться въ которой совершенно невозможно. Однимъ изъ примѣровъ ея можетъ служить фактъ вызова на поединокъ послуха, допускаемый Судебникомъ, что было вполнѣ понятно, когда послухъ фигурировалъ въ качествѣ свидѣтеля доброй славы обвиняемаго, его пособника, но что крайне несообразно, разъ послухъ опредѣляется, какъ очевидецъ факта. Но смѣшивая свидѣтелей и послуховъ, Судебникъ по крайней мѣрѣ въ двухъ статьяхъ (46 и 47) знаетъ и настоящихъ свидѣтелей, которыхъ называетъ „добрыми людьми“. [1]) Число ихъ должно равняться по крайней мѣрѣ двумъ или тремъ. Показаніе свидѣтелей имѣетъ такое значеніе, что сразу рѣшаетъ дѣло. Что касается до Царскаго Судебника, то онъ уже окончательно смѣшиваетъ свидѣтелей и послуховъ. По Уложенію показаніе десяти свидѣтелей имѣетъ рѣшающее значеніе (ст. 158—161 X гл.), но за то истецъ считается проигравшимъ дѣло, если хотя одинъ изъ его свидѣтелей покажетъ противъ него. Показанія родителей противъ дѣтей также имѣетъ характеръ рѣшающаго значенія (ст. 176 X гл.). Уложеніе допускаетъ отводъ свидѣтелей, въ случаѣ стачки ихъ съ одной изъ сторонъ и запрещаетъ свидѣтельствовать женѣ противъ мужа и вольноотпущенному противъ своего прежняго господина.

Говоря о свидѣтельскихъ показаніяхъ, необходимо упомянуть о ссылкѣ изъ виноватыхъ и объ общей ссылкѣ, являющихся видами свидѣтельскихъ показаній. Подъ *ссылкой изъ виноватыхъ* понимается такой случай, когда одна изъ сторонъ ссылается на одного изъ свидѣтелей съ условіемъ подчиниться обвиненію, если

1) См. Сергѣевича Лекціи и изслѣдованія, стр. 976.

свидѣтель покажетъ противъ нея (ст. 158—160 и 176 X гл.). Что касается до *общей ссылки*, то подъ нею понималась ссылка обѣихъ сторонъ на одно и то же лицо, показаніе котораго имѣло рѣшающее значеніе. Въ случаѣ, если лица, на которыхъ ссылались обѣ стороны, давали разнорѣчивыя показанія, то слѣдовало рѣшать дѣло согласно съ мнѣніемъ большинства (ст. 169 X гл.).

Вторымъ доказательствомъ была *присяга* или *крестное цѣлованіе*. Она допускалась въ крѣпостныхъ искахъ на сумму болѣе одного рубля (ст. 10 XIV гл.), при чемъ цѣловать крестъ могли только лица, достигшія двадцатилѣтняго возраста (ст. 1 XIV гл.), впрочемъ, въ крайнихъ случаяхъ приводились къ присягѣ и лица болѣе молодыя, но все-таки же не ниже 15 лѣтъ (ст. 5 XIV гл.). Кромѣ того, присягать можно было только три раза въ жизни (ст. 2 XIV гл.). Если въ составъ одной изъ сторонъ входили малолѣтніе, то они имѣли право поручить совершеніе крестнаго цѣлованія кому-либо другому, даже своему холопу (ст. 5 XIV гл. и ст. 96 XX гл.). Къ присягѣ приводились истецъ, отвѣтчикъ, свидѣтели и обыскные люди, какъ мужчины, такъ и женщины. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ крестное цѣлованіе истца пользовалось такимъ значеніемъ, что могло рѣшить весь споръ противъ отвѣтчика; точно также отказъ отъ принесенія присяги со стороны одной изъ сторонъ рѣшалъ дѣло противъ нея (ст. 6 XIV гл.). Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ присяга не могла употребляться, какъ доказательство, напр., въ спорахъ между духовными лицами, и замѣнялась жребіемъ (ст. 4 XIII гл.). Вообще присяга духовныхъ лицъ была другая и состояла въ томъ, что присягающіе не приводились къ крестному цѣлованію, а допрашивались или по священству (члены бѣлаго духовенства), или по иноческому обѣщанію (члены монашескаго духовенства).

Третьимъ доказательствомъ былъ *жребій*, употреблявшійся впрочемъ, только въ искахъ менѣе одного рубля (ст. 10 XIV гл.) и затѣмъ въ качествѣ эквивалента присяги.

Четвертымъ доказательствомъ были письменные акты, игравшіе весьма важную роль. Нужно замѣтить, что огромное большинство дѣлъ могло рѣшаться только при наличности письменныхъ актовъ. Изъ этого правила, впрочемъ, иногда допускались исключенія,

такъ, въ поземельныхъ спорахъ, при отсутствіи писцовыхъ, дозорныхъ и т. п. книгъ, дѣла рѣшались посредствомъ, такъ называемаго, „образнаго хожденія“, т. е. обхода по спорнымъ участкамъ съ иконою—особаго вида присяги (ст. 236 и 227 X гл.).

Пятымъ доказательствомъ была *очная ставка*, практиковавшаяся въ гражданскихъ дѣлахъ, главнымъ образомъ, при разрѣшеніи поземельныхъ споровъ. На очную ставку стороны должны были являться лично и только въ случаѣ болѣзни могли посылать взамѣнъ себя своихъ повѣренныхъ. Впрочемъ, подобное исключеніе изъ правила дозволялось не иначе, какъ тогда, когда болѣзнь продолжалась болѣе полугода (ст. 59 XVI гл.).

Послѣднимъ доказательствомъ было *поле* или *поединокъ*, извѣстный только Судебникамъ и уже отмѣненный въ эпоху Уложенія. По Судебникамъ поединокъ происходилъ въ присутствіи окольничьяго, дьяка и поручныхъ отъ обѣихъ сторонъ. Онъ допускался какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, причемъ могъ имѣть мѣсто между истцомъ и отвѣтчикомъ и между ихъ свидѣтелями (ст. 4 и 7 Княж. Судебника). Ст. 52 этого сборника дозволяетъ женщинамъ, малолѣтнимъ, старикамъ, немощнымъ, увѣчнымъ, священникамъ и монахамъ нанимать для поединка бойцовъ (наймитовъ). Какъ извѣстно, Псковская судная грамота допускала и женщинъ къ полю, но подобнаго рода постановленія мы уже не встрѣчаемъ въ Судебникахъ.

Въ то время, какъ судъ всегда начинался вчинаніемъ иска, поводами къ началу сыска было заявленіе пострадавшаго, приводъ съ поличнымъ и, такъ называемая, язычная молка. Что касается до *заявленія пострадавшаго*, то оно облекалось въ письменную форму (отсюда и названіе *письменной явки*) и подавалась или въ приказъ (въ Москвѣ), или воеводамъ и губнымъ старостамъ (въ городахъ). Въ явкѣ должны были быть изложены тѣ убытки, которые понесъ пострадавшій отъ преступленія и перечислено имущество (животы), котораго онъ лишился, благодаря преступнику (ст. 51 XXI гл. Улож.). Послѣ подачи подобной явки начинался сыскъ.

Вторымъ поводомъ къ началу его былъ *приводъ съ поличнымъ*, т. е. открытіе предметовъ преступленія и доставленіе ихъ

въ судъ. Въ этомъ случаѣ сыскъ начинался тогда, когда лицо, у котораго было найдено поличное, не могъ „очистить“ этого послѣдняго, т. е. оправдаться (ст. 51 XXI гл. Улож.). Порядокъ привода съ поличнымъ опредѣляется слѣдующій: если кто-либо „свѣдаетъ“ о нахожденіи поличнаго въ какомъ-либо мѣстѣ, то долженъ дать знать объ этомъ приставу; послѣдній, взявъ съ собою понятыхъ сторонніхъ людей „добрыхъ, кому можно вѣрити“, обязанъ съ ними отправиться въ указанное мѣсто и представить поличное въ приказъ вмѣстѣ съ его владѣльцемъ (ст. 87 XXI гл.). Послѣ этого уже приступали къ сыску.

Третьимъ поводомъ была *язычная молка* или *молвка* (отъ слова молвить). Подъ ней понимался наговоръ со стороны одного человѣка на другого, произведенный или во время пытки, или во время распроса. Такъ, ст. 38 XXI гл. Улож. говоритъ, что, если кто-либо во время распроса или пытки обвинитъ другое лицо въ разбоѣ или въ татьбѣ, и это обвиненіе подтвердится на очной ставкѣ, къ тому же оговоренный окажется бродячимъ человѣкомъ и не будетъ просить о производствѣ обыска, т. е. о допросѣ мѣстныхъ жителей подъ предлогомъ, что его никто не знаетъ, то онъ долженъ быть подвергнутъ пыткѣ, т. е. долженъ начаться сыскъ.

Главными средствами этого вида процесса были очная ставка, обыскъ и пытка. Объ очной ставкѣ мы уже говорили, поэтом остановимся здѣсь на обыскѣ и пыткѣ. *Обыскъ* есть ни что иное какъ допросъ мѣстныхъ жителей (ст. 95 XX гл.). Въ обыскѣ должны были участвовать лица всѣхъ чиновъ и сословій, въ томъ числѣ инородцы и иностранцы (отсюда и названіе „повальный“ обыскъ). Исключеніе составляли только самые высшіе разряды духовенства и служилыхъ людей, неучаствующіе въ допросѣ. Обыскные люди обязывались говорить правду, для чего и приводились къ присягѣ (ст. 161—162 X гл.). Обыскъ производили воеводы, губные старосты или особые сыщики, которые и записывали показанія неграмотныхъ; что же касается до грамотныхъ, то они должны были сами записывать свои показанія и подписываться подъ ними. Каждый допрашивался отдѣльно, при чемъ всякій отводъ обыскныхъ людей былъ запрещенъ. Въ случаѣ

если при допросѣ получались разныя мнѣнія, то за вѣрное принималось мнѣніе большинства. Впрочемъ, обвиняемый пользовался правомъ заявить, что мнѣніе большинства ложно и тогда производился сыскъ, дѣйствительно ли это такъ или нѣтъ. Если же мнѣнія обыскныхъ людей раздѣлялись поровну, т. е. одна половина признавала обвиняемаго добрымъ человѣкомъ, а другая лихимъ, то онъ подвергался пыткѣ. Въ случаѣ оправданія обвиняемаго на обыскѣ, послѣдній отдавался на поруки обыскнымъ людямъ (ст. 36 XXI гл.). Если же результатомъ обыска было облихованіе, т. е. обвиненіе человѣка, то въ такомъ случаѣ обращалось вниманіе на то, есть ли это обвиненіе единогласное или по большинству голосовъ. При единогласномъ обвиненіи обвиняемый признавался „вѣдомымъ“ лихимъ человѣкомъ и подвергался смертной казни; при обвиненіи же по большинству голосовъ его пытали и заключали въ тюрьму. Обыскные люди давали свои показанія не какъ свидѣтели, а какъ послухи, т. е. не какъ очевидцы факта, а по внутреннему убѣжденію, что такой-то человѣкъвиновенъ или нѣтъ. Въ XVI ст. различались показанія „съ доводомъ“ и „безъ довода“. Въ первомъ случаѣ обыскные люди показывали, что обвиняемый совершилъ тогда-то, тамъ-то и при такихъ-то обстоятельствахъ такое-то преступленіе, но при этомъ говорили не какъ свидѣтели. Во второмъ случаѣ обыскные люди просто признавали обвиняемаго добрымъ или лихимъ человѣкомъ. Въ XVII ст. это дѣленіе показаній на названные виды уже исчезло. Съ изданіемъ Новоуказныхъ статей о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г. произошло совершенное измѣненіе характера обыска, выразившееся въ отождествленіи обыскныхъ людей со свидѣтелями. Такъ, Новоуказныя статьи предписываютъ записывать показанія только тѣхъ обыскныхъ людей, которые были очевидцами факта и хорошо знаютъ всѣ обстоятельства дѣла. Показаніямъ же лицъ, говорящихъ только по внутреннему убѣжденію, было предписано не придавать никакого значенія.

Что касается до *пытки*, то она очень часто практиковалась по московскому законодательству, хотя изъ послѣдняго не видно, въ чемъ она состояла и какіе способы ея употреблялись. Объ

этомъ мы узнаемъ, благодаря свидѣтельству Котошихина, который говоритъ, что самый употребительный способъ пытки былъ слѣдующій: пытаемому связывали сзади руки въ опущенномъ положеніи, привязывали къ нимъ веревку, которую проводили черезъ блокъ, укрѣпленный въ потолкѣ, и этою веревкою тянули руки вверхъ, при чемъ онѣ по мѣрѣ поднятія тѣла выворачивались изъ плеча. Въ такомъ положеніи пытаемаго били батогами, встряхивали и, наконецъ, поджигали на медленномъ огнѣ. Отъ пытки никто не избавлялся и какъ высшіе, такъ и низшіе чины одинаково могли быть подвергнуты ей. Нѣкоторое исключеніе состояло только въ томъ, что, если обвинялся въ какомъ-либо преступленіи помѣщикъ и его крестьяне или холопы, то они подвергались пыткѣ раньше помѣщика (ст. 47 XXI гл. Улож.). По Уложенію по одному и тому же дѣлу пытать можно было только три раза (ст. 9 и 10 XXI гл.).

При обвиненіи подсудимаго имущество его шло на удовлетвореніе истца, что называлось *вытью* (ст. 22 XXI гл.). Порядокъ этого удовлетворенія былъ слѣдующій: если преступникъ во время пытки сознавался, сколько онъ награбилъ и при этомъ перечисливъ награбленное, то истцу давалось столько, сколько показалъ преступникъ. Если же преступникъ заявлялъ, что онъ не помнитъ сколько награбилъ, то истецъ удовлетворялся четвертью того, что просилъ (ст. 23 и 24 XXI гл.). Въ случаѣ, если имущества не хватало на удовлетвореніе истца, то послѣдній такъ и оставался неудовлетвореннымъ, въ виду того, что преступникъ по московскому законодательству никогда не выдавался потерпѣвшему отъ преступленія съ цѣлью отработки своего, такъ сказать, долга, а подвергался наказанію (впервые подобное постановленіе мы встрѣчаемъ въ Княжескомъ Судебникѣ, въ ст. 8). Наконецъ, если по удовлетвореніи истца все-таки же оставалась часть имущества преступника, то она оцѣнивалась и продавалась на государя (ст. 26 XXI гл.).

Говоря о судопроизводствѣ, необходимо еще упомянуть о *третейскомъ судѣ*, извѣстномъ Уложенію и состоявшимъ изъ двухъ лицъ, избранныхъ по соглашенію. Постановленія этого суда считались окончательными и не подлежали обжалованію; лица же,

рѣшавшіяся на это, подвергались штрафу за безчестіе судей. Въ случаѣ несогласія судей между собою относительно рѣшенія извѣстнаго дѣла, послѣднее отбиралось отъ нихъ и поступало въ коронный судъ (ст. 5 XV гл.).

Императорскій періодъ.

Внѣшняя исторія.

Законодательная дѣятельность.

Единственнымъ источникомъ права въ императорскую эпоху признается законъ. Обычай, игравшій такую важную роль въ области права въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ и въ Московскомъ государствѣ, отступаетъ теперь совершенно на задній планъ и, если не всегда de facto, то de jure совсѣмъ утрачиваетъ значеніе фактора образованія права. Въ виду этого, характеръ законодательства императорскаго періода не имѣетъ ничего общаго съ характеромъ законодательства Московскаго государства. Въ то время, какъ законодательные памятники московскаго періода, будучи ничѣмъ инымъ, какъ *сводами* предшествующаго законодательнаго матеріала, главный источникъ котораго составляло обычное право, отличались, въ силу этого, вполнѣ *консервативнымъ* характеромъ, законодательство императорскаго періода, порвавъ всякую связь съ обычаемъ и являясь или плодомъ, такъ сказать, чисто теоретическихъ соображеній отдѣльныхъ лицъ, или же будучи сколкомъ съ иностраннаго законодательства, усвоило себѣ вполнѣ *реформаторскій* характеръ.

Главная причина, обусловившая господство закона въ качествѣ источника права и, вслѣдствіе этого, видоизмѣнившая самый характеръ законодательства, состояла въ томъ, что въ изучаемую эпоху *единственнымъ* субъектомъ законодательной власти сталъ *самодержавный* государь, воля котораго творила законъ. Истинность этого положенія, не говоря уже объ историческихъ фактахъ, доказывается массою законодательныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о значеніи государя въ качествѣ субъекта законодательной власти. Такъ, на докладныхъ пунктахъ Синода, пред-

ставленныхъ Петру I въ 1721 г., значится слѣдующая помѣта самого государя: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ (т. е. о законѣ), то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ *безъ подписанія нашей руки* чинить". То же встрѣчаемъ и въ указѣ 1722 г.: „Сенату чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ *насъ оный апробованъ*, напечатанъ и къ регламентамъ присоединенъ будетъ". „Должна сія коллегія, читаемъ въ Духовномъ регламентѣ, новыми правилами дополнять регламентъ свой, однакожъ дѣлать сіе должна *не безъ нашего соизволенія*". Та же мысль проводится и въ указѣ 1762 г., запретившимъ Сенату издавать такіе указы, „кои въ законъ или въ подтвержденіе прежнихъ служатъ, не *представя* напередъ *намъ* и не получа на то *атробацію*". Точно также указъ 1780 г., запретившій генералъ-губернаторамъ „дѣлать отъ себя собственно постановленія", предписалъ имъ, въ случаѣ необходимости изданія таковыхъ, представлять объ этомъ Сенату, „который не приминетъ взнести *къ намъ* и *крайнюю нашу волю* исходатайствовать". Наконецъ, въ учрежденіи Государственнаго совѣта 1810 г. читаемъ: „никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходятъ изъ совѣта и не могутъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти". Такимъ образомъ, изъ анализа содержанія указанныхъ памятниковъ видно, что единственнымъ субъектомъ законодательной власти въ XVIII и XIX ст. является государь. Правда, были эпохи, когда законъ могъ издаваться и безъ санкціи со стороны государя, напр.: при Петрѣ до 1722 г. (во время отсутствія государя изъ столицы или изъ государства) и въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда законодательная власть фактически сосредоточилась въ рукахъ Сената, вслѣдствіе нелюбви императрицы заниматься государственными дѣлами (объ этомъ будетъ еще сказано ниже), но такія эпохи являлись исключеніемъ. Въ виду подобнаго положенія вещей, необходимо признать тотъ фактъ, что въ изучаемую эпоху, хотя разнымъ учрежденіямъ (напр.. Сенату, Синоду, совѣтамъ при особѣ государя) и принадлежали законодательныя фукціи, но *права* законодательства они не имѣли, такъ какъ участіе ихъ въ законодательной дѣятельности государей обусловливалось только соображеніями

удобства, а не присущими имъ правами, хотя бы основанными на обычаѣ. Вотъ, почему теперь уже не встрѣчается формула, подобная московской: „государь указалъ, бояре приговорили“. Правда, Сперанскій сдѣлалъ подобную попытку, введя свою извѣстную формулу: „внявъ мнѣнію Государственнаго совѣта“, но она не удержалась въ законодательствѣ, въ виду полнѣйшаго своего противорѣчія съ основными началами послѣдняго.

Въ императорскомъ періодѣ уже сознается различіе понятій закона, административнаго распоряженія и судебнаго рѣшенія, хотя нельзя сказать, чтобъ въ законодательствѣ это различіе вполнѣ отразилось. Вплоть до Екатерины II мы не замѣчаемъ попытокъ разграничить понятіе закона отъ административнаго распоряженія. Впервые подобную попытку производитъ извѣстный Наказъ, но крайне неудачно. Подъ „законами“ Наказъ понимаетъ „тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться“, подъ „указами“ же—„все то, что для какихъ-нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайное или на чью особу относящееся и можетъ со временемъ перемѣниться“. Нѣсколько удовлетворительнѣе этотъ вопросъ разрѣшенъ въ Наказѣ, данномъ Государственному совѣту 5 апрѣля 1810 г. Онъ знаетъ „государственныя постановленія временныя“ и „коренныя или непреложныя“. Подъ первыми понимаются „всѣ тѣ, кои опредѣляютъ какое-либо обстоятельство государственное, по существу своему перемѣнѣ подлежащее“ (напр., воспрещеніе или разрѣшеніе извѣстнаго рода торговли, наложеніе пошлины, установленіе тарифа, разнаго рода распоряженія по строительной части и т. п.). Подъ вторыми понимаются „тѣ, коихъ предметы постоянны и непремѣнны и которыя объемлютъ въ себѣ всѣ времена и узаконяются на вѣки“ (напр., Жалованная грамота дворянству, городовое положеніе, общіе гражданскіе законы и т. п.).

Однако, практика не дѣлала никакого различія между закономъ и административнымъ распоряженіемъ, если послѣднее исходило непосредственно отъ верховной власти, считая ихъ по силѣ дѣйствія вполнѣ равнозначущими. Напротивъ, административныя распоряженія подчиненныхъ властей (напр., коллегій, губернаторовъ, воеводъ и т. п.) различались отъ закона и должны были

быть подзаконны, т. е. издаваться въ предѣлахъ закона и не переходить черезъ послѣдніе.

Что касается до судебнаго рѣшенія, то оно трактовалось, какъ примѣненіе закона къ отдѣльному конкретному случаю и не считалось закономъ, изданнымъ ad hoc, что нерѣдко имѣло мѣсто въ московскую эпоху.

Переходимъ къ моментамъ составленія закона. *Инициатива* закона существовала въ формѣ оффиціальнаго и частнаго почина. Первый принадлежалъ государю и подчиненнымъ властямъ. Внѣшняя форма инициативы государя могла быть устная и письменная. Впрочемъ, при Петрѣ, какъ-то было предписано Генеральнымъ регламентомъ, инициатива государя обязательно должна была выражаться въ письменной формѣ.

Что касается до инициативы подчиненныхъ властей, то она принадлежала какъ центральнымъ (Сенату, Синоду, совѣтамъ при особѣ государя, коллегіямъ, министерствамъ и т. п.), такъ и мѣстнымъ учрежденіямъ. На основаніи Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. мѣстныя учрежденія могли возбуждать законодательные вопросы при слѣдующихъ условіяхъ: генералъ-губернаторовъ созывало общее собраніе изъ членовъ губернскаго правленія, казенной, гражданской и уголовной палатъ, которые, въ присутствіи губернскаго прокурора, постановляли обязательно единогласное рѣшеніе, заносившееся въ журналъ засѣданія и представлявшееся въ Сенатъ. Затѣмъ на основаніи Жалованной грамоты дворянству 1785 г. дворянскія собранія имѣли право ходатайствовать о своихъ нуждахъ и пользахъ черезъ особыхъ депутатовъ передъ Сенатомъ и непосредственно передъ самимъ государемъ.

Частный починъ, хотя и существовалъ, но далеко не имѣлъ того значенія, какое было присуще ему въ XVI и въ XVII ст., когда огромная масса законовъ первостепенной важности возникала благодаря частнымъ челобитіямъ. Иногда само правительство требовало возбужденія законодательныхъ вопросовъ со стороны общества путемъ подачи, такъ называемыхъ, наказовъ съ изложеніемъ нуждъ и желаній сословій, какъ, напр., въ 1767 году при созваніи Екатериной II своей извѣстной комиссіи по составленію проекта новаго Уложенія.

Второй моментъ составленія закона, а именно: *составленіе проекта* сосредоточивался обыкновенно въ государственныхъ установленіяхъ (въ Сенатѣ, Синодѣ, коллегіяхъ и пр.), или въ особыхъ комиссіяхъ, организовавшихся спеціально для этой цѣли (напр., безчисленныя комиссіи по составленію новаго Уложенія, длинный рядъ которыхъ тянется отъ Петра I и вплоть до Николая I).

Третій моментъ—обсужденіе проекта выражался въ формѣ предварительнаго и окончательнаго обсужденія. Предварительное обсужденіе происходило въ коллегіяхъ и спеціально для этого учреждаемыхъ комисіяхъ, окончательное же имѣло мѣсто въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (въ Сенатѣ, Синодѣ и въ совѣтахъ при особѣ государя). Съ образованіемъ Государственнаго Совѣта въ 1810 г. онъ сталъ единственнымъ мѣстомъ (если не считать Синода и Военнаго совѣта) обсужденія закона. Иногда, какъ при составленіи, такъ и при обсужденіи проекта правительство призывало депутатовъ отъ сословій. Такъ, при обсужденіи Духовнаго регламента были созваны два съѣзда изъ духовныхъ лицъ (одинъ въ Москвѣ, другой въ Казани). Затѣмъ въ комиссіи по составленію проекта новаго Уложенія нерѣдко призывались сословные депутаты (при Петрѣ II, при Аннѣ Ивановнѣ, при Елизаветѣ Петровнѣ и при Екатеринѣ II.

Послѣдній моментъ составленія закона—*санкція* его со стороны верховной власти—всегда осуществлялся государемъ. Если были такія эпохи, когда законъ получалъ санкцію и помимо государя (при Петрѣ во время отсутствія государя до 1722 г. и при Елизаветѣ Петровнѣ), то они являлись исключеніемъ и продолжались недолго. Напротивъ, въ отличіе отъ московскаго періода, теперь дѣйствовало правило, что санкція со стороны государя есть необходимое условіе, conditio sine qua non превращенія каждаго законопроекта въ законъ. Санкція выражалась какъ въ устной, такъ и въ письменной формѣ. Впрочемъ, при Петрѣ на основаніи Генеральнаго регламента для санкціи была предписана только письменная форма. „Того ради,—читаемъ въ регламентѣ,—соизволяетъ его царское величество всякія свои указы въ Сенатъ и коллегіи отправлять письменно, ибо, какъ въ Се-

натѣ, такъ и въ коллегіяхъ словесные указы никогда отправляемы быть не подлежатъ". Напротивъ, преемники Петра допускали и устную форму. Такъ, уже Екатерина I предписала исполнять словесные указы, подписанные секретаремъ Верховнаго тайнаго совѣта. При Петрѣ II, Аннѣ Ивановнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ словесная форма преобладала, въ силу чего неоднократно возникали противорѣчія между словесными и письменными указами. Въ виду этого, при Петрѣ III былъ изданъ указъ (22 января 1762 г.), которымъ предписывалось признавать дѣйствительнымъ только тотъ словесный указъ, который: 1) объявлялся опредѣленными лицами, а именно: сенаторами, оберъ-прокуроромъ, президентами трехъ высшихъ коллегій (иностранныхъ дѣлъ, военной и морской), 2) не отмѣнялъ письменнаго указа и 3) не касался извѣстныхъ предметовъ, точно поименованныхъ въ указѣ 1762 г. Указы же, неудовлетворявшіе этимъ тремъ условіямъ, признавались недѣйствительными и не подлежали исполненію. Въ царствованія Екатерины II и Павла I было произведено значительное расширеніе числа лицъ, объявлявшихъ словесную волю государя, такъ что правительство снова стало склоняться итти по прежнему пути. Съ учрежденіемъ Государственнаго совѣта въ 1810 г. словесная форма санкціи государя была совершенно уничтожена, а письменная получила новую форму, имѣвшую въ результатѣ ограниченіе власти государя. Дѣло въ томъ, что Государственный Совѣтъ былъ признанъ единственнымъ и обязательно необходимымъ законодательнымъ учрежденіемъ, поэтому только тотъ законъ могъ получить санкцію со стороны государя, который прошелъ черезъ Государственный совѣтъ, т. е. за который высказалось большинство членовъ Государственнаго совѣта. Вотъ, почему государь, утверждая новый законъ, долженъ былъ выражать это въ слѣдующей формѣ: „внявъ мнѣнію Государственнаго совѣта". Но это нововведеніе вызвало извѣстную оппозицію въ обществѣ, выразителемъ которой сталъ Карамзинъ. Въ своей запискѣ о древней и новой Россіи, поданной имъ императору Александру I, онъ, между прочимъ, писалъ: „поздравляю изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ: внявъ мнѣнію совѣта. Государь россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее: въ собственномъ ли

умѣ, въ книгахъ ли, въ головахъ ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи государя. Онъ имѣетъ всю власть. Совѣтъ, Сенатъ, комитеты, министры суть только способы ея дѣйствій или повѣренные государя; ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ. Выраженіе: „внявъ мнѣнію совѣта“ не имѣетъ смысла для гражданина россійскаго; пусть французы справедливо или несправедливо употребляютъ его. Правда, и у насъ писали: „государь указалъ, бояре приговорили“, но сія законная пословица была на Руси нѣсколько лѣтъ панихидою на усопшую аристократію боярскую: воскресимъ ли форму, когда и вещь, и форма давно истребились“. И дѣйствительно, съ паденіемъ Сперанскаго, названная формула перестала употребляться на практикѣ, а съ изданіемъ новаго Учрежденія Государственнаго совѣта 15 апрѣля 1842 г. была отмѣнена и въ законѣ.

Съ утвержденіемъ закона государемъ наступалъ моментъ *публикаціи* закона. Необходимость его по крайней мѣрѣ въ судебныхъ дѣлахъ была вполнѣ сознана уже при Петрѣ, предписавшимъ „примѣнять къ судебнымъ дѣламъ указы, всенародно напечатанные и повсюду объявленные“. То же самое, но по отношенію уже ко *всѣмъ* законамъ, предписала Екатерина II, высказавъ въ уставѣ благочинія 1782 г. слѣдующее положеніе: „нельзя взыскивать исполненія по закону, необнародованному“. Въ дѣлѣ публикаціи важную роль игралъ Сенатъ. По указу 1721 г. всѣ новые законы должны представляться въ Сенатъ „на апробацію“, утверждаться подписью его членовъ и публиковаться во всеобщее свѣдѣніе. То же предписываетъ и указъ 1723 г. „Когда отъ Его Императорскаго Величества,—читаемъ въ немъ,—которой коллегіи или канцеляріи присланы будутъ письменные или словесные указы. и о тѣхъ указахъ немедленно объявлять въ Сенатъ, чтобъ, за неизвѣстіемъ о такихъ указахъ, не происходило въ дѣлахъ помѣшательства“. Роль Сената въ дѣлѣ публикаціи законовъ не умаляется и впослѣдствіи. Такъ, Учрежденіемъ Сената 1802 г. было предписано: „всѣ именные указы вносить въ Сенатъ отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, которымъ оные даны будутъ“.

Что касается до формы публикаціи, то на основаніи указа

1714 г. она должна заключаться въ печатаніи. „Указы,—гласитъ названный законъ,—для всенароднаго объявленія велѣть печатать и продавать всѣмъ". По отпечатаніи, они разсылались мѣстнымъ начальникамъ, затѣмъ по нѣскольку разъ читались въ церквахъ и, наконецъ, расклеивались на площадяхъ и улицахъ. Однако, въ виду того, что нерѣдко въ формѣ указовъ расклеивались и пасквили, то на основаніи узаконеній Екатерины II публикація законовъ на мѣстахъ была передана въ вѣдѣніе губернскаго правленія и полиціи. Порядокъ ея точно опредѣленъ въ уставѣ благочинія 1782 г. (обнародованіе законовъ стало функціей частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей—каждаго въ своей части и кварталѣ).

По обнародованіи, законъ приводился въ исполненіе, при чемъ моментомъ, съ котораго онъ становился юридически обязательной нормой, признавалась публикація. „Управа благочинія,—читаемъ въ уставѣ этой послѣдней,—не взыскиваетъ съ людей исполненія по закону, буде законъ не обнародованъ". Правила, обязательныя при исполненіи закона, были слѣдующія.

Во-первыхъ, законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. До 1785 г. этотъ принципъ хотя и признавался, но въ равной мѣрѣ и нарушался. Такъ, извѣстный указъ о единонаслѣдіи 1714 г., съ одной стороны, признаетъ его („сей указъ не на прошедшія времена, но съ сего 1714 г. дѣйство свое имѣетъ"), съ другой стороны, отрицаетъ („хотя въ прошедшіе два мѣсяца какіе раздѣлы имѣній и сдѣланы, то оные передѣлать по сему указу"). Затѣмъ, въ томъ же 1714 г. состоялся указъ, отмѣнившій тѣ изъ новоуказныхъ статей и указовъ, постановленія которыхъ противорѣчили Уложенію, и дозволившій просить о перевершеніи всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ уже на основаніи отмѣненныхъ законовъ. Такимъ образомъ, только съ указа 18 декабря 1785 г. было признано, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Это правило нѣсколько разъ подтверждалось впослѣдствіи (напр., указомъ 1817 г. и др.).

Во-вторыхъ, дѣйствіе закона распространяется на всѣхъ, живущихъ на территоріи государства, при чемъ не принимается въ расчетъ національность и подданство послѣднихъ. Этотъ принципъ вполнѣ ясно высказанъ въ уставѣ благочинія. „Управа бла-

гочинія,—читаемъ въ немъ,—съ иногородныхъ, иностранныхъ и иновѣрныхъ, въ городѣ живущихъ, равно какъ и съ природныхъ взыскиваетъ исполненія узаконеній по гражданству".

Въ-третьихъ, невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться. Впервые это правило было высказано въ Воинскомъ уставѣ 1716 г., который было предписано отпечатать и разослать по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, „дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался". О томъ же говорятъ и многіе указы. Впрочемъ, иногда, въ видѣ исключенія, неслыханіе Воинскаго артикула со стороны молодого солдата могло служить обстоятельствомъ, смягчающимъ наказаніе.

Въ-четвертыхъ, законы должны исполняться точно и буквально и всякое сознательно ложное толкованіе ихъ должно преслѣдоваться, какъ преступленіе. Вотъ, почему законы должны писаться яснымъ и точнымъ языкомъ, а въ случаѣ отсутствія такового, должны разъясняться Сенатомъ и даже самимъ государемъ. „Буде же въ регламентахъ,—читаемъ въ указѣ 17 апрѣля 1722 г.,—что покажется *темно* или такое дѣло, что на оное *яснаго* рѣшенія не положено, такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ Сенатъ выписки о томъ, гдѣ повинны Сенатъ собрать всѣ коллегіи и объ ономъ мыслить и толковать подъ присягой, однако жъ не опредѣлять, но, положа на примѣръ свое мнѣніе, объявлять намъ". Тѣ же идеи пропагандируетъ и Наказъ. „Судьи, судящіе о преступленіяхъ, — говоритъ онъ,—потому только, что они не законодавцы, не могутъ имѣть права толковать законы о наказаніяхъ. Такъ кто же будетъ законный оныхъ толкователь? Отвѣтствую на сіе: самодержецъ, а не судья, ибо должность судьи въ томъ единомъ состоитъ, чтобъ изслѣдовать, такой-то человѣкъ сдѣлалъ или не сдѣлалъ дѣйствія, противнаго закону... Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ общее сіе изреченіе: надлежитъ въ разсужденіе брати смыслъ или разумъ закона, а не слова... Ежели право толковать законы есть зло, то также есть зло и неясность оныхъ, налагающая нужду толкованія. Сіе неустройство тѣмъ больше еще, когда они написаны языкомъ, народу неизвѣстнымъ или выраженіями незнаемыми. Законы должны быть писаны простымъ языкомъ и Уложеніе, всѣ

законы въ себѣ содержащее, должно быти книгою весьма употребительною".

Высказавъ эти идеи въ Наказѣ, Екатерина приводила ихъ и на практикѣ. Такъ, въ Учрежденіяхъ о губерніяхъ 1775 г. мы читаемъ: „каждый департаментъ Сената имѣетъ принадлежащія ему дѣла рѣшить на точномъ основаніи законовъ; палаты да не рѣшатъ дѣла инако, какъ точно въ силу узаконеній и въ силу законовъ". Точно также указъ 7 апрѣля 1788 г. предписываетъ Сенату основывать свои опредѣленія „вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ на изданныхъ законахъ и правилахъ, не перемѣняя ни единой литеры, не доложася намъ".

Въ-пятыхъ, въ отношеніи противозаконныхъ предписаній начальства подчиненные должны соблюдать принципъ закономѣрнаго повиновенія. Впервые этотъ вопросъ былъ затронутъ въ указѣ 20 января 1724 г. „Всѣмъ подчиненнымъ, — читаемъ въ немъ,—какъ въ Сенатѣ и Синодѣ, такъ и во всѣхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ мѣстахъ всего государства, гдѣ какія дѣла отправляются, быть въ послушаніи у своихъ командировъ во всемъ, что *не противно* указу. А ежели что противно, того отнюдь не дѣлать подъ наказаніемъ, яко преступнику указа, но долженъ командиру своему тайно объявлять, что то противно указамъ, и ежели не послушаетъ, то протестовать и доносить высшему надъ тѣмъ командиромъ, кто приказываетъ; а ежели и въ томъ такожъ увидитъ противность, то генералъ-прокурору; а ежели въ немъ усмотритъ противность, то доносить Его Величеству, но чтобъ была самая истина". Тотъ же самый принципъ закономѣрнаго повиновенія былъ обязателенъ для коллегій, а со времени Учрежденія о губерніяхъ и для палатъ въ ихъ отношеніяхъ къ Сенату.

Что касается до *отмѣны* закона, то на этотъ счетъ существовали слѣдующія правила. По Наказу Сенатъ являлся „хранилищемъ" законовъ и въ качествѣ такового онъ былъ обязанъ вписывать въ особый регистръ и обнародовать только такіе законы, которые не противорѣчатъ Уложенію (въ то время составлявшемуся). Въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ представлять верховной власти о необходимости ихъ отмѣны. Учрежде-

ніемъ Сената 1802 г. на Сенатъ была возложена функція входить съ представленіемъ къ государю объ отмѣнѣ старыхъ законовъ. Затѣмъ на основаніи Учрежденія о губерніяхъ вопросъ объ отмѣнѣ законовъ могъ разрѣшаться въ соединенномъ засѣданіи губернскаго правленія и палатъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора и въ присутствіи губернскаго прокурора. Для разрѣшенія его, какъ и при возбужденіи вопроса объ иниціативѣ изданія новаго закона, требовалось единогласное рѣшеніе и представленіе журнала засѣданія въ Сенатъ.

Послѣдній вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, это— о *раздѣленіи* законовъ *на виды*. Впервые онъ былъ возбужденъ въ Наказѣ, который раздѣлилъ всѣ законы на три категоріи, а именно: законы, учрежденія временныя и указы. Законы, это — „тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться и таковыхъ числу быть не можно великому". Временныя учрежденія, это „есть тотъ порядокъ, которымъ всѣ дѣла должны отправляемы быть, и разные о томъ наказы и уставы". Наконецъ, указы, т. е. административныя распоряженія „заключаютъ въ себѣ все то, что для какихъ-нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайное или на чью особу относящееся и можетъ современемъ перемѣниться". Но практика не знала этого дѣленія и, признавая всѣ законы вполнѣ равными по силѣ дѣйствія, дѣлила ихъ по внѣшней формѣ на уставы, регламенты и сепаратные указы.

Уставы.

Подъ уставами понимаются спеціальные законодательные акты, изданные для извѣстнаго вѣдомства и имѣющіе въ виду опредѣленную отрасль матеріальнаго права. Такими законодательными памятниками были, напр., Воинскій уставъ 1716 г. Морской уставъ 1720 г., уставъ о векселяхъ 1729 г., уставъ о винокуреніи 1765 г., уставъ благочинія 1782 г., Училищный уставъ 1786 г. и Банкротскій уставъ 1800 г.

Первый уставъ, изданный въ царствованіе Петра Великаго, былъ Воинскій 1716 г. Со времени его изданія, слѣдуетъ счи-

тать, по вѣрному замѣчанію П. О. Бобровскаго [1]), учрежденіе регулярнаго войска въ Россіи совершившимся фактомъ, потому что только съ принятіемъ къ руководству этого устава русское войско получило единство, организацію и законы соотвѣтственно требованіямъ и условіямъ военнаго искусства новѣйшихъ временъ и согласно началамъ, выработаннымъ въ Западной Европѣ въ концѣ XVII ст.

Въ виду того, что значеніе Воинскаго устава далеко не исчерпывается важностью его въ области исторіи одного военнаго права, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ уголовнаго законодательства XVIII ст., и опредѣленія его имѣли далеко не одно спеціальное значеніе, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ примѣнялись и въ гражданскихъ судахъ, необходимо нѣсколько остановиться на немъ.

30 Марта 1716 г. былъ утвержденъ въ Данцигѣ, гдѣ въ это время находился Петръ, Воинскій уставъ и именнымъ указомъ Сенату велѣно было отпечатать не менѣе 1000 экземпляровъ его. Вотъ, что писалъ по этому поводу Петръ Сенату: „Господа Сенатъ, посылаю Вамъ книгу Воинскій уставъ, который зачатъ въ Петербургѣ и нынѣ совершенъ, который велите напечатать число немалое, а именно, чтобъ не меньше 1000 книгъ. И понеже оный, хотя основаніемъ воинскихъ людей, *однако же касается и до всѣхъ правителей земскихъ*, какъ изъ онаго усмотрите. Того для, когда напечатаютъ, то разошлите по препорціи во всѣ корпусы войскъ нашихъ, *также по губерніямъ и канцеляріямъ*, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался“. Такимъ образомъ, изъ этого указа видно, что Воинскій уставъ долженъ былъ примѣняться не только въ военныхъ судахъ и по отношенію къ однимъ военнымъ, но и въ гражданскихъ судахъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ рязрядамъ жителей.

Воинскій уставъ не есть, какъ это нерѣдко утверждаютъ, буквальный переводъ какого-нибудь иностраннаго военнаго сборника. Онъ былъ капитальнымъ трудомъ, которымъ занимался Петръ въ продолженіе многихъ лѣтъ, сличая, сравнивая и вы-

[1]) Бобровскій, Переходъ Россіи къ регулярной арміи.

бирая законы изъ лучшихъ военныхъ сборниковъ Западной Европы и соображая ихъ до извѣстной степени съ потребностями и характеромъ русскаго войска. Очевидно, что такой громадный трудъ не могъ быть оконченъ въ короткое время, и дѣйствительно есть данныя, на основаніи которыхъ можно предполагать, что это дѣло было въ ходу уже въ 1699 г., начавшись вскорѣ послѣ возвращенія генерала Вейде изъ Венгріи, куда онъ былъ посланъ для изученія устройства и порядковъ, существовавшихъ въ австрійской арміи, что видно изъ предисловія къ его Воинскому уставу, составленному имъ въ 1698 г. Изъ писемъ Вейде, а также генерала Брюсса къ Петру видно, что они оба принимали дѣятельное участіе въ составленіи Воинскаго устава. Вейде выбиралъ и составлялъ артикулы, а Брюссъ переводилъ ихъ и эта подготовительная работа посылалась къ Петру на разсмотрѣніе и утвержденіе. Были, конечно, и другіе помощники Петру въ дѣлѣ составленія воинскаго устава, напр., генералъ Бонъ, которому и впослѣдствіи государь поручилъ пересмотръ артикуловъ, но несомнѣнно, что главная, такъ сказать, редакторская часть труда все-таки же принадлежала самому Петру [1]).

Что касается до источниковъ Воинскаго устава, то, благодаря изслѣдованію г. Бобровскаго [2]), извѣстно, что, главными изъ нихъ были шведскіе военные законы, а именно Воинскій артикулъ Густава Адольфа въ редакціи Карла XI 1683 г. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, ни одинъ памятникъ Западной Европы изъ числа подражавшихъ военнымъ артикуламъ Густава Адольфа, не стоитъ къ нему такъ близко, какъ Воинскій уставъ Петра. Сходство въ общемъ планѣ, въ одинаковомъ наименованіи главъ, въ порядкѣ подбора и распредѣленія матеріала по главамъ доказываетъ, что составители разсматриваемаго законодательнаго памятника приняли, главнымъ образомъ, за образецъ шведскіе военно-уголовные законы. Благодаря трудамъ г. Бобровскаго, теперь вполнѣ установлено соотношеніе между шведскимъ и нашимъ Воинскимъ уставомъ. Нашъ Воинскій уставъ,

[1]) Розенгеймъ, Исторія военно-судныхъ учрежденій въ Россіи.

[2]) Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ, ч. II, вып. 1, стр. 4.

составленный вполнѣ по общему плану шведскаго, въ основныхъ идеяхъ и въ средствахъ для поддержанія нравственности, порядка и дисциплины въ войскахъ, вполнѣ проникнутъ духомъ оригинала; но онъ отличается отъ оригинала, во-первыхъ, внѣшнею обработкою большинства статей, написанныхъ въ болѣе сжатой формѣ, во-вторыхъ, детальнымъ развитіемъ, особенно выдающимся въ главахъ объ общихъ, наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, въ-третьихъ, пополненіями, вслѣдствіе вставокъ новыхъ артикуловъ и новыхъ юридическихъ нормъ, въ-четвертыхъ, толкованіями. Эти пополненія и толкованія составлены преимущественно по военно-уголовнымъ законамъ датскимъ и по комментаріямъ къ голландскимъ, бранденбургскимъ или къ нѣмецкимъ имперскимъ военнымъ артикуламъ. Слѣдовательно, скандинавопротестантскій характеръ шведскаго артикула не могъ быть строго выдержанъ; и дѣйствительно, въ русскомъ Воинскомъ уставѣ на нѣкоторыхъ статьяхъ общеуголовнаго, однако, не спеціально военнаго характера, замѣтно вліяніе уголовнаго уложенія Карла V (1532 г.), господствовавшаго въ Европѣ въ эпоху Петра, или же саксонскаго права. Такимъ образомъ, по внѣшней формѣ и системѣ Воинскій уставъ принадлежитъ къ скандинавскому типу, но по общему содержанію (что доказывается отсутствіемъ плавности въ изложеніи рѣчи—то сжатой, то пространной, то ясной и категоричной, то туманной, отрывочной или неопредѣленной) носитъ смѣшанный характеръ: въ немъ видѣнъ явный отпечатокъ законовъ шведскихъ или датскихъ, вліяніе комментаторовъ на голландскіе и нѣмецкіе военные законы и, наконецъ, даже дѣйствіе французскихъ ордонансовъ [1]). Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что, кромѣ шведскихъ законовъ, источниками Воинскаго устава были еще военно-уголовные законы датскіе и голандскіе, затѣмъ комментаріи на бранденбургское военное право и на имперскій военный артикулъ, наконецъ, имперскіе, саксонскіе и даже французскіе военные законы. Иначе говоря, Воинскій уставъ носилъ вполнѣ компилятивный характеръ но, въ отличіе отъ предшествующаго ему

[1]) Бобровскій, Военное право, ч., II, стр: 24.

законодательства, напр., Уложенія, также отличавшагося тѣмъ же характеромъ, совершенно не былъ построенъ на національной и исторической почвѣ, а являлся ничѣмъ инымъ, какъ сводомъ иностраннаго законодательства, далеко не всегда примѣненнымъ къ условіямъ русской юридической жизни.

Воинскій уставъ состоитъ изъ четырехъ частей или отдѣловъ. Часть I, названная собственно Воинскимъ уставомъ, имѣетъ вполнѣ учредительный характеръ и раздѣляется на 67 главъ. Послѣднія содержатъ въ себѣ постановленія, касающіяся организаціи и функцій всѣхъ учрежденій и высшихъ чиновъ, существующихъ въ войскѣ. Исключеніе составляетъ одна LXIX глава, озаглавленная „Патентомъ о поединкахъ“ и касающаяся нѣкоторыхъ преступленій и наказаній, слѣдовательно, имѣющая отношеніе къ уголовному праву. Этой главѣ слѣдовало бы имѣть мѣсто во II части, въ Воинскомъ артикулѣ, являющимся ничѣмъ инымъ, какъ военно-уголовнымъ сборникомъ.

Вторая часть озаглавлена „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“ и состоитъ изъ 24 главъ, раздѣленныхъ на 209 статей или артикуловъ; многіе изъ нихъ сопровождаются комментаріями или толкованіями. По вѣрному замѣчанію г. Бобровскаго, система этой части не сложна, напротивъ, весьма проста: часть раздѣлена только на главы безъ подраздѣленія на отдѣлы, разряды и классы, а между тѣмъ всѣ статьи одной и той же главы имѣютъ внутреннюю связь и единство. Но это единство по главамъ въ общемъ нарушено вторженіемъ началъ, нерѣдко даже противорѣчивыхъ одно другому. Статьи, имѣющія военное и общее значеніе, соединены въ особыя отдѣльныя главы и, благодаря такому ихъ внутреннему содержанію, легко можно выдѣлить матеріалъ общегражданскаго характера. Если нѣкоторыя преступленія общаго характера попадаются въ главахъ характера чисто военнаго и обратно—воинскія преступленія встрѣчаются въ главахъ, имѣющихъ характеръ общеуголовныхъ, то это обстоятельство служитъ только объясненіемъ духа эпохи, не дѣлавшей принципіальнаго различія между общимъ и воинскимъ преступленіями [1]).

[1]) Бобровскій, Военное право, ч, II, стр. 65.

Третья часть Воинскаго устава, озаглавленная „Краткое изображеніе воинскихъ процессовъ или тяжбъ“, составляетъ ничто иное, какъ уставъ военнаго судоустройства и судопроизводства и состоитъ изъ 16 главъ, заключающихъ въ себѣ 81 статью, раздѣленныхъ на четыре отдѣла. Въ концѣ этой части помѣщенъ особый отдѣлъ „О оглавленіи приговоровъ“, составляющій нѣчто въ родѣ лѣстницы наказаній, хотя далеко не исчерпывающій всѣхъ наказаній, упоминаемыхъ уставомъ. Мѣсто этому отдѣлу, собственно говоря, во II части.

Четвертая и послѣдняя часть, носящая названіе „О экзерциціи, о пріуготовленіи къ маршу, о званіяхъ и должностяхъ полковыхъ чиновъ“, дѣлится на три отдѣла или росписи. По своему содержанію она является ничѣмъ инымъ, какъ уставомъ о строевой и караульной службѣ.

Для насъ представляетъ интересъ только вторая и третья часть, именно: военно-уголовный сборникъ и уставъ военнаго судоустройства и судопроизводства, къ изложенію содержанія которыхъ мы и возвратимся при обзорѣ уголовнаго права и судопроизводства императорскаго періода.

Второй уставъ, изданный въ царствованіе Петра, это Морской 1720 г. Изъ именного указа 13 Января 1720 г. видно, что Морской уставъ, подобно Воинскому, представляетъ изъ себя не копію съ какого-нибудь одного западно-европейскаго устава, но компелятивный сборникъ, составленный изъ пяти иностранныхъ морскихъ регламентовъ и дополненный оригинальными статьями, авторомъ которыхъ былъ самъ государь („еще все, говорится въ указѣ, черезъ собственный нашъ трудъ учинено и совершено“). Морской уставъ состоитъ изъ пяти книгъ, раздѣляющихся на главы и статьи. Для насъ представляетъ интересъ только послѣдняя книга, насящая названіе „О штрафахъ“ и являющаяся ничѣмъ инымъ, какъ уголовнымъ сборникомъ, соотвѣтствующимъ Воинскому артикулу.

Относительно постановленій касательно преступленій и наказаній Морской уставъ большею частью составляетъ ничто иное, какъ дословное повтореніе Воинскаго артикула. Говоримъ „большею частью“, такъ какъ нѣкоторое различіе въ этомъ отношеніи

все-таки же существуетъ между обоими уставами, а именно: Морской уставъ, во-первыхъ, пріурочиваетъ совершеніе преступленій къ кораблю вмѣсто лагеря, крѣпости или города, являющихся мѣстомъ совершенія преступленій по Воинскому уставу. Во-вторыхъ, въ области общаго ученія о преступленіи Морской уставъ вноситъ нѣкоторыя особенности, несуществующія въ Воинскомъ уставѣ, такъ, онъ расширяетъ наказуемость голаго умысла и еще болѣе ограничиваетъ необходимую оборону, чѣмъ Воинскій уставъ. Въ-третьихъ, перечисляя отдѣльныя преступленія, Морской уставъ уступаетъ въ полнотѣ воинскому, оставляя непредусмотрѣнными многія преступныя дѣянія. Впрочемъ, эта неполнота, допущенная Петромъ скорѣе для избѣжанія повтореній и въ виду того, что при составленіи Морского устава законодатель имѣлъ въ виду ограничить сферу преступленій, по возможности, кораблемъ и предѣлами собственно морской службы, не имѣетъ юридическаго значенія, такъ какъ совершенно восполняется ст. 143 и 144 XX гл. Дѣло въ томъ, что на основаніи первой изъ этихъ статей, въ случаѣ совершенія на кораблѣ преступленія, непредусмотрѣннаго уставомъ, вопросъ о наказаніи его разрѣшается по аналогіи и поставленное такимъ образомъ судебное рѣшеніе представляется въ Адмиралтействъ-коллегію для внесенія новой статьи въ уставѣ въ законодательномъ порядкѣ. На основаніи же 144 ст. всякое преступленіе, совершенное морякомъ на землѣ, карается по Воинскому уставу. Въ-четвертыхъ, перечисляя отдѣльныя наказанія, Морской уставъ вводитъ два вида наказаній, неизвѣстныхъ Воинскому уставу, а именно: кошки и спусканіе съ райны, т. е. сбрасываніе съ реи въ воду, но не съ цѣлью утопленія.

Изданіемъ Морского устава Петръ завершилъ свое военное законодательство, авторомъ котораго былъ въ большинствѣ случаевъ самъ. Этотъ его трудъ въ отношеніи полноты и системы превосходилъ даже современные ему военные и морскіе законодательные сборники западно-европейскихъ государствъ. Не будучи одностороннимъ переводомъ или подражаніемъ котораго-либо изъ нихъ, онъ представлялъ изъ себя скорѣе сравнительный выводъ изъ постановленій всѣхъ лучшихъ военныхъ и морскихъ законо-

дательныхъ памятниковъ его времени, при чемъ крайности и недостатки одного смягчались и пополнялись, благодаря другимъ[1]).

Третій уставъ, но изданный уже въ царствованіе Петра II, это уставъ о векселяхъ 1729 г., весьма важный въ исторіи гражданскаго права вообще и въ исторіи вексельнаго права въ особенности. Цѣлью его было урегулировать употребленіе векселей въ области частнаго оборота, такъ какъ до его изданія, векселя, хотя и были извѣстны, но не существовало никакихъ правилъ касательно ихъ употребленія. Источниками устава были существовавшіе въ то время нѣмецкіе вексельные законы, по образцу которыхъ онъ и былъ составленъ.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній относительно исторіи его составленія и относительно имени его автора. Предположенія о томъ, что онъ былъ составленъ извѣстнымъ Остерманомъ или какимъ-то профессоромъ лейпцигскаго университета, высказанныя въ наукѣ, ничѣмъ не обоснованы и поэтому не могутъ быть приняты.

Что касается до поводовъ изданія устава, то о нихъ говорится въ указѣ 16 Мая 1729 г. Изъ него видно, что уставъ изданъ въ интересахъ казны и купечества, такъ какъ отъ употребленія векселей ожидалась слѣдующая польза: 1) освобожденіе отъ расходовъ, сопряженныхъ съ провозомъ денегъ, 2) устраненіе путевыхъ опасностей, 3) доставленіе денежныхъ выгодъ казнѣ и купечеству и 4) устраненіе вывоза изъ государства золота и серебра.

Что касается до содержанія устава, то онъ раздѣляется на три главы, изъ которыхъ двѣ первыя въ свою очередь дѣлятся на статьи. Глава первая содержитъ въ себѣ правила касательно употребленія купеческихъ векселей, а глава вторая говоритъ о векселяхъ на казенныя деньги. Третья глава не дѣлится на статьи и содержитъ въ себѣ образцы и формы векселей съ толкованіями.

Въ виду того, что уставъ о векселяхъ говоритъ только о членахъ торгово-промышленнаго класса, какъ о субъектахъ ве-

---

[1]) Розенгеймъ, Исторія военно-судныхъ учрежденій въ Россіи.

ксельнаго права, и ни словомъ не упоминаетъ о дворянахъ, выходило, что de jure право обязываться векселями принадлежало однимъ купцамъ. На практикѣ оно дѣйствительно такъ и было, и это право считалось исключительно купеческимъ, вслѣдствіе чего для пользованія имъ дворянамъ приходилось прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и обходамъ закона. Вотъ, почему, когда имп. Екатерина II созвала свою извѣстную законодательную коммиссію (въ 1767 г.), то дворяне, воспользовавшись случаемъ представленія наказовъ съ изложеніемъ сословныхъ нуждъ и недостатковъ, просили императрицу объ измѣненіи вексельнаго устава и о распространеніи на нихъ права обязываться векселями. Однако, Екатерина не удовлетворила этого ходатайства и прежній вексельный уставъ продолжалъ оставаться въ силѣ, признавая (по крайней мѣрѣ формально) только за однимъ купечествомъ право обязываться векселями. Въ слѣдующее же царствованіе (имп. Павла) дворянамъ даже формально было запрещено всякое употребленіе векселей—это случилось съ изданіемъ Банкротскаго устава 1800 г., замѣнившаго собой уставъ о векселяхъ 1729 г. (см. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I, 1887 г.).

Весьма важный уставъ въ исторіи государственнаго и уголовнаго права, это—уставъ благочинія, изданный Екатериною II въ 1782 г. Цѣль его—организація городской полиціи. Онъ состоитъ изъ 12 главъ и 274 статей, Уставъ вводитъ въ большинствѣ городовъ особое полицейско-судебное учрежденіе—управу благочинія, въ составъ которой входилъ двоякій элементъ: чиновный (городничій и два пристава) и выборный (два ратмана, избираемыхъ городскимъ населеніемъ). Функціи управы—вѣдѣніе города въ полицейскомъ и отчасти въ судебномъ отношеніи. Пятая глава устава заключаетъ въ себѣ наказъ, т. е. инструкцію управѣ, которой она должна была слѣдовать въ своей дѣятельности. Эта инструкція начинается цѣлымъ рядомъ нравственныхъ сентенцій (число которыхъ въ уставѣ доходитъ до 15), напр., „блаженъ, кто и скота милуетъ, буде скотина и злодѣя твоего спотыкнется—подыми ее“ и т. д. Но кромѣ подобныхъ сентенцій, инструкція содержитъ въ себѣ и изложеніе обязанностей управы

въ области полиціи и суда. Уставъ не ограничился созданіемъ одной управы благочинія, но организовалъ цѣлую систему полицейскихъ должностей, раздѣливъ городъ на части и кварталы, во главѣ которыхъ были поставлены особые полицейскіе чины. Заканчивается онъ, такъ называемыми, „запрещеніями“ и „взысканіями“, составляющими двѣ его послѣднія главы и касающимися уголовнаго права. Эти двѣ главы въ сущности подтвердили все, дѣйствующее въ то время, уголовное законодательство, и если гдѣ и сдѣлали въ немъ измѣненія, то самыя незначительныя.

Регламенты.

Другой формой закона являлись регламенты, т. е. учредительные акты, опредѣлявшіе составъ, организацію, компетенцію и дѣлопроизводство отдѣльныхъ органовъ управленія. Ничего подобнаго не знала московская Русь, гдѣ даже такія важныя государственныя учрежденія, какъ боярская дума, земскій соборъ и приказы, не имѣли своихъ учрежденій и дѣятельность которыхъ регулировалась исключительно однимъ обычаемъ. Регламенты были продуктомъ законодательной дѣятельности новой Россіи, именно петровской эпохи. Всѣхъ ихъ было издано 7: 1) регламентъ Кригсъ-коммиссаріату 10 декабря 1711 г., излагающій правила содержанія полковъ и раздачи жалованья; 2) регламентъ Штатсъ-конторѣ 13 февраля 1719 г., опредѣляющій правила составленія штатовъ государственнымъ расходамъ, что являлось функціей названной конторы; 3) регламентъ Коммерцъ-коллегіи 3 марта 1719 г., въ составъ компетенціи которой входила забота о торговлѣ и отчасти вѣдѣніе торгово-промышленнаго класса, 4) регламентъ Камеръ-коллегіи 11 декабря 1719 г., управлявшей всѣми государственными доходами; 5) Генеральный регламентъ 28 февраля 1720 г., являющійся учрежденіемъ всѣхъ коллегій и излагающій правила гражданской службы; 6) регламентъ Главному магистрату 16 февраля 1721 г., излагающій составъ и функціи этого учрежденія (названный регламентъ весьма важенъ для исторіи торгово-промышленнаго класса и городского устройства и

управленія); 7) Духовный регламентъ 25 января 1721 г., являющійся, съ одной стороны, учрежденіемъ Св. Синода, съ другой же стороны, сводомъ церковныхъ законовъ. Въ виду важности этого регламента, мы нѣсколько остановимся на немъ.

Петръ, рѣшившись уничтожить патріаршескую власть, считавшуюся имъ опасной для цѣлости и спокойствія государства, и замѣнить ее коллегіальнымъ учрежденіемъ, создалъ, такъ называемую, духовную коллегію (впослѣдствіи Св. Синодъ) и далъ ей регламентъ, опредѣлившій ея положеніе въ государствѣ. Кто былъ авторомъ этого акта—съ достовѣрностью сказать трудно, но можно догадываться, что сочинялъ его извѣстный Ѳеофанъ Прокоповичъ, потому что онъ въ соединенномъ засѣданіи Сената и архіереевъ, бывшемъ 24 февраля 1720 г., представилъ конецъ регламента и оглавленіе къ нему.

Что касается до исторіи составленія регламента, то мы знаемъ о ней слѣдующее. 23 февраля 1720 г. Петръ внесъ въ Сенатъ проектъ названнаго акта, предписавъ ему совмѣстно съ архіереями разсмотрѣть его и сдѣлать соотвѣтствующія замѣчанія. Сенатъ исполнилъ предписаніе государя и въ засѣданіи 24 февраля разсмотрѣлъ проектъ, дополнивъ нѣкоторыя его постановленія, касающіяся мірскихъ людей. Послѣ этого проектъ былъ доложенъ государю, который 25 февраля писалъ въ Сенатъ: „понеже вчерась отъ васъ же слышалъ, что проектъ о духовной коллегіи какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всѣ за благо, того ради надлежитъ архіереямъ и вамъ оный подписать, который потомъ и я закрѣплю“. По исполненіи этого предписанія, проектъ былъ разосланъ по всѣмъ епархіямъ. Цѣль подобной посылки неизвѣстна. Быть можетъ, Петръ хотѣлъ, чтобы епархіальныя власти, близко стоящія къ духовной жизни провинціи, сдѣлали свои замѣчанія и пополненія къ проекту; иначе говоря, быть можетъ, государь хотѣлъ привлечь къ участію въ составленіи Духовнаго регламента и провинціальное духовенство. Съ другой стороны, цѣль посылки проекта, быть можетъ, ограничивалась только тѣмъ, чтобы добыть однѣ подписи епархіальныхъ властей, имѣя въ виду этимъ способомъ придать регламенту большую силу и значеніе. Какъ бы то ни было, но посылка регламента

состоялась. 9 марта Сенатъ постановилъ послать въ Москву полковника Давыдова съ проектомъ регламента и съ приказомъ созвать архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ опредѣленной части епархій въ Москву. Духовные чины другой части епархій должны были собраться въ Казани. Обоимъ этимъ собраніямъ Давыдовъ представилъ проектъ, который они и подписали. Послѣ этого онъ былъ возвращенъ государю и утвержденъ имъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1720 г. Въ январѣ слѣдующаго (1721) года регламентъ былъ обнародованъ [1]).

Сличая этотъ законодательный памятникъ съ другими актами древнерусскаго церковно-государственнаго законодательства, мы найдемъ, по справедливому замѣчанію г. Кедрова, что въ основаніи его прежде всего лежатъ тѣ общія начала церковнаго управленія, которыя опредѣлены, главнымъ образомъ, въ различныхъ каноническихъ постановленіяхъ вселенской церкви и затѣмъ были приняты во всей силѣ и русскою церковью. Въ оглавленіи, приданномъ регламенту его составителемъ, мы читаемъ: „управленія основаніе, то есть законъ Божій, въ св. писаніи предложенный, такожъ каноны или правила соборныя святыхъ отецъ и уставы гражданскіе, слову Божію согласные, собственной себѣ книги требуютъ, а здѣ не вмѣщаются“. Впрочемъ, несмотря на это замѣчаніе, авторъ регламента въ очень многихъ параграфахъ своего труда въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ рядъ цитатъ изъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, какъ равно и изъ правилъ отцовъ и учителей церкви. Иногда, не приводя самого текста тѣхъ или другихъ каноническихъ правилъ въ подтвержденіе истинности своихъ словъ, онъ замѣчаетъ вообще, что „суть каноны“ (т. е. каноническія правила), запрещающіе епископу или какому другому лицу то-то и то-то. Что касается ближайшихъ источниковъ, легшихъ въ основу Духовнаго регламента, то, разбирая его, не трудно замѣтить, что автору его были не безызвѣстны памятники и древнерусскаго церковнаго законодательства, и онъ нерѣдко ими пользовался, какъ готовымъ и уже вполнѣ обработаннымъ матеріаломъ. Нѣко-

[1]) Внутренній бытъ русскаго государства, книга II, изд. Архива мин. юстиціи.

торыя опредѣленія, напр., Стоглаваго собора и соборовъ позднѣйшихъ повторяются регламентомъ почти съ буквальною точностію. Таковы особенно постановленія о монашествѣ, о бѣломъ духовенствѣ, о правахъ и власти епископовъ и нѣкоторыя другія. Рядомъ съ правилами русскихъ церковныхъ соборовъ въ основаніе регламента легли и тѣ памятники, которые были первоисточниками древнерусскаго церковнаго законодательства со времени принятія Россіей христіанства. Мы говоримъ о Номоканонѣ или Кормчей книгѣ. Постановленія послѣдней авторъ регламента приводитъ иногда прямо, иногда же, какъ, напр., послѣ изложенія правилъ о монашествѣ, просто лишь заявляетъ, что „многая о сихъ обрѣтаются въ книгѣ Кормчей“. Такимъ образомъ Духовный регламентъ, какъ памятникъ церковнаго законодательства, въ своей основѣ держится всѣхъ тѣхъ источниковъ, которые всегда признавались церковью за источники, опредѣляющіе церковное право. Но помимо этихъ церковныхъ источниковъ, въ регламентѣ живо отразился духъ и характеръ современнаго ему свѣтскаго законодательства. И въ этомъ отношеніи регламентъ рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ ему законодательныхъ памятниковъ русской церкви. Вотъ, почему онъ является памятникомъ сколько церковнаго, столько же и свѣтскаго законодательства. Такъ, прежде всего за образецъ при его составленіи брались несомнѣнно раньше его появившіеся регламенты разныхъ государственныхъ учрежденій. Вліяніе свѣтскаго законодательства отразилось на Духовномъ регламентѣ настолько, что авторъ его не счелъ нужнымъ упоминать о правилахъ касательно порядка отправленія дѣлъ въ устанавливаемой имъ духовной коллегіи, замѣтивъ, что образцомъ въ этомъ отношеніи для послѣдней долженъ служить Генеральный регламентъ [1]).

Что касается до содержанія Духовнаго регламента, то оно можетъ быть раздѣлено на семь отдѣловъ. Первый отдѣлъ (вступительный) излагаетъ причины изданія регламента и учрежденія духовной коллегіи. Второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ постановленія касательно духовныхъ чиновъ и распоряженія по разнымъ

[1]) Кедровъ, Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго, стр. 41.

дѣламъ, относящимся къ духовному управленію. Третій отдѣлъ излагаетъ обязанности епископовъ. Четвертый содержитъ въ себѣ постановленія объ училищахъ и учителяхъ, пятый—о проповѣдникахъ слова Божія, шестой—о мірскихъ людяхъ и седьмой (организаціонный) о духовной коллегіи. Изъ этого перечисленія содержанія регламента видно, что онъ, въ отличіе отъ другихъ регламентовъ, не является только учредительнымъ актомъ, но, напротивъ, касается и другихъ сторонъ матеріальнаго права, представляя изъ себя ничто иное, какъ сборникъ церковныхъ законовъ.

Къ регламентамъ можно причислить и такіе законодательные акты вполнѣ учредительнаго характера, какъ Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. и Жалованныя грамоты дворянству и городамъ 1785 г., изданные Екатериной II и на многія постановленія которыхъ имѣли такое сильное вліяніе сословные наказы, поданные депутатами въ законодательную коммисію 1767 г.

Сепаратные указы.

Третьей формой закона были сепаратные указы, инструкціи и манифесты. Законодательство императорскаго періода вообще и петровскаго времени въ частности развивалось, главнымъ образомъ въ этой формѣ, при чемъ весьма важные законы, существенно видоизмѣнявшіе государственный и гражданскій бытъ Россіи, издавались въ формѣ указовъ. Но рядомъ съ этимъ въ эту форму облекались и простыя распоряженія, имѣвшія вполнѣ временное значеніе и не обладавшія никакимъ законодательнымъ характеромъ. Число указовъ громадно, при чемъ многіе изъ нихъ совершенно несогласованы другъ съ другомъ и съ Уложеніемъ 1649 г., содержаніе котораго, однако, существенно измѣнено послѣдующимъ законодательствомъ и, въ силу этого, должно было быть согласовано съ нимъ. Мы разсмотримъ только нѣкоторые изъ болѣе важныхъ законодательныхъ актовъ этой категоріи, какими безспорно являются: указъ о единонаслѣдіи 1714 г., табель о рангахъ 1722 г.; указъ о формѣ суда 1723 г., манифестъ о вольностяхъ дворянству 1762 г. и указъ о воровствѣ 1781 г. Та-

кимъ образомъ законодательные памятники, подлежащіе нашему разсмотрѣнію, будутъ относиться къ разнымъ отраслямъ права, а именно: къ государственному, къ гражданскому и къ уголовному праву и къ судопроизводству.

Указъ о единонаслѣдіи 1714 г. играетъ весьма важную роль въ исторіи гражданскаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ наглядньмъ примѣромъ несостоятельности всѣхъ попытокъ реформировать государственный и гражданскій бытъ народа въ направленіи, совершенно противоположномъ историческимъ традиціямъ послѣдняго. Указъ 1714 г. долженъ былъ создать въ Россіи систему майората, т. е. такой институтъ, для котораго не было у насъ никакой исторической почвы и который являлся продуктомъ исторической жизни западной Европы, развившейся совершенно при иныхъ условіяхъ, чѣмъ историческая жизнь Россіи. Въ этомъ несоотвѣтствіи новаго порядка наслѣдованія, перенесеннаго Петромъ съ Запада въ Россію, съ условіями русскаго юридическаго быта и кроется неудача названной реформы, равно какъ и недолгаго существованія указа о единонаслѣдіи.

Что касается до исторіи составленія разсматриваемаго законодательнаго памятника, то намъ извѣстно, что Петръ еще задолго до 1714 г. рѣшился собрать и изучить законы, опредѣляющіе порядокъ наслѣдованія во многихъ западно-европейскихъ государствахъ. Въ виду этого, государь поручилъ извѣстному Брюсу составить краткое описаніе законовъ о наслѣдствѣ, дѣйствовавшихъ въ Шотландіи, Англіи и Франціи. Затѣмъ до насъ дошло письмо Головкина, писанное въ 1711 г. секретарямъ Посольскаго приказа, гдѣ, между прочимъ, мы находимъ слѣдующее мѣсто: „желаетъ его царское величество вѣдать подлинно изъ правилъ французскихъ, аглинскихъ и венецыйскихъ (т. е. венеціанскихъ), какое у нихъ опредѣленіе, какъ въ недвижимыхъ маетностяхъ и домахъ, такъ и въ пожиткахъ дѣтямъ, по отцамъ оставшимся, мужеска и женска въ наслѣдствіи и раздѣлѣ оныхъ, какъ знатнѣйшихъ княжихъ, графскихъ, шляхетскихъ, такъ и купецкихъ фамилій. И вы поищите такихъ правилъ въ книгахъ, которыя вывезъ къ Москвѣ Петръ Посниковъ и, ежели того

нѣтъ, то велите перевести“ [1]). Кромѣ этихъ свѣдѣній относительно исторіи составленія указа 1714 г., другихъ мы не знаемъ.

Указъ 1714 г. встрѣтилъ въ обществѣ сильнѣйшую оппозицію, такъ какъ совершенно не согласовался съ народными воззрѣніями, ставъ въ разрѣзъ съ исконнымъ порядкомъ наслѣдованія—раздѣла имущества между всѣми дѣтьми, этого продукта долгой исторической жизни, окончательно формулированнаго въ Уложеніи 1649 г. Вотъ, почему родители начали употреблять всевозможныя средства, чтобы обходить законъ и, несмотря на строгое запрещеніе, дѣлить поровну между дѣтьми свое имущество. Не преувеличивая, можно сказать, что ни одна изъ петровскихъ реформъ не встрѣтила столько несочувствія и такого отпора на практикѣ, какъ разсматриваемый указъ, получившій названіе „пунктовъ“ 1714 г. При первомъ же удобномъ случаѣ, когда общество получило возможность высказать свои нужды и желанія, именно въ 1730 г., при избраніи на престолъ импер. Анны Іоанновны, оно высказалось за отмѣну указа 1714 г. и за возвращеніе къ постановленіямъ Уложенія. Анна Іоанновна исполнила желаніе сословій и указомъ 1731 г. „пункты“ 1714 г. были отмѣнены. Но постановленія ихъ не остались совсѣмъ безслѣдны. Дѣло въ томъ, что указомъ 1714 г. было окончательно уничтожено всякое различіе между вотчинами и помѣстьями, т. е. иначе говоря, завершился тотъ процессъ сближенія обоихъ понятій поземельной собственности, начало котораго еще относится ко времени Московскаго государства. Анна Іоанновна, отмѣняя указъ 1714 г., не отмѣнила однако измѣненія, внесеннаго имъ въ область разграниченія понятій вотчины и помѣстья, которыя послѣ того стали одинаково называться недвижимой собственностью.

Другимъ весьма важнымъ законодательнымъ памятникомъ, относящимся къ категоріи сепаратныхъ указовъ и съ нѣкоторыми измѣненіями продолжающимъ дѣйствовать и по сіе время, была табель о рангахъ 1722 г. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что иниціатива изданія табели принадлежала Лейбницу, съ которымъ Петръ постоянно совѣщался, ше-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI.

ствуя по пути своей преобразовательной дѣятельности. До насъ дошли извѣстія, что первые проекты табели составлены самимъ Петромъ на вснованіи имѣвшихся у него расписаній чиновъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Затѣмъ въ окончательной редакціи табели принимали участіе сенаторы Головкинъ и Брюсъ и нѣкоторыя другія лица. По окончаніи этой работы, проектъ табели былъ внесенъ на разсмотрѣніе въ Сенатъ, при чемъ послѣднему были представлены и расписанія чиновъ французскихъ, прусскихъ, шведскихъ и датскихъ, служившихъ образцами при составленіи табели Сенатъ сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія противъ проекта, часть которыхъ была принята во вниманіе государемъ. Такъ, между прочимъ, Сенатъ возразилъ на постановленія о рангѣ канцлера. „Въ регламентахъ о рангахъ, — писалъ Сенатъ,—во французскомъ, въ датскомъ, въ англійскомъ, а въ Швеціи изъ сенаторовъ старшій королевскій совѣтникъ написаны въ первомъ классѣ, того ради мнѣніе наше... тому чину быть въ первомъ классѣ". Возраженіе Сената было принято во вниманіе. Напротивъ, съ другимъ возраженіемъ государь не согласился. А именно, Сенатъ представилъ слѣдующее донесеніе: „понеже еще остались въ древнихъ чинахъ нѣкоторыя персоны, а именно: бояре, кравчіе, окольничіе, думные дворяне, стольники, спальники и прочіе чины, того ради предлагается, не изволитъ ли его царское величество онымъ по ихъ животъ опредѣлить противъ другихъ рангами, ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы быть имѣютъ въ губернаторы, въ воеводы, и ежели ранги имъ будутъ не опредѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противности". Однако, это донесеніе было оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ табель о рангахъ совершенно игнорировала древніе чины. Кромѣ Сената, проектъ табели разсматривался еще въ Военной и Адмиралтействъ-коллегіяхъ. Затѣмъ въ 1721 г. онъ былъ подписанъ Петромъ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „сіе не публиковать и не печатать до Сентября, дабы еще осмотрѣться". 24 янв. 1722 г. табель была обнародована [1]).

[1]) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I, Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII.

Значеніе табели о рангахъ въ исторіи русскаго государственнаго права вообще и въ исторіи русскаго дворянства въ особенности было громадно. Благодаря ей, Петру удалось упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя. Слѣдствіемъ этого было то. что къ дворянству постоянно приливали новыя силы изъ народа и оно не могло замкнуться въ особую касту. Дальнѣйшее законодательство о чинопроизводствѣ уклонилось отъ первоначальной идеи табели о рангахъ. По идеѣ табели ранги, т. е. чины означали самыя мѣста, т. е. должности, помимо которыхъ они не имѣли никакого значенія, какъ внѣшніе почетные титулы. Такимъ образомъ, рангъ обусловливался должностью. Впослѣдствіи чины начинаютъ имѣть самостоятельное значеніе внѣшнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей. Кромѣ того, вполнѣ демократическій характеръ табели нарушился тѣмъ, что для производства въ нѣкоторые чины для дворянства были установлены сокращенные сроки. Во всякомъ случаѣ вліяніе табели на судьбы нашего дворянства огромны. Какъ ни старалось послѣ нея дворянство замкнуться въ отдѣльное сословіе, бюрократическое начало табели всегда брало верхъ надъ аристократическимъ началомъ. Такимъ образомъ, значеніе табели состояло въ томъ, что она водворила въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ чина надъ породой и обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей и отличій [1]).

Третьимъ по времени указомъ былъ извѣстный указъ 5 ноября 1723 г. о формѣ суда. Мотивомъ къ его изданію послужило желаніе правительства уничтожить ябедничество и волокиту, эти страшныя язвы нашего древняго судопроизводства. Самый указъ начинается жалобой на то, что „въ судахъ много даютъ лишняго говорить и много неподобнаго пишутъ“. Однако, указъ о формѣ суда не только не улучшилъ недостатковъ судопроизводства, но еще значительно увеличилъ ихъ число. Крайнимъ стѣсненіемъ дѣйствій сторонъ, расширеніемъ произвола судей, широкимъ допу-

[1]) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 14.

щеніемъ повѣренныхъ, отсутствіемъ установленія сроковъ для постановки приговоровъ и, наконецъ, несогласованіемъ и противорѣчіемъ своихъ постановленій съ постановленіями Воинскихъ процессовъ онъ произвелъ полнѣйшую дезорганизацію въ области судопроизводства, подъ покровомъ которой стали процвѣтать такіе порядки, которые не могли имѣть ничего общаго съ цѣлями правосудія. Вотъ причина тѣхъ обличеній указа о формѣ суда, которыя мы находимъ въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ сословіями въ Екатерининскую законодательную комиссію въ 1767 г. и которыя составляютъ большую часть содержанія наказовъ (см. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“ т. I).

Весьма важнымъ сепаратнымъ закономъ является манифестъ о вольностяхъ дворянства 1762 г., составляющій цѣлую эпоху въ исторіи дворянскаго сословія. Манифестъ былъ изданъ Петромъ III подъ вліяніемъ И. И. Шувалова, Р. Л. Воронцова и другихъ приближенныхъ къ государю лицъ. Авторомъ его былъ генералъ-прокуроръ А. И. Глѣбовъ. Изданіемъ манифеста началось *раскрѣпощеніе* сословій, закончившееся 19 февраля 1861 г. Вотъ, почему въ литературѣ неоднократно можно встрѣтить проведеніе параллели между двумя названными манифестами, раздѣленными ровно столѣтіемъ. Подобно манифесту 19 февраля 1861 г., освободившему крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, манифестъ 19 февраля 1762 г. освободилъ дворянство отъ лежавшаго на немъ тягла—обязательной службы государству, ставившей его также въ положеніе сословія крѣпостного. Вліяніе его на послѣдующія судьбы дворянства неисчислимо. Онъ составляетъ поворотную точку въ исторіи этого сословія, когда оно изъ крѣпостного служилаго, какимъ было во все продолженіе своего существованія, превратилось въ привилегированное землевладѣльческое и стало въ полномъ смыслѣ этого слова высшимъ сословіемъ въ государствѣ [1]). Манифестъ, уничтожившій обязательную службу дворянства, естественно былъ встрѣченъ со сто-

[1]) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 198.

роны послѣдняго съ восторгомъ. Такъ, Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи поставить ему золотую статую; дворянство всѣхъ мѣстностей Россіи разными способами старалось выразить свою радость и благодарность государю и т. д.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, хотя дѣйствіе манифеста, какъ нужно думать, и не было пріостановлено, но императрица учредила особую комиссію съ цѣлью разсмотрѣнія названнаго акта и приведенія его содержанія въ „лучшее совершенство“, такъ какъ съ точки зрѣнія Екатерины манифестъ „еще болѣе стѣсняетъ свободу, нежели отечественная польза требовать можетъ“. Что сдѣлала эта комиссія—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ съ изданіемъ Жалованной грамоты дворянству въ 1785 г. постановленія манифеста были подтверждены и окончательно получили силу закона.

Послѣдній указъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, это — указъ „о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ“ 1781 г., важный въ томъ отношеніи, что имъ впервые было смягчено наказаніе за мелкія кражи. Подъ послѣдними указъ призналъ кражи „цѣною ниже 20 рублей“.

Кодификація.

Кодификація отъ Петра I до Екатерины II. Сепаратные указы были самой многочисленной формой закона въ продолженіе всего XVIII ст. Если же прибавить къ нимъ еще уставы и регламенты, а также и новоуказныя статьи, продолжавшія дѣйствовать и въ императорскомъ періодѣ, то получится огромная масса законодательнаго матеріала, совершенно не сведеннаго ни въ какую систему, слѣдовательно, представлявшаго неимовѣрныя трудности при осуществленіи его на практикѣ. Уже въ XVII ст. правительство сознавало необходимость кодификаціи и принимало нѣкоторыя мѣры, долженствовавшія до извѣстной степени упорядочить дѣйствовавшее законодательство. Тѣмъ болѣе потребность въ кодификаціи дала о себѣ знать съ наступленіемъ XVIII ст., когда, благодаря преобразовательной дѣятельности Петра, появи-

лась масса новыхъ законодательныхъ памятниковъ, притомъ совершенно несогласованныхъ съ прежнимъ законодательствомъ и нерѣдко по своимъ основнымъ началамъ даже діаметрально противоположныхъ ему.

Петръ ясно сознавалъ необходимость систематизаціи всего законодательнаго матеріала и въ продолженіе 25 лѣтъ трудился надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Уже въ первый годъ XVIII ст., именно 18 февраля 1700 г., состоялся царскій указъ, которымъ учреждалась особая палата объ Уложеніи, т. е. комиссія, обязанная заняться пересмотромъ и исправленіемъ Уложенія 1649 г. Палатѣ предписывалось внести въ подлежащіе мѣста названнаго законодательнаго сборника всѣ, послѣдующіе послѣ его изданія, именные указы и новоуказныя статьи, а также состоявшіеся по рѣшеннымъ дѣламъ боярскіе приговоры, иначе говоря, палата должна была составить, такъ называемую, Новоуложенную книгу или сводъ прежняго Уложенія съ законодательнымъ матеріаломъ, изданнымъ въ промежутокъ времени отъ 1649 г. до 1700 г. Указъ предписывалъ дьякамъ всѣхъ приказовъ собрать именные указы, новоуказныя статьи и боярскіе приговоры, хранящіеся въ приказахъ, и, сдѣлавъ съ нихъ списки, доставить въ палату. Затѣмъ онъ опредѣлилъ составъ послѣдней. Въ нее должны были войти исключительно члены служилаго класса, а именно: бояре, окольничіе, думные дворяне, стольники и дьяки (всѣхъ 71 человѣкъ). Кромѣ того, по распоряженію государя, къ палатѣ были прикомандированы подъячіе изъ приказовъ, на обязанности которыхъ было вести все письменное дѣлопроизводство. Кто былъ предсѣдателемъ палаты неизвѣстно, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что эту роль игралъ князь И. Б. Троекуровъ. Такъ, въ спискѣ бояръ его имя поставлено первымъ; затѣмъ изъ дошедшаго до насъ поденнаго журнала палаты видно, что засѣданія послѣдней, независимо отъ другихъ причинъ, прекращались одинъ разъ, потому что онъ ѣздилъ въ Ярославль и въ другой разъ по случаю его болѣзни.

Палата начала свои засѣданія 27 февраля 1700 г. Въ протоколѣ перваго засѣданія прописанъ весь указъ 18 февраля объ учрежденіи палаты и въ концѣ протокола прибавлено, что бояре

приказали этотъ указъ вписать въ книгу. Затѣмъ палатѣ было представлено оглавленіе Уложенія съ показаніемъ, сколько въ каждой главѣ сборника помѣщено статей. Въ слѣдующемъ засѣданіи 28 февраля бояре приказали послать во всѣ приказы предписаніе дьякамъ, чтобъ они распорядились изготовленіемъ списковъ съ новоуказныхъ статей и чтобъ эти списки внесли въ палату. Изъ матеріаловъ, относящихся до исторіи палаты, видно, какимъ способомъ она сносилась съ приказами. Обыкновенно туда посылались подъячіе, находившіеся въ вѣдомствѣ палаты. Послѣдніе снабжались краткими записками, въ которыхъ излагалась сущность требованія палаты и которыя подъячіе предъявляли судьямъ и дьякамъ приказовъ. Получивъ отвѣтъ, подъячіе, по возвращеніи своемъ въ палату, записывали въ особую тетрадь какъ данное имъ порученіе, такъ и сдѣланное ими по этому порученію исполненіе.

Палата, какъ видно по всему, спѣшила со своимъ трудомъ; приказы же, по сущности самаго дѣла, не удовлетворяли этой поспѣшности. Оно и понятно. Первая только выслушивала доставленные ей указы, а на обязанности послѣднихъ было пріискать ихъ, списать съ нихъ списки и ихъ провѣрить. Естественно, что они не могли вполнѣ удовлетворять требованіямъ палаты, тѣмъ болѣе, что для отыскиванія указовъ не было никакихъ вспомогательныхъ средствъ, и руководствомъ въ такихъ случаяхъ служила единственно память дьяковъ и подъячихъ, обращавшихся продолжительное время съ дѣлами.

Въ серединѣ мая приказы представили всѣ нужные списки и палата могла безпрепятственно приступить къ своей работѣ. Къ іюлю 1701 г. палата выслушала все Уложеніе и пересмотрѣла и дополнила его новоуказными статьями. Такимъ образомъ была окончена вся работа и составлена Новоуложенная книга [1]).

Какія причины воспрепятствовали обнародованію новаго Уложенія—неизвѣстно. По всей вѣроятности, значительная неисправность въ его составленіи, выразившаяся, главнымъ образомъ, въ пропускѣ многихъ указовъ и новоуказныхъ статей, оставшихся,

[1]) Полѣновъ. Матеріалы для исторіи русскаго законодательства.

такимъ образомъ, не сведенными съ прежнимъ Уложеніемъ, послужила причиной этому. Фактъ нераспущенія палаты и ея дальнѣйшія работы служатъ доказательствомъ вѣроятности подобнаго предположенія. Такъ, въ августѣ палата снова начала свои засѣданія и продолжала ихъ вплоть до 14 ноября 1703 г., занимаясь въ теченіе всего этого времени дополненіемъ Уложенія тѣми изъ новоуказныхъ статей, которыя она пропустила при первоначальномъ составленіи Уложенія. Этимъ прекращаются свѣдѣнія о дѣйствіяхъ палаты и объ ея дальнѣйшей судьбѣ.

Какъ бы то ни было, но палата выполнила порученное ей дѣло: старое Уложеніе было сведено съ новоуказными статьями и Новоуложенная книга была доставлена. Но нужно думать, Петръ остался недоволенъ результатомъ трудовъ палаты, такъ какъ новое Уложеніе никогда не было обнародовано и трехлѣтнія занятія палаты совершенно пропали даромъ. Мало того, несмотря даже на то, что палата, составивъ новое Уложеніе, еще около двухъ лѣтъ занималась его исправленіемъ и дополненіемъ тѣми указами, которые пропустила вначалѣ, Петръ все-таки же не обнародовалъ Новоуложенной книги и черезъ нѣсколько лѣтъ нарядилъ новую комиссію, поручивъ ей заняться тѣмъ же дѣломъ. Именно въ 1714 г. Петръ снова возбудилъ вопросъ о новомъ Уложеніи. 20 мая онъ издалъ, на имя Сената указъ, которымъ предписывалъ судьямъ всѣ дѣла рѣшать только по одному Уложенію. Что же касается до новоуказныхъ статей и сепаратныхъ указовъ, то они совсѣмъ не должны были приниматься въ расчетъ. Въ одномъ только случаѣ судьи получили разрѣшеніе обращаться къ нимъ, это—при разборѣ такихъ дѣлъ, которыя не были предусмотрѣны Уложеніемъ, иначе говоря, только за тѣми указами и новоуказными статьями была оставлена сила законодательныхъ актовъ, какіе „учинены не въ перемѣну (т. е., не въ измѣненіе), но въ дополненіе Уложенія“. Подобный порядокъ вещей долженъ былъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Уложеніе, вслѣдствіе „недовольныхъ въ немъ рѣшительныхъ пунктовъ, исправлено и въ народъ публиковано будетъ“. Всѣ же новоуказныя статьи, изданныя „не въ образецъ“, „но противно“ Уложенію, хотя бы онѣ были „помѣчены именными указами и палатными

приговорами“ (т. е. боярскими приговорами), велѣно было „отставить, на примѣръ не выписывать и вновь отнюдь не дѣлать“. Указъ заканчивался предписаніемъ Сенату озаботиться собраніемъ тѣхъ изъ новоуказныхъ статей и указовъ, которые были изданы для рѣшенія дѣлъ, не имѣвшихъ возможности быть разрѣшенными на основаніи Уложенія, съ цѣлью кодификаціи этихъ законодательныхъ актовъ.

Въ силу этого указа, Сенатъ учредилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ сенатора Апухтина, предписавъ ей заняться названнымъ дѣломъ. Комиссія собрала новоуказныя статьи и росписала ихъ по особой табели, указанной Сенатомъ, вслѣдствіе чего 17 сентября 1717 г. были даны изъ Юстицъ-коллегіи дьякамъ Помѣстнаго и Земскаго приказовъ пункты о составленіи свода полнаго Уложенія или, какъ тогда говорилось, сводnаго Уложенія. Нужно думать, что въ этой работѣ приняла также участіе и апухтинская комиссія. Въ результатѣ оказалось составленіе десяти главъ Уложенія, но, въ виду того, что они не были окончены, то и остались безъ разсмотрѣнія и, вообще, безъ всякихъ послѣдствій [1]).

Такимъ образомъ, и вторая комиссія ровно ничего не сдѣлала. Тогда Петръ рѣшилъ оставить попытки къ составленію *сводnаго* Уложенія и предписалъ создать *новое* Уложеніе, взявъ за образецъ для него шведскій и датскій кодексы. Вслѣдствіе этого, 9 мая 1718 г. послѣдовала высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-коллегіи объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ по примѣру Швеціи, о переводѣ шведскаго кодекса на русскій языкъ и объ „учиненіи“ свода русскихъ законовъ со шведскими. Иначе говоря, было предписано учрежденіе третьей кодификаціонной комиссіи, на обязанности которой лежало разрѣшеніе крайне трудной задачи. Легко можно себѣ представить, какія препятствія должны были встрѣтиться во время „сведенія“ русскихъ законовъ со шведскими, главнымъ образомъ вслѣдствіе различій въ языкѣ, недостатка въ свѣдущихъ людяхъ и, наконецъ, вслѣдствіе коренного несходства двухъ разныхъ системъ законодательства,

[1]) Сперанскій. Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ.

тѣмъ болѣе, что наше Уложеніе, не будучи сведено съ новоуказными статьями, по вѣрному замѣчанію Сперанскаго, не представляло никакой возможности опредѣлить съ достовѣрностью, что должно было въ немъ считаться дѣйствующимъ и что отмѣненнымъ [1]). Но эта трудность въ то время не сознавалась, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ фактъ назначенія государемъ десятимѣсячнаго періода времени для сведенія нашихъ законовъ со шведскими! Указъ, назначившій срокъ, когда Уложеніе должно было быть составлено (изданный въ концѣ 1719 г.), опредѣлилъ также и методъ его составленія и указалъ, кромѣ шведскаго и датскаго кодексовъ, также на эстляндское и лифляндское законодательство, какъ на источники Уложенія. Иначе говоря, Петръ, наскучивъ ожиданіемъ, когда, наконецъ, будетъ составлено систематическое собраніе русскихъ законовъ, рѣшилъ замѣнить его готовымъ шведскимъ кодексомъ, дополнивъ и исправивъ послѣдній принаровительно къ потребностямъ русскаго общества. Такимъ образомъ, историческая почва была оставлена и правительство въ отношеніи законодательства, какъ и въ отношеніи всего остального, пошло по пути заимствованій. Петръ, очевидно, надѣялся, что, идя по второму пути, можно скорѣе достигнуть какихъ бы то ни было результатовъ и вотъ, почему назначилъ сравнительно весьма короткій срокъ для составленія Уложенія, угрожая въ противномъ случаѣ строгимъ наказаніемъ. Но угроза ни къ чему не привела и Сенатъ по видимому не придалъ ей никакого значенія, такъ какъ только черезъ семь мѣсяцевъ вспомнилъ объ Уложеніи и распорядился нарядить особую комиссію (счетомъ третью) для сего составленія. 8-го августа 1720 г. былъ изданъ сенатскій указъ, которымъ учреждалась эта комиссія. Въ составъ ея вошли три иностранца, находившіеся на русской службѣ, и пять русскихъ; впрочемъ, составъкоммиссіи не разъ измѣнялся за время ея существованія.

Какъ шли дѣла комиссіи въ первый годъ послѣ ея возникновенія, мы не имѣемъ извѣстій, но нужно думать, что не особенно удачно и чѣмъ дальше разсматривали шведскій кодексъ,

[1]) Сперанскій. Обозрѣніе ист. свѣд. о Сводѣ Законовъ.

тѣмъ больше встрѣчалось неудобствъ въ приспособленіи его къ русской жизни. Срокъ, назначенный Петромъ для окончанія Уложенія (конецъ октября 1720 г.), давно уже наступилъ, а между тѣмъ комиссія была еще очень далека отъ окончанія своихъ работъ.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за ходомъ этихъ работъ въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ, хотя о дѣятельности комиссіи за это время до насъ дошло не мало любопытныхъ документовъ, найденныхъ *много* въ архивѣ Кодификаціоннаго Отдѣла и изложенныхъ въ *моемъ* изслѣдованіи о законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи въ XVIII ст. (т. I, 1887 г.), куда и отсылаемъ интересующихся. Скажемъ только, что за это время комиссія продолжала трудиться надъ порученнымъ ей дѣломъ, составляя проектъ новаго Уложенія, долженствовавшій состоять изъ семи книгъ, раздѣленныхъ на соотвѣтствующее число главъ и артикуловъ. Работа комиссіи подвигалась крайне медленно, что объяснялось, какъ трудностью самой задачи, для разрѣшенія которой была организована комиссія, такъ и тѣми условіями, при которыхъ находились члены комиссіи. Такъ, до насъ дошло немало донесеній въ Сенатъ отъ приказныхъ служителей (входившихъ въ составъ комиссіи и игравшихъ весьма важную роль въ дѣлѣ составленія новаго Уложенія, такъ какъ на нихъ, какъ на юристовъ-практиковъ и знатоковъ письменнаго дѣлопроизводства, возлагалась вся черновая работа и они, такимъ образомъ, являлись настоящими составителями Уложенія). изъ которыхъ видно въ какихъ жалкихъ условіяхъ, въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія, находились послѣдніе. Можно, не преувеличивая, сказать, что приказные чуть не умирали съ голоду и нерѣдко влачили въ полномъ смыслѣ слова нищенское существованіе, что, само собой разумѣется, не могло споспѣшествовать ускоренію работъ комиссіи и приведенію ихъ къ благополучному окончанію. Затѣмъ нерѣдко комиссія, по крайней мѣрѣ фактически, совсѣмъ прекращала свое существованіе или вслѣдствіе выхода старыхъ членовъ изъ ея состава и неназначенія на ихъ мѣсто новыхъ, или вслѣдствіе отсутствія хорошаго помѣщенія со всѣми приспособленіями для занятій, или, наконецъ,

вслѣдствіе какихъ-либо другихъ причинъ. Все это имѣло въ результатѣ тотъ фактъ, что Петру такъ и не пришлось увидѣть результата работъ комиссіи и онъ скончался, не дождавшись окончанія составленія новаго Уложенія.

Единственно, что успѣла сдѣлать комиссія въ продолженіе его царствованія, это — составить четыре книги Уложенія. Но эти книги, по всей вѣроятности, вслѣдствіе ихъ неудовлетворительности, никогда не получили санкціи со стороны законодательной власти. Между тѣмъ множество новыхъ указовъ, часто противорѣчившихъ другъ другу, сбивало съ толку судей и производило страшную путаницу и медленность въ дѣлахъ. Поэтому Петръ, не дожидаясь окончанія Уложенія, еще въ ноябрѣ 1723 г. издалъ указъ, которымъ предписывалъ разобрать состоявшіеся въ разное время по поводу одного и того же дѣла указы и тѣ изъ нихъ, которые будутъ имъ утверждены, напечатать и присоединить къ соотвѣтствующимъ регламентамъ. Этою мѣрою онъ желалъ уничтожить какъ разрозненность указовъ, такъ и многочисленность ихъ по поводу одного и того же дѣла. Наконецъ, очевидно, отчаявшись въ окончаніи новаго Уложенія, государь 11 марта 1724 г. издалъ именной указъ, которымъ повелѣлъ всѣ новые указы печатать и присоединять: одни къ регламентамъ, а другіе къ старому Уложенію, при чемъ было предписано, въ случаѣ несоотвѣтствія указовъ съ Уложеніемъ, рѣшать дѣла на основаніи первыхъ, а не на основаніи второго. Такимъ образомъ Петръ, вслѣдствіе полнѣйшей неудачи задуманной имъ систематизаціи законодательства, рѣшился до извѣстной степени ослабить ее двумя названными мѣрами, а также путемъ изданія отдѣльныхъ регламентовъ по разнымъ частямъ управленія, игравшихъ роль, по его же собственнымъ словамъ, вѣхъ или указокъ, куда относить тотъ или другой указъ. А между тѣмъ комиссія, ни мало не унывая и, очевидно, воображая, что порученное ей дѣло близится къ благополучному окончанію, поспѣшила, какъ и палата объ Уложеніи, составить проектъ манифеста и даже предисловіе къ Уложенію, являющіеся весьма любопытными литературными памятниками того времени (см. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“).

Дѣятельность третьей петровской комиссіи не прекратилась со смертію Петра. Такъ, уже три недѣли спустя послѣ восшествія на престолъ Екатерины I Сенатъ издалъ указъ, предписывавшій увеличить составъ комиссіи назначеніемъ въ нее новыхъ членовъ, въ которомъ нельзя не видѣть слабой попытки обращенія къ обществу. „Въ виду того, что прежде назначенные члены, говорится въ указѣ, по разнымъ причинамъ выбыли изъ нея, въ данный моментъ она состоитъ только изъ двухъ лицъ, вслѣдствіе чего въ сочиненіи Уложенія произошла остановка и „пропущеніе“ времени. „Того ради Прав. Сенатъ, разсуждая, дабы Уложеніе при довольномъ числѣ членовъ сочиняемо было съ поспѣшеніемъ, приказали: быть при томъ сочиненіи членамъ изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны“. Такимъ образомъ, въ составъ комиссіи было назначено восемь человѣкъ, изъ которыхъ трое должны были быть избраны: одинъ Военной коллегіей, а два Главнымъ магистратомъ. Очевидно, правительство рѣшилось на нѣкоторую попытку обращенія къ обществу, думая, что при его содѣйствіи вопросъ о новомъ Уложеніи будетъ разрѣшенъ гораздо скорѣе и успѣшнѣе. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществится и Екатеринѣ также не пришлось дождаться окончанія трудовъ комиссіи. Въ 1727 г. со смертію императрицы прекратила свое существованіе и комиссія.

Съ воцареніемъ Петра II вопросъ о новомъ Уложеніи не былъ оставленъ, хотя правительство, видя безплодность работъ третьей комиссіи, рѣшило измѣнить порядокъ, принятый за основаніе для составленія Уложенія въ 1719 г. Справедливо полагая, что главная причина неудачъ комиссіи кроется съ самой задачѣ, надъ разрѣшеніемъ которой она должна была трудиться, а именно въ примѣненіи къ русской жизни иностраннаго законодательства, т. е. въ перенесеніи въ Россію такихъ правовыхъ началъ, которыя явились продуктомъ совершенно иныхъ историческихъ условій и потому никоимъ образомъ не могли быть „примѣнены“ (не говоря уже о томъ, что въ случаѣ возможности подобнаго „примѣненія“ самый процессъ его былъ бы сопряженъ съ неисчислимыми трудностями, вслѣдствіе крайне низкаго уровня

юридическаго образованія въ то время), оно, въ лицѣ Верховнаго тайнаго совѣта, повернуло на прежній путь, покинутый въ 1719 г., путь составленія свода русскихъ законовъ. Иначе говоря, фундаментъ, на которомъ должно было быть воздвигнуто зданіе новаго Уложенія, снова сталъ національнымъ и историческимъ, а не заимствованнымъ со стороны, т. е. иностраннымъ. 14 мая 1728 г. Верховный тайный совѣтъ далъ Сенату указъ, которымъ предписывалъ организовать новую комиссію, долженствовавшую заняться составленіемъ своднаго Уложенія. „А для того сочиненія, говорится въ указѣ, выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ за выборомъ изъ шляхетства". Срокомъ для пріѣзда депутатовъ было назначено 1 сентября 1728 г. Такимъ образомъ, правительство рѣшилось обратиться только къ одному сословію и созвать однихъ дворянскихъ депутатовъ, считая, почему-то, другія сословія некомпетентными въ дѣлѣ составленія Уложенія. Въ этомъ отношеніи царь Алексѣй Михайловичъ поступилъ гораздо правильнѣе, созвавъ всесословный земскій соборъ и давъ ему возможность принять участіе въ составленіи новаго законодательнаго сборника.

Сенатъ распорядился послать указы по губерніямъ съ цѣлью организаціи выборовъ и присылки депутатовъ въ Москву. Но дворяне не спѣшили съ выборами, а депутаты не спѣшили въ Москву: очевидно, и тѣ, и другіе смотрѣли на участіе въ законодательныхъ работахъ, какъ на новую тяжелую повинность, наложенную на нихъ правительствомъ и далеки были отъ мысли смотрѣть на него съ другой точки зрѣнія. 1-е сентября—срокъ, положенный для прибытія депутатовъ въ Москву—наступило, а между тѣмъ ни одного изъ дворянъ и офицеровъ не было. И только 4 числа въ Сенатѣ было получено увѣдомленіе о прибытіи перваго депутата. Однако, въ сентябрѣ явились весьма немногіе, такъ что Сенатъ долженъ былъ не разъ подтверждать губернскимъ канцеляріямъ о немедленномъ исполненіи объявленнаго имъ Высочайшаго повелѣнія. Изъ этого образовалась довольно пространная переписка. Губернскія канцеляріи въ свое

оправданіе нашли нужнымъ не разъ доносить Сенату въ подробностяхъ, какъ о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ, такъ и о разныхъ случаяхъ, препятствовавшихъ скорому исполненію указовъ Сената. Изъ этой переписки мы можемъ видѣть, до чего халатно относилось общество къ избранію своихъ представителей и какъ мало оно интересовалось возможностью принять участіе въ составленіи законовъ, непосредственно касавшихся его интересовъ. Мѣстнымъ начальствамъ приходилось прибѣгать ко всевозможнымъ репрессивнымъ мѣрамъ въ родѣ, напр., ареста женъ депутатовъ, захвата ихъ крѣпостныхъ, конфискаціи ихъ имущества и т. п., чтобы заставить дворянъ участвовать въ выборахъ, а депутатовъ ѣхать въ Москву, и все-таки въ результатѣ получилось избраніе совершенно неспособныхъ къ дѣлу лицъ. Вотъ почему правительство, оставшись крайне недовольнымъ присланными депутатами, издало 16 мая 1729 г. новый указъ, которымъ отпустило депутатовъ обратно домой и назначило новые выборы. Но ужъ этотъ разъ правительство не рѣшилось довѣриться однимъ избирателямъ и предписало губернаторамъ контролировать выборы. На основаніи указа губернаторы, „согласясь обще съ дворянами“, должны были избрать новыхъ депутатовъ. Такимъ образомъ, неудача предыдущихъ выборовъ, халатность общества по отношенію къ исполненію своихъ обязанностей, нежеланіе со стороны депутатовъ участвовать въ законодательныхъ работахъ и ихъ крайній индифферентизмъ къ государственнымъ дѣламъ имѣли въ результатѣ то, что правительство ограничило выборное начало до minimum'а и дало возможность губернаторамъ назначать депутатовъ, тѣмъ болѣе, что за неспособность послѣднихъ первые подлежали строгой отвѣтственности.

Депутаты были выбраны, но явились въ Москву уже послѣ смерти Петра II, когда въ царствованіе его преемницы Анны Іоанновны все еще нерѣшенный вопросъ объ Уложеніи снова былъ поднятъ и правительство снова было вынуждено обратиться за содѣйствіемъ для его разрѣшенія къ обществу. Вотъ что гласитъ именной указъ 1 іюня 1730 г., данный Сенату. „Вамъ (т. е. Сенату) извѣстно, какое попеченіе имѣлъ императоръ Петръ Ве-

ликій еще съ 1714 г., чтобы исправить Уложеніе, но отвлеченный другими дѣлами, онъ не имѣлъ возможности довести это исправленіе до благополучнаго окончанія. И хотя имп. Екатерина I и имп. Петръ II также старались разрѣшить этотъ вопросъ, однако-жъ и понынѣ ничего не сдѣлано". „А между тѣмъ мы ни въ чемъ такъ не нуждаемся, какъ въ совершенномъ Уложеніи", потому что, вслѣдствіе накопленія массы указовъ, сплошь да рядомъ совершенно другъ другу противорѣчивыхъ, „безсовѣстные судьи". подбирая законы, рѣшаютъ дѣла крайне „неправедно". Поэтому, стремясь къ тому, чтобъ „во всей нашей имперіи былъ судъ равный и справедливый, повелѣваемъ начатое Уложеніе немедленно оканчивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, выбравъ ихъ изъ шляхетства, и духовныхъ, и купечества". Очевидно, Анна Іоанновна рѣшилась значительно шире примѣнить выборное начало, чѣмъ предыдущіе государи, и созвать настоящій земскій соборъ, въ составъ котораго должны были войти представители тѣхъ трехъ сословій, которыя всегда являлись составными элементами древне-русскихъ представительныхъ учрежденій.

Между тѣмъ, не дожидаясь пріѣзда депутатовъ, срокомъ для котораго было назначено 1-ое сентября 1730 г., правительство распорядилось приступить къ составленію новаго Уложенія и организовать для этого комиссію (счетомъ пятую), тѣмъ болѣе, что ей предстояла нелегкая задача, такъ какъ мысль Петра I о дополненіи законовъ изъ иностранныхъ источниковъ, какъ извѣстно, устраненная въ предыдущее царствованіе, при Аннѣ Іоанновнѣ снова завоевала себѣ полное право гражданства. Въ то время, какъ въ первой, второй и четвертой комиссіяхъ все дѣло, главнымъ образомъ, состояло въ составленіи своднаго Уложенія, исправленіе же и дополненіе его являлись лишь, какъ слѣдствіе изъ этого, задачей пятой комиссіи (равно какъ и третьей) было сочиненіе новаго Уложенія, сводъ же существующихъ законовъ долженъ былъ служить къ тому только пособіемъ. Зная, сколько трудностей ожидаетъ комиссію на подобномъ пути, правительство рѣшило немедленно организовать ее и начать работу еще до прибытія депутатовъ. Полтора мѣсяца спустя (28 іюля) соста-

вители Уложенія были призваны въ Сенатъ и спрошены, въ какомъ положеніи находится порученная имъ работа. Члены комиссіи заявили, что ими сведена I глава (о богохульникахъ), которую они представили въ Сенатъ. Послѣдній, разсмотрѣвъ ее, предписалъ комиссіи придерживаться въ своей работѣ того порядка главъ и статей, который существовалъ въ старомъ Уложеніи, начиная съ первой главы и первой статьи.

Неизвѣстно, прибыли ли выборные къ назначенному сроку; нужно думать, что нѣтъ. Даже 8 декабря было въ Москвѣ только пять депутатовъ и то однихъ дворянскихъ. Поэтому неудивительно, что правительство, видя упорное нежеланіе общества принять участіе въ законодательной работѣ, отказалось отъ своей мысли привлечь послѣднее къ составленію Уложенія и, рѣшивъ отпустить вышеназванныхъ депутатовъ обратно домой, а также распорядившись прекращеніемъ высылки еще неприбывшихъ, поручило однимъ чиновникамъ всю работу надъ Уложеніемъ.

До 1735 г. комиссія занималась составленіемъ проектовъ „вотчиной“ и „судной“ главъ Уложенія, нѣкоторыя „части“ которыхъ, какъ окончательно изготовленныя, были внесены въ Сенатъ и коллегіи и выслушаны ими. Но все-таки же до окончанія Уложенія было еще очень далеко и работа надъ нимъ, не смотря на многія понуканія со стороны правительства, подвигалась впередъ весьма медленно и почти безуспѣшно. Между тѣмъ крайнія затрудненія въ судахъ и управленіи, происходившія болѣе отъ противорѣчія и неизвѣстности законовъ, чѣмъ отъ ихъ недостатка, представили необходимымъ, по вѣрному замѣчанію Сперанскаго, прежде всего и не ожидая новаго, привести въ порядокъ и извѣстность старое. Въ виду этого, правительство снова рѣшилось пойти попрежнему пути и обратиться къ первоначальной задачѣ первой комиссіи — къ составленію своднаго Уложенія, тѣмъ болѣе, что подобный путь былъ значительно легче того, по которому комиссія шла до сихъ поръ. Нужно, однако, замѣтить, что правительство не отказалось отъ мысли составить новое Уложеніе, такъ какъ, подписавъ печатаніе своднаго Уложенія, оно тѣмъ не менѣе не распорядилось относительно прекращеній занятій надъ составленіемъ перваго и не разъ впослѣдствіи торопило

комиссію кончать сочиненіе новаго Уложенія. По всей вѣроятности, сводное Уложеніе должно было имѣть силу закона до изданія новаго Уложенія. Думая, что сводное Уложеніе уже болѣе или менѣе готово, такъ какъ надъ его составленіемъ работала не одна комиссія, правительство подписало „выправить“ его съ позднѣйшими указами и напечатать. Однако, исполнить это предписаніе не было никакой возможности по той простой причинѣ, что сводnаго Уложенія почти не существовало, нѣкоторыя же его главы, составленныя предыдущими комиссіями, оказались настолько измѣненными новыми указами, что требовали фундаментальной переработки. Правда, предыдущія комиссіи составили нѣсколько выписокъ изъ законовъ, но послѣднія не имѣли ни связи между собой, ни цѣлости закона и поэтому не могли служить основаніемъ для рѣшенія дѣлъ и постановки приговоровъ [1]). Находясь въ такомъ положеніи, комиссія признала, что къ составленію дѣйствительнаго сводnаго Уложенія не было другого способа, какъ поручить самимъ коллегіямъ и судебнымъ мѣстамъ сперва собрать законы, регулирующіе предметы ихъ вѣдомства и, слѣдовательно, имѣющіеся у нихъ, и затѣмъ составить по каждой части управленія отдѣльные своды, которые впослѣдствіи уже можно было бы соединить въ одинъ сводъ. Но этотъ планъ комиссіи о возложеніи всей работы по составленію Уложенія на коллегіи и судебныя мѣста не встрѣтилъ сочувствія въ правительствѣ. Единственно, что было удержано изъ него, это — возложеніе на коллегіи и канцеляріи собранія указовъ и составленія съ нихъ копій, что, хотя и являлось для нихъ довольно трудной и кропотливой работой, но за то и вполнѣ возможной, въ виду того, что каждая коллегія и канцелярія была въ извѣстномъ смыслѣ этого слова „хранилищемъ“ законовъ, относившихся до ея компетенціи и регулировавшихъ предметы ея вѣдомства. Однако, вслѣдствіе того, что приказнымъ служителямъ всѣхъ коллегій и канцелярій и безъ того дѣла было не мало, персоналъ же ихъ, несмотря на возложеніе на нихъ новой обязанности, оставался однимъ и тѣмъ же, собираніе указовъ подвигалось

[1]) Сперанскій, Обозр. истор. свѣдѣній о Сводѣ Законовъ.

весьма медленно впередъ, несмотря даже на принятіе со стороны правительства разныхъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ названнымъ учрежденіямъ. Сама же комиссія, не обращая вниманія на медленную доставку указовъ и понукаемая правительствомъ, составляла сводное Уложеніе, не имѣя подъ руками большей части матеріала для подобнаго свода, т. е. указовъ, новоуказныхъ статей и другихъ законодательныхъ актовъ, безъ которыхъ, однако, подобный сводъ не имѣлъ никакого смысла.

Въ началѣ 1739 г. комиссія окончила составленіе „вотчинной“ главы и внесла ее на разсмотрѣніе въ Сенатъ. Въ концѣ же 1740 г. комиссія составила и „судную“, но, вслѣдствіе смерти имп. Анны Іоанновны, ни та, ни другая глава не получили законодательной санкціи.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Елисаветы Петровны комиссія, хотя и не была распущена, но совершенно прекратила свои занятія. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ видно, что подобное номинальное существованіе ея продолжалось до конца 1744 г.; тогда же прекращаются всякія извѣстія о ней. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что правительсто Елисаветы Петровны менѣе интересовалось вопросомъ о новомъ Уложеніи, чѣмъ предыдущія правительства. Вопросъ былъ настолько жизненъ, настолько уже назрѣлъ, что разрѣшеніе его являлось крайнею необходимостью, обусловленною потребностью самой жизни. Вотъ почему ни одно правительство не могло его игнорировать, но, вынуждаемое обстоятельствами, употребляло всѣ зависящія отъ него средства, чтобъ выйти изъ лабиринта безчисленнаго количества законодательныхъ актовъ и замѣнить ихъ однимъ сборникомъ, долженствовавшимъ регулировать юридическую жизнь всего государства. Правительство Елисаветы Петрозны не составляло въ этомъ отношеніи исключенія и менѣе, чѣмъ черезъ три недѣли послѣ государственнаго переворота 25 ноября 1741 г. былъ изданъ именной указъ (отъ 12 дек.), предписавшій учрежденіе комиссіи изъ нѣсколькихъ сенаторовъ для пересмотра указовъ и сдѣланія реэстра тѣмъ изъ нихъ, которые должны быть „отставлены“. Результаты дѣятельности этой коммиссіи были весьма печальны, что видно изъ рѣчи графа П. И. Шувалова,

произнесенной имъ въ Сенатѣ въ мартѣ 1754 г. „Для совершеннаго пресѣченія продолжительности судовъ, сказалъ Шуваловъ, обращаясь къ Елисаветѣ Петровнѣ, присутствовавшей въ Сенатѣ, нѣтъ другого способа, кромѣ указаннаго уже Вашимъ Имп. Величествомъ, когда Вы изволили подтвердить указы родителей своихъ и ихъ преемниковъ, а которые съ настоящимъ временемъ несходны, то повелѣли разобрать Сенату (очевидно рѣчь идетъ о вышеупомянутомъ указѣ 12 дек. 1741 г.). Хотя мы разборомъ этихъ указовъ и занимаемся, но нельзя надѣяться, чтобъ мы удовлетворили желанія Вашего Имп. Величества, если будемъ слѣдовать принятому порядку, ибо никто изъ насъ не посмѣетъ сказать, чтобъ онъ всякаго департамента дѣла зналъ въ такой же точности, какъ знаютъ ихъ служащіе въ тѣхъ мѣстахъ, которые въ совершенствѣ знаютъ излишки и недостатки въ указахъ, затрудняющіе ихъ при рѣшеніи дѣлъ. И потому каждое мѣсто должно разбирать указы, относящіеся къ подвѣдомственнымъ ему дѣламъ, и пока этого не будетъ, нельзя ожидать окончанія Уложенія, Ваше Величество съ начала своего государствованія, тому уже 12 лѣтъ, какъ изволили приказать намъ заняться этимъ дѣломъ, но, по несчастію нашему, мы не способились исполнить желаніе Вашего Величества, у насъ нѣтъ законовъ, которые бы всѣмъ безъ излишку и недостатковъ ясны и понятны были, и вѣрноподданные Ваши не могутъ пользоваться этимъ благополучіемъ“. Выслушавъ это мнѣніе, императрица изъявила свое желаніе, чтобы преимущественно предъ прочими дѣлами сочинить ясные законы и тому положить немедленное начало. Вслѣдствіе этого, Сенатъ постановилъ учредить новую комиссію изъ восьми лицъ. Кромѣ того, для спеціальныхъ законодательныхъ работъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ онъ учредилъ особыя комиссіи въ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, кромѣ общей и губернскихъ комиссій (учрежденныхъ при каждой губернской канцеляріи), были организованы еще 35 частныхъ комиссій по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Впослѣдствіи (въ 1760 г.) всѣ частныя комиссіи (въ томъ числѣ и губернскія) были подчинены общей комиссіи, получившей возможность контролировать ихъ дѣятельность.

Учредивъ комиссіи, Сенатъ предписалъ общей комиссіи

составить программу своихъ будущихъ работъ въ формѣ плана новаго Уложенія и внести его на утвержденіе Сената. Съ этого плана должны были быть сняты копіи и разосланы во всѣ частныя комиссіи, чтобы послѣднія „по тѣмъ матеріямъ не имѣли нужды толковать, и сочиняли бъ о такихъ дѣлахъ, о которыхъ въ упомянутомъ планѣ не предписано". Комиссія начала свои засѣданія въ августѣ 1754 г. Первымъ ея дѣломъ было составленіе плана и внесеніе его въ Сенатъ. Послѣдній утвердилъ его и предписалъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе.

Планъ раздѣленъ на четырѣ части. Первая (въ 30 главъ) содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся судоустройства и судопроизводства. Вторая (въ 21 главу) является ничѣмъ инымъ, какъ закономъ о правахъ состоянія. Третья (въ 23 главы) заключаетъ въ себѣ постановленія, относящіяся до имущественныхъ правъ. Четвертая (въ 65 главъ) является уголовнымъ кодексомъ. Такимъ образомъ, изъ плана видно, что задачей общей комиссіи (въ отличіе отъ частныхъ, долженствовавшихъ составить спеціальные законопроекты по отдѣльнымъ отраслямъ управленія) было составленіе Уложенія по дѣламъ суднымъ, уголовнымъ, вотчиннымъ и о правахъ состоянія, иначе говоря, комиссія должна была составить гражданское и уголовное Уложеніе (какъ въ формальномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи) и законъ о правахъ состоянія.

Къ апрѣлю 1755 г. комиссія составила двѣ части Уложенія: „судную" и „криминальную" (по плану — I и IV ч.), которыя были внесены въ Сенатъ. Послѣдній, разсмотрѣвъ ихъ, поднесъ на утвержденіе императрицы. Но Елисавета Петровна ихъ не утвердила. Сперанскій объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что государыня уже тогда имѣла мысль подвергнуть проектъ разсмотрѣнію депутатовъ, а также и тѣмъ, что въ уголовномъ Уложеніи была допущена смертная казнь, отмѣненная императрицей въ 1753 г. Но едва ли объясненіе вѣрно. Во-первыхъ, созваніе депутатовъ въ 1761 г. совсѣмъ не произошло по иниціативѣ императрицы или Сената, но по иниціативѣ самой комиссіи, вошедшей по названному поводу съ донесеніемъ въ Сенатъ. Ужъ по одному этому у императрицы не могло быть въ 1755 г. ни-

какой мысли относительно разсмотрѣнія проекта депутатами. Во-вторыхъ, смертная казнь никогда не отмѣнялась Елисаветой Петровной въ 1753 г., а только было пріостановлено приведеніе ея въ исполненіе. Правда, впослѣдствіи у императрицы было намѣреніе отмѣнить ее и она даже заявила объ этомъ комиссіи, но это имѣло мѣсто уже въ 1761 г. Слѣдовательно, если бъ подобное намѣреніе существовало у Елисаветы Петровны въ 1754—55 гг., то она и тогда поступила бы такимъ образомъ, т. е. не велѣла бы вносить смертной казни въ Уложеніе, а такъ какъ ничего подобнаго не было, то мы не имѣемъ никакого основанія думать, что мотивомъ неутвержденія проекта со стороны императрицы было существовавшее у ней уже въ то время намѣреніе отмѣнить смертную казнь. Вѣрнѣе думать, что причины, въ силу которыхъ Елисавета Петровна отказалась санкціонировать проектъ, кроются, такъ сказать, въ немъ самомъ и находятся въ тѣсной зависимости отъ неудовлетворительности его содержанія. На принятіе подобнаго мнѣнія наводитъ между, прочимъ, и фактъ возвращенія обратно въ комиссію обѣихъ частей проекта съ цѣлью новаго ихъ пересмотра.

Несмотря, однако, на подобную участь, постигшую результаты трудовъ комиссіи, она, видимо, не унывала и принялась за составленіе двухъ другихъ частей Уложенія. Такъ продолжалось до 1761 г., когда комиссія рѣшилась на весьма важный шагъ. 1-го Марта этого года она вошла съ донесеніемъ въ Сенатъ, въ которомъ ходатайствовала о созывѣ депутатовъ отъ трехъ сословій: духовенства, дворянства и купечества—по два дворянина отъ каждой провинціи и по два купца отъ каждой губерніи. Срокомъ для прибытія депутатовъ слѣдовало, по мнѣнію комиссіи, назначить 1 Октября 1761 г. Такимъ образомъ, комиссія высказалась за необходимость созванія всесословнаго земскаго собора и мотивировала свое рѣшеніе историческими прецедентами, ссылаясь, между прочимъ, на созваніе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1648 г. извѣстнаго собора спеціально для разрѣшенія вопроса объ Уложеніи. Рядомъ съ этимъ она указала и на рядъ попытокъ со стороны правительства созвать выборныхъ для той же цѣли въ продолженіе XVIII ст. Сенатъ согласился съ мнѣ-

ніемъ комиссіи и издалъ указъ (29 Сентября), предписывавшій производство выборовъ среди дворянъ и купцовъ. Названный указъ крайне характеристиченъ; въ немъ Сенатъ старается доказать обществу, какъ необходимо для послѣдняго, чтобъ его представители приняли участіе въ составленіи новаго Уложенія. Очевидно, правительство, помня неудачные прецеденты подобныхъ обращеній къ обществу, желало, чтобъ хоть этотъ разъ послѣднее оказалось на высотѣ своей задачи, и поняло, что въ его прямыхъ интересахъ принять непосредственное участіе въ законодательствѣ. Сравнивая этотъ указъ съ донесеніемъ комиссіи отъ 1-го Марта, мы видимъ, что между ними существуетъ нѣкоторая разница. Комиссія высказалась за высылку двухъ купцовъ отъ каждой губерніи, но правительство съ этимъ не согласилось и предписало выслать одного купца отъ каждой провинціи.

Въ Декабрѣ Сенатъ издалъ другой указъ (также по иниціативѣ комиссіи, вошедшей по этому поводу въ Сенатъ съ донесеніемъ), которымъ предписывалъ производство выборовъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на основаніи указа отъ 29 Сентября выборы не должны были имѣть мѣста (напр., въ Эстляндіи, Лифляндіи, Малороссіи, Сибири и т. п.). Сенатъ подробно мотивировалъ такое распространеніе избирательнаго права, обративъ вниманіе, главнымъ образомъ, на то, что въ интересахъ всего общества принять участіе въ составленіи Уложенія. Изъ указа видно, что депутаты второй категоріи должны были съѣхаться двумя мѣсяцами позже депутатовъ первой и что число купеческихъ депутатовъ было сравнено съ числомъ дворянскихъ, чего не было у депутатовъ первой категоріи. Чѣмъ объясняется эта странность—трудно рѣшить.

Между тѣмъ повсемѣстно въ Россіи начались выборы депутатовъ въ комиссію. По мѣрѣ ихъ хода, губернскіе и провинціальные канцеляріи и магистраты извѣщали послѣднюю „рапортами“, сообщая въ нихъ, кто избранъ, когда произошли выборы и когда депутатъ отправился въ Петербургъ. Многіе изъ рапортовъ крайне любопытны, вслѣдствіе того, что сообщаютъ немало деталей касательно самаго процесса выборовъ. Я не буду останавливаться на анализѣ ихъ содержанія, желающихъ же озна-

комиться съ нимъ могу отослать къ *моему* изслѣдованію о законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи XVIII ст. (рапорты найдены *мною* въ архивѣ Кодификаціоннаго Отдѣла и изложены въ названномъ *моемъ* изслѣдованіи). Скажу только, что и въ 1761 г. общество отнеслось такъ же индифферентно къ призыву правительства, какъ и въ 1728 г. Во-первыхъ, изъ рапортовъ видно, къ какимъ разнымъ средствамъ прибѣгали избиратели и депутаты, чтобъ избавиться отъ поѣздки въ Петербургъ; во-вторыхъ, громадное большинство депутатовъ не прибыло во время къ назначенному сроку, а значительно позже и, въ-третьихъ, многіе изъ прибывшихъ настолько не удовлетворяли требованіямъ правительства, что были отпущены обратно домой. Но какъ бы то ни было, а на этотъ разъ депутаты приняли участіе въ работахъ комиссіи, хотя, къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить степени этого участія. Намъ только извѣстно, что депутаты присутствовали въ комиссіи до начала 1763 г., когда были распущены по домамъ. Сама же комиссія продолжала существовать вплоть до 1767 г. Впрочемъ, въ послѣдніе три года дѣла комиссіи пришли въ окончательное разстройство и она, можно сказать, почти ликвидировала ихъ. Дѣйствительно, 1766 г. былъ послѣднимъ годомъ, отъ котораго сохранились протоколы засѣданій комиссіи. Въ слѣдующемъ 1767 г. комиссія существовала болѣе номинально, чѣмъ на дѣлѣ, хотя все-таки же существовала и распущена не была. Но въ виду того, что въ этомъ году начала свою дѣятельность новая комиссія, организованная на гораздо болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ всѣ предыдущія, прежняя комиссія окончательно прекратила свое существованіе.

Чтобъ довершить характеристику дѣятельности разсматриваемой комиссіи, необходимо еще остановиться на результатахъ ея трудовъ. Комиссія составила три части Уложенія: часть I, „О судѣ“, часть II, „О розыскныхъ дѣлахъ“ и часть III, „О состояніяхъ подданныхъ вообще“. Всѣ три части были не разъ пересмотрѣны, почему и дошли до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Часть I. „О судѣ“ имѣется въ трехъ редакціяхъ и состоитъ изъ 51 главы. Содержаніе ея исключительно процессуальное, такъ какъ касается судоустройства и судопроизводства. Нѣкоторое

исключеніе, впрочемъ, составляетъ первая глава. Она касается не столько судопроизводства, сколько государственнаго права, такъ какъ содержитъ въ себѣ перечисленіе и опредѣленіе компетенціи государственныхъ учрежденій.

Часть II. „О розыскныхъ дѣлахъ и какіе за разныя злодѣйства и преступленія казни, наказанія и штрафы положены“ является ничѣмъ инымъ, какъ уголовнымъ кодексомъ и имѣется въ двухъ редакціяхъ. Первая окончена составленіемъ въ 1755 г., вторая въ 1766 г. Проф. Сергѣевскій вполнѣ основательно отрицаетъ возможность предположенія относительно составленія проекта второй редакціи Екатерининской законодательной комиссіей 1767 г. По его мнѣнію предполагать во второй редакціи работу болѣе поздняго времени, именно работу законодательной комиссіи 1767 г. безусловно нельзя, въ виду того обстоятельства, что она не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ вліянія Наказа имп. Екатерины II. „Гуманныя идеи Наказа, говоритъ проф. Сергѣевскій, могли, конечно, остаться безъ вліянія, но систематика преступленій, а также многія его выраженія и фразы о существѣ преступленій, о существѣ и цѣли наказаній, о монаршемъ милосердіи и т. п. должны были бы отозваться въ текстѣ новаго проекта, если бъ этотъ послѣдній составлялся послѣ изданія Наказа“ (Проекты Уголовнаго Уложенія 1754—1766 гг.). Вторая часть въ обѣихъ редакціяхъ издана г. Востоковымъ и разобрана проф. Сергѣевскимъ.

Часть III, „О состояніяхъ подданныхъ вообще“ имѣется въ трехъ редакціяхъ. Изъ нихъ первая окончена составленіемъ въ 1762 г. Что же касается до двухъ остальныхъ, то время окончанія ихъ составленія не можетъ быть съ точностью опредѣлено, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было данныхъ для этого. Во всякомъ случаѣ можно утверждать только одно, что обѣ послѣднія редакціи не являются результатомъ трудовъ Екатерининской комиссіи 1767 г., а составлены разсматриваемою комиссіею. Простое сопоставленіе этихъ редакцій съ проектами законовъ о правахъ разнаго рода жителей, составленныхъ частною комиссіею „о государственныхъ родахъ“ и изданныхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, убѣждаетъ въ истинности

нашего мнѣнія. Если же и встрѣчается много аналогичныхъ и даже тождественныхъ чертъ въ проектахъ обѣихъ комиссій и въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ въ законодательную комиссію 1767 г., то это объясняется слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, въ трудахъ Елисаветинской комиссіи приняли участіе сословные депутаты, они же участвовали и въ Екатерининской комиссіи. Естественно, что ихъ віяніе должно было сказаться на трудахъ обѣихъ комиссій, а такъ какъ въ продолженіе трехъ лѣтъ нужды, желанія, стремленія и политически-общественные идеалы сословій не могли измѣниться и остались тѣми же самыми, то вполнѣ понятно, почему въ трудахъ обѣихъ комиссій, а также и въ депутатскихъ наказахъ мы встрѣчаемъ такъ много общаго и аналогичнаго.

III часть состоитъ изъ 25 главъ и содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся государственнаго и гражданскаго права. Такъ, въ ней мы находимъ опредѣленіе юридическаго положенія отдѣльныхъ сословій и разрядовъ населенія, ихъ правъ и обязанностей, отношенія другъ къ другу и къ центральной власти и т. п., напр., проектъ говоритъ о дворянахъ, о купцахъ о цехахъ, о крѣпостныхъ крестьянахъ, объ иностранцахъ и инородцахъ, о раскольникахъ и т. п. Затѣмъ въ немъ же мы находимъ постановленія касательно отношеній родителей и дѣтей, касательно малолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, касательно института опеки, которому посвящено нѣсколько главъ и т. п. Часть III до сихъ поръ не издана [1]), но подробный анализъ ея содержанія произведенъ въ *моемъ* изслѣдованіи о законодательныхъ комиссіяхъ въ XVIII ст.

Изъ разсмотрѣнія проектовъ трехъ частей новаго Уложенія слѣдуетъ притти къ тому заключенію, что они далеко не могутъ быть названы только сводами прежнихъ узаконеній, такъ какъ въ нихъ имѣется весьма много совершенно новыхъ постановленій, не встрѣчающихся въ прежнихъ законодательныхъ актахъ, изданныхъ до нихъ. По многимъ вопросамъ отдѣльныхъ отраслей права проекты предлагаютъ совершенно новые отвѣты, зачастую

[1]) Она приготовляется мною къ печати.

реформируя юридическій бытъ народа и внося въ него новыя начала на смѣну прежнимъ, такъ сказать, устарѣлымъ и ставшимъ, въ силу этого, уже негодными. Подобный, если можно такъ выразиться, реформаторскій характеръ Уложенія объясняется на нашъ взглядъ вліяніемъ народныхъ представителей, принявшихъ участіе въ составленіи проектовъ. Многія постановленія Уложенія, въ особенности касающіяся организаціи сословій, повторяются почти слово въ слово въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г., что служитъ однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія относительно причины реформаторскаго характера Уложенія. Если бы Елисавета Петровна или ея преемники вызвали къ жизни разсматриваемые проекты, утвердивъ ихъ своей санкціей и давъ имъ силу закона, то этимъ самымъ они бы значительно удовлетворили желаніямъ сословій, которымъ пришлось бы тогда въ 1767 г. высказаться только по немногимъ вопросамъ. Стремленія и желанія сословій, выраженныя въ ихъ наказахъ, прямо свидѣтельствуютъ въ пользу того, что большинство или, по крайней мѣрѣ, многія изъ нихъ были уже достигнуты и удовлетворены въ разсматриваемыхъ проектахъ; это, впрочемъ, и не удивительно, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что проекты были почти такимъ же продуктомъ дѣятельности народныхъ представителей, какъ и самые наказы.

Кодификація отъ Екатерины II до Николая I. Непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ существованія Елисаветинской законодательной комиссіи начала свою дѣятельность получившая такую громкую извѣстность законодательная комиссія 1767 г., выдѣляющаяся изъ всего ряда законодательныхъ комиссій какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своему составу. 14 дек. 1766 г. имп. Екатерина II издала манифестъ которымъ созывала народныхъ представителей въ коммиссіы для составленія новаго Уложенія, долженствовавшую собраться въ Москвѣ въ 1767 г. Въ манифестѣ излагались поводы, въ силу которыхъ императрица рѣшилась на подобное предпріятіе. Среди нихъ на первомъ планѣ было „великое помѣшательство въ правосудіи“ происходившее, по мнѣнію императрицы, отчасти вслѣдствіе „не-

достатка на многіе случаи узаконеній", отчасти вслѣдствіе „великаго числа оныхъ, по разнымъ временамъ выданныхъ". Другими поводами были: „несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами", существовавшее въ области законодательства, „а паче всего, что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежнія гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался". Кромѣ того, „страстные толки часто затмѣвали разумъ многихъ законовъ"; наконецъ, „умножила еще затрудненія разница тогдашнихъ временъ и обычаевъ, несходныхъ вовсе съ нынѣшними". Чтобъ уничтожить подобный порядокъ вещей, тѣмъ болѣе, что. по словамъ Екатерины, ея первымъ желаніемъ всегда было видѣть свой народъ „столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться", и чтобъ узнать нужды и недостатки народа, императрица рѣшила учредить законодательную комиссію съ цѣлью составленія новаго Уложенія и созвать для этого депутатовъ какъ отъ сословій, такъ и отъ государственныхъ учрежденій.

Одновременно съ манифестомъ были изданы особыя приложенія къ нему, такъ называемыя, положенія касательно выборовъ или обрядъ выборовъ. На основаніи его въ комиссію созывались депутаты отъ слѣдующихъ сословій: дворянъ, горожанъ, казаковъ и свободныхъ крестьянъ, при чемъ дворяне посылали депутата отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, крестьяне отъ каждой провинціи. Выборы среди дворянъ и горожанъ должны были быть одностепенные, а среди крестьянъ трехстепенные (каждый погостъ избиралъ особаго повѣреннаго, изъ среды которыхъ избирался уѣздный повѣренный, которые въ свою очередь избирали изъ своей среды депутата отъ провинціи). Такимъ образомъ, въ обрядѣ прежде всего бросается въ глаза одна странность, это—исключеніе изъ присылки депутатовъ цѣлаго сословія, занимавшаго, однако, далеко не послѣднее мѣсто въ государствѣ и сравнительно еще такъ недавно обладавшаго громаднымъ вліяніемъ въ области государственнаго управленія. Я говорю о духовенствѣ, совершенно отсутствовавшемъ въ ко-

миссіи, такъ какъ депутаты его не были приглашены правительствомъ. Подобный странный фактъ исключенія цѣлаго сословія изъ участія въ законодательныхъ работахъ объясняется поклоненіемъ Екатерины энциклопедистамъ и въ особенности Вольтеру и вполнѣ согласуется съ направленіемъ философской мысли XVIII ст., адепткой которой считала себя Екатерина. Но, хотя духовенство и было исключено изъ состава комиссіи, однако, несмотря на это, оно постаралось косвенно, окольными путями проникнуть въ нее, главнымъ образомъ путемъ вліянія на избраніе депутатовъ и на составленіе наказовъ.

Другая странность, бросающаяся въ глаза при обзорѣ обряда выборовъ, заключается въ томъ, что въ отношеніи присылки депутатовъ всѣ города были уравнены между собою. Такимъ образомъ, такіе большіе города, какъ Петербургъ и Москва, посылали по одному депутату наравнѣ съ какимъ-нибудь Волоколамскомъ или Новоржевомъ. Мало того, разъ была признана система сословности выборовъ, то она должна была быть проведена послѣдовательно, что, однако, не видно изъ обряда выборовъ. Такъ во многихъ городахъ городскіе жители раздѣлялись на различныя категоріи съ особыми правами и обязанностями, между тѣмъ обрядъ совершенно игнорируетъ это различіе, говоря только объ одномъ городскомъ сословіи, какъ о чемъ-то сплоченномъ и цѣльномъ [1]). Вотъ, почему нѣкоторые города, вмѣсто того, чтобъ составить одинъ наказъ, какъ того требовалъ обрядъ, составили нѣсколько, притомъ сплошь да рядомъ совершенно противорѣчивыхъ другъ другу. Такое же нарушеніе системы сословности выборовъ произошло при примѣненіи обряда на практикѣ въ обѣихъ столицахъ. На основаніи обряда выборы во всей Россіи, между прочимъ и въ столицахъ, должны были быть сословными, между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что въ Петербургѣ и Москвѣ въ избраніи депутата приняли участіе всѣ сословія, иначе говоря, выборы были всесословны. Чѣмъ объяснить подобное отступленіе—неизвѣстно, такъ какъ нѣтъ никакихъ документовъ касательно мотивовъ этого отступленія, а между тѣмъ оно дало весьма

---

[1]) Сергѣевичъ, Вѣстникъ Европы 1878 г., № 1.

важные отрицательные результаты, сведя представительство интересовъ городского столичнаго населенія почти къ нулю. Такъ, депутатомъ Петербурга былъ избранъ генералъ-поручикъ графъ Алексѣй Орловъ, депутатомъ Москвы—генералъ-аншефъ князь Голицынъ. Очевидно, что эти лица не могли быть представителями интересовъ купцовъ и мѣщанъ, составлявшихъ городское населеніе, въ особенности же въ екатерининское время, когда разобщеніе сословій было крайне велико. Съ другой стороны, участіе знати въ составленіи столичныхъ наказовъ, долженствовавшихъ быть по обряду наказами столичнаго торгово-промышленнаго класса, должно было самымъ печальнымъ образомъ отразиться на содержаніи послѣднихъ. И дѣйствительно, оба наказа отличаются, съ одной стороны, крайней безцвѣтностью, а съ другой стороны, воззрѣніями и просьбами прямо противорѣчащими интересамъ городского сословія [1]). Впрочемъ въ литературѣ существуетъ мнѣніе, высказанное И. И. Дитятинымъ и М. А. Липинскимъ, отрицающее сословность городскихъ выборовъ. Такъ, И. И. Дитятинъ говоритъ, что „основаніемъ избранія депутатовъ въ городахъ и уѣздахъ служили различныя начала. Города посылали депутатовъ въ комиссію, какъ представителей цѣлаго города въ смыслѣ территоріальной единицы притомъ по одному изъ каждаго города. Не то было въ уѣздахъ каждый уѣздъ посылалъ въ комиссію по нѣсколько человѣкъ, именно по одному отъ каждаго сословія или отъ каждой группы избирателей, живущей въ данномъ избирательномъ округѣ“ [2]). Съ этимъ трудно согласиться. Не говоря уже о томъ, что подобный фактъ совершенно не гармонируетъ съ сословнымъ духомъ екатерининскаго времени, противъ него можно выставить весьма вѣское возраженіе, а именно, что всѣ городскіе наказы (кромѣ обоихъ столичныхъ) испещрены подписями купцовъ и мѣщанъ, при чемъ только нѣкоторые изъ нихъ подписаны еще членами духовенства и приказными служителями. Дворянской же подписи нѣтъ ни одной, чего бы не могло быть, если бъ дворяне также

[1]) Сергѣевичъ, Вѣстникъ Европы 1878 г., № 1.
[2]) Дитятинъ, Юридическій Вѣстникъ 1879 г., № 3.

принимали участіе въ городскихъ выборахъ подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ столицахъ. Правда, въ городскихъ наказахъ нѣкоторыхъ окраинъ (напр., Малороссіи, Слободской Украйны и т. п.) встрѣчаются подписи и дворянъ, но это объясняется тѣмъ, что въ этихъ городахъ, какъ, напр., въ Слободской Украйнѣ не было настоящаго мѣщанства, такъ какъ города недавно еще были полковыми городами и въ нихъ преобладающую группу населенія составляли казаки, переименованные въ войсковыхъ обывателей или, какъ, напр., въ Малороссіи, гдѣ въ это время было крайне трудно провести черту между шляхтой и нешляхтой. И. И. Дитятинъ говоритъ, что изъ обряда выборовъ не видно, чтобъ городскіе выборы были сословны. Но такъ ли это? По обряду депутаты должны быть высланы каждымъ городомъ (въ черновыхъ наброскахъ Екатерины вмѣсто депутата отъ города даже прямо говорится о депутатѣ отъ купцовъ), между тѣмъ въ понятіе города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра I, которое и дѣйствовало въ моментъ выборовъ, высшее сословіе не входило. Вотъ, почему подъ городскими наказами мы не встрѣчаемъ подписей дворянъ, а слѣдовательно и не можемъ признать всесословности городскихъ выборовъ. Доводы М. А. Липинскаго также неубѣдительны. Напротивъ, изъ документовъ, помѣщенныхъ въ его статьѣ [1]), даже прямо видно, что и крестьяне не участвовали въ избраніи городскихъ депутатовъ, хотя бы имѣли постоянное жительство въ городѣ, обладая въ немъ домомъ или занимаясь торговлей или промышленностью.

Если мы обратимся къ производству выборовъ среди крестьянъ, то и здѣсь увидимъ несовершенство обряда. Такъ, онъ предписываетъ каждой провинціи прислать по одному депутату отъ однодворцевъ, старыхъ службъ служилыхъ людей, пахотныхъ солдатъ, ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, сельскіе жители временъ Екатерины далеко не раздѣлялись только на эти разряды, дѣленіе ихъ было болѣе подробное. Такъ, существовали еще поссессіонные крестьяне, половники, экономическіе крестьяне и

[1]) Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія 1887 г., № 6.

др., которые, будучи игнорируемы обрядомъ, тѣмъ самымъ были лишены представительства своихъ интересовъ въ комиссіи.

Кромѣ сословныхъ депутатовъ, какъ было уже сказано, императрица пригласила въ комиссію еще и депутатовъ отъ государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ Сенатъ, Синодъ, коллегіи и канцеляріи должны были прислать по одному депутату. Чѣмъ было обмотивировано подобное рѣшеніе—неизвѣстно, но нужно думать, что, по всей вѣроятности, тѣмъ, чтобы комиссія имѣла возможность выслушать людей, компетентныхъ въ дѣлѣ примѣненія законовъ.

Всѣхъ учрежденій, пославшихъ депутатовъ и снабдившихъ ихъ наказами, было 28. Всѣхъ же депутатовъ, явившихся въ комиссію, было 564. Изъ нихъ правительственныхъ депутатовъ было 28, дворянскихъ—161, городскихъ—208, казацкихъ—54, крестьянскихъ—79 и иновѣрческихъ—34. Изъ этого перечисленія видно, что наибольшій процентъ общаго числа депутатовъ составляли городскіе депутаты, именно 39%, за ними слѣдовали дворянскіе—30% и, наконецъ, депутаты земледѣльческаго населенія—14%. Произошло это, во-первыхъ, потому, что число городовъ при Екатеринѣ доходило до 250, изъ которыхъ каждый посылалъ по одному депутату, а нѣкоторые даже и больше (напр., Астрахань, Тула и др.). Во-вторыхъ, получили право представительства только одни свободные крестьяне, вслѣдствіе чего вся масса закрѣпощеннаго крестьянства не была представлена. Въ-третьихъ, избирательнымъ округомъ для сельскаго населенія была принята гораздо болѣе крупная единица, чѣмъ для двухъ другихъ сословій. Дворяне посылали депутатовъ отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, сельское же населеніе отъ цѣлой провинціи, заключавшей въ себѣ нѣсколько городовъ и уѣздовъ. Ужъ въ силу одного этого, представителей сельскаго населенія должно было быть меньше. Наконецъ, въ-четвертыхъ, по смыслу обряда выборовъ сельское населеніе даже не было обязано присылать депутатовъ. Ему только было предоставлено право, которымъ оно могло и не пользоваться. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что число городскихъ депутатовъ значительно превышало число дворянскихъ и земледѣльческихъ и что въ такомъ кресть-

янскомъ государствѣ, какъ Россія, число крестьянскихъ депутатовъ было столь незначительно. Такимъ образомъ, представительство распредѣлялось въ высшей степени неравномѣрно, какъ, во-первыхъ, между отдѣльными сословными группами избирателей, такъ, и, во-вторыхъ, въ средѣ каждой группы, въ виду того, что всѣ избирательные округа безъ всякой соразмѣрности съ числомъ ихъ населенія посылали по одному депутату [1]).

Что касается до числа наказовъ, представленныхъ депутатами, то оно значительно превышаетъ число самихъ депутатовъ. Это объясняется тѣмъ, что многіе депутаты (въ особенности крестьянскіе) привезли съ собой по нѣсколько наказовъ. Такъ, дворянскихъ наказовъ имѣется 165 (всѣ они изданы Русск. Историч. Общ.), депутатовъ же было 161; городскихъ наказовъ имѣется 210, депутатовъ же было 208, цифра всѣхъ крестьянскихъ наказовъ (съ казацкими и иновѣрческими) доходитъ до 1066, въ то время, какъ депутатовъ (крестьянскихъ, казацкихъ и иновѣрческихъ) было только 167! Достаточно сказать, что депутатъ крестьянъ Архангельской провинціи Чупровъ привезъ съ собой 195 наказовъ. Въ двухъ другихъ провинціяхъ Архангельской губерніи, которыя послали также по одному депутату, было составлено еще 241 наказъ. Объясняется подобное огромное количество крестьянскихъ наказовъ тѣмъ, что депутаты привезли съ собой не только одни провинціальные наказы, долженствовавшіе быть сводами погостныхъ, но и захватили послѣдніе. Сплошь да рядомъ мы вовсе даже и не встрѣчаемъ вышеназванныхъ сводовъ, которые просто замѣняются погостными наказами, прикрѣпленными одинъ къ другому. Неудивительно послѣ этого, что число крестьянскихъ наказовъ въ десять разъ болѣе крестьянскихъ депутатовъ и что въ сравненіи съ ними число дворянскихъ и городскихъ наказовъ крайне ничтожно.

Депутатскіе наказы являются весьма важными документами въ области русской исторіи, такъ какъ, содержа въ себѣ изложеніе нуждъ, желаній и стремленій, а также общественныхъ и политическихъ идеаловъ сословій, они даютъ намъ возможность

[1]) Дитятинъ, Юридическій Вѣстникъ 1879 г., № 3.

составить полную картину внутренняго состоянія Россіи въ срединѣ XVIII ст. Анализъ содержанія дворянскихъ и городскихъ наказовъ произведенъ *мною* въ *моемъ* изслѣдованіи о законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи (т. I, 1887 г.).

Депутаты, какъ было предписано манифестомъ 14 дек. 1766 г., должны были прибыть въ Москву черезъ полгода со дня обнародованія его въ каждомъ мѣстѣ и явиться въ Сенатъ. Здѣсь они, по мѣрѣ того, какъ пріѣзжали, представляли свои полномочія и, кромѣ того, имена ихъ вносились въ особые списки по губерніямъ. Когда депутаты собрались въ Москвѣ въ достаточномъ числѣ, тогда былъ изданъ на имя Сената указъ, предписавшій открыть засѣданія комиссіи 30 іюля. Дѣйствительно, этого числа засѣданія комиссіи въ присутствіи самой императрицы были открыты генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ, произнесшимъ соотвѣтствующую случаю рѣчь, во время которой императрица вручила ему три весьма важныхъ документа, а именно: Наказъ, Обрядъ управленія комиссіею и Генералъ-прокурорскій наказъ.

Авторомъ Наказа была сама Екатерина. Вотъ что писала она, между прочимъ, въ своемъ разсказѣ о первыхъ годахъ своего царствованія: „я начала читать, потомъ писать Наказъ коммиссіи Уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности и между прочимъ князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: „ce sont des axiomes à renverser des murailles“. Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ.... Въ Москвѣ, гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила я разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что

хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали и остался Наказъ, яко оный напечатамъ". Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о многихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ разными лицами на трудъ императрицы. Такъ, до насъ дошли весьма любопытныя замѣчанія поэта Сумарокова и отвѣты на нихъ Екатерины. Сумароковъ былъ большой противникъ идей, положенныхъ въ основу Наказа, и высказался въ крайне консервативномъ направленіи. Наконецъ, до насъ дошелъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа, касающійся крѣпостныхъ крестьянъ, благодаря которому можно судить о различіи, существующемъ между первоначальною редакціею и печатнымъ изданіемъ Наказа. Въ первоначальномъ проектѣ статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ занимали весьма видное мѣсто, въ печатной же редакціи они почти совершенно исчезли, очевидно, подъ вліяніемъ лицъ, окружавшихъ Екатерину и враждебно относившихся ко многимъ ея предначертаніямъ.

Наказъ собственно не есть оригинальное произведеніе; большая часть его содержанія заимствована изъ сочиненія Монтескье „О духѣ законовъ", сочиненіи Беккаріи „О преступленіяхъ и наказаніяхъ" и сочиненій Гельвеція „О разумѣ" и „О человѣкѣ". Такъ, изъ 526 статей Наказа около 100 (отъ 147 до 245) заимствованы изъ сочиненія Беккаріи и болѣе 250— изъ Монтескье. Заимствованія сдѣланы или въ видѣ буквальнаго перевода съ сохраненіемъ порядка самого подлинника, каковы заимствованія изъ Беккаріи, или въ видѣ компиляціи, не державшейся расположенія предметовъ подлинника, но съ сохраненіемъ языка, каковы заимствованія изъ Монтескье [1]). Сочиненіе послѣдняго по словамъ самой Екатерины, являлось для нея молитвенникомъ или настольной книгой государей, вотъ, почему множество идей, высказанныхъ въ Наказѣ, прямо заимствовались оттуда. Впрочемъ Екатерина этого и не скрывала. Такъ, она сама говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Даламберу: „Вы увидите изъ Наказа, какъ тамъ на пользу моей имперіи я обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что, если бы онъ съ

[1]) Кистяковскій, Кіевск. Унив. Изв. 1864 г., № 9.

того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати милліоновъ людей, которое изъ того должно послѣдовать. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы поставить мнѣ это въ вину. Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей; онѣ служатъ для благосостоянія человѣчества".

Цѣль Наказа быть инструкціей при составленіи новаго Уложенія, хотя и сама императрица, и депутаты смотрѣли на него такъ же, какъ и на источникъ Уложенія. Однако, несмотря на это, Наказъ не былъ закономъ. „Я запретила на оный инако взирать, пишетъ Екатерина, какъ единственно онъ есть, то есть правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, но не яко законъ. и для того по дѣламъ не выписывать, яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено".

Наказъ начинается молитвой: „Господи Боже мой, вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людямъ твоимъ по закону святому твоему судити вправду". Онъ вмѣстѣ съ двумя дополненіями. изданными впослѣдствіи, уже во время засѣданія комиссіи, состоитъ изъ вступленія, заключенія, названнаго окончаніемъ, и 655 статей (526 статей Наказа и 129 статей двухъ дополненій къ нему), размѣщенныхъ въ 22 главахъ. Разсматривая содержаніе Наказа, нельзя не замѣтить, что оно въ сущности распадается на четыре отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ содержатся статьи, касающіяся государственнаго права, во второмъ—гражданскаго, въ третьемъ—уголовнаго и въ четвертомъ—судопроизводства. Кромѣ того, можно еще выдѣлить пятый отдѣлъ, въ который войдутъ тѣ статьи, содержаніе которыхъ касается предметовъ. не вошедшихъ ни въ одинъ изъ перечисленныхъ отдѣловъ, напр., статьи о воспитаніи.

Большая часть Наказа писана императрицей на французскомъ языкѣ и только незначительная часть—на русскомъ, какъ это видно изъ подлинной рукописи названнаго памятника хранящейся въ особомъ ковчегѣ въ Сенатѣ, въ залѣ общаго собранія.

Вскорѣ по своемъ выходѣ, Наказъ былъ переведенъ на

языки: латинскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, итальянскій, польскій и греческій. На нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ (напр., на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ) онъ выдержалъ нѣсколько изданій. Такимъ образомъ, сдѣлавшись доступнымъ народамъ Западной Европы, онъ всюду произвелъ сильную сенсацію и доставилъ большую популярность императрицѣ [1]).

Второй памятникъ, изданный императрицей для комиссіи и врученный ею генералъ-прокурору, былъ Обрядъ управленія комиссіей. Подъ нимъ слѣдуетъ понимать совокупность правилъ, опредѣляющихъ внѣшній распорядокъ и дѣлопроизводство въ комиссіи, т. е., иначе говоря, уставъ комиссіи. На основаніи его засѣданія послѣдней распадались на засѣданія большой и на засѣданія частныхъ комиссій. Изъ этихъ послѣднихъ три: дирекціонная, экспедиціонная и комиссія для разбора депутатскихъ наказовъ установлялись въ самомъ Обрядѣ. Обязанность дирекціонной комиссіи заключалась въ надзорѣ за дѣятельностью всѣхъ частныхъ комиссій, въ силу чего, послѣднія должны были представлять ей результаты своихъ трудовъ съ цѣлью разсмотрѣнія ихъ дирекціонной комиссіей и съ цѣлью разрѣшенія вопроса о томъ, согласны ли они съ правилами Наказа, нѣтъ ли несходства между ихъ частями и всѣ ли части приведены къ одному „заключенію“, т. е. „къ сохраненію цѣлости имперіи чрезъ добронравіе, народное благополучіе и человѣколюбивые законы, изъ чего послѣдуетъ любовь, вѣрность и послушаніе къ государю“. Кромѣ того, на дирекціонную комиссію было возложено открывать по мѣрѣ надобности новыя частныя комиссіи для разработки отдѣльныхъ проектовъ по разнымъ отраслямъ права. Функціи экспедиціонной комиссіи заключались въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы труды комиссій излагались „по правиламъ языка и слога“, т. е., въ разсмотрѣніи проектовъ съ чисто редакціонной стороны. Комиссія для разбора депутатскихъ наказовъ должна была разбирать эти послѣдніе и составлять особые своды и выписки изъ наказовъ. Предметы занятій прочихъ комиссій были распредѣ-

[1]) Содержаніе Наказа мы разсмотримъ при обзорѣ внутренней исторіи права императорскаго періода. Систематическое изложеніе содержанія этого памятника произведено мною въ моихъ „Лекціяхъ по внѣшней исторіи русскаго права“ (СПБ. 1890 г.).

лены позднѣе и число ихъ, со включеніемъ трехъ названныхъ, простиралось до 19.

Здѣсь прежде всего является вопросъ: въ какомъ отношеніи стояли частныя комиссіи къ большой, вопросъ весьма важный, такъ какъ отъ такого или иного разрѣшенія его зависѣли успѣхъ или неуспѣхъ всего предпріятія по составленію новаго Уложенія. По Обряду управленія комиссіей большая комиссія не составляла проектовъ законовъ. такъ какъ это было дѣломъ частныхъ комиссій, каждой по ея спеціальности. Большая только разсматривала проекты, вносившіеся въ нее изъ частныхъ и исправляла ихъ. Первый вопросъ, который возникаетъ здѣсь, состоитъ въ слѣдующемъ: частныя комиссіи, вырабатывая проекты отдѣльныхъ законоположеній, дѣйствовали по указаніямъ большой или независимо отъ этихъ указаній? Проф. Сергѣевичъ въ своей статьѣ объ Екатерининской комиссіи (напечатанной въ Вѣстникѣ Европы и перепечатанной въ Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ) вполнѣ основательно замѣтилъ, что Обрядъ управленія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ и да, и нѣтъ. Дѣло въ томъ, что частныя комиссіи, какъ и большая, въ своихъ постановленіяхъ должны были руководствоваться Наказомъ императрицы, депутатскими наказами и дѣйствующими законами. Но Наказъ далеко не заключалъ въ себѣ опредѣленныхъ правилъ по всѣмъ вопросамъ права. Въ виду этого, Обрядъ управленія предписываетъ большой комиссіи подавать свое мнѣніе, „которому примѣру по государственному положенію удобнѣе слѣдовать, и этому мнѣнію дирекціонная комиссія и всѣ частныя должны были слѣдовать. Въ данномъ случаѣ большая комиссія даетъ направленіе работамъ частныхъ, которому они обязаны подчиниться.

Совсѣмъ другія послѣдствія соединяетъ Обрядъ управленія съ мнѣніями большой комиссіи, высказанными по поводу депутатскихъ наказовъ и дѣйствующихъ законовъ. Эти мнѣнія служатъ частнымъ комиссіямъ не въ видѣ инструкцій, а только для соображеній. Они не имѣютъ обязательной силы для частныхъ комиссій. Конечно, частная комиссія, въ виду того, что составленный ею проектъ поступитъ на утвержденіе большой, не можетъ совершенно игнорировать ея мнѣнія. Но разъ по правилу мнѣнія

большой комиссіи не связываютъ частныхъ, эти послѣднія имѣютъ право разсчитывать, что большая комиссія можетъ и измѣнить свое мнѣніе, выслушавъ ихъ представленія. Такимъ образомъ, борьба большой комиссіи съ частными возведена здѣсь въ общее правило. Трудно объяснить, что заставило императрицу притти къ такимъ совершенно разнымъ выводамъ въ двухъ совершенно подобныхъ случаяхъ. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, что нельзя было придумать правила болѣе вреднаго для успѣшнаго исхода дѣятельности комиссіи, какъ это послѣднее. Если даже „согласныя“ (единогласныя) мнѣнія большой комиссіи не обязательны для пяти членовъ частной (въ составъ каждой частной комиссіи входило пять депутатовъ, назначавшихся дирекціонной комиссіей), то зачѣмъ же терять ей трудъ и время для выработки какихъ-либо общихъ положеній, никого не связывающихъ? Объясненіе подобной непослѣдовательности, по мнѣнію проф. Сергѣевича, надо искать въ той поспѣшности, съ которой велось все дѣло приготовительныхъ работъ самой императрицей и въ недостаточно обстоятельномъ знакомствѣ съ сложными вопросами законодательства.

Общее управленіе всею комиссіею и предсѣдательство на ея засѣданіяхъ возлагалось по Обряду на особое лицо, носившее названіе маршала. Онъ избирался собраніемъ и утверждался императрицею. Ему во многихъ отношеніяхъ долженъ былъ помогать генералъ-прокуроръ, имѣвшій большое вліяніе на дѣла комиссіи. Для веденія журналовъ или дневныхъ записокъ назначались особые чиновники, находившіеся подъ наблюденіемъ, такъ называемаго, директора. Императрица придавала большое значеніе дневнымъ запискамъ, главнымъ образомъ, въ виду того, „чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства (т. е. дѣйствій комиссіи) и судить могли о умоначертаніи сего вѣка“. Этимъ объясняется наличность въ Обрядѣ многихъ правилъ касательно составленія записокъ. Обрядъ заканчивается своего рода инструкціей маршалу относительно предсѣдательствованія въ комиссіи, порядка преній, возбужденія вопросовъ, голосованія, поведенія депутатовъ во время засѣданій и т. п.

Третій документъ, изданный императрицей для комиссіи, это Генералъ-прокурорскій Наказъ, являющійся ничѣмъ инымъ, какъ инструкціей генералъ-прокурору, сообразно съ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать во время составленія Уложенія. Наказъ начинается предписаніемъ генералъ-прокурору смотрѣть за тѣмъ, „чтобы противнаго разуму, въ пунктахъ наставленія содержащемуся, комиссіею ничего сочинено не было, и чтобъ разумъ и слова наставленія не были обращены во вредъ отечеству". Далѣе, Наказъ излагаетъ понятія о правахъ „въ научномъ отношеніи". Въ немъ объясняются права: божественное или святой вѣры, церковное, естественное, народное, государственное общее и особенное, завоеванія, гражданское и домашнее или семейное. Наказъ заканчивается предписаніемъ генералъ-прокурору „опредѣлить къ себѣ четырехъ знающихъ юриспрудентовъ, которые могли бы разбирать и объяснять встрѣчающіеся по его вѣдомству случаи и кажущіяся въ законахъ противорѣчія". Въ трудныхъ же случаяхъ или при разногласіи между этими „законовѣдцами" генералъ-прокурору было предоставлено право требовать мнѣнія университета, Академіи наукъ и „юриспрудентскаго" класса кадетскаго корпуса.

Кромѣ перечисленныхъ памятниковъ, императрица издала еще четвертый документъ, долженствовавшій регулировать занятія комиссіи по составленію новаго уложенія. Мы говоримъ о Начертаніи о приведеніи къ окончанію комиссіи по составленію проекта новаго Уложенія, изданномъ 28 февр. 1768 г., т. е. семь мѣсяцевъ спустя послѣ открытія засѣданій комиссіи. Начертаніе заключаетъ въ себѣ теоретическое изложеніе государственнаго устройства и управленія. Принявъ въ основаніе правило Наказа: „мы должны дѣлать другъ другу добро, сколько возможно" и выводя изъ этого, что „всякій благонамѣренный человѣкъ будетъ желать видѣть свое отечество на высшей степени благополучія, а согражданина—охраняемаго законами". Начертаніе опредѣляетъ двойственное отношеніе каждаго человѣка: 1) къ государству и 2) къ согражданамъ. Поэтому и труды комиссіи должны были дѣлиться на двѣ части, изъ которыхъ содержаніе одной должно было касаться права общаго, а содержаніе другой—права особеннаго.

Предметомъ первой части является сохраненіе цѣлости, добраго порядка и тишины государства, что, не можетъ быть достигнуто безъ существованія верховной власти. Послѣдняя раздѣляется на три власти (точка зрѣнія Монтескье): законодательную, защитительную (судебную) и совершительную (исполнительную). Посредствующимъ звѣномъ между верховной властью и гражданами являются „власти среднія, подчиненныя, зависящія отъ верховной власти и составляющія существо управленія“. Для большаго порядка въ государственномъ управленіи необходимо раздѣлить государство на „части“, т. е. на намѣстничества или губерніи, послѣднія—на области или провинціи, а эти послѣднія—на уѣзды. Каждый уѣздъ предполагаетъ существованіе города. Для подобнаго территоріальнаго подраздѣленія государства необходимо учредить комиссію подъ названіемъ комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права. Для устройства городовъ и для водворенія въ нихъ наибольшаго благосостоянія необходимо учредить особую комиссію о городахъ. „По основаніи сего приступа (т. е. введенія) къ порядку государства, говоритъ императрица, остается еще шесть предметовъ, касающихся до права общаго“, а именно: 1) о связи гражданскихъ законовъ съ духовными, 2) объ установленіи правосудія вообще, т. е. судоустройства, судопроизводства и законовъ о преступленіяхъ, 3) объ управленіи воинскомъ, 4) объ управленіи нравовъ или о полиціи благочинія, 5) объ устроеніи полезнаго или полиціи благосостоянія и 6) о государственномъ строительствѣ или камерномъ управленіи.

Правомъ особеннымъ называется совокупность тѣхъ „узаконеній и установленій, которыя каждому гражданину, живущему съ прочими въ обществѣ, какъ въ разсужденіи его самаго, такъ и въ разсужденіи его имѣнія и обязательствъ, приносятъ пользу и безопасность“. Поэтому, эта часть права имѣетъ своимъ предметомъ лица, вещи и обязательства. Лица состоятъ изъ разныхъ степеней или родовъ: дворянства, средняго и низшаго. Независимо отъ опредѣленія правъ и преимуществъ, принадлежащихъ каждому изъ этихъ родовъ, здѣсь же должны разсматриваться установленія, относящіяся до лицъ, а именно: о супружествѣ, объ отношеніяхъ родителей и дѣтей и объ опекѣ. Что касается до

права надъ вещами, то подъ нимъ понимается право, въ силу котораго „каждый членъ общества гражданскаго“ разсматривается, какъ собственникъ „надъ имѣніями, справедливо пріобрѣтенными“. Имущества могутъ быть движимыя и недвижимыя. Сюда же относится и узаконенія о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ имуществъ и о завѣщаніяхъ. Что касается до обязательствъ, то ихъ Начертаніе опредѣляетъ, какъ „союзы, въ силу которыхъ для одного лица рождается право на дѣйствіе другаго обязаннаго лица“.

По открытіи засѣданій комиссіи, было приступлено къ избранію маршала; выборъ палъ на А. И. Бибикова. Во второе засѣданіе былъ читанъ Наказъ, произведшій весьма сильное впечатлѣніе на депутатовъ, такъ что въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій комиссія постановила поднести императрицѣ титулъ „премудрой, великой и матери отечества“. Вопросу объ этомъ титулѣ было посвящено цѣлое засѣданіе, что и вызвало ироническое замѣчаніе со стороны императрицы: „я велѣла имъ сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“. 12 августа депутаты представлялись императрицѣ и поднесли ей титулъ. Въ отвѣтъ на это князь Голицынъ отъ имени императрицы заявилъ, что послѣдняя желаетъ только „укрѣпленія депутатовъ въ правильныхъ мысляхъ“ для составленія проекта новаго Уложенія. Кромѣ того, сама императрица, обратившись къ депутатамъ, сказала: „о званіяхъ, кои вы желаете, чтобъ я отъ васъ приняла, на сіе отвѣтствую: 1) на „великая“—о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ безпристрастно судить; 2) на „премудрая“—никакъ себя таковою назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ, и 3) на „мать отечества“—любить Богомъ ввѣренныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе“. Несмотря на этотъ отвѣтъ, комиссія постановила составить протоколъ о поднесеніи императрицѣ титула и препроводить его въ Сенатъ. Послѣдній вполнѣ присоединился къ мнѣнію комиссіи и заявилъ, что „предоставляетъ себѣ изыскать случай отъ всего государства произвесть это желаніе въ употребленіе“. И, дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ спустя нѣкоторые изъ сановниковъ вторично вознамѣрились поднести императрицѣ титулъ „великой“ и „матери отечества“ (уже опу-

стивъ отвергнутое ею званіе „премудрой“), но Екатерина осталась вѣрна своей прежней точкѣ зрѣнія и выразила даже неудовольствіе „за упражненіе въ подобныхъ выдумкахъ“.

Собственно къ занятіямъ комиссія приступила съ 8-го засѣданія, когда началось чтеніе депутатскихъ наказовъ. продолжавшееся въ теченіе 15 засѣданій. Во время этого чтенія депутаты дѣлали свои замѣчанія. Такимъ образомъ было прочтено 12 наказовъ. Послѣ того началось чтеніе законовъ, о правахъ благородныхъ, что заняло 10 засѣданій. Но за долго до исчерпанія всѣхъ названныхъ законовъ, по предложенію маршала, всѣ прочитанные законы, вмѣстѣ съ сдѣланными на нихъ замѣчаніями, были переданы въ частную комиссію о родахъ государственныхъ жителей, собраніе же занялось чтеніемъ законовъ о купечествѣ, употребивъ на это 36 засѣданій. Такимъ образомъ первые 60 засѣданій были исключительно посвящены чтенію наказовъ и законовъ, что являлось результатомъ совершеннаго непониманія маршаломъ Обряда управленія комиссіею. Подобное безсистемное чтеніе, такъ сказать, огуломъ законовъ и наказовъ, не сопровождавшееся вдобавокъ никакой постановкой вопросовъ и никакимъ голосованіемъ, было совершенно безцѣльно и самымъ непроизводительнымъ образомъ поглощало массу времени и труда. Нечего и говорить, что ничего подобнаго Обрядъ управленія и не предписывалъ. По прочтеніи законовъ о купечествѣ, комиссія приступила къ чтенію лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій, что продолжалось въ теченіе 11 засѣданій. Затѣмъ читались законы о юстиціи. Въ продолженіе всего этого времени депутаты дѣлали свои замѣчанія, которыя вмѣстѣ съ прочитанными законами передавались въ частныя комиссіи. Попрежнему не было постановлено ни одного вопроса и ни разу не производилось голосованія. По окончаніи чтенія законовъ о юстиціи, комиссія приступила къ обсужденію проекта правамъ благородныхъ, составленнаго частной комиссіей о государственныхъ родахъ и внесеннаго въ большую комиссію. 14 засѣданій было посвящено обсужденію проекта по статьямъ, при чемъ депутаты высказали много замѣчаній pro и contra; было предложено также не мало новыхъ редакцій къ статьямъ, но въ результатѣ ровно ничего

не вышло, такъ какъ мнѣнія остались несогласованными другъ съ другомъ и не были пущены на баллотировку. Желая вывести маршала изъ затруднительнаго положенія, императрица въ изданномъ ею дополненіи къ Обряду управленія комиссіею предписала избрать особаго депутата изъ желающихъ защищать проектъ и напомнила маршалу о необходимости баллотировки въ случаѣ разногласія во мнѣніяхъ. Но и изъ этого ничего не вышло, такъ какъ маршалъ попрежнему игнорировалъ баллотировку, дѣятельность же защитника проекта (депутата Коробьина) являлась, въ силу этого, совершенно безцѣльной. Такъ прошло еще 6 засѣданій, послѣ чего маршалъ предложилъ передать проектъ со всѣми замѣчаніями на него въ одну изъ частныхъ комиссій и снова приступилъ къ чтенію законовъ, именно о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Такъ продолжалось до 18 декабря, когда по случаю войны съ Турціей засѣданія большой комиссіи были прекращены и, какъ впослѣдствіи оказалось, прекращены навсегда. Въ этотъ день, т. е. 18 декабря 1768 г. (читаемъ въ дневной запискѣ комиссіи), маршалъ „объявилъ собранію о полученномъ комиссіею именномъ указѣ, въ которомъ императрица, въ виду того, что по случаю нарушенія мира, многіе изъ депутатовъ, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ, повелѣла: депутатовъ, которые, за выборомъ членовъ въ частныя комиссіи, остались въ большомъ собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны; членамъ же частныхъ комиссій остаться и продолжать свои занятія“.

Послѣ окончанія турецкой войны комиссія, однако, не была созвана, но de jure продолжала считаться существующей. Такъ, до насъ дошло нѣсколько указовъ, которыми засѣданія комиссіи отсрочивались: сперва до 1 Мая 1772 г., затѣмъ до 1 Авг. и 1 Ноября того же года и, наконецъ, до 1 Февр. 1773 г. Послѣ этого года, хотя указы объ отсрочкѣ засѣданій комиссіи прекратились, но комиссія попрежнему считалась существующей, что продолжалось также и въ 80-хъ годахъ, когда неоднократно въ правительственныхъ актахъ того времени упоминалось объ „уложенной коммиссіи“, какъ объ учрежденіи существующемъ. Что касается до частныхъ комиссій, то онѣ просуществовали до 1774 г.,

когда именнымъ указомъ отъ 4 Дек. засѣданія ихъ были „отсрочены“ навсегда.

Такимъ образомъ и Екатериненскую законодательную комиссію постигла та же участь, какая была присуща и всѣмъ предыдущимъ комиссіямъ. Новое Уложеніе не было составлено и единственно, что осталось отъ комиссіи, это—нѣсколько проектовъ, составленныхъ частными комиссіями, но и тѣ не только не получили законодательной санкціи, но даже не были признаны въ качествѣ источниковъ послѣдующей законодательной дѣятельности Екатерины II. Многіе изъ этихъ проектовъ, напр.. объ училищахъ, объ имѣніяхъ, о городахъ и т. д. не были даже закончены, а дошли до насъ въ формѣ, такъ сказать, набросковъ или плановъ, совершенно неразработанныхъ. Вполнѣ законченными были три проекта, а именно: проектъ правамъ благородныхъ и проекты законовъ о правахъ средняго и нижняго рода государственныхъ жителей.

Какая же причина неудачи комиссіи и столь преждевременнаго ея распущенія? Этотъ вопросъ не разъ возбуждался въ литературѣ, даже современной еще самой комиссіи, при чемъ неудачное разрѣшеніе его въ этой послѣдней было не разъ повторяемо и въ позднѣйшей литературѣ. Такъ, съ легкой руки самого маршала Бибикова была пущена мысль, что предпріятіе императрицы не удалось, вслѣдствіе его крайней рановременности. Дѣло въ томъ, что въ 1817 г. были изданы „Записки о жизни и службѣ маршала Бибикова“, оказавшія довольно большое вліяніе на отзывы въ русской исторической литературѣ о дѣятельности комиссіи. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Бибиковъ, между прочимъ, пишетъ: „должно признать чистосердечно, предпріятіе сіе (т. е. созваніе комиссіи) было рановременно и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу“. Это мнѣніе было впослѣдствіи нѣсколько разъ повторяемо, при чемъ неудача комиссіи и ея преждевременное распущеніе объяснялись ея рановременностью. Съ этимъ мнѣніемъ безусловно нельзя согласиться. Созваніе сословныхъ представителей въ 1767 г. для участія въ законода-

тельныхъ работахъ имѣло мѣсто у насъ не въ первый разъ. Начиная со второй половины XVI ст. и вплоть до Екатерины II, такія созванія практиковались безчисленное количество разъ и въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ XVI и XVII ст., всегда оканчивались весьма удачно. Еще за нѣсколько лѣтъ до 1767 г. сословные представители были созваны Елисаветой Петровной и какъ бы то ни было, но составили проектъ новаго Уложенія, многія постановленія котораго потомъ почти слово въ слово были повторены депутатскими наказами въ 1767 г. Слѣдовательно, если созваніе сословныхъ представителей для участія въ законодательныхъ работахъ не было преждевременно и въ большинствѣ случаевъ приносило благіе результаты въ царствованія Ивана IV, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, то тѣмъ болѣе оно не могло быть преждевременно и, такъ сказать, уже предопредѣлено къ неизбѣжной неудачѣ во второй половинѣ XVIII ст., когда степень культурности русскаго общества была значительно выше сравнительно съ XVI и XVII ст.

Далѣе Бибиковъ говоритъ, что „умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу“. Этотъ отзывъ можно считать вполнѣ несправедливымъ, какъ совершенно несоотвѣтствующій дѣйствительности. Уже число тѣхъ членовъ комиссіи, которые участвовали въ преніяхъ и тѣмъ самымъ свидѣтельствовали во всякомъ случаѣ о способности къ участію въ этомъ дѣлѣ, оказывается весьма значительнымъ. Изъ числа 564 депутатовъ 202 подавали мнѣнія, дѣлали возраженія и замѣчанія и т. п. Такое процентное отношеніе, по вѣрному замѣчанію проф. Брикнера, можно считать за вполнѣ удовлетворительное. Разумѣется, степень умственнаго развитія, познаній и образованія была неравномѣрна. Такъ, между депутатами считались люди, принадлежавшіе къ высшему интеллигентному классу, какъ, напр., князь Щербатовъ, извѣстный историкъ того времени, академикъ Миллеръ и др., и рядомъ съ ними засѣдали депутаты отъ какихъ-нибудь инородцевъ, бывшіе, говоря словами проф. Брикнера, едва ли въ состояніи дать себѣ отчетъ объ отвѣтственности, лежащей на членахъ собранія. Ра-

зумѣется, нельзя сравнивать способности Бибикова, Вяземскаго, Панина и пр. съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ того или другого депутата отъ пахатныхъ солдатъ или казаковъ. Но и между этими лицами были люди, разсуждавшіе очень дѣльно и умно и представлявшіе весьма обстоятельныя мнѣнія по разнымъ вопросамъ. Наконецъ, уже то обстоятельство, что почти всѣ ораторы весьма часто ссылались на Наказъ императрицы, можетъ служить доказательствомъ, что не только лица высшихъ, но и низшихъ классовъ общества были въ состояніи вникнуть въ духъ этого замѣчательнаго для того времени сочиненія и заимствовать оттуда лишніе аргументы для большей убѣдительности своихъ мнѣній. Очевидно, Наказъ, находившійся въ рукахъ каждаго депутата, читался много и не безъ пользы. Нѣкоторыя мнѣнія, поданныя депутатами, заключаютъ въ себѣ много мыслей, заимствованныхъ изъ Наказа. Такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ, напр., мысль о соотвѣтствіи климата и почвы страны съ историческимъ развитіемъ, нравами и обычаями народа, далѣе указанія на этнографическія и культурно-историческія данныя разныхъ вѣковъ; весьма часто говорится объ исторіи дворянства, объ исторіи торговли, о гуманности, о благѣ народа и т. д., и такого рода мысли встрѣчаются не только въ мнѣніяхъ и рѣчахъ лицъ изъ высшаго класса, но и въ мнѣніяхъ купцовъ, крестьянъ и казаковъ [1]). Всѣ приведенные факты вполнѣ свидѣтельствуютъ въ пользу невѣрности предположенія о рановременности комиссіи и о неспособности ея членовъ, какъ причинъ ея неудачи.

Другое мнѣніе, также пущенное въ ходъ Бибиковымъ, заключалось въ томъ, что члены комиссіи, „увлеченные вольнодуміемъ“, предлагали уничтоженіе крѣпостного права, въ силу чего комиссія и была распущена. Вотъ, что читаемъ по этому поводу въ „Запискахъ о жизни Бибикова“: „нѣкоторые изъ депутатовъ, увлеченные вольнодуміемъ, предлагали уничтоженіе рабства, неоспоримо истинною философіею и христіанскимъ человѣколюбіемъ предначертанное, но исполненіе чего, по обширности и малонаселенію Россійской имперіи, еще гораздо болѣе мудрыхъ

[1]) Брикнеръ, Журналъ Мин. Нар. Просв. 1881 г.

и благовременныхъ мѣръ, прилежнаго разсмотрѣнія и опаснаго вниманія и разсужденія требуетъ". То же мнѣніе относительно связи между возбужденіемъ вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ и преждевременнымъ закрытіемъ комиссіи высказалъ и французскій писатель Кастера, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „La vie de Catherine II", вышедшемъ въ 1797 г. Несмотря на то, что Кастера, пріѣхавшій въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины, не могъ быть свидѣтелемъ дѣятельности законодательной коммиссіи, чѣмъ и объясняется масса невѣрныхъ свѣдѣній о ней, помѣщенныхъ въ его книгѣ, названное мнѣніе получило полное право гражданства и долгое время признавалось вѣрнымъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ Кастера: „многія засѣданія коммиссіи далеко не были безмятежны. Начали говорить объ освобожденіи крестьянъ. Многія тысячи ихъ были готовы силою добыть то, чего они не могли ожидать отъ справедливости. Дворянство опасалось повсемѣстнаго возстанія, въ особенности убавленія своего богатства. Нѣкоторые дворяне увѣряли, что готовы убить того, кто первый внесетъ предложеніе сдѣлать крестьянъ свободными. Несмотря на это, графъ Шереметевъ, богатѣйшій человѣкъ въ Россіи, заявилъ, что охотно бы согласился на такую мѣру. Споръ становился все болѣе оживленнымъ, опасались страшныхъ послѣдствій разногласія и поэтому депутатовъ распустили домой".

Для опроверженія этого мнѣнія необходимо обратиться къ дневнымъ запискамъ, т. е. журналамъ собранія, и разсмотрѣть тѣ пренія, которыя касались крестьянскаго вопроса. Эти пренія возникли, благодаря предложенію дворянскаго депутата Коробьина, при обсужденіи законовъ о бѣглыхъ. Коробьинъ началъ свою рѣчь съ того, что заявилъ о своемъ желаніи разсмотрѣть причины, побуждающія крестьянъ къ бѣгству и предложить нѣкоторые способы, которые могли бы, хотя отчасти, предупредить это зло. „Думаю, сказалъ Коробьинъ, изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновеннаго подати; есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долгу, отдаютъ своихъ людей, отучивъ

ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семействъ, употребляютъ единственно для своей корысти". Но всего горестнѣе, что нѣкоторые владѣльцы, какъ только крестьянинъ пріобрѣтетъ небольшой достатокъ, лишаютъ своего крѣпостного всѣхъ плодовъ его труда. Такое положеніе дѣлъ весьма опасно для государства, „ибо тогда только процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны". Земледѣльцы — душа общества, слѣдовательно, когда они изнурены, то и все общество слабѣетъ. Затѣмъ, сославшись на статьи Наказа, въ которыхъ императрица указываетъ на обремененіе крестьянъ чрезмѣрными оброками, Коробьинъ сказалъ, что, слѣдовательно, въ бѣгствѣ крестьянъ виноваты сами помѣщики и потому необходимо предупредить злоупотребленія благоразумными и человѣколюбивыми законами. Теперь всякій молодой дворянинъ, зная, что онъ полный господинъ надъ всѣмъ имѣніемъ своихъ крестьянъ, можетъ для удовлетворенія своихъ прихотей собирать чрезмѣрные поборы, но, если бы владѣлецъ зналъ, что онъ можетъ потребовать отъ крестьянина не болѣе предписаннаго законами, тогда злоупотребленія прекратились бы. Слѣдовательно, все зло заключается въ неограниченной власти помѣщика надъ крестьянами. Далѣе Коробьинъ высказался, ссылаясь на Наказъ, за необходимость дарованія крестьянамъ права собственности на часть земли, которою онъ могъ бы распоряжаться по своему усмотрѣнію. Наконецъ, сказалъ Коробьинъ, необходимо постановить, чтобы крестьянинъ платилъ помѣщику опредѣленную закономъ, а не чрезмѣрную дань, которая должна состоять въ однѣхъ мѣстностяхъ въ продуктахъ земли, въ другихъ же взиматься деньгами. Такимъ образомъ, требованія Коробьина сводились къ тому, что слѣдуетъ: 1) опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на землю [1]). Иначе говоря, онъ желалъ *ограниченія* помѣщичьей власти, а

[1]) Семевскій, Крестьяне въ царствованіе Екатерины II.

отнюдь не *уничтоженія* крѣпостного права, о чемъ онъ и постарался заявить въ концѣ своей рѣчи.

Предложеніе Коробьина возбудило оживленныя пренія, не разъ принимавшія страстный оттѣнокъ. Участіе въ этихъ преніяхъ приняло 17 депутатовъ, при чемъ пять изъ нихъ высказались за улучшеніе быта крѣпостныхъ въ духѣ предложенія Коробьина, а 12 противъ всякаго улучшенія. Пренія продолжались безпрепятственно *цѣлый мѣсяцъ* и прекратились съ окончаніемъ чтенія законовъ о юстиціи, вслѣдствіе внесенія въ комиссію проекта правамъ благородныхъ. Послѣ того комиссія продолжала еще существовать *болѣе полугода* и за все это время вопросъ о крѣпостныхъ болѣе не возбуждался. Изъ приведеннаго видно, какъ неправильно мнѣніе, будто преждевременное распущеніе комиссіи находилось въ связи съ возбужденіемъ вопроса объ *освобожденіи* крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Третье мнѣніе относительно причинъ распущенія собранія, высказанное впервые англійскимъ посломъ Ширлеемъ и затѣмъ неоднократно повторенное другими, состояло въ слѣдующемъ: все предпріятіе императрицы было ничѣмъ инымъ, какъ простой комедіей или, какъ выражается Ширлей, фарсомъ, задуманной императрицей, якобы сознавшей шаткость своей власти, съ цѣлью пріискать средство для снисканія популярности въ обществѣ. „Намѣренія императрицы, говоритъ Ширлей, первоначально клонились къ тому, чтобы заявить ея заботливость о счастіи своихъ подданныхъ, но такъ какъ ея намѣренія проистекаютъ изъ основаній не совсѣмъ чистаго свойства, то и дѣла ея, какъ поддѣльный жемчугъ, имѣютъ болѣе блеска, но меньше цѣнности, чѣмъ жемчугъ настоящій“. Поэтому, когда названная цѣль была достигнута, т. е. императрица пріобрѣла популярность въ народѣ или, иначе говоря, комедія была сыграна, въ комиссіи перестали нуждаться и она была распущена. Такое мнѣніе крайне поверхностно и совершенно не соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ. Если въ чемъ и можно упрекнуть императрицу Екатерину, то только не въ томъ, въ чемъ упрекаетъ ее Ширлей. Подобное мнѣніе могло держаться до тѣхъ поръ, пока на документы, касающіеся исторіи комиссіи, былъ наложенъ запретъ и они не были никому извѣстны.

Но теперь, когда, благодаря изданію Русскаго Историческаго Общества и благодаря возможности проникнуть въ наши архивы, документы комиссіи стали болѣе или менѣе для всѣхъ доступны, подобное мнѣніе уже не можетъ существовать. Изъ документовъ видно, какъ относилась императрица къ своему предпріятію, какъ она увлекалась имъ, какъ была вся поглощена имъ. Изъ этихъ же документовъ видно, что отношеніе императрицы къ комиссіи было самое серьезное и что она стремилась исключительно къ тому, чтобы дѣятельность комиссіи дѣйствительно принесла реальные результаты. Объ этомъ, впрочемъ, свидѣтельствуетъ и самъ Ширлей, говоря, что въ настоящее время собраніе депутатовъ сдѣлалось любимѣйшимъ занятіемъ императрицы и что она въ ущербъ всѣмъ остальнымъ дѣламъ исключительно занимается только имъ однимъ. Дѣйствительно, честолюбіе императрицы играло весьма важную роль фактора при созваніи депутатовъ. Ей желательно было блеснуть въ Россіи и главное въ западной Европѣ въ качествѣ законодательницы сѣвера и философа на тронѣ, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе той задачи, для которой были созваны депутаты; казалось ей въ высшей степени легкимъ и незамысловатымъ, что, впрочемъ, являлось тогда ходячимъ мнѣніемъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, преклонявшихся предъ французской философіей и воображавшихъ, что сызнова пересоздать весь общественный и государственный строй есть дѣло, такъ сказать, одной минуты. Такимъ образомъ, мы подходимъ теперь къ выясненію настоящихъ причинъ неудачи комиссіи и преждевременнаго ея распущенія. Всѣ онѣ могутъ быть сведены въ сущности къ тремъ, а именно: къ неправильной постановкѣ задачи комиссіи, ко многимъ недостаткамъ ея организаціи и, наконецъ, къ совершенному неумѣнію руководящихъ людей привести порученное имъ дѣло къ полному и благополучному окончанію. Задача комиссіи была дѣйствительно безпримѣрной трудности. Ей предстояло составить проектъ новаго Уложенія, обнимающій собою всѣ стороны законодательства и всѣ отрасли права. Ужъ надъ однимъ такимъ проектомъ комиссія должна была трудиться безконечное количество времени. Мало того, эта задача усложнялась еще тѣмъ, что проектъ дол-

женъ былъ быть *новымъ* во всѣхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, общество разсматривалось, какъ бы находящееся въ естественномъ состояніи, въ силу чего ему слѣдовало сразу дать весь государственный и гражданскій бытъ; вся предшествовавшая исторія Россіи совершенно игнорировалась и русское государство трактовалось, какъ какая-то tabula rasa, на которой можно было создать все, что угодно. Источниками для подобнаго законодательства, по крайней мѣрѣ, по словамъ дирекціонной комиссіи, должны были быть: во-1-хъ, „неопровергаемыя правила Наказа“ и, во-2-хъ, „здравый разсудокъ, любовь къ отечеству и должная благодарность къ строительницѣ блаженства нашего“, т. е. къ императрицѣ. Что же касается до дѣйствующаго права, то оно признавалось за источникъ, какъ бы въ видѣ исключенія. На созданіе этой работы, по свидѣтельству нѣкоторыхъ памятниковъ, полагалось всего только какихъ-нибудь четыре года. Изъ сказаннаго видно, что все предпріятіе императрицы было ведено совершенно въ духѣ тогдашней французской философіи, считавшей вполнѣ возможнымъ пересоздать общественный и государственный строй, руководствуясь исключительно „здравымъ разсудкомъ“ и „любовью къ отечеству“. Думая, что предпринятое ею дѣло не представляетъ никакой трудности и можетъ быть закончено въ самое короткое время, императрица дала комиссіи въ видѣ инструкціи свой Наказъ, который долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и однимъ изъ главныхъ источниковъ новаго Уложенія. Между тѣмъ изъ содержанія этого памятника, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, можно видѣть, что онъ по множеству вопросовъ даетъ не начала законодательства, которыя стоило бы только развить въ отдѣльныя положенія, чтобы получить цѣлое Уложеніе, а указываетъ лишь общее и часто довольно неопредѣленное направленіе этого законодательства, нерѣдко же ограничивается просто приведеніемъ разныхъ примѣровъ изъ иностранныхъ законодательствъ, не дѣлая изъ нихъ никакого опредѣленнаго вывода. Такъ, „надлежитъ установить порядокъ неподвижный для наслѣдованія“, говоритъ Наказъ, но какой? Сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ тщетно будемъ искать въ Наказѣ. Сдѣлавъ нѣкоторыя указанія на рим-

скій и греческій порядокъ наслѣдованія, императрица заключаетъ: „мое намѣреніе въ семъ дѣлѣ склоняется болѣе къ раздѣленію имѣнія“. Но наслѣдованіе по частямъ или безъ раздѣленія на части, справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, это только одинъ изъ множества вопросовъ наслѣдственнаго права. По всѣмъ остальнымъ нѣтъ никакого указанія, но и приведенное отличается крайнею неопредѣленностію. Какого раздѣленія желаетъ императрица? У насъ и до вступленія ея на престолъ имѣнія дѣлились между наслѣдниками. Довольна она прежнимъ порядкомъ или нѣтъ? „Полезно сдѣлать учрежденіе объ опекунствѣ“, говоритъ далѣе Наказъ, но какое—опять умалчиваетъ, ограничиваясь указаніемъ на то, что „опека должна быть для малолѣтнихъ, безумныхъ и тому подобныхъ“. Но у насъ, выражаясь словами проф. Сергѣевича, и прежде была опека не только для малолѣтнихъ и безумныхъ, но и для расточителей и жестокихъ помѣщиковъ, и правила ея во всякомъ случаѣ были опредѣленнѣе правилъ Наказа. Наконецъ, по многимъ отраслямъ права Наказъ не даетъ никакихъ „разрѣшеній“. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить объ его отношеніи къ такой важной отрасли права, какъ гражданское право, совершенно игнорируемое въ названномъ памятникѣ и т. д. Такимъ образомъ, старые законы не должны были имѣть значенія источниковъ для составляемаго Уложенія. Наказъ же, считавшійся главнымъ изъ нихъ, не обнималъ, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, и сотой части всей сложной системы права. Мало того, многія положенія Наказа страдаютъ противорѣчіемъ между собой и совершенно не согласованы другъ съ другомъ, что является результатомъ вліянія на императрицу, съ одной стороны, раціоналистическихъ идей французскихъ энциклопедистовъ, а, съ другой стороны, воззрѣній Монтескье, какъ извѣстно, имѣющихъ между собой весьма мало общаго. Между тѣмъ объ категоріи этихъ идей остались въ Наказѣ совершенно непримиренными другъ съ другомъ. Та же непримиренность разнородныхъ идей сказалась и на практикѣ. Какъ извѣстно, депутаты должны были привести съ собой Наказы, которыми комиссія обязана была руководствоваться въ своей дѣятельности. Наказы отличались крайней положительностью своихъ стремленій,

такъ какъ составители ихъ излагали *дѣйствительныя* нужды и желанія сословій, вытекавшія, такъ сказать, изъ условій дѣйствительнаго порядка вещей, существовавшаго въ то время въ Россіи. Между депутатскими и Большимъ наказами по многимъ вопросамъ цѣлая бездна. Спрашивается, какъ должна была поступать комиссія, примиряя непримиримыя начала Большаго и депутатскихъ наказовъ, что должна была она дѣлать въ случаѣ конфликта между стремленіями сословій, отправлявшихся отъ дѣйствительнаго порядка вещей, со стремленіями Большаго Наказа и „здраваго разсудка", какъ его понимали раціоналисты? Все это такого рода вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣлъ удачный исходъ всего дѣла. Между тѣмъ этого разрѣшенія не послѣдовало и вотъ одна изъ причинъ неудачи комиссіи. Правда, во время засѣданія послѣдней, когда императрица увидѣла, что дѣло не идетъ такъ гладко, какъ она думала, она рѣшила помочь комиссіи изданіемъ Начертанія о приведеніи новаго Уложенія къ окончанію. Содержаніе его было изложено выше и изъ него видно, что Начертаніе есть ничто иное, какъ система законодательства въ крайне общихъ чертахъ, а въ виду этого, оно и не могло помочь дѣлу составленія новаго Уложенія. Такимъ образомъ, одной изъ главныхъ причинъ неудачи комиссіи была необычайной трудности задача, возложенная на нее. Но даже, несмотря на это, комиссія все-таки могла бы составить проектъ Уложенія, хотя, конечно, не во вкусѣ раціоналистической философіи, а болѣе соотвѣтствующій условіямъ дѣйствительной жизни (какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ проекты законовъ, составленные нѣкоторыми частными комиссіями), если бъ обладала болѣе совершенной организаціей, а главное болѣе способными и умѣющими вести порученное имъ дѣло людьми, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Я уже указалъ при обзорѣ содержанія Обряда управленія комиссіею на несовершенство этого памятника, главнымъ образомъ, въ вопросѣ объ отношеніяхъ частныхъ и общей комиссій другъ къ другу, поэтому повторять здѣсь объ этомъ излишне. Скажу только, что эти несовершенства Обряда могли быть значительно исправлены на практикѣ, если бы во главѣ комиссіи не стояло такое неспособное для даннаго дѣла лицо, какимъ былъ маршалъ Би-

биковъ. Рѣдко, кто такъ находился не на своемъ мѣстѣ, какъ артиллеріи генералъ-маіоръ Бибиковъ въ качествѣ предсѣдателя законодательнаго собранія. При обзорѣ дѣятельности комиссіи было уже указано, какъ дѣйствовалъ маршалъ въ качествѣ предсѣдателя, какъ неумѣло велъ онъ пренія, ставилъ вопросы, какъ никогда не допускалъ никакого голосованія, а взамѣнъ того предписывалъ читать цѣлые вороха законовъ и наказовъ, что въ сущности не имѣло никакого смысла. Вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ столь грандіозно задуманное предпріятіе совершенно не удалось и не осуществило тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались. Единственная польза отъ созванія комиссіи заключалась въ томъ, что императрица получила возможность узнать нужды, желанія и стремленія своего народа и сообразовать съ ними свою дальнѣйшую законодательную дѣятельность [1]). „Комиссія Уложенія, писала впослѣдствіи Екатерина, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе по всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ“.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Павла вопросъ о новомъ Уложеніи былъ снова поднятъ и правительство снова организовало съ этою цѣлью комиссію въ 1796 г. Однако, по всей вѣроятности, въ виду неудачи Екатерининской комиссіи, правительство, принявшись за дѣло кодификаціи, рѣшило пойти по прежнему пути и заняться составленіемъ не новаго, но своднаго Уложенія. Поэтому 16 дек. 1796 г. былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось собрать всѣ дѣйствующіе законодательные акты и составить изъ нихъ три законодательные сборника: уголовный, гражданскій и казенныхъ дѣлъ. На основаніи этого указа, комиссія, долженствовавшая заняться составленіемъ своднаго Уложенія, получила названіе „комиссія для составленія законовъ“. Въ составъ ея вошли четыре лица, долженствовавшіе дѣйствовать подъ руководствомъ генералъ-прокурора. Части законопроектовъ, по мѣрѣ ихъ составленія, комиссія должна была вносить на разсмотрѣніе и утвержденіе Сената. Въ кратковременное царствованіе имп. Павла комиссія только и успѣла составить 17 главъ,

[1]) Объ этомъ см. м о е изслѣдованіе „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“

касающихся судопроизводства, 9 главъ о вотчинныхъ дѣлахъ и 13 главъ уголовнаго сборника и со смертью императора прекратила свое существованіе.

Въ царствованіе Александра I кодификація русскаго права продолжалась попрежнему. Уже 5 іюля 1801 г. былъ изданъ указъ, которымъ учреждалась новая комиссія, надзоръ за дѣятельностью которой поручался графу Завадовскому. Но до 1803 года комиссія ничего не сдѣлала и, по всей вѣроятности, вслѣдствіе этого, новымъ указомъ 21 окт. 1803 г. дѣло кодификаціи было передано въ министерство юстиціи, во главѣ котораго въ то время находился князь Лопухинъ. Но послѣдній, будучи обремененъ другими дѣлами и не обладая юридическимъ образованіемъ, не имѣлъ возможности приняться за составленіе законодательнаго сборника, вслѣдствіе чего это было поручено бывшему студенту Лейпцигскаго университета, барону Г. А. Розенкампфу, человѣку научно образованному, но совершенно не знавшему русскаго языка. Имъ былъ составленъ проектъ работъ, утвержденный государемъ 28 февр. 1804 г. Одновременно съ утвержденіемъ проекта Розенкампфъ получилъ мѣсто главнаго секретаря комиссіи и, такимъ образомъ, могъ приступить къ занятіямъ. Но въ виду того, что онъ совершенно не былъ знакомъ съ дѣйствующимъ правомъ, первые годы существованія комиссіи прошли въ томъ, что ея главный секретарь долженъ былъ проводить почти все время въ одномъ изученіи русскаго законодательства и всякую мысль объ его кодификаціи оставить въ сторонѣ. Такъ продолжалось до конца 1808 г., когда въ составъ комиссіи вошелъ извѣстный Сперанскій, назначенный въ это время товарищемъ министра юстиціи. Сперанскій (говоритъ его біографъ баронъ Корфъ) поступилъ въ комиссію безъ всякаго юридическаго образованія, чуждый нѣмецкой литературы, но по незнанію самого языка, незнакомый почти ни съ чѣмъ, кромѣ французскаго кодекса и энциклопедическаго сочиненія о французскихъ законахъ Флорижона, составлявшаго его настольную книгу. Пропитанный наполеоновскими идеями, онъ не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію [1]).

[1]) Баронъ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго.

Первымъ дѣломъ Сперанскаго, по вступленіи въ комиссію, было ея преобразованіе. Сущность этого преобразованія заключалась въ слѣдующемъ. Комиссія должна была состоять изъ трехъ учрежденій: совѣта, правленія и сословія юрисконсультовъ. Послѣднее раздѣлялось на шесть отдѣленій, во главѣ которыхъ находились особые начальники. На обязанности отдѣленій лежало составленіе законовъ и выработка ихъ плана. Правленіе состояло изъ членовъ, назначаемыхъ государемъ, изъ которыхъ одинъ исполнялъ обязанности секретаря (Сперанскій). Функціи правленія состояли въ надзорѣ за отдѣленіями, въ наблюденіи за ихъ работами и въ ихъ утвержденіи и разсмотрѣніи. Что касается до совѣта, то въ составъ его входили члены правленія ex officio и другія лица, назначаемыя государемъ. Обязанностью его было разрѣшать затрудненія, въ разрѣшеніи которыхъ правленіе являлось некомпетентнымъ, и пересматривать изложеніе законовъ по мѣрѣ ихъ составленія. Сперанскій возлагалъ большія надежды на это преобразованіе комиссіи. „Сколько постороннія мои хлопоты и развлеченная работа дозволили, писалъ онъ 13 апр. 1809 г. графу Кочубею, успѣли мы дать нѣкоторое образованіе комиссіи законовъ. Преобразованы экспедиціи, болѣе пятидесяти человѣкъ лишнихъ исключено, установленъ порядокъ работъ, сдѣлано положеніе, коимъ все приведено къ одному средоточію, а для ревизіи нашихъ работъ, для разрѣшенія противорѣчій и трудностей въ законахъ, наипаче же для примиренія комиссіи съ общимъ мнѣніемъ и для доставленія трудамъ ея нѣкотораго въ отечествѣ нашемъ довѣрія, учрежденъ особенный при ней совѣтъ. Я надѣюсь, что съ мая двинется и, хотя не быстро, все пойдетъ въ первый разъ въ порядкѣ и безостановочно“. Но Сперанскій (говоритъ баронъ Корфъ) ошибался въ разсматриваемое время въ методѣ работы. Обманывая себя мнимою легкостью задачи, онъ приступилъ прямо къ концу, т. е. къ сочиненію новаго Уложенія, не приготовивъ ни начала—собранія законовъ, ни середины—свода ихъ. Онъ предпочиталъ скорѣе творить, нежели углубляться въ изысканіи малоизвѣстныхъ ему прежнихъ законовъ.

1-го января 1810 г. съ учрежденіемъ Государственнаго совѣта комиссія подверглась новому преобразованію. Она была

обращена въ установленіе, состоящее при Государственномъ совѣтѣ; собственный ея совѣтъ упраздненъ и начальникомъ ея назначенъ Сперанскій съ титуломъ директора. Между тѣмъ къ концу 1809 г. былъ составленъ Розенкампфомъ подъ наблюденіемъ Сперанскаго проектъ первой части гражданскаго Уложенія и въ январѣ 1810 г. внесенъ въ Государственный совѣтъ. Въ послѣднемъ въ продолженіе 1810 г. разсмотрѣнію проекта было посвящено 43 засѣданія департамента законовъ и общаго собранія. Въ томъ же 1810 г. была закончена и вторая часть гражданскаго Уложенія, также внесенная въ Государственный совѣтъ и разсмотрѣнная имъ къ концу года. Тогда обѣ части были напечатаны для новаго пересмотра въ исправленномъ видѣ. Однако съ этого времени, по крайней мѣрѣ при Сперанскомъ, ничто болѣе по предмету новаго Уложенія не вносилось въ Государственный совѣтъ. Разгадка тому (говоритъ баронъ Корфъ) находится въ отчетѣ Сперанскаго за 1810 г. Онъ уже начиналъ чувствовать всѣ трудности дѣла и невозможность продолжать его среди другихъ занятій, которыхъ у него было не мало. „Должно, писалъ онъ въ этомъ отчетѣ, знать подробности сей работы, чтобъ измѣрить всѣ ея трудности. Еслибъ коммиссія составлена была, какъ, напр., во Франціи, изъ знаменитыхъ юрисконсультовъ, совершенно свѣдующихъ въ отечественномъ законѣ и его приложеніи; еслибъ дѣло сіе пріуготовлено было предшествующими сочиненіями ученыхъ людей; еслибъ потомъ окончательная редакція въ томъ состояла, чтобъ пересмотрѣть и свести воедино всѣ сіи матеріалы, то и тогда работа сія представляла бы еще множество затрудненій и тогда требовала бы она одна всего времени самаго трудолюбиваго и знающаго редактора. Во Франціи одно гражданское Уложеніе, составленное въ началѣ Камбасересомъ по образцамъ, за сто лѣтъ начертаннымъ, пересматриваемо было потомъ три года, четыре раза перелагалось и почти два года было пересматриваемо въ совѣтѣ. Всѣмъ извѣстны и составъ нашей коммиссіи и смѣсь нашихъ законовъ, и совершенный недостатокъ всякихъ юридическихъ познаній. Не взирая, однако, на все сіе, можно съ достовѣрностію утверждать, что въ теченіе минувшаго года не только гражданское Уложеніе, но и

большая часть судебнаго устава могли бы быть окончены, еслибъ всѣ сіи предметы тоже не стекались въ однѣ руки. Дѣло коммиссіи было составить своды, сдѣлать компиляціи и начертать правильные проекты. Но потомъ дѣло директора есть свести все сіе воедино, приспособить общему плану и, наконецъ, изложить съ правильностью и единообразіемъ. Работы сей у насъ раздѣлять не можно, ее долженъ дѣлать одинъ. Слѣдовательно, не коммиссія, но одинъ ея директоръ отвѣтствуетъ въ умедленіи; онъ одинъ останавливаетъ движеніе сего дѣла".

Между тѣмъ двѣ первыя части Уложенія, будучи напечатаны, сдѣлались достояніемъ общества и, являясь ничѣмъ инымъ, какъ сколками съ французскаго кодекса, вызвали не мало возраженій критики. Выразительницею подобнаго отношенія общества къ проекту явилась извѣстная записка Карамзина о древней и новой Россіи. Вотъ, что, между прочимъ, писалъ Карамзинъ: „опять новая декорація. Кормило законодательства въ другой рукѣ. Обѣщаютъ скорый конецъ плаванія и вѣрную пристань. Уже манифестъ объявленъ, что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ издаютъ двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложенія. Что же находимъ? Переводъ наполеоновскаго кодекса. Какое изумленіе для россіянъ, какая пища для злословія? Благодаря Всевышняго, мы не подпали еще желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское Герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго Уложенія, чтобъ торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранное, однакожъ не велѣлъ бы безъ всякихъ дальнихъ околичностей взять, напр., шведскіе законы и назвать ихъ русскими (мнѣніе Карамзина въ этомъ случаѣ совершенно не вѣрно, такъ какъ Петръ, напротивъ, прямо предписалъ коммиссіи 1720 г. примѣнить къ условіямъ русской жизни иностранные

кодексы и законы, т. е. иначе говоря, „назвать ихъ русскими"), ибо вѣдалъ Петръ, что законы народовъ должны быть извлечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ, обыкновеній и мѣстныхъ обстоятельствъ". Далѣе слѣдуетъ довольно обстоятельная критика многихъ статей проекта. Затѣмъ Карамзинъ высказываетъ свои предположенія на счетъ того, что собственно нужно для Россіи въ области законодательства. Любопытно, что онъ предлагалъ почти то же, что послѣ при имп. Николаѣ и было сдѣлано: сперва собрать законы по предметамъ, затѣмъ соединить однородныя части въ цѣлое и, наконецъ, исправить то, что по условіямъ времени потребуетъ перемѣны.

Въ 1812 г. въ Государственный совѣтъ былъ внесенъ проектъ третьей части гражданскаго Уложенія и разсмотрѣнъ имъ. Въ томъ же году коммиссія снова была преобразована, именно: должность директора, вслѣдствіе выхода изъ состава комиссіи Сперанскаго, упразднена, а взамѣнъ ея учрежденъ особый совѣтъ изъ трехъ членовъ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ своего учрежденія, совѣтъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство юстиціи, которому теперь снова была подчинена комиссія, и спрашивалъ о мѣрахъ, принятіе которыхъ являлось, по его мнѣнію, крайне необходимымъ для успѣшнаго хода работъ. А именно: совѣтъ спрашивалъ, что предпринять съ проектомъ гражданскаго Уложенія, оставить ли его неизмѣненнымъ въ томъ видѣ, какимъ онъ вступилъ въ комиссію изъ Государственнаго совѣта, или подвергнуть новому разсмотрѣнію и измѣненію сообразно съ требованіями плана 28 Февр. 1804 г. Самъ совѣтъ признавалъ болѣе основательнымъ второй путь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ задавался и другимъ вопросомъ, какъ дѣйствовать при составленіи новаго Уложенія: держаться ли началъ прежняго законодательства, стараясь только дополнять пропуски и исправлять недостатки, или же принять новыя начала, заимствуя ихъ изъ иностраннаго законодательства? „Всякіе законы, читаемъ въ представленіи совѣта, тогда наиболѣе могутъ преличествовать государству, когда они уже освѣщены временемъ. Слѣдовательно, должно сохранять старыя начала неприкосновенными, если только не будутъ они очевидно противъ цѣли государства и правительства. Всякая но-

визна оскорбляетъ то, что для людей всего любезнѣе—привычку и дѣлаетъ ихъ неувѣренными въ своемъ состояніи и въ своихъ правахъ. Гражданскіе законы непосредственно касаются всѣхъ общественныхъ связей, состоявшихся въ продолженіе многихъ вѣковъ, и потому нельзя полагать, чтобы можно было перемѣнить ихъ вдругъ изданіемъ новаго Уложенія, не причинивъ замѣшательства въ настоящемъ порядкѣ вещей. Мы ошибаемся, если вообразимъ, что съ перемѣною на бумагѣ текста гражданскихъ законовъ столь же легко и скоро перемѣнится и существующее право и что отъ введенія постановленій другаго государства произойдутъ изъ оныхъ тѣ же самыя слѣдствія, какъ и тамъ гдѣ къ онымъ привыкли. Не одни люди, но и время постановляетъ и опредѣляетъ начала законодательства. Редакторамъ надлежитъ только найти и установить образъ ихъ приложенія, смотря по обстоятельствамъ. Искусные люди могутъ, конечно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составить Уложенія, довольно хорошо написанныя, но, если они замѣнятъ начала, дѣйствительно принятыя, началами чужеземными, то сіи Уложенія будутъ ничто иное, какъ книги, содержащія въ себѣ систематическія разсужденія *о правѣ несуществующемъ*. Обязанность коммиссіи законовъ, по мнѣнію совѣта, есть важнѣе и полезнѣе сего. Она состоитъ въ томъ, чтобы разобрать начала существующія, изложить происхожденіе и духъ древнихъ законовъ, показать, какимъ образомъ дѣлать постепенно перемѣны и представить несовѣршенства, которыя открылъ опытъ“ [1]).

Несмотря, однако, на это мнѣніе совѣта комиссіи, работы въ ней продолжались согласно прежнему методу, и такимъ способомъ были составлены еще два проекта Уложеній: уголовнаго (1813 г.) и торговаго (1814 г.). Кромѣ того, подъ наблюденіемъ Розенкампфа, бывшаго съ паденіемъ Сперанскаго первымъ лицомъ въ комиссіи, послѣдняя составила первую часть устава гражданскаго судопроизводства и исправила проекты торговаго и уголовнаго Уложенія.

---

[1]) Труды комиссіи составленія законовъ, т. I; Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. I.

Въ Іюлѣ 1821 г. Сперанскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго совѣта. Одновременно съ этимъ ему было поручено и временное управленіе комиссіей. Первымъ его дѣломъ, по вступленіи въ ея составъ, было обозрѣніе работъ комиссіи и донесеніе о нихъ государю. Отзывъ его былъ самый неблагопріятный, а именно Сперанскій доносилъ, что проекты „исполнены пропусковъ и несовершенствъ, что слогъ ихъ не только не имѣетъ свойственныхъ закону ясности и точности, но, какъ бы съ намѣреніемъ, до того затемненъ и неопредѣлителенъ, что Сенатъ и судебныя мѣста принуждены будутъ часто обращаться къ той же комиссіи за истолкованіемъ смысла ея постановленій, наконецъ, что, такъ называемый, сводъ, есть ничто иное, какъ какая то смѣсь, гдѣ для тѣхъ двухъ или трехъ существенныхъ словъ, которыя составляютъ силу закона, выписаны цѣликомъ кипы частныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ никакого къ нему отношенія“. Для приведенія всего этого въ надлежащій порядокъ, Сперанскій считалъ нужнымъ дополнить недостатки внесеніемъ пропущенныхъ статей, а въ нѣкоторыхъ частяхъ, и цѣлыхъ главъ и исправить слогъ, т. е. большую часть статей вновь передѣлать. „Чтобы произвести сіе исправленіе въ самой комиссіи, писалъ Сперанскій, къ сему надлежало бы: 1) на каждую часть работы сдѣлать нужныя примѣчанія, 2) сравнить сіи примѣчанія съ текстомъ и рѣшить правильность ихъ или неправильность, 3) по сему рѣшенію произвести самое исправленіе. Примѣчанія сдѣлать можно, но кто въ коммиссіи будетъ судить ихъ? Коммиссія есть Розенкампфъ и ничего болѣе. Слѣдовательно, это будетъ одно только личное состязаніе между примѣчателемъ и составителемъ; личности же во всякомъ дѣлѣ, а особенно въ дѣлѣ законовъ не могутъ быть совмѣстны. Потомъ, предположивъ, что примѣчатель въ семъ спорѣ одержитъ верхъ, кто по его примѣчаніямъ будетъ производить самое исправленіе? Коммиссія? Но сія коммиссія есть опять тотъ же самый Розенкампфъ, и нѣтъ большей вѣроятности, чтобъ онъ нынѣ могъ сдѣлать удачнѣе, нежели прежде“. Вслѣдствіе этихъ соображеній, Сперанскій предлагалъ другое средство исправить проекты, а именно, провести ихъ чрезъ Государственный совѣтъ съ тѣмъ, чтобы ко-

миссія представила туда свои работы и чтобы онъ, какъ членъ совѣта, внесъ свои письменныя на нихъ примѣчанія, а совѣтъ все бы это разсмотрѣлъ и обсудилъ. „Когда, говорилъ онъ, такимъ образомъ обличены будутъ пропуски и недостатки и обличены будутъ не частнымъ мнѣніемъ одного лица, но и цѣлымъ сословіемъ, тогда уже можно будетъ приняться за окончательное разсмотрѣніе. Между тѣмъ пріисканы къ сему будутъ два или три способныхъ редактора, а настоящіе члены коммиссіи получатъ размѣщеніе соотвѣтственно тому понятію, какое составится объ ихъ трудахъ. Такимъ образомъ вся работа раздѣлится на двѣ части, изъ коихъ въ первой, такъ сказать, предварительной разсмотрѣны и оцѣнены будутъ настоящіе проекты, во второй получатъ они окончательное ихъ исправленіе“ [1]).

Государь одобрилъ планъ Сперанскаго и разсмотрѣніе трудовъ комиссіи въ Государственномъ совѣтѣ началось снова съ проекта гражданскаго Уложенія и притомъ опять съ двухъ первыхъ его частей, хотя онѣ уже дважды разсматривались въ совѣтѣ (въ 1810 и въ 1815 гг.). Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: къ каждой главѣ прилагались подробныя изъясненія, иногда очень обширныя, и всѣ эти изъясненія, какъ и всѣ журналы Совѣта, содержавшіе въ себѣ разсужденія и заключенія Сперанскаго, онъ писалъ собственноручно. Затѣмъ подписанные журналы подносились государю. Членамъ совѣта были розданы печатные экземпляры проекта и въ каждое засѣданіе прочитывалось по одной или по нѣсколько главъ, а въ слѣдующій разъ выслушивались письменныя или словесныя замѣчанія на прочитанное въ предшествовавшее засѣданіе. Такимъ образомъ былъ разсмотрѣнъ проектъ гражданскаго Уложенія съ небольшимъ въ годъ, занявъ 38 засѣданій. Но надъ этимъ дѣломъ, какъ довольно удачно выразился баронъ Корфъ, тяготѣлъ особенный фатализмъ. Три пересмотра въ теченіе дѣсяти лѣтъ не могли привести ни къ чему окончательному. Государственный совѣтъ постановилъ измѣнить 721 параграфъ, въ томъ числѣ цѣлыя главы и съ такими исправленіями полагалъ проектъ утвердить. Но тогда под-

[1]) Бар. Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго.

нялъ противъ него оружіе самъ Сперанскій, внутренне сознававшій слабость всей работы. Онъ представилъ государю, что гражданскаго Уложенія нельзя ввести въ дѣйствіе безъ устава судопроизводства, а этому уставу едва только положено начало, и что, кромѣ того, въ самомъ проектѣ Уложенія, за всѣми пересмотрами и поправками, все еще осталось много недостатковъ и неточностей, которыхъ можно избѣгнуть только новою передѣлкою его въ цѣломъ составѣ. Къ такой передѣлкѣ, однако, ни тогда, ни послѣ не было приступлено [1]). При видимомъ охлажденіи имп. Александра къ этому дѣлу, вопросъ о новомъ Уложеніи снова заглохъ и въ разсматриваемое царствованіе уже навсегда.

Кодификація при Николаѣ I — Сводъ Законовъ. Со вступленіемъ на престолъ имп. Николая этотъ вопросъ былъ снова поднятъ, тѣмъ болѣе, что самъ государь крайне интересовался его разрѣшеніемъ. „Я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія говорилъ впослѣдствіи (19 Января 1833 г). въ засѣданіи Государственнаго совѣта имп. Николай, о которыхъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Главнымъ, занявшимъ меня дѣломъ, было, естественно, правосудіе. Я еще съ-молоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собой противорѣчивыхъ .Это побудило меня съ первыхъ дней моего правленія разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась коммисія, учрежденная для составленія законовъ. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что ея труды оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину этого: недостатокъ результатовъ происходилъ главнѣйше отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать прежде всего съ опредѣленія цѣли, къ которой правительство должно направлять свои дѣйствія по части законодательства, и изъ предложенныхъ

[1]) Бар. Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго.

мнѣ путей я выбралъ совершенно противоположный прежнимъ. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взять въ непосредственное мое руководство".

Одновременно съ этимъ государь поручилъ Сперанскому изложить мысли о способахъ улучшенія законодательства. Сперанскій выполнилъ порученную ему работу и представилъ двѣ записки, а именно: краткое историческое обозрѣніе комиссіи составленія законовъ и предположенія къ окончательному составленію законовъ. Изъ этихъ записокъ видно, что Сперанскій остался вѣренъ своей прежней точкѣ зрѣнія на необходимость составленія новаго Уложенія, а не свода законовъ. Но государь съ этимъ не согласился и, отстранивъ мысль о составленіи Уложенія, которое казалось ему чѣмъ-то отвлеченнымъ и слишкомъ теоретическимъ, остановилъ свой выборъ на сводѣ законовъ, существующихъ съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякаго измѣненія въ ихъ существѣ [1]).

Опредѣливъ направленіе кодификаціонныхъ работъ, государь преобразовалъ бывшую комиссію во II отдѣленіе собственной канцеляріи (31 января 1826 г.), начальникомъ которой, хотя и былъ назначенъ Балугьянскій, но фактически дѣлами всего отдѣленія завѣдывалъ Сперанскій, несмотря на то, что съ формальной стороны не имѣлъ никакого отношенія къ отдѣленію. Сперанскій велъ дѣло съ умѣніемъ и съ распорядительностью, не теряя напрасно ни минуты. По словамъ его біографа, для каждой главной части Свода и предшествовавшихъ ей историческихъ обозрѣній имъ самимъ были составлены отдѣльные планы или оглавленія, въ которыхъ содержалось означеніе предметовъ части и всѣ дѣленія ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. Многія изъ этихъ предварительныхъ рубрикъ впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи подробностей, измѣнились, но работавшіе имѣли въ нихъ, по крайней мѣрѣ, на первый разъ, нѣкоторую путеводную нить, полагавшую и границы противъ произвольныхъ забѣговъ изъ одной

[1]) Бычковъ, Русская старина 1876 г., № 2.

части въ другую. При II отдѣленіи была учреждена большая типографія, и пока одни изъ чиновниковъ сносили отовсюду и потомъ повѣряли и отдавали въ печать матеріалы, долженствовавшіе войти въ Полное Собраніе Законовъ, другіе готовили нужныя изъ нихъ извлеченія для Свода, располагая предметы въ порядкѣ, указанномъ программами. Совокупность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ дѣятельностей (говоритъ баронъ Корфъ) можно было сравнить съ благоустроенною фабрикою, гдѣ каждая часть въ постоянномъ движеніи, а движеніе каждой согласовано съ общимъ. „Я ненавижу всякую хлопотливость,—говаривалъ Сперанскій,—непріятны не дѣла, но бездѣлки, черезъ которыя надобно пройти къ дѣламъ“. Этому правилу (замѣчаетъ баронъ Корфъ), которое практически соблюдалось въ занятіяхъ II отдѣленія, должно, можетъ быть, приписать одну изъ главныхъ причинъ ихъ успѣшности. Сперанскій очень часто самъ бывалъ въ отдѣленіи и слѣдилъ тамъ за ходомъ и успѣхомъ занятій, а каждый вечеръ старшіе редакторы поочередно являлись со своими тетрадями къ нему и здѣсь при Балугьянскомъ проходили съ нимъ сперва историческія обозрѣнія, потомъ догматическую часть, изъ которой ни одна строка во всѣхъ 15 томахъ не осталась безъ личной его повѣрки и очень часто передѣлки. По мѣрѣ того, какъ поспѣвала какая-нибудь часть, имѣвшая значеніе нѣкотораго цѣлаго, Сперанскій представлялъ ее государю. Кромѣ того, всѣ безъ исключенія чиновники должны были еженедѣльно подавать письменный отчетъ о сдѣланномъ ими въ продолженіе недѣли, и эти отчеты также подносились государю въ меморіяхъ, на которыхъ онъ не разъ дѣлалъ свои отмѣтки. Только такою твердостью воли и непрерывною бдительностью высшихъ дѣятелей (говоритъ баронъ Корфъ) можно объяснить, какимъ образомъ при разнородности элементовъ, изъ которыхъ было составлено II отдѣленіе, при очень небольшомъ числѣ трудившихся въ немъ и при малой еще, въ особенности вначалѣ, опытности ихъ, была приведена къ окончанію столь грандіозная работа.

Сперанскій въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ послѣ учрежденія отдѣленія, какъ было уже сказано, занимался составленіемъ плана какъ всей работы въ совокупности, такъ и отдѣль-

ныхъ плановъ каждой части Свода и историческихъ обозрѣній, въ которыхъ содержалось означеніе предметовъ части и всѣ дѣленія ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. На основаніи этихъ предположеній Сперанскаго, II отдѣленію предстояло выполнить слѣдующую программу: опредѣлить съ точностью существо дѣла и главныя его правила, составить планъ общаго раздѣленія законовъ, учредить по этому плану работы приготовительныя и установить работы окончательныя.

Что касается существа дѣла, то изъ опытовъ прежнихъ комиссій видно было, что труды ихъ всегда колебались между двумя предположеніями: составить сводное Уложеніе, подъ которымъ разумѣлся сводъ существующихъ законовъ съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякихъ измѣненій въ ихъ существѣ, или составить новое Уложеніе, источники котораго сплошь да рядомъ даже и не предполагались въ дѣйствующемъ правѣ. Изъ этихъ двухъ системъ, какъ было уже сказано, имп. Николай избралъ первую, заключавшуюся въ составленіи свода законовъ безъ всякихъ измѣненій. Затѣмъ Сперанскій пришелъ къ тому заключенію, что наше сводное Уложеніе и кодексъ Юстиніана въ дѣйствительномъ исполненіи одни представляютъ дѣло законодательнаго характера, а всѣ прочіе виды сводовъ—выписки, сборники, указатели, книги учебныя и ученыя—есть дѣло частное; поэтому было рѣшено, что предположенный Сводъ долженъ быть Corpus juris, общимъ составомъ законовъ и въ этомъ понятіи долженъ обнимать всѣ части законодательства во всей ихъ совокупности [1]).

Такимъ образомъ, опредѣливъ существо Свода, слѣдовало опредѣлить правила его составленія. Эти правила отчасти содержались въ томъ самомъ образцѣ, который былъ избранъ для Свода—въ кодексѣ Юстиніана; но, кромѣ того, ближайшимъ руководствомъ было признано принять начала, установленныя Бекономъ, съ ограниченіями, признанными необходимыми по свойству русскаго законодательства. Правила Бекона состоятъ въ слѣдующемъ: 1) исключать изъ Свода всѣ законы, вышедшіе изъ упо-

[1]) Сперанскій, Обозрѣніе историч. свѣдѣній о Сводѣ Законовъ.

требленія, при чемъ послѣдними считать только тѣ, которые отмѣнены силою позднѣйшихъ узаконеній; 2) исключать всѣ повторенія и вмѣсто многихъ постановленій, касающихся одного и того же предмета, принять одно изъ нихъ—полнѣйшее; 3) сохранять слова закона, извлекая статьи Свода изъ текста его источниковъ, хотя бы самыми мелкими и дробными частями; затѣмъ эти части связать и соединить между собой, такъ какъ въ законѣ имѣетъ значеніе не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности драгоцѣнна древность; безъ этого же Сводъ былъ бы учебною или ученою книгою, а не собраніемъ дѣйствующихъ законовъ. Правило это было рѣшено принять въ слѣдующемъ смыслѣ: a) тѣ статьи Свода, которыя основаны на одномъ дѣйствующемъ указѣ, излагать тѣми самыми словами, которыя имѣются въ текстѣ, безъ малѣйшаго ихъ измѣненія; b) тѣ статьи, которыя основаны на нѣсколькихъ указахъ, излагать словами главнаго указа съ присоединеніемъ словъ изъ другихъ указовъ, служащихъ ему дополненіемъ или поясненіемъ; c) статьи, составленныя изъ соображенія многихъ указовъ, излагать въ томъ смыслѣ, какой они представляютъ въ ихъ совокупности, и притомъ d) подъ каждой статьей выписывать указы, легшіе въ ея основаніе: 4) законы многосложные и обширные должны быть сокращаемы; 5) изъ законовъ, противорѣчащихъ другъ другу, избирать тотъ, который является лучшимъ. Однако, въ виду того, что составители Свода переступили бы предѣлы, положенные имъ, если бъ взялись за разрѣшеніе вопроса, который изъ двухъ противорѣчащихъ законовъ лучше, рѣшено было принять другое правило, а именно: изъ двухъ, не сходныхъ между собою, законовъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая, лучше ли онъ или хуже прежняго; 6) по составленіи такимъ образомъ Свода, онъ долженъ быть утвержденъ надлежащею властью, чтобы въ него подъ видомъ старыхъ законовъ не вкрались новые законы. Согласно съ этимъ правиломъ было положено подвергать ревизіи своды каждой части законодательства со стороны тѣхъ изъ государственныхъ учрежденій, къ компетенціи которыхъ они имѣютъ отношеніе; 7) Беконъ полагаетъ составлять два свода: одинъ изъ, такъ называемаго въ Англіи, общаго права (common law), а другой изъ статутовъ. У насъ этого

различія нѣтъ, но есть законы, дѣйствующіе на всемъ пространствѣ имперіи, и законы мѣстные, имѣющіе значеніе только для извѣстныхъ областей. Въ виду этого, было рѣшено въ общемъ Сводѣ соединить законы первой категоріи, законы же второй категоріи собрать въ двухъ сводахъ: для западныхъ губерній и для остзейскаго края; 8) кромѣ этихъ правилъ, составители Свода признали нужнымъ принять еще слѣдующее: въ виду того, что составляемый ими законодательный сборникъ долженъ находиться въ соотвѣтствіи съ дальнѣйшимъ развитіемъ юридической жизни, было постановлено всѣ вновь выходящіе законы печатать въ ежегодномъ продолженіи Свода и согласовать съ ними статьи послѣдняго [1]).

Опредѣливъ существо Свода и установивъ правила его составленія, II отдѣленіе приступило къ выработкѣ плана общаго раздѣленія законовъ, согласно съ которымъ должны были быть размѣщены въ Сводѣ отдѣльныя постановленія. Въ этомъ отношеніи всѣ законы были раздѣлены на восемь слѣдующихъ главныхъ отдѣловъ:

I. Основные государственные законы (т. I, ч. 1).

II. Учрежденія: 1) центральныя (т. I, ч. 2); 2) мѣстныя (т. II); 3) уставъ о службѣ государственной (т. III).

III. Законы правительственныхъ силъ: 1) уставъ о повинностяхъ (т. IV); 2) уставы о податяхъ и о пошлинахъ (т. V); 3) уставъ таможенный (т. VI); 4) уставы монетный, горный и о соли (т. VII); 5 уставы лѣсной, оброчныхъ статей и счетные (т. VIII).

IV. Законы о состояніяхъ (т. IX).

V. Законы гражданскіе и межевые (т. X).

VI. Уставы государственнаго благоустройства: 1) уставы духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, кредитный, торговый, о промышленности (т. XI) и 2) уставы путей сообщенія, почтовый, телеграфный, строительный, положеніе о взаимномъ страхованіи отъ огня, уставъ о сельскомъ хозяйствѣ, положенія о наймѣ на сельскія работы и о трактирныхъ заведеніяхъ, уставъ о бла-

[1]) Сперанскій, Обозрѣніе истор. свѣд. о Сводѣ Законовъ.

гоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ и о колоніяхъ иностранцевъ въ имперіи (т. XII).

VII. Уставы благочинія: 1) уставы о народномъ продовольствіи, объ общественномъ призрѣніи и врачебный (т. XIII) и 2) уставы о паспортахъ и бѣглыхъ, цензурный, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, о содержащихся подъ стражею, о ссыльныхъ (т. XIV).

VIII. Законы уголовные (т. XV).

Основанія такого раздѣленія законовъ, принятыя II отдѣленіемъ, по словамъ самого Сперанскаго, были слѣдующія. Два союза, два порядка отношеній необходимы въ государствѣ; союзъ государственный и союзъ гражданскій. Союзъ государственный можетъ быть внутренній и внѣшній; здѣсь идетъ рѣчь только о первомъ. Союзъ гражданскій можетъ быть также двухъ родовъ: союзъ семейственный и союзъ по имуществамъ. Изъ союзовъ возникаютъ права и обязанности, тѣ и другія опредѣляются и охраняются законами, вслѣдствіе чего послѣдніе бываютъ двухъ категорій: законы государственные и гражданскіе. Законы государственные въ свою очередь дѣлятся на два разряда: одни изъ нихъ опредѣляютъ существо государственнаго союза и правъ, вытекающихъ изъ него. Здѣсь, прежде всего, представляется порядокъ образованія верховной власти и дѣйствій ея въ области законодательства и управленія, органы этого дѣйствія — учрежденія, средства—силы государственныя, предназначенныя для этого дѣйствія. Въ составѣ тѣхъ и другихъ предполагается извѣстная степень участія подданныхъ; этимъ опредѣляется ихъ состояніе. Отсюда четыре вида государственныхъ законовъ: 1) законы основные, 2) учрежденія, 3) законы государственныхъ силъ и 4) законы о состояніяхъ. Второй разрядъ государственныхъ законовъ составляютъ тѣ изъ нихъ, которыми охраняются какъ государственный и гражданскій союзы, такъ и права, вытекающія изъ нихъ. Сюда принадлежатъ: 1) законы предохранительные, т. е. уставы благочинія и 2) законы уголовные.

Законы гражданскіе такъ же, какъ и государственные, дѣлятся на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ законы, устанавливающіе порядокъ правъ и обязанностей семейственныхъ, во-

вторыхъ, законы, установляющіе порядокъ укрѣпленія правъ имущественныхъ, въ-третьихъ, законы, установляющіе порядокъ дѣйствія имущественныхъ правъ въ особенномъ отношеніи ихъ къ государственному и частному кредиту, къ торговлѣ, къ промышленности и т. п. Отсюда три вида гражданскихъ законовъ: 1) законы союза семейственнаго, 2) общіе законы объ имуществахъ (эти два вида носятъ названіе общихъ гражданскихъ законовъ; къ нимъ присоединяются еще законы межевые, опредѣляющіе порядокъ „развода“ границъ владѣній) и 3) особенные законы объ имуществахъ, называемые законами государственнаго благоустройства или экономіи. Ко второй категоріи гражданскихъ законовъ относятся законы, охраняющіе дѣйствіе правъ „мѣрами порядка гражданскаго“. Эти законы слѣдующіе: 1) законы о порядкѣ взысканій по дѣламъ безспорнымъ, 2) законы о судопроизводствѣ: общемъ — гражданскомъ и особенномъ — межевомъ и торговомъ, 3) законы о мѣрахъ гражданскихъ взысканій. Въ этомъ состоятъ главныя основанія принятаго въ Сводѣ раздѣленія законовъ.

Что касается до приготовительныхъ работъ, предпринятыхъ II отдѣленіемъ, то онѣ состояли въ собраніи законовъ и въ подробномъ обозрѣніи каждой части Свода посредствомъ историческихъ сводовъ. Еще задолго до Сперанскаго неоднократно дѣлались попытки какъ со стороны законодательныхъ комиссій, такъ и со стороны частныхъ лицъ, составить сборники законовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, но всѣ эти сборники страдали неполнотою, незаконченностью и невѣрностью въ текстѣ законовъ. Въ виду этого, II отдѣленію пришлось начать снова вышеназванную работу. Приступая къ ней, составители Свода установили слѣдующія главныя правила: 1) все собраніе раздѣлить по двумъ эпохамъ: первое—отъ Уложенія 1649 г. до 12 декабря 1825 г., когда былъ изданъ первый манифестъ имп. Николая, и второе—съ 12 декабря 1825 г. по настоящее время (теперь имѣется уже третье собраніе законовъ, въ составъ котораго входятъ всѣ законодательные акты, изданные съ 1-го марта 1881 г., т. е. со дня вступленія на престолъ имп. Александра III). Началомъ собранія законовъ положено было принять Уложеніе, въ виду того, что законодательные акты, изданные до него, счи-

тались отмѣненными самымъ фактомъ изданія Уложенія. какъ извѣстно, долженствовавшаго объединить собою весь предшествовавшій ему законодательный матеріалъ; 2) въ собраніи помѣстить всѣ законодательные акты, изданные верховной властью или учрежденными ею правительственными мѣстами, какъ дѣйствующіе, такъ и отмѣненные; 3) судебныя рѣшенія въ собраніе не помѣщать, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, сила дѣйствія которыхъ распространена на всѣ аналогичные случаи, а также тѣхъ, которыя признаны примѣромъ или образцомъ для другихъ рѣшеній, и, наконецъ, тѣхъ, въ которыхъ разъясненъ общій законъ, т. е. установленъ точный его смыслъ и отвергнуты толкованія, несообразныя съ его „разумомъ“; 4) все „частное“ и „личное“, равно какъ и „временныя мѣры“, исключить изъ собранія, кромѣ тѣхъ изъ распоряженій, которыя, хотя по существу и являются частными и случайными, но важны въ историческомъ отношеніи.

По установленіи названныхъ правилъ, II отдѣленіе приступило къ составленію собранія законовъ. для чего было предписано всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ сдѣлать у себя изысканія и составить реестры имѣющихся у нихъ узаконеній, которыя въ подлинникахъ и отправить въ отдѣленіе для напечатанія.

Изданіе Полнаго Собранія Законовъ было необходимо, главнымъ образомъ, потому, что безъ него не только не могъ бы быть составленъ самый Сводъ, но и при немъ собраніе законовъ считалось необходимымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній, высказанныхъ Сперанскимъ. Такое собраніе было необходимо, во-первыхъ, для разрѣшенія всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя возникли при дѣйствіи еще прежнихъ законовъ; во-вторыхъ, для разрѣшенія сомнѣній, могущихъ имѣть мѣсто при примѣненіи на практикѣ какой-либо изъ статей Свода; въ третьихъ, „во всѣхъ тѣхъ законодательныхъ соображеніяхъ, гдѣ не стоитъ вопросъ о поясненіи и дополненіи закона и гдѣ часто бываетъ нужно прежде всего пройти рядъ прежнихъ узаконеній, сообразить силу ихъ въ совокупности, чтобы составить законъ, основанный не только на настоящемъ, но и на прежнемъ разумѣ законодательства“; въ четвертыхъ, „въ законахъ видно, какъ нравственныя и по-

литическія силы государства слагались, образовывались, возрастали и измѣнялись", а потому собраніе должно было имѣть значеніе и для науки.

Вторая приготовительная работа къ изданію Свода заключалась въ составленіи отдѣльныхъ на каждую часть послѣдняго историческихъ сводовъ. Эти своды составлялись слѣдующимъ образомъ. По написаніи общаго плана, для каждой главной его части въ особенности составлялся отдѣльный планъ или оглавленіе, въ которомъ означались предметы части согласно указаніямъ лучшихъ образцовъ и съ раздѣленіемъ ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. По этимъ оглавленіямъ пріискивались къ каждому отдѣленію законы, какъ дѣйствующіе, такъ и отмѣненные, а затѣмъ уже послѣдніе исключались.

Окончательные труды по составленію Свода состояли въ томъ, что тексты законовъ распредѣлялись по своимъ мѣстамъ въ видѣ статей, и, такимъ образомъ, составлялись отдѣльные своды, которые сравнивались между собой съ цѣлью уничтоженія среди ихъ постановленій повтореній и разногласій, имѣвшихъ возможность вкрасться въ каждый сводъ при отдѣльномъ его составленіи. Подъ каждой статьей означались ея источники, иногда сопровождаемые примѣчаніями, не долженствовавшими, впрочемъ, имѣть силы закона (по крайней мѣрѣ по первоначальной мысли составителей Свода), а предназначенныя служить исключительно къ разъясненію закона.

По мѣрѣ составленія отдѣльныхъ частей Свода, онѣ отсылались для ревизіи, т. е. просмотра, въ такъ называемые ревизіонные комитеты, учрежденные при министерствахъ и главныхъ управленіяхъ (всѣхъ ихъ было семь). Эти комитеты обозрѣвали своды со стороны ихъ полноты и точности постановленій, т. е. смотрѣли за тѣмъ, чтобы всѣ дѣйствующіе законы были помѣщены въ Сводъ и, чтобы среди нихъ не оказались отмѣненные законы. Ревизія окончилась въ Маѣ 1832 г. 19 Января 1833 г. Государственный совѣтъ былъ созванъ въ чрезвычайное собраніе. На столѣ зала совѣта лежали 15 томовъ Свода и 56 томовъ Полнаго Собранія Законовъ. Засѣданіе было открыто самимъ государемъ, который произнесъ рѣчь, продолжавшуюся болѣе

часа. Въ ней государь изложилъ сущность труда, совершеннаго II отдѣленіемъ, степень личнаго своего участія въ немъ и всѣ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя должны были явиться результатами названнаго труда въ области изученія и практическаго примѣненія законодательства. Рѣчь свою государь заключилъ обращеніемъ къ членамъ совѣта, прося ихъ высказать свои мнѣнія по поводу того, въ какой силѣ и съ какого времени Сводъ долженъ начать свое дѣйствіе? Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній со стороны министра юстиціи Дашкова на редакцію Свода, государь предложилъ три вопроса: 1) признать ли статьи Свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, но такъ, чтобы текстъ законовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи, служилъ только указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ статьи составлены, и не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ; 2) признать ли статьи Свода закономъ, но не единственнымъ и не исключительнымъ, а дѣйствующимъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не существуетъ сомнѣнія какъ относительно наличности закона, такъ и относительно его смысла; въ случаѣ же возникновенія такого сомнѣнія, прибѣгать къ самому тексту закона изъ Полнаго Собранія и разрѣшать сомнѣнія по этому тексту; 3) признать ли текстъ законовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи, единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ для рѣшенія дѣлъ, а статьи Свода только средствомъ вспомогательнымъ или, такъ сказать, совѣщательнымъ при пріисканіи ихъ и при удостовѣреніи въ ихъ смыслѣ? Третій вопросъ былъ немедленно же разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ Сводъ, не получа никакой законодательной силы, былъ бы низведенъ до значенія частнаго юридическаго сборника и всѣ труды по его составленію оказались бы вполнѣ непроизводительными. Выборъ же между двумя первыми предположеніями послужилъ поводомъ къ долгимъ преніямъ, закончившимся принятіемъ перваго предложенія, вслѣдствіе чего было рѣшено: обнародовать Сводъ, давъ ему силу закона, и привести его въ дѣйствіе съ 1 Января 1835 г.; до этого же времени предоставить подлежащимъ вѣдомствамъ вносить всѣ замѣчанія для соотвѣтственныхъ исправленій статей въ „продолженія“ Свода, ко-

торыя и издавать, по мѣрѣ накопленія матеріала. На этихъ основаніяхъ состоялся манифестъ 31 Янв. 1833 г. „Симъ исполнились, сказано было въ немъ, желанія предковъ нашихъ, въ теченіе ста двадцати шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся".

Со времени перваго изданія Свода Законовъ въ 1832 г. онъ выдержалъ еще два изданія полныхъ: въ 1842 и въ 1857 гг. и нѣсколько неполныхъ: Что же касается до законодательныхъ актовъ, издававшихся въ промежуткахъ между новыми изданіями Свода, то они помѣщаются въ „продолженіяхъ" къ Своду, печатающихся время отъ времени, по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія законодательства. Съ прошлаго царствованія стали издаваться, кромѣ обыкновенныхъ „продолженій", еще сводныя продолженія, въ составъ которыхъ входятъ всѣ перемѣны въ законодательствѣ со времени послѣдняго изданія (полнаго или неполнаго) Свода.

Внутренняя исторія.

Государственное право.

I. Территорія.

Территорія Россіи въ императорскую эпоху значительно увеличилась сравнительно съ территоріей Московскаго государства, при чемъ это увеличеніе произошло на счетъ земель, лежащихъ на западѣ, югѣ и востокѣ. Первыя завоеванія на западѣ были произведены въ царствованіе Петра Великаго послѣ знаменитой войны со Швеціей и санкціонированы, какъ принадлежащія Россіи, Ништадтскимъ мирнымъ договоромъ 1721 г. По этому договору Россія пріобрѣла Ингерманландію, часть Карелiи, когда-то принадлежавшую Великому Новгороду и утраченную Московскимъ государствомъ по Столбовскому мирному договору, Лифляндію, Эстляндію и часть Финляндіи (нынѣшнюю Выборгскую губернію). Эти пріобрѣтенія имѣли огромное значеніе для Россіи, такъ какъ она стала твердою ногою на прибрежіи Балтійскаго моря и, вслѣдствіе этого, вступила въ сонмъ европейскихъ державъ. Отнынѣ судьбы Россіи тѣсно связались съ судьбами остальной Европы, и, при разрѣшеніи общеевропейскихъ дѣлъ, голосъ Россіи получилъ весьма важное значеніе. Иначе говоря, выражаясь словами Пушкина, въ Европу было „прорублено окно“ и такимъ образомъ Россія вышла изъ того изолированнаго положенія, въ которомъ она находилась въ московскомъ періодѣ, будучи огражденной отъ всего цивилизованнаго мира враждебными ей Турціей, Польшей, Ливоніей и Швеціей и имѣя только такой неудобный выходъ въ Европу, какъ Бѣлое море и Сѣверный Ледовитый океанъ.

Такое же важное пріобрѣтеніе на западѣ было сдѣлано Рос-

сіей при Екатеринѣ II послѣ раздѣла Польши, когда съ Россіей возсоединились древнерусскія области, нѣкогда отторгнутыя отъ нея великимъ княжествомъ Литовскимъ и Польшею. Такъ, послѣ перваго раздѣла Польши въ 1772 г. была присоединена сѣверная и восточная часть Бѣлоруссіи, послѣ второго раздѣла въ 1793 г. остальная часть Бѣлоруссіи и послѣ третьяго раздѣла въ 1795 г. Литва (такимъ образомъ, невозсоединенной осталась Червонная Русь или Галиція и по сей день входящая въ составъ Австрійской имперіи). Въ томъ же 1795 г. къ Россіи была присоединена и Курляндія.

Наконецъ, въ царствованіе Александра I Россія еще расширила свои пріобрѣтенія на западѣ путемъ присоединенія Финляндіи и Царства Польскаго. Въ литературѣ существуетъ воззрѣніе, будто Великое Княжество Финляндское не составляетъ инкорпорированной части Россіи, а находится въ состояніи реальной уніи съ ней. Это мнѣніе раздѣляется финляндскими учеными и публицистами и, по странной случайности, нѣкоторыми русскими. Напротивъ, большинство западно-европейскихъ ученыхъ, занимающихся вопросами государственнаго и международнаго права, стоятъ на противоположной точкѣ зрѣнія, отвергая всякую унію между Россіей и Финляндіей. Второе мнѣніе вполнѣ правильно, такъ какъ соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ и толкованіямъ юридическихъ документовъ, опредѣляющихъ государственно-правовое положеніе Финляндіи. Прежде всего нужно замѣтить, что Финляндское „государство“ ужъ по одному тому не можетъ существовать, что такового никогда не было, такъ какъ Финляндія всегда являлась ничѣмъ инымъ, какъ шведской провинціей, не пользовавшейся вдобавокъ никакимъ особеннымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, благодаря которому она могла бы находиться въ иномъ положеніи, чѣмъ остальныя шведскія провинціи. Затѣмъ Финляндія была завоевана силою русскаго оружія во время войны со Швеціей въ 1808—9 гг. и присоединена къ Россіи на основаніи Фридрихсгамскаго мирнаго договора. По этому послѣднему шведскій король отказался „отнынѣ и навсегда“ отъ Финляндіи въ пользу русскаго императора, его преемниковъ и Россійской Имперіи. Финляндія, какъ гласитъ дого-

воръ, „будетъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи и къ ней навсегда присоединяется“. Далѣе, въ высочайшемъ повелѣніи о созваніи финляндскаго сейма въ г. Борго, въ Мартѣ 1809 г. императоръ Александръ I заявилъ, что „волею Провидѣнія и побѣдою нашего оружія Великое Княжество Финляндское навсегда присоединено къ нашей имперіи“. Затѣмъ наканунѣ открытія засѣданій сейма государь издалъ манифестъ, которымъ утвердилъ права и привилегіи финляндскихъ сословій. Этотъ манифестъ любопытенъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, изъ него видно, что подтвержденіе финляндскихъ привилегій Александромъ I было актомъ милости государя („признали мы за благо“—говорится въ манифестѣ), а совершенно не основывается на какомъ бы то ни было договорѣ, обязательномъ для русскаго правительства, во-вторыхъ, обѣщая хранить привилегіи, Александръ I говоритъ только о себѣ, совершенно не связывая рукъ въ этомъ отношеніи у своихъ преемниковъ (см. *мою* рецензію въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1890 г. № 9 на сборникъ актовъ Вел. Кн. Финляндскаго, изданный финляндскимъ ученымъ Бореніусомъ). Остальные акты, касающіеся Финляндіи и изданные въ царствованія Александра I, Николая I и Александра II, также свидѣтельствуютъ въ пользу того, что Финляндія было просто присоединена къ Россіи, или, выражаясь юридически, инкорпорирована Россіей, такъ что на основаніи ихъ никоимъ образомъ нельзя говорить о какой бы то ни было уніи—личной или реальной, существующей между Россіей и Финляндіей. Для примѣра приведемъ манифестъ о переименованіи финляндскаго совѣта въ сенатъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „нынѣ достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе *внутренними* дѣлами *государства* нашего, а *въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи*, находимъ мы, для вящшаго ознаменованія намѣренія нашего о упомянутомъ *мѣстномъ* управленіи *края сего*, дать финляндскому вышнему правительству названіе финляндскаго сената“. Итакъ, на основаніи приведеннаго манифеста, финляндскій *край* входитъ въ составъ „*государства нашего*“, т. е. Россіи, и внутреннія дѣла

послѣдней. а „*въ числѣ оныхъ*“ и финляндскія, одинаково озабочиваютъ государя, который, въ силу этого, рѣшается предпринять извѣстную реформу въ области *мѣстнаго* финляндскаго управленія. Болѣе категорически нельзя высказаться о характерѣ отношеній между Россіей и Финляндіей! Наконецъ. послѣдній манифестъ, изданный въ 1891 г. во время засѣданій финляндскаго сейма, снова повторилъ, что финляндскій „край“ находится „въ собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи“

Если же Финляндія пользуется своимъ особымъ областнымъ устройствомъ и управленіемъ. т. е. имѣетъ свой сеймъ, свой сенатъ (предсѣдателемъ котораго, впрочемъ, состоитъ русскій генералъ-губернаторъ), свои мѣстныя учрежденія, свою монету (съ которой, впрочемъ, теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ конкуррируетъ и русская монета), свою таможенную границу, свои почтовыя марки (впрочемъ, почтовая часть подчинена теперь русскому главному управленію почтъ и телеграфовъ), свои законы и т. п., то все это свидѣтельствуетъ о широкой мѣстной автономіи, но не объ отдѣльномъ государствомъ бытіи (здѣсь нужно замѣтить, что иностранныя сношенія Финляндіи ведутся черезъ русское министерство иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ финляндскія суда плаваютъ подъ русскимъ національнымъ флагомъ; русскія войска, стоящія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Финляндіи, находятся въ вѣдѣніи русскаго военнаго министра; русскія гимназія и реальное училище. имѣющіяся въ краѣ, подвѣдомственны русскому министерству народнаго просвѣщенія и православные приходы и церкви находятся въ вѣдѣніи русскаго Св. Синода). Англійскія колоніи въ Америкѣ (напр., Канада и Ньюфаундлендъ), въ Африкѣ (напр., Капландія) и въ Австраліи (напр., Викторія, Новый Южный Валлисъ, Квинсландія, Тасманія и др.) пользуются еще большей автономіей и фактически почти независимы, однако, никому и въ голову не приходитъ утверждать, что онѣ фигурируютъ въ качествѣ отдѣльныхъ государствъ и находятся съ Англіей въ уніи. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, неосновательно предполагать существованіе какой бы то ни было уніи между Россіей и Финляндіей.

Что касается до Царства Польскаго, то оно было присоединено къ Россіи на основаніи постановленія Вѣнскаго конгресса 1815 г. и получило особое областное устройство и управленіе въ родѣ финляндскаго, впрочемъ, уничтоженное послѣ возстаній 1830 и 1863 г.г.

Одновременно съ расширеніемъ русской территоріи на западѣ шло и расширеніе ее на югѣ. Уже въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича сознавалась необходимость для Россіи стать твердою ногою на Черномъ морѣ (Азовскій соборъ 1642 г.). Къ тому же стремился и Петръ, предпринимая свои азовскіе походы. То же стремленіе существовало и при Аннѣ Ивановнѣ, когда побѣды Миниха нанесли сильные удары Турціи и Крыму. Но только Екатеринѣ II удалось утвердиться на берегахъ Чернаго моря. Такъ, вслѣдствіе разгрома Турціи въ первую турецкую войну, закончившуюся знаменитымъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ 1774 г., къ Россіи отошли берега Азовскаго моря; въ 1783 г. пало Крымское ханство, столь долго безпокоившее южныя окрайны Россіи и, наконецъ, по Ясскому договору 1791 г., закончившему вторую турецкую войну, къ Россіи былъ присоединенъ сѣверный берегъ Чернаго моря вплоть до устьевъ Днѣстра. Александръ I въ этомъ отношеніи (говоримъ „въ этомъ отношеніи“, такъ какъ во всемъ остальномъ иностранная политика Александра I существенно отличалась отъ Екатерининской) продолжалъ политику своей бабки и по Бухарестскому миру 1812 г. присоединилъ къ Россіи Бессарабію (правда, южная часть ея по Парижскому договору 1856 г. отошла къ Румыніи, но по Берлинскому договору 1878 г. была снова возсоединена съ Россіей).

При Екатеринѣ II началось прерванное одно время движеніе Россіи на востокъ (оно существовало уже при Петрѣ и выразилось въ его персидскомъ и хивинскомъ походахъ), но только Александру I удалось въ этомъ отношеніи достигнуть реальныхъ результатовъ. Такъ, при немъ были присоединены Грузія, Имеретія и другія владѣнія въ Закавказьи. Окончательно Кавказъ былъ присоединенъ при Александрѣ II (послѣ плѣненія Шамиля)

въ 1864 г. Еще ранѣе при имп. Николаѣ I, послѣ побѣдоносной войны съ Персіей, закончившейся Туркманчайскимъ мирнымъ договоромъ 1827 г., къ Россіи была присоединена нынѣшняя Эриванская губернія. Наконецъ, благодаря послѣдней русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. къ Россіи отошли Карская и Батумская области. При Александрѣ же II предѣлы Россіи значительно расширились и на дальнемъ востокѣ, такъ, благодаря энергіи адмирала Невельскаго и графа Муравьева-Амурскаго, Россія стала твердою ногою на Амуръ путемъ присоединенія къ ней Пріамурскаго и Южно-уссурійскаго края, а также острова Сахалина. Вскорѣ послѣ того началось расширеніе русскихъ предѣловъ въ Средней Азіи. Такъ, 1865 г. былъ завоеванъ Туркестанъ, благодаря, главнымъ образомъ, отчаянно смѣлому штурму Ташкента со стороны генерала Черняева. Въ 1876 г. былъ завоеванъ Коканъ (нынѣ Ферганская область). Еще раннѣе (въ 1873 г.) Хива, а затѣмъ и Бухара, если не de jure, то de facto лишились своей независимости и вошли въ сферу русскаго вліянія. Наконецъ, 1881 г., вслѣдствіе ахалъ-текинской экспедиціи, завершившейся штурмомъ крѣпости Геоктепе, къ Россіи была присоединена Закаспійская область, вслѣдствіе чего русскіе предѣлы непосредственно придвинулись къ Афганистану. Благодаря этимъ завоеваніямъ, Россійская Имперія стала однимъ изъ самыхъ большихъ государствъ на земномъ шарѣ, тѣмъ болѣе, что ея территорія составляетъ непосредственно одно цѣлое, а не разбросана по частямъ въ видѣ разныхъ колоній, какъ, напр., у Англіи.

II. Населеніе.

Дворяне. Высшее сословіе Россіи въ императорскую эпоху со временъ Петра стало называться шляхетствомъ и только съ 1762 г. (съ изданіемъ манифеста о вольностяхъ дворянства) дворянствомъ.

Способовъ пріобрѣтенія послѣдняго было нѣсколько. Первымъ способомъ нужно признать *рожденіе*, по которому законныя

дѣти дворянъ также становились дворянами. Вторымъ способомъ была *выслуга*, установленная Петромъ путемъ изданія въ 1722 г. табели о рангахъ. Было уже сказано, что значеніе этого законодательнаго памятника въ исторіи русскаго государственнаго права вообще и въ исторіи русскаго дворянства въ особенности нужно признать громаднымъ, такъ какъ, благодаря ей, Петру удалось упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя. Проф. Романовичъ Славатинскій вполнѣ правъ, говоря, что по духу своему табель была вполнѣ демократическою: лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства и ничто не возбраняло каждому человѣку, перешагнувъ эти ступеньки, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко открыла двери, чрезъ которыя посредствомъ чина „подлые“ члены общества могли „облагородиться“ и войти въ ряды дворянства. Слѣдствіемъ этого было то, что къ дворянству постоянно приливали новыя силы изъ народа и оно не могло замкнуться въ особую касту.

На основаніи табели первый оберъ-офицерскій чинъ въ военной службѣ и чинъ коллежскаго ассесора въ гражданской службѣ давали потомственное дворянство. Что же касается до чиновъ ниже коллежскаго ассесора (въ гражданской службѣ), то они давали личное дворянство. Впрочемъ, въ табели объ этихъ чинахъ только и сказано: „прочіе же чины, какъ гражданскіе, такъ и придворные, которые въ рангахъ не изъ дворянъ, *оныхъ дѣти* не суть дворяне“. И уже со времени Екатерины II этотъ параграфъ табели сталъ толковаться въ томъ смыслѣ, что лица, имѣющія чины ниже восьмого класса (т. е. коллежскаго ассесора), должны быть причислены къ личному дворянству. Такъ продолжалось до манифеста 1845 г., когда полученіе дворянства было значительно затруднено, а именно: по манифесту на военной службѣ первый оберъ-офицерскій чинъ давалъ только личное дворянство, первый же штабъ-офицерскій чинъ—потомственное. Что же касается до гражданской службы, то чинами ниже девятаго класса давалось почетное гражданство, девятымъ классомъ

(титулярный совѣтникъ)—личное дворянство. Наконецъ, съ изданіемъ указа 1856 г., было постановлено, что потомственное дворянство пріобрѣтается на военной службѣ чиномъ полковника, а на гражданской—чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Пріобрѣтеніе дворянства выслугою встрѣтило сильную оппозицію со стороны дворянъ. Уже въ 1730 г., когда дворянство, при избраніи на престолъ имп. Анны Ивановны, получило возможность впервые высказать свои нужды и желанія, оно въ своихъ, поданныхъ въ Верховный тайный совѣтъ, проектахъ просило о раздѣленіи дворянъ на двѣ категоріи, съ цѣлью несмѣшенія ихъ между собою, а именно: на дворянъ „подлинныхъ“ или „родовыхъ“ и на „новыхъ“ или „худородныхъ“, т. е. чиновныхъ. Еще болѣе рѣзко выразилась оппозиція дворянъ при составленіи проекта новаго Уложенія Елисаветинской законодательной комиссіей 1754—66 гг., при чемъ присутствовали также и дворянскіе депутаты. По этому проекту было высказано то, что впослѣдствіи отчасти получило законодательную санкцію въ манифестѣ 1845 г., а именно: потомственное дворянство можно было получать только на военной службѣ путемъ производства въ первый штабъ-офицерскій чинъ, личное же дворянство на военной службѣ путемъ производства въ первый офицерскій чинъ. Такимъ образомъ, на гражданской службѣ нельзя было дослужиться до потомственнаго дворянства. „Дѣтей ихъ, читаемъ въ проектѣ, и ихъ самихъ отъ особливыхъ преимуществъ, данныхъ однимъ дворянамъ, исключить, чтобъ вѣрные наши подданные изъ дворянъ, чувствуя свое преимущество, къ ревности, большему прилежанію въ наукахъ и къ показанію заслугъ какъ отечеству, такъ и намъ (т. е. императрицѣ) были поощряемы“. Какъ извѣстно, этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи. Въ 1767 г., при созваніи Екатерининской законодательной комиссіи, дворяне въ своихъ наказахъ также высказались по поводу вопроса о „чинѣ“. Такъ въ ярославскомъ наказѣ дворянство просило: „не соблаговолено-ли будетъ право достигнимъ въ офицерскіе чины дворянскаго какъ имени, такъ и прочихъ дворянскихъ правъ отмѣнить (которое по нуждѣ прежнихъ обстоятельствъ было дано), какой бы чинъ не имѣли, дабы достоинство дворянское, ко-

торое единственно государю жаловать надлежитъ, не было уподлено". Въ проектѣ, составленномъ комиссіей о правахъ благородныхъ (члены которой, какъ извѣстно, были избраны общей комиссіей), желаніе дворянъ было услышано и проектъ постановилъ: „благородные разумѣются всѣ тѣ, которые отъ предковъ того имени рождены или вновь монархами симъ наименованіемъ пожалованы". Такимъ образомъ выслуга, какъ способъ пріобрѣтенія дворянства, должна была быть уничтожена.

Однако, и этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи, да и не могъ его получить, въ виду полнѣйшаго несогласія воззрѣній импер. Екатерины II со стремленіями дворянства. Въ своемъ Наказѣ государыня осталась вполнѣ вѣрна принципамъ табели о рангахъ. „Мало такихъ случаевъ, читаемъ здѣсь, которые бы болѣе вели къ полученію чести (т. е. дворянства), какъ военная служба", „Но хотя военное искусство есть самый древнѣйшій способъ, коимъ достигали до дворянскаго достоинства... однакожъ и правосудіе не меньше надобно во время мира, какъ и въ войнѣ... а изъ того слѣдуетъ, что не только прилично дворянству, но и пріобрѣтать сіе достоинство можно и гражданскими добродѣтелями, какъ и военными". Въ виду подобныхъ воззрѣній императрицы, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что постановила Жалованная грамота дворянству: „благородное названіе дворянское и достоинство издстари, нынѣ, да и впредь пріобрѣтается службою и трудами, имперіи и престолу полезными". Такимъ образомъ, стремленія дворянъ остались неосуществленными и выслуга попрежнему продолжала считаться однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія дворянства.

Третьимъ способомъ пріобрѣтенія послѣдняго было *пожалованіе государемъ*. Пожалованіе, равно какъ и выслуга, не были извѣстны въ Московскомъ государствѣ („изъ посадскихъ людей, говоритъ Котошихинъ, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей дворянство не дается никому") и стали практиковаться только со времени Петра. Пожалованіе часто имѣло мѣсто въ царствованіе Елисаветы Петровны и Екатерины II и иногда даже принимало массовый характеръ. Такъ, Елисавета Петровна, послѣ государственнаго переворота, доста-

вившаго ей престолъ въ 1741 г., произвела въ дворяне всѣхъ солдатъ гренадерской роты преображенскаго полка, „понеже во время вступленія нашего на престолъ полки нашей лейбъ-гвардіи, а особливо гренадерская рота преображенскаго полка, намъ ревностную службу такъ показали, что воспріяли престолъ безъ кровопролитія".

Четвертымъ способомъ пріобрѣтенія дворянства было *пожалованіе ордена*, что стало практиковаться со времени изданія Жалованной грамоты дворянству.

Наконецъ, послѣднимъ способомъ являлся *индигенатъ иностранцевъ*, о чемъ впервые говоритъ табель о рангахъ, предписывая признавать дворянское достоинство за иностранцами не иначе, какъ съ разрѣшенія государя на каждый отдѣльный случай (не имѣетъ никто рангъ взять по характеру, гласитъ табель, который онъ въ чужихъ службахъ получилъ, пока мы его онаго характера не подтвердили").

Дворяне со времени изданія табели о рангахъ дѣлились на два разряда: *потомственные* и *личные*. Личные дворяне не передавали дворянства своимъ дѣтямъ и представляли изъ себя особый общественный классъ, по вѣрному замѣчанію проф. Романовича-Славатинскаго, „не совсѣмъ опредѣленный въ юридическомъ и соціальномъ отношеніи, промежуточный между потомственнымъ дворянствомъ и податными классами, отставшій отъ послѣднихъ и не приставшій къ первому". По нѣкоторымъ правамъ личные дворяне примыкали къ потомственнымъ: они были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и рекрутской повинности, но за то, лишенные права владѣть крѣпостными и принимать участіе въ дворянскомъ самоуправленіи, они не составляли единаго цѣлаго съ потомственными дворянами. Имп. Николай I старался слить этотъ общественный классъ съ городскими обывателями, почему и предписалъ дѣтей личныхъ дворянъ причислять къ почетному гражданству, а имъ самимъ предоставилъ право записываться въ городовую обывательскую книгу. По Жалованной грамотѣ личнымъ дворянамъ было предоставлено въ двухъ случаяхъ получать права потомственнаго дворянства, а именно: 1) если дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины,

дающіе личное дворянство, то дѣти ихъ имѣли право ходатайствовать о потомственномъ дворянствѣ и 2) если отецъ и сынъ имѣли чины, дающіе личное дворянство и безпорочно пребывали на службѣ, то внукъ имѣлъ право ходатайствовать о потомственномъ дворянствѣ. Впослѣдствіи (въ 1815 г.) Сенатъ истолковалъ второй пунктъ Жалованной грамоты въ томъ смыслѣ, что ходатайствовать о потомственномъ дворянствѣ можно только въ томъ случаѣ, если отецъ и дѣдъ прослужили въ чинахъ каждый не менѣе 20 лѣтъ, а проситель притомъ совершеннолѣтній и состоитъ на службѣ. Государственный совѣтъ утвердилъ это толкованіе Сената, мотивируя утвержденіе тѣмъ, что „чѣмъ болѣе затрудняется возведеніе въ дворянство, тѣмъ сіе полезнѣе будетъ для государства“. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и государь.

Среди потомственныхъ дворянъ выдѣлялись въ особую группу титулованные дворяне: князья, графы и бароны. Княжескій титулъ древнерусскаго происхожденія, но въ Московскомъ государствѣ онъ не жаловался („а вновь московскій царь, говоритъ Котошихинъ, изъ бояръ, и изъ ближнихъ, и изъ иныхъ чиновъ людей княземъ учинити не можетъ никого, потому что не обычай тому есть и не повелось“), въ императорскую же эпоху онъ могъ быть пожалованъ государемъ. Среди князей выдѣлялись свѣтлѣйшіе князья, пользовавшіеся предикатомъ „свѣтлости“ въ отличіе отъ другихъ князей, имѣвшихъ право вмѣстѣ съ графами только на „сіятельство“. Титулы графа и барона иноземнаго происхожденія и впервые введены Петромъ.

Дворянскія фамиліи заносились въ особыя книги, которыхъ было по шести въ каждой губерніи (онѣ были введены Жалованной грамотою дворянству). Но еще задолго до этого (послѣ уничтоженія мѣстничества) была заведена одна родословная книга, куда заносились всѣ дворянскіе роды. При Елизаветѣ Петровнѣ она была дополнена. Однако, дворянство желало децентрализировать веденіе дворянскихъ книгъ и уже въ 1730 г. въ своихъ проектахъ, представленныхъ въ Верховный тайный совѣтъ, просило о заведеніи двухъ книгъ: одной для родового, а другой для чиновнаго дворянства. Проектъ Елисаветин-

ской комиссіи, при обсужденіи котораго, какъ извѣстно, присутствовали и дворянскіе депутаты, высказался за четыре книги или списка: княжескій, графскій, баронскій и дворянскій. Дворянскіе наказы 1767 г. (напр., ярославскій) желали „росписать“ дворянство по городамъ и въ каждомъ городѣ завести шесть реестровъ дворянскихъ фамилій. Это желаніе наказовъ было услышано имп. Екатериною II, и въ Жалованной грамотѣ она предписала завести въ каждой губерніи шесть дворянскихъ книгъ, при чемъ записывать въ нихъ дворянъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-ую книгу—пожалованныхъ государемъ, во 2-ую—получившихъ дворянство на военной службѣ, въ 3-ью—получившихъ дворянство на гражданской службѣ. въ 4-ую—иностранныхъ дворянъ, признанныхъ таковыми въ Россіи, въ 5-ую—титулованныхъ дворянъ и въ 6-ую—„древніе благородные роды“, могущіе доказать столѣтіе своего дворянства (къ 1785 г.).

При Петрѣ, съ учрежденіемъ Сената, при послѣднемъ была учреждена особая должность герольдмейстера, функціи котораго состояли въ вѣдѣніи дворянства, какъ служилаго сословія, въ составленіи дворянскихъ списковъ и въ надзорѣ за образованіемъ и поступленіемъ на службу молодыхъ дворянъ. Такимъ образомъ, герольдмейстеръ унаслѣдовалъ компетенцію московскаго Разряда. Съ раздѣленіемъ Сената при Екатеринѣ II на департаменты, вѣдѣніе дворянъ сосредоточилось въ первомъ департаментѣ, а съ 1848 г. въ департаментѣ герольдіи, въ которомъ герольдмейстеръ сталъ исполнять обязанности первоприсутствующаго.

Переходимъ къ обзору *правъ* и *обязанностей* дворянъ и начнемъ съ послѣднихъ. До манифеста о вольностяхъ дворянства 1762 г. дворяне обязаны были нести постоянную службу—военную или гражданскую; при чемъ при Петрѣ эта служба для каждаго дворянина начиналась съ достиженіемъ имъ 15 лѣтъ и обязательно (въ военной службѣ) должна была начинаться съ солдата. Впослѣдствіи служба въ нижнихъ чинахъ обходилась тѣмъ, что дѣти записывались въ разные полки и, фактически не служа, производились въ офицерскіе чины, съ которыхъ и начинали свою дѣйствительную службу, по достиженіи совершеннолѣтія.

Другая обязанность дворянъ, введенная Петромъ, состояла

въ обязательномъ обученіи, для чего государь черезъ извѣстные періоды времени дѣлалъ смотры дворянскимъ юношамъ, строго наказывая не успѣвшихъ въ наукахъ. При Аннѣ Ивановнѣ названные смотры были упорядочены слѣдующимъ образомъ: на первый смотръ являлись всѣ мальчики, достигшіе 7-ми лѣтъ и заносились въ особые списки; на второй смотръ являлись тѣ же мальчики, но уже достигшіе 12 лѣтъ, при чемъ тогда же имъ производился экзаменъ изъ чтенія и письма, который они, подъ страхомъ наказанія родителей, обязаны были выдержать; на третій смотръ они должны были явиться, по достиженіи ими 16-ти лѣтъ, при чемъ имъ производился экзаменъ изъ закона Божьяго, ариѳметики и геометріи; не выдержавшіе зачислялись навсегда въ матросы и, наконецъ, на четвертый смотръ молодые люди являлись по достиженіи ими 20-ти лѣтъ, при чемъ держали экзаменъ изъ географіи, исторіи и фортификаціи, послѣ чего производились въ офицеры.

Тяжесть службы и обязательнаго обученія влекли за собою массовое укрывательство молодыхъ дворянъ отъ явки на смотры и съ такими „нѣтчиками“ (какъ назывались въ то время неявившіеся на смотры) правительство вело безпощадную борьбу, угрожая имъ и карая ихъ всякими наказаніями, начиная со штрафовъ и кончая шельмованіемъ (т. е. лишеніемъ всѣхъ правъ и постановкою внѣ закона) и конфискаціей имущества. Но ничто не помогало, и нѣтчики продолжали существовать до самаго уничтоженія обязательной службы дворянства. Послѣднее въ 1730 г., при избраніи на престолъ Анны Ивановны, ходатайствовало въ своихъ проектахъ объ ограниченіи службы 20 годами. Анна Ивановна отчасти вняла этой просьбѣ и указомъ 1736 г. ограничила службу дворянъ 25 годами. Наконецъ, въ 1762 г. состоялся извѣстный манифестъ о вольностяхъ дворянства, которымъ обязательная служба дворянъ была уничтожена. По манифесту дворянство получило право служить или не служить за исключеніемъ военнаго времени; когда всѣ дворяне могли быть призваны на службу. Затѣмъ дворяне получили право служить въ иностранныхъ государствахъ, при чемъ при переходѣ на русскую службу за ними признавался чинъ, полученный ими на иностран-

ной службѣ. Наконецъ, дворянство могло воспитывать своихъ дѣтей, гдѣ и какъ угодно.

Жалованная грамота 1785 г. подтвердила эти постановленія манифеста со слѣдующей, впрочемъ, оговоркою: „во всякое россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякій благородный дворянинъ обязанъ, по первому призыву отъ самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самого живота для службы государству".

Со времени Екатерины II дворянство становится привилегированнымъ сословіемъ, такъ какъ получаетъ такія права и преимущества, которыми не обладаютъ другія сословія. Къ этимъ привилегіямъ относятся: во-первыхъ, преимущества *по службѣ*, куда должны быть отнесены сокращенные сроки въ отношеніи чинопроизводства и монополія гражданской службы, на которую съ Екатерины II начинаютъ приниматься только одни дворяне.

Во-вторыхъ, привилегіи въ области *уголовнаго права*. Такъ, уже Воинскій уставъ 1716 г. освободилъ дворянъ отъ пытки за исключеніемъ разбирательства дѣлъ по нѣкоторымъ государственнымъ преступленіямъ и по убійству, но дворяне желали большаго и поэтому въ проектъ Елисаветинской комиссіи провели слѣдующее постановленіе: „дворяне не должны быть арестуемы ни за какія преступленія, развѣ въ преступленіи въ самомъ дѣлѣ пойманы, съ поличнымъ приведены или по суду отчасти изобличены будутъ, и важность онаго преступленія того требуетъ". Затѣмъ по проекту дворянство освобождается отъ пытокъ, пристрастнаго допроса и отъ „всякаго неприличнаго его природѣ наказанія", какъ-то: кнута, кошекъ, плетей и батоговъ. Наконецъ, къ дворянамъ не могутъ быть примѣняемы ссылка на казенныя работы и конфискація имущества. На той же точкѣ зрѣнія стояли и дворянскіе наказы 1767 г. Такъ, напр., калужскій наказъ просилъ ибавить дворянъ „какъ въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, такъ и во всякомъ состояніи, вездѣ и всегда отъ всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія, и пытокъ, и смертной казни". Екатерина II обратила вниманіе на нѣкоторыя желанія дворянства и въ Жалованной грамотѣ послѣднему отмѣнила тѣлесное наказаніе и конфискацію имущества. Впрочемъ, при Павлѣ

тѣлесное наказаніе стало снова примѣняться къ дворянамъ, въ виду своеобразнаго толкованія этимъ государемъ постановленій Жалованной грамоты. Такъ, по поводу одного дѣла Павелъ написалъ слѣдующую резолюцію: „какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать". Такимъ образомъ, тѣлесное наказаніе примѣнялось къ дворянамъ, но только предварительно ихъ лишали дворянскаго достоинства. Александръ I возстановилъ предписаніе Екатерины, и дворяне были уже навсегда освобождены отъ тѣлеснаго наказанія.

Въ-третьихъ, право на *поземельную собственность*, т. е. на владѣніе какъ населенными, такъ и ненаселенными имѣніями. Съ указа 1801 г., изданнаго Александромъ I, это право было нѣсколько ограничено, вслѣдствіе разрѣшенія членамъ другихъ сословій владѣть ненаселенными имѣніями. Въ связи съ этимъ правомъ находились, въ-четвертыхъ, право на владѣніе *крѣпостными крестьянами*, (впрочемъ, de facto и другія сословія владѣли крѣпостными, несмотря на постоянныя запрещенія этого со стороны правительства; послѣднее запрещеніе состоялось въ указѣ 1836 г. и вошло въ Сводъ Законовъ).

Въ-пятыхъ, права въ области *торговли* и *промышленности*. При Петрѣ, на основаніи указа о единонаслѣдіи 1714 г., торговлей могли заниматься только младшіе сыновья дворянъ, такъ называемые, кадеты, въ виду лишенія ихъ поземельнаго имущества, переходившаго по наслѣдству къ старшему сыну или въ завѣщательномъ порядкѣ къ одному изъ сыновей по выбору отца. Съ отмѣною указа въ 1731 году уничтожилось и право торговли кадетовъ (дворяне на основаніи указа 1726 г. могли продавать только свои деревенскіе продукты). Однако, дворянство было крайне недовольно ограниченіемъ своихъ торговыхъ правъ и это недовольство высказало въ наказахъ 1767 года. Такъ московскій наказъ (подписанный представителями 17 княжескихъ фамилій) просилъ, „чтобы дворянству позволено было продавать, гдѣ кто захочетъ, земскіе деревень своихъ продукты, вступать во внѣшніе и внутренніе валовые и мелочные торги и предпринимать всякіе промыслы съ подверженіемъ себя, однако жъ, подъ всѣ тѣ права

и тягости, которыя при установленіи и учрежденіяхъ торговыхъ дѣлъ въ имперіи для каждаго мѣщанскаго промысла особо узаконяемы быть могутъ". Однако, воззрѣнія Екатерины II на торговыя права дворянъ были иныя и ихъ она высказала въ своемъ Наказѣ. „Люди, читаемъ здѣсь, думаютъ, что надлежитъ установить законы, поощряющіе дворянство къ отправленію торговли; сіе было бы способомъ къ раззоренію дворянства безо-всякой пользы для торговли. Противно существу торговли, чтобы дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало; погибельно было бы сіе для городовъ и отняло бы между купцами и чернью удобность покупать и продавать товары свои. Противно и существу самодержавнаго правленія, чтобы въ ономъ дворянство торговлю производило. Обыкновеніе, дозволившее въ нѣкоторой державѣ торги вести дворянству, принадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, кои весьма много способствовали къ приведенію тамо безсиліе прежняго учрежденнаго правленія". Несмотря на подобную точку зрѣнія на торговлю дворянъ, императрица, однако, въ Жалованной грамотѣ представила послѣднимъ, такъ называемое, городовое право, т. е. право записи въ гильдіи. Очевидно, это была уступка съ ея стороны дворянству, жаждавшему обладать торговыми правами. Впрочемъ, въ концѣ своего царствованія Екатерина указомъ 1790 г. запретила эту запись.

Въ связи съ торговыми правами дворянъ находилось и право *обязыванія векселями* со стороны послѣднихъ. Было уже сказано, что уставъ о векселяхъ 1729 г. игнорировалъ дворянъ въ этомъ отношеніи, почему они въ своихъ наказахъ 1767 г. и ходатайствовали предъ Екатериною II о дарованіи имъ названнаго права. Однако, императрица оставила эти ходатайства безъ вниманія, а Банкротскимъ уставомъ 1800 г. дворянамъ было прямо запрещено обязываться векселями.

Что касается до правъ, въ области *промышленности*, то со времени Петра и вплоть до изданія Жалованной грамоты дворяне пользовались правомъ повсюду (какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ) заводить и эксплоатировать въ свою пользу всякіе фабрики и заводы. Жалованная грамота ограничила ихъ права въ этомъ отношеніи, дозволивъ имѣть фабрики только въ де-

ревняхъ. Впрочемъ, еще раньше, съ изданіемъ устава о винокуреніи 1765 г., право дворянъ повсюду курить вино и брать подряды на поставку его, чѣмъ они пользовались со времени Петра I, было уничтожено и они могли курить вино только у себя въ деревняхъ безъ права продажи его. Однако, это запрещеніе продержалось въ законѣ только до 1774 г., когда дворяне опять получили прежнія права въ области винокуренія.

Къ привилегіямъ дворянъ принадлежала еще *свобода* отъ личныхъ податей, отъ рекрутской повинности и отъ постоя. Свобода отъ личныхъ податей была установлена со времени введенія подушной подати, рѣзко раздѣлившей все населеніе Россіи на два класса: податной и неподатной; ко второму было отнесено дворянство. Рекрутская повинность не коснулась дворянъ, въ виду ихъ обязательной службы. Что же касается до постойной повинности, то отъ нея дворяне были освобождены только въ деревняхъ, городскіе же ихъ дома не пользовались этою привилегіею.

Къ исключительнымъ правамъ дворянства (а также и членовъ торгово-промышленнаго класса) слѣдуетъ причислить и право на *маіораты*. Впрочемъ, мы видѣли уже, какъ отнеслись дворяне къ указу о единонаслѣдіи 1714 г., результатомъ чего была отмѣна его 1731 г. Однако, съ теченіемъ времени взгляды дворянства измѣнились, и въ своихъ наказахъ 1767 г. дворяне ходатайствовали о дарованіи имъ права на маіораты. Такъ, московскій наказъ просилъ императрицу, „чтобъ, сообразуяся съ прочими въ Европѣ христіанскими областями благоучрежденными, дано было право власти всякому владѣльцу нѣчто и нѣкотораго рода свойства собственнаго своего движимаго и недвижимаго имѣнія опредѣлить по благоизобрѣтенію въ нераздѣльное наслѣдство кому, кто оное отдать пожелаетъ, съ предписаніемъ порядка, какъ оному переходить и изъ колѣна въ колѣно“. Правда, вплоть до 1845 г. закона о маіоратѣ не послѣдовало, но на практикѣ иногда разрѣшалось его учрежденіе. Такъ продолжалось до 1845 г., когда было издано извѣстное положеніе о заповѣдныхъ имѣніяхъ, дѣйствующее и по сіе время.

Дворяне пользовались и нѣкоторыми *почетными правами*.

Такъ, они имѣли право на гербы, появившіеся на практикѣ въ концѣ XVII ст. и впервые получившіе законодательную санкцію въ табели о рангахъ. Въ 1797 г. состоялся указъ о составленіи общаго гербовника, въ который должны были быть внесены всѣ гербы дворянскихъ родовъ. Этотъ гербовникъ, составленный въ 1798 г., хранится въ Сенатѣ, въ департаментѣ герольдіи, и до 1816 г. обнародовано 9-ть частей его (10-ая часть не обнародована, хотя и утверждена имп. Николаемъ въ 1836 г.). Затѣмъ дворяне пользовались правомъ одѣвать своихъ лакеевъ въ особыя ливреи и ѣздить въ экипажахъ, запряженныхъ опредѣленнымъ числомъ лошадей, смотря по рангу дворянина.

Чтобы покончить съ дворянскими правами и преимуществами, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о *неприкосновенности* дворянскаго достоинства, о чемъ дворяне неоднократно хлопотали, начиная съ 1730 г. Въ этомъ году въ „кондиціяхъ“, предложенныхъ Аннѣ Ивановнѣ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ и принятыхъ ею, было постановлено, чтобы „у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать“. О томъ же ходатайствовали и дворянскіе наказы 1767 г. Екатерина II вняла этимъ просьбамъ и въ Жалованной грамотѣ постановила: „не токмо имперіи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо, вслѣдствіе этого да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ“, поэтому „безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства, чести, жизни и имѣнія“. Мало того, на основаніи грамоты всякій судебный приговоръ, лишающій дворянина дворянства или жизни, долженъ былъ быть представленъ въ Сенатъ и конфирмованъ государемъ, безъ чего онъ не имѣлъ никакой юридической силы.

Купцы и мѣщане. Первый законодательный памятникъ, опредѣлившій юридическое положеніе членовъ торгово-промышленнаго класса, былъ Регламентъ главному магистрату, изданный Петромъ I 16 Февр. 1721 г. На основаніи его торгово-промышленный классъ получилъ названіе гражданъ, раздѣленныхъ на

два разряда: регулярныхъ и не регулярныхъ. Регулярные въ свою очередь дѣлились на двѣ гильдіи, при чемъ въ составъ первой входили: банкиры, купцы, ведшіе большую торговлю, доктора, аптекаря, шкипера, живописцы и др.; въ составъ второй—мелочные торговцы и ремесленники. Послѣдніе дѣлились на цехи, при чемъ каждое ремесло составляло особый цехъ, во главѣ котораго стояли альдерманы, избиравшіеся членами цеха изъ своей среды. Въ составъ цеха входили мастера и подмастерья, при чемъ послѣдніе для полученія званія мастера должны были выдержать опредѣленный экзаменъ. Мастера считались полноправными членами цеха и избирали альдермановъ, управлявшихъ дѣлами цеха. Каждое произведеніе извѣстнаго мастера должно было имѣть печать послѣдняго, въ противномъ случаѣ оно не могло поступить въ продажу, наблюдать за чѣмъ являлось одной изъ функцій альдермановъ. Что касается до не регулярныхъ гражданъ, то таковыми считались чернорабочіе и находившіеся въ наймахъ. Главное различіе названныхъ разрядовъ другъ отъ друга состояло въ томъ, что регулярные граждане участвовали въ городскомъ самоуправленіи путемъ избранія членовъ магистратовъ въ то время, какъ не регулярные этимъ правомъ не пользовались. Такимъ образомъ, сословный духъ времени вполнѣ сказался въ разсмотрѣнной организаціи торгово-промышленнаго класса, который теперь сталъ совершенно обособленнымъ сословіемъ, ничего общаго не имѣющимъ съ дворянствомъ, съ одной стороны, и съ крестьянствомъ съ другой.

Съ той же сословной точки зрѣнія смотрѣла на этотъ классъ и имп. Екатерина въ своемъ Наказѣ. „Средній родъ людей или мѣщане, писала она, суть тѣ, которые обитаютъ въ городахъ и, не бывъ дворяне, ни хлѣбопашцы, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ“. Нужно замѣтить, что это опредѣленіе „средняго рода людей“ скорѣе относилось къ западно-европейской буржуазіи, чѣмъ къ русскимъ купцамъ и мѣщанамъ, однако, несмотря на это, попало въ Жалованную грамоту городамъ 1785 г. Впрочемъ, названная грамота отличается рѣзкимъ дуализмомъ, проходящимъ черезъ всѣ ея опредѣленія и выражающимся въ соединеніи постановленій

относительно торгово-промышленнаго класса, изъ которыхъ грамота создаетъ особое сословіе, съ одной стороны, съ постановленіями объ организаціи городского управленія, какъ управленія общественнаго, всесословнаго, съ другой стороны (см. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“, а также статью Дитятина „Къ исторіи жалованныхъ грамотъ 1785 г.“ въ „Русской мысли“ 1885 г.). Въ виду этого дуализма, постановленія грамоты далеко не отличаются ясностью и категоричностью, а, напротивъ, скорѣе страдаютъ недосказанностью и нерѣдко противорѣчивостью. Такъ, грамота признаетъ городскихъ обывателей и мѣщанъ особымъ сословіемъ, что явствуетъ изъ многихъ статей грамоты и, между прочимъ, изъ статьи 83, по которой „мѣщанскія дѣти получаютъ мѣщанское состояніе наслѣдственно“. Затѣмъ далѣе слѣдуетъ подраздѣленіе мѣщанъ на шесть разрядовъ, а именно: на „настоящихъ городовыхъ обывателей“, на купцовъ, записанныхъ въ три гильдіи (купцы первой гильдіи могли торговать оптомъ и розничо какъ въ Россіи, такъ и заграницею, купцы второй гильдіи могли торговать только въ Россіи, купцы третьей гильдіи могли торговать только въ городѣ и уѣздѣ, гдѣ записаны), на цеховыхъ ремесленниковъ, на иногородныхъ и иностранныхъ купцовъ, производившихъ торговлю въ извѣстномъ городѣ, на „именитыхъ гражданъ“ (къ этой категоріи относились лица, прослужившія по городскимъ выборамъ два срока, затѣмъ объявившія свой капиталъ въ 50 тысячъ и, наконецъ, ученые и художники) и на посадскихъ (каждому разряду соотвѣтствовала особая книга, куда и записывались всѣ, входившіе въ составъ разряда). Такимъ образомъ, „средній родъ людей“ или мѣщане состоятъ изъ шести разрядовъ, изъ которыхъ каждому изъ нихъ присущи особыя права и обязанности, кромѣ еще общихъ правъ и обязанностей, присущихъ всѣмъ разрядамъ, какъ составнымъ элементамъ единаго цѣлаго, т. е. мѣщанскаго сословія вообще. Иначе говоря, сословное начало, завѣщанное еще петровскимъ законодательствомъ, проводится вполнѣ послѣдовательно и мѣщанство трактуется законодательствомъ только съ одной этой сословной точки зрѣнія. И вдругъ оказывается, что въ одинъ изъ разрядовъ мѣщанскаго *сословія*,

замѣтимъ кстати, передающагося наслѣдственно отъ отца къ сыну, входятъ „всѣ, кои въ городѣ домъ или иное строеніе, или мѣсто, или землю имѣютъ“, т. е. члены и другихъ сословій, напр., дворянства, духовенства и т. д. (эти лица входятъ въ составъ перваго разряда, т. е. „настоящихъ городовыхъ обывателей“). Мало того, эти члены другихъ сословій вносятся въ одну изъ мѣщанскихъ книгъ, несутъ извѣстныя повинности и пользуются извѣстными правами, въ числѣ которыхъ есть право, дарованное только дворянамъ, по выраженію грамоты, „ради сохраненія ихъ достоинства“, а именно право освобожденія отъ личныхъ податей и службъ по городскому управленію. Такое смѣшеніе началъ стараго-сословнаго и новаго-всесословнаго встрѣчается въ грамотѣ не разъ, при чемъ является ничѣмъ непримиреннымъ и ни съ чѣмъ не согласованнымъ.

Переходимъ къ обзору правъ и обязанностей членовъ торгово-промышленнаго класса. Основнымъ правомъ послѣднихъ было заниматься *торговлей* и *промышленностью*, что стало съ изданіемъ Жалованныхъ грамотъ 1785 г. привилегіей однихъ купцовъ и мѣщанъ, такъ какъ дворяне и въ особенности крестьяне могли торговать только своими деревенскими продуктами (право дворянъ записываться въ гильдіи, какъ мы видѣли, продолжалось недолго). Купцы ревниво охраняли свои права въ этомъ отношеніи и въ своихъ наказахъ, поданныхъ въ законодательную коммиссію 1767 г., требовали даже уничтоженія торговли деревенскими продуктами со стороны дворянъ и крестьянъ, видя въ ней нарушеніе своихъ интересовъ. Торговыя права купцовъ были различны и зависѣли отъ принадлежности къ той или другой гильдіи, но объ этомъ было уже сказано выше. Затѣмъ члены торгово-промышленнаго класса пользовались извѣстными льготами въ области *уголовнаго права*. Такъ, Жалованная грамота городамъ 1785 г. освободила отъ тѣлеснаго наказанія купцовъ двухъ первыхъ гильдіи и именитыхъ гражданъ. Далѣе купцы, владѣвшіе фабриками, пользовались правомъ пріобрѣтать къ нимъ *населенныя имѣнія* на такъ называемомъ поссесіонномъ правѣ и такимъ образомъ эксплоатировать трудъ крѣпостныхъ (поссесіонныхъ) крестьянъ. Впрочемъ, это право было уничтожено Екате-

риною II. Съ изданія манифеста 1775 г. купцы были *освобождены* отъ подушной подати и рекрутской повинности, взамѣнъ чего по указу 1776 г. и по Жалованной грамотѣ городамъ обязаны были платить особый процентъ съ объявленнаго ими капитала. Эта льгота не распространялась на ремесленниковъ и на „посадскихъ“, которые съ этого времени, будучи отдѣлены отъ купцовъ въ юридическомъ отношеніи, образовали мѣщанское сословіе въ современномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, купцамъ принадлежали нѣкоторыя *почетныя* права, такъ, купцы первой гильдіи имѣли право ѣздить въ каретахъ, запряженныхъ парою, купцы второй гильдіи—въ коляскахъ парою и купцы третьей гильдіи—въ экипажахъ въ одну лошадь. По проекту новаго Уложенія Елисаветинской комиссіи 2754—66 г., при обсужденіи котораго участвовали и купеческіе депутаты, купцы первой гильдіи получили право носить шпаги, но законодательной санкціи это право не получило.

Пользуясь извѣстными правами, купцы и мѣщане въ то же время несли и извѣстныя *повинности*, какъ денежныя, такъ и натуральныя. Къ числу этихъ послѣднихъ относились разныя обязательныя службы у казенныхъ сборовъ, напр., у продажи питей, казенной соли, гербовой бумаги и др., полицейская служба, т. е. избраніе изъ своей среды низшихъ полицейскихъ органовъ и слѣдующія повинности: постойная, подводная, почтовая, фуражная и рекрутская, а также подушная подать (послѣднія двѣ до 1775 г.). Тяжесть этихъ повинностей была очень велика и невыгодно отражалась на матеріальномъ положеніи купечества. Объ этомъ мы знаемъ, благодаря наказамъ, поданнымъ въ законодательную комиссію 1767 г. Такъ, въ наказѣ главнаго магистрата читаемъ: „купцамъ отъ выбора къ кабацкимъ, соляным и прочимъ службамъ происходитъ несносное отягощеніе и, можно сказать, совсѣмъ раззореніе и въ торгахъ помѣшательство, а въ коммерціи подрывъ; въ купецкихъ дѣлахъ управляться имъ уже и время не дозволяетъ, и чрезъ то недовольно своей коммерціи, но и капитала своего лишаются“. Изъ архангельскаго наказа (напечатаннаго *мною* въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1886 г.) мы знаемъ, что изъ 342 годныхъ къ службѣ купцовъ 141 служили.

что, конечно, отражалось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи архангельскаго купечества.

Крестьяне. Въ разсматриваемую эпоху крестьяне дѣлились на нѣсколько разрядовъ. Такъ, были крестьяне *черносошные*, жившіе какъ на своихъ земляхъ, такъ и на чужихъ на условіяхъ половничества (т. е. половину урожая отдавали владѣльцу земли, а иногда и отправляли нѣкоторыя повинности въ его пользу; половники находились преимущественно на сѣверѣ Россіи), затѣмъ *экономическіе* крестьяне, каковыми назывались бывшіе монастырскіе крестьяне (съ возобновленіемъ Монастырскаго приказа при Петрѣ монастырскіе крестьяне перешли въ его вѣдѣніе, и доходы съ нихъ шли какъ въ пользу государства, такъ и церкви; съ учрежденіемъ Св. Синода управленіе монастырскими крестьянами перешло въ его вѣдѣніе, а съ отобраніемъ у церкви духовныхъ вотчинъ при Екатеринѣ II управленіе монастырскими крестьянами сосредоточилось въ коллегіи экономіи) [1]), *однодворцы* и *пахатные солдаты*, бывшіе потомки крестьянъ, поселенныхъ московскимъ правительствомъ по окрайнамъ государства (преимущественно на южныхъ окрайнахъ), *дворцовые*, *удѣльные*, т. е. поселенные на земляхъ удѣльнаго вѣдомства съ образованіемъ послѣдняго при Павлѣ I, *посессіонные*, т. е. приписанные къ заводамъ и фабрикамъ и, наконецъ, *крѣпостные*.

Крестьяне, благодаря сословному духу времени, въ разсматриваемую эпоху окончательно обособились отъ торгово-промышленнаго класса, составивъ особую сословную группу. Этому значительно способствовали реформы Екатерины II, проведенныя въ узко-сословномъ направленіи. Свою точку зрѣнія на крестьянъ императрица высказала въ Наказѣ. „Сельскіе жители,—читаемъ здѣсь,—живутъ въ селахъ и деревняхъ, обработываютъ землю, произведеніями которой питаются всѣ сословія, и сіе есть ихъ жребій“.

[1]) При Екатеринѣ II окончательно завершился процессъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, начатый еще въ эпоху Московскаго государства. Екатерина конфисковала въ казну всѣ монастырскія земли, за исключеніемъ небольшого количества земель, городскихъ домовъ и подворій, при чемъ монастыри стали получать по особымъ штатамъ содержаніе отъ казны. Благодаря этой реформѣ, казна пріобрѣла болѣе 900 тысячъ душъ крестьянъ.

Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ на крестьянъ опредѣлялось и ихъ юридическое положеніе: съ одной стороны, они были лишены права дворянъ на пріобрѣтеніе земель (какъ населенныхъ, такъ и ненаселенныхъ), съ другой стороны, они не могли пользоваться правами купцовъ въ области торговли и промышленности (они могли продавать только свои деревенскіе продукты). Подобная узко-сословная точка зрѣнія стала видоизмѣняться въ царствованіе Александра I, когда крестьяне получили право владѣть населенными землями (въ 1807 г.), торговать безъ записи въ гильдію (въ 1812 г.) и поступать на государственную службу.

Что касается до повинностей крестьянъ, то они должны были платить подушную подать и отправлять слѣдующія повинности: рекрутскую, постойную, подводную, фуражную, почтовую, дорожную, мостовую и караульную (т. е. выставлять караулы къ казеннымъ складамъ, амбарамъ и т. п.). Тяжесть этихъ повинностей ложилась тяжелымъ бременемъ на матеріальное благосостояніе крестьянъ, о чемъ въ яркихъ краскахъ свидѣтельствуютъ дворянскіе наказы 1767 г., ходатайствующіе предъ правительствомъ объ уменьшеніи этихъ повинностей, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ. Юридическимъ положеніемъ этихъ послѣднихъ мы теперь и займемся.

Крѣпостное право въ XVIII ст., несмотря на увеличеніе его тяжести сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, вплоть до манифеста о вольностяхъ дворянства продолжаетъ сохранять свой государственный характеръ: крестьяне прикрѣплены къ имѣніямъ дворянъ, потому что дворяне прикрѣплены къ обязательной службѣ государству. Такимъ образомъ, существованіе крѣпостного права объясняется существованіемъ обязательной службы дворянства.

Съ изданіемъ манифеста о вольностяхъ можно было ожидать, какъ его логическое слѣдствіе, освобожденіе крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости, такъ какъ теперь утратился всякій смыслъ существованія крѣпостного права. Однако, этого не случилось, и крестьяне попрежнему остались въ крѣпостной зависимости отъ дворянства, но теперь, благодаря манифесту о вольностяхъ, крѣпостное право приняло исключительно частно-

правовой характеръ, въ виду несуществованія болѣе единственнаго мотива прикрѣпленія крестьянъ вполнѣ государственнаго характера—доставить служилому классу постоянныхъ работниковъ, чтобъ имѣть возможность отправлять государеву службу. Такимъ образомъ, съ середины XVIII ст. крѣпостное право становится привилегіей дворянства, притомъ привилегіей весьма существенной. Эта послѣдняя развивалась болѣе фактически, чѣмъ юридически, такъ какъ законъ не предупреждалъ того, что само собою сложилось въ жизни. До самаго изданія Свода Законовъ, гдѣ впервые законодатель формулируетъ юридическія отношенія крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ, не было системы законовъ, опредѣляющихъ эти отношенія. Та или другая сторона ихъ, какъ основательно замѣчаетъ проф. Романовичъ-Славатинскій въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Дворянство въ Россіи", тотъ или другой вопросъ разрѣшались мало-по-малу, отдѣльными постановленіями. Вотъ почему законодательство о крѣпостномъ правѣ носитъ такой фрагментарный и казуистическій характеръ не только въ XVIII, но и въ XIX ст. Прослѣдимъ исторію этого права въ разсматриваемую эпоху.

Введеніе подушной подати и первая ревизія имѣли весьма большое вліяніе въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ смѣшали въ одинъ разрядъ населенія крѣпостныхъ и холоповъ, низведя первыхъ до положенія послѣднихъ, и такимъ образомъ уничтожили ту грань между ними, какая существовала еще въ Уложеніи. Въ виду же отвѣтственности помѣщиковъ за исправное отправленіе крестьянами повинностей, въ особенности же за платежъ подушной подати, что было возложено на нихъ петровскими указами, крестьяне были совершенно отстранены отъ непосредственнаго общенія съ государственной властью и ея органами: между крѣпостнымъ и государствомъ сталъ помѣщикъ, этотъ полицеймейстеръ надъ крестьяниномъ, по выраженію имп. Павла. Послѣ Петра замѣчается еще большее усиленіе крѣпостного права, главнымъ образомъ вслѣдствіе его территоріальнаго распространенія, что достигло апогея своего развитія при Екатеринѣ II и Павлѣ. Въ эти царствованія широко примѣнялся способъ раздачи населенныхъ имѣній въ формѣ пожалованій част-

нымъ лицамъ, и, такимъ образомъ, было роздано (т. е. обращено въ крѣпостное состояніе) 1 милліонъ 200 тысячъ крестьянъ. Кромѣ того, при Екатеринѣ II указомъ въ 1783 г. крѣпостное право было введено въ Малороссіи, гдѣ до того времени существовалъ еще обычай перехода крестьянъ съ земель одного владѣльца на земли другого. Указъ 1783 г. отмѣнилъ этотъ переходъ и тѣмъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ.

Юридическое положеніе крѣпостныхъ выясняется разсмотрѣніемъ тѣхъ правъ, которыя принадлежали помѣщикамъ въ отношеніи ихъ. Такихъ правъ было немало. Во-первыхъ, помѣщикамъ принадлежало право распоряженія своими крѣпостными, т. е. они могли ихъ продавать, закладывать, обмѣнивать, дарить, завѣщать и т. п. Продажа людей была уже очень развита при Петрѣ. „Шляхетство по свидѣтельству самого государя, продаетъ людей, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится". Желая до нѣкоторой степени ограничить эту торговлю живымъ товаромъ, Петръ, указомъ 1721 г. запретилъ продавать отдѣльныхъ членовъ семьи врознь: по указу была разрѣшена только продажа цѣлыми семьями. Впрочемъ, значеніе этого указа было парализовано разрѣшеніемъ ставить въ рекруты купленныхъ людей, что правительство разрѣшило еще указомъ 1717 г. При Александрѣ I правительство запретило публикацію въ газетахъ о продаваемыхъ людяхъ, однако, самая торговля людьми была въ полномъ разгарѣ, и крѣпостныхъ даже выводили на рынокъ, какъ невольниковъ. Такъ продолжалось до указа 1833 г., запретившаго продажу людей безъ земли и подтвердившаго указъ 1721 г. о нераздробленіи семей. Во-вторыхъ, помѣщикамъ принадлежало право хозяйственной эксплоатаціи труда своихъ крѣпостныхъ въ формѣ оброка (денежнаго и натуральнаго) и барщины (т. е. обязательныхъ работъ на помѣщика). До манифеста 1797 г. на этотъ счетъ существовало одно только ограниченіе названнаго права и то скорѣе на практикѣ, чѣмъ въ законѣ, а именно: работы не производились по воскресеньямъ и, вообще, по праздникамъ. Манифестъ 1797 г. постановилъ, что крѣпостные обязаны работать на помѣщика только три дня въ недѣлю, но на практикѣ это не соблюдалось. Въ-третьихъ, помѣщикъ пользовался правомъ пере-

водить крестьянъ въ дворовые и наоборотъ, что было уничтожено только въ 1858 г.. Въ-четвертыхъ право управленія крѣпостными непосредственно самимъ помѣщикомъ или черезъ управляющихъ и арендаторовъ, т. е. лицъ, взявшихъ имѣніе въ аренду. Въ-пятыхъ право переселенія крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое; пользоваться этимъ правомъ до Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. можно было не иначе, какъ съ разрѣшенія Камеръ-коллегіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Съ изданіемъ Учрежденія о губерніяхъ разрѣшеніе было замѣнено заявленіемъ въ земскій судъ. Въ-шестыхъ, право суда и наказанія. Указъ 1760 г. значительно расширилъ это право, давъ возможность помѣщикамъ ссылать провинившихся крестьянъ въ Сибирь на поселеніе въ зачетъ поставки рекрутъ, „понеже въ Сибирской губерніи и въ Иркутской провинціи, нерчинскаго уѣзда, состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ“. Черезъ пять лѣтъ (въ 1765 г.) помѣщики получили право ссылать крестьянъ „за продерзостное состояніе“ въ каторжныя работы, что продержалось до 1807 г.. Въ Сводѣ Законовъ были впервые урегулированы въ законодательномъ порядкѣ наказанія, которыя имѣлъ право налагать помѣщикъ на своихъ крѣпостныхъ, а именно: помѣщики могли приговаривать крестьянъ къ 40 ударамъ розогъ, къ 20 ударамъ палокъ, къ двухмѣсячному тюремному заключенію и къ трехмѣсячному аресту въ смирительномъ домѣ по преступленіямъ, не влекущимъ за собою лишенія правъ состоянія. Наконецъ, въ-седьмыхъ, право женить и выдавать замужъ крѣпостныхъ, не спрашивая согласія этихъ послѣднихъ.

Что касается до обязанностей помѣщиковъ въ отношеніи крѣпостныхъ, то ихъ было очень немного и въ сущности онѣ сводились къ двумъ, а именно: обязанность, подъ страхомъ наказанія штрафомъ, кормить и содержать крѣпостныхъ въ голодное время и обязанность не мучить и не разорять ихъ, подъ страхомъ попасть въ подопечное положеніе. Уже Петръ предписалъ инструкціей воеводамъ 1719 г. отдавать „подъ началъ“ тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые „своимъ деревнямъ безпутные раззорители суть и вотчины свои раззоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя

тяжести и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ", а имущество ихъ передавать наслѣдникамъ. Воеводы и земскіе коммиссары должны были наблюдать за помѣщиками и о „раззорителяхъ" докладывать Сенату. Та же обязанность была возложена Учрежденіемъ о губерніяхъ на губернаторовъ, которые должны были „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и раззорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокость". Однако, на практикѣ эти мѣры ни къ чему не приводили, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что крѣпостные были лишены права жаловаться на помѣщиковъ, подъ страхомъ наказанія кнутомъ и вѣчной каторги, какъ то было постановлено указомъ 1767 г.

Несмотря на сильное развитіе крѣпостного права въ императорскомъ періодѣ, лучшіе люди того времени, а также и само правительство, начиная съ Екатерины II, постоянно озабочивались разрѣшеніемъ вопроса объ улучшеніи участи крѣпостныхъ и даже объ освобожденіи ихъ изъ-подъ крѣпостной зависимости. Уже въ концѣ XVII ст. извѣстный фаворитъ царевны Софьи, князь В. В. Голицынъ, человѣкъ европейски образованный, мечталъ объ освобожденіи крестьянъ. „Цѣлью князя, говоритъ французъ Невилль, посѣтившій въ то время Москву, было поставить Россію на одну доску съ прочими государствами; для этого онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія о прочихъ европейскихъ державахъ и ихъ правленіи. Онъ хотѣлъ начать освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обработываютъ, съ пользою для царя за ежегодный оброкъ". Того же желалъ и современникъ Петра—Посошковъ, когда писалъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно; и того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ раззорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство—богатство царское". Въ виду этихъ соображеній, Посошковъ высказывался за опредѣленіе нормы оброка и барщины.

Наконецъ, и Екатерина II въ своемъ Наказѣ коснулась кре-

стьянскаго вопроса. Вотъ, что гласитъ, напр., ст. 250 XI гл.: „гражданское общество, какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются, и сіе есть начало всякаго рода покорности. Сія бываетъ больше или меньше облегчительна, смотря на состояніе служащихъ“ Вслѣдствіе же того, что „естественный законъ повелѣваетъ намъ (т. е. императрицѣ) заботиться о благополучіи всѣхъ людей, мы должны стараться объ облегченіи положенія названныхъ подвластныхъ людей“. Далѣе наказъ высказывается за необходимость избѣгать случаевъ отдачи людей въ неволю, „развѣ крайняя необходимость заставитъ поступать такимъ образомъ и то не для собственной корысти, но для пользы государственной“. Затѣмъ (читаемъ далѣе) „какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе, съ одной стороны, предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти, такъ какъ несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены устанавливати жестокіе законы“. Наконецъ, Наказъ высказывается за установленіе частной собственности крѣпостныхъ. Такъ, ст. 261 говоритъ, что „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“. Русскій текстъ этой статьи крайне туманенъ и неясенъ. Лучше всего разсматриваемое мѣсто передано по-нѣмецки, а именно: „die Gesetze können dadurch etwas Gutes stiften, wenn sie den Leibeigenen ein Eigenthum bestimmen“. Иначе говоря, императрица желала, чтобы, въ случаѣ оставленія крестьянъ въ крѣпостномъ состояніи, за ними было утверждено право имѣть свою собственность. Въ XIII гл. также говорится о необходимости частной собственности для крестьянъ. „Не можетъ земледѣльство, читаемъ здѣсь, процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ, и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой отъ него отыметъ“. Въ Наказѣ встрѣчаются также статьи, затрогивающія вопросъ объ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными. Такъ, императрица высказывается за принятіе стро-

гихъ мѣръ противъ господъ, обращающихся жестоко со своими крѣпостными. „Кажется еще, читаемъ въ другомъ мѣстѣ Наказа, что новозаведенный способъ отъ дворянъ сбирати свои доходы уменьшаетъ народъ и земледѣліе; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже до пяти рублей, несмотря на то, какимъ образомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги". „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства; тѣмъ бы распространилось болѣе земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось. Многія пользуясь удобностью говорить, но, не будучи въ силахъ испытать въ тонкость о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи; также и то: чѣмъ большія отъ нихъ положены дани, тѣмъ больше они приходятъ въ состояніе платить оныя. Сіи суть два мудрованія, которыя всегда пагубу приносили и всегда будутъ причинять погибель самодержавнымъ государствамъ".

Было уже сказано, что въ первоначальной редакціи Наказа статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ занимали весьма видное мѣсто, но что въ печатной редакціи онѣ исчезли, очевидно, подъ вліяніемъ лицъ, которымъ императрица читала свой Наказъ. Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ изъ черновой рукописи Наказа мы встрѣчаемъ слѣдующія мысли по поводу крѣпостныхъ: „законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобы рабы и въ старости и въ болѣзняхъ не были оставлены... Надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни... Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ производство сего (т. е. суда помѣщика надъ крестьянами), по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи". Далѣе высказывается желаніе организовать судъ изъ крестьянъ „для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто раззорительно деревнямъ и народу и вредно государству..." За-

тѣмъ „могутъ еще законы опредѣлить урѣченное время службы: въ законѣ моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ". Наконецъ, необходимо гарантировать крѣпостнымъ право на имущество для того, чтобы они имѣли возможность выкупиться на свободу: кромѣ того, необходимо точно опредѣлить въ законѣ, сколько крѣпостной долженъ платить господину за свое освобожденіе.

Эти мысли, а также и другія, до насъ не дошедшія, вызвали сильную оппозицію со стороны близкихъ къ императрицы лицъ. Выразителемъ ея, между прочимъ, былъ извѣстный Сумароковъ, возраженія котораго на Наказъ до насъ дошли. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, писалъ Сумароковъ, скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междуусобная брань" [1]).

Вопросъ о крѣпостныхъ, какъ уже извѣстно, былъ затронутъ и въ законодательной комиссіи 1767 г., и пренія по поводу него продолжались цѣлый мѣсяцъ. Иниціаторомъ возбужденія вопроса былъ извѣстный поручикъ Коробьинъ, произнесшій большую рѣчь, посвященную улучшенію участи крѣпостныхъ, но объ этомъ было уже говорено выше.

Однако, изъ факта возбужденія вопроса о крѣпостныхъ при Екатеринѣ II, несмотря на благія намѣренія самой императрицы, ровно ничего не вышло. Комиссія 1767 г. ничего не сдѣлала, и мысли Наказа не попали въ законодательство. Мало того, можно, не ошибаясь, утверждать, что царствованіе Екатерины II значительно способствовало усиленію крѣпостного права, главнымъ образомъ благодаря раздачи населенныхъ имѣній частнымъ лицамъ, широко практиковавшейся Екатериною, прикрѣпленію малорос-

[1]) На это возраженіе императрица замѣтила: „г. Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ, чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ".

сійскихъ крестьянъ и дарованію нѣкоторыхъ новыхъ правъ помѣщикамъ въ отношеніи крѣпостныхъ.

Въ царствованіе Александра I правительство впервые сдѣлало нѣкоторые шаги по пути къ освобожденію крестьянъ. Такъ, въ 1803 г. былъ изданъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, которымъ разрѣшалось отпускать на волю крѣпостныхъ и притомъ съ землею, но за единовременную уплату деньгами или за отбываніе со стороны крестьянъ въ пользу помѣщиковъ опредѣленныхъ повинностей въ теченіе извѣстнаго срока. Впрочемъ, этимъ указомъ воспользовались немногіе, такъ что до времени вступленія на престолъ Александра II такимъ путемъ были освобождены только 140 тысячъ крестьянъ. Затѣмъ указами 1816 и 1818 гг. были освобождены, но безъ земли, крестьяне Остзейскаго края.

Въ продолженіе всего царствованія Николая I правительство также занималось крестьянскимъ вопросомъ, для чего неоднократно организовывались особые секретные комитеты, долженствовавшіе разработывать реформу. Продуктомъ дѣятельности одного изъ такихъ комитетовъ явилось положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 г., которымъ было признано, что собственность на землю принадлежитъ исключительно помѣщикамъ, получившимъ право освобождать крестьянъ безъ земли, но за пользованіе послѣдней крестьяне обязывались нести извѣстныя повинности въ пользу помѣщиковъ, которымъ, кромѣ того, стала принадлежать вотчинная юстиція и администрація въ отношеніи своихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Но и этимъ закономъ воспользовались сравнительно немногіе. Было очевидно, что такая реформа, какъ освобожденіе крестьянъ, могла произойти не по доброй волѣ помѣщиковъ, а только принудительнымъ путемъ. На этотъ путь и стало правительство имп. Александра II, который привелъ его къ знаменательному дню 19 Февраля 1861 г., когда имя крѣпостныхъ крестьянъ навсегда исчезло изъ русскаго законодательства.

III. *Государь.*

Въ императорскомъ періодѣ мы впервые встрѣчаемся съ формулировкою власти государя въ законѣ. „Его величество, гласитъ Воинскій уставъ, есть самовластный монархъ, который

никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но, силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять". Съ такою же формулировкой власти мы встрѣчаемся и въ Духовномъ регламентѣ. „Монарховъ власть, читаемъ здѣсь, есть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ".

Но рядомъ съ этой законодательною формулировкою власти мы встрѣчаемъ также и ея теоретическую формулировку. Съ подобнымъ научно-философскимъ обоснованіемъ власти выступилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своей извѣстной Правдѣ воли монаршей, написанной по порученію Петра. Основаніями для теоретической формулировки, изложенной въ Правдѣ, служатъ во-1-хъ, современныя политическія теоріи и, во-2-хъ, св. писаніе.

Въ XVII и XVIII ст. въ западной Европѣ господствующимъ политическимъ ученіемъ была, такъ называемая, теорія естественнаго права, подробно разработанная въ сочиненіяхъ такихъ мыслителей, какъ Гуго Гроцій, Гоббесъ, Пуффендорфъ и др. Родоначальникомъ этой теоріи былъ Гуго Гроцій, впервые изложившій ее въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „О правѣ войны и мира" [1]). Всякая власть выводится имъ изъ договора, благодаря которому всѣ люди, въ силу добровольнаго соглашенія, подчиняются опредѣленной власти и этимъ выходятъ изъ того естественнаго состоянія, въ которомъ они находились до заключенія договора. Послѣдній можетъ заключаться не только формально, но нерѣдко существуетъ, какъ нѣчто подразумѣваемое и молча признанное всѣми. Такъ покоренный народъ, подчиняясь побѣдителю, показываетъ этимъ, что признаетъ его власть. Подобный случай является примѣромъ молчаливаго соглашенія или подразумѣваемаго договора. По мнѣнію Гроція, всякая власть, въ какой бы формѣ она не проявлялась, въ формѣ ли монархіи, аристократіи или демократіи, обязательно предшествуется договоромъ и основывается на немъ.

[1]) Гуго Гроцій родился въ Голландіи въ 1583 г.; одиннадцати лѣтъ поступилъ въ Лейденскій университетъ, а пятнадцати лѣтъ уже защищалъ тезисы по философіи, математикѣ и юриспруденціи. [Въ 1609 г. написалъ изслѣдованіе „Mare liberum", а въ 1625 г. „De jure belli ac pacis". Принадлежалъ къ религіозной сектѣ арминіанъ, за что былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, откуда бѣжалъ. Умеръ въ 1644 г.

Гоббесъ [1]) еще болѣе развилъ этотъ договорный характеръ происхожденія власти, что у него послужило доказательствомъ для необходимости абсолютной формы правленія, убѣжденнымъ сторонникомъ которой онъ былъ. По мнѣнію названнаго мыслителя, всякому государственному бытію предшествуетъ естественное состояніе, въ которомъ люди, одаренные по природѣ одинаковыми правами и побуждаемые эгоистическимъ стремленіемъ захватить въ свою собственность все то, что принадлежитъ всѣмъ, находятся въ положеніи войны всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes). Чтобы выйти изъ такого анархическаго состоянія, люди рѣшаются отказаться отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ и заключаютъ между собою договоръ, по которому каждый, отказываясь отъ своихъ правъ, переноситъ ихъ на учреждаемую договоромъ власть. Заключеніемъ подобнаго договора прекращается естественное состояніе и организуется государство, власть котораго становится абсолютной, въ виду отказа отъ всѣхъ своихъ правъ со стороны подданныхъ. Вотъ, почему, по мнѣнію Гоббеса, государь долженъ обладать неограниченною властью, а подданные не могутъ пользоваться никакими политическими правами.

Пуффендорфъ [2]) примыкаетъ къ ученію Гоббеса, такъ какъ тоже видитъ въ заключеніи договора единственный способъ выйти изъ того анархическаго состоянія, въ которомъ пребываютъ люди, пользуясь своими естественными правами. Главное различіе его теоріи въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что договоръ, по его мнѣнію, является продуктомъ дѣятельности не отдѣльныхъ лицъ, но семействъ, которыя также основываются путемъ договора, по времени предшествующаго политическому договору.

Вліяніе названныхъ теорій сказалось на Правдѣ воли монаршей, и политическій договоръ сталъ однимъ изъ краеугольныхъ камней, на которомъ зиждилась власть, съ точки зрѣнія Правды.

---

[1]) Ѳома Гоббесъ родился въ Англіи въ 1588 г. и умеръ въ 1679 г., Написалъ два изслѣдованія: въ 1642 г.—„Elementa philosophica de cive“ и въ 1651 г.—„Leviathan“. Былъ ярымъ сторонникомъ Стюартовъ въ ихъ борьбѣ съ парламентомъ.

[2]) Самуилъ Пуффендорфъ родился въ Германіи въ 1632 г. Былъ профессоромъ Гейдельбергскаго и затѣмъ Лундскаго (въ Швеціи) университетовъ. Написалъ сочиненія: „De jure naturae te gentium“, „De officio hominis et civis“ и др. Умеръ въ 1694 г.

„Сама наслѣдная монархія, читаемъ въ Правдѣ, имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ согласія; сіе же глаголемъ не токмо о честномъ и правильномъ началѣ монархіи, не воспоминая здѣ монархіи оныхъ, которыя начало приняли отъ нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, насильствіемъ народъ себѣ покорившаго, хотя и въ таковыхъ монархіяхъ, когда уже народъ непрекословно, безмятежно, еще же и доброхотно повиноватися самодержцу своему пріобыкъ, разумѣти подобаетъ, что домъ монаршій не къ тому насильствіемъ своимъ похищенное, но всенародною волею отданный себѣ скипетръ держитъ, самъ бо народъ доброхотнымъ своимъ повиновеніемъ являетъ на тое преклоненную волю свою". По мнѣнію составителя Правды, русскіе заключили между собою слѣдующій договоръ, въ которомъ выразилась „воля народная, аще и не словомъ, но дѣломъ изъявленная": „согласно вси хощемъ, да ты (т. е. государь) къ общей нашей пользѣ владѣеши надъ нами вѣчно, т. е. понеже смертенъ еси, то да по тебѣ ты же самъ впредь да оставляеши намъ наслѣднаго владѣтеля, мы же единожды воли нашей совлекшеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ".

Вторымъ основаніемъ для теоретической формулировки власти государя являются слова св. писанія. Правда слѣдующимъ образомъ излагаетъ извѣстное ученіе о богоустановленности власти: „всякій государь, наслѣдіемъ или избраніемъ скипетръ получившій, отъ Бога оный пріемлетъ—Богомъ бо цари царствуютъ и сильніи пишутъ правду: отъ Господа дается имъ держава и сила отъ Вышняго, владѣетъ Вышній царствомъ человѣчьимъ и ему же восхощетъ, даетъ его".

Однако, авторъ Правды чувствуетъ необходимость согласовать оба ученія: договорную теорію и идею о богоустановленности власти, въ виду ихъ взаимнаго противорѣчія, и выходитъ изъ названнаго затрудненія провозглашеніемъ принципа: „гласъ народа—гласъ Божій". „Народное согласіе, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Правда, всегда и вездѣ есть слѣдствіе премудродѣйствующаго

смотрѣнія Божія". „Вѣдати же подобаетъ, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, что народная воля, какъ въ избирательной, такъ и въ наслѣдной монархіи и въ прочихъ правительства образахъ бываетъ не безъ собственнаго смотрѣнія Божія, но Божіимъ мановеніемъ движима дѣйствуетъ, понеже ясно учитъ св. писаніе, что нѣсть власть, аще не отъ Бога. И того ради вся долженства, какъ подданныхъ къ государю своему, такъ и государя къ добру общему подданныхъ, не отъ единой воли народной, но и отъ воли Божьей происходятъ".

Послѣдствія, вытекающія изъ договора, касаются какъ народа, такъ и государя. Для народа они выражаются, во-первыхъ, въ томъ, что онъ „долженъ безъ прекословія и роптанія вся отъ самодержца повелѣваемая творити". Необходимость этого вытекаетъ уже изъ того, что „аще бо народъ воли общей своей совлеклся и отдалъ оную монарху своему, то како не долженъ хранити его повелѣнія, законы и уставы безъ всякой отговорки". Такимъ образомъ, „уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ, яко должнаго: истязуютъ же не токмо страхомъ гнѣва властительскаго, но и страхомъ гнѣва Божія". Въ доказательство истинности послѣдняго положенія, Правда цитируетъ св. писаніе, которое велитъ „властямъ повиноватися не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ".

Второе послѣдствіе договора, касающееся народа, слѣдующее: „не можетъ народъ судити государя своего, инако бо имѣлъ бы еще при себѣ волю общаго правленія, которую весьма отложилъ и отдалъ государю своему", „понеже бо нарицается и есть верховная, высочайшая и крайняя власть, то како можетъ законамъ человѣческимъ подлежати; аще бы подлежала, не была бы верховная; судящій бо другаго не повинующійся уже есть, но властительствующій, якоже вопреки повинующійся кому не можетъ судити того, которому повинуется". Выводъ изъ всего сказаннаго слѣдующій: „явственно Духъ Святой, научая подданныхъ совершеннаго царямъ своимъ повиновенія, показуетъ, что власть царская весьма въ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ своихъ свободна есть и ни чьему истязанію о дѣлахъ своихъ не подлежитъ". Иначе

говоря, самодержавная власть „есть неподвижная, ни которому же суду человѣческому не подлежащая и весьма неприкосновенная; и сія то оной сила въ славной своей титлѣ „маестетъ“ или „величество“ содержится“.

Наконецъ, третье послѣдствіе слѣдующее: „не можетъ народъ повелѣвати что-либо монарху своему“. Истинность этого положенія доказывается словами римскаго императора Валентиніана, сказанными имъ войску: „меня избрати императоромъ было въ вашей волѣ, но, когда уже избрали меня, сіе, чего желаете, не въ вашей, но въ моей волѣ есть; вамъ, яко подданнымъ, подобаетъ тихо, мирно пребывать; мнѣ же, яко императору, смотрѣть надлежитъ, что есть на потребу“. „Если такъ, прибавляетъ Правда, свободенъ монархъ избранный, то кольми паче наслѣдный, которому народъ волю свою и власть надъ собою во вѣки отдалъ“?

Что касается до послѣдствій изъ договора, касающихся государя, то, они излагаются слѣдующимъ образомъ: „власть верховная едину своего установленія вину конечную имѣетъ— всенародную пользу. Можетъ монархъ законно повелѣвати народу не токмо все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, но и все, что ему не понравится, только бы народу не вредно и волѣ Божьей не противно было. Сему же могуществу его основаніе есть то, что народъ правительской воли своей совлекся предъ нимъ и всю власть надъ собою отдалъ ему, и сюда надлежатъ всякіе обряды гражданскіе и церковные, перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ, строенія, чины и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и прочая и прочая“.

Самодержавная власть государя при Петрѣ, получивъ свою законодательную и теоретическую формулировку, существовала также и на дѣлѣ, такъ что въ этомъ отношеніи царствованіе перваго русскаго императора представляетъ собою полную гармонію между теоріей и практикою. Власть государя въ это время уже не ограничивалась обычаемъ, напротивъ, великій реформаторъ Россіи объявилъ безпощадную войну всякимъ обычаямъ, равно какъ и старинѣ, основанной на нихъ. Такая реформа, какъ петровская, самымъ радикальнымъ образомъ видо-

измѣнившая весь общественный и государственный строй древней Россіи, могла быть совершена только самодержавнымъ государемъ. Вотъ почему, не рискуя ошибиться, можно назвать Петра первымъ русскимъ государемъ, обладавшимъ дѣйствительно самодержавной властью и провозглашавшимъ ее не только въ теоріи, какъ Иванъ IV, но и пользовавшимся ею на практикѣ.

Однако, послѣ смерти Петра старыя традиціи стали снова оживать, и адепты ихъ, сдерживаемые при жизни перваго императора его желѣзною рукою, почувствовавъ теперь отсутствіе этой руки, громко заявили о своемъ существованіи. Уже самое вступленіе на престолъ Екатерины I напоминало собою государственный переворотъ. Она была „избрана“ на царство Сенатомъ, Синодомъ и „генералитетомъ“, т. е. учрежденіями, въ составъ компетенціи которыхъ избраніе государя совершенно не входило. Вскорѣ послѣ этого былъ учрежденъ извѣстный Верховный тайный совѣтъ, самое установленіе котораго, по мнѣнію современниковъ иностранцевъ, жившихъ въ то время въ Россіи, было настоящимъ государственнымъ переворотомъ, такъ какъ совѣтъ вполнѣ ограничивалъ власть государыни. Одновременно съ этимъ была обнародована новая формула присяги, изъ которой заботливо вычеркнули титулъ „самодержавная“, а, въ замѣнъ того, ввели обязанность каждаго присягающаго клятвенно обѣщать поступать во всемъ „по регламентамъ и инструкціямъ Верховнаго тайнаго совѣта“. Затѣмъ резолюціи послѣдняго по силѣ дѣйствія были приравнены къ высочайшимъ указамъ, при чемъ изъ указовъ, исходившихъ отъ совѣта также былъ вычеркнуть титулъ „самодержавная“. Наконецъ, было запрещено исполнять указы, подписанные или одною императрицею, или одними членами Верховнаго тайнаго совѣта. Фактическое положеніе вещей вполнѣ соотвѣтствовало юридическому, такъ какъ въ продолженіе всего царствованія Екатерины I дѣйствительнымъ представителемъ верховной власти въ Россіи былъ Верховный тайный совѣтъ.

То же самое продолжало существовать и при малолѣтнемъ Петрѣ II, когда Верховный тайный совѣтъ, согласно, съ „Тестаментомъ Екатерины I, осуществлялъ всѣ функціи регентства и обладалъ, по выраженію „Тестамента“, полною властью, равною

государской". Естественно, что подобное положеніе вещей пришлось по вкусу членамъ совѣта или верховникамъ, какъ ихъ тогда называли. Поэтому, когда въ 1730 г. Петръ II скоропостижно скончался, Верховный тайный совѣтъ въ ночномъ засѣданіи съ 18 на 19 янв. рѣшилъ избрать на русскій престолъ герцогиню курляндскую Анну Ивановну (дочь царя Ивана Алексѣевича) и одновременно съ этимъ, по выраженію князя Дм. Мих. Голицына, „себѣ полегчить" и „себѣ воли прибавить". Для достиженія этой цѣли верховники составили рядъ пунктовъ, получившихъ названіе кондицій, которые и отправили съ депутаціей въ Митаву, гдѣ въ то время находилась будущая императрица. Послѣдняя вынуждена была ихъ подписать. Эти пункты были слѣдующіе. Анна Ивановна обязывалась: 1) „содержать и распространять" православіе, 2) „въ супружество во всю жизнь не вступать", 3) наслѣдника себѣ не назначать, 4) безъ согласія Верховнаго тайнаго совѣта войны не объявлять и мира не заключать, 5) подданныхъ новыми податями не отягощать, 6) въ чины выше полковника никого не производить, 7) гвардіи и арміи находиться въ вѣдѣніи Верховнаго тайнаго совѣта, 8) у дворянства жизни, имущества и чести безъ суда не отнимать, 9) вотчинами и деревнями никого не жаловать, 10) въ придворные чины никого не производить, 11) „государственные доходы въ расходъ не употреблять" и, 12) при несоблюденіи одного изъ этихъ условій, императрица лишалась престола.

Названные пункты имѣли характеръ прелиминарныхъ условій, такъ какъ на ихъ основѣ долженъ былъ быть выработанъ цѣлый планъ государственнаго устройства. Авторомъ его явился иниціаторъ всей затѣи—князь Д. М. Голицынъ. По плану представителемъ верховной власти въ Россіи былъ Верховный тайный совѣтъ; ему въ качествѣ такового принадлежали слѣдующія права: 1) въ области иностранной политики—право объявленія войны и заключенія мира и договоровъ; 2) въ области администраціи—право назначенія на высшія должности и производства въ высшіе чины, право командованія войскомъ и управленія финансами, и 3) законодательство. По плану въ составъ совѣта должны были входить отъ десяти и до двѣнадцати членовъ изъ

знатнѣйшихъ фамилій государства. Рядомъ съ нимъ для „предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ“ существовалъ Сенатъ изъ 36 членовъ и сеймъ, состоящій изъ двухъ палатъ: шляхетской (изъ 200 членовъ) и городскихъ депутатовъ, для охраны правъ и интересовъ дворянства и торгово-промышленнаго класса. Что же касается до императрицы, то ея роль ограничивалась предсѣдательствомъ въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ, съ правомъ на два голоса и съ нѣкоторыми правами въ области придворнаго управленія.

Въ то время, когда происходили переговоры между верховниками и герцогинею курляндской, среди членовъ Сената и Синода, а также среди шляхетства, съѣхавшагося въ Москву въ огромномъ количествѣ по случаю похоронъ Петра II, начались волненія и ясно опредѣлились двѣ партіи: одна стоявшая за самодержавіе, другая за ограниченіе власти императрицы, но въ интересахъ всего шляхетства.

Къ первой партіи принадлежали: часть сенаторовъ и генералитета, часть шляхетства и все духовенство съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ во главѣ. По словамъ саксонско-польскаго посланника Лефорта, среди членовъ этой партіи раздавались такіе разговоры: „знатные предполагаютъ ограничить самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который мало-по-малу захватитъ въ свои руки бразды правленія; кто же намъ поручится, что со временемъ вмѣсто одного государя не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства. У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководствоваться совѣтъ; если его члены сами станутъ издавать законы, они во всякое время могутъ ихъ уничтожить, и въ Россіи начнется анархія“. „Боже сохрани, читаемъ въ одной запискѣ, направленной противъ верховниковъ, чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать“. Заканчивается записка словами: „мы, среднее шляхетство, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ“. Болѣе

всѣхъ агитировалъ въ пользу самодержавія авторъ „Правды воли монаршей“ Ѳеофанъ Прокоповичъ. „Русскій народъ, говорилъ онъ, таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, а, если какоенибудь иное владѣніе правило воспріиметъ, содержаться ему въ цѣлости и благосостояніи отнюдь невозможно“.

Вторая партія, хотя и стояла за ограниченіе власти императрицы, но также была враждебно настроена по отношенію къ верховникамъ. Члены этой партіи на особыхъ собраніяхъ вырабатывали свои проекты государственнаго устройства и затѣмъ представляли ихъ въ Верховный тайный совѣтъ. До насъ дошло 12 такихъ проектовъ, извлеченныхъ изъ архива Государственнаго совѣта проф. Корсаковымъ [1]). Они подписаны 1100 лицами, и могутъ служить выраженіемъ мнѣній членовъ второй партіи. Общая черта всѣхъ проектовъ, это—допущеніе шляхетства къ участію въ государственномъ управленіи, какъ путемъ избранія членовъ высшихъ государственныхъ учрежденій, напр., Верховнаго тайнаго совѣта, Сената, коллегій и др., такъ и путемъ избранія высшихъ должностныхъ лицъ, напр., губернаторовъ, воеводъ и т. п., при чемъ органомъ шляхетства должно быть особое собраніе или сеймъ.

Съ пріѣздомъ императрицы въ Москву, первая партія взяла верхъ, и Анна Ивановна 25 февраля 1730 г., при довольно торжественной обстановкѣ, провозгласила себя самодержавной государыней и изодрала подписанные ею пункты. Одновременно съ этимъ Верховный тайный совѣтъ былъ упраздненъ.

Такимъ образомъ, попытка верховниковъ ограничить власть государя не удалась. Съ тѣхъ поръ въ XVIII ст. такихъ попытокъ больше не было. Правда, есть извѣстіе, будто Панинъ, извѣстный воспитатель цесаревича Павла Петровича, обусловилъ свое участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины II ограниченіемъ ея власти Сенатомъ, которому хотѣлъ дать выборную организацію (часть сенаторовъ должна была избираться дворянствомъ на дворянскихъ собраніяхъ). Но Екатерина, по вступленіи на

[1]) Корсаковъ, Воцареніе имп. Анны Іоанновны.

престолъ, не согласилась на это и царствовала самодержавной государыней. Свои воззрѣнія на форму правленія она высказала въ Наказѣ. Русскій государь, по мнѣнію императрицы, долженъ быть самодержавнымъ, такъ какъ никакая другая власть не была бы въ состояніи дѣйствовать на пространствѣ такого обширнаго государства. „Пространное государство, читаемъ въ Наказѣ, предполагаетъ самодержавную власть, такъ какъ необходимо, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, присылаемыхъ изъ дальнихъ странъ, вознаграждало медленность, происходящую, вслѣдствіе отдаленности мѣстъ. Вотъ, почему всякая другая форма правленія была бы для Россіи не только вредна, но и крайне раззорительна". Названная мысль о необходимости абсолютной формы правленія для государствъ съ большой территоріей заимствована изъ Монтескье. Послѣдній говоритъ, что республика мыслима только въ малыхъ государствахъ, такъ какъ здѣсь на небольшомъ пространствѣ общій интересъ, такъ сказать, у всѣхъ на глазахъ, вслѣдствіе чего дѣйствія правительственныхъ лицъ всегда находятся подъ постояннымъ контролемъ. Ограниченная монархія, съ точки зрѣнія Монтескье, должна быть средней величины. Если она очень мала, то легко превращается въ республику, если же очень велика, то можетъ погибнуть, вслѣдствіе того, что областные правители, будучи удалены отъ центра и надѣясь на безнаказанность, легко могутъ уклониться отъ повиновенія и привести государство къ разрушенію. „Единственное средство противъ этого зла, говоритъ Монтескье, состоитъ въ установленіи абсолютной власти. Большія государства естественно склоняются къ абсолютизму. Быстрота рѣшеній должна восполнить здѣсь дальность разстоянія". Другая причина, по мнѣнію императрицы, почему въ Россіи должно быть самодержавіе, заключается въ томъ, что „лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ".

Разрѣшивъ вопросъ о формѣ правленія, Наказъ переходитъ къ вопросу о „среднихъ" властяхъ, зависящихъ отъ верховной власти и вполнѣ подчиненныхъ ей. Эти власти составляютъ по Наказу природу или существо монархіи. Назначеніе ихъ—быть „малыми протоками, чрезъ которые изливается власть государя".

Съ другой стороны, „среднія“ власти, называемыя Наказомъ, правительствами, обязаны представлять государю о незаконности указовъ и другихъ правительственныхъ распоряженій, о вредности ихъ направленія, о невозможности приведенія ихъ въ исполненіе и т. п. Только при существованіи подобныхъ посредствующихъ властей, государственныя учрежденія могутъ быть тверды и неподвижны. Одно изъ такихъ правительствъ должно быть хранилищемъ законовъ, которое, съ одной стороны, объявляетъ народу вновь изданные законы, а съ другой стороны, „возобновляетъ забвенію преданные законы“. Въ Россіи такимъ хранилищемъ законовъ долженъ быть Сенатъ. Всѣ эти мысли также являются ничѣмъ инымъ, какъ перефразировкою мнѣній Монтескье.

Въ царствованіе Павла I самодержавная власть государя снова получила законодательную формулировку, а именно: въ законѣ „О наслѣдованіи императорскаго престола“ 5 апр. 1797 г. и въ „Учрежденіи объ императорской фамиліи“ того же года было сказано, что „Императорскій Россійскій Государь самодержавный“. Наконецъ, послѣдній разъ законодательная формулировка власти государя имѣла мѣсто въ Сводѣ Законовъ, первая статья первой части перваго тома котораго гласитъ: „Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный, повиноваться которому не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ“.

Въ *титулѣ* государя въ изучаемомъ періодѣ произошли измѣненія, а именно съ 20 октября 1721 г. русскій государь принялъ титулъ императора. Произошло это по иниціативѣ Сената и Синода, поднесшихъ Петру I титулъ императора, отца отечества и великаго. Съ теченіемъ времени новый титулъ былъ признанъ за русскими государями иностранными государствами: раньше всѣхъ Пруссіей и Голландіей, позже всѣхъ Польшей (въ 1762 г.) [1]).

Территоріальная часть титула также подверглась измѣненіямъ, при чемъ эти измѣненія происходили постепенно, по мѣрѣ

[1]) Швеція признала новый титулъ въ 1723 г., Турція въ 1739 г. (по Бѣлградскому мирному договору), Англія и Германія въ 1742 г. и Франція и Испанія въ 1745 г.

расширенія территоріи государства. Такъ, при Петрѣ I къ титулу были присоединены слѣдующія слова: „Князь Эстляндскій, Лифляндскій и Корельскій“, при Петрѣ III: „Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій, Сторнмарнскій и Дитмарсенскій и Графъ Ольденбургскій“, при Екатеринѣ II: „Царица Херсониса Таврическаго и Княгиня Курляндская и Семигальская“, при Паглѣ I: „Князь Самогитскій“, при Александрѣ I, „Великій Князь Финляндскій, Князь Бѣлостокскій и Царь Польскій“, при Николаѣ I: „и области Арменскія“ (въ 1828 г.). Съ тѣхъ поръ территоріальная часть титула не измѣнялась, несмотря на обширныя завоеванія на Кавказѣ, въ Малой Азіи, въ центральной Азіи и на Амурѣ, значительно расширившія предѣлы Россіи.

Въ императорскую эпоху произошли также измѣненія и въ *предикатѣ* государя, а именно государь сталъ именоваться „Августѣйшимъ“, „Всепресвѣтлѣйшимъ“ и „Державнѣйшимъ“. Затѣмъ измѣненія коснулись также формы обращенія къ государю со стороны народа. Такъ, указомъ 1701 г. было предписано писать „полныя“, а не уничижительныя имена, какъ то было въ обычаѣ при всѣхъ обращеніяхъ къ государю въ московское время; точно также вмѣсто „холопа“, указъ предписалъ называться „нижайшимъ рабомъ“, замѣненнымъ при Екатеринѣ II „подданнымъ“. Одновременно съ этимъ Петръ запретилъ становиться на колѣни и снимать шляпу предъ дворцомъ. „Какое же различіе, говорилъ онъ, между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и къ государству—сія то почесть свойственна царю“. Наконецъ, указъ 1786 г. замѣнилъ слова: „бить челомъ“ словами: „приносить жалобу“ или „всеподданнѣйше просить“. Точно также при Петрѣ было запрещено духовенству именовать государя „благороднымъ“, „понеже титуловаться благородствомъ по нынѣшнему употребленію низко, ибо благородство и шляхетству дается“.

Что касается до *герба*, то въ общемъ онъ остался прежнимъ, съ тою только разницею, что съ учрежденіемъ въ 1769 г. ордена Св. Георгія „ѣздокъ“ сталъ изображать собою этого святого.

Наконецъ, къ прежнимъ государственнымъ *регаліямъ* прибавились двѣ новыя, а именно: корона, впервые употребленная при коронаціи Екатерины I въ 1724 г., и порфира, подбитая горностаемъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію *правъ* и *прерогативъ* государя въ области государственнаго управленія. Во-первыхъ, государь пользовался извѣстною *религіозною властью*, которую онъ осуществлялъ черезъ духовную коллегію, впослѣдствіи названную Св. Синодомъ. Мало того, государь считался верховнымъ покровителемъ церкви и блюстителемъ православія, почему Тестаментомъ Екатерины I 1727 г. и было предписано, что „никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который негрческаго закона“. То же постановленіе было подтверждено и актомъ о престолонаслѣдіи 1797 г. Во-вторыхъ, государь являлся субъектомъ *законодательной* власти и, въ качествѣ такового, обладалъ правами въ области иниціативы и санкціи закона, о чемъ, впрочемъ, было уже сказано выше. Въ-третьихъ, государю принадлежала *судебная* власть, которую онъ отправлялъ лично, на основаніи указовъ 1714 и 1718 г.г., только въ трехъ случаяхъ, а именно: 1) въ случаѣ отказа Сената въ правосудіи. 2) въ случаѣ неправильнаго рѣшенія съ его стороны и 3) въ случаѣ неимѣнія закона. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ указъ 1718 г. предписалъ подавать жалобы и прошенія непосредственно въ суды; „не докучая о своихъ обидахъ государю, понеже онъ одна персона есть, и та толикими воинскими и прочими несмѣтными трудами объята“. Съ учрежденіемъ Верховнаго тайнаго совѣта, всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла разрѣшались имъ въ присутствіи императрицы. Наконецъ, всѣ судебные приговоры совершались именемъ государя. Въ-четвертыхъ, въ связи съ судебной властью государя находилось и право *помилованія*, присущее ему. Впервые свою законодательную формулировку это право получило въ инструкціи канцеляріи конфискацій 1730 г. „Коллегіи и суды, читаемъ здѣсь, обыкновенные штрафы хотя налагать и могутъ, однако, облегченіе и отставленіе штрафовъ токмо отъ Ея Имп. Величества Высочайшей власти зависитъ, ибо сіе къ случаямъ милости принадлежитъ и часть права помилованія въ себѣ содержитъ“. Иногда право помилованія вы-

ражалось въ формѣ амнистіи или „милостивыхъ манифестовъ“, которыми, по словамъ Петра I, „учинялось генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ“. Наконецъ, въ-пятыхъ, государю принадлежали права въ области *управленія*. Петръ I принималъ непосредственно и лично участіе въ управленіи, въ силу чего Воинскій уставъ и постановилъ, что присутствіе государя въ извѣстномъ мѣстѣ пресѣкаетъ тамъ дѣйствія всѣхъ начальниковъ, власть которыхъ непосредственно переходитъ къ государю. Съ Екатерины II государю принадлежитъ, главнымъ ебразомъ, верховный надзоръ надъ управленіемъ и разрѣшеніе только важнѣйшихъ вопросовъ. Этотъ принципъ и былъ высказанъ въ Наказѣ. „Право же, читаемъ въ немъ, отъ власти верховныя неотдѣлимое было, есть и будетъ: 1) власть законодательная, 2) власть защитительная и 3) власть совершительная; но, когда по человѣчеству невозможно, чтобы государь самъ вездѣ обращался, ради того учреждаетъ онъ для соблюденія добраго порядка власти среднія, подчиненныя, зависящія отъ верховной и составляющія существо правленія. Власти эти суть малые протоки, сирѣчь правительства, черезъ которые изливается власть государя“.

Порядокъ преемства престола вплоть до конца XVIII ст. не былъ опредѣленъ, поэтому въ первой половинѣ императорскаго періода мы встрѣчаемъ самые разнообразные способы занятія престола отъ законнаго наслѣдованія дѣтей послѣ родителей и до государственнаго переворота включительно.

Устранивъ своего сына царевича Алексѣя отъ наслѣдованія престола, Петръ I въ уставѣ 1722 г. отвергъ „старый обычай, что большему сыну наслѣдство давали“, „какъ обычай недобрый“ и, взамѣнъ того, провозгласилъ новый принципъ: „дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить“. Въ оправданіе новаго принципа уставъ 1722 г. сослался на св. писаніе и на Ивана III, который „наслѣдство перво отдалъ внуку мимо сыновей, а потомъ отставилъ внука, уже вѣнчаннаго, и отдалъ сыну“. Но, видимо, сознавая недостаточность подобной аргументаціи, Петръ поручилъ Ѳеофану Прокоповичу написать извѣстную „Правду воли монаршей“,

гдѣ и обосновать новый принципъ. Сущность теоріи Правды заключается въ слѣдующемъ. Каждый отецъ можетъ устранить своего сына отъ наслѣдства въ случаѣ его непокорности волѣ отца, тѣмъ болѣе имѣетъ право на это государь, заботящійся не о частномъ имуществѣ, а объ интересахъ государства. Въ такомъ случаѣ это становится даже его обязанностью по отношенію къ послѣднему, въ особенности, если „разсудимъ, кое долженство на царяхъ лежитъ, отъ самого Бога возложенное на нихъ, но не токмо отъ того познаемъ, что не грѣхъ имъ по волѣ своей избирать себѣ наслѣдника, но грѣхъ не избирать. Царей должность—содержать своихъ подданныхъ въ безпечаліи и промышлять имъ всякое лучшее наставленіе, какъ къ благочестію, такъ и къ честному жительству... А если о добрѣ общемъ народа, себѣ подданнаго, только пещись долженъ самодержецъ, то како не долженъ есть прилежно смотрѣть, дабы по немъ наслѣдникъ былъ добрый, бодрый, искусный и таковый, который бы доброе отечества состояніе не токмо сохранилъ въ цѣлости, но и паче бы утвердилъ и укрѣпилъ, и если-бы что недовершенное засталъ, тщился бы привести въ совершенство“. „Чего для за благо мы разсудили сей уставъ (т. е. 1722 г.) учинить дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оный захочетъ, тому и опредѣлить наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя узду на себѣ“. „Правда“ останавливается и на томъ случаѣ, если государь умретъ, не успѣя назначить себѣ преемника. Тогда необходимо избрать на престолъ того изъ сыновей, который былъ ближе всѣхъ къ государю и котораго отецъ болѣе всѣхъ любилъ. Если же это неизвѣстно, то выборъ долженъ пасть на того изъ нихъ, кто болѣе всѣхъ „подобенъ“ отцу по характеру и направленію мыслей.

Петръ I умеръ, не оставивъ себѣ преемника, и на престолъ вступила, по избранію Сената, Синода и генералитета, его супруга Екатерина I. Сторонники ея мотивировали это избраніе тѣмъ, что императрица была коронована еще при жизни Петра, и что будто бы этимъ актомъ покойный государь пріобщилъ ее къ власти. Екатерина I составила извѣстный Тестаментъ, которымъ совершенно отмѣнила петровскій уставъ 1722 г., такъ какъ

установила опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія съ предпочтеніемъ наслѣдниковъ мужского пола наслѣдникамъ женскаго. Согласно этому Тестаменту, на престолъ вступилъ Петръ II, при чемъ подданные присягали ему „и по немъ Его Величества высокимъ наслѣдникамъ, которые, по соизволенію и самодержавной, ему отъ Бога данной императорской власти, опредѣлены и впредь опредѣляемы и къ воспріятію престола удостоены будутъ“ [1]). Послѣ смерти Петра II Тестаментъ Екатерины былъ нарушенъ тѣмъ, что на престолъ оказалась избранной герцогиня курляндская Анна Ивановна, несмотря на существованіе прямыхъ наслѣдниковъ, согласно Тестаменту. Анна Ивановна назначила своимъ преемникомъ герцога брауншвейгскаго Ивана Антоновича, бывшаго малолѣтнимъ ребенкомъ. Но онъ былъ низвергнутъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Елисаветою Петровною, занявшею престолъ съ помощью преображенскаго полка. Въ своемъ манифестѣ по этому поводу Елисавета Петровна заявила, что она вступила на престолъ по праву законнаго престолонаслѣдія и кровной близости къ покойнымъ государямъ (Петру I и Екатеринѣ I). „Всѣ наши,—гласилъ манифестъ,—какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина вѣрные подданные, а особливо лейбъ-гвардіи наши полки всеподданнѣйше и единогласно просили насъ, дабы Мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ происшедшихъ и впредь опасаемыхъ безпокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближняя, отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, и по тому нашему законному праву, по близости крови къ самодержавнымъ нашимъ вседражайшимъ родителямъ... Мы тотъ нашъ отеческій всероссійскій престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили“. Петръ III сталъ государемъ также на основаніи принципа близости крови. „Яко по крови ближайшій“ къ покойной императрицѣ,—гласилъ манифестъ,—въ силу чего Елисавета Петровна оставила „намъ въ самодержавство прародительскій престолъ, яко сущему наслѣднику, по правамъ, преимуществамъ и узаконеніямъ принадлежащій“. Однако, въ присягѣ новому государю было провозглашено также и завѣщательное начало (какъ и въ присягѣ Петру II), въ силу чего подданные присягали не только госу-

[1]) Такимъ образомъ, опять былъ провозглашенъ завѣщательный принципъ, чѣмъ постановленіе Тестамента Екатерины I оказались нарушенными.

дарю, но и „по немъ по самодержавной его импер. вѣличества власти и по высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникамъ“. Новый переворотъ передалъ власть въ руки Екатерины II, при чемъ подданные присягали какъ ей, такъ и цесаревичу Павлу Петровичу, „законному всероссійскаго престола наслѣднику“. Вскорѣ, по восшествіи на престолъ этого послѣдняго, былъ изданъ извѣстный актъ о престолонаслѣдіи 5 апрѣля 1797 г., вошедшій въ нынѣ дѣйствующій Сводъ Законовъ. Мотивами къ его изданію послужили слѣдующія соображенія: 1) „дабы государство не было безъ наслѣдника“, 2) „дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ“, 3) „дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать“, и 4) „дабы сохранить право родовъ въ наслѣдствѣ, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій изъ рода въ родъ“.

Вступленіе на престолъ новаго государя всегда сопровождалось изданіемъ манифеста къ народу и присягою со стороны послѣдняго. Въ 1741 г. было предписано не приводить къ присягѣ крѣпостныхъ крестьянъ, въ виду принесенія за нихъ присяги со стороны помѣщиковъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ вступленія на престолъ слѣдовало коронованіе, при чемъ короновались не только государь, но и государыня. Впервые подобный обычай былъ введенъ Петромъ I въ 1724 г., когда была коронована Екатерина I. Самый церемоніалъ коронованія происходилъ по западно-европейскому образцу, при чемъ съ Анны Ивановны пріобщеніе св. тайнъ должно было происходить по священническому чину, т. е. отдѣльно тѣла и крови. Съ Елисаветы же Петровны возложеніе на себя короны и порфиры стало производиться самимъ государемъ, а не архіепископомъ, какъ прежде.

IV. *Управленіе.*

А) Административное дѣленіе.

На основаніи указа 1708 г. вся Россія была раздѣлена на восемь губерній, въ свою очередь дѣлившихся на уѣзды. Указъ 1719 г. раздѣлилъ Россію на 11 губерній, при чемъ каждая гу-

бернія дѣлилась на провинціи, а каждая провинція на уѣзды съ городами. Указъ 1710 г. ввелъ еще новое дѣленіе, а именно: доли, которыя въ однихъ мѣстахъ были болѣе, а въ другихъ мѣстахъ менѣе уѣзда. Впрочемъ, вскорѣ доли были упразднены. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., упразднивъ провинціи, увеличило число губерній, въ составъ которыхъ должны были входить отъ 300 до 400 тысячъ жителей. Совокупность нѣсколькихъ губерній образовывали генералъ-губернаторства, при чемъ каждая губернія дѣлилась на уѣзды, а каждый уѣздъ на волости. Это дѣленіе сохранилось до нашего времени.

Б) Центральное управленіе.

Сенатъ. Въ первое время царствованія Петра во главѣ государства попрежнему находилась боярская дума, но постепенно съ развитіемъ реформаторской дѣятельности государя характеръ ея модифицируется, при чемъ модификація касается какъ названія и состава думы, такъ равно и ея дѣятельности и дѣлопроизводства.

Дума начинаетъ называться ближней канцеляріей, по мѣсту своихъ засѣданій, или же консиліей министровъ, при чемъ число членовъ ея очень ограничивается (такъ, въ 1710 г. ихъ было только 8). Мало того, въ составъ думы входятъ уже не только одни думные люди, но и лица изъ другихъ чиновъ, напр.: *стольникъ* Ромодановскій, *дьякъ* Курбатовъ и др. Въ одномъ письмѣ Петра къ боярину Головину съ товарищами (т. е. къ думѣ), государь писалъ: „будучи на Москвѣ, приказалъ я, чтобы за тѣмъ и прочими дѣлами трудиться вамъ и прочимъ, *кого возьмете къ себѣ*“. Такимъ образомъ, дума постепенно лишается своего прежняго аристократическаго характера. Затѣмъ модификація коснулась и самой дѣятельности думы. Теперь государь, будучи отвлеченъ другими дѣлами, рѣдко присутствуетъ на засѣданіяхъ консилiи бояръ, въ силу чего возникаетъ двоякое направленіе въ законодательствѣ, а именно: государевы указы и боярскіе приговоры начинаютъ существенно отличаться другъ отъ друга. Дру-

гимъ результатомъ отсутствія государя изъ думы является изданіе массы законовъ помимо думы. Наконецъ, третьимъ результатомъ названнаго факта нужно считать появленіе самостоятельныхъ дѣйствій думы въ указанныхъ государемъ предѣлахъ и, въ силу этого, отвѣтственности думы предъ государемъ. Будучи занятъ войною со Швеціею и другими дѣлами, требовавшими частыхъ отлучекъ его изъ Москвы, Петръ неоднократно самъ предписывалъ начальникамъ приказовъ и другихъ вѣдомствъ обращаться въ думу. „Еще прошу Васъ,—писалъ онъ князю Ромодановскому въ 1707 г.,—дабы о такихъ дѣлахъ и подобныхъ имъ изволили тамъ, гдѣ съѣздъ бываетъ въ верхней (т. е. ближней) канцеляріи или гдѣ индѣ, посовѣтовавъ съ прочими, рѣшеніе чинить, а здѣсь (т. е. у государя) истинно и безъ того дѣла много". Но предоставивъ думѣ извѣстную самостоятельность, Петръ возложилъ на нее и отвѣтственность за дѣйствія, въ силу чего предписалъ ей завести особую книгу для записи указовъ и приговоровъ, съ цѣлью контроля ея дѣятельности. Наконецъ, въ 1707 г. установлены были обязательные протоколы засѣданій думы. Въ письмѣ къ Ромодановскому Петръ предписалъ ему объявить: „всѣмъ министрамъ, которые въ консилію съѣзжаются, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякого дурость явлена будетъ" [1]).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Петра дума изъ соучастницы верховной власти, изъ учрежденія, составлявшаго неразрывную часть единаго цѣлаго съ государемъ, самыми тѣснѣйшими узами связаннаго съ нимъ, постепенно превратилась въ подчиненный и отвѣтственный органъ управленія. Въ этой своей модифицированной формѣ она имѣла много точекъ соприкосновенія съ Сенатомъ, учрежденнымъ въ 1711 г. Первоначальный составъ, компетенція, дѣлопроизводство и отвѣтственность Сената значительно напоминали собою составъ, компетенцію, дѣлопроизводство и отвѣтственность Министерской консиліи.

[1]) См. Ключевскаго. Боярская дума древней Руси.

Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что Сенатъ образовался постепенно, вырабатываясь изъ старой думы, по мѣрѣ хода и развитія реформаторской дѣятельности Петра. Переходной формой отъ думы къ Сенату, звеномъ въ цѣпи, связующей оба названныя учрежденія, является консилія министровъ въ ближней канцеляріи, составляющая въ полномъ смыслѣ этого слова прообразъ Сената.

Такимъ образомъ мнѣніе, будто Сенатъ заимствованъ изъ Швеціи, будучи сколкомъ со шведскаго Госуд. Совѣта не можетъ быть принято, тѣмъ болѣе, что между обоими учрежденіями, нѣтъ ничего общаго ни въ отношеніи состава, дѣлопроизводства и компетенціи, ни въ отношеніи характера дѣятельности. Шведскій Совѣтъ былъ органомъ сейма и, въ качествѣ такового, до извѣстной степени ограничивалъ власть короля; нашъ Сенатъ, хотя и стоялъ во главѣ государственнаго управленія, но вполнѣ зависѣлъ отъ государя, будучи подчиненъ ему и отвѣтственъ предъ нимъ. Иначе говоря, заимствованіе ограничилось однимъ названіемъ (хотя и это послѣднее скорѣе могло быть заимствовано изъ Польши, такъ какъ въ Швеціи сенатъ рѣдко назывался этимъ именемъ, нося названіе государственнаго совѣта) и нѣкоторыми должностями, учрежденными при Сенатѣ, напр., фискалы, прокуроры (послѣдніе изъ Франціи) и др.

Формально Сенатъ былъ учрежденъ 22 февраля 1711 г., когда, по случаю войны съ Турціей, Петръ вынужденъ былъ покинуть предѣлы Россіи. Сенатъ учреждался въ качествѣ регенства на время отсутствія государя „вмѣсто его царскаго величества собственной персоны“, какъ гласилъ манифестъ. „Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, — читаемъ въ манифестѣ, — какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы, для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучкахъ, опредѣлили управительный (вскорѣ названный „правительствующимъ“) Сенатъ, которому всякъ и его указамъ да будетъ послушенъ такъ, *какъ намъ самому*, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертью, по винѣ смотря“. Этотъ первоначально временной характеръ новаго учрежденія вскорѣ превратился въ постоянный, при чемъ въ при-

сутствіи государя (въ столицѣ или въ предѣлахъ государства) Сенатъ переставалъ фигурировать въ качествѣ регентства, а являлся высшимъ органомъ управленія.

Первоначально въ составъ Сената входило девять сенаторовъ, назначаемыхъ государемъ, причемъ званія и чины ихъ не принимались въ расчетъ. Затѣмъ съ учрежденіемъ коллегій составъ Сената былъ видоизмѣненъ, а именно всѣ президенты коллегій ex officio должны были быть сенаторами. Впрочемъ, это правило дѣйствовало недолго и уже въ 1722 г. оказалось отмѣненнымъ. Самъ Петръ призналъ, что „сіе сначала несмотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ". Мотивами къ отмѣнѣ названнаго правила были слѣдующія соображенія: 1) президенты, будучи обременены своими занятіями въ коллегіяхъ, не имѣютъ времени для занятій въ Сенатѣ и 2) „чтобъ члены Сената, трудясь о распорядкѣ государства и о правомъ судѣ, смотрѣли бъ надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нынѣ сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?" Второй мотивъ и послужилъ, главнымъ образомъ, основаніемъ для изданія указа 1722 г. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, дневникъ камеръюнкера Берхольца. „Такъ какъ сенаторы—вельможи, читаемъ въ немъ, то сидящіе съ ними въ коллегіяхъ не осмѣливаются противорѣчить имъ и пляшутъ по ихъ дудкѣ, а отсюда рождается множество интригъ и несправедливостей; когда на одного изъ нихъ приносится жалоба, всѣ они соглашаются между собою, и ужъ, конечно, одна ворона не выклюетъ глаза у другой, поэтому многіе порядочные люди не мало страдаютъ". Послѣ указа 1722 г. въ Сенатѣ остались президенты только трехъ главныхъ коллегій, т. е. иностранныхъ дѣлъ, военной и морской. Остальные сенаторы назначались государемъ изъ трехъ первыхъ классовъ (по табели о рангахъ).

При Сенатѣ существовало нѣсколько особыхъ должностей, имѣвшихъ весьма важное значеніе въ области государственнаго управленія. Къ такимъ относились, во-первыхъ, *фискалы*, институтъ которыхъ былъ заимствованъ изъ Швеціи. Во главѣ фискаловъ находился генералъ-фискалъ со своимъ помощникомъ—оберъ-фискаломъ. Имъ были подчинены фискалы, представлявшіе

изъ себя цѣлую іерархію должностей, а именно: фискалы при коллегіяхъ, провинціалъ-фискалы въ губерніяхъ и городовые фискалы въ городахъ. Генералъ-фискалъ назначался государемъ, оберъ-фискалъ — Сенатомъ, равно какъ коллежскіе и провинціальные фискалы. Что же касается городовыхъ фискаловъ, то часть ихъ назначалась провинціалъ-фискаломъ, часть избиралась горожанами. Функціи фискаловъ заключались въ слѣдующемъ: они должны были „тайно провѣдывать, доносить и обличать“ всѣ злоупотребленія должностныхъ лицъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Иначе говоря, обязанности ихъ сводились къ слѣдующему: 1) они должны были надзирать за исполненіемъ законовъ. 2) заботиться о ненарушеніи имущественныхъ интересовъ казны и 3) преслѣдовать казнокрадство, взяточничество и хищенія должностныхъ лицъ, а также „безгласныя преступленія явно противогосударственнаго и противообщественнаго характера“. Въ случаѣ правильности доноса, половина штрафа шла въ пользу фискала, въ случаѣ же неправильности, было предписано „въ вину ему того не ставить“.

Такой порядокъ вещей привелъ къ крайнему произволу и злоупотребленіямъ со стороны фискаловъ, что въ свою очередь вызвало негодованіе общества противъ нихъ. Выразителемъ названнаго общественнаго настроенія явился извѣстный Стефанъ Яворскій, произнесшій въ московскомъ Успенскомъ соборѣ большую рѣчь противъ фискаловъ. „Законъ Господень непорочен, сказалъ Яворскій, а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой же то законъ, напр., поставить надзирателемъ надъ судомъ и дать ему волю, кого хочетъ обличить, да обличитъ; поклепъ сложить на ближняго вольно то ему. Не такъ подобаетъ симъ быть: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ, пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязается въ такую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ оный, сынъ погибельный, чужою да мѣрою мѣрити. Эта рѣчь имѣла въ результатѣ изданіе указа 17 марта 1714 г., опредѣлившаго отвѣтственность фискаловъ за ложные доносы. „Буде фискалъ, гласилъ указъ, ради страсти или злобы затѣетъ, и предъ судомъ отъ того, на кого то взвелъ, обличенъ будетъ,

то оному, яко преступнику, тоже учинить, что довелось было учинить тому, еслибъ, по его доносу, подлинно виноватъ былъ". Фискалы просуществовали недолго и съ учрежденіемъ прокуратуры были уничтожены.

Во-вторыхъ, при Сенатѣ существовалъ *генералъ-прокуроръ*, стоявшій во главѣ прокуроровъ. Неудовлетворительность фискалата, какъ органа надзора за Сенатомъ и за другими учрежденіями, имѣвшаго въ виду, главнымъ образомъ, обнаруживать уже совершенныя преступленія, а не предупреждать возможность ихъ совершенія, побудила Петра перенести на русскую почву французскій институтъ прокуратуры, наблюдать дѣятельность котораго ему пришлось во время своего пребыванія во Франціи. Впрочемъ, Петръ не сразу обратился къ этому институту. Первоначально онъ организовалъ особый надзоръ за Сенатомъ въ лицѣ офицеровъ гвардіи, которые должны были присутствовать на сенатскихъ засѣданіяхъ и пользовались правомъ сажать подъ арестъ въ чемъ-либо провинившихся сенаторовъ. Но такой порядокъ вещей, нарушающій достоинство Сената, какъ высшаго государственнаго учрежденія, продержался недолго и съ введеніемъ прокуратуры былъ уничтоженъ.

Прокуроровъ Петръ учредилъ указомъ 12 янв. 1722 г. Во главѣ ихъ былъ поставленъ генералъ-прокуроръ, который вмѣстѣ со своимъ помощникомъ—оберъ-прокуроромъ назначался государемъ и состоялъ при Сенатѣ. Въ его вѣдѣніи находились прокуроры при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ, избиравшіеся генералъ-прокуроромъ и утверждавшіеся Сенатомъ.

Генералъ-прокуроръ, выражаясь словами указа 1722 г., являлся, „окомъ государевымъ" и „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ". Въ качествѣ „государева ока", онъ надзиралъ за Сенатомъ, стоялъ во главѣ сенатской канцеляріи и присутствовалъ на сенатскихъ засѣданіяхъ, играя на нихъ роль предсѣдателя, т. е. руководилъ преніями, ставилъ вопросы на баллотировку, надзиралъ за порядкомъ и за исполненіемъ законовъ и т. п. Онъ пользовался правомъ протеста относительно сенатскихъ рѣшеній и правомъ донесенія государю о неправильныхъ, по его мнѣнію, дѣйствіяхъ Сената. Подобная должность являлась въ то

время крайне необходимой, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе указы, имѣвшіе цѣлью регулировать сенатскія засѣданія. Вотъ что читаемъ, напр., въ одномъ изъ нихъ: „чтобы въ засѣданіи лишнихъ словъ и болтовни не было, то время ни о чемъ другомъ только о настоящемъ говорить, рѣчи другому не перебивать, но дать окончить и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ". Затѣмъ такіе факты, какъ, напр., столкновеніе Шафирова и Писарева (см. у Соловьева, т. XVIII, стр. 146) и др. также свидѣтельствовали, что далеко не всѣ засѣданія Сената проходили безупречно и что чувствовалась необходимость въ извѣстномъ органѣ надзора за Сенатомъ.

Въ качествѣ „стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ", генералъ-прокурору принадлежала извѣстная активная роль въ области законодательства, такъ, онъ могъ возбуждать вопросы объ изданіи новыхъ законовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ указъ 17 апр. 1722 г., предписывая генералъ-прокурору, „о которыхъ дѣлахъ указами ясно изъяснено", предлагать Сенату, „чтобъ учинили на тѣ дѣла ясные указы, и доносить намъ" (т. е. государю). Генералъ-прокуроръ въ отношеніи Сената былъ вполнѣ независимъ, что, конечно, являлось необходимымъ, въ виду той контролирующей власти, которая была ему присуща.

Третьимъ должностнымъ лицомъ, состоявшимъ при Сенатѣ, былъ *рекетмейстеръ*. Наличность его объясняется функціями высшаго апелляціоннаго суда по отношенію къ коллегіямъ и другимъ судебнымъ мѣстамъ, принадлежавшими Сенату. На обязанности рекетмейстера лежали пріемъ жалобъ на коллегіи и докладъ по нимъ Сенату.

Наконецъ, четвертымъ сенатскимъ должностнымъ лицомъ *герольдмейстеръ*, вѣдавшій шляхетство и также докладывавшій Сенату по предмету своей компетенціи. Герольдмейстеръ унаслѣдовалъ функціи бывшаго Разряда.

Дѣлопроизводство Сената, въ отличіе отъ думы, характеризовалось двумя признаками: усиленіемъ письменности и увеличеніемъ формальностей. Современники даже жаловались на это, говоря, что, благодаря письменному элементу и излишнимъ фор-

мальностямъ, страдали какъ интересы государства, такъ и частныхъ лицъ. Въ особенности любопытна жалоба извѣстнаго Фика, подробно излагающаго весь процессъ рѣшенія дѣлъ со всѣми его стадіями и свидѣтельствующаго, что „одно дѣло чрезъ шесть и больше недѣль не окончится".

Обыкновенно порядокъ рѣшенія всякаго дѣла былъ слѣдующій: вначалѣ дѣло поступало къ оберъ-секретарю, который и подготовлялъ его къ докладу въ канцеляріи Сената; затѣмъ слѣдовалъ самый докладъ, послѣ котораго происходили „диспуты", т. е. пренія по поводу доклада. Регулировать ихъ было обязанностью генералъ-прокурора, передъ которымъ стояли песочные часы для наблюденія за тѣмъ, чтобъ пренія не затягивались. За „диспутами" слѣдовала баллотировка, при чемъ, на основаніи указа 1711 г., дѣла должны были рѣшаться единогласно. Впрочемъ, это продержалось недолго, и въ 1714 г. былъ изданъ другой указъ (найденный проф. Петровскимъ въ архивѣ министерства юстиціи) [1]), которымъ вводилось рѣшеніе по большинству голосовъ. Все, что происходило на засѣданіи, вносилось въ протоколъ, подписывавшійся всѣми сенаторами съ цѣлью открытія „дурости" каждаго изъ нихъ, по выраженію Петра. Однако, на практикѣ послѣднее правило не всегда соблюдалось. Такъ, до насъ дошла жалоба оберъ-прокурора Писарева государю на извѣстнаго Шафирова, изъ которой видно, что послѣдній „никогда голоса своего записывать не велитъ, чтобъ неизвѣстны были приговоры его, которые онъ чинитъ по страстямъ и кричитъ на оберъ-секретаря, такъ и на секретарей неучтивостью и угрозами".

Компетенція Сената была крайне обширна. Въ виду того, что онъ являлся помощникомъ государя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ сказать, его двойникомъ („вмѣсто его величества персоны" — въ отсутствіи государя), онъ вѣдалъ рѣшительно все и всѣхъ. Не было отрасли управленія (въ особенности до учрежденія коллегій), которая бы не входила въ составъ компетенціи Сената. „Все на васъ положено", „все у васъ въ рукахъ", не-

[1]) См. Петрейскаго О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго.

однократно заявлялъ Петръ въ своихъ указахъ и въ письмахъ къ Сенату.

Во-первыхъ, Сенатъ фигурировалъ въ качествѣ высшей *судебной* инстанціи въ апелляціонномъ отношеніи. Только, въ видѣ исключенія, въ отношеніи нѣкоторыхъ дѣлъ и лицъ Сенатъ являлся судомъ первой инстанціи. Обыкновенно же Сенатъ, въ качествѣ высшаго апелляціоннаго суда, разрѣшалъ всѣ жалобы на рѣшенія коллегій и другихъ судебныхъ мѣстъ, при чемъ рѣшенія Сената не подлежали обжалованію, „понеже вышній Сенатъ отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть“. Было уже сказано при обзорѣ судебныхъ правъ государя, въ какихъ случаяхъ нарушалось названное правило и когда, слѣдовательно, можно было жаловаться на Сенатъ. Въ отличіе отъ думы послѣдній, постановляя судебный приговоръ, не законодательствовалъ, но примѣнялъ законъ къ конкретному случаю; только, вслѣдствіе отсутствія или неясности закона, онъ, на основаніи указа 1713 г., могъ постановить рѣшеніе по собственному усмотрѣнію, которое съ 1722 г. должно было получать санкцію со стороны государя.

Во-вторыхъ, Сенату принадлежала масса функцій въ области *управленія*, въ виду присущаго ему характера высшаго правительственно-административнаго учрежденія. Не ошибаясь можно сказать, что не было отрасли управленія, не входившей въ составъ его компетенціи. „Едино сказать, читаемъ въ указѣ 1718 г., перечислявшимъ функціи Сената, всегда Сенату подобаетъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе бы простирать и все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать“. Такимъ образомъ, Сенатъ являлся средоточіемъ всего управленія, въ особенности до учрежденія коллегій, когда нѣкоторыя сенатскія функціи перешли къ нимъ.

Въ отдѣльности въ области управленія Сенатъ вѣдалъ: 1) военное дѣло, т. е. снабженіе арміи и флота людьми, лошадьми, аммуниціей, боевыми припасами, жалованьемъ и провіантомъ, сборъ и доставку рекрутъ, а также надзоръ за службою и обученіемъ

шляхетства (черезъ герольдмейстера); 2) финансы, торговлю и промышленность, т. е. приходъ и расходъ государственныхъ суммъ (имѣя въ виду „денегъ, какъ возможно болѣе, сбирать"), установленіе новыхъ налоговъ (съ разрѣшенія государя), монетное дѣло и регулированіе всѣхъ видовъ торговли и промышленности; 3) полицію безопасности и благосостоянія, т. е. постройку городовъ, прорытіе каналовъ, проведеніе дорогъ, организацію почтовой части, принятіе мѣръ противъ пожаровъ голода, заразительныхъ болѣзней и разбоевъ, заботу о школахъ, духовныя дѣла (до учрежденія Св. Синода, когда неоднократно происходили совмѣстныя засѣданія Сената и освященнаго собора; послѣ учрежденія Синода такія совмѣстныя засѣданія происходили между нимъ и Сенатомъ, но только при разрѣшеніи дѣлъ, затрогивавшихъ интересы какъ церкви, такъ и государства) и борьбу съ расколомъ; 4) иностранную политику, т. е. сношеніе съ иностранными государствами черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ и съ русскими посланниками непосредственно.

Наконецъ, въ-третьихъ, Сенату принадлежали извѣстныя права въ области *законодательства*. Не будучи участникомъ верховной власти, какъ боярская дума, Сенатъ не имѣлъ того законодательнаго значенія, какое принадлежало послѣдней, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 1722 г законодательныя права его значительно расширялись, напоминая собою права думы. Вообще, при изложеніи значенія Сената въ области законодательства, всегда необходимо имѣть въ виду два періода, раздѣленные между собою 1722 годомъ.

Въ первомъ періодѣ Петръ, занятый шведскою войною и своею реформаторскою дѣятельностью, неоднократно покидалъ не только столицу, но и предѣлы государства, и тогда права Сената, фигурировавшаго въ качествѣ регенства, облеченнаго всѣми атрибутами верховной власти, крайне расширялись. Въ присутствіи же государя, Сенату не принадлежало *право* законодательства, но только *участіе* въ послѣднемъ въ роли законосовѣщательнаго учрежденія. Въ качествѣ такового, онъ могъ возбуждать законодательные вопросы и участвовать въ составленіи и обсужденіи проектовъ, но санкція послѣднихъ сосредоточивалась

исключительно въ рукахъ государя. Иначе обстояло дѣло въ отсутствіи послѣдняго, когда Сенатъ являлся „собраніемъ установленнымъ вмѣсто его царскаго величества собственной персоны". Тогда, замѣняя собою государя, онъ пользовался правомъ издавать своею властью законы, вступавшіе въ дѣйствіе безъ санкціи со стороны государя. Это право Сената было выражено въ собственноручной помѣтѣ Петра на докладныхъ пунктахъ Сената, представленныхъ имъ государю въ 1721 г. „Какое дѣло позоветъ, читаемъ здѣсь, о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ (т. е. законѣ), то не должно въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить; а буде въ *отлученіи нашемъ* такое дѣло случится, а обождать до прибытія нашего будетъ невозможно, то Сенату подписать и потомъ опубликовать".

Сенатъ широко пользовался названнымъ правомъ, издавая указы, какъ измѣнявшіе составъ и компетенцію государственныхъ учрежденій, такъ и отмѣнявшіе или пріостанавливавшіе на время именные указы, т. е. изданные самимъ государемъ. Такъ, Сенатъ въ отсутствіи Петра взялъ въ свое вѣдѣніе Помѣстный приказъ, подчиненный до тѣхъ поръ московскому губернатору, передалъ розыскныя дѣла въ вѣдѣніе Преображенскаго приказа, уничтожилъ Ямской приказъ, возстановилъ приказъ церковныхъ дѣлъ, учредилъ Купецкую палату и т. п. Что касается до отмѣны именныхъ указовъ, то любопытными примѣрами подобной отмѣны могутъ служить слѣдующіе. Такъ, именной указъ 1719 г. запретилъ повсюду рубку дуба, но, несмотря на это, Сенатъ своею властью издалъ указъ, которымъ разрѣшилъ рубить дубъ въ Сибири, въ Астраханской губерніи и въ Уфимской провинціи, такъ какъ на матеріальномъ благосостояніи жителей этихъ мѣстностей указъ 1719 г. отозвался тяжело. Затѣмъ, именной указъ 1722 г. постановилъ, чтобы въ бурмистры и въ цѣловальники къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ не выбирались купцы, но только дворяне и офицеры. Однако, Сенатъ, по донесеніи Камеръ-коллегіи, что такихъ лицъ оказывается очень немного, возстановилъ своимъ указомъ прежній порядокъ вещей, т. е. отмѣнилъ именной указъ. Наконецъ, Сенатъ своею властью пріостановилъ на время дѣйствіе именного указа 1712 г. о запискѣ охотниковъ въ солдаты и т. п.

Второй періодъ въ дѣятельности Сената, въ области законодательства, начинается съ 1722 г. Къ этому времени прекратились тѣ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, вслѣдствіе шведской войны, почему государь могъ уже чаще находиться въ столицѣ и принимать болѣе дѣятельное участіе въ государственномъ управленіи. Въ этомъ году издается указъ, ограничивающій законодательныя права Сената, въ случаѣ отсутствія государя изъ столицы. „Всѣ, при отправленіи своихъ дѣлъ, читаемъ въ указѣ, встрѣтя недоразумѣніе, которое регламентами не устраняется, или о чемъ въ регламентахъ сказано темно, не рѣшая, приносили бы выписки въ Сенатъ, который обязанъ объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однако-жъ, не опредѣлять, но, положа на примѣръ свое мнѣніе, объявить намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ и потомъ въ дѣйство производить". Такимъ образомъ, изъ цитированнаго отрывка указа 1722 г. видно, что, въ случаѣ присутствія государя въ столицѣ, сохраняется прежнее значеніе Сената въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Но и въ отсутствіи государя Сенатъ не получаетъ теперь права законодательства, а одну только, такъ называемую, распорядительную власть. Это видно изъ дальнѣйшихъ словъ указа. „Буде же, гласитъ онъ, когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то, учиня, какъ выше писано, и подписавъ, *всѣмъ чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оный апробованъ (т. е. утвержденъ), напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ*". Иначе говоря, право законодательной санкціи было отнято отъ Сената.

Но лишившись его, Сенатъ попрежнему принималъ участіе въ законодательствѣ, какъ законосовѣщательное учрежденіе. Въ качествѣ такового, ему принадлежали слѣдующія права: 1) инициатива законовъ, которая выражалась въ двухъ формахъ, а именно, во-первыхъ, когда подчиненныя Сенату присутственныя мѣста (коллегіи, канцеляріи, конторы и др.) обращались къ нему съ ходатайствомъ о разъясненіи темноты и противорѣчія въ законахъ или объ изданіи новыхъ и отмѣнѣ старыхъ законовъ и, во-вторыхъ, когда Сенатъ самъ приходилъ къ сознанію необхо-

димости видоизмѣнить дѣйствующее законодательство; 2) составленіе проекта закона и обсужденіе его, благодаря которымъ Сенатъ имѣлъ важное значеніе въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Такъ, желая уничтожить тотъ законодательный хаосъ, который существовалъ въ то время въ Россіи, и, благодаря которому, судьи „играли въ законы, какъ въ карты, подбирая масть къ масти". Петръ въ 1714 г. предписалъ Сенату разобрать всѣ указы и изъ многихъ, противорѣчащихъ другъ другу, „выбрать приличные къ истинѣ и учинить на всякое дѣло одинъ указъ". Затѣмъ, при учрежденіи коллегій, Сенатъ также игралъ весьма видную роль, что явствуетъ изъ двухъ указовъ, изданныхъ въ 1718 г. На основаніи перваго изъ нихъ, Сенатъ долженъ былъ, имѣя въ виду шведскіе законы, составить регламенты и инструкціи для коллегій, при чемъ обо всемъ, что въ названныхъ законахъ оказалось бы „неудобнымъ или съ ситуаціей сего государства (т. е. Россіи) несходнымъ, о томъ разсуждать, разсмотрѣть и на мѣрѣ поставить". На основаніи второго указа, было предписано, разсмотрѣвъ предварительно регламенты въ коллегіяхъ, внести ихъ въ Сенатъ, гдѣ рѣшить спорныя дѣла, составить по поводу нихъ мнѣніе и „выписать" въ докладъ государю. Въ этомъ же году Петръ издалъ третій указъ (касавшійся реформы мѣстнаго управленія), которымъ предписалъ Сенату „выписывать изъ шведскихъ законовъ и шведскіе порядки спускать съ русскими обычаями, что можетъ быть по старому и что перемѣнить, то все ставить по мѣрѣ". Въ 1719 г. на Сенатъ, какъ уже извѣстно, была возложена обязанность составленія новаго Уложенія. Наконецъ, въ 1722 г. онъ долженъ былъ, примѣняясь къ Воинскому и Морскому уставамъ, составить уставъ о наказаніяхъ за государственныя преступленія и т. п.; 3) публикація законовъ, о чемъ было уже говорено прежде.

Послѣ смерти Петра въ положеніи Сената произошли большія измѣненія, а именно, съ учрежденіемъ въ 1726 г. Верховнаго тайнаго совѣта, значеніе Сената въ государственномъ управленіи крайне умалилось. Неудивительно поэтому, что Сенатъ отказался принять указъ объ учрежденіи совѣта, гордо заявивъ: „Сенатъ, оставаясь въ прежнемъ своемъ состояніи и до-

стоинствѣ, принять указа того не можетъ". Однако, въ виду вторичнаго предписанія со стороны императрицы, Сенатъ долженъ былъ подчиниться и признать совѣтъ, въ которомъ, по мнѣнію современниковъ иностранцевъ, сказался „шагъ къ перемѣнѣ формы правленія".

Съ этого момента начинается періодъ упадка Сената, что сказалось на всемъ характерѣ послѣдняго. Такъ, назначеніе сенаторовъ стало функціей совѣта, а должность генералъ-прокурора была фактически упразднена, въ виду перехода обязанностей послѣдняго къ совѣту, ставшему отнынѣ посредникомъ между Сенатомъ и государыней. Компетенція Сената была крайне сужена, такъ какъ всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла перешли въ руки совѣта, а съ теченіемъ времени масса неважныхъ дѣлъ также сосредоточилась въ немъ. Въ разрѣшеніи же оставшихся у Сената дѣлъ онъ оказывался далеко не самостоятельнымъ: такъ, денежныя выдачи онъ могъ производить не иначе, какъ по указамъ совѣта, затѣмъ былъ обязанъ представлять счеты и отчеты въ Ревизіонъ-коллегію и, наконецъ, изъ его вѣдѣнія были выдѣлены три первыя коллегіи и непосредственно подчинены совѣту. Что касается до судебныхъ функцій Сената, то и онѣ оказались крайне умаленными, такъ какъ права высшаго апелляціоннаго суда перешли къ совѣту. Сенатъ же сталъ одною изъ судебныхъ инстанцій, на рѣшенія которой можно было жаловаться въ совѣтъ, въ виду чего должность рекетмейстера оказалась упраздненной. Мало того, нѣкоторые приговоры Сената (напр., присуждавшіе къ смертной казни) нуждались въ утвержденіи со стороны совѣта. Подчиненное положеніе перваго въ отношеніи второго сказалось въ томъ, что Сенатъ получалъ отъ совѣта указы, а самъ посылалъ въ совѣтъ рапорты, какъ коллегіи. Мало-по-малу Сенатъ вполнѣ сравнялся съ коллегіями и фактически ничѣмъ не отличался отъ нихъ. Уже въ указѣ объ учрежденіи совѣта мы встрѣчаемся съ попыткой приравнять Сенатъ къ коллегіямъ („Сенатъ и *прочія* коллегіи остаются при своихъ уставахъ" гласилъ указъ). Затѣмъ обязательная отчетность предъ Ревизіонъ-коллегіей, призывъ сенаторовъ наравнѣ съ членами коллегій для объясненій въ совѣтъ и, наконецъ, крайнее ограниченіе компе-

тенціи Сената довершили названное приравненіе. Поэтому неудивительно, что современники, въ особенности иностранцы, считали Сенатъ за особую коллегію (см. у Бюшинга, гдѣ Сенатъ помѣщенъ въ числѣ коллегій и гдѣ ему „принадлежитъ управленіе государственнымъ хозяйствомъ, юстиціею и полиціею“) [1]). При такомъ упадкѣ Сената онъ, конечно, не могъ болѣе титуловаться „правительствующимъ“ и сталъ называться „высокимъ“. Итакъ, вотъ во что превратился Сенатъ, это—любимое дѣтище царя-реформатора, учрежденное имъ „вмѣсто собственной его царскаго величества персоны“!

По вступленіи на престолъ Анны Ивановны, когда партія шляхетства, стоявшая за самодержавіе, подала государынѣ свою извѣстную челобитную о воспріятіи послѣдняго, то она просила, между прочимъ, „чтобъ соизволили учинить вмѣсто Верховнаго тайнаго совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при его величествѣ Петрѣ I было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною“. Анна Ивановна исполнила желаніе шляхетства. Она уничтожила Верховный тайный совѣтъ, возвратила Сенату титулъ „правительствующій“, значительно расширила его компенцію, увеличила число сенаторовъ до 21, возстановила должности рекетмейстера и генералъ-прокурора, подчинила Сенату коллегіи и даже раздѣлила его на *пять* департаментовъ (впрочемъ, на практикѣ это дѣленіе не было осуществлено) [2]). Однако, съ учрежденіемъ Кабинета, который, по вѣрному выраженію указа, изданнаго впослѣдствіи Елисаветой Петровной (въ 1741 г.), „сочиненъ былъ въ равной силѣ, какъ Верховный тайный совѣтъ, и только одно имя перемѣнено“, наступилъ опять періодъ упадка Сената. Во-первыхъ, огромная масса дѣлъ, входившая прежде въ составъ компетенціи Сената, теперь была передана Кабинету, такъ что къ категоріи предметовъ вѣдомства перваго стали относиться однѣ только

---

[1]) Градовскій, Высшая администрація въ Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры.

[2]) Департаменты при Аннѣ Ивановнѣ отличались отъ департаментовъ при Екатеринѣ II тѣмъ, что сами не рѣшали никакихъ дѣлъ, а только подготовляли ихъ къ рѣшенію въ общемъ собраніи. При Екатеринѣ же II въ департаментахъ сосредоточивалось рѣшеніе массы дѣлъ, и въ общее собраніе поступали только такія дѣла, по которымъ не состоялось единогласнаго рѣшенія въ департаментахъ.

маловажныя дѣла; во-вторыхъ, Сенатъ наравнѣ съ коллегіями долженъ былъ ежемѣсячно представлять рапорты въ Кабинетъ „о производящихся въ немъ дѣлахъ для усмотрѣнія, безволокитно ли по онымъ рѣшенія бываютъ"; въ-третьихъ, Кабинетъ посылалъ въ Сенатъ, какъ и въ коллегіи, указы; въ-четвертыхъ, три первыя коллегіи были изъяты изъ вѣдѣнія Сената, а военная коллегія даже получила право въ нѣкоторыхъ случаяхъ не исполнять сенатскихъ указовъ. Единственно, что осталось за Сенатомъ, это—его титулъ „правительствующій", бывшій, однако, теперь совершенно не у мѣста.

Въ царствованіе Ивана Антоновича, когда правительницей, послѣ низверженія регентства Бирона, была мать малолѣтняго государя Анна Леопольдовна, упадокъ Сената достигъ апогея своего развитія. Въ это время была учреждена должность рекетмейстера при высочайшемъ дворѣ, которому можно было подавать жалобы на медленность рѣшенія дѣлъ Сенатомъ, „а тѣ коллегіи, канцеляріи и самый Сенатъ, читаемъ въ указѣ объ учрежденіи названной должности, которые челобитчиковъ въ указные сроки не удовольствовали, имѣютъ быть за нерадѣніе и волокиту штрафованы". Кромѣ того, въ это время Сенатъ долженъ былъ подавать о своей дѣятельности въ Кабинетъ уже не ежемѣсячные, но еженедѣльные рапорты.

Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны положеніе вещей сразу измѣнилось, и наступилъ золотой вѣкъ въ исторіи Сената. Вѣрная традиціямъ политики своего отца, Елисавета Петровна возстановила Сенатъ въ прежнемъ его значеніи и упразднила Кабинетъ. „Повелѣваемъ къ отвращенію бывшихъ до сего времени непорядковъ, читаемъ въ указѣ, изданномъ по этому поводу, въ правленіи государства слѣдующее: правительствующій нашъ Сенатъ да будетъ имѣть прежде бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ". Въ виду этого, Сенатъ снова сталъ во главѣ управленія государствомъ, фактически же, вслѣдствіе индифферентизма Елисаветы Петровны къ государственнымъ дѣламъ, пріобрѣлъ огромную власть. На это впослѣдствіи жаловалась Екатерина II, говоря князю Вяземскому, что „Сенатъ установленъ

для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ почти все и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ". По мнѣнію имп. Екатерины, подобный порядокъ вещей происходилъ, вслѣдствіе „неприлежанія къ дѣламъ нѣкоторыхъ моихъ предковъ". И дѣйствительно, власть Сената въ это время была огромна, онъ фактически являлся распорядителемъ всѣхъ судебъ государства, и никто не имѣлъ возможности ему противостоять.

До какой степени доходила эта власть, можно видѣть по тѣмъ примѣрамъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, диктаторскихъ мѣръ, которыя иногда примѣнялись Сенатомъ. Такъ, въ 1750 г. во время голода онъ велѣлъ описать весь хлѣбъ, имѣвшійся у помѣщиковъ, купцовъ и промышленниковъ для раздачи бѣднымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ помѣщикамъ винокуреніе, обязавъ ихъ не только кормить крестьянъ, но и снабдить ихъ сѣменами для посѣва. Затѣмъ въ 1754 г., ради сохраненія лѣсовъ, онъ предписалъ уничтожить всѣ, отстоявшіе отъ Москвы менѣе, чѣмъ нам 200 верстъ, хрустальные, стеклянные и желѣзные заводы; та же мѣра, но въ отношеніи Петербурга, была предпринята имъ въ 1759 г. Наконецъ, однажды, вслѣдствіе недостатка мѣди для чеканки монеты, онъ распорядился конфисковать половину наличной мѣди у частныхъ собственниковъ и т. п. Законодательное значеніе Сената въ это время также было огромно; фактически онъ сплошь да рядомъ фигурировалъ въ роли единственнаго субъекта законодательной власти, такъ какъ всѣ моменты составленія закона, съ санкціей послѣдняго включительно, сосредоточивались въ немъ. Такъ, въ 1742 г. онъ издалъ указъ, которымъ призналъ малолѣтними всѣхъ лицъ, не достигшихъ 17 лѣтъ, при чемъ освободилъ ихъ отъ пытки и смертной казни. Въ 1744 г. онъ предписалъ исполнять смертные приговоры только по утвержденіи ихъ самимъ. Въ 1757 г. онъ собственною властью смягчилъ тѣлесныя наказанія для женщинъ, предписавъ послѣднихъ, по наказаніи кнутомъ, ссылать въ Сибирь, не вырывая имъ ноздрей и не клеймя ихъ. Затѣмъ Сенатъ разрѣшилъ давать деньги въ долгъ на годовой срокъ, хотя банковый уставъ воспре-

тилъ занимать болѣе, чѣмъ на полгода, при чемъ, измѣняя такимъ образомъ дѣйствующій законъ, онъ мотивировалъ подобную мѣру широкими полномочіями, принадлежащими ему, измѣнять дѣйствующее законодательство. Наконецъ, Сенатъ широко пользовался правомъ толкованія законовъ, понимая крайне своеобразно это право (такъ, въ одномъ случаѣ онъ примѣнилъ къ Малороссіи Уложеніе, а не Литовскій статутъ, дѣйствовавшій тамъ) и т. п.

Само собою разумѣется, что въ царствованіе Елисаветы Петровны всѣ коллегіи были подчинены Сенату и, по свидѣтельству Екатерины II, „чрезъ такія великія гоненія нижнихъ мѣстъ, онѣ пришли въ столь великій упадокъ, что и регламентъ свой позабыли.....; раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется“.

Правда, въ концѣ разсматриваемаго царствованія была учреждена особая Конференція при высочайшемъ дворѣ, но она не имѣла ничего общаго ни съ Кабинетомъ, ни съ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, такъ какъ вѣдала исключительно одну иностранную политику. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что она сносилась съ Сенатомъ, какъ равная съ равнымъ, а именно экстрактами изъ протоколовъ засѣданій. Послѣдній же попрежнему вѣдалъ всю внутреннюю политику государства, о чемъ свидѣтельствуетъ указъ Елисаветы Петровны, изданный за два года до ея смерти, въ которомъ Сенатъ назывался „первымъ государственнымъ мѣстомъ по своей должности и по данной ему власти“.

Начало паденія столь огромнаго значенія Сената относится къ царствованію Петра III, когда, во-первыхъ, изъ его вѣдѣнія были изъяты обѣ военныя коллегіи и непосредственно подчинены особому Совѣту при высочайшемъ дворѣ и когда, во-вторыхъ, отъ Сената было отнято право законодательной санкціи, а именно ему было предписано указомъ 1762 г. „отнюдь не издавать въ публику такихъ указовъ, кои въ законъ или въ подтвержденіе прежнихъ служатъ, не представя напередъ намъ (т. е. государю) и не получа на то нашу апробацію“.

Екатерина II въ этомъ отношеніи продолжала политику своего супруга. Мы уже видѣли ея точку зрѣнія на значеніе Сената.

Къ этому необходимо прибавить, что она опасалась съ его стороны посягательства на свою власть [1]). „Можетъ быть, говорила она, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны, однакоже, я покамѣстъ жива, то останется, какъ долгъ велитъ; Россійская Имперія столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей“ Понятно, что политика Екатерины II въ отношеніи Сената была иная, чѣмъ у Елисаветы Петровны. Желая ослабить Сенатъ, она въ 1763 г. раздѣлила его на шесть департаментовъ, въ которыхъ и сосредоточилось рѣшеніе большинства дѣлъ, такъ что общее собраніе созывалось сравнительно рѣдко. Раздробивъ Сенатъ, она, кромѣ того, увеличила значеніе должности генералъ-прокурора путемъ передачи въ его непосредственное вѣдѣніе многихъ дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія Сената. Благодаря этой реформѣ, генералъ-прокуроръ сталъ настоящимъ министромъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ [2]). Затѣмъ всѣ коллегіи были освобождены изъ-подъ опеки Сената, а съ изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. и мѣстное управленіе было изъято изъ его вѣдѣнія, главнымъ образомъ вслѣдствіе учрежденія должности генералъ-губернаторовъ, непосредственно подчиненныхъ государынѣ.

Параллельно съ ограниченіемъ функцій Сената въ области управленія шло и умаленіе его значенія въ области законодательства. Такъ, указъ 1763 г. отнялъ у Сената право толкованія законовъ, предписавъ ему буквально примѣнять законы не измѣняя въ нихъ, „ни единой литеры“. Затѣмъ такая важная законодательная работа, какъ составленіе проекта новаго Уложенія была поручена особой комиссіи, въ которой Сенатъ, наравнѣ съ другими учрежденіями, представлялся однимъ депутатомъ. Наконецъ, съ учрежденіемъ Императорскаго совѣта въ 1769 г., всѣ законодательныя функціи Сената перешли непосредственно къ нему. Такимъ образомъ, единственный предметъ сенатскаго вѣдомства, не тронутый Екатериною II, былъ судъ, въ силу чего,

[1]) Какъ извѣстно, Панинъ желалъ ограничить власть государыни Сенатомъ.

[2]) Припомнимъ слова Державина: „злоупотребленіемъ законовъ генералъ-прокуроръ присвоилъ себѣ всю власть, такъ сказать, самодержавную“ (Градовскій, Высшая администрація въ Россіи въ XVIII в.).

къ концу разсматриваемаго царствованія Сенатъ, постепенно преобразился въ судебное учрежденіе по преимуществу.

Этотъ его характеръ еще болѣе усилился при Павлѣ I, когда для скорѣйшаго окончанія огромной массы нерѣшенныхъ дѣлъ, оставшихся отъ прошлаго царствованія (такихъ дѣлъ было: 11476 — въ департаментахъ и 360 — въ общемъ собраніи), всѣ административные департаменты Сената были преобразованы въ судебные. Павелъ I, усиливая судебный характеръ названнаго учрежденія, въ то время крайне умалилъ его значеніе въ качествѣ высшей судебной инстанціи. Такъ, онъ разрѣшилъ жаловаться на приговоры Сената непосредственно ему, въ силу чего сенатскія рѣшенія потеряли свой окончательный характеръ. Затѣмъ по нѣкоторымъ дѣламъ (напр., между казною и частными лицами) рѣшенія Сената должны были получать санкцію со стороны государя, въ противномъ случаѣ они не имѣли никакого юридическаго значенія. Такимъ образомъ, Сенатъ вступилъ снова въ періодъ упадка, столь картинно описанный въ запискѣ графа Завадовскаго, представленной имъ имп. Александру I. „Хотя отъ самой кончины Петра I, гласитъ записка, властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ, властвовать, но никогда толико не успѣли въ уничтоженіи Сената, какъ въ послѣдніе годы (при Павлѣ I). Безъ напряженія можемъ уподобить его немощному тѣлу въ такія времена, когда онъ не видѣлъ у себя предсѣдательствующими, государей и отношенія его къ нимъ шли не черезъ самихъ членовъ, а черезъ третьи руки. Сенатъ въ первый разъ подвергнутъ былъ въ своихъ рѣшеніяхъ апелляціи, подобно суднымъ мѣстамъ, и даже опубликованъ назначенный къ оной годовой срокъ. Слѣдствіемъ того было, что рекетмейстеръ, учрежденный Петромъ I для принятія въ Сенатъ прошенія на коллегіи, началъ принимать просьбы на Сенатъ и возвышенъ въ судью дѣламъ того правительства, которому былъ подчиненъ. По выбору и произволу прерывалась очередь теченія дѣлъ, и Сенатъ, объятый сильнымъ вліяніемъ на дѣла его, по нѣскольку разъ перевершивалъ свои рѣшенія. Се образъ порабощеннаго Сената, въ которомъ молчать было тяжко, говорить было бѣдственно“!..

Александръ I, вступивъ на престолъ, желалъ возстановить Сенатъ въ прежнемъ его значеніи, поэтому издалъ указъ 5 іюня 1801 г., въ которомъ предписалъ Сенату высказать въ особомъ докладѣ на имя государя желанія сенаторовъ касательно своихъ правъ и обязанностей. Указъ уже самъ намѣтилъ тотъ путь, по которому долженъ былъ итти Сенатъ въ этомъ докладѣ. „Уважая всегда правительствующій Сенатъ, гласилъ указъ, *яко верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ*, и зная, сколь много права и преимущества отъ государей, предковъ моихъ, ему присвоенныя, по времени и различнымъ обстоятельствамъ подверглися перемѣнѣ *къ ослабленію и самой силы закона*, всѣмъ управлять долженствующаго, *я желаю возстановить его на прежнюю степень*, ему приличную, и для управленія мѣстъ, ему подвластныхъ, толико нужную. И на сей конецъ требую отъ Сената, чтобъ онъ, собравъ, представилъ мнѣ докладомъ все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанности его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или ослабленіе оныхъ доселѣ введено было. Права сіи и преимущества правительствующаго Сената я намѣренъ поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ, и силою данной мнѣ отъ Бога власти потщусь подкрѣплять, сохранять и содѣлать его на вѣки непоколебимымъ".

Исполняя указъ государя, Сенатъ составилъ докладъ, начинавшійся словами: „о достопамятный указъ 5 Іюня, черезъ столѣтіе Александръ I съ Петромъ I встрѣчаются единомыслiемъ о правительствѣ, которое имѣло бы пространную власть и довѣренность своего государя и именемъ его дѣйствовало бы на всѣ дѣла Имперіи". Въ своемъ докладѣ Сенатъ ходатайствовалъ о возвращеніи ко временамъ Петра I и Елисаветы Петровны, прося о реставраціи прежняго своего значенія, правъ и преимуществъ. Сенатъ, читаемъ въ докладѣ, по основанію своему есть первое государственное правительство, снабженное отъ государя и законодателя силою и всею исполнительною властью, потому управляетъ всѣми гражданскими мѣстами въ Имперіи и высшей надъ собою власти не имѣетъ, кромѣ единой самодержавнаго государя. Должность и обязанность его—предохранять права и преимущества своего самодержца, соблюдать законы, пещись всемѣрно

о исполненіи воли и повелѣній государя, всякой вообще пользѣ народной и о теченіи законнаго правосудія повсемѣстно; изъ сихъ правъ изливается преимущество, чтобы повелѣнія его исполняемы были, какъ именные государя указы. По симъ правамъ принадлежитъ ему ходатайство у престола по всякимъ народнымъ нуждамъ, и, въ случаѣ потребъ государственныхъ, докладывая Имп. Величеству, прибавлять по статьямъ доходовъ необходимую прибавку платы или податей. Отъ сихъ поръ слѣдуетъ и то, что судъ и расправа верховнымъ образомъ принадлежитъ Сенату по входящимъ въ оный гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ".

Докладъ поступилъ на разсмотрѣніе, такъ называемаго, неоффиціальнаго комитета, собиравшагося во дворцѣ у Александра I и состоявшаго изъ нѣсколькихъ близкихъ къ нему людей (Кочубей, Новосильцевъ, Чарторыйскій, Строгановъ и др.). Послѣдніе, разсматривая его, сдѣлали противъ него немало возраженій, а Новосильцевъ представилъ даже цѣлое „донесеніе", въ которомъ высказался противъ дарованія Сенату законодательной и исполнительной власти. Новосильцевъ стоялъ за ограниченіе дѣятельности Сената одною только судебною сферою, но „такъ, чтобъ онъ пользовался судебною властью самымъ широкимъ образомъ, съ полною независимостью отъ опеки генералъ-прокурора".

Однако, государь не согласился съ мнѣніемъ комитета, въ силу чего 8 сентября 1802 г. состоялся указъ о возстановленіи правъ Сената. Послѣдній опредѣлялся въ указѣ, какъ „верховное мѣсто въ Имперіи, которому въ порядкѣ суда и управленія подчиняются всѣ другія присутственныя мѣста". Сенатъ, по словамъ указа, „какъ хранитель правосудія и законовъ, печется о повсемѣстномъ соблюденіи праваго суда. Онъ долженъ наблюдать за сборомъ податей и штатными расходами, имѣть попеченіе о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденія общаго спокойствія и тишины и прекращенія всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ". Затѣмъ Сенатъ получилъ право доклада государю о неудобствѣ вновь издаваемыхъ законовъ и, наконецъ, въ случаѣ какого-либо

конфликта съ генералъ-прокуроромъ, онъ пользовался правомъ переносить спорное дѣло на разсмотрѣніе государя, при чемъ, при разбирательствѣ его должна была присутствовать особая сенатская депутація. Съ учрежденіемъ министерствъ правительственное значеніе Сената не должно было умалиться, такъ какъ онъ получилъ право „разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять государю докладъ". Иначе говоря, Сенатъ получилъ право контроля и надзора надъ дѣятельностью министровъ, обязанныхъ представлять ему отчеты объ этой послѣдней.

Такимъ образомъ, повидимому, Сенатъ былъ возстановленъ во всемъ своемъ прежнемъ значеніи. Однако, на практикѣ, а затѣмъ de jure Сенатъ вскорѣ лишился этого значенія. Во-первыхъ, отчетность министровъ и контроль надъ ихъ дѣятельностью со стороны Сената продержались очень недолго, такъ какъ министры, стѣсняемые въ своей дѣятельности Сенатомъ, стали испрашивать на каждый отдѣльный случай высочайшія повелѣнія и дѣйствовать на основаніи ихъ; а такъ какъ высочайшія повелѣнія, само собою разумѣется, не подлежали контролю со стороны Сената то de facto названный контроль превратился въ одну формальность и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ указа 8 сент. 1802 г. былъ уничтоженъ. Во-вторыхъ, съ учрежденіемъ должности государственнаго контролера, отчетность предъ Сенатомъ въ расходѣ штатныхъ суммъ также вышла изъ употребленія. Въ-третьихъ, правительственно-административная дѣятельность Сената была узурпирована комитетомъ министровъ, ставшимъ вскорѣ послѣ своего учрежденія, во главѣ всего государственнаго управленія. Въ-четвертыхъ, право Сената представлять государю о неудобствѣ вновь издаваемыхъ законовъ было истолковано въ томъ смыслѣ, что Сенатъ можетъ дѣлать такія представленія касательно только *старыхъ* законовъ. Наконецъ, въ-пятыхъ, у Сената было отнято право посылать депутацію къ государю при разбирательствѣ послѣднимъ столкновеній Сената съ генералъ-прокуроромъ. Та-

кимъ образомъ, въ самомъ скоромъ времени послѣ реставраціи Сената, онъ снова превратился въ учрежденіе по преимуществу судебнаго характера, при чемъ рѣшенія его съ 1812 г. могли быть обжалованы въ Государственномъ совѣтѣ, ставшимъ, такимъ образомъ, высшимъ апелляціоннымъ судомъ.

Одно время можно было думать, что снова произойдетъ реставрація Сената въ его прежнихъ правахъ. Это случилось тогда когда Сперанскій внесъ свой извѣстный планъ государственнаго устройства на разсмотрѣніе Государственнаго совѣта. Въ основу плана была положена теорія Монтескье о раздѣленіи властей, въ силу чего законодательная власть должна была сосредоточиться въ Государственномъ совѣтѣ, исполнительная—въ министерствахъ, подъ контролемъ Сената и судебная—въ Сенатѣ. По плану послѣдній дѣлился на правительственный и судебный. Правительственный состоялъ изъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ государственнаго канцлера, судебный—изъ лицъ, отчасти назначенныхъ государемъ, отчасти избранныхъ дворянствомъ.

При разсмотрѣніи плана въ Государственномъ совѣтѣ, было сдѣлано много возраженій противъ него, сущность которыхъ состояла въ слѣдующемъ: 1) „перемѣна учрежденія, великими монархами установленнаго и цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ печальное впечатлѣніе на умы“; 2) „раздѣленіе Сената умалитъ его важность“ и 3) „назначеніе части сенаторовъ по выбору противно разуму самодержавнаго правленія и скорѣе обратится во вредъ, нежели въ пользу“. Однако, несмотря на эти возраженія, планъ былъ утвержденъ государемъ и не былъ осуществленъ только, вслѣдствіе паденія Сперанскаго.

Подобные же планы о раздѣленіи Сената разсматривались и въ царствованіе имп. Николая. Изъ нихъ болѣе любопытенъ планъ князя Лобанова-Ростовскаго, по которому Сенатъ дѣлился на три учрежденія, а именно: 1) законодательный Сенатъ, бывшій ничѣмъ инымъ, какъ преобразованнымъ Государственнымъ совѣтомъ, 2) правительственный Сенатъ, составленный изъ комитета министровъ и перваго департамента Сената и 3) судебный Сенатъ, составленный изъ остальныхъ департаментовъ Сената.

Однако, изъ всѣхъ этихъ плановъ ничего не вышло, и Сенатъ попрежнему оставался по преимуществу судебнымъ учрежденіемъ. Этотъ его судебный характеръ былъ еще усиленъ реформою 1864 г., учредившей кассаціонные департаменты Сената, благодаря которымъ послѣдній сталъ высшимъ кассаціоннымъ судомъ.

Совѣты при особѣ государя. Въ продолженіе всего императорскаго періода постоянно чувствовалась потребность въ особомъ учрежденіи, которое, во-первыхъ, состояло бы при государѣ, помогая ему осуществлять всѣ функціи государственнаго управленія и, во-вторыхъ, являлось бы посредствующимъ звеномъ между государемъ и Сенатомъ. Потребность въ подобномъ учрежденіи вполнѣ сознавалась людьми XVIII ст., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ историческая записка фельдмаршала Миниха, представленная имъ Екатеринѣ II и изданная покойнымъ М. И. Семевскимъ. Минихъ доказываетъ въ своей запискѣ рядомъ историческихъ фактовъ необходимость учрежденія особаго совѣта, который былъ бы соединительнымъ звеномъ между государемъ и Сенатомъ[1]). И дѣйствительно доказательствомъ присутствія потребности въ названномъ учрежденіи служитъ фактъ существованія всевозможныхъ совѣтовъ при особѣ государя какъ въ XVIII, такъ и въ XIX ст.

Первымъ такимъ учрежденіемъ былъ *Верховный тайный совѣтъ*, о которомъ намъ приходилось уже неоднократно говорить. Въ составъ совѣта входили лица по назначенію отъ государя, при чемъ совѣтъ вѣдалъ всѣ отрасли государственнаго управленія, суда и законодательства, какъ о томъ свидѣтельствуютъ протоколы разсматриваемаго учрежденія, издаваемые Русскимъ Историческимъ обществомъ подъ редакціей академика Дубровина. Было уже сказано, что совѣтъ, съ одной стороны, узурпировалъ права Сената, а съ другой стороны, ограничилъ власть государя. Наконецъ, въ 1730 г., послѣ неудачной попытки стать во главѣ государства онъ былъ уничтоженъ.

---

[1]) По мнѣнію Миниха, совѣтъ долженъ „наполнять пустоту между верховною властью и Сенатомъ". „Благо государства, писалъ Минихъ, требуетъ, чтобы громадное разстояніе, существующее между высшей властью и властью Сената, было восполнено учрежденіемъ совѣта" (Записки Миниха).

Однако, на его мѣстѣ былъ вскорѣ учрежденъ, такъ называемый, *кабинетъ министровъ*, просуществовавшій до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Мы уже говорили, что въ сущности Кабинетъ ничѣмъ не отличался отъ Верховнаго тайнаго совѣта, пользуясь такимъ же огромнымъ значеніемъ въ области государственнаго управленія, какъ и совѣтъ. Кабинетъ, по словамъ указа, учредившаго его, былъ установленъ „для лучшаго и порядочнаго управленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ и пользы подданныхъ“, въ силу чего онъ получилъ (опять на счетъ Сената) самыя широкія полномочія въ области законодательства, администраціи и суда. Достаточно сказать, что указъ, подписанный тремя кабинетъ-министрами, приравнивался по силѣ дѣйствія къ именному указу. Въ отличіе отъ совѣта, Кабинетъ во время регентства Анны Леопольдовны былъ раздѣленъ на три департамента, хотя рѣшающій голосъ остался за общимъ собраніемъ. Затѣмъ въ концѣ царствованія Анны Ивановны нерѣдко происходили соединенныя засѣданія Кабинета и Сената, при чемъ сенаторы въ такихъ случаяхъ пользовались одинаковымъ правомъ голоса съ кабинетъ-министрами. Впрочемъ, въ царствованіе Ивана Антоновича такія совмѣстныя засѣданія изчезли. Кабинетъ былъ упраздненъ Елисаветою Петровною.

Взамѣнъ его она учредила особую *Конференцію при высочайшемъ дворѣ*, которая, хотя и не имѣла значенія Кабинета, но была поставлена въ независимое положеніе относительно Сената, что видно изъ факта сношеній ея съ Сенатомъ экстрактами изъ протоколовъ засѣданій, излагавшихъ *мнѣнія* Конференціи. Послѣдняя вѣдала иностранную политику и отчасти военныя дѣла.

При Петрѣ III взамѣнъ Конференціи былъ учрежденъ *Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ*, „чтобы многія наши къ пользѣ и къ славѣ Имперіи нашей и къ благополучію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ принятыя намѣренія наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли“. Совѣтъ вѣдалъ военныя дѣла, въ силу чего ему были подчинены обѣ военныя коллегіи. Затѣмъ указъ, подписанный членами Совѣта, приравнивался по силѣ дѣйствія къ именному указу. Совѣтъ былъ упраздненъ Екатериною II.

При вступленіи послѣдней на престолъ, существовалъ проектъ создать особый императорскій совѣтъ, долженствовавшій до нѣкоторой степени ограничить власть государыни [1]) (раньше было уже сказано, что такой же проектъ существовалъ и относительно Сената). Въ составъ Совѣта должны были войти шесть членовъ, носившихъ названіе императорскихъ совѣтниковъ, изъ которыхъ четверо получали названіе „штатскихъ“ министровъ: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, военный и морской. Совѣтъ являлся, главнымъ образомъ, законодательнымъ учрежденіемъ, въ силу чего „всякое новое узаконеніе, актъ, постановленіе, манифестъ, грамоты и патенты, которые государь самъ подписываетъ, должны быть контрасигнированы тѣмъ штатскимъ министромъ, по департаменту котораго то дѣло производилось, дабы тѣмъ публика оное отличать могла“. Однако, въ виду ограниченія власти государыни со стороны совѣта, проектъ не былъ утвержденъ Екатериной, тѣмъ болѣе, что встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны многихъ лицъ (подробности см. у Соловьева т. XXV, стр. 174) [2]).

Но высказавшись противъ ограниченія своей власти совѣтомъ, императрица вполнѣ сознавала необходимость въ подобномъ учрежденіи, почему въ 1768 г., по случаю войны съ Турціей, учредила, такъ называемый, *Императорскій совѣтъ*. Первоначально онъ имѣлъ временной характеръ, какъ то видно изъ манифеста, учредившаго его. Совѣтъ былъ организованъ, „дабы, по причинѣ теперешнихъ военныхъ обстоятельствъ, ни въ которой части, къ тому принадлежащей, ничего проронено не было, что служить можетъ къ безопасности имперіи, и дабы скорѣйшія сношенія установить между политическихъ, военныхъ и казенныхъ мѣстъ“.

---

[1]) По словамъ Ратынскаго, Панинъ желалъ создать такой порядокъ вещей, который, „оставляя верховную власть въ принципѣ самодержавною, давалъ бы возможность нѣсколькимъ сановникамъ имѣть вліяніе на ея рѣшенія и тѣмъ самымъ ее ограничивать“ (Русскій Архивъ 1886 г., XXIV).

[2]) См., напр., возраженія генералъ-фельдцейхмейстера Вильбуа. „Мнѣ кажется, писалъ онъ, что составитель проекта (совѣта), подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ“ (Соловьевъ, т. XXV, стр. 182).

Вначалѣ онъ учреждался только на время войны, „чтобъ имѣть какъ разсужденіе, такъ и дѣйствіе, дабы ничего не было упущено къ оборонѣ и безопасности государства, также къ военнымъ дѣйствіямъ“. Однако, уже со слѣдующаго 1769 г. совѣтъ превратился въ постоянное учрежденіе и, какъ видно изъ журналовъ его засѣданій, изданныхъ покойнымъ Калачевымъ подъ названіемъ „Архивъ Государственнаго Совѣта“, сталъ во главѣ всего государственнаго управленія хотя и не ограничивалъ власти государыни, такъ какъ имѣлъ строго совѣщательный характеръ. Черезъ совѣтъ прошли всѣ болѣе или менѣе важные законодательные памятники, изданные Екатериною II, напр.: Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., уставъ благочинія 1782 г., манифестъ о горныхъ промыслахъ, Жалованныя грамоты дворянству и городамъ 1785 г. и др. Одновременно съ этимъ совѣтъ игралъ весьма важную роль и въ области администраціи. Такъ, онъ принималъ всевозможныя мѣры для благополучнаго окончанія войны съ Турціей, для подавленія пугачевскаго бунта, для прекращенія моровой язвы и т. п. Въ составъ его входили вначалѣ семь членовъ, затѣмъ гораздо больше, при чемъ всѣ они назначались императрицею, принимавшею самое дѣятельное участіе въ трудахъ совѣта.

Послѣдній продолжалъ свое существованіе и въ царствованіе Павла I, хотя значеніе его было крайне умалено, во-первыхъ, потому, что за нимъ осталась только одна функція, а именно цензура, всѣ же остальныя болѣе не входили въ составъ его компетенціи [1]), во-вторыхъ, потому, что государь почти не присутствовалъ на его засѣданіяхъ (за это все время своего царствованія Павелъ былъ только на одномъ засѣданіи, въ то время, какъ Екатерина II присутствовала на 63 засѣданіяхъ) и, въ-третьихъ, потому, что онъ созывался крайне рѣдко (во все царствованіе Павла онъ былъ созванъ только 143 раза, въ то время, какъ при Екатеринѣ II онъ засѣдалъ 1597 разъ).

Со вступленіемъ на престолъ Александра I совѣтъ былъ упраздненъ, въ виду того, что, „бывъ рѣдко занимаемъ предме-

[1]) Впрочемъ, въ началѣ царствованія имп. Павла онъ вѣдалъ еще и другія дѣла.

тами существенными, доселѣ носилъ одно имя государственнаго установленія безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя". Взамѣнъ же его, по плану извѣстнаго Трощинскаго, былъ учрежденъ 30 Марта 1801 г., такъ называемый, *Непремѣнный совѣтъ*, какъ „мѣсто, установленное при Его Имп. Величествѣ для обсужденія и уваженія дѣлъ государственныхъ". Въ составъ его входили „особы, довѣренностью государя и общею почтенныя". Что касается до компетенціи совѣта, то она была опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „предметъ разсужденій совѣта составляетъ все, что принадлежитъ къ государственнымъ постановленіямъ временнымъ или кореннымъ и непреложнымъ" (т. е. законодательныя функціи). Въ виду этого, цѣлью совѣта должно было быть слѣдующее: „поставить силу и блаженство Всероссійской Имперіи на незыблемомъ основаніи закона". Для достиженія же этой цѣли совѣтъ, согласно данному ему наказу, долженъ былъ пересмотрѣть всѣ законы и начертать преты перемѣнъ и исправленій, имѣя въ виду „любовь къ человѣчеству и всеобщему порядку", а также, „чтобы новыми законами вдохнуть жизнь и бодрость во всѣ низшія состоянія людей, обращая покровительство закона на земледѣліе, мануфактуры, промысла, ремесла и на торговлю, какъ первые источники силы государственной". Наконецъ, совѣтъ долженъ былъ „отличивъ просвѣщеніе истинное отъ ложнаго, постановить твердыя начала къ возрожденію перваго и къ уклоненію отъ втораго". Однако, несмотря, на этотъ наказъ, совѣтъ ровно ничего не сдѣлалъ и вскорѣ, подобно павловскому совѣту, потерялъ всякое значеніе. Произошло это, вслѣдствіе того. что всѣ права совѣта были узурпированы Комитетомъ министровъ, который, благодаря постоянному присутствію на его засѣданіяхъ государя, фактически сталъ во главѣ государственнаго управленія, увеличивъ свою власть на счетъ совѣта и Сената.

Такой порядокъ вещей продолжался до тѣхъ поръ, пока на дѣла управленія не пріобрѣлъ огромнаго вліянія Сперанскій, ставшій въ полномъ смыслѣ этого слова правою рукою государя. Онъ пришелъ къ сознанію необходимости преобразовать все государственное устройство и началъ съ совѣта. Было уже сказано,

что въ основу своего плана онъ положилъ теорію Монтескье и, сообразно съ нею, для осуществленія законодательной власти, создалъ особое учрежденіе, получившее названіе *Государственнаго совѣта*. Послѣдній былъ торжественно открытъ 1 января 1810 г., при чемъ Александръ I произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ сущность новаго учрежденія. „Мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ, сказалъ государь, никогда меня не оставляла; я всегда желалъ, чтобъ благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ, такъ какъ лица умираютъ и одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государствъ; я имѣю удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій: Государственный совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія; бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу Имперіи принадлежащихъ".

На основаніи Учрежденія или „Образованія" совѣта, компетенція его была опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, соображаются и чрезъ него восходятъ къ верховной императорской власти. Посему всѣ законы, уставы и учрежденія, въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному ихъ совершенію. Никакой новый законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти". Къ этимъ предметамъ совѣта (говоритъ біографъ Сперанскаго, баронъ Корфъ), обнимавшимъ собственно законодательную часть, еще были присоединены и нѣкоторые другіе, какъ-то: 1) общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ; 2) объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, „когда, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію"; 3) ежегодныя смѣты государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ въ теченіе года и

чрезвычайныя финансовыя мѣры; 4) отчеты всѣхъ министерствъ въ управленіи ввѣренными имъ частями. Съ теченіемъ времени функціи Государственнаго совѣта расширились еще болѣе. Такъ, въ 1812 г. онъ получилъ права высшаго апелляціоннаго суда, узурпированныя имъ на счетъ Сената.

Государственный совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре департамента: законовъ, военныхъ дѣлъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи, при чемъ по нѣкоторымъ дѣламъ департаменты постановляли окончательное рѣшеніе [1]), по всѣмъ же остальнымъ дѣламъ рѣшеніе департамента вносилось на разсмотрѣніе общаго собранія.

Было уже сказано, что первоначально Государственный совѣтъ до нѣкоторой степени ограничивалъ власть государя, благодаря извѣстной формулѣ „внявъ мнѣнію совѣта“. Впрочемъ, эта формула была уничтожена въ 1842 г.

Сперанскій придавалъ огромное значеніе учрежденному по его иниціативѣ совѣту. Вотъ, что писалъ онъ, напр., въ отчетѣ, представленномъ государю, за 1810 г.: „излишне было бы изображать здѣсь пользу сего установленія; приводя его въ движеніе и поддерживая личнымъ Вашимъ дѣйствіемъ. Ваше Величество, лучше другихъ можете объять все его вліяніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы не были разсматриваемы съ большею зрѣлостью, какъ нынѣ, никогда государю самодержавному не представляли истины съ большею свободою, такъ какъ и никогда, должно сознаться, самодержецъ не внималъ ей съ большимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ“.

Св. Синодъ. Мотивы и цѣли учрежденія Синода и замѣны имъ патріаршеской власти изложены въ Духовномъ регламентѣ,

[1]) А именно: дѣла, „заключающія въ себѣ изъясненія точнаго разума существующихъ законовъ и приложеніе ихъ къ частнымъ случаямъ и не предполагающія новаго закона, устава, или учрежденія ни отмѣны прежнихъ постановленій или дополненія ихъ.

бывшемъ, какъ уже сказано, учредительнымъ актомъ духовной коллегіи, переименованной впослѣдствіи въ Св. Синодъ. Петръ, преобразуя Московское государство по образцу существовавшаго въ то время на Западѣ, такъ называемаго, полицейскаго государства и будучи сторонникомъ теоріи просвѣщеннаго деспотизма, съ нѣкоторыми адептами которой (напр., съ Лейбницемъ) онъ даже находился въ близкихъ отношеніяхъ, естественно ставилъ очень высоко абсолютную власть государя, относясь крайне недружелюбно ко всему тому, что хотя до нѣкоторой степени ограничивало эту власть. Кромѣ того, совершая свою радикальную реформу всего государственнаго и общественнаго строя древней Россіи и видя упорную, хотя и пассивную, оппозицію своей преобразовательной дѣятельности со стороны населенія, естественно не могъ сочувствовать такимъ сторонамъ московской государственной жизни, которыя могли служить, если не преградой, то во всякомъ случаѣ и до извѣстной степени препятствіемъ свободному отправленію функцій со стороны верховной власти. Такимъ препятствіемъ былъ, между прочимъ, институтъ патріаршества, причинившій не мало хлопотъ еще отцу Петра, царю Алексѣю Михайловичу въ его борьбѣ съ извѣстнымъ Никономъ. Затѣмъ оппозиція духовенства реформѣ, вызвавшая столь рѣзкія слова со стороны государя: „о бородачи, отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ, а мнѣ приходится имѣть дѣло съ тысячами, многому злу корень—старцы и попы“, и, наконецъ, нелюбовь Петра ко всему тому, что напоминало ему „папежскій духъ“, заставили его покончить съ патріаршествомъ. „Отъ единаго собственнаго правителя духовнаго можно опасаться отечеству мятежей и смущенія, гласитъ Духовный регламентъ, ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство“. При такомъ взглядѣ на патріарха, какъ на лицо, облеченное властью, равною монаршей (читаемъ въ Духовномъ регламентѣ), въ случаѣ конфликта между государемъ и патріархомъ, „простыя сердца“ (синонимъ

„простаго народа“) „духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ окоянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ“. Этимъ пользуются „коварные человѣцы“, враждующіе на своего государя, и подстрекаютъ простой народъ къ подобному беззаконію“. Такимъ образомъ, первый мотивъ уничтоженія патріаршества заключался въ чрезмѣрной власти патріарха, являвшейся опасной для цѣлости и спокойствія государства.

Но, кромѣ этого мотива былъ и другой. Петръ, отчасти подъ вліяніемъ Лейбница, былъ большой сторонникъ коллегіальной системы управленія, считая ее гарантіей противъ произвола и многихъ другихъ злоупотребленій, между тѣмъ патріаршеская власть являлась вполнѣ единоличной, „а въ единой персонѣ, по словамъ регламента, не безъ страсти бываетъ, къ тому жъ не наслѣдственная власть“; не говоря уже о томъ, что „въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнью, а когда въ живыхъ не станетъ его, то и паче пресѣщаются дѣла“. Въ виду всего этого, составитель регламента высказывается за примѣненіе къ управленію духовными дѣлами „лучшей и совершеннѣйшей“ формы управленія, какою является коллегіальная или соборная форма. Этою послѣднею „извѣстнѣе взыскуется истина, нежели единымъ лицомъ“, такъ какъ, „что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другой, а чего не увидитъ сей, то онъ увидитъ, и тако вещь сумнительная и извѣстнѣе и скорѣе объяснится, и какого требуетъ опредѣленія, не трудно покажется“. Кромѣ того, „и сила въ опредѣленіи дѣла у соборнаго правительства большая есть, понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ“. Наконецъ, „въ коллегіумѣ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству и лихоимному суду“. Такимъ образомъ преимущества коллегіальной власти надъ единоличной были другимъ мотивомъ уничтоженія патріаршества и замѣны его духовной коллегіей, впослѣдствіи Синодомъ, организація, компетенція и дѣлопроизводство котораго были опредѣлены въ Духовномъ регламентѣ.

Поводомъ учрежденія Синода послужила смерть патріарха Адріана. Впрочемъ, вначалѣ Петръ распорядился только не избирать новаго патріарха, а взамѣнъ его учредилъ должность „мѣстоблюстителя патріаршаго престола“, на которую назначилъ Стефана Яворскаго. Послѣдній долженъ былъ управлять церковными дѣлами совмѣстно съ освященнымъ соборомъ, въ составъ котораго поочереди входили всѣ митрополиты, архіепископы и епископы. Такимъ образомъ этотъ соборъ отличался отъ московскаго церковнаго собора, во-первыхъ, тѣмъ, что засѣдалъ постоянно и, во-вторыхъ, тѣмъ, что состоялъ изъ очередныхъ высшихъ духовныхъ чиновъ, а не изъ всѣхъ, какъ въ Москвѣ. Иначе говоря, названный соборъ являлся ничѣмъ инымъ, какъ прообразомъ Синода, составляя промежуточное звено между послѣднимъ и древнерусскимъ церковнымъ соборомъ. Такъ продолжалось до 1720 г., когда былъ изданъ Духовный регламентъ, учредившій духовную коллегію, вскорѣ переименованную въ Святѣйшій, правительствующій Синодъ.

Составъ послѣдняго былъ организованъ по образцу остальныхъ коллегій, а именно: Синодъ состоялъ изъ 12„ правительствующихъ особъ“, назначавшихся государемъ изъ митрополитовъ, архимандритовъ и игуменовъ, при чемъ упомянутые духовные чины обязаны были поочереди исполнять обязанности синодальныхъ членовъ, состоя въ числѣ названныхъ 12 „особъ“. Эти послѣднія образовывали присутствіе Синода, состоявшее изъ президента, двухъ вице-президентовъ и опредѣленнаго количества совѣтниковъ и ассесоровъ. Президентъ назначался государемъ, при чемъ былъ только предсѣдателемъ, а не начальникомъ Синода. Выясненію роли президента Петръ удѣлилъ не мало мѣста въ регламентѣ. „Имя это, читаемъ въ послѣднемъ, не гордое есть, оно ничто иное означаетъ, какъ только предсѣдателя, и поэтому онъ не можетъ помышлять о себѣ высоко; на немъ нѣтъ великія и народъ удивляющія славы, нѣтъ лишенія свѣтлости и позора, а потому ни самъ онъ, если бы пожелалъ, не можетъ возноситься безмѣрными похвалами, ни ласкатели его не могутъ этого сдѣлать, потому что не имѣютъ нужныхъ для достиженія цѣли средствъ въ своемъ распоряженіи“.

При Синодѣ, какъ и при Сенатѣ, было учреждено нѣсколько должностей. Такъ, при немъ вначалѣ существовали фискалы, называвшіеся инквизиторами, съ протоинквизиторомъ во главѣ. Затѣмъ они были уничтожены и вмѣсто нихъ появилась должность оберъ-прокурора, имѣвшая столь важное значеніе въ послѣдующихъ судьбахъ Синода. Наконецъ, при Синодѣ состоялъ оберъ-секретарь, въ качествѣ начальника синодальной канцеляріи.

Въ составъ компетенціи Синода входили административныя, судебныя и законодательныя дѣла, касающіяся церкви и духовенства. Такъ, къ *административнымъ* функціямъ Синода должны быть отнесены слѣдующія дѣла: 1) наблюденіе за чистотою вѣры („здѣ наблюдать подобаетъ,—гласитъ духовный регламентъ,—аще все правильно и по закону христіанскому дѣется и аще, что оному противно обрѣтается, и нѣсть ли скудости въ наставленіи, христіанину всякому подобающемъ"), въ силу чего на немъ лежали слѣдующія обязанности: истолкованіе догматовъ вѣры, искорененіе ересей, наблюденіе за чистотою обрядовъ, забота о религіозномъ просвѣщеніи народа и т. п.; 2) надзоръ за церковнымъ управленіемъ, органы котораго были непосредственно подчинены Синоду; 3) назначеніе духовныхъ лицъ на мѣста и должности, 4) попеченіе о матеріальномъ положеніи церкви и т. п.

Что касается до *судебныхъ* функцій Синода, то онѣ заключались въ разсмотрѣніи: 1) преступленій противъ вѣры („дѣла богохульныя, еретическія, раскольныя и волшебныя"); 2) преступленій противъ семейственнаго права, напр., дѣла о бракахъ, заключенныхъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и свойства или же совершенныхъ посредствомъ принужденія, и 3) нѣкоторыя уголовныя преступленія духовныхъ лицъ, напр., при обвиненіи „въ брани, въ бою, въ кражѣ, въ обидахъ и въ безчестіяхъ". Впрочемъ, всѣ эти дѣла входили въ составъ юрисдикціи Синода только при наличности факта „самоизвольности" сознанія со стороны подсудимаго; если же онъ не сознавался, и приходилось прибѣгать къ пыткѣ, въ такомъ случаѣ дѣло переносилось на разсмотрѣніе Сената. Въ противномъ случаѣ Синодъ рѣшалъ названныя дѣла, въ качествѣ высшаго апелляціоннаго суда.

Наконецъ, степень *законодательной* власти Синода (по крайней мѣрѣ до 1722 г.), находилась въ зависимости отъ факта присутствія государя въ столицѣ или въ предѣлахъ государства или отсутствія его изъ нихъ. Въ первомъ случаѣ Синодъ, участвуя въ законодательной дѣятельности по духовнымъ дѣламъ, не пользовался правомъ санкціи закона, принадлежавшимъ исключительно государю. „Должна же есть сія коллегія, — гласитъ Духовный регламентъ, — новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи, однакожъ дѣлать сіе должна коллегія не безъ нашего соизволенія“. Во второмъ случаѣ Синодъ пользовался бо̀льшими правами, а именно: „буде въ отлученіи нашемъ (читаемъ далѣе въ регламентѣ), такое дѣло случится, а обождать до прибытія нашего будетъ невозможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать и потомъ публиковать“. Изъ цитированнаго мѣста регламента видно, что Синодъ въ отсутствіи государя пользовался меньшими законодательными правами, чѣмъ Сенатъ, такъ какъ онъ обязательно долженъ былъ совѣщаться съ Сенатомъ и издавать законъ не иначе, какъ совмѣстно съ нимъ. Напротивъ, Сенатъ дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ вполнѣ самостоятельно и совѣщался съ Синодомъ только при изданіи такихъ „генеральныхъ опредѣленій, въ чемъ и синодская команда заключается“, т. е. касающихся компетенціи Синода. Съ 1722 г. государь предписалъ въ случаѣ своего отсутствія „рѣшать Синоду обще съ Сенатомъ до нашей апробаціи“, т. е. „подписавъ всѣмъ, чинить, но не печатать, ниже утверждать по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оное апробовано будетъ“.

Разсматривая юридическое положеніе Синода, необходимо констатировать фактъ крайней неопредѣленности этого послѣдняго. Съ одной стороны, Синодъ является преемникомъ власти патріарха, на что указываетъ его титулъ „святѣйшій“. Мало того, власть Синода считается даже большею, чѣмъ патріарха. Вотъ что, напр., читаемъ въ одномъ предписаніи самого Синода: „Синоду честь изъяснять безъ всякаго умаленія и повиноватися ему во всемъ безпрекословно, понеже оный Синодъ имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую или *едва ли и не большую, понеже соборъ есть*“. Самъ Петръ говорилъ въ одной изъ своихъ гра-

мотъ, что „заблагоразсудили мы установить со властью равнопатріаршескою духовный Синодъ". Затѣмъ послѣдній ставился въ равноправное положеніе съ Сенатомъ, на что, между прочимъ, указывалъ его титулъ „правительствующій" и многіе акты, опредѣлявшіе его юридическое положеніе. „Повелѣваемъ всѣмъ, — гласитъ, напр., Духовный регламентъ, — всякаго чина духовнымъ и мірскимъ имѣть Синодъ за важное и сильное правительство". До насъ дошелъ также слѣдующій отвѣтъ Петра на докладные пункты Синода о формѣ сношеній его съ Сенатомъ и съ коллегіями: „въ Сенатъ сноситься вѣдѣніемъ и за подписаніемъ всѣхъ (т. е. какъ равный съ равнымъ), а въ коллегіи такъ, какъ изъ сената пишутъ, и за подписаніемъ только секретарскимъ" (опять равенство съ Сенатомъ). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о слѣдующихъ словахъ указа 1722 г., вполнѣ подтверждающихъ мнѣніе о равноправности Синода съ Сенатомъ: „понеже Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ Сенатъ въ гражданскомъ, того ради респектъ и послушаніе ему равное отдавать надлежитъ".

И вдругъ оказывается, съ другой стороны, что Синодъ „есть коллегія, какъ и прочія коллегіи" и, въ силу этого, права его далеко не одинаковы съ Сенатомъ. Такъ, мы уже видѣли неравноправность его положенія съ послѣднимъ въ области законодательства во время отсутствія государя. Но подобная неравноправность существовала и въ присутствіи государя, такъ какъ всякіе докладные пункты Синода по законодательнымъ дѣламъ, прежде представленія ихъ Петру, должны были проходить черезъ Сенатъ, гдѣ подвергались обсужденію. Наконецъ, публикація синодскихъ указовъ являлась функціей Сената. Точно также и въ области суда Синодъ не былъ равноправенъ съ Сенатомъ, на что уже было указано выше. Не пользовался онъ равноправностью и въ области администраціи, такъ какъ многія его мѣры въ этой отрасли управленія нуждались въ утвержденіи со стороны Сената и могли быть имъ кассированы. Затѣмъ осуществленіе этихъ мѣръ на практикѣ опять таки являлось исключительной функціей Сената. Эта неопредѣленность юридическаго положенія Синода крайне вредно отразилась на его судьбахъ послѣ смерти Петра.

Съ учрежденіемъ Верховнаго тайнаго совѣта, Синодъ сдѣлалъ было попытку стать выше Сената, находившагося въ то время въ періодѣ упадка, подавъ императрицѣ докладъ о необходимости сноситься ему „вѣдѣніемъ“ съ совѣтомъ и „указами“ съ Сенатомъ. Но императрица не утвердила доклада, и Синодъ наравнѣ съ Сенатомъ былъ подчиненъ совѣту. Вскорѣ послѣ того, онъ былъ раздѣленъ на два „аппартамента“ (т. е. департамента), при чемъ въ составъ перваго вошли шесть духовныхъ лицъ, а въ составъ второго свѣтскія лица. Первый вѣдалъ духовныя дѣла, второй административно-хозяйственныя, въ силу чего и сталъ называться коллегіей экономіи. Одновременно съ этимъ было видоизмѣнено названіе членовъ духовнаго департамента: они стали называться членами и присутствующими въ Синодѣ, при чемъ президентъ былъ переименованъ въ первоприсутствующаго. Постепенно Синодъ пришелъ въ состояніе такого же упадка, какъ и Сенатъ, что, между прочимъ, выразилось въ лишеніи его титула „правительствующій“ и въ полной эмансипаціи изъ подъ его власти коллегіи экономіи. Правда, Елисавета Петровна возстановила прежнее значеніе Синода, но при Екатеринѣ II онъ снова былъ значительно ограниченъ въ своихъ правахъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе возстановленія коллегіи экономіи (упраздненной Елизаветой Петровной) и подчиненія ея непосредственно Сенату и императрицѣ. Независимость коллегіи выразилась также и въ томъ, что по многимъ дѣламъ она получила право „по довѣренности нашей (т. е. государыни) къ ней, сама своею властью поступать“. При Александрѣ I значеніе Синода было еще болѣе умалено, главнымъ образомъ вслѣдствіе учрежденія въ 1817 г. министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“, при чемъ министръ духовныхъ дѣлъ въ отношеніи Синода получилъ огромныя права, какъ органъ надзора и контроля надъ дѣятельностью послѣдняго. Правда, въ 1824 г. названное министерство было уничтожено, но всѣ права министра непосредственно перешли къ синодальному оберъ-прокурору.

Коллегіи. Выше мы уже сказали, что Петръ былъ большой

сторонникъ коллегіальной формы управленія, въ приказахъ же конца XVII ст. эта форма совершенно выродилась и, по свидѣтельству самого Петра, главные приказные судьи рѣшали дѣла вполнѣ единолично, безъ всякаго участія „товарищей“, что было тѣмъ болѣе не трудно дѣлать, такъ какъ у приказовъ не имѣлось никакихъ регламентовъ. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Лейбница, адепта коллегіальной системы управленія, Петръ рѣшился взамѣнъ прежнихъ приказовъ учредить по образцу Даніи, Швеціи и Германіи коллегіи для отправленія отдѣльныхъ функцій, въ области суда и администраціи. Лейбницъ представилъ ему цѣлый проектъ названной реформы. „Опытъ достаточно доказалъ, писалъ нѣмецкій философъ, что лучшій способъ государственнаго и областнаго устройства есть учрежденіе хорошихъ коллегій“. Коллегіальное начало (читаемъ въ проектѣ) должно быть проведено во всѣхъ частяхъ управленія; этимъ и объясняется подраздѣленіе коллегій на низшія и высшія. Доказательствомъ сказаннаго служитъ слѣдующее соображеніе: „какъ въ часахъ одно колесо двигаетъ другое, такъ въ большихъ часахъ — въ государствѣ одна коллегія должна приводить въ движеніе другую“.

Рѣшаясь на введеніе указанной реформы, Петръ еще въ 1715 г. вытребовалъ изъ Копенгагена уставы датскихъ коллегій и тогда же поручилъ извѣстному Вейде „достать ученыхъ и въ правостяхъ искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ“. Своему резиденту при австрійскомъ дворѣ государь предписалъ „сыскать изъ шрейберовъ (т. е. писцовъ) не гораздо высокихъ чиновъ, которые бывали въ службѣ цезарской“, изъ чеховъ, силезцовъ и моровянъ, „которые знаютъ по славянски, отъ всѣхъ коллегій, которыя есть у цезаря, кромѣ духовныхъ, по одному человѣку и чтобъ они... могли тѣ дѣла здѣсь основать“.

Однако, только въ 1718 г. учреждаются коллегіи, при чемъ за образецъ берутся шведскія, а черезъ два года (въ 1720 г.) издается Генеральный регламентъ, служащій учредительнымъ актомъ для всѣхъ коллегій. На основаніи его каждая коллегія состоитъ изъ присутствія и канцеляріи. Въ составъ перваго вхо-

дятъ президентъ, вице-президентъ и опредѣленное количество совѣтниковъ и ассесоровъ. Президентъ исполняетъ обязанности предсѣдателя и, въ качествѣ такового, ему принадлежитъ „генеральная и верховная дирекція“. Всѣ члены равны между собой и дѣла рѣшаютъ большинствомъ голосовъ. Канцелярія состоитъ изъ секретарей, регистраторовъ, прокотолистовъ и другихъ приказныхъ служителей. Будучи знатоками законовъ и письменнаго дѣлопроизводства и подготовляя доклады для слушанія въ присутствіи, канцелярскіе члены скоро пріобрѣли рѣшающее значеніе въ коллегіяхъ, и на практикѣ коллегіальное начало было сведено къ нулю, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что присутствіе обыкновенно соглашалось съ докладомъ канцеляріи. Подобный порядокъ вещей и вызвалъ замѣчаніе Миниха, что Россія управляется секретарями и оберъ-секретарями.

Всѣхъ коллегій было учреждено 12, а именно: три государственныя коллегіи—иностранныхъ дѣлъ, военная и морская (Адмиралтействъ-коллегія); три финансовыя—Камеръ-коллегія, вѣдавшая государственные доходы, Штатсъ-конторъ-коллегія, вѣдавшая государственные расходы, и Ревизіонъ-коллегія, наблюдавшая за исполненіемъ смѣтъ по доходамъ и расходамъ; три торгово-промышленныя коллегіи—Бергъ-коллегія, вѣдавшая горное дѣло, Мануфактуръ-коллегія, вѣдавшая промышленность, и Коммерцъ-коллегія, вѣдавшая торговлю; затѣмъ Юстицъ-коллегія, вѣдавшая судъ; Вотчинная коллегія, явившаяся на смѣну Помѣстному приказу, и Духовная коллегія, впослѣдствіи Св. Синодъ.

Коллегіи были не только административными, но и судебными учрежденіями, чѣмъ напоминали старые приказы, въ которыхъ также судъ и администрація не раздѣлялись. Въ качествѣ судебныхъ учрежденій, онѣ, главнымъ образомъ, фигурировали въ роли суда второй инстанціи, и рѣшенія ихъ могли быть обжалованы въ Сенатъ, которому вообще коллегіи были подчинены. Нѣкоторыя коллегіи обладали еще своими конторами, такъ, если коллегія находилась въ Петербургѣ, то въ Москвѣ учреждалась ея контора, рѣшавшая дѣла, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ самостоятельно.

Большинство коллегій просуществовало до Екатерины II, когда нѣкоторыя изъ нихъ были закрыты (напр., Камеръ-коллегія, Юстицъ-коллегія и др.), вслѣдствіе изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 г., перенесшаго коллегіи въ формѣ палатъ (казенной, гражданскаго и уголовнаго суда, губернскаго правленія, приказа общественнаго призрѣнія и т. п.) изъ центра въ провинцію и преобразовавшаго ихъ изъ органовъ центральнаго въ органы мѣстнаго управленія. Оставшіяся же коллегіи были упразднены при Александрѣ I. когда взамѣнъ ихъ государь учредилъ министерства — институтъ, построенный не на коллегіальномъ, а на единоличномъ началѣ.

Министерства. Терминъ „министръ“ неоднократно употреблялся въ императорскомъ періодѣ еще задолго до образованія министерствъ. Такъ, при Петрѣ существовала консилія министровъ, при Аннѣ Ивановнѣ Кабинетъ Министровъ и т. д., но всѣ эти учрежденія не были представителями министерскаго, т. е. единоличнаго начала въ управленіи. Впервые это начало стало сказываться въ концѣ царствованія Екатерины II, когда коллегіальная система управленія (по крайней мѣрѣ въ центрѣ) начала приходить въ упадокъ. Такъ, было уже сказано, что генералъ-прокуроръ въ это время являлся вполнѣ министромъ финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ другія отрасли управленія также постепенно стали сосредоточиваться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, напр.: народное просвѣщеніе въ рукахъ Бецкаго, пути сообщенія въ рукахъ Муравьева и т. п.

При Павлѣ I личное начало въ управленіи значительно усилилось, во-первыхъ, вслѣдствіе подчиненія каждой коллегіи особому главному директору, обладавшему правомъ личнаго доклада у государя и объявлявшему коллегіямъ высочайшія повелѣнія и, во-вторыхъ, вслѣдствіе еще большей, чѣмъ при Екатеринѣ II, дифференціаціи отдѣльныхъ отраслей управленія между лицами, пользовавшимися особымъ довѣріемъ государя (такъ, появляются должности государственнаго казначея и даже двухъ министровъ: удѣловъ и коммерціи).

Свое господство личное начало пріобрѣтаетъ при Александрѣ I, когда учреждаются министерства. Вопросъ о нихъ впервые обсу-

ждался въ томъ неоффиціальномъ комитетѣ, который собирался у государя. Одинъ изъ членовъ комитета, именно Новосильцевъ, разработалъ проектъ названной реформы, по которому въ Россіи учреждалось одно министерство, раздѣленное на части, подвѣдомственныя восьми министрамъ. Этотъ проектъ и легъ въ основаніе перваго учрежденія министерствъ 1802 г. Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, былъ указанъ слѣдующій мотивъ: „мы заблагоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собой, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, чего будетъ требовать отъ нихъ должность и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему".

Всѣхъ министерствъ было учреждено восемь [1]), при чемъ обращено вниманіе на выясненіе ихъ отношеній къ Сенату и къ коллегіямъ. Объ отношеніяхъ министерствъ къ Сенату было уже говорено прежде, поэтому скажемъ теперь объ отношеніяхъ ихъ къ коллегіямъ. Послѣдніе были *росписаны* по отдѣльнымъ министерствамъ, хотя и не вошли въ ихъ составъ въ видѣ департаментовъ, которыхъ, вообще, на основаніи учрежденія 1802 г. не существовало. Отношенія между коллегіями и министерствами были крайне своеобразны. Каждая коллегія о всѣхъ дѣлахъ посылала къ министру еженедѣльно меморію, а по дѣламъ затруднительнымъ особыя представленія. Министръ разрѣшалъ представленія, а на меморіи, если считалъ нужнымъ, дѣлалъ возраженія. И отвѣты, и замѣчанія министра сообщались коллегіямъ предложеніями. Если коллегіи не соглашались съ замѣчаніями министра, то представляли ему свои разсужденія. При подтвержденіи со стороны министра, если съ нимъ не соглашались коллегіи, мнѣнія послѣднихъ записывались въ журналъ, а резолюціи министра приводились въ исполненіе [2]). Изъ этого видно, что первое учрежденіе министерствъ имѣло характеръ компромисса между коллегіальной и министерской системами управленія.

[1]) Военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, коммерціи, финансовъ, юстиціи и государственное казначейство.

[2]) См. Градовскаго Начала русскаго государственнаго права, т. II, стр. 257.

Александръ I былъ очень доволенъ названной реформой. „Мѣра о которой мы такъ часто говорили, писалъ онъ Лагарпу, въ полномъ дѣйствіи: министерство образовано и идетъ хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что не такъ, какъ слѣдуетъ". Были довольны реформою и другіе, напр., извѣстный сторонникъ коллегіальной системы Трощинскій, выставлявшій на видъ въ своей запискѣ, что „въ производствѣ дѣлъ сохранялся прежній коллежскій порядокъ, и власти министровъ положены предѣлы, ибо въ обыкновенныхъ случаяхъ они не должны вмѣшиваться въ сужденія коллегій, а въ необыкновенныхъ быть только посредниками между коллегіями и государемъ, посредствомъ чего министры, получая дѣйствительно всѣ способы къ ускоренію теченія дѣлъ, не иначе могли препятствовать сему теченію, какъ подъ точною отвѣтственностью".

Однако, сами министры были крайне недовольны своимъ положеніемъ, и это недовольство высказалъ одинъ изъ нихъ, именно Кочубей, въ своемъ докладѣ государю. Докладъ содержитъ въ себѣ изложеніе слѣдующихъ недостатковъ реформы: 1) „медленность въ дѣлахъ управленія нестерпимая составляетъ, такъ сказать, существо коллежскаго обряда; 2) недостатокъ раздѣленія работы и постепеннаго ея усовершенія; 3) множество формъ совершенно излишнихъ и образъ письмоводства весьма затруднительный; 4) недостатокъ отвѣтственности; 5) министръ, дѣйствуя въ коллегіи, какъ главный директоръ, не можетъ иначе управлять ею, какъ только внѣшнимъ образомъ, т. е. онъ долженъ получать отъ нея меморіи о дѣлахъ текущихъ, разсматривать ея представленія, давать на нихъ предложенія, составлять доклады, предписывать по нимъ исполненіе: сколько излишней и ничего въ себѣ существеннаго не заключающей переписки! Онъ долженъ имѣть въ каждой коллегіи свою канцелярію и свой архивъ, и все сіе только для того, чтобъ сказать ей свою резолюцію или объявить указъ. Сіе вводитъ министра въ безполезныя подробности, развлекаетъ вниманіе, отнимаетъ время и средства обозрѣвать ихъ въ совокупности".

Другимъ недостаткомъ разсматриваемой реформы, на что

Кочубей не обратилъ вниманія, было крайне неопредѣленное въ юридическомъ отношеніи положеніе особаго государственнаго учрежденія, впервые установленнаго учрежденіемъ министерствъ 1802 г. и, въ силу этого, вскорѣ узурпировавшаго всѣ права Непремѣннаго совѣта и Сената. Мы говоримъ о *Комитетѣ министровъ*, учрежденіе котораго находилось въ тѣснѣйшей связи съ учрежденіемъ министерствъ.

Еще въ неоффиціальномъ комитетѣ былъ возбужденъ вопросъ объ этомъ комитетѣ. Такъ, на одномъ изъ засѣданій комитета въ 1801 г., нѣсколькими его членами была высказана мысль, что всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны разсматриваться въ Непремѣнномъ совѣтѣ, дѣла же, требующія особенной тайны, необходимо обсуждать въ *особомъ комитетѣ*. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 21 апрѣля 1802 г., въ неоффиціальномъ комитетѣ снова былъ возбужденъ вопросъ о разсматриваемомъ учрежденіи, когда при чтеніи Новосильцевымъ своего проекта о министерствахъ, онъ высказалъ слѣдующую мысль относительно способа составленія докладовъ государю: „доклады долженствовали подвергаться обсужденію *комитета*, составленнаго изъ всѣхъ министровъ, и, въ случаѣ несоблюденія сей формальности, каждый изъ нихъ имѣлъ бы право дѣлать отъ себя представленія по предмету доклада“. Въ виду того, что государь изъявилъ нѣкоторое сомнѣніе относительно пользы подобнаго установленія, члены комитета постарались убѣдить его въ цѣлесообразности послѣдняго, заявляя, что „всѣ отрасли управленія составляютъ какъ бы звенья цѣлаго; слѣдовательно, всякое новое распоряженіе должно быть обсуждаемо совокупно всѣми лицами, участвующими въ управленіи, дабы дѣйствія одного изъ нихъ не мѣшали другому, и чтобы всѣ части государственной администраціи были направлены къ общей цѣли. Мѣры сіи могли также предупредить, чтобы министры не вводили въ заблужденіе государя и, будучи связаны между собою взаимною отвѣтственностью, оставались въ точныхъ предѣлахъ своихъ обязанностей“. Государь согласился съ этими доводами. Затѣмъ члены комитета снова высказались за то, „чтобы текущія дѣла рѣшались въ комитетѣ министровъ, а важнѣйшіе во-

просы вносились на обсужденіе въ совѣтъ". Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что, съ точки зрѣнія членовъ неоффиціальнаго комитета, вновь проектированный комитетъ министровъ долженъ былъ явиться такимъ учрежденіемъ, въ которомъ всѣ новыя распоряженія или предположенія отдѣльныхъ министровъ, предварительно представленія ихъ на утвержденіе государя, подвергались бы совокупному со стороны всѣхъ министровъ обсужденію, для достиженія полнаго по отношенію къ нимъ соглашенія всѣхъ вѣдомствъ, и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ бы гарантіей противъ возможности нарушенія отдѣльными министрами, путемъ единоличныхъ докладовъ, необходимаго единства въ направленіи и образѣ дѣйствій правительства. Въ этомъ стремленіи къ установленію солидарности въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ отдѣльныхъ органовъ правительственной власти и къ централизаціи этой власти заключается вся сущность совершившагося въ то время административнаго переустройства вообще и учрежденія Комитета министровъ въ частности [1]).

Если мы обратимся къ учрежденію министровъ 1802 г., то убѣдимся въ истинности сказаннаго. На основаніи ст. 15 учрежденія „всѣ министры суть члены совѣта, дѣла же обыкновенныя трактуются въ комитетѣ, составленномъ единственно изъ министровъ". Затѣмъ, на основаніи ст.ст. 10 и 11, выясняется еще другое назначеніе комитета, а именно, въ случаѣ представленія государю со стороны кого-либо изъ министровъ доклада, осуществленіе котораго на практикѣ сопряжено „съ отмѣною существующихъ законовъ" или вызоветъ необходимость изданія „новыхъ узаконеній", „каждый министръ, прежде поднесенія государю таковаго доклада, долженъ предварительно его предложить прочимъ министрамъ для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями". Такимъ образомъ, задача комитета заключалась: 1) въ разсмотрѣніи „дѣлъ обыкновенныхъ", болѣе точно не опредѣленныхъ въ законѣ, и 2) „въ соображеніи со всѣми государственными частями" министерскихъ докладовъ, имѣющихъ цѣлью видоизмѣненіе существующаго законодательства.

[1]) Журналы Комитета министровъ, т. I, предисловіе.

Вскорѣ послѣ своего учрежденія Комитетъ министровъ, въ составѣ всѣхъ своихъ членовъ, т. е. министровъ, ихъ товарищей и государственнаго казначея, собрался на первое свое засѣданіе, въ которомъ постановилъ ходатайствовать предъ государемъ, „не благоугодно ли будетъ ему удостоить комитетъ своимъ присутствіемъ“, что имѣло огромное значеніе въ исторіи комитета, служа факторомъ увеличенія его власти и сконцентрированія въ немъ всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Государь согласился съ постановленіемъ комитета и рѣдко когда не посѣщалъ его засѣданій.

Въ 1805 и 1808 г.г. были изданы правила, долженствовавшія опредѣлить компетенцію и дѣлопроизводство комитета, однако, несмотря на это, положеніе его въ сущности оставалось крайне неопредѣленнымъ. Въ особенности этою неопредѣленностью отличалась его компетенція. Какъ „дѣла обыкновенныя“ учрежденія 1802 г., такъ и различныя „категоріи дѣлъ“ правилъ 1805 и 1808 г.г. требовали дальнѣйшаго разъясненія въ законодательномъ порядкѣ, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ комитетомъ функціонировали еще Сенатъ и Непремѣнный совѣтъ, въ составъ компетенціи которыхъ также входило вѣдѣніе различныхъ „дѣлъ“, почти совершенно неразграниченныхъ отъ „дѣлъ“ комитета.

Между тѣмъ, несмотря на эту юридическую неопредѣленность своего положенія, Комитетъ министровъ вскорѣ занялъ вполнѣ опредѣленное de facto мѣсто, чему, главнымъ образомъ, способствовало постоянное присутствіе государя на его засѣданіяхъ. Не будучи ограниченъ въ своей дѣятельности никакими законодательными предѣлами и благодаря присутствію государя на его засѣданіяхъ, Комитетъ въ самомъ скоромъ времени сталъ средоточіемъ всего государственнаго управленія и „верховнымъ мѣстомъ имперіи“ (какъ это видно изъ журналовъ его засѣданій. обнародованныхъ статсъ-секретаремъ Куломзинымъ въ 1888 г.), узурпировавъ, такимъ образомъ, права Сената и совѣта.

Такое ненормальное положеніе вещей вызывало сѣтованія со стороны не только такихъ принципіальныхъ противниковъ министерскаго управленія, какъ Трощинскій и Карамзинъ, но и

со стороны такого приверженца названнаго управленія, какъ Сперанскій. „Всѣ принятыя въ 1802 г. къ ограниченію власти министровъ мѣры, писалъ Трощинскій, сдѣлались недѣйствительными, и Сенатъ лишился способа дѣйствовать во всѣхъ его частяхъ, кромѣ судебной; самыми сильными сенаторами по своему вліянію были министры". Еще болѣе рѣзко выражался Карамзинъ въ своей запискѣ о древней и новой Россіи. Что же касается Сперанскаго, то свои воззрѣнія по этому предмету онъ высказалъ въ запискѣ о государственныхъ установленіяхъ. Говоря объ организаціи министерствъ въ 1802 г., онъ замѣчаетъ, что „три главныя неудобства опытомъ обнаружены въ семъ установленіи: 1) смѣшеніе дѣлъ и власти между Сенатомъ и министерствами, 2) введеніемъ коллегій въ составъ министерствъ, хотя усилены скорость и единство управленія, но за то ничѣмъ не прегражденa самопроизвольность дѣйствій и неудостовѣрена зрѣлость соображеній, 3) неопредѣленность власти и недостатокъ отвѣтственности".

Столь ненормальное положеніе государственныхъ учрежденій вообще и Комитета министровъ въ частности вынудило правительство Александра I приступить къ новымъ реформамъ. Дѣйствительно, съ учрежденіемъ Государственнаго совѣта въ 1810 г., съ преобразованіемъ министерствъ въ 1811 и 1812 г.г. и съ изданіемъ Учрежденія Комитета министровъ 1812 г. прекратилась неопредѣленность положенія высшихъ органовъ управленія, и дѣятельность Комитета министровъ была введена въ очерченные закономъ предѣлы (см. *мою* статью въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" за 1888 г. „Комитетъ министровъ въ началѣ царствованія Александра I").

B) Мѣстное управленіе.

Правительственное управленіе. Мѣстное управленіе также подверглось реформѣ при Петрѣ, при чемъ за образецъ были приняты шведскіе порядки. Реформа началась съ указа 1702 года, отмѣнившаго губныхъ старостъ и сыщиковъ и передавшаго ихъ

функціи въ руки воеводъ. Однако, послѣдніе должны были управлять совмѣстно съ особыми *дворянскими совѣтами*, члены которыхъ (въ большихъ городахъ по три и по четыре, въ небольшихъ—по два) избирались помѣщиками и вотчинниками изъ своей среды, изъ „добрыхъ и знатныхъ людей“. Воеводы были обязаны „всякія дѣла вѣдать обще съ дворянами, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ, безъ нихъ дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу не чинить“. Такимъ образомъ, коллегіальное начало оказалось перенесеннымъ и въ сферу мѣстнаго управленія.

Въ 1708 г. Петръ учредилъ *губернаторовъ*, поставленныхъ во главѣ губерній, при чемъ власть ихъ также ограничивалась особыми выборными органами, такъ называемыми, *ландратскими коллегіями*, состоявшими изъ 12, 10 или 8 членовъ, избираемыхъ дворянами. Губернаторъ въ отношеніи ихъ былъ „не яко властитель, но яко президентъ“. Въ скоромъ времени ландраты были поставлены во главѣ долей и, такимъ образомъ, оказались въ подчиненномъ у губернаторовъ положеніи, что, конечно, совершенно не согласовалось съ духомъ реформы.

Съ учрежденіемъ въ 1719 г. провинцій, во главѣ ихъ были поставлены воеводы, также подчиненные губернаторамъ, въ виду того, что провинція являлась частью губерніи. Одновременно съ этимъ государь учредилъ еще одну должность, также заимствованную изъ Швеціи—*земскихъ камериpовъ*, поставленныхъ въ зависимость отъ Камеръ-коллегіи и завѣдывавшихъ мѣстными сборами. Въ ихъ вѣдѣніи находились *земскіе коммиссары*—прообразъ будущихъ земскихъ исправниковъ. Земскій коммиссаръ избирался дворянами уѣзда изъ своей среды (изъ „лучшихъ“ людей) на годъ, при чемъ, по окончаніи службы, представлялъ отчетъ о своей дѣятельности избирателямъ на особомъ дворянскомъ съѣздѣ, пользовавшимся правомъ „штрафовать“ (т. е. наказывать) его за неисправность. Функціи земскихъ коммиссаровъ состояли въ сборѣ всѣхъ доходовъ подъ наблюденіемъ камериpовъ, въ надзорѣ за правильнымъ исполненіемъ рекрутской повинности, въ вѣдѣніи путей сообщенія, въ принятіи полицейскихъ мѣръ противъ бѣглыхъ и разбойниковъ и въ смотрѣніи за тѣмъ, „чтобы

подданные при всѣхъ случаяхъ страху Божію и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ, такожъ и къ подданнѣйшей вѣрности его имп. величеству обучены и наставливаны были".

Реформы Петра въ области мѣстнаго управленія подверглись коренной ломкѣ при его преемникахъ. Послѣдніе мотивировали необходимость подобной ломки въ указѣ 1727 г. „Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ, читаемъ въ указѣ, не токмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной, понеже вмѣсто, что прежде къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ десяти и можетъ и больше, а всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей, и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящшей народной тягости ежедневно происходятъ или и происходить будутъ". Въ виду этого, указъ предписалъ „всѣхъ лишнихъ управителей и канцеляріи, и конторы земскихъ коммиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить". Правительство пощадило только губернаторовъ и воеводъ, въ рукахъ которыхъ (въ особенности послѣднихъ) и сосредоточились всѣ функціи мѣстнаго управленія и суда (при Петрѣ судъ былъ отдѣленъ отъ администраціи, какъ объ этомъ увидимъ ниже). Въ помощь названнымъ должностнымъ лицамъ были оставлены, получившія теперь важное значеніе, канцеляріи: губернская при губернаторѣ, провинціальная при провинціальномъ воеводѣ, и воеводская при уѣздномъ воеводѣ.

Такъ продолжалось до Екатерины II, когда правительство снова вступило на путь реформъ. О послѣднихъ ходатайствовали сословія въ своихъ наказахъ, поданныхъ въ законодательную комиссію 1767 г.; въ особенности этимъ вопросомъ занялось дворянство, при чемъ наказы его по своимъ стремленіямъ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: къ первой относятся такіе, которые желаютъ, по крайней мѣрѣ, въ уѣздѣ всѣ функціи мѣстнаго управленія передать въ руки дворянства, органъ котораго—

дворянскій съѣздъ—избираетъ уѣздныхъ должностныхъ лицъ и контролируетъ ихъ дѣятельность; ко второй категоріи относятся такіе, которые высказываются за одновременное существованіе двухъ администрацій—правительственной и дворянской, а именно: правительство назначаетъ въ уѣздъ воеводу, дворянство же избираетъ его „товарища“.

Екатерина II до извѣстной степени удовлетворила желанія дворянъ путемъ изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 г., преобразовавшаго весь строй мѣстнаго управленія. Этому важному законодательному акту предпосланы мотивы, которыми руководилась императрица въ своей реформаторской дѣятельности. „Входя вновь во всѣ подробности внутренняго управленія Имперіи, читаемъ въ Учрежденіи, нашли мы, во-первыхъ, что, по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми; что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, совокуплены и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціею и, сверхъ того, еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются, а таковымъ же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены, ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія. Съ одной стороны, медленность упущенія и волокита суть естественныя послѣдствія такого неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ дѣла одно другое останавливаютъ и гдѣ опять невозможность исправить на единую воеводскую канцелярію множество различнаго существа возложенныхъ дѣлъ, служить можетъ иногда и долгою отговоркою, и покрывать неисправленіе должности, и быть поводомъ страстному производству. Съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда обще съ многими пороками, ибо возмездія за преступленія и пороки производятся не съ таковою поспѣшностью, какъ бы надлежало для укрощенія и въ страхъ продерзностныхъ“.

Руководствуясь этими мотивами, императрица, во-первыхъ, децентрализируетъ все управленіе, перенося изъ центра въ мѣст-

ности не мало функцій послѣдняго и, во-вторыхъ, дифференцируетъ отдѣльныя отрасли управленія между разными, ею созданными, учрежденіями.

Во главѣ всего мѣстнаго управленія поставленъ *государевъ намѣстникъ* или *генералъ-губернаторъ*, вѣдующій (впрочемъ не всегда) нѣсколько губерній. Онъ обязанъ „строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ, ему подчиненныхъ, мѣстъ и людей о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія и должностей". Затѣмъ онъ является начальникомъ полиціи и поэтому долженъ „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и заразительную, обуздывать излишество, безпутство, мотовство, тиранство и жестокость". Наконецъ, ему принадлежитъ надзоръ за сборомъ налоговъ и податей и за отправленіемъ повинностей. Въ качествѣ намѣстника государя, генералъ-губернаторъ пользуется особымъ почетомъ, такъ онъ имѣетъ право на особый конвой и почетную стражу изъ молодыхъ дворянъ.

Генералъ-губернаторъ управляетъ губерніей вмѣстѣ съ *губернскимъ правленіемъ*, въ которомъ играетъ роль предсѣдателя. Въ составъ губернскаго правленія, въ качествѣ членовъ, входятъ губернаторъ, губернскіе совѣтники и губернскій прокуроръ. Губернское правленіе не ограничиваетъ власти генералъ-губернатора, такъ какъ имѣетъ только совѣщательное значеніе и обязано подчиняться его предписаніямъ. Однако, несмотря на это, оно „есть мѣсто, управляющее всей губерніей въ силу законовъ именемъ императорскаго величества", и поэтому „оно обнародываетъ и объявляетъ повсюду въ подчиненныхъ оному областяхъ законы и приказанія императорскаго величества и выходящіе изъ Сената и прочихъ государственныхъ мѣстъ, на то власть имѣющихъ". Затѣмъ ему принадлежитъ надзоръ за исполненіемъ законовъ и оно обязано принимать мѣры къ прекращенію всякаго безпорядка.

Во главѣ каждой губерніи поставленъ *губернаторъ*, получившій весьма важное значеніе, въ виду того, что генералъ-губернаторы были далеко не вездѣ. Помощникомъ его является *вице-губернаторъ*, стоящій вдобавокъ во главѣ *казенной палаты*. Послѣдняя опредѣляется „ничѣмъ инымъ, какъ соединеннымъ департаментомъ

Камеръ и Ревизіонъ-коллегій, которому поручаются въ смотрѣніи домостроительныя и казенныя дѣла губерніи". Казенная палата вѣдаетъ производство народныхъ переписей, казенные доходы и расходы, ревизію счетовъ, соляныя дѣла и винные откупа и подряды.

Наконецъ, послѣднимъ губернскимъ учрежденіемъ является *приказъ общественнаго призрѣнія*, состоящій изъ шести засѣдателей — по двое отъ трехъ сословныхъ судовъ и подъ предсѣдательствомъ губернатора. Названное учрежденіе вѣдаетъ народныя школы, сиротскіе дома, больницы, богадѣльни, дома для сумасшедшихъ, смирительные и рабочіе дома.

Уѣздными учрежденіями были земскій исправникъ и нижній земскій судъ. *Земскій исправникъ* или *капитанъ*, избирался дворянами и стоялъ во главѣ уѣзда, управляя имъ, „яко опекунъ", вмѣстѣ съ *нижнимъ земскимъ судомъ*. Въ составъ послѣдняго входили: исправникъ, въ качествѣ предсѣдателя, и два засѣдателя, также избиравшіеся дворянами (такимъ образомъ, желаніе наказовъ было исполнено). Функціи суда были слѣдующія: 1) „имѣть бдѣніе, дабы въ уѣздѣ сохранены были благочиніе, добронравіе и порядокъ"; 2) „чтобъ предписанное законами полезное повсюду въ уѣздѣ исполняемо и охраняемо было", и 3) „ судъ одинъ въ уѣздѣ право имѣетъ приводить въ дѣйствіе повелѣнія правленія, рѣшенія палатъ, верхнихъ и уѣздныхъ судовъ и чинить отказы". Кромѣ того, ему принадлежали извѣстныя права въ области полиціи безопасности и благосостоянія; такъ, онъ заботился о торговлѣ и промышленности, вѣдалъ пути сообщенія, принималъ мѣры противъ эпидемій и эпизоотій, боролся съ нищенствомъ и т. п. Иначе говоря, нижній земскій судъ, хотя и назывался судомъ, но былъ исключительно административно-полицейскимъ учрежденіемъ.

Мѣстное управленіе, какъ оно было организовано Учрежденіемъ о губерніяхъ, въ общемъ сохранилось вплоть до послѣднихъ реформъ имп. Александра II.

Дворянское самоуправленіе. Было уже указано на попытки Петра привлечь дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи (дворянскіе совѣты, ландратскія коллегіи и земскіе коммиссары).

Однако, изъ этихъ попытокъ ничего не вышло, и дворянству въ первой половинѣ XVIII ст. не удалось превратиться въ мѣстный землевладѣльческій классъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ мѣстное управленіе. Главная причина этого заключалась въ обязательной службѣ дворянъ, мѣшавшей имъ осѣсться въ своихъ имѣніяхъ и связаться съ интересами мѣстности. Съ другой стороны, нравы и стремленія самого дворянства, сложившіеся подъ вліяніемъ обязательной службы и взращенные на почвѣ послѣдней, также не могли способствовать успѣху Петра привлечь дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи и сложиться въ извѣстное самоуправляющееся цѣлое.

Но рядъ попытокъ со стороны правительства организовать мѣстныя дворянскія общества не прошелъ даромъ. Къ тому же въ 1762 г. была уничтожена обязательная служба дворянства, слѣдовательно, оно получило возможность осѣсться въ мѣстности и стать уже исключительно землевладѣльческимъ классомъ. Все это отразилось на стремленіяхъ и политическихъ идеалахъ дворянъ. И вотъ въ главѣ о дворянствѣ III части проекта Елисавстинской законодательной комиссіи мы встрѣчаемъ статью, говорящую, что „до особливыхъ дворянамъ преимуществъ надлежитъ также и позволеніе имъ отъ насъ земскіе по провинціямъ съѣзды имѣть“. Такимъ образомъ, проектъ призналъ существованіе провинціальнаго дворянскаго общества, органомъ котораго долженъ былъ быть особый „земскій“ съѣздъ.

Созваніемъ законодательной комиссіи 1767 г. само правительство признало за дворянствомъ уѣзда характеръ извѣстной общественной единицы, представителемъ которой являлся избираемый на два года *предводитель*, получающій особое полномочіе отъ избирателей. Обязанность предводителя заключалась въ сохраненіи между дворянами „порядка“ „не только при нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего (дворянъ) общаго разсужденія и положенія всѣхъ, живущихъ въ уѣздѣ, дворянъ“.

Сами дворяне въ своихъ наказахъ также высказались за корпоративное устройство дворянства и за предоставленіе ему

весьма видной роли въ дѣлѣ мѣстнаго управленія. Говоря о дворянскомъ обществѣ и о согласованіи его съ предѣлами опредѣленной территоріальной единицы, громадное большинство наказовъ высказалось за организацію *уѣздныхъ* дворянскихъ обществъ. Органомъ послѣднихъ былъ признанъ съѣздъ, собиравшійся въ опредѣленные сроки. Функціи его административно-судебныя. Онъ избираетъ должностныхъ лицъ, смѣщаетъ ихъ, выслушиваетъ ихъ отчеты, даже судитъ ихъ и штрафуетъ. Затѣмъ онъ является судомъ по отношенію ко всѣмъ дворянамъ. Представителемъ дворянскаго общества долженъ быть предводитель дворянства, избираемый съѣздомъ на опредѣленное время. Функціи его также административно-судебныя, при чемъ онъ далеко не является должностнымъ лицомъ, завѣдующимъ исключительно дѣлами одного дворянскаго общества; напротивъ, онъ играетъ весьма видную роль въ области всего мѣстнаго управленія.

Екатерина II удовлетворила желаніе дворянъ, даровавъ послѣднимъ Жалованную грамоту 1785 г., организовавшую дворянское самоуправленіе. На основаніи грамоты, дворянство каждой *губерніи* составляло особую корпорацію съ правами юридическаго лица; такъ, оно имѣло право составлять свою „особливую казну“ посредствомъ „добровольныхъ складокъ“ дворянъ, владѣть домомъ для собраній, имѣть свой архивъ и свою печать. Органомъ дворянскаго общества являлось дворянское собраніе, въ составъ котораго входили всѣ совершеннолѣтніе, обладающіе недвижимымъ имуществомъ и внесенные въ одну изъ шести дворянскихъ книгъ губерніи, дворяне. Функціи собранія были: 1) избраніе губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и секретаря, членовъ дворянскаго депутатскаго собранія и дворянской опеки, а также членовъ дворянскихъ судовъ и административно-полицейскихъ учрежденій на основаніи Учрежденія о губерніяхъ; 2) обсужденіе различныхъ предложеній правительства (такъ, въ случаѣ предложенія отъ губернатора, собраніе „беретъ оное въ уваженіе и чинитъ по случаю или пристойный отвѣтъ, или соглашеніе, сходственное какъ узаконеніямъ, такъ и общему добру“; 3) представленіе ходатайствъ о своихъ пользахъ и нуждахъ чрезъ особыхъ депутатовъ губернатору, Сенату и государю. Губернское дворянское

общество составлялось изъ уѣздныхъ, органами которыхъ были уѣздныя собранія и уѣздные предводители дворянства.

Разсмотрѣнная организація дворянскаго самоуправленія сохранилась и до нашего времени.

Городское самоуправленіе. Первыми законодательными актами Петра, касающимися городского управленія, были указы 1699 г., учредившіе Бурмистерскую палату или ратушу въ Москвѣ и земскія избы въ городахъ. Бурмистерская палата была центральнымъ органомъ, вѣдавшимъ весь торгово-промышленный классъ [1]), поэтому ей были подчинены земскія избы. Составъ палаты и избъ являлся выборнымъ, такъ какъ члены ихъ избирались городскими сотнями и слободами. Однако, несмотря на это, указы 1699 г. не создали самоуправленія, такъ какъ, имѣя въ виду организацію „купецкихъ и промышленныхъ людей", какъ общегосударственнаго сословія, не исходили отъ понятія города, какъ общины. Вотъ почему торговые и промышленные люди, по вѣрному замѣчанію проф. Градовскаго [2]), не имѣли опоры въ городѣ, какъ въ самостоятельной общественной единицѣ, а зависѣли отъ московской Ратуши, этого центральнаго начальства всѣхъ членовъ земскихъ избъ, носившихъ названіе бурмистровъ.

Вторая попытка Петра организовать городское управленіе была болѣе удачна. Путемъ изданія регламента Главному магистрату 1721 г. и инструкціи городовымъ магистратамъ 1724 г. Петръ преобразовалъ городское устройство и управленіе по образцу существовавшаго въ Эстляндіи и Лифляндіи. Во всѣхъ городахъ были учреждены *магистраты* и *ратуши*, а въ Петербургѣ Главный магистратъ, игравшій роль „главнаго начальства" всѣхъ „купецкихъ людей".

Составъ магистратовъ и ратушъ (послѣднія учреждались въ небольшихъ городахъ) былъ выборный, въ силу чего члены названныхъ учрежденій, носившіе названіе бургомистровъ и ратмановъ (обыкновенно въ городѣ былъ одинъ бургомистръ), избирались регулярными гражданами изъ своей среды. Магистратъ обладалъ всѣми признаками городской власти и считался „главою и

[1]) Преимущественно въ фискальномъ отношеніи.

начальствомъ всему гражданству". Въ его рукахъ сосредоточивалась власть судебная, хозяйственная, финансовая и полицейская, въ силу чего онъ вѣдалъ: судъ (гражданскій и уголовный), полицію, школы, дома призрѣнія неимущихъ, больницы, торговлю и промышленность, ремесла, городскіе доходы и расходы и т. п. Составъ Главнаго магистрата былъ иной, имѣя вполнѣ смѣшанный характеръ, такъ, онъ состоялъ изъ президента и оберъ-президента, по назначенію отъ правительства, и изъ бургомистровъ и ратмановъ, по избранію со стороны регулярныхъ гражданъ.

Послѣ смерти Петра магистраты были подчинены губернаторамъ и воеводамъ, что отразилось весьма печально на состояніи городского хозяйства и управленія, приведя ихъ въ полнѣйшее разстройство. Вотъ, почему, когда въ 1767 г. была созвана Екатериною II законодательная комиссія, то члены торгово-промышленнаго класса въ своихъ наказахъ единогласно высказались за возстановленіе городского самоуправленія и за сосредоточеніе въ рукахъ магистратовъ всѣхъ функцій послѣдняго.

Екатерина II только отчасти выполнила желанія наказовъ въ своей Жалованной грамотѣ городамъ 1785 г. Послѣдняя опредѣлила городъ, какъ извѣстное юридическое лицо. „Городовымъ обывателямъ каждаго города, читаемъ въ грамотѣ, жалуется дозволеніе собираться въ томъ городѣ и составить общество градское". Въ качествѣ такового, городъ обладалъ своею „казною", своимъ недвижимымъ имуществомъ, печатью и т. п.

Органомъ его являлось *городское собраніе*, состоявшее изъ городовыхъ обывателей, записанныхъ въ шесть городскихъ книгъ, и созывавшееся каждые три года съ дозволенія губернатора. Функціями его были: 1) избраніе городского головы, членовъ городскихъ судовъ и ратмановъ управы благочинія и 2) представленіе ходатайствъ передъ губернаторомъ о пользахъ и нуждахъ города.

Другимъ органомъ города была *общая дума*, состоявшая изъ гласныхъ въ опредѣленномъ числѣ отъ каждаго изъ шести разрядовъ городовыхъ обывателей. Названные разряды не смѣшивались въ думѣ, такъ какъ совѣщались отдѣльно и обладали каждый однимъ голосомъ. Общая дума избирала *шестигласную думу*,

состоявшую изъ шести членовъ—по одному отъ каждаго разряда. Въ отличіе отъ общей, шестигласная дума дѣйствовала постоянно, напоминая собою нынѣшнюю городскую управу. Функціи обѣихъ думъ отличались большою неопредѣленностью. Возьмемъ для примѣра полицію въ узкомъ смыслѣ этого слова. Жалованная грамота возлагаетъ на думы и полицейскія функціи. Такъ, на основаніи ст. 167 грамоты „городской думѣ предлежатъ попеченія сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе", а также „возбранять все, что доброму порядку и благочинію противно". Но на основаніи Учрежденія о губерніяхъ и устава благочинія въ городахъ были организованы спеціальныя полицейскія учрежденія въ лицѣ городничихъ, управы благочинія и др. органовъ. Спрашивается теперь, въ чемъ же должна была заключаться полицейская дѣятельность думъ, и въ какія отношенія были поставлены послѣднія къ полицейскимъ учрежденіямъ? На эти вопросы Жалованная грамота не даетъ никакого отвѣта. Мало того, она не только не уясняетъ дѣла, но значительно запутываетъ его, постановивъ, что думы (снабженныя полицейскими функціями) должны „оставлять *относящееся къ части полицейской* исполнять мѣстамъ и людямъ, для того установленнымъ". Въ результатѣ всего этого долженъ былъ получиться фактъ полнѣйшей фиктивности правъ думъ въ области полицейской дѣятельности и полнѣйшаго безсилія ихъ въ отношеніи административныхъ властей. Другой примѣръ. Думамъ были даны нѣкоторыя функціи въ области административно-хозяйственной дѣятельности, регулировать которую составляло прямую обязанность приказовъ общественнаго призрѣнія. Между тѣмъ отношенія этихъ двухъ учрежденій другъ къ другу остались вполнѣ неопредѣленными, въ силу чего и здѣсь права думъ получили исключительно фиктивный характеръ (см. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.", т. I, глава VI „Городскіе наказы").

Но какъ бы то ни было, думамъ были присущи слѣдующія функціи: 1) полиція, 2) покровительство промысламъ и торговлѣ, 3) городское благоустройство, а именно онѣ должны были: „наблюдать за прочностью публичныхъ городскихъ зданій, ста-

раться объ устраненіи всего потребнаго, о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу, пристаней, амбаровъ, магазиновъ и т. п., что можетъ быть для города потребно, выгодно и полезно" и 4) городскіе доходы.

Представителемъ города являлся *городской голова*, должность котораго была учреждена еще въ 1767 г., по случаю избранія депутатовъ въ законодательную комиссію, но постоянный характеръ получила только въ 1785 г.

Екатерининское городское устройство и управленіе въ общихъ чертахъ продержалось до введенія въ дѣйствіе нынѣшняго Городового положенія 1870 г. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ городахъ (въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ) оно было значительно модифицировано въ царствованіе имп. Николая I.

Сельское управленіе. Вплоть до Екатерины II законодательство игнорировало сельское управленіе, и крестьяне попрежнему управлялись своими старостами, дѣйствовавшими на основаніи обычнаго права. Конечно, на сельское управленіе имѣли огромное вліяніе воеводы и губернаторы, а также особые „правители", назначавшіеся для управленія тѣми или другими разрядами крестьянъ. Въ своихъ наказахъ и заявленіяхъ въ комиссіи 1767 г. крестьяне ходатайствовали объ уничтоженіи „правителей" и о дарованіи имъ самоуправленія путемъ избранія изъ своей среды старостъ и судей. Екатерина II въ видѣ опыта даровала самоуправленіе крестьянамъ Екатеринославскаго намѣстничества. Послѣдніе, подобно дворянамъ и горожанамъ, составляли крестьянскія общества (отъ 500 до 1000 дворовъ) съ правами юридическихъ лицъ, т. е. могли путемъ добровольныхъ складокъ составлять свою казну, владѣть недвижимымъ имуществомъ и т. п. Органомъ крестьянскаго общества являлся *сходъ*, избиравшій должностныхъ лицъ, представлявшій о своихъ нуждахъ губернатору и выслушивавшій предложенія послѣдняго. Представителемъ общества былъ *старшина*, наблюдавшій за сохраненіемъ спокойствія и управлявшій дѣлами общества, а также принимавшій извѣстныя мѣры, въ случаѣ эпидеміи, эпизоотіи, пожаровъ и т. п. Во главѣ каждой деревни, входившей въ составъ общества, находился *сельскій староста*, обладавшій по

преимуществу хозяйственными функціями, такъ, онъ долженъ былъ заботиться объ удобреніи полей, объ исправномъ содержаніи скота и т. п. Кромѣ того, въ каждой деревнѣ должны были быть сельскіе выборные для раскладки податей и сборщикъ для сбора послѣднихъ.

Узаконеніями Павла I среди государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ была введена *волостная* организація, а именно: каждая волость должна была заключать въ себѣ не болѣе трехъ тысячъ душъ и вмѣщала въ себѣ опредѣленное число селеній. Во главѣ волости находилось *волостное правленіе*, состоявшее изъ волостного головы, старосты и писаря, избиравшихся на волостномъ сходѣ (голова на два года, остальные на годъ). Въ каждомъ селеніи избирались выборный старшина и десятскіе. Обязанности всѣхъ этихъ лицъ были административно-судебныя, такъ, они обнародывали законы и распоряженія правительства, принимали мѣры для обезпеченія благочинія и безопасности, наблюдали за нравственностью, собирали подати, прекращали нищенство, заботились объ исправномъ состояніи дорогъ и мостовъ, пеклись о развитіи сельскаго хозяйства, творили судъ въ мелкихъ дѣлахъ и т. п.

I) Отрасли управленія.

Полиція. Въ XVIII ст. Россія была въ полномъ смыслѣ этого слова полицейскимъ государствомъ (Polizeistaat), главнымъ образомъ благодаря реформѣ Петра, пересоздавшаго древне-русскій государственный и общественный бытъ по образу западно-европейскихъ государствъ. Петръ дѣйствовалъ такимъ образомъ не только, вслѣдствіе своего личнаго знакомства съ западно-европейскими порядками, ревностнымъ поклонникомъ которыхъ онъ былъ, но и въ силу господства въ то время такихъ политическихъ ученій, какъ теорія просвѣщеннаго абсолютизма, допускавшая во имя общаго блага самую широкую регламентацію всѣхъ сторонъ жизни со стороны государственной власти. Такимъ образомъ полицейское государство, какъ единственно возможная панацея противъ всякаго зла и какъ необходимое условіе

всяческаго благосостоянія (духовнаго и матеріальнаго), господствовало въ то время и на практикѣ, и въ теоріи. Послѣ реформы Россія вполнѣ приблизилась къ типу полицейскаго государства, въ силу чего и у насъ, какъ на Западѣ, стало практиковаться самое широкое вмѣшательство правительства въ частную жизнь подданныхъ. Такъ, указами воспрещалось ношеніе бородъ, указами предписывался особый покрой платья и опредѣлялось количество лошадей въ экипажахъ, указами же повелѣвалось употребленіе опредѣленныхъ орудій для воздѣлыванія земли, матеріала для обуви и для постройки домовъ и т. п.

Наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній было возложено отчасти на обще-административныя власти (губернаторы, воеводы, земскіе коммиссары и магистраты), отчасти на спеціально полицейскія учрежденія. Уже Петръ вполнѣ сознавалъ, что полиція имѣетъ „свое особливое состояніе“ и поэтому должна отправляться особыми должностными лицами. Такихъ онъ и учредилъ въ обѣихъ столицахъ: для Петербурга была создана должность генералъ-полицеймейстера, для Москвы—оберъ-полицеймейстера. Существо обязанностей ихъ заключалось въ охранѣ тишины и безопасности и въ надзорѣ за городскимъ благоустройствомъ. При Екатеринѣ II губернская и уѣздная полиція сосредоточивалась въ рукахъ губернатора, губернскаго правленія, земскаго исправника и нижняго земскаго суда, для отправленія же функцій городской полиціи были созданы спеціальныя должности, юридическое положеніе которыхъ опредѣлялось въ Учрежденіи о губерніяхъ и, главнымъ образомъ, въ уставѣ благочинія 1782 г. Въ губернскихъ городахъ полицейской властью являлся полицеймейстеръ, въ остальныхъ городахъ—городничій. Рядомъ съ ними дѣйствовала управа благочинія, составъ которой былъ отчасти чиновный, отчасти выборный. Чиновный элементъ представлялся полицеймейстеромъ или городничимъ и двумя приставами, выборный—двумя ратманами, избиравшимися городскимъ собраніемъ. Функціи управы были полицейскія и судебныя (мелкія гражданскія и уголовныя дѣла, напр.: кражи на сумму менѣе 20 руб., а также судебно-слѣдственная часть по всѣмъ преступленіямъ). Затѣмъ городъ дѣлился на части и квар-

талы, во главѣ которыхъ были поставлены частные пристава и квартальные надзиратели. Названная полицейская организація просуществовала вплоть до реформъ имп. Александра II.

Финансы. Среди источниковъ доходовъ была произведена не малая реформа введеніемъ подушной подати, рѣзко разграничившей все населеніе на два класса: податной и неподатной. Однако, на практикѣ подушная подать превратилась въ прежній платежъ по животамъ и промысламъ. Этой модификаціи подати не препятствовало законодательство, напротивъ, оно даже стремилось о равномѣрномъ распредѣленіи ея между отдѣльными плательщиками, „чтобъ межъ великими и нижними, убогими и богатыми по препорціи надлежащее равенство въ осмотрѣніи имѣть“, такъ какъ „бѣдныхъ плачъ привлечетъ гнѣвъ Божій на все государство“.

Кромѣ подушной подати, существовало не мало и другихъ повинностей (денежныхъ и натуральныхъ), тяжело отражавшихся на матеріальномъ благосостояніи населенія, о которыхъ намъ уже приходилось неоднократно говорить.

Доходы вѣдались тремя финансовыми коллегіями, подъ наблюденіемъ Сената, затѣмъ казенными палатами, подъ наблюденіемъ губернаторовъ, и, наконецъ, министерствомъ финансовъ.

Войско. Съ изданіемъ Воинскаго и Морского уставовъ, въ Россіи вводится регулярная армія и военный флотъ, при чемъ первая раздѣляется на гвардію и армію. Для комплектованія войска употребляются какъ дворяне, такъ и податные классы. Первые несутъ обязательную службу, при чемъ начинаютъ ее съ нижнихъ чиновъ, послѣдніе поставляютъ рекрутъ, наборы которыхъ происходятъ отъ времени до времени, при чемъ одинъ рекрутъ берется съ опредѣленнаго количества дворовъ. Съ Петра начинаетъ выдаваться жалованье: сперва солдатамъ, затѣмъ офицерамъ. Дворяне освобождаются отъ службы въ 1762 г., а купцы отъ рекрутчины въ 1775 г. Въ 1874 г. вводится всеобщая воинская повинность, обязательная для всѣхъ сословій государства.

Уголовное право.

I. Ученіе о преступленіи.

Въ началѣ XVIII ст. законодательные памятники (напр. Воинскій уставъ) смотрятъ на преступленіе съ той же формальной точки зрѣнія, какъ и Уложеніе, иначе говоря, преступленіе трактуется, какъ нарушеніе закона и ослушаніе царской воли. Однако, уже въ это время въ нѣкоторыхъ указахъ появляется и иная точка зрѣнія. Вотъ, что, напр., гласитъ указъ 1714 г.: „многіе, якобы оправляя себя, говорятъ, что сіе не заказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключити можетъ, суть преступленія". Иначе говоря, указъ 1714 г. трактуетъ преступленіе съ матеріальной точки зрѣнія, опредѣляя его, какъ дѣяніе вредоносное.

Съ изданіемъ Наказа имп. Екатерины, написаннаго подъ вліяніемъ идей Беккаріи, формальная точка зрѣнія на преступленіе совершенно отступаетъ на второй планъ. Что же такое преступленіе по Наказу? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ Наказа. „Гораздо лучше,—говоритъ послѣдній,—предупреждать преступленія, нежели наказывать. Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законодательства, которое есть ничто иное, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло". „Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благоденствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому гражданину особо. Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого, кромѣ нихъ, не боялись. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми". „Еще можно предупредить преступленія награжденіемъ добродѣтели; наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія".

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Наказа, преступленіе можетъ быть, если не окончательно уничтожено, то, по крайней мѣрѣ, доведено до ничтожныхъ размѣровъ. И если преступленіе еще существуетъ, то въ этомъ виновна не столько частная воля, совершающая преступленіе, сколько само общество, не устранившее условій, порождающихъ и питающихъ преступленіе. Далѣе изъ многихъ другихъ статей Наказа видно, что законодатель долженъ воспрещать только такія дѣянія, которыя вредны или цѣлому обществу, или отдѣльному лицу. Воспрещеніе же дѣйствій, не приносящихъ ни пользы, ни вреда, т. е. безразличныхъ, не имѣетъ никакого основанія. Отсюда слѣдуетъ, что подъ преступленіемъ Наказъ понимаетъ дѣяніе, запрещенное закономъ и противное общему и частному благу. Такое опредѣленіе представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ прежней, исключительно формальной точки зрѣнія, на которой стояли Уложеніе, Воинскій уставъ и другіе законодательные памятники.

Что касается до *субъектовъ преступленія* и до степени участія въ немъ каждаго изъ нихъ, то этотъ вопросъ разрѣшается въ законодательствѣ изучаемаго періода такъ же неудачно, какъ и въ Уложеніи. Общимъ правиломъ, напр., по Воинскому уставу является примѣненіе одинаковаго наказанія какъ къ главнымъ виновникамъ, такъ и къ пособникамъ и къ лицамъ, прикосновеннымъ къ преступленію, въ силу чего степень виновности каждаго изъ нихъ не находится ни въ какомъ соотношеніи съ размѣромъ наказанія. „Яко убійца самъ,—гласитъ уставъ,—такъ и прочіе имѣютъ быть наказаны, которые подлинно къ смертному убійству вспомогали или совѣтомъ, или дѣломъ вступались“ (арт. 155 XIX гл.). Что касается до интеллектуальнаго и физическаго виновника, то Воинскій уставъ такъ же, какъ и Уложеніе, подвергаетъ ихъ одинаковому наказанію. „Ежели кто кому прикажетъ,—читаемъ въ уставѣ,—кого смертью убить, оный такожъ, яко убійца самъ, имѣетъ быть казненъ смертью, а именно голову ему отсѣчь“ (арт. 160). Только Наказъ высказывается за примѣненіе неодинаковой мѣры наказанія къ разнымъ участникамъ преступленія; онъ желаетъ „положить наказанія, не столь великія сообщникамъ, какъ самымъ настоящимъ исполнителямъ“.

Разсматривая преступленіе съ *внутренней* стороны, Воинскій уставъ вполнѣ признаетъ дѣянія случайныя, неосторожныя и умышленныя, но придаетъ имъ различные термины, называя, напр., небрежными—винными и неосторожными, иногда же невинными, ненарочными и невольными. Но, несмотря на подобную неудовлетворительность терминологіи, уставъ выдѣляетъ понятіе случайнаго дѣянія отъ понятія неосторожнаго. Первое не подлежитъ наказанію. Объ этомъ довольно категорично заявляетъ арт. 159 XIX гл.; въ толкованіи же къ нему приводится слѣдующій примѣръ случайнаго дѣянія: солдатъ, стрѣляющій въ цѣль на ученьѣ и убившій подвернувшагося ему человѣка, освобождается отъ всякаго наказанія. Напротивъ, неосторожныя дѣянія всегда наказуемы, смотря по степени неосторожности (арт. 158). Въ толкованіи къ этому артикулу приводится слѣдующій случай неосторожнаго дѣянія: солдатъ, стрѣляющій изъ мушкета въ людномъ мѣстѣ и убившій кого либо, подлежитъ наказанію. Впрочемъ, иногда уставъ смѣшиваетъ понятія неосторожнаго и умышленнаго дѣянія. Такъ, въ толкованіи къ арт. 158 мы читаемъ: „ежели кто кого съ ненависти толкнетъ или что съ злости на него броситъ, или учинитъ ему что изъ недружбы, отчего умретъ, то оный обыкновенной смертной казни подверженъ“. Такимъ образомъ, неосторожное дѣяніе приравнивается къ умышленному и карается одинаково съ нимъ. Что же касается до умышленнаго дѣянія, то уставъ по отношенію къ нему дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ Уложеніемъ, различая умышленное и предумышленное дѣяніе, чего не знаетъ Уложеніе. Такъ, за умышленное убійство полагается смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы, за предумышленное же, т. е. за убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, какимъ уставъ признаетъ отравленіе или убійство по найму, полагается квалифицированная смертная казнь, именно колесованіе (арт. 161 и 162 XIX гл.). Иначе говоря, предумышленное дѣяніе, какъ дѣяніе, въ которомъ преступная воля достигаетъ наибольшаго напряженія, карается строже умышленнаго, въ которомъ преступная воля имѣетъ гораздо меньшее напряженіе.

Перехожу къ разсмотрѣнію преступнаго дѣйствія съ *внѣшней*

стороны, т. е. по мѣрѣ того, насколько намѣреніе человѣка обнаруживается вовнѣ. Въ этомъ отношеніи Воинскій уставъ различаетъ голый умыселъ, покушеніе и совершеніе преступленія. Съ точки зрѣнія современной науки уголовнаго права, голый умыселъ не наказуемъ, такъ какъ одной злой воли человѣка мало для наказанія, необходима еще наличность преступнаго дѣйствія. Иначе смотритъ на дѣло Воинскій уставъ. Онъ, подобно уложенію, караетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и голый умыселъ; такъ, въ преступленіяхъ политическихъ, голый умыселъ подлежитъ наказанію наравнѣ съ совершеніемъ преступленія, при чемъ уставъ довольно ясно опредѣляетъ, что наказаніе должно имѣть мѣсто, несмотря на то, что преступленіе, „хотя къ дѣйству и не произведено, но только воля и хотѣніе къ тому было“ (арт. 19 III гл.). Морской уставъ еще болѣе расширяетъ наказуемость голаго умысла, распространяя ее не только на одни политическія преступленія, но и на другія преступныя дѣянія („всѣ убійцы и намѣренные къ тому,—гласитъ ст. 107 XV гл.,—будутъ казнены смертью“). Что касается до покушенія, то Воинскій уставъ раздѣляетъ его на оконченное и неоконченное. Какъ то, такъ и другое всегда наказуемы, но иногда причины неокончанія могутъ вліять на смягченіе наказанія, напр., покушеніе на дуэль, неоконченное по собственному желанію дуэлянтовъ, наказывается значительно слабѣе, чѣмъ покушеніе неоконченное, вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ причинъ (XLI гл. I ч.). Наказъ голый умыселъ не наказываетъ, карая только покушеніе и совершенія, при чемъ первое слабѣе, чѣмъ послѣднее. Мотивируется это слѣдующими соображеніями: „наказаніе потребно для того, что весьма нужно предупреждать и самыя первыя покушенія ко преступленію, но какъ между сими покушеніями и исполненіемъ беззаконія можетъ быти промежутокъ времени, то не худо оставить большее наказаніе для исполненнаго уже преступленія, чтобы тѣмъ начавшему злодѣяніе дать нѣкоторое побужденіе, могущее его отвратить отъ исполненія начатаго злодѣянія.

Законодательство императорскаго періода вполнѣ признаетъ существованіе нѣкоторыхъ особенныхъ условій, наличность которыхъ или совершенно устраняетъ наказуемость, или смягчаетъ, или

же увеличиваетъ наказаніе. Такъ, Воинскій уставъ знаетъ состояніе *необходимой обороны*, но, въ отличіе отъ Уложенія, значительно ограничиваетъ ея примѣненіе. Во-первыхъ, оборона можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ защиты своей жизни. Во-вторыхъ, оборона считается дѣйствительной, если соотвѣтствуетъ нападенію, въ силу чего, при равенствѣ силъ, обороняющійся не имѣетъ права пускать въ ходъ оружіе, если нападающій безоруженъ. Въ-третьихъ, для необходимости законной обороны требуется наличность нападенія, почему убіеніе бѣгущаго врага строго воспрещается, но за то, съ другой стороны, дозволяется обороняться, не ожидая перваго удара, „ибо, гласитъ уставъ, чрезъ такой первый ударъ можетъ тако учиниться, что и противиться весьма позабудетъ“.

Сравнивая постановленія о необходимой оборонѣ по Воинскому уставу и по Уложенію, мы видимъ, что первый значительно ограничиваетъ случаи этой обороны, въ то время, какъ послѣднее совершенно не знаетъ никакихъ ограниченій и допускаетъ оборону въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Морской уставъ еще болѣе ограничиваетъ необходимую оборону, допуская ее только въ крайнемъ случаѣ и разрѣшая обороняющемуся противъ невооруженнаго употреблять оружіе только тогда, „когда крѣпко станетъ нападать и смертно бить“.

Кромѣ необходимой обороны, Воинскому уставу такъ же, какъ и Уложенію, извѣстно и состояніе *крайней необходимости*. Онъ говоритъ объ одномъ подобномъ случаѣ, а именно: если голодный человѣкъ совершитъ кражу, то уставъ предписываетъ „наказаніе умалять или весьма отставлять“ (толков. къ арт. 195 XXI гл.).

До сихъ поръ я говорилъ объ условіяхъ, устраняющихъ или увеличивающихъ наказуемость, лежащихъ исключительно во внѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовалъ человѣкъ. Перехожу теперь къ условіямъ, имѣющимъ свой источникъ, такъ сказать, въ самомъ человѣкѣ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ будетъ *опьяненіе*. Уложеніе, какъ было уже сказано, разсматриваетъ опьяненіе, за исключеніемъ одного случая, какъ обстоятельство, уменьшающее вину; напротивъ, Воинскій уставъ

стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, что объясняется, конечно, его, такъ сказать, военнымъ характеромъ, въ силу чего, уже самый фактъ опьяненія разсматривается какъ дѣяніе, подлежащее наказанію. Въ одномъ только случаѣ опьяненіе, если и не увеличиваетъ, то во всякомъ случаѣ и не уменьшаетъ наказанія, это—при богохульствѣ (арт. 3 I гл.).

Кромѣ опьяненія, изучаемой эпохѣ извѣстны еще слѣдующія обстоятельства, вліяющія на наказуемость и имѣющія свой источникъ въ самомъ человѣкѣ. Большинство этихъ обстоятельствъ впервые введено въ наше законодательство Воинскимъ уставомъ. Во-первыхъ, состояніе *аффекта*, куда уставъ относитъ раздраженіе: такъ, оскорбленіе словомъ, совершенное въ раздраженіи наказывается легче, чѣмъ совершенное безъ раздраженія (арт. 152 XVIII гл.). Во-вторыхъ, *служебная ревность*, куда относится слѣдующій случай: начальникъ (напр., офицеръ), наказывая своего подчиненнаго (напр., солдата), засѣкаетъ его до смерти; въ такомъ случаѣ онъ не подвергается смертной казни, какъ за убійство, но карается, или штрафомъ, или временной отставкой, или разжалованіемъ въ рядовые (толков. къ ар. 154 XIX гл.). Въ-третьихъ, *несовершенный возрастъ*; такъ, уставъ освобождаетъ отъ наказанія „воровъ-младенцевъ“, предписывая только наказывать ихъ розгами („лозами“) со стороны родителей (толков. къ арт. 195 XXI гл.). Въ царствованіе Елисаветы Петровны, по поводу одного частнаго случая, Сенатъ постановилъ считать несовершеннолѣтіе до 17 лѣтъ, когда преступники подвергались наказанію плетьми и отсылкѣ въ монастырь. Это сенатское рѣшеніе было подтверждено указомъ 1765 г., предписавшимъ лицъ, недостигшихъ 17 лѣтъ, за совершеніе преступленій, влекущихъ за собою смертную казнь или кнутъ, предоставлять на усмотрѣніе Сената, „гдѣ съ ними поступлено быть имѣетъ, по благоусмотрѣнію и по мѣрѣ ихъ винъ“, за совершеніе же всѣхъ прочихъ преступленій, наказывать плетьми. Въ-четвертыхъ, *умопомышательство*, при наличности котораго, по словамъ Воинскаго устава, „наказаніе обыкновенно умаляется или весьма оставляется“. На основаніи сенатской практики, можно вывести то заключеніе, что въ XVIII ст. сумасшествіе только смягчало наказаніе, а не слу-

жило обстоятельствомъ, освобождающимъ отъ него. Вотъ, что, напр., читаемъ въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи (по дѣлу Подлуцкаго): хотя по его имп. величества указу надлежало бы учинить ему, яко измѣннику и вору, смертную казнь, но, понеже по виду признавается онъ Подлуцкій въ умѣ помѣшателенъ. того ради смертныя казни ему не чинить, а, вмѣсто того, учинить наказаніе: бивъ кнутомъ, сослать на галеры въ вѣчную работу". Въ-пятыхъ, *непривычка къ службѣ*, вслѣдствіе недавняго поступленія на нее; такъ, солдатъ за побѣгъ въ первый годъ службы наказывается легче, чѣмъ за побѣгъ въ послѣдующіе годы (арт. 95 XII гл.), или солдатъ, недавно принятый на службу и „неслыхавшій воинскаго артикула", за преступленіе противъ караульной службы наказывается не смертью, какъ слѣдовало бы по уставу, но шпицрутенами (толков. къ арт. 41 IV гл.). Въ-шестыхъ, *повтореніе преступленій*, допусканіе уставомъ такимъ образомъ, что возрастаніе наказаній замедляется еще болѣе, чѣмъ по Уложенію. Такъ, за первую кражу (если цѣна украденнаго не свыше 20 руб.) полагается прогнать шпицрутенами шесть разъ сквозь строй, за вторую кражу—прогнать сквозь строй двѣнадцать разъ, за третью кражу—отрѣзать носъ и уши и сослать на каторгу и только за четвертую кражу полагается смертная казнь (арт. 189 XXI.).

Перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ преступленій и начну съ преступленій *противъ вѣры*. Къ этому разряду преступленій Воинскій уставъ относитъ богохульство, несоблюденіе церковныхъ обрядовъ, божбу и клятву, чародѣйство и, вообще, всякаго рода сусвѣрное богоотступничество. Подъ богохульствомъ уставъ понимаетъ не только хулу на Бога, но также и на Божью Матерь, святыхъ, службу и слово Божье и таинства. Такого рода преступленія караются прожженіемъ языка раскаленнымъ желѣзомъ и затѣмъ отсѣченіемъ головы (арт. 3 и 4 I гл.). Къ несоблюденію церковныхъ обрядовъ уставъ относитъ неносѣщеніе церковной службы и прибытіе въ церковь въ пьяномъ видѣ, что карается штрафомъ или тюремнымъ заключеніемъ (10—12 арт. II гл.). Подъ клятвой или божбой уставъ понимаетъ употребленіе имени Божья всуе, что наказывается публичнымъ покаяніемъ

и вычетомъ изъ жалованья (арт. 7 и 8 I гл.). Наконецъ, чародѣйство и всякаго рода суевѣрное богоотступничество, напр.: заговариваніе ружья, подкупъ чародѣя во вредъ кому-либо, чернокнижество и т. п. караются „жестокимъ“ тюремнымъ заключеніемъ, шпицрутенами и сожженіемъ. Послѣднее, впрочемъ, можетъ имѣть мѣсто только тогда, если обвиняемый въ чародѣйствѣ „вредъ кому учинилъ или дѣйствительно съ дьяволомъ обязательно имѣетъ“ (арт. 1 и 2 I гл.). Названныя постановленія проникли въ Воинскій уставъ изъ западно-европейскихъ военно-уголовныхъ сборниковъ, чѣмъ поставили его въ этомъ отношеніи неизмѣримо ниже Уложенія, совершенно незнающаго подобныхъ преступленій.

Наказу также извѣстны преступленія противъ вѣры, называемыя имъ святотатствомъ. По мнѣнію императрицы Екатерины, они должны быть наказываемы „лишеніемъ тѣхъ выгодъ, которыя даруетъ вѣра, т. е. изгнаніе изъ храмовъ, исключеніемъ изъ собранія вѣрующихъ на время или навсегда и удаленіемъ отъ ихъ присутствія“. Затѣмъ, Наказъ совѣтуетъ „весьма беречься, чтобы не наказывать тѣлесными наказаніями людей, зараженныхъ порокомъ ложной святости. Сіе преступленіе, основанное на гордости или киченіи, изъ самой боли получитъ себѣ славу и пищу, чему примѣры были въ бывшей Тайной канцеляріи, что таковые по особымъ днямъ прихаживали единственно для того, чтобы претерпѣть наказанія“. Въ заключеніе Наказъ говоритъ о волшебствѣ и еретичествѣ. „Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ,—читаемъ въ немъ,—можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено“. Однако, съ этими воззрѣніями не согласились высшія духовныя особы, которымъ императрица читала Наказъ. Они высказались за усиленіе наказуемости преступленій противъ вѣры. „Святотатства и богохуленія,—читаемъ въ ихъ примѣчаніяхъ на Наказъ,—всегда нарушаютъ покой общества, а потому, кромѣ церковнаго наказанія, они должны быть караемы и свѣтскимъ“.

Среди *государственныхъ* преступленій по законодательству

изучаемаго періода на первомъ мѣстѣ находятся преступленія *политическія*, получившія въ Воинскомъ уставѣ весьма широкое развитіе. Къ этимъ преступленіямъ названный сборникъ относитъ оскорбленіе величества, подъ которымъ понимается не только всякое преступное дѣйствіе противъ жизни и здоровья государя, государыни и наслѣдника, но также и словесное оскорбленіе государя, равно какъ и всякое осужденіе его намѣреній и дѣйствій. Всѣ эти преступленія считались самыми тяжкими и поэтому карались смертною казнью чрезъ четвертованіе или отсѣченіе головы (19 и 20 арт., III гл.). Къ политическимъ преступленіямъ относится и измѣна, подъ понятіе которой подводятся слѣдующія преступныя дѣянія: тайная переписка и тайные переговоры съ непріятелемъ, открытіе ему какимъ-либо способомъ пароля или лозунга, разглашеніе о состояніи воинскихъ дѣлъ и крѣпостей, распространеніе непріятельскихъ манифестовъ и т. п. Всѣ эти преступленія караются большею частью смертною казнью (XVI гл.). Наконецъ, къ политическимъ же преступленіямъ относится возмущеніе или бунтъ, подъ понятіе котораго уставъ подводитъ и „непристойныя сходбища“, т. е. недозволенныя собранія, хотя бы и не ради преступныхъ цѣлей, напр.: для подачи коллективной челобитной, для совѣщанія по поводу какого-либо вопроса и т. п. Виновные въ бунтѣ наказываются смертною казнью чрезъ повѣшеніе, при чемъ уставъ постановляетъ приводить это наказаніе въ исполненіе прямо на мѣстѣ совершенія преступленія, т. е. безъ суда, „дабы чрезъ то другимъ страхъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать“ (арт. 133 – 137 XVII гл.).

Для лучшаго открытія и преслѣдованія политическихъ преступниковъ Петръ возложилъ на каждаго подданнаго обязанность доносовъ, при чемъ по „первымъ двумъ пунктамъ“ — лично государю (подъ „первыми двумя пунктами“ понимались пункты указа 1713 г., а именно: 1) „ежели кто знаетъ умышленіе на его государево здоровье“ и 2) „о бунтѣ и измѣнѣ“).

Политическимъ преступленіямъ удѣляетъ не мало мѣста и Наказъ, называя ихъ оскорбленіемъ величества и считая ихъ самымъ тяжкимъ видомъ изъ преступленій противъ безопасности общественной. Подъ политическими преступленіями Наказъ при-

знаетъ преступныя дѣянія. направленныя противъ жизни и безопасности государя и измѣну государству. Такъ какъ, съ его точки зрѣнія, оскорбленіемъ величества можетъ считаться только дѣйствіе, то „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе развѣ они пріуготовляютъ или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному". Такимъ образомъ, человѣкъ, „пришедшій, напр., на мѣсто народнаго собранія, увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи величества, потому что слова совокуплены съ дѣйствіемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слово наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены". „Письма (т. е. сочиненія) суть вещь не такъ скоро преходящая, какъ слова, но когда они не пріуготовляютъ къ преступленію оскорбленія величества, то они не могутъ быть вещью, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи величества". Но не признавая за „словомъ" и „письмомъ" государственнаго преступленія, Наказъ все-таки стоитъ на точкѣ зрѣнія наказуемости за эти дѣянія, но не въ той мѣрѣ, какъ за государственныя преступленія, а гораздо легче. Эту точку зрѣнія императрица усвоила себѣ, благодаря возраженіямъ на проектъ Наказа (въ которомъ названныя дѣянія были признаны ненаказуемыми) со стороны нѣсколькихъ высшихъ духовныхъ лицъ. Послѣднія сдѣлали слѣдующее замѣчаніе по поводу разсматриваемаго пункта: „безопасность особы государя соединяется съ безопасностью всего государства, и потому малѣйшее противъ сего недоразумѣніе не должно быть оставлено безъ изслѣдованія, и потому эта рѣчь требуетъ подробнѣйшаго разъясненія". Названное замѣчаніе побудило императрицу отказаться отъ своихъ первоначальныхъ мыслей и признать „слова" и „письма", направленныя противъ особы государя и хотя бы несопряженныя ни съ какими „дѣяніями", также наказуемыми.

Екатерина II ограничила доносы, широко распространенные, вслѣдствіе петровскихъ узаконеній. Такъ, указомъ 1762 г. о политическихъ доносчикахъ, она предписала при наличности каждаго доноса предлагать доносчику вопросъ, извѣстно ли ему содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ (когда доносъ касался ихъ), при чемъ, въ случаѣ незнанія, доносъ не принимался Если же

получался удовлетворительный отвѣтъ, то доносчикъ обязывался представить доказательства; при неимѣніи же таковыхъ, онъ подвергался аресту на два дня безъ пищи и питья для „оставленія ему всего сего времени на размышленіе“. Если же и послѣ этого онъ продолжалъ настаивать на доносѣ, то показаніе его принималось во вниманіе. Заключительныя слова указа весьма характерны. „Вышеизложенные пункты,—читаемъ въ немъ,—гласятъ наипаче о подлыхъ людяхъ; совсѣмъ не чаемъ мы, чтобы благородные дворяне или офицеры, или кто-либо изъ знатнаго купечества нашлись когда-либо въ толь мерзкихъ передъ Богомъ и передъ свѣтомъ преступленіяхъ, каковы суть преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ“.

Весьма много значенія придаетъ Воинскій уставъ другому виду государственныхъ преступленій, именно преступленіямъ *противъ службы* (военной), что, впрочемъ, вполнѣ понятно въ военно-уголовномъ сборникѣ. За всякое нарушеніе дисциплины, за всякое небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и, вообще, за всякое упущеніе по дѣламъ службы, случаи которыхъ подробно перечисляются въ уставѣ, положены крайне строгія наказанія[1]).

Третій видъ государственныхъ преступленій, это—преступленія противъ *порядка управленія и суда*. Къ первой категоріи (противъ порядка управленія) могутъ быть отнесены: срываніе и истребленіе правительственныхъ указовъ и распоряженій, дѣланіе фальшивой монеты и поддѣлка актовъ и печатей; ко второй категоріи (противъ суда)—лжеприсяга и лжесвидѣтельство. О первомъ преступленіи говоритъ арт. 203 XXII гл. Воинскаго устава, предписывая всякаго, „кто явно прибитые указы, повелѣнія нарочно и нагло раздеретъ, отброситъ или вычернитъ“, ссылать въ каторжную работу „съ жестокимъ наказаніемъ“ или же „подвергать смертной казни“. Дѣланіе фальшивой монеты влечетъ за собою сожженіе (арт. 199 XXII гл.). Въ толкованіи къ этому артикулу опредѣляется понятіе названнаго преступленія, а именно уставъ гласитъ, что фальшивая монета можетъ дѣлаться

[1]) Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ, ч. II.

троякимъ способомъ: 1) „когда кто воровски чужимъ чеканомъ напечатаетъ“, 2) „когда непрямую руду (металлъ) примѣшаетъ“ и 3) „когда кто у монеты надлежащій вѣсъ отъиметъ“. Что касается до поддѣлки фальшивыхъ печатей и актовъ, то она карается тѣлеснымъ наказаніемъ, а иногда и смертью, смотря по тому, „ежели обманъ великъ или малъ, или вредителенъ есть“ (арт. 201 XXII гл.). Лжеприсяга карается отсѣченіемъ тѣхъ двухъ пальцевъ, которыми преступникъ присягалъ, и ссылкою въ каторжную работу (арт. 196); также каралось и лжесвидѣтельство (арт. 198).

Четвертый видъ государственныхъ преступленій, встрѣчающійся въ Воинскомъ уставѣ, это—преступленія противъ *общаго благоустройства* и *благочинія*. Сюда можно отнести: укрывательство преступниковъ, пристанодержательство, присвоеніе себѣ ложныхъ именъ и прозвищъ и употребленіе неправильныхъ вѣсовъ и мѣръ.

Среди преступленій противъ *частныхъ лицъ* на первое мѣсто Воинскій уставъ ставитъ *убійство* (XIX гл.). Онъ знаетъ нѣсколько видовъ этого преступленія, но всѣ они могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ. Къ первой категоріи относится обыкновенное убійство и убійство жены и дѣтей. Въ отношеніи послѣдняго уставъ придерживается слѣдующаго правила: если оно было умышленное, то виновный подвергается наказанію, какъ за обыкновенное убійство, если же оно являлось результатомъ неосторожности и произошло при наказаніи жены и дѣтей, то виновный наказывается легче. Ко второй категоріи относятся квалифицированные виды убійства, а именно: отцеубійство, убійство ребенка „во младенчествѣ“, убійство офицера солдатомъ, отравленіе и убійство по договору или найму. За обыкновенное убійство уставъ полагаетъ отсѣченіе головы, „чтобы кровь паки отмстить“; за квалифицированное же убійство—колесованіе, при чемъ тѣло преступника должно быть положено на нѣкоторое время на колесо. Въ случаѣ совершенія убійства, уставъ требуетъ констатированіе его чрезъ судебно-медицинское вскрытіе тѣла убитаго и даетъ при этомъ весьма любопытную классификацію ранъ по мѣсту, куда онѣ нанесены, и по оружію,

которымъ нанесены. Эта классификація заимствована уставомъ изъ западно-европейскихъ уголовныхъ сборниковъ, такъ какъ ничего подобнаго наше законодательство не знало.

Къ убійству уставъ причисляетъ также *самоубійство* и *убійство на дуэли*. Самоубійство наказывается слѣдующимъ образомъ: если самоубійца покончилъ съ собою въ полномъ разсудкѣ, то уставъ предписываетъ палачу „тѣло его въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ или обозу". Если же самоубійца покончилъ съ собою „въ безпамятствѣ, болѣзни или въ меланхоліи", то тѣло его хоронятъ, хотя и въ „особливомъ", но не въ безчестномъ мѣстѣ. Но кромѣ совершенія этого преступленія, подлежитъ также наказанію и покушеніе на него. Такъ, если солдатъ, руководствуясь „мученіемъ", „досадой", „безпамятствомъ" или „стыдомъ", покусится на свою жизнь, то подлежитъ изгнанію „съ безчестіемъ" изъ полка. Если же совершитъ покушеніе по какимъ-нибудь другимъ мотивамъ, то подвергается смертной казни (арт. 164 XIX гл.).

Что касается до дуэли, то всѣ участвовавшіе въ ней (даже, если дѣло и не дошло до поединка), какъ дуэлянты, такъ и секунданты, подлежатъ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Мало того, уставъ предписываетъ наказывать даже убитыхъ на дуэли, постановляя вѣшать ихъ трупы за ноги (арт. 139 и 140 XVII гл. и LXIX гл. I ч.). Самый вызовъ на дуэль велъ къ лишенію чести и конфискаціи имущества. Въ этомъ отношеніи Наказъ стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, высказываясь за наказаніе только одного „наступателя". Екатерина II значительно смягчила наказаніе за дуэль, предписавъ указомъ 1787 г. наказывать не за дуэль, а за ея послѣдствія, смотря по тому, будутъ ли таковыми раны, увѣчья или смерть.

Постановленіе Воинскаго устава касательно преступленій противъ *тѣлесной неприкосновенности* отличаются крайней неопредѣленностью и противорѣчивостью. Они дѣлятся на двѣ категоріи: на побои и на увѣчья. Уставъ перечисляетъ нѣсколько видовъ тѣхъ и другихъ. Такъ, онъ говоритъ о побояхъ, произведенныхъ рукой, при чемъ полагаетъ за нихъ въ разныхъ главахъ разныя наказанія. Изъ нихъ уставъ выдѣляетъ, въ каче-

ствѣ спеціальнаго вида преступленія, ударъ рукою по щекѣ, караемый такимъ же ударомъ по щекѣ со стороны профоса (палача) въ присутствіи всей роты (арт. 145 XVII гл.). Другой видъ побоевъ, о которомъ говоритъ уставъ, это—побои, произведенные палкою и, вообще, тупымъ орудіемъ, наказываемые по одной статьѣ испрашиваніемъ прощенія у обиженнаго, а по другой—отсѣченіемъ руки! Что касается до увѣчій, то они наказываются или отсѣченіемъ руки или слѣдующимъ наказаніемъ: преступникъ ставится подъ висѣлицу, и затѣмъ ему прокалываютъ руки гвоздемъ или ножемъ; въ такомъ положеніи онъ находится цѣлый часъ, послѣ чего прогоняется шпицрутенами сквозь строй (арт. 143 XVII гл.).

Къ преступленіямъ противъ *чести* по Воинскому уставу относится клевета. Она можетъ быть высказана на словахъ и на письмѣ. Въ первомъ случаѣ она карается легче, чѣмъ во второмъ. Такъ, за устную клевету полагается полугодичное тюремное заключеніе и, кромѣ того, обязанность со стороны клеветника публично заявить передъ судомъ, что онъ солгалъ (арт. 151 XVIII гл.). Клевета, высказанная на письмѣ, называется уставомъ пасквилемъ и опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовитъ, напишетъ или напечатаетъ и въ томъ кого въ какомъ дѣлѣ обвинитъ, чрезъ что его доброму имени нѣкакой стыдъ причиненъ быть можетъ, и оное явно прибьетъ или прибить велитъ, а имени своего или прозвища въ ономъ не изобразитъ“ (арт. 149 XVIII гл.) Такимъ образомъ, для наличности пасквиля уставъ требуетъ неизвѣстность его автора, чѣмъ крайне суживаетъ понятіе клеветы, выраженной въ письменной формѣ. Послѣдняя всегда наказуема, но степень этой наказуемости находится въ зависимости отъ истинности или ложности извѣстій, заключающихся въ пасквилѣ. Если извѣстія ложны, то пасквилянтъ, въ случаѣ его отысканія, подвергается тому наказанію, которое положено за преступленіе, приписанное имъ въ пасквилѣ невинному человѣку. Если же обвиненіе вѣрно, то пасквилянтъ подвергается, или тюремному заключенію, или ссылкѣ на каторгу, или шпицрутенамъ. Мотивируется это тѣмъ, что „онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы

другаго погрѣшеніе объявить". Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ пасквиль сжигается палачемъ подъ висѣлицею.

Что касается до *имущественныхъ* преступленій, то уставу извѣстны: кража, грабежъ, поджогъ и насильственное истребленіе или поврежденіе чужого имущества. Говоря о кражѣ, уставъ дѣлаетъ шагъ впередъ, сравнительно съ предшествующимъ законодательствомъ, посредствомъ введенія въ оцѣнку кражи — цѣны украденаго. Такъ, онъ различаетъ кражу на сумму не свыше 20 рублей отъ кражи свыше 20 р. О наказуемости первой мы уже говорили при разсмотрѣніи повторенія преступленій. Вторая же карается прямо смертной казнью чрезъ повѣшеніе. Съ ней въ отношеніи наказанія уравнены еще слѣдующіе виды кражи: 1) во время наводненія и пожара, 2) изъ военныхъ хранилищъ, 3) у своего господина или товарища и 4) во время караула со стороны караульнаго. Кромѣ этихъ видовъ кражи, уставъ знаетъ еще нѣсколько спеціальныхъ видовъ, а именно: кража священныхъ вещей изъ церкви (святотатство), караемое колесованіемъ (арт. 186), кража человѣка, караемая отсѣченіемъ головы (арт. 187), и кража изъ намета, въ полѣ и въ походѣ, караемая отсѣченіемъ ушей и носа (арт. 188). Къ области же кражи уставъ относитъ утайку чужихъ вещей, взятыхъ на сохраненіе (арт. 193), растрату казенныхъ денегъ (арт. 194) и присвоеніе находки (арт. 195). Всѣ эти преступленія караются повѣшеніемъ. Что касается до грабежа, то уставъ дѣлитъ его на два вида: совершенный „невооруженной рукой" и съ оружіемъ въ рукахъ. Первый карается повѣшеніемъ, второй колесованіемъ (арт. 182 — 185 XXI гл.). Поджогъ смѣшивается уставомъ съ поврежденіемъ и истребленіемъ чужого имущества, и оба преступленія караются сожженіемъ (арт. 178 XXI гл.).

Въ царствованіе Екатерины II указомъ 1781 г. „о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ" было впервые смягчено наказаніе за мелкія кражи. Подъ послѣдними указъ призналъ кражи „цѣною ниже 20 рублей". За совершеніе подобнаго преступленія въ первый разъ по указу было положено: „имать подъ стражу и отослать въ рабочій домъ, гдѣ работать дондеже заплатитъ то, что укралъ, и 6% выше того тому, у кого укралъ".

За вторую кражу полагалось то же, но съ прибавленіемъ двухъ ударовъ плети и обязательной работы въ пользу рабочаго дома въ размѣрѣ тоже 6% цѣны украденаго. За третью кражу виновный подвергался тремъ ударамъ плети, кромѣ того, отдавался въ рабочій домъ съ обязательствомъ заработать цѣну украденаго, затѣмъ 6% этой цѣны на удовлетвореніе пострадавшему и 12% въ пользу рабочаго дома. За крупныя кражи наказаніе осталось прежнее, т. е. смертная казнь, замѣненная на практикѣ при Елисаветѣ Петровнѣ ссылкою въ каторжныя работы съ вырываніемъ ноздрей. Другая особенность разсматриваемаго указа состояла въ томъ, что онъ провелъ точное разграниченіе между воровствомъ и грабежомъ, указавъ отличительный признакъ послѣдняго въ насиліи физическомъ или психическомъ („грабежъ есть, буде кто нападетъ, страшая дѣйствіемъ..... и нахально ограбитъ или отниметъ, или дать себѣ принудитъ“)[1]).

Къ преступленіямъ противъ *нравственности* Воинскій уставъ относитъ изнасилованіе, прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе и др. Изнасилованіе карается смертною казнью чрезъ отсѣченіе головы; но при этомъ въ фактѣ изнасилованія судьѣ вмѣняется обязанность удостовѣриться посредствомъ освидѣтельствованія пострадавшей. На показаніе женщинъ дурного поведенія уставъ запрещаетъ полагаться, „хотя правда,—говоритъ онъ,—нѣкоторыя права насиліе надъ явною блудницею не жестоке наказать повелѣваютъ, однакоже, сіе все едино, ибо насиліе есть насиліе, хотя надъ блудницею или честною женою. и надлежитъ судьѣ не на особу, но на дѣло и на самое обстоятельство смотрѣть“. Эти „обстоятельства“ по уставу слѣдующія: 1) „ежели у женщины или у насильника, или у нихъ у обоихъ найдется, что платье отъ обороны разодрано“, 2) „или у единаго, или другаго или синевы, или кровавые знаки найдутся“, 3) „ежели изнасиленная по скоромъ дѣлѣ къ судьѣ придетъ и о насильствіи жалобу принесетъ“ (арт. 167 XX гл.). Единственный случай изнасилованія, который не наказывался уставомъ, это изнасилованіе невѣсты (арт. 168 XX гл.). Подъ прелюбодѣяніемъ уставъ понимаетъ недозволенную связь между мужчиной и женщиной, какъ между женатымъ и замужней, такъ и между холостымъ и незамужней. Подъ понятіе этого

[1]) См. Сергѣевича Лекціи и изслѣдованія, стр. 923. Впрочемъ, въ изложеніи проф. Сергѣевича содержаніе указа 1781 г. передано невѣрно.

преступленія подводится и связь между женатымъ и незамужней, и наоборотъ. Прелюбодѣяніе карается тюремнымъ заключеніемъ, шпицрутенами и ссылкою въ каторжныя работы (арт. 169 и 170 XX гл.). Кромѣ того, если отъ связи между холостымъ и незамужней родится ребенокъ или женщина еще только забеременитъ, то отецъ обязуется, выражаясь словами устава, „для содержанія матери и младенца, по состоянію своему и платы, нѣчто дать“. Если же будетъ доказано, что женщина вступила въ связь, вслѣдствіе обѣщанія на ней жениться, то ея соблазнитель обязуется исполнить свое обѣщаніе (арт. 176). Въ одномъ только случаѣ прелюбодѣяніе наказывается значительно легче, это — если обвиненные въ немъ женатые люди докажутъ, что „въ супружествѣ способу не могутъ получить тѣлесную охоту утолить“, т. е., что супруги оказываются неспособными къ половому сожитію (арт. 170). Подъ кровосмѣшеніемъ или блудомъ уставъ понимаетъ недозволенную связь между близкими родственниками и свойственниками, т. е. между такими лицами, которыя не могутъ вступить въ бракъ между собой по соображеніямъ свойства или родства. Уставъ знаетъ два вида этого преступленія: 1) связь между родственниками и свойственниками прямыхъ линій, караемую смертною казнью, и 2) связь между родственниками и свойственниками боковыхъ линій, караемую „по судейскому разсужденію“ и церковнымъ покаяніемъ (арт. 173 и 174 XX гл.).

II. Ученіе о наказаніи.

Наказывая преступника, законодательство императорскаго періода преслѣдовало опредѣленныя *цѣли*, какъ и въ періодъ Московскаго государства. Такою цѣлью было, во-первыхъ, *устрашеніе*. „Такимъ ворамъ — писалъ, напр., Петръ Виніусу о раскольникахъ, — которые, собравъ людей, сожигали, безъ всякой пощады *во страхъ инымъ*, такимъ же ворамъ сжечь“. Что устрашеніе было одною изъ цѣлей наказанія, на это указываетъ и терминологія законодательныхъ памятниковъ, напр.: „подъ жестокимъ страхомъ“, „подъ жестокимъ его государевымъ гнѣвомъ“, „подъ страхомъ жестокаго наказанія“ и т. п. „Того ради, — читаемъ въ

Генеральномъ регламентѣ,—надлежитъ публичному мѣсту быть, гдѣ въ указное время все наказаніе чинено быть имѣетъ, дабы всякъ, смотря на то, отъ такихъ прегрѣшеній и преступленій себя могъ охранить". Иначе говоря, публичность казней также являлась орудіемъ устрашенія; эту же цѣль преслѣдовало законодательство, усиливая жестокость наказанія и вводя массу, такъ называемыхъ, квалифицированныхъ наказаній.

Другою цѣлью наказанія было *возмездіе* въ формѣ, главнымъ образомъ, матеріальнаго таліона. Возмездіе преобладаетъ въ Воинскомъ уставѣ. „Кто имени Божію хуленіе наноситъ,—читаемъ въ немъ,—и оное презираетъ, и службу Божію поноситъ, и ругается слову Божію и св. таинствамъ, ему языкъ раскаленнымъ желѣзомъ прожженъ будетъ", или „кто пистолетъ или шпагу на кого подыметъ, оному рука отсѣчена да будетъ", или за лжеприсягу— „два пальца, которыми присягалъ, отсѣчь"[1]). Но и другіе законодательные памятники, а также и практика нерѣдко преслѣдовали цѣли возмездія. Вотъ, что читаемъ, напр., въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи 1722 г. по дѣлу Левина, который „показалъ себя не только злымъ порицателемъ его имп. величества высокія персоны и злодѣемъ къ народу, но и богохульникомъ и иконоборцемъ", почему и былъ приговоренъ къ сожженію: „прежде той казни (т. е. сожженія) вырѣзать ему языкъ, понеже которымъ удомъ прежде злобу онъ произносилъ, тотъ удъ и казнь прежде воспріемлетъ". При осуществленіи цѣлей возмездія, законодательство заботилось о постоянномъ соотвѣтствіи и соразмѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ; это стремленіе лучше всего сказывается въ наказаніи пасквилянта. „Онаго,—гласитъ Воинскій уставъ,—надлежитъ наказать такимъ же наказаніемъ, каковою страстью онъ обруганнаго хотѣлъ обвинить, т. е., если кто-нибудь въ пасквилѣ бранилъ кого-либо измѣнникомъ или инымъ злымъ дѣломъ, такой пасквилотворецъ и самъ долженъ быть наказанъ, яко измѣнникъ или такихъ дѣлъ дѣлатель, о которыхъ описалъ".

Третья цѣль, преслѣдовавшаяся наказаніемъ, заключалась въ *обезпеченіи* общества отъ преступниковъ путемъ принятія мѣръ,

[1]) Также: „кто кого убьетъ, онаго кровь паки отмститъ".

долженствовавшихъ гарантировать населеніе отъ проявленія злой воли лицъ, впавшихъ въ преступленіе. Для этой цѣли служили ссылка и тюремное заключеніе, получившія довольно широкое развитіе въ императорскомъ періодѣ, а также членовредительныя наказанія и наложеніе на тѣло преступниковъ неизгладимыхъ знаковъ, благодаря которымъ, они всегда могли быть извѣстны всѣмъ, какъ заклейменные, и въ случаѣ бѣгства, легко могли быть отысканы. Вотъ, что гласитъ, напр., указъ 1723 г.: „его имп. величество усмотрѣть соизволили, что у каторжныхъ невольниковъ, которые присланы въ вѣчную работу, ноздри вынуты малознатны; того ради его имп. величество указалъ: во всѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ въ каторжную работу присылаютъ, вынимать ноздри до кости, дабы, когда случится такимъ сбѣжать, чтобы вездѣ утаиться было не можно и для лучшей поимки были знатны, также которые нынѣ есть при каторжныхъ дворахъ, такіе жъ невольники учинить тожъ".

Наконецъ, послѣднею цѣлью наказанія было *извлеченіе выгодъ изъ преступника*, для чего служила эксплоатація его личнаго труда и имущественныя наказанія. Первая крайне развилась при Петрѣ, доказательствомъ чего служитъ огромная масса указовъ послѣдняго. „Послать преступниковъ туда, гдѣ дѣлаютъ новую гавань",—читаемъ въ одномъ изъ нихъ. „Каторжныхъ не потреблять въ мелкія и разныя работы,—читаемъ въ другомъ,—но на тѣ, кои на одномъ мѣстѣ, а именно: сваи бить и прочія, тому подобныя". „Ссылать на тамошніе разные заводы на работу",—гласитъ третій. „Винныхъ бабъ и дѣвокъ,—читаемъ въ четвертомъ,—отсылать въ опредѣленный прядильный дворъ". Вотъ что писалъ самъ Петръ князю Ромодановскому: Henadigste Herr, азъ доношу вашему величеству, что добрыхъ людей довольство имѣемъ; нынѣ же зѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысячъ воровъ (а именно, если возможно, 2000 человѣкъ) приготовить къ будущему лѣту, которыхъ по всѣмъ приказамъ, ратушамъ и городамъ собрать по первому пути и которые посланы въ Сибирь, а нынѣ еще въ Вологдѣ". До насъ дошли также слѣдующія слова Виніуса: „всякихъ воровъ и бусурманскихъ полонянниковъ мочно на каторги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобъ не разбѣжались и зла не учинили; и чѣмъ

такимъ ворамъ и полоняникамъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, хлѣбъ тунѣ давать, и они бъ на каторгахъ хлѣбъ зарабатывали". Имущественныя взысканія также утилизировались государствомъ; одни изъ нихъ шли въ казну (такъ, по указу 1721 г. „положенныя деньги съ раскольщиковъ, которыя будутъ собираться вдвое", было предписано отсылать въ Штатсъ-конторъ-коллегію, а „штрафы по духовнымъ дѣламъ имать въ Синодъ"), другіе же на „госпитали лечебные", на больницы и т. п.

Иначе смотрѣла на цѣли наказанія имп. Екатерина въ своемъ Наказѣ. Мысли ея касательно наказанія весьма важны въ области исторіи русскаго уголовнаго права, такъ какъ Наказъ былъ первый памятникъ, ставшій проповѣдывать у насъ гуманныя идеи въ обращеніи съ преступникомъ, заимствованныя съ Запада. Цѣль наказанія по Наказу не заключается ни въ возмездіи, ни въ устрашеніи. Напротивъ, съ точки зрѣнія императрицы, въ области мелкихъ преступленій цѣль наказанія состоитъ въ исправленіи, въ области же крупныхъ преступленій—въ воспрепятствованіи преступникамъ причинять вредъ обществу. Говоря о наказаніи, Наказъ задается вопросомъ, на основаніи какого права общество можетъ наказывать своихъ членовъ. „Откуда,...— говоритъ онъ,—имѣютъ начало свое наказанія, и на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей?" „Законы,—отвѣчаетъ императрица,—можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось. Но не довольно было установить сіи способы, кои сдѣлались залогомъ общества, надлежало и предохранить оный: наказанія установлены на нарушителей. Всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно ненадобное для сохраненія въ цѣлости сего залога". „Когда бы жестокость наказанія не была бы уже опровергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то къ отриновенію оныя довольно было бы и сего, что она безполезна; и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива. Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобы воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу, и чтобъ отвратить сограждан отъ содѣланія

подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены съ преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее и въ то же время были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ". „Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи, сколько варварскихъ и безполезныхъ мученій, вышесказанныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безсчастныхъ людей, которыя оныя претерпѣли и претерпѣваютъ, многажды обвиненные въ преступленіяхъ сбыться трудныхъ или немогущихъ, часто сплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія. Кто можетъ смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими пріуготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратіею? Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвалися беззаконія самыя безчеловѣчныя. Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими". „Гражданская вольность тогда торжествуетъ, когда законы на преступниковъ всякое наказаніе выводятъ изъ особливаго каждому преступленію свойства. Все произвольное въ наложеніи наказанія исчезаетъ. Наказаніе не должно происходить отъ прихоти законоположника, но отъ самой вещи, и не человѣкъ здѣсь долженъ дѣлать насиліе человѣку, но собственное дѣйствіе человѣка. Чтобы наказаніе не казалось насильствомъ одного или многихъ, противу гражданина возставшихъ, надлежитъ, чтобъ оно было народное, по надлежащему скорое. потребное для общества, умѣренное, сколь можно при данныхъ обстоятельствахъ, уравненное съ преступленіемъ и точно показанное въ законахъ". „Чѣмъ ближе будетъ отстоять наказаніе отъ преступленія и въ надлежащей учинится скорости, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и справедливѣе: справедливѣе, потому что оно преступника избавитъ отъ жестокаго и излишняго мученія сердечнаго о неизвѣстности своего жребія". „Сказано мною, что въ надлежащей скорости чинимое наказаніе полезно

для того, что, чѣмъ меньше времени пройдетъ между наказаніемъ и преступленіемъ, тѣмъ больше будутъ почитать преступленіе причиною наказанія, а наказаніе дѣйствомъ преступленія". „Наказаніе должно быть непреложно и неизбѣжно. Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ".

Мы нарочно привели много цитатъ изъ Наказа касательно наказанія, чтобъ показать, какъ не сходны и какъ мало точекъ соприкосновенія имѣютъ воззрѣнія Наказа на этотъ институтъ уголовнаго права съ воззрѣніями прежняго законодательства. Такъ, по Уложенію и Воинскому уставу, смотрящихъ на наказаніе, какъ на средство возмездія, устрашенія и т. п., оно должно быть по возможности сурово и жестоко. Око за око и зубъ за зубъ и „наказати его нещадно, чтобъ, смотря на то, и другимъ неповадно было такъ дѣлати"—вотъ два принципа, которые провозглашаются Уложеніемъ въ области уголовнаго права. Воинскій уставъ, въ этомъ отношеніи еще болѣе суровъ, чѣмъ Уложеніе. Каждая строка его, можно сказать, дышетъ страшною жестокостью и ненавистью по отношенію къ преступнику. Между этими двумя памятниками и Наказомъ цѣлая бездна. Смотря на наказаніе, какъ на средство исправленія преступника или изолированія его отъ окружающаго его общества, Наказъ отвергаетъ жестокость, какъ необходимый признакъ наказанія, считая вліяніе ея на общество въ высшей степени деморализующимъ. Не жестокость наказанія, а сознаніе его неизбѣжности должно воздерживать преступника отъ совершенія преступленія, вотъ новая мысль, которую старается популяризировать Наказъ. Одна изъ главныхъ функцій законодательства должна состоять въ предупрежденіи преступленій; вотъ другая, также совершенно новая мысль, высказанная у насъ впервые въ Наказѣ. Отношеніе послѣдняго къ преступнику въ полномъ смыслѣ слова гуманное: онъ старается избавить его отъ излишняго мученія, вслѣдствіе чего настаиваетъ на скорости наказанія. Кромѣ того, ему не слѣдуетъ имѣть характера насилія, въ силу чего оно должно вполнѣ соотвѣтствовать преступленію.

Отличительными *свойствами* наказанія въ изучаемую эпоху были: во-первыхъ, *отсутствіе индивидуальности* наказанія, въ силу чего нерѣдко карались не только одни преступники, но и близкія къ нимъ лица, напр., жена, дѣти и др. Такъ, въ сенатскомъ указѣ 1713 г. о неявившихся купецкихъ людяхъ въ Ригу, читаемъ: „а женъ ихъ и дѣтей, и людей ихъ держать за карауломъ, а пожитки ихъ, запечатавъ, поставить караулъ, пока они (купцы) явятся въ Ригу". „Буде нѣтчики и бѣглецы,—гласитъ указъ 1699 г. о штрафѣ съ нѣтчиковъ,—учнутъ отъ взятья тѣхъ денегъ изъ домовъ своихъ избѣгать и укрываться въ иныя села и деревни, и у тѣхъ велѣть имать женъ и дѣтей ихъ, и свойственниковъ, которые съ ними живутъ въ однихъ домахъ, и держать въ тюрьмѣ и за караулы покамѣсть тѣ деньги на нихъ направлены будутъ". Объ отсутствіи индивидуальности наказанія свидѣтельствуетъ также указъ 1697 г. о воронежскихъ солдатахъ; „кто изъ нихъ,—читаемъ въ указѣ,—нынѣ, по высылкѣ, къ тому дѣлу не пойдутъ, учинено будетъ жестокое наказаніе: на козлѣ и въ проводку будутъ биты кнутомъ и съ женами, и съ дѣтьми сосланы будутъ на вѣчное житье въ Азовъ".

Во-вторыхъ, наказаніе отличалось крайнею *неопредѣленностью* своей законодательной формулировки, въ силу чего часто не опредѣлялся не только видъ, но и самый родъ наказанія. Такими терминами, какъ, напр., „подъ опасеніемъ жестокаго наказанія", „подъ опасеніемъ государева гнѣва и жестокаго истязанія", „быть въ казни" и т. п. буквально испещрены указы первой половины XVIII ст. Иногда опредѣляется родъ, но не опредѣляется видъ наказанія, напр., „бить кнутомъ нещадно" (ничего не сказано о количествѣ ударовъ), „положены будутъ великіе денежные штрафы", „за первую вину будутъ биты кошками, а за вторую кнутами" и т. п.

Въ-третьихъ, *отсутствіе равенства* всѣхъ предъ закономъ въ отношеніи наказанія, что объяснялось сословнымъ духомъ эпохи. Вотъ что гласитъ, напр., указъ 1714 г.: „тѣмъ вышнихъ чиновъ дворянамъ быть въ его великаго государя гнѣвѣ, а нижнимъ въ жестокомъ истязаніи". Въ другомъ указѣ того же года читаемъ: „съ вышнихъ и нижнихъ чиновъ людей взятъ будетъ

штрафъ, смотря по персонамъ". На основаніи указа 1700 г. было предписано съ гостей брать „пени большія", а остальныхъ купцовъ подвергать тѣлесному наказанію. Въ указахъ объ утайкѣ душъ въ ревизскихъ сказкахъ со стороны помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ и старостъ правительство предписало подвергать виновныхъ слѣдующему наказанію: съ помѣщиковъ брать вдвое людей противъ утаеннаго, а приказчиковъ и старостъ карать смертью.[1]) Точно также и Воинскій уставъ опредѣляетъ далеко не одинаковый родъ наказанія для офицеровъ и солдатъ, при чемъ послѣдніе наказываются строже, чѣмъ первые; наконецъ, нерѣдко встрѣчаются такія выраженія въ уставѣ: „наказать, смотря по состоянію особъ", или „смотря по чину особъ". Неравенство наказаній и соотношеніе ихъ съ общественнымъ положеніемъ преступника значительно увеличилось и развилось при Екатеринѣ II, когда дворяне, купцы двухъ первыхъ гильдій и именитые граждане получили разныя льготы въ области уголовнаго права. При Александрѣ I нѣкоторыя изъ такихъ льготъ, напр., освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, получило и духовенство.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, *мучительность* наказаній, значительно увеличившаяся съ изданіемъ Воинскаго устава. Только Наказъ призналъ, что „наказаніе должно быть непреложно и неизбѣжно" и что „самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленія есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ".

Переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ *видовъ* наказаній. Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалась *смертная казнь*, но, несмотря на это, она полагалась въ огромномъ количествѣ случаевъ какъ въ сепаратныхъ указахъ, такъ и въ Воинскомъ уставѣ (уставъ опредѣляетъ ее въ 122 случаяхъ, при чемъ въ 62 съ обозначеніемъ вида и въ 60 безъ обозначенія). Однако, на практикѣ смертная казнь примѣнялась далеко не всегда и нерѣдко замѣнялась другими наказаніями. Вотъ что гласитъ, напр., указъ 1703 г., „на Москвѣ во всѣхъ приказахъ приводныхъ всякихъ чиновъ людей, которые явятся по розыскнымъ дѣламъ въ его го-

[1]) См. Филиппова О наказаніи по законодательству Петра Великаго, а также мою рецензію на это сочиненіе въ „Истор. Вѣстникѣ" 1891 г., № 9.

сударевыхъ дѣлахъ, въ измѣнѣ и бунтѣ, и въ смертныхъ умышленныхъ убивствахъ или кто кого какимъ питіемъ или отравою уморитъ, и тѣхъ людей за тѣ ихъ вины казнить смертью". Иначе говоря, этимъ указомъ, несмотря на существованіе Уложенія, новоуказныхъ статей и сепаратныхъ указовъ, въ изобиліи расточающихъ смертную казнь за массу всевозможныхъ преступленій и проступковъ, на практикѣ примѣненіе ея ограничивается всего нѣсколькими случаями, точно указанными въ указѣ 1703 г. И дѣйствительно, изъ послѣдующихъ указовъ мы видимъ, что смертная казнь постоянно замѣнялась другими наказаніями и, если примѣнялась, то только за болѣе важныя преступленія. „Воровъ и разбойниковъ,—читаемъ, напр., въ указѣ 1704 г.,—которые въ убивствѣ, въ прямомъ воровствѣ, измѣнѣ и бунтѣ, казнить, а которые кромѣ вышеписанныхъ винъ, а по *законамъ достойны смерти*, тѣхъ бить кнутомъ и, заклеймивъ новыми пятнами, послать вѣчно въ каторгу". „Разбойниковъ за второй разбой,—гласитъ указъ 1714 г.,—*вмѣсто смерти* послать на вѣчную каторгу". Указъ 1721 г. предписываетъ „ *освобождать отъ смерти* убійцъ, которые явятся сами и въ томъ (убійствѣ) вину принесутъ добровольно" и т. д.

Виды смертной казни были слѣдующіе: обыкновенные и квалифицированные. Къ первымъ относились: 1) отсѣченіе головы (по Воинскому уставу въ 8 случаяхъ), производившееся съ Петра при помощи меча („царь, говоритъ Корбъ, пожелалъ казнить преступниковъ новымъ еще, неизвѣстнымъ его народу, способомъ—не топоромъ, а мечемъ"); 2) повѣшеніе, примѣнявшееся по Воинскому уставу въ 33 случаяхъ, при чемъ въ 7 случаяхъ оно принимало коллективный характеръ, когда, кромѣ начальниковъ, подвергался висѣлицѣ десятый изъ солдатъ; 3) аркебузированіе или разстрѣляніе, впервые получившіе законодательную санкцію въ Воинскомъ уставѣ (7 случаевъ). Квалифицированные виды были слѣдующіе: 1) четвертованіе, иногда сопровождавшееся рваньемъ тѣла клещами (впрочемъ, иногда четвертованіе производилось послѣ казни надъ трупомъ преступника); 2) окопаніе въ землю, при чемъ въ послѣдній разъ эта казнь была примѣнена въ 1740 г.; 3) залитіе горла металломъ, смягченная указомъ 1723 г., пред-

писавшимъ, „буде такіе заливающіе горло скоро не умруть, то отсѣкать для скорой смерти голову“; 4) колесованіе, при чемъ тѣло преступника оставлялось на нѣкоторое время на колесѣ; 5) сожженіе, иногда выражавшееся въ формѣ копченія, т. е. сожженія на медленномъ огнѣ, при чемъ преступникъ, по словамъ Штраленберга, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обкуривался какимъ-то ѣдкимъ составомъ, такъ что у него вылѣзали всѣ волосы на тѣлѣ; 6) повѣшеніе за ребро посредствомъ особаго крюка, впервые введенное инструкціей для искорененія разбойниковъ 1719 г. „для вящихъ воровъ и разбойниковъ и особливо тѣхъ, кои чинили смертныя убивства и мученія“ и имѣвшее мѣсто въ послѣдній разъ при усмиреніи пугачевскаго бунта.

Смертная казнь сравнительно широко примѣнялась до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны, питавшей глубокое отвращеніе къ этому виду наказанія. Этимъ отвращеніемъ объясняется появленіе указа 1744 г., фактически пріостановившаго дѣйствіе смертной казни въ Россіи. „Усмотрѣно въ правительственномъ Сенатѣ,—гласилъ этотъ указъ,—что въ губерніяхъ и въ провинціяхъ, и въ городахъ, такожъ и въ войскѣ, и въ прочихъ мѣстахъ имперіи смертныя казни чинятъ не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безвинно“. Въ виду этого, указъ предписалъ „для лучшаго разсмотрѣнія“ присылать въ Сенатъ „обстоятельныя перечневыя выписки“. т. е. экстракты изъ всѣхъ дѣлъ, по которымъ состоялись смертные приговоры, и до полученія изъ Сената соотвѣтственныхъ указовъ не приводить въ исполненіе этихъ приговоровъ, руководствуясь тѣмъ же правиломъ и на будущее время. 25 мая 1753 г. появляется новый указъ, которымъ опять предписывается присылать въ Сенатъ экстракты изъ дѣлъ со смертными приговорами, пріостанавливая исполненіе этихъ послѣднихъ. Результатомъ названныхъ указовъ было, съ одной стороны, накопленіе въ Сенатѣ массы подобныхъ приговоровъ, остававшихся по повелѣнію императрицы безъ разсмотрѣнія, а съ другой стороны, переполненіе тюремъ присужденными къ казни преступниками, ожидавшими дальнѣйшаго сенатскаго указа. Вотъ, почему 30 сентября 1754 г. появился наконецъ сенатскій указъ, въ которомъ еще разъ было подтверждено, чтобы „приговорен-

нымъ къ смертной казни смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго о нихъ указа не чинить; а дабы оные, за долговременнымъ разсматриваніемъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ, не избывали наказанія и изъ ссылки побѣговъ чинить и, за непостановленіемъ на нихъ законовъ, укрываясь, въ такія же воровства вступать не дерзали", предписывается, ссылая ихъ въ Рогервикъ (Балтійскій портъ) и въ другія мѣста, подвергать жестокому наказанію кнутомъ, рванью ноздрей и клейменію словомъ „воръ". Елисавета Петровна, хотя только пріостановила дѣйствіе смертной казни, но безспорно желала и совершенной ея отмѣны, о чемъ свидѣтельствуетъ ея словесный указъ, данный въ 1761 г. законодательной комиссіи, которымъ она „высочайше повелѣть соизволила въ новочиняемомъ Уложеніи за подлежащія вины смертной казни не писать" (см. *мои* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.).

Точно также и Екатерина II, хотя въ принципѣ и не отрицала смертной казни, но въ необходимости ея далеко была не увѣрена, что и выразилось въ крайней неопредѣленности статей Наказа касательно этого вида наказанія. Такъ, въ 79 ст. говорится, что „гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять". Въ этомъ отношеніи смертная казнь есть „нѣкоторое лекарство больнаго общества". Такимъ образомъ, въ названной статьѣ высказывается мысль, что убійство должно наказываться смертною казнью. Напротивъ, въ ст. 210 смертная казнь допускается только тогда, когда общество находится въ анархическомъ состояніи и когда преступникъ можетъ быть освобожденъ изъ тюрьмы. При нормальномъ же теченіи дѣлъ въ государствѣ, когда хорошее устройство тюремъ вполнѣ можетъ гарантировать общество отъ бѣгства преступниковъ, смертная казнь излишня, потому что „ни чрезмѣрная жестокость и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія". Въ виду противорѣчія этихъ статей другъ другу, ясно, что императрица не выработала себѣ опредѣленной точки зрѣнія на разрѣшеніе вопроса о смертной казни. На практикѣ же въ ея цар-

ствованіе все осталось попрежнему, т. е. смертная казнь не примѣнялась, хотя продолжала существовать въ законѣ (преступниковъ подвергали смерти только въ исключительныхъ случаяхъ).

Въ царствованіе Александра I этотъ вопросъ снова былъ поднятъ. Дѣло въ томъ, что въ 1813 г. законодательная комиссія составила проектъ уголовнаго Уложенія и внесла его въ Государственный совѣтъ для разсмотрѣнія. Проектъ, хотя допустилъ примѣненіе смертной казни, но, во-первыхъ, ограничилъ виды ея, признавъ только два вида: повѣшеніе или казнь первой степени и отсѣченіе головы или казнь второй степени и, во-вторыхъ, значительно съузилъ самую сферу примѣненія смертной казни, постановивъ вдобавокъ, что ни одинъ смертный приговоръ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе безъ утвержденія его государемъ. Тѣмъ не менѣе допущеніе въ проектѣ разсматриваемаго вида наказанія вызвало въ Государственномъ совѣтѣ серьезные протесты. Ярымъ противникомъ смертной казни выступилъ извѣстный адмиралъ графъ Мордвиновъ. „Когда благодѣтельными самодержцами Россіи, говорилъ Мордвиновъ въ своемъ письменномъ мнѣніи, отмѣнена смертная казнь, то возстановленіе ея въ новоизданномъ уставѣ при царствованіи Александра I невольно приводитъ меня въ трепетъ и смущеніе. Знаменитѣйшіе по уголовной части писатели признали и доказали ненадобность и безполезность смертной казни, приводя всѣмъ другимъ народамъ въ изящный примѣръ тому Россію". „Имѣетъ ли человѣкъ,—читаемъ далѣе,—право отнять у подобнаго себѣ то, чего, раскаявшись впослѣдствіи, онъ не въ силахъ ему возвратить? Судья, постановляющій смертный приговоръ, невольно чувствуетъ душевное содроганіе; не есть ли это напоминаніе ему совѣстью о томъ, что онъ принимаетъ на себя ему непринадлежащее? Нравственный и всеобщій законъ, воспрещающій убивать безоружнаго, долженъ ли измѣниться въ своей правости въ примѣненіи къ обществу, а окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности его быть далѣе вреднымъ, не есть ли жертва безполезная и невинная? Облечь кроткаго и человѣколюбиваго императора Александра I въ званіе возобновителя въ Россіи смертной казни, самое благоговѣніе мое, никогда въ сердцѣ моемъ къ

особѣ Его Величества неумолчное, меня не допускаетъ„ [1]). Однако и въ это царствованіе вопросъ о смертной казни не былъ разрѣшенъ и только уже съ изданіемъ Свода Законовъ и Уложенія о наказаніяхъ 1845 г. вышелъ изъ своего неопредѣленнаго положенія.

Вторымъ по тяжести наказаніемъ были *тѣлесныя наказанія*, раздѣлявшіяся на членовредительныя и болѣзненныя. Къ первымъ относились: прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, отсѣченіе суставовъ, руки и пальцевъ, отрѣзаніе носа и ушей, рванье ноздрей и прибитіе гвоздемъ или ножемъ руки къ висѣлицѣ на одинъ часъ. Екатерина II, хотя и высказала въ Наказѣ, что „всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить", однако, этого не сдѣлала, и честь отмѣны членовредительныхъ наказаній всецѣло принадлежитъ Александру I. Отмѣняя, между прочимъ, въ 1817 г., рванье ноздрей, государь мотивировалъ это тѣмъ, что, „при нынѣшнемъ устройствѣ внутренней стражи, такая мѣра, установленная для пресѣченія осужденнымъ способовъ возвращаться изъ ссылки, болѣе не нужна".

Къ болѣзненнымъ наказаніямъ относились: прогнаніе шпицрутенами сквозь строй 6 или 12 разъ, наказаніе кнутомъ, батогами, плетьми и кошками, а также ношеніе ружей и сѣделъ, скованіе рукъ и ногъ въ желѣзо, сажаніе на деревянную лошадь и хожденіе по деревяннымъ кольямъ.

Третьимъ наказаніемъ являлась *ссылка* на каторжныя и другія работы. Каторги или галеры были особыя суда, двигавшіяся веслами. Работа послѣдними и была поручена каторжникамъ или „каторжнымъ невольникамъ", какъ тогда говорилось. Вдоль борта галеры придѣлывались особыя „банки", по 25 на каждой сторонѣ, къ которымъ приковывалось по 5 или 6 невольниковъ, управлявшихъ однимъ весломъ. Точность гребли была такова, что 50 веселъ составляли какъ бы одно; впрочемъ, это было необходимо потому, что, если бы одно весло поднялось или опустилось скорѣе другихъ, гребцы, имъ управлявшіе, ударили бы въ спину сидящихъ впереди и въ свою очередь получили бы

[1]) Загоскинъ, Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи.

ударъ заднихъ. Никакой свободный человѣкъ не могъ бы грести подобнымъ образомъ безъ отдыха болѣе часа (говоритъ г. Елагинъ, авторъ „Исторіи русскаго флота"), между тѣмъ каторжники должны были иногда продолжать свою работу по 10, а иногда и по 20 часовъ сряду. Если кто изъ невольниковъ падалъ въ безсиліи, на него сыпались удары плетей приставовъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ не исчезали признаки жизни; затѣмъ его бросали въ море. Иногда вмѣсто каторги преступники ссылались на другія работы, напр.: на постройку крѣпости, въ порты, въ рудники, на заводы и т. п. И тотъ, и другой видъ ссылки могъ быть вѣчнымъ и временнымъ. Что касается до ссылки на поселеніе, то она въ началѣ изучаемаго періода не была распространена и своего развитія достигла уже впослѣдствіи.

Четвертымъ видомъ наказанія было *тюремное заключеніе*, извѣстное въ формѣ простого и „жестокаго" заключенія; впрочемъ, памятники не указываютъ на черты различія этихъ двухъ видовъ наказанія. Воинскому уставу извѣстенъ еще третій видъ, это, такъ называемый, арестъ у профоса (палача). Наказъ является большимъ сторонникомъ тюремнаго заключенія, рекомендуя вѣчное заключеніе въ тюрьмѣ, какъ эквивалентъ смертной казни.

Пятымъ видомъ наказанія было *лишеніе чести и правъ*, выражавшееся въ формѣ особыхъ позорящихъ наказаній и въ формѣ шельмованія. Къ первымъ относились слѣдующія наказанія: изгнаніе со службы съ безчестіемъ, публичное испрошеніе прощенія на колѣняхъ, полученіе пощечины со стороны профоса передъ ротою и т. п. Что касается до шельмованія, то это наказаніе впервые введено Петромъ и довольно подробно опредѣляется въ Воинскомъ уставѣ. „Котораго имя къ висѣлицѣ прибито или шпага его отъ палача переломлена,—гласитъ уставъ,—воромъ (шельмъ) объявленъ будетъ". Какія были послѣдствія шельмованія, объ этомъ мы узнаемъ изъ приписки къ Воинскому артикулу, сдѣланной самимъ Петромъ. Подлинный текстъ этой приписки заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „изъясненіе о лишеніи чести надлежитъ знать всѣмъ, какъ съ тѣмъ поступать, кто чести лишенъ и шельмованъ, т. е. изъ числа добрыхъ людей честныхъ извергнутъ: 1) ни въ какое дѣло, ниже свидѣтельство не принимать; 2) кто такого ограбитъ, побьетъ или ранитъ, или

у него отыметъ, и у онаго челобитныя не принимать и суда ему не давать, развѣ до смерти кто его убьетъ, то, яко убійца, судится; 3) въ компанію не допускать, и единымъ словомъ таковой вѣчно лишенъ общества добрыхъ людей, а кто сіе преступитъ, самъ можетъ наказанъ быть" [1]). Изъ этой приписки видно, что результатомъ шельмованія была постановка человѣка почти внѣ закона и внѣ общества. Его нельзя было только убить, но за то все остальное вполнѣ дозволялось по отношенію къ нему; даже всякое общеніе съ нимъ трактовалось, какъ преступленіе, подлежавшее извѣстному наказанію. Шельмованіе нерѣдко влекло за собою еще другія наказанія, напр., смертную казнь, конфискацію имущества и т. п. Упомянутымъ наказаніемъ занимается и Генеральный регламентъ Вотъ, что читаемъ въ немъ: „никакое воздаяніе такъ людей не приводитъ къ добру, какъ любленіе чести, равнымъ же образомъ никакая такъ казнь не страшитъ, какъ лишеніе оной (т. е. чести; того ради всякаго не точію шельмованнаго, но и того, который на публичномъ мѣстѣ наказанъ или обнаженъ былъ отчуждаться и якобы мерзить имъ надлежитъ, а не точію къ дѣлу какому допускать, посѣщать или компанію съ нимъ имѣть подъ штрафомъ, дабы нарушеніе чести въ вящшую казнь людей имѣли и тѣмъ бы себя болѣе отъ худыхъ дѣлъ воздерживали, ибо, когда хотя бъ что кому и учинено было, а увидитъ, что онъ съ своею братьею въ равенствѣ, то скоро забудетъ все, что ему учинено, и такое наказаніе не въ наказаніе будетъ".

Уже при Петрѣ шельмованіе иногда называлось *политическою смертью* („казнить смертью натуральною и политическою,— гласитъ указъ 5 февр. 1724 г.,—по важности дѣла и всего имѣнія лишить"), однако, свою законодательную формулировку она получила только при Елисаветѣ Петровнѣ. Послѣдняя предписала Сенату представить ей докладъ, „за какія вины политическая смерть и какая именно по указамъ положена?" Исполняя повелѣніе государыни, Сенатъ въ 1753 г., постановилъ рѣшеніе, которымъ опредѣлилъ понятіе политической смерти. Подъ нею,

[1]) Розенгеймъ, Исторія военно-судныхъ учрежденій въ Россіи.

гласило рѣшеніе, „должно именовать то, ежели кто положенъ будетъ на плаху, взведенъ на висѣлицу, а потомъ наказанъ будетъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей или хотя и безъ всякаго наказанія токмо вѣчной ссылкѣ“. Послѣдствіемъ политической смерти являлось лишеніе всѣхъ правъ состоянія и конфискація имущества. „Женамъ (мужей, подвергнутыхъ политической смерти),—читаемъ въ указѣ 1724 г.,—которыя похотятъ итти замужъ или постричься, или въ своихъ приданыхъ деревняхъ жить, и въ томъ дать имъ свободу, понеже мужья отлучены вѣчно, подобно якобы умре“. Также и табель о рангахъ предписываетъ политически умершихъ „лишать отъ имѣвшаго титла и рангу, развѣ они отъ насъ за какія выслуги паки за собственную рукою и печатью въ совершенную ихъ честь возстановлены, и о томъ публично объявлено будетъ“.

Послѣднимъ видомъ наказанія были *имущественныя наказанія*, дѣлившіяся на три категоріи, а именно: вычетъ изъ жалованья, штрафъ, шедшій въ казну и частнымъ лицамъ, и конфискація имущества. Послѣдняя касалась или всего или только части имущества. О первомъ случаѣ указы обыкновенно говорятъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „движимое и недвижимое ихъ имѣніе будетъ взято на государя“, „деревни и животы у такихъ братъ“, или „дворы ихъ и пожитки, и заводы, какіе у нихъ есть“, или „отобраніе всего, что имѣетъ, и лишеніе всего, своего имѣнія“. Во второмъ случаѣ упоминаются вотчины или помѣстья, а также „пожитки и прочее, что случится“.

Наконецъ, кромѣ свѣтскихъ наказаній, было извѣстно еще и *церковное покаяніе*.

Гражданское право.

I. Право семейственное.

Первымъ условіемъ для вступленія въ бракъ считался опредѣленный *возрастъ*, который до 1830 г. былъ: для мужчинъ—15 лѣтъ, для женщинъ—13 лѣтъ; лицамъ же, недостигшимъ этого возраста, вступленіе въ бракъ было запрещено. Съ указа 1830 г., возрастъ видоизмѣняется, а именно вступать въ бракъ могли только лица, достигшія—мужчины 18 лѣтъ, а женщины—16 лѣтъ. „Желая предохранить вѣрноподданныхъ,—гласилъ указъ,—отъ тѣхъ, извѣстныхъ по опыту, вредныхъ послѣдствій, кои происходятъ отъ сочиненія браковъ между несовершеннолѣтними и потрясаютъ добрые нравы, признали мы за благо повелѣть, дабы воспрещено было священникамъ отнынѣ впредь вѣнчать браки, если женихъ и невѣста не достигли еще первый 18, а послѣдняя 16 лѣтъ". Это правило вошло и въ Сводъ Законовъ.

Законодательство обратило вниманіе также на предѣльный старческій возрастъ, съ наступленіемъ котораго бракъ воспрещался. Такъ, Св. Синодъ указомъ 1744 г. призналъ такимъ возрастомъ 80 лѣтъ. „Бракъ отъ Бога установленъ,—читаемъ въ указѣ Синода,—для умноженія рода человѣческаго, чего отъ имѣющаго за 80 лѣтъ надѣяться весьма отчаянно, ибо, по словамъ псалмопѣвца, человѣкъ можетъ быть въ силахъ только до 80 лѣтъ, а множае трудъ и болѣзнь, которые трудъ и болѣзнь клонятъ къ смерти человѣка, а не къ умноженію рода человѣческаго".

Синодъ обратилъ вниманіе также и на пропорціональность лѣтъ жениха и невѣсты, хотя и не постановилъ на этотъ счетъ никакихъ правилъ. Указомъ 1775 г. онъ осудилъ только несоразмѣрность лѣтъ между брачущимися сторонами. „Вступаютъ въ бракъ,—гласилъ указъ,—въ лѣтахъ, между собою весьма несходственныхъ; женятъ же въ крестьянствѣ малолѣтнихъ ребятъ

съ возрастными дѣвками, а сіи малолѣтнихъ ребятъ умерщвляютъ, за что нѣкоторыя по гражданскому суду и къ смертной казни были приговорены".

Вторымъ условіемъ считалась *правильность сознанія*, при отсутствіи котораго бракъ возбранялся. Такъ, указъ 1722 г., воспретилъ вступать въ бракъ „дуракамъ", т. е. слабоумнымъ. „Понеже,—гласилъ указъ,—какъ послѣ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей движимое и недвижимое имѣніе даютъ въ наслѣдіе дѣтямъ ихъ, таковымъ дуракамъ, что ни въ какую науку и службу не годятся, а другіе, не смотря на ихъ дурачество, но для богатства отдаютъ за оныхъ дочерей своихъ и свойственницъ замужъ, отъ которыхъ добраго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно; того ради повелѣваемъ какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людямъ, и ежели у кого въ фамиліи нынѣ есть или впредь будутъ таковые, которые ни въ науку, ни въ службу не годились и впредь не годятся, отнюдь жениться и замужъ итти не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать".

Третьимъ условіемъ считалась *свободная воля* брачущихся. Петръ энергически воспротивился тому порядку вещей, при которомъ родители и господа безконтрольно распоряжались своими дѣтьми и рабами, заключая ихъ браки. Вотъ что писалъ онъ Сенату въ 1724 г.: „въ прошломъ 1722 г., въ бытность нашу въ Сенатѣ, вы (т. е. сенаторы) предлагали намъ пунктъ о принужденныхъ бракахъ, которые бываютъ въ дѣтяхъ за страхъ родителей, а въ рабахъ по принужденіи господъ ихъ, безъ произволенія сочетанныхъ, и требовали на оный рѣшенія; и по оному предложенію повелѣваемъ учинить во всемъ Россійскомъ государствѣ такое запрещеніе, дабы отнынѣ родители дѣтей и всякаго званія люди рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочетанію не принуждали и не брачили подъ опасеніемъ тяжкаго штрафованія". Согласно съ этимъ рѣшеніемъ родители и господа обязывались предъ вѣнчаніемъ своихъ дѣтей и рабовъ приносить присягу, что они не принуждаютъ ихъ къ вступленію въ бракъ. Но, съ другой стороны, согласіе родителей осталось попрежнему необходимымъ условіемъ для вступленія въ бракъ дѣтей.

Четвертымъ условіемъ было *дозволеніе начальства* для служащихъ лицъ и дозволеніе воеводъ и губернаторовъ для неслужащихъ. Воеводы и губернаторы за каждый бракъ получали особую плату (древняя выводная куница), отмѣненную въ 1775 г. „Гдѣ въ которой области Имперіи нашей,—читаемъ въ манифестѣ этого года,—состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго и градоначальника, и за таковое дозволеніе собирается сборъ или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе всемилостиво отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа.

Послѣднимъ условіемъ, имѣвшимъ мѣсто при вступленіи въ бракъ дворянъ, считалось *образованіе*. Петръ предписалъ вѣнчать только тѣхъ дворянъ, которые представятъ особое свидѣтельство отъ учителя, что знаютъ грамматику, ариѳметику и геометрію.

Что касается до самаго *совершенія* брака, то оно подверглось нѣкоторой модификаціи. Такъ, при Петрѣ были уничтожены сговорныя записи, имѣвшія столь важное значеніе въ московскомъ періодѣ. Затѣмъ обрученіе обязательно должно было совершаться за шесть недѣль до вѣнчанія, при чемъ при извѣстныхъ условіяхъ могло быть расторгнуто (чего не было въ московскомъ періодѣ). Вотъ что читаемъ, напр., въ указѣ 1702 г.: „буде обручатся, а послѣ обрученія женихъ невѣсты взять не похочетъ или невѣста за жениха замужъ итти не похочетъ же, и въ томъ быть свободѣ по правильному св. отецъ разсужденію“. Что касается до поводовъ къ расторженію обрученія, то о нихъ указъ говоритъ слѣдующее: „обрученіе упразднятися можетъ винъ ради сицевыхъ: аще бы женихъ обручилъ себѣ невѣсту сущу неблагообразну или во удеси коемъ нагубну, поврежденну, мнящи, яко красна есть и благообразна, нескорбна и здрава; по обрученіи же, аще бы увѣдалъ, яко есть безобразна, скорбна, нездрава, можетъ отъ нея быти свободенъ“. При Екатеринѣ II вѣнечныя памяти были отмѣнены и указомъ 1775 г., обрученіе слито съ вѣнчаніемъ. Съ Петра впервые появляются смѣшанные браки, немыслимые въ москов-

скомъ періодѣ. Такъ, въ 1721 г., онъ дозволилъ шведамъ, жившимъ въ Сибири, вступать въ бракъ съ русскими, но при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) принятія русскаго подданства и 2) несовращенія женъ и дѣтей изъ православія.

Поводами *прекращенія* брака въ изучаемую эпоху были: 1) политическая смерть и ссылка въ вѣчную каторжную работу (жены въ такихъ случаяхъ получали право подавать прошенія о разводѣ); 2) поступленіе въ монашество, служившее поводомъ къ разводу при слѣдующихъ условіяхъ: a) при одновременности постриженія обоихъ супруговъ, b) при достиженіи извѣстнаго возраста, а именно не менѣе 50 лѣтъ и c) при отсутствіи малолѣтнихъ дѣтей (лица, недостигшія 50 лѣтъ и имѣющія дѣтей, не могли поступать въ монашество); 3) безвѣстное отсутствіе; 4) неизлѣчимая болѣзнь (вотъ что читаемъ въ указѣ 1723 г.: „разлучающихся мужа и жену отъ брачнаго союза за болѣзнями отнюдь безъ синодальнаго разсужденія не разводить и не постригать, токмо изслѣдовать о томъ обстоятельно и опасно, посвидѣтельствовавъ болѣзни докторами, присылать доношенія съ письменнымъ свидѣтельствомъ въ Синодъ и ожидать синодской резолюціи“), и 5) прелюбодѣяніе (съ 1811 г. было предписано представлять доказательства послѣдняго). Священникамъ было запрещено совершать разводъ подъ страхомъ изверженія изъ сана. Разводить могли только одни епископы, а съ 1805 г.— Синодъ.

Личныя отношенія супруговъ попрежнему основывались на началѣ неравноправности, такъ какъ жена находилась въ подчиненномъ положеніи у мужа. „Мужъ,—гласитъ уставъ благочинія,— да прилѣпится къ своей женѣ въ согласіи и любви, уважая, защищая и извиняя ея недостатки, облегчая ея немощи, доставляя ей пропитаніе по состоянію и возможности хозяина“, „жена да пребываетъ въ любви, почтеніи и послушаніи къ своему мужу и да оказываетъ ему всякое угожденіе и привязанность аки хозяйка“. При императорѣ Николаѣ I у мужей было отнято право наказанія женъ, такъ какъ состоялось запрещеніе бить и увѣчить послѣднихъ.

Что касается до видоизмѣненій въ правахъ состоянія, обу-

словливаемыхъ бракомъ, то здѣсь необходимо различать два случая: бракъ между свободными и бракъ между свободными и несвободными. Въ первомъ случаѣ состояніе жены опредѣлялось состояніемъ мужа. Единственное исключеніе изъ этого правила было введено Жалованной грамотою дворянству, по которой дворянка никогда не лишалась дворянскаго достоинства, за кого бы она не вышла замужъ. Во второмъ случаѣ до Екатерины II дѣйствовало прежнее правило: „по холопу раба, по рабѣ холопъ“, но съ Екатерины II крѣпостная, выйдя замужъ за свободнаго, получала свободу, если ея мужъ выплачивалъ опредѣленный выкупъ ея господину. Съ Александра I свободная женщина, выйдя замужъ за крѣпостного, не утрачивала своей свободы и не переходила въ крѣпостное состояніе.

Имущественныя отношенія супруговъ основывались на принципѣ раздѣльности. „Жены недвижимое и движимое,—читаемъ въ указѣ 1716 г.,—съ чѣмъ она шла замужъ или по родству ей данное, по свидѣтельству письменному, при ней да будетъ“. „Собственнымъ женъ приданымъ имѣніемъ,—читаемъ въ другомъ указѣ (1731 г.),—и что онѣ, будучи замужемъ, куплею себѣ или послѣ родственниковъ по наслѣдству присовокупили, быть при нихъ, не зачитая того въ ту указную дачу, что надлежитъ дать имъ изъ мужня“ (имѣнія послѣ смерти мужа). Съ 1753 г., жены получили полную дѣеспособность, такъ какъ могли распоряжаться своимъ имуществомъ безъ согласія мужа. Единственное ограниченіе этого права было введено вексельнымъ уставомъ 1832 г., по которому жена, безъ согласія мужа, не могла выдавать векселя, но выдавала, такъ называемыя, заемныя письма.

Союзъ родителей и дѣтей устанавливался, какъ и прежде, рожденіемъ и усыновленіемъ. Что касается до незаконнорожденныхъ дѣтей, то законодательство уже начинаетъ интересоваться ихъ судьбой. Такъ, Воинскій уставъ возложилъ на отца обязанность содержать незаконныхъ дѣтей вмѣстѣ съ матерью. Вопросъ объ усыновленіи незаконнорожденныхъ былъ поднятъ при Александрѣ I, при чемъ Государственный совѣтъ высказался за возможность подобнаго усыновленія при послѣдующемъ бракѣ родителей, но только въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе,

какъ съ разрѣшенія государя. Однако, при Николаѣ I подача всякихъ просьбъ объ узаконеніи была воспрещена. Усыновленіе, какъ второй способъ установленія союза родителей и дѣтей, невозбранно разрѣшалось всѣмъ сословіямъ, кромѣ дворянъ. Послѣдніе же могли усыновлять только при наличности слѣдующихъ двухъ условій: 1) при отсутствіи нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ той же фамиліи, къ которой принадлежалъ усыновитель, и 2) при усыновленіи родственниковъ, а не постороннихъ людей.

Способами прекращенія союза родителей и дѣтей были: 1) политическая смерть и ссылка на вѣчную каторгу; 2) поступленіе въ монашество, и 3) замужество дочерей („одно лицо,—читаемъ въ сенатскомъ рѣшеніи 1802 г.,—двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы суть родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи, а особливо въ случаѣ могущей быть между изволеніями ихъ противоположности“).

Въ личномъ отношеніи дѣти были вполнѣ подчинены родителямъ. Вотъ, что читаемъ по этому поводу въ уставѣ благочинія: „родители суть властелины надъ своими дѣтьми; природная любовь къ дѣтямъ предписываетъ имъ долгъ дать дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по состоянію“. Однако, въ императорскомъ періодѣ встрѣчаются уже попытки ограничить родительскую власть; такъ: 1) родители могутъ отдавать въ наймы малолѣтнихъ дѣтей только на пять лѣтъ; 2) родители попрежнему могутъ отдавать дѣтей въ монастырь, но этотъ обычай осуждается законодательствомъ („сей обычай душегубенъ есть,—говоритъ Духовный регламентъ,—и хотя чада родительской власти подлежатъ, но не какъ скоты безсловесные, въ томъ наипаче, что требуетъ самихъ ихъ разсужденія и воли, каковое есть избраніе житья“); 3) умышленное убійство дѣтей карается, какъ всякое убійство, и только неумышленное, во время наказанія, карается легче, и 4) родителямъ, по законодательству Николая I, запрещается увѣчить и ранить дѣтей.

Въ имущественномъ отношеніи отдѣленныя дѣти были вполнѣ независимы отъ родителей, такъ какъ пользовались всѣми имущественными правами и распоряжались своею собственностью

безъ согласія родителей. Напротивъ, неотдѣленныя дѣти, хотя и обладали полною правоспособностью, но въ отношеніи дѣеспособности были ограничены, не имѣя права распоряжаться имуществомъ безъ согласія родителей (указъ 1761 г.).

Законодательство изучаемаго періода обратило вниманіе и на *опеку* [1]). Такъ, были созданы особыя учрежденія, на обязанности которыхъ лежала забота объ интересахъ опекаемыхъ. По петровскому законодательству, такими органами были магистраты, назначавшіе опекуновъ и надзиравшіе за ихъ дѣятельностью. Послѣдніе обязывались представлять отчеты въ магистраты по управленію имуществомъ опекаемыхъ и по воспитанію послѣднихъ. Екатерина II учредила дворянскую опеку и сиротскій судъ. Первая вѣдала опеку надъ малолѣтними дворянами, послѣдній надъ городовыми обывателями. Екатерина же опредѣлила качества опекуновъ: послѣдними не могли быть банкроты, лица, находящіяся подъ судомъ или суроваго нрава, а также враги родителей опекаемыхъ. Опекуны получали, въ видѣ вознагражденія, за свои труды 5% изъ дохода управляемаго ими имущества и обязывались ежегодно представлять отчеты о своей дѣятельности. Съ 1785 г. были учреждены попечители, которые замѣняли опекуновъ, при достиженіи опекаемыми 14 лѣтъ. Попечительство продолжалось до наступленія опекаемому 21 года. Находясь подъ наблюденіемъ попечителя, опекаемый пользовался правомъ распоряжаться своимъ имуществомъ, но не иначе, какъ съ согласія попечителя. Съ Петра была учреждена опека надъ безумными, а также и надъ жестокими помѣщиками.

II. Право наслѣдственное.

Наслѣдованіе по завѣщанію. Указъ о единонаслѣдіи 1714 г., обязательный для всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ [2]), значительно видоизмѣнилъ наслѣдственное право, чѣмъ и вызвалъ противъ себя сильную оппозицію со стороны общества. По указу отецъ,

[1]) Вопросомъ объ опекѣ очень много занимается проектъ новаго Уложенія, составленный Елисаветинской законодательной комиссіей 1754—66 гг., посвящая ему нѣсколько главъ.

[2]) Въ этомъ, между прочимъ, заключалась одна изъ его отличительныхъ чертъ сравнительно съ западно-европейскимъ майоратомъ, обязательномъ только для высшихъ сословій (см. мои Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права стр. 228).

имѣющій нѣсколькихъ сыновей, обязывался назначить одного изъ нихъ (безразлично котораго) наслѣдникомъ всего своего недвижимаго имущества; остальнымъ же сыновьямъ, называемымъ „кадетами“, онъ могъ оставить только движимое имущество, раздѣливъ его между ними, по своему усмотрѣнію. При неимѣніи сыновей, отецъ долженъ былъ завѣщать имущество которой-либо изъ своихъ дочерей. За отсутствіемъ же дѣтей, собственникъ обязывался передать имущество кому-либо изъ своихъ родственниковъ, но непремѣнно той же фамиліи, къ которой принадлежалъ самъ. Наконецъ, за отсутствіемъ и таковыхъ, онъ могъ передать имущество которой-либо изъ своихъ родственницъ (безразлично, какой фамиліи) съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы ея мужъ принялъ фамилію наслѣдодателя (то же обязательство имѣло мѣсто и при наслѣдованіи дочери). Извѣстно, что указъ 1714 г. былъ отмѣненъ въ 1731 г.

Съ Екатерины II, раздѣлившей имущество на родовое и благопріобрѣтенное, завѣщать можно было только послѣднее, такъ какъ первое обязательно переходило къ законнымъ наслѣдникамъ.

Наслѣдованіе по закону. Въ случаѣ отсутствія завѣщанія, по указу 1714 г., наслѣдникомъ всего имущества родителей становился старшій сынъ, являвшійся опекуномъ ex officio своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. За неимѣніемъ сыновей, имущество переходило къ старшей дочери. Послѣ отмѣны указа о единонаслѣдіи и вслѣдствіе слитія помѣстій и вотчинъ, явилась необходимость опредѣлить наслѣдственныя права женъ и дочерей. Поэтому отнынѣ въ недвижимостяхъ жена стала получать 7-ую часть, а дочери—14-ую, въ движимостяхъ же—жена $^1/_4$, а дочери—$^1/_8$, притомъ не на прожитокъ, а въ полную собственность.

Въ изучаемую эпоху было также урегулировано наслѣдованіе восходящихъ (при отсутствіи нисходящихъ). Они получали обратно все, ими подаренное дѣтямъ, и, кромѣ того, пользовались пожизненно всѣмъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ послѣднихъ.

Наконецъ, необходимо еще сказать, что съ 1700 г. дѣла по наслѣдствамъ были изъяты изъ состава юрисдикціи церковнаго суда и стали подсудны свѣтскому суду.

III. Право вещное.

Указомъ 1714 г. помѣстья были окончательно слиты съ вотчинами и названы недвижимостью („всѣ недвижимыя вещи, т. е. родовыя выслуженныя и купленныя вотчины и помѣстья, также дворы и лавки"). Анна Ивановна, отмѣнивъ указъ 1714 г., не только не измѣнила этого его постановленія, но, напротивъ, „повелѣла впредь съ сего нашего указа (1731 г.) какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать ровно одно—недвижимое имущество". При Екатеринѣ II впервые появляется терминъ „собственность". Такъ, въ Наказѣ генералъ-прокурору читаемъ: „разсужденіе о взаимности всѣхъ гражданъ между собою составляетъ право гражданское, которое сохраняетъ и въ безопасность приводитъ собственность всякаго гражданина". При Екатеринѣ же имущество окончательно раздѣлилось на родовое и благопріобрѣтенное, при чемъ первое не подлежало даренію и завѣщанію, но за то могло быть выкуплено въ продолженіе трехъ лѣтъ; второе же подлежало всякимъ сдѣлкамъ. При ней же вполнѣ выяснилось различіе въ охранѣ собственности и владѣнія; такъ, по Учрежденію о губерніяхъ 1775 г., возстановленіе нарушеннаго владѣнія было функціей административныхъ властей: городничихъ въ городѣ и исправниковъ въ уѣздѣ, возстановленіе же права собственности принадлежало исключительно суду.

Съ другой стороны, въ императорскомъ періодѣ появляются такія ограниченія права собственности, какія совершенно не были извѣстны въ московскомъ періодѣ. Онѣ касаются какъ права распоряженія, такъ и права пользованія. Къ первой категоріи относится запрещеніе, по указу 1714 г., всякаго вида отчужденій недвижимаго имущества, за исключеніемъ продажи, и то „по особенной нуждѣ". Въ связи съ этимъ находилось расширеніе права выкупа, выразившееся въ томъ, что, во-первыхъ, имъ можно было пользоваться по отношенію ко всякому имуществу и, во-вторыхъ, дѣти могли выкупать въ продолженіе 40 лѣтъ.

Ко второй категоріи относились: 1) права государства на нѣдра земли („намъ однимъ, яко монарху, гласилъ одинъ петровскій указъ, принадлежатъ рудокопные заводы"; впрочемъ, госу-

дарь „милостиво соизволяетъ употребленіе ихъ всѣмъ и каждому"), въ силу чего добыча металловъ и минераловъ на земляхъ частныхъ собственниковъ составляло привилегію казны. Логическимъ слѣдствіемъ сказаннаго было дозволеніе каждому отыскивать руду и строить заводы на чужой землѣ безъ разрѣшенія собственника послѣдней, получавшаго только опредѣленный доходъ съ завода. Это ограниченіе было уничтожено Екатериной II въ 1782 г., признавшей, что „право собственности не только на поверхности земли, каждому изъ нихъ (собственниковъ) принадлежащей, но и въ нѣдрахъ той земли, и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на всѣ сокровенные минералы и произрастенія, и на всѣ изъ того дѣлаемые металлы"; 2) право государства на произрастанія земли, т. е. на лѣса, въ силу чего при Петрѣ нѣкоторые виды деревьевъ были объявлены заповѣдными, т. е. принадлежащими казнѣ, при чемъ рубка ихъ была запрещена подъ страхомъ штрафа (кленъ, ильмъ, вязъ и сосна) и даже смертной казни (рубка дуба). Названное право также было уничтожено въ 1782 г., что подтвердила и Жалованная грамота дворянству („подтверждается благороднымъ право собственности въ лѣсахъ, растущихъ въ ихъ дачахъ, и свободнаго ихъ употребленія"); 3) права угодій, въ силу которыхъ нѣкоторыя угодія (напримѣръ, рыбная ловля) были объявлены собственностью государства, а другія обложены опредѣленнымъ оброкомъ (напр., пчельники и бортныя ухожья); 4) право охоты, благодаря которому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., около Петербурга и Москвы) было запрещено ловить и убивать опредѣленные виды животныхъ и птицъ, напр., лосей, зайцевъ и соловьевъ; 5) право на промышленныя заведенія, въ силу чего нѣкоторыя изъ нихъ были обложены оброкомъ, напр., мельницы.

Эти ограниченія права собственности вызвали сильное неудовольствіе общества, почему, когда въ 1767 г. была созвана законодательная комиссія, то всѣ сословія въ своихъ наказахъ ходатайствовали предъ Екатериною II объ уничтоженіи названныхъ ограниченій. Государыня исполнила желанія наказовъ и нѣсколькими мѣропріятіями въ 1775, 1782 и 1785 гг. уничтожила ихъ, при чемъ Жалованная грамота дворянству подтвердила

дворянамъ полное право собственности на ихъ недвижимое имущество. „Благородному, гласила грамота, свободная воля и власть оставляется, бывъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить или завѣщать, или въ приданое, или въ прожитокъ отдать, или продать, кому заблагоразсудитъ“.

Судопроизводство.

Судоустройство. При Петрѣ впервые произошла попытка отдѣленія суда отъ администраціи, хотя это начало и не было послѣдовательно проведено, такъ какъ нѣкоторыя административныя власти, напр., губернаторы должны были контролировать дѣятельность судебныхъ органовъ. Но какъ бы то ни было, Петръ создалъ особыя учрежденія и должности, долженствовавшія вѣдать только судъ, чѣмъ и положилъ начало отдѣленію суда отъ администраціи, окончательно завершившемуся при Екатеринѣ II. Такъ, въ 1713 г. въ губерніяхъ были учреждены *ландрихтеры*, подчиненные оберъ-ландрихтеру, одному на всю губернію. Въ составъ ихъ юрисдикціи входили гражданскія, преимущественно поземельныя дѣла. Въ 1719 г. учреждаются, такъ называемые, *надворные суды* (отъ одного до двухъ на губернію), подчиненные Юстицъ-коллегіи. Надзоръ за ихъ дѣятельностью, а также приведеніе въ исполненіе ихъ рѣшеній было возложено на губернаторовъ. Послѣдніе могли пріостановить рѣшенія судовъ и донести объ этомъ Юстицъ-коллегіи и Сенату, если находили ихъ неправильными. Надворные суды не были учреждены повсюду, какъ то видно изъ указа 1722 г., предписавшаго, „гдѣ нѣтъ надворныхъ судовъ, судить воеводамъ и губернаторамъ, но придать имъ для вспомоществованія одного или двухъ асессоровъ или коммиссаровъ“. Въ городахъ судебными учрежденіями были магистраты. Второй инстанціей являлись коллегіи, высшимъ же судомъ, рѣшенія котораго были безапелляціонны—Сенатъ

Кромѣ гражданскихъ судовъ, Петръ учредилъ и военный судъ или кригсрехтъ, состоявшій изъ двухъ инстанцій. Первой и высшей изъ нихъ былъ генеральный кригсрехтъ, въ составъ юрисдикціи котораго входилъ судъ по государственнымъ преступленіямъ, по преступленіямъ цѣлыхъ частей войскъ и по преступленіямъ высшихъ воинскихъ чиновъ, равно какъ и по престу-

пленіямъ противъ этихъ послѣднихъ. Этотъ же судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся апелляціонной инстанціей по отношенію къ низшему суду. Послѣднему или полковому кригсрехту были подсудны всѣ оберъ-офицеры и низшіе чины за всѣ преступленія, кромѣ тѣхъ, которыя входили въ составъ юрисдикціи высшаго суда. Оба суда являлись коллегіальными учрежденіями, состоявшими изъ предсѣдателя (презуса) и нѣсколькихъ асессоровъ изъ военныхъ чиновъ. Кромѣ того, въ каждомъ судѣ имѣлся, въ качествѣ представителя юридическаго элемента, аудиторъ, обязанный наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ законовъ и за соблюденіемъ предписаннаго законами дѣлопроизводства, и секретарь.

Послѣ смерти Петра, правительство Екатерины I возвратилось къ старому порядку вещей и снова соединило судъ и администрацію въ однѣхъ рукахъ. Такъ, указомъ 1727 г. надворные суды были уничтожены, а судебныя функціи возложены на губернаторовъ и воеводъ, при чемъ апелляціонной инстанціей по отношенію къ нимъ была признана Юстицъ-коллегія. Такимъ образомъ, гражданскій и уголовный судъ сосредоточился въ губернской, провинціальной и воеводской канцеляріи, а въ городахъ—въ магистратахъ, раздѣленныхъ на губернскіе, провинціальные и городовые и подчиненныхъ губернаторамъ и воеводамъ.

Дворянамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ наказы, поданные въ комиссію 1767 г., такой порядокъ вещей крайне не нравился и они ходатайствовали предъ Екатериною II объ организаціи суда на совершенно иныхъ началахъ. Анализируя содержаніе наказовъ въ этомъ отношеніи, мы видимъ, что они высказываются за два типа судоустройства. Какъ тотъ, такъ и другой построенъ на выборномъ началѣ. Къ первому типу относится одна судебная коллегія на весь уѣздъ, при чемъ члены ея, называемые земскими или словесными судьями, а также медіаторами, коммиссарами и опекунами, избираются уѣзднымъ дворянскимъ съѣздомъ на одинъ или два года. По прошествіи этого срока, судьи представляютъ съѣзду отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, и онъ имѣетъ право судить и „штрафовать“ ихъ. Въ составъ

юрисдикціи названнаго суда входятъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, „кромѣ смертнаго убійства, разбойнаго дѣла и другихъ криминальныхъ и государственныхъ дѣлъ“. Второй типъ суда отличается децентрализаціоннымъ характеромъ, такъ какъ уѣздъ дѣлится на станы или округа, во главѣ которыхъ находятся особые судьи, избирающіеся дворянскимъ съѣздомъ [1]).

Екатерина II вняла просьбамъ дворянъ и Учрежденіемъ о губерніяхъ организовала цѣлую серію сословныхъ судовъ на выборномъ началѣ. Для дворянъ были учреждены два суда—*уѣздный судъ* и *верхній земскій судъ;* первый состоялъ изъ уѣзднаго судьи и двухъ засѣдателей, избиравшихся дворянами на три года, второй (одинъ на всю губернію)—изъ двухъ предсѣдателей и 10 засѣдателей, также избиравшихся на три года. Онъ дѣлился на два департамента: гражданскій и уголовный и являлся апелляціонной инстанціей по отношенію къ уѣздному суду. Для городовыхъ обывателей судебными учрежденіями являлись—*городовой и губернскій магистраты;* послѣдній (одинъ на всю губернію) также дѣлился на два департамента и также былъ апелляціоннымъ судомъ по отношенію къ городовому магистрату. Для свободныхъ крестьянъ императрица учредила двѣ *расправы—верхнюю и нижнюю* изъ избираемыхъ крестьянами засѣдателей и назначаемыхъ Сенатомъ предсѣдателей. Верхняя расправа была апелляціоннымъ судомъ и также дѣлилась на два департамента. Третьей апелляціонной инстанціей по отношенію ко всѣмъ названнымъ судамъ были двѣ *палаты—гражданскаго и уголовнаго суда*, состоявшія изъ предсѣдателей, совѣтниковъ и асессоровъ, назначавшихся правительствомъ. Высшей инстанціей по отношенію къ нимъ являлся Сенатъ. Затѣмъ императрица учредила еще, такъ называемый, *совѣстный судъ*, „понеже личная безопасность каждаго вѣрноподданнаго весьма драгоцѣнна есть человѣколюбивому монаршему сердцу, и для того, чтобы подать руку помощи страждующимъ иногда болѣе по несчастливому какому ни на есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу его, выше мѣры имъ содѣяннаго“. Совѣстный судъ былъ

[1]) См. мое изслѣдованіе „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“.

одинъ на всю губернію и состоялъ изъ одного совѣстнаго судьи и шести выборныхъ отъ сословій, по два отъ каждаго. Совѣстный судья долженъ былъ быть „способнымъ, совѣстнымъ, разсудительнымъ, справедливымъ безпорочнымъ человѣкомъ, котораго всякое судное мѣсто особо представляетъ намѣстнику (т. е. генералъ-губернатору или губернатору), и сей изъ представленныхъ опредѣляетъ одного быть судьею". Въ составъ юрисдикціи этого суда должны были входить гражданскія дѣла въ примирительномъ порядкѣ и нѣкоторыя уголовныя дѣла, а именно: „такія преступленія, которыя совершены по несчастному какому-нибудь приключенію или по стеченію разныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу виновнаго, свыше мѣры имъ содѣяннаго", т. е. „нуждающіяся въ томъ, чтобъ ихъ разсматривали съ особенною снисходительностью". Наконецъ, послѣднимъ судебнымъ учрежденіемъ являлась *управа благочинія*, въ составъ которой входили два пристава: гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и ратманы, избиравшіеся гражданами. Управа вѣдала мелкія гражданскія и уголовныя дѣла, не превышавшія 20 рублей, а также судебно-слѣдственную часть по всѣмъ преступленіямъ.

Процессъ. Петръ относился крайне отрицательно къ старому московскому процессу, главнымъ образомъ, за свободное состояніе сторонъ и за допущеніе повѣренныхъ, въ чемъ онъ видѣлъ источникъ волокиты, ябедничества и другихъ преступленій. Вотъ что писалъ онъ въ указѣ 1697 г., „въ судахъ и очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство, и ищутъ многіе истцы исковъ своихъ, затѣвая напрасно, также и отвѣтчики въ прямыхъ искахъ отвѣчаютъ неправду же составными вымыслами своими и лукавствомъ, хотя тѣми составными затѣйными отвѣтами прямыхъ исковъ напрасно отбыть, забывъ страхъ Божій. А иные истцы и отвѣтчики, для такихъ же своихъ коварствъ и неправды, нанимаютъ за себя въ судъ и очныя ставки свою братью и боярскихъ людей (т. е. повѣренныхъ), ябедниковъ и составщиковъ же, воровъ и душепродавцевъ, и за тѣми ихъ воровскими и ябедническими и составными вымыслами въ вершеніи тѣхъ дѣлъ чинится правымъ людямъ волокита, убытки и раззореніе, ябедникамъ и ворамъ нажива". Чтобъ

уничтожить подобный порядокъ вещей, указъ предписалъ „суду и очнымъ ставкамъ не быть, а вѣдать всѣ дѣла розыскомъ“.

Но уничтоженіе состязательнаго процесса и замѣна его слѣдственнымъ представляла много неудобствъ, почему Петръ и рѣшилъ радикально преобразовать судебные порядки Россіи. Это ему удалось сдѣлать путемъ изданія двухъ законодательныхъ актовъ: „Воинскихъ процессовъ“ (3-я часть Воинскаго устава) и указа о формѣ суда 1723 г.

Воинскіе процессы внесли въ судоговореніе канцелярскую тайну, что видно, напр., изъ обязанности предсѣдателя просить и уговаривать членовъ суда хранить въ тайнѣ все то, что происходитъ въ засѣданіяхъ послѣдняго. Затѣмъ они усилили письменный элементъ (такъ, кромѣ прошенія истца и отвѣта отвѣтчика, было разрѣшено еще подавать по возраженію отъ каждой стороны) и ограничили роль повѣренныхъ на судѣ, допуская ихъ только въ гражданскихъ дѣлахъ и не иначе, какъ въ случаѣ болѣзни сторонъ или другихъ уважительныхъ причинъ.

Судоговореніе по Воинскимъ процессамъ начиналось или по частной жалобѣ (напр., въ личныхъ обидахъ), или по предписанію военнаго начальства. Подобно тому, какъ руководящимъ началомъ и конечною цѣлью уголовныхъ законодательствъ того времени было, главнымъ образомъ, устрашеніе, такъ и форма не только воинскаго, но и всякаго уголовнаго процесса была инквизиціонная или розыскная, основанная на, такъ называемыхъ, формальныхъ доказательствахъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ и почти необходимымъ для обвиненія было собственное сознаніе, для достиженія котораго и направлялась вся судебная процедура при помощи, главнымъ образомъ, пытки [1]). Подчиняясь духу времени и господствовавшимъ юридическимъ понятіямъ, эту самую инквизиціонную или розыскную форму процесса принялъ и Петръ, что явствуетъ, по вѣрному замѣчанію Розенгейма, изъ самаго опредѣленія процесса, помѣщеннаго въ военно-судебномъ уставѣ Петра. „Процессъ есть,—говоритъ ст. 1 II гл.,—дѣло судимое, чрезъ которое тяжебныя дѣла основательнымъ представленіемъ

[1]) Розенгеймъ, Исторія военно-судныхъ учрежденій въ Россіи.

и изъ обстоятельства дѣлъ обрѣтенныхъ доказовъ явныя сочиняются, и потомъ отъ судей, по изобрѣтенію оныхъ причинъ, рѣшеніе чинится". Такимъ образомъ, процессъ распадается на двѣ части: на слѣдствіе (фергеръ) и на самый судъ (кригсрехтъ), т. е. обсужденіе добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и постановленіе на основаніи ихъ приговора. При производствѣ слѣдствія, весьма важную роль играла пытка. Степень ея жестокости должна была находиться въ извѣстномъ соотношеніи какъ съ важностью дѣла, такъ и съ физическимъ состояніемъ подсудимаго. Если кто былъ пытанъ и не сознавался въ взводимомъ на него преступленіи, то тотъ уже, въ случаѣ неоткрытія какого-нибудь новаго обстоятельства, не могъ быть подвергнуть новой пыткѣ. Уставъ освобождаетъ отъ пытки (за исключеніемъ обвиненій въ убійствѣ и въ государственныхъ преступленіяхъ) дворянъ, лицъ, обладающихъ высшими чинами, стариковъ 70-ти лѣтъ, недорослей и беременныхъ женщинъ (ст. 3—10 VI гл.) Слѣдствіе заканчивается постановленіемъ сентенціи, куда вносятся всѣ добытыя данныя pro и contra обвиняемаго и затѣмъ уже начинается самое судоговореніе.

Въ началѣ его, послѣ разныхъ формальностей, сторонамъ предоставляется воспользоваться правомъ отвода судей. Уважительными причинами къ отводу уставъ признаетъ: свойство, вражду и обязательство благодарностью, существующія между судьей и одной изъ сторонъ. Кромѣ того, допускаются и другія причины, „такъ какъ, по выраженію устава, всѣхъ ихъ описать нельзя" (ст. 12 и 13 I гл.). Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя, челобитчикъ, въ присутствіи отвѣтчика, „кратко" и „явно" излагаетъ свою жалобу (ст. 3 III гл.), по выслушаніи которой, отвѣтчикъ долженъ точно также „кратко" и „явно" дать отвѣтъ. Обѣимъ сторонамъ дозволяется устныя показанія замѣнять письменными (ст. 2 IV гл.). Въ случаѣ болѣзни или другихъ уважительныхъ причинъ, разрѣшается нанимать повѣренныхъ (ст. 1 V гл.). Отвѣтъ или показаніе обвиняемаго подраздѣляется на три вида: 1) „когда отвѣтчикъ въ жалобѣ весьма повинится" (полное сознаніе), 2) „въ оной весьма запрется" (полное отрицаніе) и 3) „оную признаваетъ, токмо при томъ такія обстоятельства

представляетъ, по которымъ дѣло противъ челобитчикова доношенія не сходно“ (сознаніе, но съ приведеніемъ обстоятельствъ, несходныхъ съ обвиненіемъ). При полномъ сознаніи судъ прямо приступаетъ къ постановкѣ приговора; въ двухъ же другихъ случаяхъ обращается къ разсмотрѣнію доказательствъ (ст. 2 VI гл.).

Воинскій уставъ впервые внесъ въ наше право теорію формальныхъ доказательствъ, сложившуюся въ это время на Западѣ. Съ точки зрѣнія этой теоріи, судья, при выборѣ доказательствъ, долженъ быть поставленъ въ извѣстные предѣлы, крайне стѣсняющіе его дѣятельность. Рѣшеніе его являлось ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ простого ариѳметическаго сложенія, такъ какъ по формальной теоріи относительное значеніе доказательствъ, опредѣлялось цифрами. Такъ, полнымъ доказательствомъ считалось показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, показаніе одного достовѣрнаго свидѣтеля составляло $^1/_2$ доказательства, а иногда и $^1/_4$ и т. д. [1]). Воинскій уставъ, согласно формальной теоріи, дѣлитъ доказательства на полныя или совершенныя и на неполныя или несовершенныя. Одного совершеннаго доказательства считалось вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ справедливости доказываемаго факта. Напротивъ, несовершенныя доказательства ведутъ только къ подозрѣнію въ виновности. По Воинскому уставу сумма несовершенныхъ доказательствъ никогда не можетъ составить совершеннаго доказательства.

Доказательствами вообще уставъ считаетъ собственное сознаніе, показаніе свидѣтелей, письменные документы и присягу (ст. 5 I гл. II ч.). Собственное сознаніе является по уставу „лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта“ (ст. 1 II гл. II ч.), но для этого требуется, чтобъ оно было полнымъ, добровольнымъ и дано на судѣ (ст. 2 II гл.). Что касается до свидѣтелей, то ими могутъ быть лица обоихъ половъ, „добрыя“, безпорочныя и не лишенныя чести и достоинства (ст. 1 III гл.). „Негодными“ свидѣтелями уставъ признаетъ клятвопреступниковъ, изгнанныхъ изъ государства, проклятыхъ церковью („банизированныхъ“), не

[1]) Малышевъ, Курсъ гражданскаго судопроизводства, т. I, стр. 265.

бывшихъ у причастія и осужденныхъ за разныя преступленія. Точно также не допускаются къ свидѣтельству состоящіе съ которой-либо изъ сторонъ во враждебныхъ отношеніяхъ, родственники и свойственники, дѣти моложе 15 лѣтъ, нѣкоторые иностранцы, напр., тѣ изъ нихъ, о которыхъ не имѣется достаточныхъ свѣдѣній, и т. п. (ст. 2 III гл.). Стороны пользуются правомъ отвода свидѣтелей, но только до принесенія ими присяги, при чемъ отводящая сторона обязана представить поводъ къ отводу (ст. 3 III гл.). Та сторона выигрываетъ дѣло, которая представитъ лучшихъ свидѣтелей. Такими признаются лица мужского пола противъ женскаго, знатные противъ незнатныхъ, ученые противъ неученыхъ и духовныя лица противъ свѣтскихъ (ст. 12 и 13 III гл.). Показаніе одного свидѣтеля не считается еще полнымъ или совершеннымъ доказательствомъ. Свидѣтель за ложное показаніе подвергается отсѣченію двухъ пальцевъ, изгнанію изъ земли или ссылкѣ на каторгу и воспрещенію быть когда-либо свидѣтелемъ (ст. 17 III гл.). Третьимъ доказательствомъ являются письменные документы (по гражданскимъ дѣламъ), а именно: долговыя обязательства и всякаго рода имущественные акты, записанные въ городовыхъ и судейскихъ книгахъ. Сюда же относятся и купеческія книги, имѣющія, впрочемъ, характеръ не полнаго, а половиннаго доказательства. Для пріобрѣтенія же ими характера полнаго доказательства требуется подтвержденіе ихъ достовѣрности присягой купца (ст. 1—6 IV гл.). Послѣднимъ доказательствомъ уставъ считаетъ присягу (очистительную). Она можетъ быть употребляема со стороны отвѣтчика въ случаѣ неполноты обвиненія. Судъ можетъ обращаться къ присягѣ только по исчерпаніи всѣхъ остальныхъ средствъ къ открытію истины, такъ какъ, въ случаѣ принятія отвѣтчикомъ присяги, онъ считается оправданнымъ. Если же онъ отказывается отъ присяги, то, хотя и признается виновнымъ, но не наказывается такъ строго, какъ бы наказывался въ случаѣ доказательства его виновности при помощи другихъ, болѣе вѣрныхъ средствъ. Въ особенности необходимо было имѣть это въ виду при обвиненіи въ преступленіяхъ, влекущихъ за собой смертную казнь, „понеже,— говоритъ уставъ,—къ свидѣтельствованію явные и довольные тре-

буются доказы“ (т. е. доказательства), какимъ не можетъ считаться присяга; „того ради судьѣ надлежитъ пристойнымъ наказаніемъ его наказать опасаться, толь паче чрезвычайно наказать, понеже лучше есть десять винныхъ (т. е. виновныхъ) освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить“ (ст. 1—10 V гл.). Такимъ образомъ, эта извѣстная фраза, которую обыкновенно приписываютъ Екатеринѣ II, въ первый разъ была произнесена, собственно говоря, Петромъ.

По окончаніи разсмотрѣнія доказательствъ, судъ приступаетъ къ постановкѣ приговора, при чемъ каждый членъ суда, начиная съ младшаго, подаетъ свое мнѣніе. Въ случаѣ разногласія, дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ (ст. 1 I гл. III ч.). Затѣмъ секретарь облекаетъ приговоръ въ письменную форму, подписываемый судьями и скрѣпляемый аудиторомъ. Въ такомъ видѣ приговоръ читается сторонамъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ стороны могутъ апеллировать въ высшій судъ, въ уголовныхъ же дѣлахъ рѣшенія низшаго суда не подлежатъ апелляціи, но приговоръ представляется на утвержденіе военнаго начальства, пользующаго правомъ измѣнить наказанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подробно перечисляемыхъ уставомъ, приговоръ можетъ быть уничтоженъ и лишенъ юридической силы (обыкновенно при нарушеніи законовъ, регулирующихъ отправленіе дѣлопроизводства въ судѣ) (I и II гл. III ч.).

Что касается до указа о формѣ суда 1723 г., то онъ, начинаясь жалобой на то, что „въ судахъ много даютъ лишняго говорить и много неподобнаго пишутъ“, не только не усиливаетъ письменнаго элемента въ судопроизводствѣ, какъ Воинскіе процессы, но, напротивъ, вводитъ исключительно словесное судоговореніе, дозволяя секретарямъ записывать только рѣчи тяжущихся, исключая изъ нихъ все то, что, по ихъ мнѣнію, не идетъ къ дѣлу. Судоговореніе по указу происходило слѣдующимъ образомъ. Дѣло начиналось подачею прошенія, изложеннаго по пунктамъ. Затѣмъ вызывали въ судъ отвѣтчика, при чемъ онъ давалъ реверсъ, что обязуется явиться въ назначенное время въ судъ или представить, вмѣсто себя, своего повѣреннаго, права которыхъ по указу 1723 г. были снова расширены. По явкѣ обѣихъ

сторонъ, приступали къ чтенію прошенія. Когда первый пунктъ былъ прочтенъ, начинался отвѣтъ, но отвѣтчикъ долженъ былъ отвѣчать на каждый пунктъ особо, не касаясь другихъ. „Не очистивъ“ одного пункта, запрещалось переходить къ другому, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требовались какія-либо справки. По окончаніи допроса, съ обоихъ тяжущихся брали поруки въ томъ, чтобъ, до постановки судебнаго приговора, они никуда не уѣзжали, что было въ высшей степени затруднительно, такъ какъ указъ не опредѣлилъ срока, въ продолженіе котораго судьи были обязаны постановить рѣшеніе.

Первоначально указъ о формѣ суда долженъ былъ примѣняться, при разсмотрѣніи какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, въ виду того, что онъ окончательно уничтожилъ древнее раздѣленіе суда на судъ и сыскъ, предписалъ всѣ дѣла рѣшать, вопреки указу 1697 г., однимъ только судомъ. Однако, уже въ 1724 г. было разъяснено, что „форма суда должна относиться къ партикулярнымъ дѣламъ, а не къ доносительскимъ и фискальскимъ, понеже въ той формѣ упоминается болѣе о челобитчикахъ и отвѣтчикахъ“. Уголовныя же дѣла разбирались на основаніи Воинскихъ процессовъ.

Мы уже говорили, что указъ о формѣ суда не только не улучшилъ недостатковъ судопроизводства, но еще значительно увеличилъ ихъ число. Крайнимъ стѣсненіемъ дѣйствій сторонъ, расширеніемъ произвола судей, широкимъ допущеніемъ повѣренныхъ, отсутствіемъ установленія сроковъ для постановки приговоровъ и, наконецъ, несогласованіемъ и противорѣчіемъ своихъ постановленій съ постановленіями Воинскихъ процессовъ онъ произвелъ полнѣйшую дезорганизацію въ области судопроизводства, подъ покровомъ которой стали процвѣтать такіе порядки, которые не могли имѣть ничего общаго съ цѣлями правосудія. Это и побудило сословія въ своихъ наказахъ, поданныхъ въ 1767 г. въ законодательную комиссію, ходатайствовать предъ Екатериной II о реформѣ суда. Послѣдняя посвятила судопроизводству не мало мѣста въ Наказѣ, при чемъ и здѣсь высказала мысли и воззрѣнія, ничего общаго не имѣющія съ тѣми принципами, которыми было проникнуто наше предшествующее

законодательство. Прежде всего Наказъ задается опредѣленіемъ судебной власти. „Власть судейская,—читаемъ въ немъ,—состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ и то для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ“. Конечно, съ нашей точки зрѣнія, подобное опредѣленіе далеко не совершенно, такъ какъ, съ одной стороны, не исчерпываетъ всего существа судебной власти, съ другой же стороны, не проводитъ различія между ней и административно-исполнительной властью, функціи которой также заключаются въ исполненіи закона. „Въ самодержавномъ государствѣ, говоритъ далѣе Наказъ, отправленіе правосудія, отъ приговоровъ котораго не только жизнь и имѣніе, но и честь зависитъ, много трудныхъ требуетъ испытаній. Вотъ почему нельзя ставить въ образецъ, какъ это многіе дѣлаютъ, турецкое правосудіе, отличающееся своею скоростью. Напротивъ, во всякомъ государствѣ, въ которомъ уважаются честь, имѣніе, жизнь и свобода гражданъ, необходимо умноженіе судебныхъ обрядовъ, такъ какъ лишеніе всѣхъ этихъ благъ можетъ произойти не иначе, какъ послѣ долгаго и строгаго изысканія истины. Съ другой стороны, вышеназванные обряды должны быть такъ опредѣлены законами, чтобы никогда не могли служить къ пагубѣ невинности“. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ цитатъ видно, что Наказъ совершенно измѣняетъ точку зрѣнія на подсудимаго, господствовавшую въ Уложеніи и въ Воинскомъ уставѣ. Въ то время, какъ эти послѣдніе относились съ явной враждебностью къ подсудимому и, такъ сказать, были предубѣждены противъ него, видя въ немъ уже преступника еще до обвиненія, Наказъ, напротивъ, относится къ обвиняемому вполнѣ гуманно и заботится о томъ, чтобы не могъ пострадать невинный. „Судья, говоритъ императрица, долженъ входить въ тонкости и въ подробности тѣмъ больше, чѣмъ большій у него хранится залогъ и чѣмъ важнѣе вещь, о которой онъ чинитъ рѣшеніе“. Итакъ, не должно удивляться, что въ законахъ находится столько правилъ, ограниченій и распространеній статей закона, имѣющихъ въ виду гарантію интересовъ подсудимаго. Наказъ запрещаетъ судьямъ толковать законы о наказаніяхъ, говоря, что единственный ихъ толкователь, это—представитель верховной власти. Затѣмъ здѣсь

же мы находимъ цѣлую, такъ сказать, инструкцію судьямъ для постановки приговоровъ, а именно: „судья (разсуждаетъ императрица), судящій о какомъ бы то ни было преступленіи, долженъ одинъ только силлогизмъ или разсужденіе сдѣлать, въ которомъ первое предложеніе или посылка первая есть общій законъ; второе предложеніе или посылка вторая изъявляетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оное съ законами или противно имъ; заключеніе содержитъ оправданіе или наказаніе обвиняемаго. Ежели судья самъ собою или убѣжденный темностью законовъ дѣлаетъ больше одного силлогизма въ дѣлѣ криминальномъ, тогда уже все будетъ неизвѣстно и темно“. Далѣе императрица вооружается противъ дозволенія судьямъ брать какія бы то ни было подарки. „Достойный хулы законъ римскій,—читаемъ здѣсь,—который дозволялъ судьямъ брать малые подарки, лишь бы они во весь годъ не больше, какъ до ста ефимковъ простирались. Тѣ, которымъ ничего не даютъ, не желаютъ ничего, а которымъ даютъ мало, тѣ желаютъ тотчасъ не много поболѣе и потомъ много“.

Въ области судопроизводства Наказъ предлагаетъ введеніе слѣдующихъ реформъ: суда равныхъ. отвода судей и гласности. Вотъ что читаемъ въ Наказѣ о первой реформѣ: „надлежало бы нѣсколькимъ изъ судей быти чина по гражданству такого же, какого и отвѣтчикъ, т. е. ему равнымъ, чтобы онъ не могъ подумать, будто бы попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ. Сему уже примѣры есть въ законахъ военныхъ. Ради того сей законъ весьма полезенъ для общества, гдѣ онъ установленъ, который предписываетъ всякаго человѣка судити чрезъ равныхъ ему, ибо, когда дѣло идетъ о жребіи гражданина, то должно наложить молчаніе всѣмъ умствованіямъ, вперяемымъ въ насъ отъ различія чиновъ и богатства или счастія; имъ не надобно имѣть мѣста между судьями и обвиняемымъ. Но когда преступленіе касается до оскорбленія третьяго, тогда половину судей должно взять изъ равныхъ обвиняемому, а другую половину изъ равныхъ обиженному“.

Что касается до отвода судей, то онъ, какъ извѣстно, до-

пускался уже и Уложеніемъ, такъ что реформой въ собственномъ смыслѣ этого слова его назвать нельзя. Положеніе, высказанное въ Уложеніи, повторяется и Наказомъ, а именно: что „справедливо, дабы обвиняемый могъ отрѣшить нѣкоторое число изъ своихъ судей, на которыхъ онъ имѣетъ подозрѣніе. Гдѣ обвиняемый пользуется симъ правомъ, тамъ виноватый казаться будетъ, что онъ самъ себя осуждаетъ". Но за то высказавъ подобное положеніе, Наказъ дѣлаетъ къ нему поправку, совершенно неизвѣстную Уложенію и этимъ значительно расширяетъ право отвода судей. „Надлежитъ,—говоритъ онъ,—чтобы судимые въ великихъ винахъ, съ согласія законовъ, избирали себѣ судей или по крайней мѣрѣ могли бы отрѣшить изъ нихъ толикое число, чтобъ оставшіеся казались быти въ судѣ по выбору судимыхъ преступниковъ". Такимъ образомъ получается уже почти пѣлая реформа: судьи не только отводятся по подозрѣнію, но прямо избираются подсудимымъ, въ силу права со стороны послѣдняго самому выбирать себѣ судей.

Третья реформа устанавливаетъ гласность какъ для судебныхъ приговоровъ, такъ и равно для всего процесса. „Приговоры,—говоритъ Наказъ,—должны быть, сколь возможно, ясны и тверды, даже до того, чтобы они самыя точныя слова закона въ себѣ содержали". Затѣмъ они должны быть „вѣдомы" народу, равно какъ и доказательства преступленій, „чтобъ всякъ изъ гражданъ могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ— мысль, которая подаетъ гражданамъ ободреніе и которая больше всѣхъ угодна и выгодна самодержавному правителю".

Раздѣленіе судопроизводства на гражданское и уголовное совершенно неизвѣстно Наказу, что крайне странно, такъ какъ та же императрица Екатерина осуществила это раздѣленіе на практикѣ въ 1775 г. путемъ учрежденія двухъ равныхъ палатъ: гражданскаго и уголовнаго суда. Что же касается до отдѣленія слѣдствія отъ суда, то необходимость подобной реформы Наказъ вполнѣ сознаетъ мотивируя ее тѣмъ, что лица, собирающія доказательства виновности, не желая, чтобы ихъ работа пропала даромъ, всегда болѣе склонны къ обвиненію, чѣмъ къ оправданію подсудимаго.

Доказательства: Наказъ, вѣрный господствовавшей въ то время доктринѣ, дѣлить на двѣ категоріи: на совершенныя и несовершенныя. Сила одного совершеннаго доказательства такого рода, что разъ наличность послѣдняго устанавливается, подсудимый долженъ быть обвиненъ. Напротивъ, сила несовершенныхъ доказательствъ значительно слабѣе, въ силу чего совокупность ихъ можетъ иногда повлечь за собою даже оправданіе подсудимаго. „Въ изысканіи доказательствъ преступленія,—говоритъ Наказъ,—надлежитъ имѣть проворство и способность; чтобы вывесть изъ сихъ изысканій окончательное положеніе, надобно имѣть точность и ясность мыслей; но чтобы судить по окончательному сему положенію, не требуется больше ничего, какъ простое здравое разсужденіе, которое вѣрнѣйшимъ будетъ предводителемъ, нежели все званіе судьи, пріобыкшаго находить вездѣ виноватыхъ". Къ числу доказательствъ Наказъ относитъ показанія свидѣтелей, присягу и собственное признаніе подсудимаго. Свидѣтелемъ можетъ быть, по словамъ Наказа, „всякій здраваго разсудка человѣкъ, т. е. такой, мысли котораго имѣютъ нѣкоторую связь однѣ съ другими и котораго чувствованія сходствуютъ съ чувствованіями ему подобныхъ". Наказъ допускаетъ также и свидѣтельство человѣка, гражданскі умершаго, т. е, осужденнаго судомъ. Степень довѣрія къ показанію свидѣтеля должна находиться въ зависимости отъ отношенія его къ подсудимому. Чинъ свидѣтеля не можетъ играть роли аргумента въ пользу необходимости большого довѣрія къ его показаніямъ. Въ случаѣ, если имѣется только одинъ свидѣтель виновности подсудимаго, послѣдній же не признаетъ себя виновнымъ и отрицаетъ свидѣтельское показаніе, то судъ долженъ вѣрить подсудимому, а не свидѣтелю, такъ какъ „законы, осуждающіе человѣка, по выслушаніи одного свидѣтеля, суть пагубны вольности". Для обвиненія подсудимаго необходимы по крайней мѣрѣ показанія двухъ свидѣтелей.

Что касается до присяги, то Наказъ, хотя и признаетъ ее, но совѣтуетъ употреблять очень рѣдко и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы присягающаго не замѣшаны въ дѣлѣ. Собственное признаніе подсудимаго также считается однимъ изъ

доказательствъ. Наказъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что подсудимый обязанъ отвѣчать на вопросы суда; если же онъ, по словамъ императрицы, будетъ упрямиться и не давать показаній, то заслуживаетъ строгаго наказанія. Въ одномъ только случаѣ признаніе подсудимаго считается излишнимъ, это—когда другія неоспоримыя доказательства вполнѣ показываютъ, что онъ виновенъ.

Пыткѣ императрица посвящаетъ нѣсколько статей, заимствованныхъ изъ сочиненія Беккаріи, и приводитъ слѣдующіе аргументы противъ нея: 1) человѣка нельзя наказывать прежде его осужденія, между тѣмъ пыткѣ подвергаютъ лицъ, виновность которыхъ еще не доказана. Кромѣ того, пытаемый, вслѣдствіе боли, не властенъ въ томъ, что говоритъ и, изъ желанія избавиться отъ мученій, можетъ признаться въ совершеніи преступленій, которыхъ въ дѣйствительности никогда не совершалъ; 2) пытка, употребляемая для разъясненія противорѣчій въ показаніяхъ обвиняемаго, также не имѣетъ смысла, потому что „противорѣчія, столь обыкновенныя у человѣка, пребывающаго въ спокойномъ духѣ, естественно должны умножиться у человѣка, находящагося въ состояніи пытаемаго“; 3) производить пытку для открытія того, не совершилъ ли обвиняемый еще другихъ преступленій, также не достигаетъ никакой цѣли по вышеизложеннымъ причинамъ. „Сей поступокъ,—говоритъ Наказъ,—будетъ основанъ на слѣдующемъ разсужденіи: ты виноватъ въ одномъ преступленіи, такъ можетъ ты еще сто другихъ беззаконій сдѣлалъ; слѣдуя законамъ, станутъ тебя пытать и мучить не только за то, что ты виноватъ, но и за то, что ты можетъ быть еще гораздо больше виновенъ“; 4) обыкновенно пытаютъ обвиняемаго также и для того, чтобы онъ выдалъ своихъ сообщниковъ, но разъ признано, что пытка не можетъ служить къ познанію истины, то и въ этомъ случаѣ она не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ пытаемый, подъ вліяніемъ боли, можетъ наговорить на лицъ, ни въ чемъ не виновныхъ. Наконецъ, у суда есть достаточно другихъ средствъ для открытія сообщниковъ и помимо пытки.

Довольно любопытныя мысли Наказа касательно ареста. Наказъ опредѣляетъ его, какъ наказаніе, „которое ото всѣхъ другихъ наказаній тѣмъ разнится, что, по необходимости, предше-

ствуетъ судебному объявленію преступленія". Императрица вооружается противъ произвольности ареста. „Наказаніе это,—говоритъ она,—можетъ быть наложено только въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ совершилъ преступленіе". Поэтому законъ долженъ точно опредѣлить тѣ признаки преступленія, по которымъ можно арестовать обвиняемаго. Такими признаками Наказъ считаетъ: голосъ народа, обвиняющій кого-либо въ совершеніи преступленія, признаніе въ совершеніи преступленія внѣ суда, свидѣтельство сообщника, угрозы, совершенныя кѣмъ-либо, бѣгство извѣстнаго лица, самый фактъ преступленія и т. п. Всѣ эти признаки должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, приговоры которыхъ всегда нарушаютъ свободу, разъ они не являются примѣненіемъ закона къ конкретному случаю. Затѣмъ Наказъ проводитъ различіе между арестомъ и тюремнымъ заключеніемъ. Арестъ является мѣрой предупрежденія, продолжающейся до тѣхъ поръ, пока не выяснится, виновенъ ли обвиняемый или нѣтъ; поэтому онъ долженъ продолжаться, какъ можно меньше времени. Человѣкъ, бывшій подъ стражею и потомъ оправдавшійся, не долженъ, въ силу этого, подлежать безчестью. Арестъ можетъ быть замѣненъ отдачею на поруки, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, которые должны быть точно обозначены въ законѣ. Напротивъ, тюремное заключеніе является наказаніемъ и вытекаетъ, какъ слѣдствіе судебнаго приговора. Вотъ почему нельзя содержать въ одномъ и томъ же мѣстѣ какъ арестованнаго, такъ и обвиненнаго по суду.

Однако, на практикѣ императрица Екатерина далеко не преобразовала судопроизводство такъ, какъ объ этомъ писала въ Наказѣ. Въ сущности все осталось по старому, и единственно, что сдѣлала императрица въ области процесса, это: 1) отдѣлила слѣдственную часть отъ судебной, поручивъ ее полиціи, 2) организовала судъ равныхъ, путемъ учрежденія сословныхъ судовъ и 3) ограничила примѣненіе пытки. Такъ, въ 1764 г. она издала указъ, которымъ предписала губернскимъ мѣстамъ прибѣгать къ пыткѣ не иначе, какъ съ докладу губернаторамъ. Послѣднимъ же было впослѣдствіи секретно предписано слѣдовать въ такихъ случаяхъ X главѣ Наказа, въ которой, какъ извѣстно, пытка

была осуждена. Однако, въ виду неисполненія этого указа, императрицѣ пришлось подтвердить его еще въ 1774 г. и въ 1781 г. Окончательно пытка была отмѣнена Александромъ I въ 1801 г. Вотъ что читаемъ въ указѣ этого года: „Правительствующій Сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія (т. е. пытки) и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно по всей Имперіи наистрожайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ передъ судомъ сознаніе, чтобъ въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ и чтобъ, наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народа“.

Петровское судопроизводство въ общемъ просуществовало до 1864 г., когда были изданы Судебные уставы императора Александра II, кореннымъ образомъ преобразовавшіе нашъ старый процессъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Введеніе 3

Удѣльно-вѣчевой періодъ.

Внѣшняя исторія.

Обычное право 5
Договоры 7
А. Международные . . . . . —
Б. Междукняжескіе 10
В. Князей съ городами . . . . . —
Княжескіе уставы 11
Византійское право 12
Ханскіе ярлыки 13
Русская Правда 14
Вѣчевыя постановленія 17

Внутренняя исторія.

Государственное право.

I. Территорія 22
II. Населеніе 23
III. Верховная власть:
1) Князь 26
2) Княжеская дума 33
3) Вѣче 38
IV. Управленіе:
А. Правительственное дѣленіе 41
Б. Органы управленія 42
В. Отрасли управленія 44

Уголовное право.

I. Ученіе о преступленіи 47
II. Ученіе о наказаніи 51

Гражданское право.

I. Право семейственное:
Союзъ супружескій 54
Союзъ родителей и дѣтей 58
Опека 60

стран.

II. Право наслѣдственное:
Наслѣдованіе по завѣщанію . . . 60
Наслѣдованіе по закону . . . 61
III. Право вещное . . . 62
IV. Право обязательственное . . . 64

Судопроизводство.

Судоустройство . . . 65
Процессъ . . . 66

Московскій періодъ.

Внѣшняя исторія.

Обычай . . . 70
Законодательная дѣятельность . . . 72
Грамоты . . . 80
Судебники и дополнительные къ нимъ указы . . . 85
Стоглавъ . . . 94
Уложеніе 1649 г. и новоуказныя статьи . . . 101

Внутренняя исторія.

Государственное право.

I. Территорія . . . 115
II. Населеніе:
Служилые люди . . . 118
Посадскіе . . . 127
Крестьяне . . . 128
Холопы . . . 133
III. Верховная власть:
1) Государь . . . 135
2) Боярская дума . . . 150
3) Земскіе соборы . . . 156
4) Церковные соборы . . . 164
IV. Управленіе:
А. Административное дѣленіе . . . 165
Б. Центральное управленіе:
Приказы . . . 166
В. Мѣстное управленіе:
Правительственное управленіе . . . 168
Земское самоуправленіе:
Самоуправленіе по уставнымъ грамотамъ . . . 170
Губное управленіе . . . 171
Вѣрное управленіе . . . 173
Г. Отрасли управленія:
Финансы . . . 173
Войско . . . 176

Уголовное право.

	стран.
I. Ученіе о преступленіи	178
II. Ученіе о наказаніи	189

Гражданское право.

I. Право семейственное:	
Союзъ супружескій	198
Союзъ родителей и дѣтей	202
Опека	204
II. Право наслѣдственное:	
Наслѣдованіе по завѣщанію	204
Наслѣдованіе по закону	205
III. Право вещное:	
Субъекты имущественныхъ правъ	206
Вотчины	210
Помѣстья	211
Сервитуты	212
Право залога	212
IV. Право обязательственное	213

Судопроизводство.

Судоустройство	217
Процессъ:	
Состязательный	218
Слѣдственный	226

Императорскій періодъ.

Внѣшняя исторія.

Законодательная дѣятельность	231
Уставы	241
Регламенты	250
Сепаратные указы	254
Кодификація:	
Отъ Петра I до Екатерины II	260
Отъ Екатерины II до Николая I	282
Кодификація при Николаѣ I—Сводъ Законовъ	319

Внутренняя исторія.

Государственное право.

I. Территорія	331
II. Населеніе:	
Дворяне	336

	стран.
Купцы и мѣщане	348
Крестьяне	353
III. Верховная власть:	
Государь	362
IV. Управленіе:	
А. Административное дѣленіе	379
Б. Центральное управленіе:	
Сенатъ	380
Совѣты при особѣ государя	404
Св. Синодъ	410
Коллегіи	417
Министерства	420
Комитетъ министровъ	423
В. Мѣстное управленіе:	
Правительственное управленіе	426
Дворянское самоуправленіе	431
Городское самоуправленіе	434
Сельское управленіе	437
Г. Отрасли управленія:	
Полиція	438
Финансы	440
Войско	440

Уголовное право.

I. Ученіе о преступленіи	441
II. Ученіе о наказаніи	457

Гражданское право.

I. Право семейственное.	
Союзъ супружескій	472
Союзъ родителей и дѣтей	477
Опека	479
II. Право наслѣдственное:	
Наслѣдованіе по завѣщанію	479
Наслѣдованіе по закону	480
III. Право вещное	481

Судопроизводство.

Судоустройство	485
Процессъ	487

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КОПИРОВАНИЕ

02.04.03